LIBRARY OF CONGRESS THE

СВѢТЛОВЪ.

Fedorov, Innokentii Vasil'evich

Омулевскій.

СВѢТЛОВЪ,

ЕГО ВЗГЛЯДЫ, ХАРАКТЕРЪ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

shag za shagom.

(Шагъ за шагомъ).

РОМАНЪ

Часть первая.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1870.

Типографія А. Моритеровскаго, Троицкій переулокъ, № 13.

PG3460
.F44S5
1890

27-March-58 687

Посвящается Александру Константиновичу Шеллеру.

ГЛАВА I.

Послѣ многихъ лѣтъ разлуки.

Веселое да чистое такое всходило сегодня майское солнышко, точно оно умылось передъ этимъ. Золотисто-розовые лучи его, казалось, собрали на этотъ разъ всю свою раннюю теплоту, чтобъ хорошенько пригрѣть землю, успѣвшую отвыкнуть за-зиму отъ этой роскоши. Въ влажномъ воздухѣ, насквозь пропитанномъ испареніями первой, нѣжной растительности, вполнѣ чувствовалась весна. Она наступала необыкновенно рано въ нынѣшній годъ. Ушаковскъ, — одинъ изъ лучшихъ губернскихъ городовъ восточной Сибири,—весь былъ погруженъ еще въ крѣпкій утренній сонъ. Только по главной улицѣ его, широкой и прямой, рѣзко раздавались, среди невозмутимой тишины, бодрые звуки пастушескаго рожка, вызывавшаго въ поле городское стадо. По мѣрѣ того, какъ эти обычные звуки забирали все больше и больше силу, здѣсь и тамъ со скрипомъ отворялись приворотныя калитки, и запоздавшая прислуга, босикомъ и съ просонокъ, лѣниво выгоняла на улицу хозяйскихъ коровъ. Вытянувъ шеи и радостно мыча, онѣ спѣшили присоединиться къ ушедшимъ впередъ товарищамъ.

Лизавета Михайловна Прозорова провела незамѣтно всю ночь на-пролетъ за чтеніемъ какой-то очень заинтересовавшей ее книжки, и вѣроятно, продолжала бы читать и еще, еслибъ солнечный лучъ,

ласковый какъ котенокъ, не успѣлъ измѣннически приникнуть въ ея спальню, сквозь опущенную стору. При видѣ его, она утомленно потянулась, взглянула мелькомъ на часы, лежавшіе возлѣ на ночномъ столикѣ, заложила ленточкой недочитанную страницу и прошла черезъ залу на балконъ. Лизавета Михайловна такъ и не раздѣвалась съ вечера.

„Какъ хорошо!“ подумала она вслухъ, вся обхваченная утренней свѣжестью — и посмотрѣла, прищурившись, на солнце. Балконъ былъ во второмъ этажѣ и выходилъ прямо на главную улицу, въ концѣ которой стлалась теперь золотистая пыль, поднятая уходившимъ стадомъ. Вдали, надъ рѣкой, поднимался легонькій, чуть замѣтный паръ, а еще дальше — мягко выступали на горизонтѣ волнообразныя очертанія горъ въ синевато-розовой дымкѣ. Со всѣхъ концовъ города то и дѣло перекликались пѣтухи, привѣтствуя доброе утро. Полюбовавшись вдоволь видомъ съ балкона, Лизавета Михайловна сѣла тутъ же на стулъ, прилегла головой на холодныя перила и долго оставалась въ такомъ положеніи, устремивъ безцѣльно глаза на одну какую-то точку вдали.

О чемъ она думала въ эти минуты? Да многое проходило теперь въ ея душѣ. Съ какой-то болѣзненной раздражительностью старалась она уяснить себѣ, напримѣръ, отчего это содержаніе только-что читанной ею и, очевидно, хорошей книги являлось какъ-бы уликой всего того, что она пережила и передумала, и въ тоже время стояло въ разрѣзъ съ этимъ пережитымъ и передуманнымъ? Да еще, Богъ вѣсть, въ правѣ ли она — молодая, богатая, пользующаяся хорошимъ положеніемъ въ обществѣ — допытываться отъ жизни чего-то до такой степени темнаго, что она и сама не понимаетъ еще хорошенько, чего именно, да вѣрно и не пойметъ никогда? И будто жизнь должна непремѣнно сложиться у нея иначе, чѣмъ сложилась у другихъ, какъ, напримѣръ, у ея матери, посвящавшей все свое время на заботы о хозяйствѣ, о дѣтяхъ? Нѣтъ, это все пустые капризы, — и ей, серьезной Лизаветѣ Михайловнѣ, матери семейства, просто не слѣдовало бы читать подобныхъ кни-

жекъ: онѣ только безполезно раздражаютъ ея мысли, не давая имъ никакого исхода, да отрываютъ ее отъ прямыхъ обязанностей... Но неужели же, въ самомъ дѣлѣ, такъ-таки и должна прожить она, не извѣдавъ, не разрѣшивъ многаго, что хотѣлось бы ей извѣдать и разрѣшить? Вотъ, напримѣръ, не знала она никогда горячей, обхватывающей всю душу привязанности, кромѣ той, какою съ избыткомъ пользуются ея дорогія, славныя дѣтки. Но, можетъ быть, оно и къ лучшему? Можетъ быть, эта иная, горячая любовь вытѣснила бы ихъ изъ ея сердца? Какъ! вытѣснить этихъ милыхъ крошекъ изъ ея сердца? Да кому же она позволитъ это? Нѣтъ, нѣтъ, Боже сохрани! — Ни за какую любовь въ мірѣ не принесетъ она никогда такой невозможной жертвы! И все-таки ей недостаетъ чего-то. Со стыдомъ и болью въ сердцѣ должна она нерѣдко признаваться самой себѣ, что этого „чего-то“ не достаетъ ей и тогда (даже и тогда!), когда вся она отдается горячимъ дѣтскимъ ласкамъ... И почему это всякій разъ, какъ прочтетъ она какую нибудь хорошую книжку, приходятъ къ ней эти мучительныя мысли? Что если подобная книжка только ей, Лизаветѣ Михайловнѣ, кажется хорошей, а въ сущности она, быть можетъ, и дурная, вредная книжка? Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, отецъ ея,— этотъ честный, прямой и такой добрый старикъ,—берегъ подобныя книги, какъ зѣницу ока, въ своемъ незатѣйливомъ шкафикѣ? Если онъ такъ дорожилъ этими книгами, что даже ей, избалованной его ласками, не всегда позволялъ играть ими, то развѣ могли онѣ быть дурными? Лизавета Михайловна очень хорошо помнитъ, какъ онъ однажды строго пригрозилъ ей за то, что она вздумала потрепать которую-то изъ нихъ безъ спроса. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ, правда, сталъ опять по прежнему ласковъ, но и тутъ кротко замѣтилъ ей, что не хорошо такъ безцеремонно обращаться съ его „лучшими друзьми“. Да, онъ употребилъ тогда именно это выраженіе. Какъ жаль только, что ей не вспомнится ни одного изъ тѣхъ оживленныхъ разговоровъ, какіе велъ онъ, бывало, по поводу этихъ самыхъ книжекъ, когда изрѣдка навѣщалъ его какой-

нибудь старый товарищъ. „Вѣдь вотъ, кажется, и не глупа я“ — тоскливо подумала Лизавета Михайловна, отстраняя рядъ иныхъ, набѣгавшихъ въ ея голову мыслей — „а одной мнѣ ни-за-что не справиться съ этими вопросами...“

— Ты о чемъ это, мамочка, тутъ мечтаешь? раздалось вдругъ надъ самымъ ухомъ Лизаветы Михайловны, такъ-что она даже вздрогнула отъ неожиданности. Младшая дочь ея, Сашенька, безъ памяти любившая мать, на цыпочкахъ прокралась на балконъ, и теперь, звонко смѣясь, цѣлуя и обнимая ее, стояла передъ ней босая и закутанная въ голубое шелковое одѣяльце.

— Ахъ, какъ ты испугала меня, Шура! сказала Лизавета Михайловна, отвѣчая ласками на ласки. — Да ты и босикомъ! спохватилась она черезъ минуту. — Ахъ какая же ты, ей-Богу! Поди, обуйся скорѣе, а то я сейчасъ уйду отсюда. Помнишь, какъ ты охала въ прошлый разъ, когда простудилась? Ну, поди же, поди,— ты вѣдь у меня умница! говорила ласково мать, любуясь свѣжимъ личикомъ ребенка.

Дѣвочка убѣжала, рѣзво засмѣявшись, и черезъ минуту вернулась снова, уже обутой, но все въ той же голубой тогѣ и съ тѣмъ же наивнымъ вопросомъ.

— Да о глупостяхъ, Шура, мечтаю, — отвѣтила ей уклончиво Лизавета Михайловна.

— Развѣ о глупостяхъ, мамочка, мечтаютъ? приставала бойкая дѣвочка. — Ахъ, какъ тутъ славно! Вонъ кто-то на тройкѣ ѣдетъ! радостно закричала она погодя, перевѣсившись черезъ перила балкона.

— Ты упадешь, Саша! притянула ее къ себѣ Лизавета Михайловна, и посмотрѣла въ даль улицы.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ-за угла ближайшаго переулка выѣзжала шагомъ почтовая повозка, запряженная тройкой. Ямщику, повидимому, нарочно было приказано не торопиться, такъ какъ въ сильныхъ и здоровыхъ лошадяхъ не замѣчалось ни малѣйшаго признака усталости. Въ повозкѣ сидѣлъ молодой человѣкъ съ окла-

дистой русой бородой. Одѣтъ онъ былъ хотя и въ дорожнее, запыленное платье, но оно, вмѣстѣ съ манерами проѣзжаго, сразу обличало, для привычнаго глаза, непровинціяльное происхожденіе. Черезъ плечо у него перекинута была дорожная замшевая сумка, а лакированный ремень отъ фуражки изящно окаймлялъ умное, серьезное лицо съ большими темно-голубыми глазами. Проѣзжій съ какимъ-то особеннымъ, напряженнымъ вниманіемъ осматривалъ каждый попадавшійся ему на пути предметъ, точно хотѣлъ изучить до мельчайшихъ подробностей проѣзжаемую имъ теперь мѣстность. Замѣтно было по оживленному лицу молодого человѣка, что имъ овладѣли самыя разнообразныя мысли и чувства. Ихъ у него, дѣйствительно, нашлось много въ эту минуту, никакъ не меньше, чѣмъ незадолго передъ тѣмъ у Лизаветы Михайловны, хотя они и были нѣсколько иного свойства.

Ровно десять лѣтъ миновало съ тѣхъ поръ,—думалось ему,—какъ покинулъ онъ, еще юношей, этотъ родной городъ, гдѣ окончилось его дѣтство, не то свѣтлое, не то темное. Съ тѣхъ поръ ничто, повидимому, не измѣнилось здѣсь. Вотъ онъ узнаетъ каждую улицу, каждый домъ, даже чуть ли не каждый столбикъ на деревянномъ, плохо содержимомъ тротуарѣ. Такъ живо сохранились у него въ памяти всѣ эти мелочи. Правда, вонъ тамъ не достаетъ какъ будто длинной скамейки у воротъ, а этотъ покосившійся домикъ въ три окна измѣнилъ дикій цвѣтъ своей окраски на желтый; вывѣска библіотеки Шустова и К° нѣсколько отцвѣла и покривилась; здѣсь подновилось старое питейное заведеніе, а вотъ тутъ, очевидно, открыто новое; этотъ большой каменный домъ въ три этажа, только-что начинавшій строиться при немъ, смотритъ теперь совершенно жилымъ домомъ,—но и только. Все остальное, за весьма немногими исключеніями, сохранилось на своемъ мѣстѣ, въ прежнемъ видѣ, совершенно такъ, какъ оставлено имъ десять лѣтъ тому назадъ. Зато какъ страшно измѣнился онъ самъ въ эти десять лѣтъ! Чувствуется ему, что между тѣмъ міросозерцаніемъ, съ какимъ онъ покидалъ нѣкогда этотъ городъ, и тѣмъ, съ ка-

кимъ онъ въѣзжалъ въ него теперь, легла цѣлая пропасть... То и дѣло попадающіеся на глаза родные предметы кажутся ему не то чужими, не то незнакомыми. Тайна ихъ былой прелести для него какъ будто разрѣшилась или не выдерживаетъ критики развившейся мысли. Онъ можетъ смѣло и спокойно заглянуть теперь въ самую глубь того, что прежде не давалось даже и поверхностно его незрѣлому наблюденію. Кажется ему, что еслибъ онъ могъ приподнять въ настоящую минуту крыши всѣхъ этихъ домовъ и проникнуть въ самые задушевные помыслы ихъ обитателей,—немного бы новаго онъ узналъ и увидѣлъ. Тѣмъ не менѣе, какъ-то отрадно дѣйствуетъ на него эта провѣрка прошлаго съ настоящимъ; тѣмъ не менѣе, и теперь милы ему безпрестанно попадающіеся на глаза отчасти позабытые, но знакомые предметы. Интересно знать, какъ-то онъ уживется еще съ этимъ обществомъ, отъ котораго совершенно успѣлъ отвыкнуть, и мелкіе интересы котораго должны непремѣнно, рано или поздно, встать въ разрѣзъ съ его личными, далеко не будничными интересами? Впрочемъ, ему попадались здѣсь люди, нѣкогда пугавшіе его непонятнымъ ему тогда образомъ своихъ мыслей,—люди, у которыхъ онъ съ удовольствіемъ поучится теперь кое-чему. Да, жить будетъ можно, можно будетъ съ такими людьми дѣлать и свое дѣло... Какъ-то найдутъ его родные? Какъ-то встрѣтятъ его отецъ, мать, особенно мать? На первыхъ порахъ ласково, конечно, а потомъ порядочно достанется ему за все... Интересно, насколько выросла сестра, братъ; насколько развились они за эти десять лѣтъ? Съ ними-то онъ уживется съ перваго дня, съ перваго дня приметъ ихъ сторону, какъ и они примутъ его, иначе и быть не можетъ. Старуха-то мать какъ обрадуется ему! Выбѣжитъ на встрѣчу, а отецъ станетъ только покашливать, солидно улыбаться да показывать видъ, что будто и не случилось ничего необыкновеннаго, а самъ тоже будетъ радъ-радехонекъ увидѣться съ сыномъ...

Вотъ какія, дѣйствительно разнообразныя, мысли волновали проѣзжаго. Подъѣзжая къ дому, гдѣ Лизавета Михайловна съ Са-

шенькой все еще оставались на балконѣ, онъ вспомнилъ данное самому себѣ на послѣдней станціи обѣщаніе—поклониться первому, кого встрѣтитъ при въѣздѣ въ городъ. На заставѣ его прозѣвали, съ пастухами онъ самъ разъѣхался, а между тѣмъ, до дома было уже недалеко. Молодой человѣкъ улыбнулся этому ребячеству своей мысли—и осмотрѣлся. Лизавета Михайловна съ дочерью невольно бросились ему въ глаза въ туже минуту, но онъ пришелъ сперва въ нѣкоторое затрудненіе. Не покажется ли этой дамѣ, которую онъ всего въ первый разъ въ жизни видитъ, оскорбительнымъ его ребяческій поклонъ? Не святымъ же духомъ узнаетъ она, въ самомъ дѣлѣ, что этотъ наивный привѣтъ предназначается, въ ея лицѣ, цѣлому спящему городу? А между тѣмъ, именно ей бы и слѣдовало передать такой привѣтъ, если ужъ его непремѣнно слѣдуетъ передать кому нибудь: у нея такое умное, привѣтливое лицо. „Была не была — поклонюсь!“ мысленно рѣшилъ проѣзжій черезъ минуту, и отстегнулъ ремень у фуражки. „Привѣтствую въ лицѣ вашемъ, сударыня, мой родной городъ, послѣ десяти лѣтъ разлуки съ нимъ!“ выговорилъ онъ про себя и почтительно поклонился Лизаветѣ Михайловнѣ, когда тройка поровнялась съ балкономъ.

Изумленная до крайности такой неожиданной выходкой, Прозорова отвѣтила на нее не сразу, но все-таки поклонилась, и, надо отдать ей справедливость, сдѣлала это очень мило и просто.

— Кто бы это могъ быть такой? невольно заинтересовалась она вслухъ.

— А вотъ видишь, мамочка, ты все сидѣла да мечтала тутъ, будто ждала кого-то... вотъ онъ и пріѣхалъ! наивно сказала неугомонная Сашенька, услыхавъ вопросъ матери.

— Кто пріѣхалъ? переспросила Лизавета Михайловна, вся вспыхнувъ почему-то.—Какой ты, Саша, вздоръ говоришь! прибавила она недовольно.

— Да вонъ тотъ вѣжливый человѣчекъ... отвѣтила не безъ лукавства Сашенька, указывая пальчикомъ на удалявшуюся трой-

ку.—Не сердись, мамочка... Ну, не сердись же, мамочка! стала ласкаться она къ матери, замѣтивъ у нея серьезное лицо.

Лизавета Михайловна промолчала.

— Ты сердишься, мамочка? Мама! тормошила ее дѣвочка, принявъ и сама то серьезное выраженіе, какое умныя дѣти такъ ловко перенимаютъ у большихъ.

— Вѣдь ты знаешь, что мамочка не любитъ, когда говорятъ глупости, зачѣмъ же ты дѣлаешь это? мягко замѣтила ей мать.

Дѣвочка бросилась къ ней на шею и стала горячо цѣловать ее.

— Вѣдь мнѣ, мамочка, тебя жалко: ты отчего-то невеселая такая всегда, все сидишь дома? Не хитри, не хитри, мама!.. заговорила порывисто Сашенька, когда Лизавета Михайловна принудила себя улыбнуться.—А это что? А это что? спрашивала она, пытливо заглядывая въ лицо матери и дотрогиваясь пальчикомъ до ея глазъ, гдѣ дѣйствительно блестѣли теперь двѣ крупныя слезинки.

— Пустяки, Шура... успокоила Прозорова дочь: — это отъ солнца. Золотая ты у меня дѣвочка! горячо обняла она ее потомъ.— Пойдемъ, холодно здѣсь,—и Лизавета Михайловна взяла за плечи Сашеньку, которая, уходя, какъ-то недовѣрчиво поглядывала все на глаза матери...

Совершенно довольный своей ребяческой выходкой, проѣзжій подъѣхалъ между тѣмъ къ сѣренькому домику въ пять оконъ на улицу, надъ воротами котораго прибита была обычная, совсѣмъ полинявшая жестяная бланка, гласившая, что домъ этотъ принадлежитъ надворной совѣтницѣ Свѣтловой. Молодой человѣкъ быстро выскочилъ изъ повозки и сталъ нетерпѣливо звонить у воротъ. Но ему пришлось постоять здѣсь добрую четверть часа, прежде чѣмъ отворилась калитка. Высунувшійся наконецъ оттуда бурятъ-

работникъ, лѣниво почесывая спину, также лѣниво освѣдомился:

— Хово надо?

— Наши всѣ здоровы? мелькомъ спросилъ у него молодой человѣкъ и, не дожидаясь отвѣта, торопливо пошелъ къ маленькому флигелю во дворѣ.

— Хахже, псѣ здорова,—отвѣтилъ бурятъ, изумленно вытаращивъ глаза на пріѣзжаго. Но безцеремонное обращеніе послѣдняго заставило наконецъ работника догадаться, что это пріѣхалъ ихъ „болодой баричъ изъ Бетербуха“, какъ объяснилъ онъ черезъ минуту, на кухнѣ, засуетившейся „стряпкѣ“.

На усиленный стукъ пріѣзжаго, маленькая дверь флигеля быстро пріотворилась, на секунду мелькнула въ ней чья-то русая, непричесанная головка, затѣмъ послышалось въ комнатѣ: „Мама!.. Саша! Саша пріѣхалъ!“ — и на встрѣчу входившему уже въ переднюю молодому человѣку бросилась съ радостными поцѣлуями хорошенькая молодая дѣвушка, вся покраснѣвшая отъ удовольствія.

— Здравствуй, Оля! Фу, какъ ты выросла! говорилъ взволнованно пріѣзжій, цѣлуя ее въ свою очередь.

Не успѣли еще братъ и сестра поздороваться хорошенько, какъ изъ сосѣдней комнаты опрометью выбѣжала босая, низенькая и худенькая, совсѣмъ сѣдая старушка, въ одной ночной рубашкѣ, и съ радостными слезами кинулась на шею пріѣхавшему сыну.

— Голубчикъ ты мой! И узнать-то тебя нельзя!.. растерянно-радостно говорила она сквозь подступавшія къ ея горлу отрадныя слезы, и нѣсколько разъ принималась обнимать сына.

— А гдѣ же отецъ? спросилъ молодой Свѣтловъ, когда мать освободила его на секунду.

— И мы, братъ, здѣсь на лицо,—послышался позади его бодрый стариковскій голосъ.—Здорово, парень!

Старикъ Свѣтловъ хотя и спокойно обнялъ сына, но сквозь суровыя черты его лица просвѣчивала глубокая, какъ бы затаенная радость, а въ глазахъ замѣчалось то особенное выраженіе, какое всегда принимаютъ они передъ набѣгающими слезами.

— Какимъ, братъ, ты, однако, иностранцемъ смотришь! говорилъ онъ, весело и самодовольно оглядывая сына;—не узналъ бы я тебя, кабы на улицѣ встрѣтился... Бородища-то какая!

— А у самого-то у тебя что? Какъ эмигрантъ какой весь оброслъ бородой... радостно шутилъ молодой Свѣтловъ. — А вотъ ты, мама, такъ похудѣла сильно. Да я на тебя еще и не посмотрѣлъ хорошенько, — спохватился онъ вдругъ, и взялъ старушку за плечи. — Постарѣла-то какъ! сколько волосъ-то сѣдыхъ... батюшки!

— Молчи, Санька, теперь поправлюсь. Вишь, радостей-то у насъ немного было, да и по тебѣ-то сильно ужь я скучала. Какъ онъ тамъ, думаю, мой батюшка, живетъ, на чужой-то сторонѣ, бѣдствуетъ, поди, все?

— Да вѣдь я же тебѣ писалъ нѣсколько разъ, что живу отлично...

— Да, какже! такъ я тебѣ и повѣрила. Ты вѣдь гордецъ, я знаю: хоть и тошно придется, да не напишешь.

— Эхъ, мать! было о чемъ безпокоиться, — сказалъ старикъ Свѣтловъ, совершенно развеселившись, — ты посмотри-ка на него хорошенько: этакіе ли пропадаютъ?

— Ну, ужь ты, отецъ, шутникъ! Этакіе-то, батюшка мой еще скорѣе пропадаютъ...

— Правда, правда твоя, мама... отшучивался сынъ.—Что же это я! а гдѣ же Владиміръ-то? спохватился онъ снова и побѣжалъ прямо въ спальню.

— Да видишь, онъ еще не разгулялся хорошенько, — сказалъ. Ну да и неодѣтый... Стыдится петербургскому-то гостю показаться въ неприличномъ видѣ. Мы ужь теперь гимназисты вѣдь! шутила старушка, слѣдуя за убѣжавшимъ сыномъ.—Владимірко! подошла она къ кровати, стоя возлѣ которой пріѣзжій Свѣтловъ тормошилъ уже и цѣловалъ стыдливо кутавшагося отъ него въ одѣяло полнощекаго мальчика; — вѣдь это братъ пріѣхалъ, Саша... Вставай, батюшко!

Мальчикъ мало-по-малу разгулялся, но все еще конфузливо и недоумѣваючи поглядывалъ на брата, полуразинувъ ротъ. Онъ, точно, никакъ не могъ справиться съ мыслью, что этотъ высокій, такой красивый и такъ славно одѣтый мужчина съ бородой—тотъ самый братъ его, Саша, котораго онъ припоминалъ себѣ всегда довольно смутно, но о которомъ такъ много наслышался и отъ родныхъ, и отъ постороннихъ. Ему было и жутко какъ-то, и удовольствіе большое онъ чувствовалъ.

— Ну, узналъ ты меня? тормошилъ его братъ.

— Постойте!.. стыдливо барахтался Владимірко:—всю мнѣ шею бородой искололи...

— Погоди, погоди! смѣялся отецъ, онъ тебя еще не такъ... Онъ вѣдь бѣдовая голова, парень.

— На радостяхъ-то я и позабыла совсѣмъ,—спохватилась мать, съ усиліемъ отрываясь глазами отъ возившихся братьевъ: — чѣмъ же мы угощать-то будемъ дорогого гостя? Ты чего, Саня, хочешь? Чай станешь пить, или закусить чего хочешь?

— Чего тутъ спрашивать еще! Вели-ка, братъ, лучше, мать, всего понемножку изладить. Онъ вѣдь съ дороги-то, небось, порядочно проголодался,—замѣтилъ радушно отецъ.

Оленька тотчасъ же опрометью бросилась на кухню распорядиться.

— Ты, Оля, очень-то не хлопочи обо мнѣ, закричалъ ей вслѣдъ молодой Свѣтловъ:—я вѣдь на этотъ счетъ неприхотливъ.

— Ты, парень, водки не хочешь ли выпить съ устатку? спросилъ его старикъ.

— Да, пожалуй, рюмку съ удовольствіемъ выпью.

— Давно бы ты сказалъ. Ты, братецъ, не церемонься и извини: мы вѣдь покуда еще не обнюхаемъ тебя со всѣхъ сторонъ, все будемъ ходить какъ ошалѣлые. Это ужь, братъ, такое положеніе у насъ,—и старикъ горячо обнявъ сына, повелъ его въ свой старомодный кабинетъ, куда вслѣдъ за ними поспѣшила и мать. Старики сѣли рядомъ на диванъ, а сынъ помѣстился напротивъ,

въ креслѣ. Черезъ минуту къ нимъ присоединилась и Оленька, взобравшаяся на отцовскій письменный столъ.

— Ну, какъ же вы тутъ поживали-то безъ меня? заговорилъ первымъ молодой Свѣтловъ.

— Да какъ, батюшка, жили? Жили, какъ всегда. Отца-то вонъ со службы вытурили... пожаловалась мать.

— То-то ты и бороду-то отпустилъ,—замѣтилъ Свѣтловъ отцу.— Какъ же это случилось, что ты въ отставку вышелъ? Непріятности были какія, что ли?

— Какія, братецъ, тутъ непріятности! Просто призвали да и сказали: извольте-ка, молъ, подавать въ отставку. Ты, дескать, ужь старъ, пора отдохнуть, надо и честь знать; солдату, молъ, такъ и тому двадцать пять лѣтъ службы полагается, а ты вѣдь ужь тридцать пять лѣтъ служишь! Не мѣшаетъ, дескать, и молодымъ дорогу дать. Что, братъ, станешь дѣлать! Плетью обуха не перешибешь... говорилъ грустно старикъ.

— Но... гнать человѣка насильно изъ службы только потому, что онъ тридцать пять лѣтъ прослужилъ честно! возмутился сынъ.

— Хе, парень... мало ли у кого что какъ называется, а по ихнему это—*чивилизачія*. Такъ вотъ ты и толкуй съ ними.

— А тебѣ бы наплевать на нихъ, да и поискать частной службы? Вѣдь тебя здѣсь всѣ знаютъ.

— И искалъ, братецъ, ходилъ, кланялся,—смѣются. Полноте, говорятъ, Василій Андреичъ, шутить вамъ: мы сами-то еще собираемся попросить у васъ мѣстечка, какъ заводъ гдѣ-нибудь откроете. Чиновникъ, думаютъ, — воровать станетъ... ну, и отшучиваются.

— Да вѣдь тебя же считали всегда честнымъ человѣкомъ? замѣтилъ сынъ удивленно.

— Такъ что-жъ такое, что считали? И теперь, можетъ быть, считаютъ, а мѣста все-таки не даютъ...

Старикъ тяжело вздохнулъ, закурилъ свою коротенькую, лѣтъ двадцать неизмѣнно служившую ему, насквозь пропитанную таба-

комъ трубку и какъ-то сосредоточенно-грустно сталъ потягивать изъ нея дымъ.

Молодому Свѣтлову стало жаль отца.

— Эхъ, папа, папа! погоди: авось и на нашей улицѣ праздникъ будетъ... сказалъ онъ, стараясь развеселиться.

— Нѣтъ ужь, братъ, парень, на нашей-то его не будетъ, хоть бы на твою-то достало, такъ и то ладно,—еще тяжелѣе вздохнулъ старикъ.

— Ну, будетъ тебѣ, отецъ, ворчать. Кто въ этакій день печалится! замѣтила старушка мужу, и стала съ любовью вглядываться въ сына.

— Да я и не печалюсь, мать, а надо же мнѣ чѣмъ нибудь похвастаться петербургскому-то гусю... лукаво подмигнулъ ей старикъ на сына и снова повеселѣлъ.

— Я вотъ теперь смотрю на тебя, Саня, да и думаю: Санька мой какъ санька, а только чего-то шибко перемѣнилось у тебя; и разговоръ-то совсѣмъ какой-то другой будто сталъ, и есть вотъ чего-то такое... ну, не могу я тебѣ никакъ разсказать этого... То ли ты похудѣлъ, то ли ты поздоровѣлъ—не разберешь... говорила старушка, все пристальнѣе и пристальнѣе вглядываяль въ сына.

— Совсѣмъ иностранецъ, мать,—со смѣхомъ поддержалъ ее старикъ.—Да ужь ты, парень, не оборотень ли какой? обратился онъ съ тѣмъ же смѣхомъ къ сыну.

— Еще чего выдумалъ, отецъ, прости Господи! встревожилась старушка, и перекрестилась.

— Не провалился отъ креста? — ну, значитъ, не оборотень,— продолжалъ добродушно подсмѣиваться надъ ней мужъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Александръ, ты сильно перемѣнился,—замѣтила Оленька брату.

— Охотно вѣрю,—отвѣтилъ онъ улыбаясь.—Ты вотъ тоже перемѣнилась: ужъ невѣстой смотришь.

Оленька хотѣла еще что-то сказать, но въ эту минуту въ кабинетъ вошла ея горничная, Маша, съ подносомъ въ рукахъ. На подносѣ стояли двѣ тарелки—одна съ дымившимся бифштексомъ, а на другой лежали нарѣзанный тонкими ломтиками черный хлѣбъ, вилка и ножикъ. Маша посмотрѣла на пріѣзжаго искоса, но съ большимъ любопытствомъ. Она, видимо, успѣла уже принарядиться для гостя. Старикъ Свѣтловъ засуетился, полѣзъ въ маленькій шкафикъ, стоявшій тутъ же въ кабинетѣ, въ углу, и досталъ оттуда графинъ съ водкой и рюмку. Потомъ онъ сообразилъ что-то, опять полѣзъ въ шкафикъ и, наконецъ, съ нѣкоторымъ торжествомъ вынулъ оттуда бутылку мадеры, съ незапамятныхъ временъ хранившуюся въ этомъ шкафикѣ.

— Ужь такой, братъ, мадерцой угощу тебя, что пальчики оближешь! похвастался онъ сыну.—Это мнѣ еще покойный преосвященный Иринеи подарилъ. Такъ-вотъ тутъ съ тѣхъ поръ и стояла все, какъ будто зналъ—не трогалъ. Вотъ теперь и пригодилась...

— Постой, папа,—засуетился, въ свою очередь, сынъ:—я вѣдь тебѣ ящикъ отличныхъ гаванскихъ сигаръ привезъ въ подарокъ, и забылъ совсѣмъ.

— Ба, Санька! Вѣдь и вещи-то твои еще не внесены, да и ямщикъ-то, поди, дожидается напрасно. Я и забыла совсѣмъ, батюшка,—встрепенулась мать.

— Я ужъ распорядилась,—сказала Оленька.—У тебя два чемодана и ящикъ, Саша?

— Да. А что?

— Они тамъ, на кухнѣ. И ямщика велѣла накормить.

— Словомъ, мнѣ остается только разцѣловать тебя,—засмѣялся молодой Свѣтловъ, притянулъ къ себѣ со стола за руку сестру и дѣйствительно разцѣловалъ ее.

— Да ты, Санька, лучше сперва выпей да съѣшь, пока не простыло, а потомъ ужь и дури,—хлопотала мать около стола.

— И то правда, мама,—засмѣялся молодой Свѣтловъ. Онъ выпилъ и принялся съ аппетитомъ уписывать бифштексъ, шутливо

приговаривая: —Желалъ бы я видѣть сего смертнаго, умѣющаго такъ хорошо жарить мясо во всякое время дня и ночи?

— А ужь извини, батюшка: это и не смертный совсѣмъ готовилъ, да и не смертная, а смертельная пьяница — стряпка наша Акулина,—отшучивалась мать, довольная, что сынъ ѣстъ съ такимъ очевиднымъ удовольствіемъ.

Старикъ Свѣтловъ налилъ между тѣмъ рюмку водки и понесъ ее ямщику на кухню.

— Иванъ! Чемоданы-то надо къ баричу въ кабинетъ снести,— слышался оттуда его голосъ:—валяй-ка, братъ!

Владимірко, одѣтый уже въ свой утренній халатикъ и прятавшійся до этого времени въ сосѣдней комнатѣ, услыхавъ распоряженіе отца о чемоданахъ, рѣшился наконецъ побѣдить свою застѣнчивость, и къ изумленію всѣхъ очутился вдругъ въ кабинетѣ отца, на столѣ возлѣ сестры. Онъ сразу смѣкнулъ, что ужъ если внесутъ чемоданы, то, стало быть, ихъ и развяжутъ, и рыться въ нихъ будутъ; а смотрѣть, какъ раскупориваютъ чемоданы, да еще и съ незнакомыми, столичными вещами — это такая прелесть, что не присутствовать при этомъ ему, Владиміркѣ, рѣшительно нѣтъ никакой физической возможности, хоть бы пришлось сквозь землю провалиться отъ стыда.

— Гдѣ это вы изволили укрываться, Владиміръ Васильевичъ? весело привѣтствовала его появленіе Оленька.

— Ужь ты молчи, Чичка! стыдливо жался онъ къ сестрѣ.

— Что, братъ, не утерпѣлъ? со смѣхомъ обратился къ нему вошедшій отецъ.—Братъ-то вѣдь не кусается у тебя.

— Я и самъ знаю, что не кусается, — расхрабрился вдругъ Владимірко, очевидно задѣтый за живое.

— А вотъ и врешь: кусаюсь,- расхохотался молодой свѣтловъ, и началъ теребить брата зубами за плечо.

— Ладно! Я, братъ, и самъ умѣю кусаться... замѣтилъ ему совершенно ободрившійся на этотъ разъ Владимірко, и такъ лов-

ко стиснулъ зубами локоть брату, что тотъ даже поморщился отъ боли.

— Ничего, геройски отстаиваетъ себя,—разсмѣялся, черезъ минуту старшій Свѣтловъ, потрепавъ брата по плечу.

Между тѣмъ, вещи его были перенесены въ особо-отведенное ему помѣщеніе или кабинетъ, какъ называлъ его старикъ Свѣтловъ. Это была уютная, чистенькая комнатка въ два окна, съ веселыми свѣтло-зелеными обоями. Съ перваго же взгляда замѣтно было, что здѣсь по всему прошлась заботливая, любящая рука. На окнахъ стояли лучшіе въ домѣ цвѣты и висѣли простыя, но чистыя, какъ только-что выпавшій снѣгъ, бѣлыя полотняныя сторы домашней работы. Передъ окнами, въ простѣнкѣ, пріютился письменный столъ, а на немъ, вмѣсто пепельницы, поставлена была жемчужная раковина, сразу напомнившая молодому Свѣтлову его далекую родину—Камчатку. На право отъ стола помѣщался незатѣйливый, но только-что передъ тѣмъ перекрытый новой матеріей диванъ, а надъ диваномъ висѣло большое правильное зеркало, какія обыкновенно висятъ въ гостиной въ домахъ средней руки. На полу лежалъ мягкій коверъ, тоже сразу узнанный пріѣзжимъ. Прежде этотъ коверъ только въ два годичные праздника, Рождество и Пасху, появлялся на свѣтъ божій. Остальное время онъ тщательно берегся въ сундукѣ, обложенный, въ видахъ предохраненія отъ моли, камфорой и листьями черкаскаго табаку. Впрочемъ, его можно было видѣть и еще одинъ разъ въ году, а именно лѣтомъ, въ самый жаркій солнечный день, когда вмѣстѣ съ мѣховыми вещами онъ вывѣшивался во дворѣ, для просушки, и выколочивался отъ пыли. Платяной шкафъ краснаго дерева, выкрашенная подъ орѣхъ, этажерка для книгъ, нѣсколько плетеныхъ стульевъ да покойное кресло передъ письменнымъ столомъ—заканчивали собой, правда, незатѣйливую, но за то совершенно удобную обстановку этой комнаты.

— Вотъ тебѣ кабинетъ, братецъ. Устраивайся тутъ, какъ самъ знаешь,—сказалъ старикъ Свѣтловъ, вводя въ нее нѣсколько торжественно сына.—Не знаю, какъ тебѣ поглянется, тутъ мать все

больше устраивала на свой вкусъ, а я вѣдь въ этихъ дѣлахъ не ходокъ. Кромѣ пепельницы, я тебѣ ничего не поставилъ на столъ, потому что у тебя, вѣрно, свои вещи тутъ поставятся; а если понадобится чернилица или что другое для письменности, такъ и это у меня найдется,—дамъ.

— Спасибо, папа, и за это. На столъ-то у меня и у самого хватитъ разной дребедени. Да тутъ мнѣ просто прелесть какъ будетъ жить! Рѣшительно все по моимъ привычкамъ,—говорилъ сынъ, весело оглядывая свое новое помѣщеніе. — Сейчасъ видно, что мама здѣсь порядочно повозилась,—обратился онъ къ вошедшей въ эту минуту матери, и нѣжно поцѣловалъ ее нѣсколько разъ въ лобъ.

— Ужь не взыщи, батюшка, какъ умѣла, такъ и сдѣлала. Лишь бы на первый-то разъ пріютился ты какъ-нибудь получше, думала, а тамъ, понемножку, все устроишь себѣ самъ, какъ знаешь,—замѣтила мать, какъ нельзя больше довольная и ласками, и невзыскательностью сына, отъ котораго она, быть можетъ, въ душѣ, съ безпокойствомъ ожидала услышать какое-нибудь высокомѣрное петербургское замѣчаніе на счетъ своихъ неусыпныхъ хлопотъ. Втеченіи двухъ послѣднихъ недѣль старушка почти не выходила изъ этой комнаты, прибирая ее и сотню разъ перестанавливая въ ней мебель.

— Такъ все великолѣпно, мама, какъ и не ожидалъ! успокоилъ еще разъ молодой Свѣтловъ мать, принимаясь развязывать веревки у ящика, къ великому соблазну Владимірки.

Смиренникъ этотъ уже давно нетерпѣливо торчалъ въ комнатѣ брата, сидя на полу возлѣ чемодановъ. Теперь онъ сталъ даже помогать ему распутывать узлы веревокъ, выказывая при этомъ ловкость и силу, свойственныя восьмилѣтнему мальчику только въ провинціи, когда онъ ростетъ на свободѣ. Награда за усердіе послѣдовала Владиміркѣ немедленно, какъ только вскрыли ящикъ. Она предстала ему въ видѣ щегольской пары платья, сшитаго на его ростъ, и такихъ же щегольскихъ полусапожекъ. Но, по правдѣ

сказать, его гораздо больше интересовалъ ящичекъ конфектъ, полученный „Чичкою“, какъ называлъ онъ сестру, въ придачу къ великолѣпному драповому бурнусу. Старику Свѣтлову вручена была обѣщанная сотня сигаръ, оказавшихся, дѣйствительно, превосходными. Сигары составляли единственную роскошь, на которую онъ смотрѣлъ снисходительно, частенько позволяя себѣ лакомиться ими въ прежніе годы, когда средства у него были пошире. Получивъ подарокъ изъ рукъ сына, старикъ степенно поцѣловалъ его въ щеку, но не утерпѣлъ: тутъ же раскупорилъ ящикъ, досталъ сигару и закурилъ.

— Лѣтъ пятнадцать, братецъ, не курилъ я такихъ сигаръ! сказалъ онъ сыну, съ наслажденіемъ примахивая къ себѣ рукой и вдыхая носомъ первоначальный, синеватый дымокъ. Старикъ былъ знатокъ въ этихъ вещахъ.

— Всѣмъ, кажется, угодилъ, не знаю только, угожу ли тебѣ, мама,—говорилъ молодой Свѣтловъ, съ усиліемъ вытягивая изъ ящика какой-то массивный свертокъ.

Въ сверткѣ, когда онъ былъ развязанъ, кромѣ отличной шелковой матеріи на платье темнаго цвѣта, оказалось множество разныхъ вещицъ такого рода, что въ провинцію ихъ или не привозятъ, или стоятъ онѣ тамъ, сравнительно, очень дорого. Особенно понравился старушкѣ простенькій, но чрезвычайно изящный тюлевый чепчикъ. Она была въ восторгѣ отъ подарковъ, а еще больше отъ предупредительности сына. Кромѣ того, всѣ эти вещи, очевидно, пришлись ей по вкусу. Нѣкоторыя изъ нихъ даже какъ бы предупреждали ея желаніе: она все собиралась написать о нихъ сыну въ Петербургъ, да такъ и не собралась.

— Ай да Санька! говорила старушка, любуясь поперемѣнно то той, то другой вещью, и послѣ каждаго осмотра принимаясь цѣловать сына.—Весь у него вкусъ въ меня, точно я сама выбирала! Только, однако, батюшка, ты много денегъ измоталъ на это. Съ меня бы, старухи, и платья одного довольно. Одно оно, поди-ка, чего стоитъ!

Молодой Свѣтловъ весело смѣялся, радуясь и самъ удовольствію, доставленному имъ матери, и успокоивалъ ее, говоря, что здѣсь, въ провинціи, это, можетъ быть, и дорого стоитъ, но что у нихъ, въ Петербургѣ, то же самое можно купить за полцѣны.

—Да, какже, такъ я тебѣ, парень, и повѣрила! твердила нѣсколько разъ старушка, принимаясь снова осматривать каждую вещицу.

Долго еще любовалась семья привезенными подарками, много еще говорилось по ихъ поводу; не утерпѣли, разумѣется, по обыкновенію, чтобы не похвастаться ими передъ горничной, явившейся съ извѣстіемъ, что самоваръ поданъ. Маша съ любопытствомъ дотрогивалась до каждой вещицы и поминутно ахала, приговаривая, къ полному удовольствію старушки: „Ахъ, какъ... ахъ, бароня, какъ это чудесно!“ Но дѣвушка пришла въ неописанный восторгъ, когда молодой Свѣтловъ, торопливо порывшись въ ящикѣ, вынулъ оттуоа премиленькій шелковый платокъ и подарилъ ей. Растерявшись отъ неожиданности, она опрометью бросилась къ молодому человѣку, съ очевиднымъ намѣреніемъ поцѣловать у него руку, но сконфуженный Свѣтловъ мягко отстранилъ это внезапное движеніе, ласково проговоривъ:

— Носите-ка, носите на здоровье.

Пошли пить чай. За весело кипѣвшимъ самоваромъ, разговорамъ. само собою разумѣется, не было конца; да и было о чемъ поговоримъ, не видѣвшись десять лѣтъ. Впрочемъ, какъ всегда бываетъ съ дороги, бесѣда вертѣлась больше на мелочахъ; серьезные вопросы береглись до болѣе спокойныхъ минутъ. Послѣ чаю опять пошли всѣ въ комнату пріѣзжаго, опять говорили. Самъ онъ, между тѣмъ, при помощи несказанно усердствовавшаго Владимірки, развязывалъ чемоданы, разбиралъ вещи, показывая, объясняя и отъ времени до времени подшучивая надъ излишней расторопностью брата, грозившей опасностью нѣкоторымъ кабинетнымъ бездѣлкамъ. Въ этихъ незамѣтныхъ хлопотахъ, письменный столъ принялъ очень скоро жилой, веселый и даже, пожалуй, сто-

личный видъ, нѣскокько отличный отъ остальной, провинціальной обстановки комнаты. Когда наговорились до-сыта, когда не осталось въ ней ни одной вещицы, которую не осмотрѣли бы нѣсколько разъ, съ различными поясненіями на счетъ ея удобствъ—словомъ, когда наконецъ каждый изъ членовъ семьи почувствовалъ необходимость остаться, на время, наединѣ съ самимъ собою, чтобы провѣрить свои впечатлѣнія,—старики Свѣтловы уговорили сына лечь—отдохнуть немного съ дороги, хоть тотъ и выражалъ желаніе совсѣмъ не спать въ этотъ день.

— Это походило бы на то, какъ мы прежде проводили, бывало, вмѣстѣ первый день Пасхи, — замѣтилъ онъ въ подкрѣпленіе своей мысли.

Тѣмъ не менѣе, старушка собственноручно постлала сыну постель на диванѣ, и его, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, уложили наконецъ и оставили въ покоѣ. Долго, однакожъ, не могъ онъ заснуть, перебирая въ памяти неуловимыя впечатлѣнія отраднаго утра; много разъ тревожно ворочался съ боку на бокъ, прислушиваясь къ тихо говорившимъ, за двѣ комнаты отъ него, роднымъ голосамъ; раза два вставалъ, чтобъ закурить новую папироску. Но дорога и нравственная усталость взяли наконецъ свое, и онъ крѣпко уснулъ.

Старушка Свѣтлова, хлопотавшая на кухнѣ, чтобъ угостить столичнаго гостя обѣдомъ на славу, не одинъ разъ оставляла свои занятія, на цыпочкахъ подкрадывалась къ комнатѣ сына, и остановившись въ дверяхъ, съ сложенными на груди руками, по долгу и пристально, съ какимъ-то особеннымъ, добродушнымъ любопытствомъ всматривалась въ спокойныя черты дорогого ей лица.

— Батюшка ты мой! съ любовью шептала она, уходя, вся обхваченная невыразимымъ, только материнскому сердцу понятнымъ чувствомъ, снова останавливалась на порогѣ, и дорогой еще разъ оглянувшись на сына, неохотно возвращалась въ кухню...

ГЛАВА II.

Семейство Свѣтловыхъ.

Свѣтловъ-отецъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, рѣдкихъ у насъ, личностей, которыя всѣмъ бываютъ обязаны самимъ себѣ, и притомъ, при всевозможныхъ обстоятельствахъ, остаются людьми честными. Попавъ на службу въ самое неблагопріятное для такихъ людей время, когда взяточничество въ Россіи чуть ли не было возведено въ принципъ, являясь краеугольнымъ камнемъ всякой чиновной карьеры, Василій Андреевичъ какъ-то счастливо съумѣлъ обойти необходимость выть съ волками по волчьи. Во все продолженіе своей служебной дѣятельности, онъ ни разу не позволилъ себѣ покривить душой ради какой бы то ни было подачки. Взятку Свѣтловъ называлъ очень мѣтко „кривой милостыней.“ И дѣлалъ онъ это не по добродушію, не по природному, такъ сказать, отвращенію къ неправдѣ, а по строгому принципу, хотя о принципѣ у насъ имѣли въ то время очень смутное понятіе даже люди, считавшіе себя почему-то образованными. Когда, по тогдашнему обычаю, купцы присылали Василью Андреичу, какъ замѣтному чиновнику въ городѣ, такъ-называемое „праздничное“: ящики чаю, головы сахару и тому подобное, — онъ не отказывался отъ этихъ добровольныхъ приношеній, смотрѣлъ на нихъ просто какъ на заявленіе почтенія къ нему, благодарилъ и принималъ. Но каждый изъ присылавшихъ очень хорошо зналъ, что не подкупитъ этимъ Свѣтлова на всякій случай. Самъ Василій Андреичъ на подобные подарки никогда не напрашивался, даже и намекомъ, не

говоря ужъ о вымогательствѣ. Поэтому, вездѣ, гдѣ онъ ни служилъ, его любили и уважали, хотя въ тихомолку и подсмѣивались надъ нимъ, какъ надъ чудакомъ, который, сидя возлѣ золотаго руна, съ утра до вечера мозолитъ себѣ руки, чтобъ заработать нѣсколько мѣдныхъ грошей. Ирина Васильевна—жена Свѣтлова—слышавшая иногда колкія замѣчанія на этотъ счетъ въ отношеніи мужа, нерѣдко и сама, подъ вліяніемъ ихъ, относилась недоброжелательно къ безкорыстію Василья Андреича. „Чего ты возьмешь своей честностью-то, отецъ?“ говаривала она ему, обыкновенно, въ такомъ случаѣ: „не возьмешь ты, такъ за тебя, батюшка, другіе возьмутъ, да еще и спасиба тебѣ не скажутъ! Вонъ я ужъ второй годъ свое платьишко таскаю, а подчиненныя-то мои каждый праздникъ себѣ по обновкѣ шьютъ“. Но Свѣтловъ, по обыкновенію, или молчалъ при такомъ направленіи разговора, усиленно потягивая дымъ изъ своей завѣтной трубочки, или, выведенный изъ терпѣнія женой, сердито уходилъ отъ нея въ другую комнату, плюнувъ и проговоривъ: „Ну и поди, служи сама, коли я не умѣю! “Впрочемъ, какъ ни часто повторялись такія сцены, миръ водворялся между супругами очень скоро, и Ирина Васильевна не прочь была на другой же день, при удобномъ случаѣ, высказаться, что „пускай ужъ, молъ, другіе этимъ живутъ, а мы съ отцомъ и на жалованьи какъ нибудь пробьемся: жизнь-то наша и вся не долга“.

Василій Андреичъ былъ сынъ какого-то заштатнаго писца въ захолустьѣ, и потому службу свою началъ скромно, съ должности копіиста,—въ то время еще водились такія должности. Само собою разумѣется, что открывая такъ незавидно свою карьеру, онъ не получилъ передъ тѣмъ даже и подобія какого нибудь образованія. Грамотѣ выучился Свѣтловъ самоучкой, по отцовскому псалтырю, не умѣя до тринадцатилѣтняго возраста написать ни одной буквы иначе, какъ по печатному, хотя на пятнадцатомъ году поступилъ уже на службу. Но юноша онъ былъ не глупый, а главное—наблюдательный и смѣтливый. Получая семъ съ полтиной на ассигнаціи жалованья въ треть (да не усомнится читатель въ нашей

правдивости, ибо чего же у насъ не бывало когда-то на Руси), Василій Андреичъ съумѣлъ не только не быть въ тягость бѣдствовавшей семьѣ, но еще и ухитрился какимъ-то чудомъ помогать ей изъ этого микроскопическаго заработка. Правда, въ то блаженное время и въ томъ захолустьѣ, цѣны на жизненные припасы стояли баснословно дешевыя, но все же и тогда два съ полтиной ассигнаціями въ мѣсяцъ врядъ ли могли обезпечить кого бы то ни было.

Однакожъ Василій Андреичъ не жаловался на эту скудость, переносилъ ее терпѣливо, а самъ, между тѣмъ, внимательно присматривался къ дѣлу, къ сослуживцамъ и начальникамъ, чувствуя себя на службѣ, какъ на школьной скамьѣ, всему учась и, по возможности, все перенимая. Эта переимчивость, при твердомъ и нѣсколько застѣнчивомъ характерѣ,—черты котораго преемственно передались отчасти Владимірку, отчасти его брату, — подвинула Свѣтлова, года черезъ три-четыре, сперва къ должности помощника столоначальника въ областномъ правленіи, а потомъ, не имѣя еще чина, онъ былъ назначенъ квартальнымъ надзирателемъ. Тутъ ему представилось множество случаевъ выказать свою расторопность и смѣтливость, и вскорѣ областной начальникъ замѣтилъ его. Это было какъ разъ въ то памятное время, когда первое, открытое политическое броженіе умовъ въ центрѣ Россіи, хотя и глухо, но отдавалось и въ провинціи; отдалось оно наконецъ и въ томъ захолустьѣ, гдѣ подвизался Свѣтловъ въ качествѣ квартальнаго. Именно въ это самое время замѣченный областнымъ начальникомъ, онъ былъ командированъ сопровождать до окончательнаго пункта ссылки, за сорокъ верстъ отъ мѣста его службы, трехъ политическихъ преступниковъ,—декабристовъ. Одинъ изъ нихъ былъ графъ, съ громкой фамиліей; другой — блестящій придворный, носившій не менѣе громкое имя,—яркая звѣзда тогдашняго литературнаго міра; а третій, болѣе скромный, принадлежалъ къ числу самыхъ горячихъ поборниковъ своей партіи. На обязанности Василья Андреича лежало, между прочимъ, озаботиться ихъ первоначальнымъ устрой-

ствомъ на новомъ мѣстѣ, пока они осмотрятся и обживутся. Весьма естественно, что положеніе Свѣтлова было, на первый разъ, самое неловкое. Дѣйствительно, что значилъ онъ, захолустный квартальный надзиратель, въ сравненіи съ этими образованными, свѣтскими молодыми людьми—блестящими представителями тогдашней интеллигенціи? Василій Андреичъ инстинктивно чувствовалъ, что имѣетъ въ ихъ глазахъ не больше вѣса, чѣмъ тотъ конвойный казакъ—якутъ, что сидитъ у нихъ на козлахъ. На первомъ же роздыхѣ, гдѣ имъ пришлось пить чай, къ которому вѣжливо пригласили и Свѣтлова, онъ почувствовалъ такую страшную робость, такую неловкость, какихъ никогда не испытывалъ даже въ присутствіи высшаго начальства. Была мйнута, когда ему до того стало жутко въ ихъ обществѣ, что онъ готовъ былъ провалиться сквозь землю отъ стыда за свое невѣжество, за свою нравственную ничтожность. Какъ-то забавно съежившись и поминутно конфузясь, какъ уличаемый школьникъ, Василій Андреичъ забрался съ своей чашкой въ самый уголъ комнаты, и съ лихорадочнымъ любопытствомъ слѣдилъ оттуда за оживленнымъ разговоромъ своихъ спутниковъ. Но какъ ни старался онъ не проронить ни слова изъ этой бесѣды, ему все казалось, что она ведется будто на какомъ-то совсѣмъ непонятномъ ему языкѣ; онъ могъ только различать отдѣльныя слова, не понимая смысла самой фразы, да и словъ-то нѣкоторыхъ не понималъ вовсе. Впрочемъ, будь сказано къ чести этихъ людей, они, какъ только замѣтили его смущеніе и догадались, съ какой наивной душой имѣютъ дѣло, сейчасъ же измѣнили свой первоначальный, нѣсколько надменный тонъ обращенія съ нимъ, на простыя, ласковыя отношенія. Свѣтловъ очень скоро почувствовалъ эту перемѣну, и съ той минуты старался всячески услужить имъ, чѣмъ только могъ. Обычная природная смѣтливость и здѣсь подсказала ему многое такое, о чемъ, пожалуй, иной бы и во всю жизнь не догадался; и здѣсь, какъ вездѣ и всегда, онъ сталъ прежде всего присматриваться, примѣняться, учиться. А поучиться тутъ, дѣйствительно, было чему, да и стоило. Не успѣли и двухъ дней

прожить изгнанники послѣ пріѣзда на мѣсто ссылки, какъ Василій Андреичъ сдѣлался ихъ общимъ любимцемъ, особенно послѣ того, какъ раза два или три удачно надъ кѣмъ-то изъ нихъ съострилъ. Они дружно расхохотались, и тутъ же, устами одного изъ товарищей, всьма основательно порѣшили, что въ головѣ Свѣтлова „хранится неограненный алмазъ въ порядочную величину". А такъ— какъ, на первое время, въ этой глуши ровно не-за-что было приняться, то молодежи оставалось только шутить да дурачиться. Она такъ и дѣлала.

— Мы, Василій Андреичъ, сегодня ночью намѣрены дать тягу отсюда,—говорилъ, напримѣръ, за вечернимъ чаемъ изгнанникъ-литераторъ притворяясь совершенно серьезнымъ.

— Чего изволите? спрашивалъ Василій Андреичъ, не поддаваясь на подставленную удочку.—Бѣгите, бѣгите, господа... А бѣжалка-то у васъ есть?

— А что значитъ „бѣжалка", Василій Андреичъ? любопытствовалъ графъ, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.

— Бѣжалка-то-съ? Это такой инструментъ бываетъ... о двухъ полозьяхъ...

— А! вонъ оно что. Нѣтъ, мы думаемъ на своихъ ногахъ попробовать,—шутилъ графъ.

— Не вынесутъ: у васъ сапожки тоненькіе-съ,—отшучивался Свѣтловъ. Но черезъ минуту онъ задумывался и серьезно упрашивалъ:—Вы, господа, и взаправду не убѣгите отъ меня! Этакъ-то вѣдь и меня съ вами ушлютъ куда нибудь въ тартарары...

А то бывали и другія минуты, и ихъ-то преимущественно и любилъ Свѣтловъ. Увлеченный воспоминаніями прошлаго, кто нибудь изъ товарищей внезапно заговаривалъ о прежнихъ друзьяхъ, разбросанныхъ по разнымъ уголкамъ своей необъятной родины, яркими чертами обрисовывалъ былыя сцены; припоминалась бурная, полная тревогъ и опасеній, прошлая жизнь,—и миновавшія, но еще свѣжія событія, нить за нитью, рельефно и прозрачно выступали изъ того мрака таинственности, въ какомъ представлялись, обы-

кновенно, непосвященнымъ. Иногда заговаривали всѣ разомъ, спорили; сказывалось задушевное слово, прорывалась задушевная мысль; обнаруживалось многое такое, чего нигдѣ не прочтешь, чему ни изъ какой книжки не научишься, и что поймешь, только наслушавшись объ этомъ отъ живыхъ людей. Крѣпко полюбились Василью Андреичу такія минуты. „И у кого только достаетъ сердца ссылать этакихъ умныхъ, этакихъ благородныхъ людей?!„ наивно думалось ему тогда. Оглядывался при этомъ и на себя Василій Андреичъ, припоминалъ до мелочей и свое прошлое,—и какая-то невыносимо-жгучая тоска закрадывалась ему въ душу. Еще ничтожнѣе казался онъ послѣ этого самому себѣ, еще больше съеживался, снова забирался въ уголъ съ своей чашкой, и тогда уже никакія дурачества этого веселаго, никогда неунывавшаго кружка, не могли разсмѣшить Свѣтлова; даже будто сердила его подобная веселость. „Ну! теперь ненастье зарядило на всю ночь до утра“ —говорилъ въ такомъ случаѣ, махнувъ рукой, изгнанникъ-литераторъ, искоса и не безъ удивленія поглядывая на притихнувшаго Василья Андреича,—и вдругъ всѣ разомъ умолкали, будто по уговору, точно въ домѣ появился покойникъ. Часто случалось, что Свѣтловъ и самъ распрашивалъ обо многомъ, но чаще всего о такихъ вещахъ, которыя въ наше время любой школьникъ знаетъ, вдоль и поперекъ.

Такимъ образомъ прошло недѣли три, а Василій Андреичъ и не думалъ еще собираться въ обратный путь, какъ вдругъ, черезъ нарочнаго, его немедленно потребовали въ городъ. Свѣтловъ струсилъ, и хоть тяжело было разстаться съ веселой компаніей, уѣхалъ въ тотъ же день; онъ, по правдѣ сказать, не зналъ, какъ и глаза показать начальству, чувствуя, что во всѣхъ отношеніяхъ переступилъ предѣлы данной ему инструкціи. Но квартальный надзиратель пріятно ошибся. Областной начальникъ, внимательно перечитавъ привезенныя Свѣтловымъ письма отъ сосланныхъ, принялъ его очень ласково, благодарилъ за исполнительность, распросилъ подробно, какъ они тамъ устроились, и отпуская его, еще разъ, къ изумленію Василья Андреича, выразилъ ему свою благодарность.

Но Свѣтловъ еще болѣе изумился, когда, на третій или четвертый день пріѣзда, получилъ, черезъ вѣстового, приглашеніе на вечеръ къ областному начальнику: до того времени, это была неслыханная вещь по отношенію къ квартальному надзирателю. Василій Андреичъ, разумѣется, не посмѣлъ не явиться; сперва робѣлъ и конфузился, былъ какъ-то оффиціаленъ, точно на службѣ, придерживаясь больше дверей, но обласканный хозяиномъ, пріободрился, и къ концу вечера велъ себя совершенно прилично, хотя и черезъ-чуръ скромно. Благоволеніе къ нему областного начальника объяснялось очень просто. Во-первыхъ, начальникъ, какъ и многія власти того времени, втайнѣ принадлежалъ и самъ къ декабристамъ, раздѣляя ихъ убѣжденія а во-вторыхъ, въ привезенныхъ Васильемъ Андреичемъ письмахъ, на похвалы ему не поскупились. Съ той поры, сослуживцы какъ бы не узнавали прежняго Свѣтлова: онъ точно поумнѣлъ, точно сталъ больше уважать себя и другихъ, оставаясь, однако, по прежнему добрымъ товарищемъ и острякомъ. Года черезъ три послѣ этого Василій Андреичъ женился, и по протекціи того же областнаго начальника, былъ переведенъ на службу въ Ушаковскъ, а еще годика черезъ два, воспользовавшись вызовомъ начальства, попросилъ перевода въ Камчатку, такъ-какъ съ тамошней службой соединялось нѣсколько выгодныхъ привилегій. Его назначили туда исправникомъ. Живя въ Петропавловскомъ портѣ и вращаясь постоянно въ тѣсномъ кругу образованныхъ моряковъ, Свѣтловъ развернулся еще болѣе, съумѣлъ даже усвоить нѣкоторую дозу свѣтскости, и по своей веселости и сообщительности, вскорѣ прослылъ между ними душой общества. По крайней мѣрѣ, лучшія празднества и попойки всегда устраивались у него, и нерѣдко самъ начальникъ порта, къ концу вечера, заглядывалъ въ извѣстное тогда, чуть ли не всему порту, подполье, гдѣ раскутившійся гость могъ выбирать любую бутылку по вкусу и тутъ же осушать ее: благо годовой запасъ винъ у Василья Андреича былъ великъ, а американецъ не скупился привозить ихъ въ Петропавловскій портъ; въ особенности доставалось

шампанскому. Но въ грубую ошибку впалъ бы тотъ, кто судя по этой роскоши, подумалъ бы, что Свѣтловъ сталъ не чистъ на руку. Правда, Камчатка считалась тогда золотымъ дномъ для чиновниковъ. Не нажиться въ ней значило не умѣть отличать денегъ отъ щепокъ, либо быть такимъ чудакомъ, какъ Василій Андреичъ, который проживалъ до копѣйки все свое небольшое жалованье. Въ особенности, какъ было не нажиться исправнику, когда, въ то блаженное время, онъ могъ, не рискуя даже своей репутаціей, вымѣнивать каждую бутылку водки, каждую понюшку табаку на пару превосходныхъ соболей, а то и на чернобурую лисицу. Но Свѣтловъ остался вѣренъ себѣ, съумѣлъ обойти и эти искушенія, не смотря на всю ихъ заманчивость. Прослуживъ одинадцать лѣтъ въ Камчаткѣ, онъ вернулся на родину почти съ тѣмъ же, съ чѣмъ и выѣхалъ оттуда. Только въ послѣдніе четыре года, когда Василій Андреичъ постарѣлъ и угомонился, ему удалось скопить кой-какія крохи на дорогу. По возвращеніи въ Ушаковскъ, онъ нѣсколько лѣтъ продолжалъ службу, и будучи еще въ чинѣ надворнаго совѣтника, частью на жалованье, частью на полученный за Камчатку особый пенсіонъ, купилъ, на имя жены, тотъ самый сѣренькій домикъ въ пять оконъ на улицу, гдѣ застала его предыдущая глава нашего разсказа. Только мѣсяца за полтора до пріѣзда сына, Свѣтлова заставили наконецъ выйти въ отставку, наградивъ его чиномъ статскаго совѣтника и пресловутой „пряжкой за тридцать пять лѣтъ безпорочной службы“. Едва-ли не одинъ Василій Андреичъ и могъ носить ее не краснѣя...

Но странное дѣло: эта суровая, до конца выдержанная, несмотря на всѣ соблазны, честность, сдѣлала теперь старика Свѣтлова какимъ-то угрюмымъ, несообщительнымъ даже въ отношеніи семьи, къ которой, впрочемъ, онъ и прежде относился иногда нѣсколько свысока и деспотично. Всякая лѣнь, малѣйшая неисправность въ домѣ, малѣйшее отступленіе отъ разъ-навсегда установленныхъ привычекъ уже раздражали его. Василій Андреичъ переносилъ эту раздражительность и на родню, на старыхъ и новыхъ знакомыхъ, на

всякаго посторонняго человѣка, кто бы то ни былъ. Ему какъ будто досадно было, что чувствуя надъ многими изъ нихъ свое нравственное превосходство, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не имѣлъ достаточно образованія, чтобъ превосходство это было безспорно признано за нимъ и рѣзко выдѣляло его изъ среды посредственностей. Но, въ то же время, несмотря на крупный чинъ, Свѣтловъ далеко не былъ тѣмъ, что называется, обыкновенно, зазнавшимся выскочкой. Онъ сохранилъ и теперь всѣ свои простыя привычки, свой нѣсколько простонародный языкъ, и теперь, какъ и прежде, когда состоялъ еще въ должности квартальнаго, самъ ходилъ на рынокъ за съѣстными припасами. Обыватели Ушаковска нерѣдко встрѣчали его возвращающимся оттуда то съ пучкомъ зелени подъ мышкой, то съ какой нибудь купленной дичью въ рукахъ. Родственники Свѣтлова, съ жениной стороны, даже скандализировались этимъ неоднократно, особенно въ бытность его губернскимъ прокуроромъ, частенько-таки замѣчая ему будто въ шутку: „Что это, Василій Андреичъ, точно у васъ послать некого, все сами носите съ базару, и то ужь въ городѣ говорятъ: какой, молъ, ужъ это прокуроръ,— и не видно его совсѣмъ!“

— А пускай ихъ, матушка, говорятъ,—замѣчалъ на это, обыкновенно, Свѣтловъ:—на всякій чихъ не наздравствуешься.

Вмѣстѣ съ несообщительностью и угрюмостью стала, въ послѣднее время, обнаруживаться у Василья Андреича еще и другая черта: онъ какъ-то не долюбливалъ нынѣшнюю молодежь и не пропускалъ случая уязвить ее, особенно за глаза. „Вертопрахъ народъ!“ говорилъ онъ всякій разъ послѣ того, какъ ему случалось (очень рѣдко, впрочемъ) быть свидѣтелемъ горячаго спора между молодыми людьми: „все бы они по своему перестраивали, все имъ неладно! Мы, кажется, слава Богу, не дураками были, да жили же себѣ—не жаловались; а при насъ-то вѣдь еще не такіе порядки водились, какъ теперь. Все-то они знаютъ, вездѣ-то суются!.. Имъ старшіе что? Послушай-ка ихъ, такъ они и родили-то сами себя... Не люблю я этого молодятника!“

И дѣйствительно, когда при Свѣтловѣ заговаривала молодежь, онъ хмурился, и махнувъ рукой, какъ-то обидчиво замѣчалъ: „Ну! пойдутъ теперь насъ, стариковъ, хоронить, да у Бога за пазухой рыться!“ Но замѣчательно было, что старикъ не уходилъ при этомъ въ другую комнату, а сдѣлавъ видъ, что не обращаетъ никакого вниманія на споръ, самъ, между тѣмъ, украдкой, чутко прислушивался ко всему, что говорилось, очевидно заинтересованный. Въ болѣе горячихъ мѣстахъ спора у него даже появлялось на лицѣ какое-то азартное выраженіе, точно доводъ одного изъ противниковъ задѣвалъ его за-живое. „Эхъ, только вставать-то не хочется, а то я бы тебя отдѣлалъ, молокососа!“ говорили въ такую минуту его глаза и поза. Не то, при мастерскомъ оборотѣ доводовъ съ обѣихъ сторонъ, мелькала на губахъ старика не менѣе азартная улыбка, ясно выражавшая: „А ловко, собаки, грызутся!“ И странно, что каждый разъ при этомъ, въ памяти Василья Андреича живо почему-то воскресали еще не совсѣмъ позабытые имъ вечера его былой командировки за сорокъ верстъ отъ родного захолустья...

Семью Свѣтловъ любилъ очень, но только въ рѣдкихъ случаяхъ позволялъ себѣ выказать это. Къ женѣ онъ хоть и относился какъ будто покровительственно, однако ни одно, сколько нибудь серьезное, домашнее дѣло не начиналъ безъ ея вѣдома и совѣта. Вообще грубоватый на языкъ, Василій Андреичъ не дѣлалъ и для нея исключенія въ этомъ отношеніи, нерѣдко доводя ее до слезъ, какимъ нибудь неделикатнымъ словомъ. За то, если заболѣвала Ирина Васильевна,—что случалось съ старушкой весьма часто,—Свѣтловъ ухаживалъ за ней съ такимъ терпѣливымъ постоянствомъ, съ такой глубокой внимательностью къ самой послѣдней мелочи, касавшейся больной, что трудно было бы найти въ цѣломъ мірѣ лучшую сидѣлку. И тутъ-то, сквозь суровыя черты старика, ярко просвѣчивала вся его глубокая привязанность къ женѣ, вся несокрушимость привычки къ ней. Старшаго сына онъ тоже любилъ очень сильно, но упорно старался выказать почему-то, что ему нѣтъ никакого дѣла до этой „отпѣтой головы.“ „Твори, что хо-

чешь“—коротко говаривалъ о немъ старикъ. На дѣлѣ же, онъ постоянно интересовался всѣмъ, что касалось той же самой „отпѣтой головы,“ едва ли даже не больше, чѣмъ всѣмъ остальнымъ. Впрочемъ, въ старшемъ сынѣ, ему преимущественно одно не нравилось: упорное отвращеніе послѣдняго къ коронной службѣ. Къ дочери Свѣтловъ относился ласково, постоянно ровно, но особенной теплоты въ его отношеніяхъ къ ней замѣтно не было. За то, въ послѣднее время, Владимірко царствовалъ всецѣло въ стариковскомъ сердцѣ. Василій Андреичъ частенько—таки исполнялъ его малѣйшія прихоти, хоть и не любилъ вообще баловать дѣтей. „Это вѣдь, мать, заскребышъ у насъ“—извинялъ онъ, обыкновенно, передъ женой, свое предпочтеніе младшему сыну.

Въ основѣ характера Ирины Васильевны Свѣтловой, урожденной Бѣлокопытовой, лежало широкое русское добродушіе. Впослѣдствіи, къ нему привились другія черты, перепутались между собою, и до того затемнили эту основу, что часто сбивали съ толку свѣжаго человѣка. Одни принимали Свѣтлову просто за ханжу, съ значительной дозой завистливости къ чужому благосостоянію; другіе видѣли въ ней коварную старуху, съ умѣньемъ ловко и вовремя прикинуться доброй. Но кто зналъ ее коротко, кто умѣлъ отличить случайное въ ея характерѣ отъ его постоянныхъ качествъ, тотъ не могъ не уважать старушки, не могъ не отдать полной справедливости ея дѣйствительной добротѣ. Ирина Васильевна была, въ сущности, глубокая, богато одаренная природой натура. Только такая убійственно-гнетущая среда, какъ та, гдѣ пришлось развиваться ей, могла исковеркать, чуть ли не въ самомъ зародышѣ, эти превосходные естественные задатки, — и, дѣйствительно, исковеркала. Выросла Свѣтлова въ старинномъ, обѣднѣвшемъ купеческомъ домѣ. На ея несчастье, онъ хранилъ несокрушимое преданіе о своемъ быломъ богатствѣ, нужды нѣтъ, что объ этомъ богатствѣ свидѣтельствовали только пять-шесть оборванныхъ фамильныхъ портретовъ, нужды нѣтъ, что совсѣмъ полинявшія лица этихъ портретовъ были неузнаваемы. Преданіе являлось какой-то умствен-

ной мозолью стариковъ Бѣлокопытовыхъ, не давая имъ покоя всю жизнь. Чтобъ сколько нибудь поддержать его, они рисковали нерѣдко послѣдней копѣйкой, и свою крайнюю нужду старались замаскировать отъ постороннихъ глазъ, въ томъ числѣ и отъ дѣтей, наружной чопорностью и нестерпимо-пуританскимъ взглядомъ на все и на всѣхъ. Семейный деспотизмъ развился здѣсь до тѣхъ поражающихъ размѣровъ, при которыхъ немыслимо никакое развитіе, невозможна свободная мысль, недѣйствителенъ свободный поступокъ. Старый домъ Бѣлокопытовыхъ, просторный, но мрачный съ виду и внутри, походилъ скорѣе на какой-то старовѣрческій скитъ, гдѣ, съ каждымъ годомъ, все строже и строже становились уставы. Съ ранняго утра и до поздняго вечера въ домѣ царствовала могильная тишина, ведшая за собой одуряющую скуку, злившую подчасъ даже самихъ виновниковъ ея. Несмотря на то, что семейство Бѣлокопытовыхъ состояло изъ пяти дочерей, погодковъ и невѣстъ, рѣзвый дѣвичій смѣхъ былъ такимъ рѣдкимъ явленіемъ въ стѣнахъ этого, за-живо похоронившагося дома, что смѣявшійся часто пугался собственнаго голоса; смѣхъ боязливо умолкалъ здѣсь, едва начинаясь. Иринька, — какъ звали Ирину Васильевну сестры, — считалась самой младшей и любимой дочерью въ семьѣ, самой живой душой въ домѣ, но и ея звонкій смѣхъ ставился ей нерѣдко въ тяжкій грѣхъ и, по меньшей мѣрѣ, чопорно именовался „непростительной вѣтреностью“. Старикъ Бѣлокопытовъ былъ самодуръ съ нѣсколько философскими воззрѣніями и привычками. Чтобъ пріучить, напримѣръ, дѣтей къ разнымъ случайностямъ въ жизни, онъ будилъ ихъ иногда ночью, во время самаго крѣпкаго дѣтскаго сна, объявляя, что у нихъ въ домѣ пожаръ. Перепуганныя дѣвочки тревожно соскакивали съ постелей, на скоро накидывали на себя что попало, и босикомъ выбѣгали на дворъ, гдѣ отецъ, обыкновенно, встрѣчалъ ихъ разъ-навсегда заученной фразой: „Ну, ну, взбѣленились! Я пошутѣлъ: никакого пожара нѣту; а ко всему надо пріучаться съ измалѣтства“. Можно представить себѣ, какъ дѣйствовалъ подобный образъ воспитанія на дѣтей, на самое ихъ

здоровье. Бѣлокопытова-мать была существо безхарактерное, слѣпо и во всемъ повиновавшееся мужниной волѣ. Она и приласкать-то дѣтей не смѣла безъ приказанія мужа, развѣ украдкой случится, да въ его отсутствіе, которое, впрочемъ, день-ото-дня становилось рѣже. Всякое, даже самое будничное дѣло совершалось въ этомъ семействѣ съ видомъ торжественности, точно какой-нибудь священный обрядъ. Въ праздникъ и въ будни, по всѣмъ угламъ, гдѣ только были образа, теплились лампадки; по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю въ домѣ служился молебенъ съ водосвятіемъ. На все, на каждую мелочь, полагались здѣсь свои примѣты, предзнаменованія: переносье чесалось непремѣнно къ покойнику, хотя втеченіи многихъ лѣтъ, въ домѣ, никто, слава Богу, не умеръ; если за обѣдомъ нечаянно просыпалась кѣмъ нибудь соль изъ солонки, виновнаго безотлагательно щелкали, до трехъ разъ, пальцемъ по лбу, чтобъ въ семьѣ не случилось ссоры, хоть она и происходила тамъ всякій Божій день; во время грозы, при каждомъ блескѣ молніи, для всѣхъ обязательно было креститься и трижды произносить: „Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы твоея“, — иначе убивало громомъ, хотя испуганныя дѣти, никогда неуспѣвавшія произнести во-время эту молитву, и оставались каждый разъ невредимыми. Подобные обряды исполнялись въ точности, всѣми, съ подобающей серьезностью. Взглядъ на нравственность имѣлъ здѣсь тоже свой особый оттѣнокъ. При появленіи незнакомаго мужчины, дѣвицы непремѣнно должны были убѣгать изъ комнаты; противное считалось за безстыдство,—и надо отдать справедливость Иринѣ Васильевнѣ: при первомъ свиданіи съ Васильемъ Андреичемъ, она такъ старательно выполнила этотъ маневръ, что едва не сшибла съ ногъ выходившаго къ нему на встрѣчу отца, и все время ихъ бесѣды просидѣла въ сѣняхъ, за кадушками, стыдливо прикрывая лицо передникомъ. При словѣ „женихъ“, или „невѣста“, дѣвушкамъ ставилось опять-таки въ непремѣнную обязанность опускать глаза къ полу, краснѣть и конфузливо теребить либо кончикъ шейнаго платка, либо рукавъ у

платья. Разговаривать свободно съ мужчиной, хотя бы о погодѣ, считалось уже тяжкимъ преступленіемъ; только многими днями строгаго покаянія можно было искупить подобный позоръ. Правило это хотя и не относилось къ прислугѣ и черному народу вообще, но и къ нимъ нельзя было выходить, напримѣръ, съ голой шеей или открытыми до локтя руками. Думать позволялось только о религіозномъ, о предметахъ назидательныхъ, и то не свободно, а какъ прикажутъ старшіе. Иринька опрометчиво спросила—было разъ отца, какъ дѣти родятся, но старикъ такъ на нее посмотрѣлъ да прикрикнулъ, что она дня два потомъ не помнила себя; даже нѣсколько ночей сряду молилась какому-то угоднику, чтобъ онъ отогналъ отъ нея этотъ окаянный вопросъ, то и дѣло приходившій ей на мысль.

Таково-то было дѣтство и послѣдующее воспитаніе Ирины Васильевны. За Свѣтлова она вышла, разумѣется, по приказанію отца и матери. Въ первое время помолвки, дѣвушка до того стыдилась своего жениха, что разговаривала съ нимъ не иначе, какъ закрывшись передникомъ. Въ самый день свадьбы, въ церкви, по окончаніи обряда, она ни за какія благодати не соглашалась поцѣловать мужа; ночью же, какъ только ихъ оставили вдвоемъ, новобрачная убѣжала отъ него сперва во дворъ, а оттуда на сѣнной сарай, гдѣ и встрѣтила первый день своей новой жизни. Но когда явившіеся утромъ родители, по обычаю „поднять молодыхъ“, найдя Василья Андреича въ самомъ растерянномъ положеніи, а „безстыдницу“ зарывшейся въ сѣно, категорически объявили ей, что теперь стыдиться нечего, что это даже тяжкій грѣхъ,—она безропотно покорилась всему, чего отъ нея потребовали; только слезы нѣсколько разъ принимались душить ее, подступая къ горлу, либо неудержимо катились изъ глазъ, едва она оставалась одна хоть на минуту. Тогда Ирина Васильевна принималась думать о себѣ, какъ о великой грѣшницѣ, и опять усердно молилась какому-то угоднику, чтобъ онъ укротилъ ея непослушное сердце. Но никакія молитвы не могли укротить его втеченіе первой недѣли послѣ

свадьбы, пока молодая не освоилась съ своимъ настоящимъ положеніемъ, не обдумала его достаточно: оно, это сердце, нѣтъ-нѣтъ да и начинало бить тревогу. Тѣмъ не менѣе, время и предыдущій систематическій гнетъ взяли свое. Присмотрясь къ мужу и новой обстановкѣ, Свѣтлова почувствовала, что ей гораздо легче здѣсь, чѣмъ было дома. Здѣсь не мерещились ей въ каждомъ углу, какъ тамъ, оловянно-суровые глаза, пронзительно слѣдившіе изъ-подъ сѣдыхъ, нависшихъ бровей, за каждымъ ея движеніемъ; здѣсь, — худо, ли хорошо ли, — отвѣчали на каждый ея вопросъ, не кричали, каковъ бы онъ ни былъ; смѣяться можно было въ волю, тѣмъ болѣе, что за слишкомъ большую серьезность ей ласково выговаривали. Ирина Васильевна даже смѣкнула подъ-конецъ, что въ домѣ ея мужа нѣтъ еще никакихъ уставовъ, что ей самой предоставляется право ввести ихъ здѣсь, какіе заблагоразсудится. И вотъ, подъ мягкимъ вліяніемъ этой сравнительной свободы, въ душу Свѣтловой стало закрадываться мало-по-малу теплое чувство привязанности къ виновнику ея новой жизни. „Стерпится — слюбится,“ думалось ей. Она, прежде всего, начала жадно присматриваться ко всему — не воровски, какъ у себя въ семьѣ, а смѣло, открыто; усвоила понемногу привычки мужа, привычки окружавшаго ее новаго общества, и выказала при этомъ столько же умѣнья примѣняться къ обстоятельствамъ, какъ и ея мужъ, если еще не больше. По крайней мѣрѣ, Ирина Васильевна ни разу не уронила его положенія въ глазахъ общества, постоянно вела себя съ удивительнымъ природнымъ тактомъ, и могла, не краснѣя, показаться въ любой гостиной. Но не вполнѣ удовлетворенное сердце ея такъ и осталось, на всю жизнь, неудовлетвореннымъ. Въ самомъ началѣ, это чувство проявилось у Свѣтловой въ формѣ довольно странной: однажды ей попались подъ-руку стихотворенія Пушкина; она жадно прочла ихъ, и ей самой припала неотразимая охота писать стихи. Пока Василій Андреичъ, въ качествѣ квартальнаго, возился, иногда до ночи, въ полиціи, Ирина Васильевна сочиняла самыя страстныя посланія къ нему, нерѣдко исчеркивая ими цѣлые

листы почтовой бумаги. Она и не догадывалась, конечно, что эти нѣжныя посланія только внѣшнимъ образомъ адресовались къ мужу, а въ сущности летѣли на встрѣчу тому незримому, милому призраку, котораго, противъ воли, искало ея неудовлетворенное сердце. Можетъ быть, при другихъ условіяхъ, изъ подобной страсти выработался бы, съ лѣтами, недюжинный поэтическій талантъ; но даже и при самыхъ счастливыхъ природныхъ задаткахъ, что могла сдѣлать эта женщина, едва умѣвшая читать по складамъ печатное и писавшая свои вирши какими-то невообразимыми, самородными каракульками? А между тѣмъ, странное дѣло: страсть къ стихотворству не была у нея только временной прихотью, но лежала какъ бы въ ея натурѣ, хотя и выражалась однимъ пристрастіемъ къ рифмамъ. Даже и теперь, несмотря на свои пожелтѣвшіе волосы, Ирина Васильевна частенько поддавалась этому искушенію. Отсылая, напримѣръ, по мѣстному обычаю, въ день своихъ имянинъ, пирогъ къ какому нибудь особенно любимому ею лицу, она непремѣнно присоединяла къ такой посылкѣ нѣсколько рифмованныхъ строчекъ, въ родѣ слѣдующихъ:

«Вотъ тебѣ, милый дружокъ,
Собственной моей стряпни пирожокъ—
Сама и муку мѣсила;
Не знаю только, угодила-ль:
Будто горьковато попалось масло коровье...
А впрочемъ, кушай на здоровье!
Затѣмъ остаюсь здорова
Любящая тебя
Ирина Свѣтлова».

Послѣднія двѣ строчки повторялись, обыкновенно, въ каждомъ подобномъ посланіи Ирины Васильевны, варьируясь на всевозможные лады.

Впослѣдствіи, когда Свѣтловы переселились въ Петропавловскій портъ, а Ирина Васильевна стала частенько и съ увлеченіемъ танцовать на балахъ начальника съ молодыми моряками, — ея сердце уже не удовлетворялось такимъ невиннымъ проявленіемъ себя, какъ

писаніе посланій къ призраку. Оно забило серьезную тревогу. Свѣтлова опять прибѣгла къ молитвѣ, вспоминала множество примѣровъ искушеній плоти изъ житія святыхъ, изученныхъ ею подробно, еще въ дѣтствѣ, подъ руководствомъ отца. Все это, однако, плохо помогало, и ея сердечная тревога разрѣшилась бы, вѣроятно, одною изъ печальныхъ семейныхъ драмъ, еслибъ въ то время, на счастье (а можетъ и на несчастье), у Ирины Васильевны не родился сынъ. Она несказанно обрадовалась своему первенцу, и въ ту же ночь дала обѣтъ надъ его колыбелью—никогда въ жизни не танцовать больше. На первомъ же балу послѣ болѣзни, Свѣтлова, къ удивленію всего общества и несмотря ни на какія его просьбы, наотрѣзъ отказалась отъ танцевъ. Впослѣдствіи, и до конца жизни, она свято и съ стойкостью мученицы сдерживала свое слово. Съ тѣхъ поръ произошелъ замѣтный переломъ въ ея характерѣ: религіозность ея усилилась и приняла мистическій, нѣсколько мрачный, оттѣнокъ. Въ настоящее время Ирина Васильевна часто нападала на мужа за его невинныя шутки и юмористическія выходки относительно предметовъ, казавшихся ей столь священными, что о нихъ, какъ выражалась она, „и подумать-то, батюшка, такъ даже страшно“; а между тѣмъ Василій Андреичъ, по своему, и самъ былъ религіозенъ. Каждый день, на сонъ грядущій, Свѣтлова имѣла обыкновеніе прочитывать въ постели, вслухъ, нѣсколько главъ изъ Евангелія, и спавшему съ ней Владиміркѣ вмѣнялось въ обязанность прослушивать чтеніе, пока онъ не засыпалъ. Евангеліе было какъ бы настольной книгой Ирины Васильевны, а ея любимыя мѣста въ немъ относились къ описаніямъ страданій Христа. „Вишь, какъ онъ, батюшка, страдалъ-то за людей, не такъ, какъ мы грѣшные!“ трогательно говаривала она, обыкновенно, послѣ такого чтенія сыну, жадно внимавшему иногда тому, что читала мать. И дѣйствительно, старушка, повидимому, почерпала въ этой книгѣ всю свою нравственную силу, давно уже отказавшись отъ свѣтскихъ книгъ, которыя прежде, особенно въ первой молодости, любила страстно. Евангеліе имѣло для нея те-

перь еще и ту двойную цѣну, что ей прислалъ его изъ Петербурга, въ подарокъ, старшій сынъ; а она крѣпко сомнѣвалась въ его религіозности и часто со слезами молилась, чтобъ Богъ „озарилъ своимъ свѣтомъ его заблудшую душу“. При всякомъ случаѣ, гдѣ требовалось оказать помощь ближнему, достаточно было только слегка намѣкнуть Иринѣ Васильевнѣ на подходящее къ этому случаю мѣсто въ Евангеліи,—и она смѣло шла куда угодно, въ какое угодно время, готовая сдѣлать все, что было въ ея силахъ и распоряженіи. Василью Андреичу нерѣдко приходилось сдерживать эти страстные порывы жены, иначе ему самому пришлось бы, со временемъ, прибѣгать къ чужой помощи. Особенно любила она навѣщать больныхъ, ходить за ними и просиживать у ихъ изголовья иногда по двѣ и по три ночи къ ряду безъ сна, не смотря на свое слабое здоровье и нервную раздражительность. Стоило только заболѣть кому нибудь изъ родственниковъ Свѣтловыхъ, а Иринѣ Васильевнѣ получить объ этомъ первое свѣденіе, какъ она уже наскоро надѣвала на себя что попало, и не стѣсняясь временемъ и привычками, отправлялась къ больному. При этомъ старушка непремѣнно захватывала съ собой хранившійся у нея, какъ подобающая святыня, золотой крестъ съ мощами Варвары-великомученицы, а вмѣстѣ съ нимъ, на всякій случай, и такія вещи, которыхъ, по ея предположенію, могло и не случиться у больного, напримѣръ: нашатырный спиртъ, уксусъ, горчицу и тому подобное. Ни въ какихъ несчастныхъ случаяхъ жизни нельзя было застать ее врасплохъ; она никогда не терялась сразу, не падала въ обмороки, и только тогда, когда убѣждалась, что сдѣлано уже все, что нужно для отстраненія несчастія, впадала въ совершенное изнеможеніе и забытье, страдая дня два послѣ этого невыносимыми головными болями. Старшій сынъ особенно любилъ мать за эту рѣдкую въ женщинахъ черту, за ея всегдашнюю готовность на помощь ближнему, — и странное дѣло: хотя его воззрѣнія во многомъ остальномъ совершенно расходились со взглядами матери, онъ былъ у нея всегда первымъ любимцемъ въ семьѣ, самымъ дорогимъ ея дѣ-

тищемъ. Дочь хотя она любила и сильно, но постоянно смотрѣла на нее съ какой-то подавленной, тайной печалью, и наученная собственнымъ опытомъ, предоставляла ей очень много свободы въ сравненіи съ той, какою пользовалась въ своемъ дѣвичествѣ. Владимірка едва-ли не больше сестры пользовался симпатіей матери....

Оленька была существо ровное, незамѣтное. Есть такія дѣвушки, что при встрѣчѣ съ ними становишься въ тупикъ: что онѣ такое? И хорошаго сказать о нихъ нельзя, да и придраться особенно не къ чему. Точно такое же чувство испытывается иногда при взглядѣ на какую нибудь хорошенькую бездѣлку: „ничего, не дурно“, скажешь, а спроси: да чѣмъ же она хороша?—рѣшительно не знаешь, что отвѣтить. Оленька производила именно это впечатлѣніе. Она тоже росла и развивалась довольно свободно, но какъ-то безалаберно, подчиняясь добровольно всему и всѣмъ. Впрочемъ, въ ней все пока было еще непрочно, неосмысленно; приходилось ждать крупнаго жизненнаго толчка, чтобъ выказалась эта натура въ настоящемъ свѣтѣ. Одно только можно было предсказать, что ничѣмъ особеннымъ она никогда не выдастся. Оленька получила образованіе въ пансіонѣ француженки. Оттуда она вынесла, прежде всего, предпочтеніе французскаго языка родному. Не зная, даже по наслышкѣ, многихъ капитальныхъ произведеній русской литературы, Оленька успѣла уже перечитать, безъ всякаго разбора, сотни французскихъ романовъ средней руки. Французскіе романы, конечно, не спасли ее отъ русскихъ предразсудковъ; а эти предразсудки опутывали ее съ дѣтства, ими заражена была вся окружающая ее среда. Въ томъ раннемъ возрастѣ, когда они легче прививаются, вліяніе на Оленьку матери, насквозь пропитанной ими, было особенно сильно. Дѣвушка не находила, напримѣръ, ничего страннаго и нелѣпаго въ томъ, что ячмень садился у нея на глазу отъ вліянія чужого „дурного глаза“. Когда ее увѣряли, что нашептываньемъ можно „испортить“ человѣка, она удивлялась только людской злобѣ, но самый фактъ не подвергался въ ея умѣ ни малѣйшему сомнѣнію. Правда, изрѣдка приходили и ей

въ голову какія-то непонятныя, не то хорошія, не то дурныя мысли, вызывая ее на анализъ, но, по большей части, пропадали безслѣдно, такъ--какъ разрѣшить ихъ или подстрекнуть къ такому ея умъ разрѣшенію было некому. Между мелкими заботами дня, эти мимолетныя мысли не вызывали его на серьезное размышленіе. Точно также не возбуждали протеста въ Оленькѣ и многія другія характерныя особенности ея семейной обстановки. Ирина Васильевна, за обѣдомъ, унимая шалившаго Владимірку, наставляла его иногда въ такомъ смыслѣ: „Ты вѣдь, батюшка, не за столбомъ сидишь, а за столомъ. Посмѣй-ка бы ты сдѣлать это при нашемъ покойномъ тятенькѣ, такъ сейчасъ бы тебѣ ложка въ лобъ прилетѣла... Стыдъ какой! Ты вѣдь, слава Богу, не маленькій,—знаешь, что за столомъ-то самъ Христосъ сидѣлъ на тайной вечери!?“ Оленька, слушая подобное наставленіе, до такой степени была проникнута сама его естественностью, что нисколько не возмутилась бы, еслибъ, вслѣдъ за нимъ, и дѣйствительно „прилетѣла ложка въ лобъ“ ея шалившему брату. Втеченіе многихъ лѣтъ дѣвушкѣ ни разу не пришло въ голову спросить себя: что же это за священный обрядъ такой — ѣсть, что при немъ даже и пошалить нельзя? Значитъ, и всѣ естественныя отправленія также священны? А приди ей въ голову хоть разъ такое соображеніе, она, можетъ быть, и додумалась бы до чего нибудь. Очень естественно послѣ этого, что относительно старшаго брата Оленька въ значительной степени раздѣляла взглядъ своихъ стариковъ. Правда, еще до отъѣзда его въ Петербургъ, а потомъ читая его письма оттуда, она не разъ задумывалась о братѣ, находя и въ немъ, и въ нихъ что-то такое странное, такое непохожее на весь ихъ семейный складъ, что нерѣдко теряла голову въ своихъ догадкахъ на этотъ счетъ. Но и ихъ некому было разрѣшить ей. А между тѣмъ, — странно, — старшій братъ, котораго она ждала съ нетерпѣніемъ и любопытствомъ, нравился ей очень, хотя сестра и неособенно долюбливала его. Характера Оленька была сообщительнаго, веселаго, даже нѣсколько вѣтренаго, вообще казалась дѣвушкой доброй и простой,

обѣщая современемъ сдѣлаться и заботливой матерью, и неприхотливой, вѣрной женой, если, разумѣется, попадется ей хорошій мужъ; въ противномъ случаѣ, трудно было впередъ за что нибудь ручаться...

Другое дѣло—Владимірко. Это былъ мальчикъ очень интересный для своего возраста. Скромный и крайне застѣнчивый при постороннихъ, при всякомъ новомъ лицѣ въ домѣ, онъ являлся самимъ собой только въ присутствіи домашнихъ, и то не вполнѣ; совершенно же развертывался Владимірко тогда, когда былъ увѣренъ, что его никто не видитъ, да еще при своемъ „наилюбезномъ камердинерѣ“ Ванькѣ. Такъ называла въ шутку Ирина Васильевна жившаго у нихъ пріемыша-сироту, взятаго еще ребенкомъ, чуть ли не съ улицы. Съ нимъ Владимірко не церемонился, всѣ шалости они чинили вмѣстѣ, и „баричъ“ повѣрялъ ему, обыкновенно, все, снабжая его при этомъ и разными вещественными знаками своей привязанности: конфектами, пряниками, булками и тому подобнымъ. Любознателенъ былъ Владимірко до послѣдней степени. Весной и лѣтомъ, въ цѣломъ дворѣ не было ни единаго воробьинаго гнѣзда. которое онъ не изслѣдовалъ бы самымъ основательнымъ образомъ; ему досконально было извѣстно, и сколько въ какомъ помѣщается маленькихъ воробьевъ, и какими перьями оно выстлано, и когда появилось въ немъ первое снесенное яичко. Во всѣхъ подробностяхъ зналъ онъ также и весь этотъ дворъ, каждую бѣгавшую тамъ курицу, либо утку, зналъ ихъ мельчайшія привычки; что же касается большого индѣйскаго пѣтуха, такъ съ нимъ, кажется, они даже объяснялись, совершенно понимая другъ друга. Малѣйшее произшествіе въ домѣ, сколько нибудь выходившее изъ ряда обыкновенныхъ, неотразимо тянуло къ себѣ Владимірку. Онъ при этомъ, тотчасъ же, но всегда какъ-то украдкой, появлялся гдѣ слѣдовало, и съ забавно-полуразинутымъ ртомъ слѣдилъ за тѣмъ, что происходило. Съ такимъ же выраженіемъ присутствовалъ онъ и при всякой, сколько нибудь интересной бесѣдѣ, до которыхъ былъ страшный охотникъ. Одною изъ его любимыхъ привычекъ было си-

дѣть въ длинные зимніе вечера на кухнѣ и слушать, что говоритъ прислуга. Отецъ или мать частенько уводили его оттуда съ выговоромъ, всякій разъ порядочно стыдили, но это нисколько не мѣшало ему, выслушавъ чинно ихъ наставленія, воспользоваться первой удобной минутой, чтобъ улизнуть туда снова. Всего же болѣе любилъ Владимірко ходить въ лѣсъ съ своимъ „наилюбезнымъ камердинеромъ“, удить рыбу, лазить по деревьямъ, ловить въ полѣ какихъ нибудь звѣрьковъ—словомъ, странствовать. Переимчивъ онъ былъ не по лѣтамъ. Стоило ему только разъ сходить съ отцомъ на гулянье, да посмотрѣть фейерверкъ, какъ на другой же день, съ утра, рукава его домашняго халатика и даже лицо носили на себѣ очевидные признаки толченаго угля съ примѣсью селитряной пыли; а къ вечеру, въ маленькомъ садикѣ при домѣ, онъ уже устраивалъ свой собственный фейерверкъ. На этомъ представленіи непремѣнно должны были присутствовать всѣ домашніе, со включеніемъ прислуги, а „чичкѣ“ ставилось въ обязанность отбирать, при входѣ, даровые билеты, только-что передъ тѣмъ розданные. При спускѣ своихъ ракетъ, которыя, впрочемъ, за отсутствіемъ пороха, никогда не поднимались, а только шипѣли, — Владимірко, когда ихъ приходилось раздувать губами, обнаруживалъ такую храбрость, что Василью Андреичу не разъ случалось придерживать за халатикъ горячаго пиротехника. Увидѣвъ гдѣ-то гипсовую фигуру, мальчикъ тотчасъ же купилъ себѣ на рынкѣ кусокъ бѣлой глины, устроилъ въ углу завозни скульптурную мастерскую, и только къ вечернему чаю явился въ комнаты, весь замаранный этой глиной, не исключая волосъ и не говоря уже о платьѣ. Хоть и слѣпилъ онъ нѣчто похожее больше на поросенка, чѣмъ на спящую Венеру, однако остался очень доволенъ своей работой и даже подарилъ ее „чичкѣ“ на-память. Этою стороной характера Владимірко сильно напоминалъ старшаго брата; послѣдній отличался въ дѣтствѣ точно такой же предпріимчивостью, хоть нѣсколько и въ другомъ родѣ.

Но о дѣтствѣ и первоначальномъ развитіи характера Александра Васильича Свѣтлова, какъ и вообще о немъ самомъ, мы намѣрены

поговорить, при случаѣ, подробно, въ особой главѣ, какъ о главномъ дѣйствующемъ лицѣ нашей исторіи.

ГЛАВА III.

Владимірко собесѣдничаетъ.

Около двухъ часовъ пополудни, пріѣзжій Свѣтловъ открылъ наконецъ глаза и съ пріятностью потянулся. Александръ Васильичъ отлично выспался и былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Въ домѣ царствовала теперь невозмутимая тишина. Старики Свѣтловы, утомленные отчасти радостью, отчасти хлопотами этого утра, тоже легли вздремнуть передъ обѣдомъ; они расчитали, что отдыхъ дастъ имъ возможность вполнѣ воспользоваться вечеромъ, чтобъ поговорить съ сыномъ. Подъ вліяніемъ тишины, Александръ Васильичъ только-что сталъ впадать въ раздумье, какъ вблизи отъ него кто-то робко сморкнулся. Онъ повернулся на другой бокъ и съ удивленіемъ увидѣлъ Владимірку. Мальчуганъ превалжно возсѣдалъ на креслѣ у письменнаго стола и смотрѣлъ во всѣ глаза на брата, полуоткрывъ, по обыкновенію, ротъ. Онъ очень сконфузился, увидя, что братъ проснулся, и сталъ было слѣзать съ креселъ.

— Постой, куда же ты? засмѣялся Александръ Васильичъ.

Владимірко еще больше сконфузился, но остался на мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что старики никакъ не могли уложить его спать въ это утро. Какъ только сами они заснули, онъ на-цыпочкахъ пробрался въ комнату брата, — заглянувъ предварительно въ щелку, спитъ ли тотъ,—и все время, пока Александръ Васильичъ спалъ,

имѣлъ терпѣніе просидѣть, не шелохнувшись, на креслѣ, съ любопытствомъ разглядывая то спавшаго брата, то вещицы на его письменномъ столѣ.

— Итакъ, Владиміръ Васильевичъ, здравствуйте! сказалъ ему старшій братъ, еще разъ засмѣявшись и протягивая руку.

Владимірко робко слѣзъ съ своихъ креселъ и какъ-то нерѣшительно пожалъ протянутую ему руку.

— Мама еще спитъ, и папа также, — сказалъ онъ, очевидно, желая оправиться.

— А ты развѣ не ложился спать?

— Нѣтъ, не ложился; я ночью лягу... Да мнѣ и спать-то не хочется...

— Что же, братъ, такъ? зѣвнулъ Александръ Васильичъ.

— Не хочется... коротко отвѣтилъ Владимірко, и самъ невольно зѣвнулъ, глядя на брата.—У насъ сегодня макароны будутъ,— сказалъ онъ для храбрости.

— Значитъ, мое любимое кушанье, — отлично! А еще что будетъ?

— Супъ съ колобками да тетерька, да еще мама кремъ сдѣлаетъ.

— Батюшки! какая роскошь: все мои любимыя блюда. Да я просто объѣмся сегодня.

— А вы любите красную икру? спросилъ Владимірко, который былъ страшный охотникъ до всякой икры.

— Красную и черную, всякую люблю,— засмѣялся Александръ Васильичъ къ полному удовольствію брата. Послѣдній, по поводу такого очевиднаго сочувствія его вкусамъ, рѣшился даже присѣсть на кончикъ постели.

— А вы красную съ лукомъ любите? продолжалъ онъ выпытывать.

— Непремѣнно съ лукомъ.

— И я тоже съ лукомъ люблю,— окончательно повеселѣлъ Владимірко.—А вотъ Ванька, такъ тотъ прямо у рыбы изъ брюха ѣстъ.

— Неужели?

— Ей Богу-ну, ѣстъ; онъ ее оттуда выдавливаетъ. Мама ему не даетъ икры, такъ онъ, какъ съ базару рыбу несетъ, и выдавитъ.

— Вотъ какой хитрецъ! разсмѣялся Александръ Васильичъ.— Только зачѣмъ ты его называешь „Ванькой“? спросилъ онъ серьезно черезъ минуту:—развѣ тебя кто нибудь зоветъ „Володькой“?

— Нѣтъ. Да его мама такъ зоветъ, и всѣ такъ зовутъ...

— Значитъ, мама не хорошо дѣлаетъ. Зачѣмъ же его обижать вѣдь онъ такой же, какъ и ты, человѣкъ, такой же мальчикъ.

Владимірко широко раскрылъ глаза: онъ еще отъ перваго человѣка слышалъ, что его мама можетъ что нибудь „дѣлать не хорошо,“ а его „наилюбезный камердинеръ“ — такой же мальчикъ, какъ и онъ самъ.

— У Ваньки ни отца, ни матери не было,—пояснилъ онъ въ оправданіе себя и мамы.

— Вотъ ты и опять его такъ назвалъ. Скажи: „у Вани.“

— Ну, у Вани...

— Вотъ видишь ли ты, это неправда, что у него ни матери, ни отца не было. Нѣтъ такого человѣка на свѣтѣ, у котораго бы ихъ не было; иначе онъ бы и родиться не могъ,—сказалъ Александръ Васильичъ очень серьезно.

— Да вѣдь Ваньку-то на улицѣ нашли,—возразилъ Владимірко.

— Опять „Ваньку“! А еще мнѣ писали, что ты его очень любишь...

— Ну, Ваню, Ваню... конфузливо поправился Владимірко.

— Чтожъ такое, что на улицѣ нашли? Все-таки у него и мать была, и отецъ; только нехорошіе, видно, люди они были, коли ребенка на улицу выбросили,—замѣтилъ Александръ Васильичъ.

— Зачѣмъ же они его выбросили?

— А ужь этого я не могу тебѣ сказать. Это надо у нихъ спросить.

Владимірко задумался и нѣсколько недовѣрчиво покосился на брата.

— У нашей Милашки тоже мать была, а отца не было, — сказалъ онъ, какъ бы желая уяснить себѣ новую мысль.

— У какой это Милашки? Ахъ, да! у собаки... И у ней непремѣнно отецъ былъ, только ты, видно, не видалъ, кажъ онъ къ Милашкиной матери бѣгалъ.

— А къ Милашкѣ отчего же онъ не прибѣгалъ?

— Да онъ, можетъ быть, и къ ней прибѣгалъ, а ты не замѣтилъ.

— У воробья тоже отецъ и мать есть, — сказалъ Владимірко, на этотъ разъ уже не съ вопросомъ, а совершенно утвердительно.

— И у воробья есть, — подтвердилъ, въ свою очередь, Александръ Васильичъ.

— Смѣшно воробей скачетъ. Онъ—воръ.

— Это отчего?

— А какже? Они все овесъ изъ конюшни у лошадей воруютъ.

— Отчего же непременно „воруютъ“? Просто знаютъ, что тамъ овесъ есть, и прилетаютъ клевать.

— А вотъ же въ кухню не прилетаютъ: я на окошко насыпалъ.

— Да въ кухнѣ всегда кто нибудь есть, они и боятся.

— Нѣтъ, воробей — воръ, — сказалъ Владимірко съ убѣжденіемъ.

— Значитъ, по твоему, и голубь тоже воръ?

— Нѣтъ, онъ не воръ: онъ не такъ людей пугается.

— Стало быть, воробей только похитрѣе будетъ, а голубь къ людямъ больше привыкъ, все же, по твоему, воръ выходитъ.

— Голубя убивать нельзя... схитрилъ Владимірко.

— Да и воробья не слѣдуетъ убивать.

— А клопа?

— И клопа не слѣдуетъ убивать.

— А мама убиваетъ клоповъ...

— Это еще не значитъ, что ихъ слѣдуетъ убивать; а надо такъ сдѣлать, чтобъ въ комнатѣ они не разводились, — держать комнаты чисто.

— Да они въ диванѣ сидятъ...

— Надо сдѣлать, значитъ, чтобъ ихъ и тамъ не было.

— Да голубь вѣдь чистая птица?

— Чистая, коли не запачкается.

— Да нѣтъ! не то... замялся Владимірко.

— А! знаю. Ну, чистая, чистая.

— А клопъ чистый?

— И клопъ чистый.

— Онъ пахнетъ...

— Чтожъ такое, что клопъ клопомъ пахнетъ? И голубь пахнетъ голубемъ; ты понюхай-ка когда нибудь.

Владимірко на минуту задумался, и затѣмъ лицо его приняло самое лукавое выраженіе.

— А мышь... чистая? спросилъ онъ съ очевиднымъ коварствомъ.

— Разумѣется, чистая.

— Вотъ и врешь: мышь поганая! засмѣялся Владимірко, торжествуя.

— Что же это значитъ „поганая“? смиренно схитрилъ, въ свою очередь, Александръ Васильичъ, прикидываясь, что не понимаетъ значенія этого слова.

— Поганая-то что значитъ? переспросилъ Владимірко, очевидно, затрудняясь отвѣтомъ.

— Да.

— Ее ѣсть нельзя...

— Какъ нельзя? Ты развѣ пробовалъ?

— Чего вы еще выдумали!

Владимірко даже обидѣлся.

— Такъ какъ же ты говоришь, что ѣсть нельзя, коли не пробовалъ?

— Мама говоритъ...

— А мама пробовала?

Владимірко еще больше обидѣлся и сдѣлалъ гримасу человѣка, котораго начинаетъ тошнить.

— Ну ужъ, чего вы говорите... сказалъ онъ нѣсколько сердито.

— Такъ почему же ты думаешь, что мышь нельзя ѣсть, коли никто и не попробовалъ, можно ли ее, въ самомъ дѣлѣ, ѣсть?

— А вы ѣли? оправился Владимірко.

— Я тоже не ѣлъ, только не потому, что ее нельзя ѣсть, а потому, что у нея мясо невкусное, пахнетъ скверно жиромъ.

— А вкусное было бы,—съѣли?

— Съѣлъ бы.

Владимірко повторилъ свою гримасу.

— А какъ же вы знаете, что она невкусная, когда и сами ее не ѣли? спросилъ онъ лукаво.

— А вотъ, видишь, есть такіе люди, ученые, которые стараются все испробовать,—пробовали и мышиное мясо, и нашли, что оно невкусно. Все-таки ѣсть его можно: китайцы вонъ ѣдятъ.

—Они сами вамъ это разсказывали?

— Кто? Китайцы-то?

— Нѣтъ, другіе-то...

— Ахъ, ученые! Нѣтъ, не сами. То есть сами же, пожалуй, да только въ книгахъ, а не лично мнѣ.

Владимірко посматривалъ на брата крайне недовѣрчиво. Александръ Васильичъ замѣтилъ это и сказалъ:

— Да вотъ, лучше всего, мы когда нибудь сами поймаемъ мышь, сваримъ ее, да и попробуемъ, какой у ней вкусъ. Вкусной окажется—съѣдимъ, а коли не вкусная—выбросимъ.

Владимірко опять скорчилъ было прежнюю гримасу, но сейчасъ же и прояснился.

— А вы гдѣ будете мышь ловить? Въ подпольѣ лучше; тамъ ихъ много: вотъ какія!... показалъ онъ двумя пальцами.

— Можно и въ подпольѣ поймать.

— А вотъ ужь таракана, такъ никто не съѣстъ: онъ съ усищами... захохоталъ Владимірко.

— Я, братъ, однажды съѣлъ таракана.

— Съѣ-ѣ-ли? растянулъ удивленно Владимірко. — Зачѣмъ съѣли?

— Да такъ, дурачился; хотѣлъ показать одной барынѣ, что можно и таракана съѣсть, не поморщившись, коли захочешь.

— Невку-у-сный? снова растянулъ Владимірко, отчаянно сморщивъ носъ.

— Нѣтъ, ничего; почти никакого вкуса нѣтъ.

— Вы мертваго или живого съѣли?

— Мертваго.

— А живой въ брюхѣ будетъ ползать?

— Нѣтъ. Онъ сейчасъ же переварится въ желудкѣ, такъ что отъ него и слѣдовъ не останется.

— Какой вы смѣшной! сказалъ Владимірко. — А я умѣю по вороньи каркать,—прибавилъ онъ вдругъ.

— Ну-ка, каркни.

Владимірко каркнулъ очень похоже.

— А вы умѣете? спросилъ онъ у брата.

Александръ Васильичъ тотчасъ же приподнялся на постели, уморительно покачалъ головой, подражая воронѣ, и такъ мастерски каркнулъ, что у Владимірки даже слюнки потекли. Онъ, по крайней мѣрѣ, съ минуту послѣ этого смотрѣлъ брату въ ротъ, признавъ себя рѣшительно побѣжденнымъ.

— А сороку... попросилъ онъ.

Александръ Васильичъ не менѣе мастерки изобразилъ ему и сороку, даже какъ-то особенно забавно подпрыгнулъ для этого нѣсколько разъ на постели. Тутъ ужъ Владимірко пришелъ въ совершенный восторгъ, и какъ бы въ знакъ начавшейся дружбы, вскарабкался на брюхо къ брату.

— А ты умѣешь, Саша, ракетки дѣлать? спросилъ онъ съ замирающимъ сердцемъ.

— Еще какія, братъ, умѣю дѣлать-то! засмѣялся Александръ Васильичъ.

— Врешь? допытывался Владимірко.—А красный огонь... умѣешь?

— И красный огонь сдѣлаю.

Красный огонь былъ для Владимірки своего рода демоническимъ призракомъ, преслѣдовавшимъ его воображеніе съ того послѣдняго фейерверка, на которомъ онъ, въ первый разъ, увидѣлъ этотъ огонь.

— А ты какъ ракетки научился дѣлать? спросилъ мальчуганъ съ самымъ живымъ любопытствомъ, при чемъ его маленькое личико, обыкновенно, довольно угрюмое, сіяло полнѣйшимъ торжествомъ.

— Сперва прочелъ въ книгѣ, какъ дѣлаются ракеты; послѣ попробовалъ самъ сдѣлать, раза три испортилъ, а потомъ ничего, хорошо вышло.

— А книга эта у тебя есть?

— Нѣтъ, не взялъ съ собой.

— А красный огонь тоже по книгѣ научился дѣлать?

— Тоже по книгѣ.

— А изъ чего онъ, Саша, дѣлается?

— Ты не поймешь: въ него разныя вещи входятъ, все мудреныя названія.

— Ска-а-жи, Саша!... уморительно упрашивалъ Владимірко.

— Ну... азотнокислый стронціанъ входитъ, бертолетова соль входитъ, сѣрнистая сюрьма...

Лицо Владимірки мгновенно омрачилось: онъ смѣкнулъ сразу, хоть и смутно, что это ужъ не чета его селитрѣ. „У-ухъ сколько!“ подумалъ онъ съ полнѣйшей безнадежностью приготовить красный огонь.

— А вотъ постой,—сказалъ Александръ Васильичъ, замѣтивъ на его лицѣ эту безнадежность:—вонъ тамъ у меня, въ чемоданѣ, книга есть, въ красномъ переплетѣ, толстая такая... дай-ка ее мнѣ сюда.

Владимірко опрометью бросился къ чемодану, и мигомъ досталъ оттуда книгу.

— Химія! не утерпѣлъ онъ не объявить громко, пробѣжавъ глазами заглавіе.

— Да, химія,—подтвердилъ Александръ Васильичъ, и сталъ перелистывать книгу.

— Что это значитъ „химія“, Саша? полюбопытствовалъ Владимірко.

— Наука такая... Если выучишься ей, будешь знать, изъ чего, напримѣръ, соль состоитъ,—вотъ что къ обѣду подаютъ,—какъ желѣзо получается, отчего оно ржавѣетъ... однимъ словомъ, я разскажу тебѣ когда нибудь объ этомъ поподробнѣе, а теперь вотъ смотри, прочти вотъ здѣсь...

„Славная, должно быть, книжка!“ весело подумалъ Владимірко, и съ жадностью прочелъ указанное мѣсто, подтвердившее ему слова брата о составѣ краснаго огня.

— Ты дашь мнѣ, Саша, почитать эту книжку... а? попросилъ онъ умильно.

— Возьми, да только ты ничего не поймешь въ ней.

— Ничего, я почитаю...

— Почитай, почитай.

— А эти... какъ они называются?.. для краснаго-то огня... здѣсь нельзя достать? опять съ замирающимъ сердцемъ спросилъ Владимірко.

— Отчего нельзя достать? Въ любой аптекѣ можно купить.

Владимірко пришелъ-было въ неописанный восторгъ, но вдругъ подумалъ о чемъ-то, и омрачился.

— Безъ лекаря не дадутъ въ аптекѣ... сказалъ онъ печально.

— Дадутъ и такъ,—утѣшилъ его братъ:—безъ рецепта только ядовитыя вещества не отпускаются, а эти продадутъ.

— А дорого, поди?

— Не особенно.

— Поди, три рубля, Саша?

Три рубля всегда представлялись почему-то Владиміркѣ роковой финансовой единицей, разбивавшей въ прахъ всѣ его планы и надежды.

— Экъ куда хватилъ: три рубля! засмѣялся Александръ Васильичъ:—развѣ нѣсколько копѣекъ.

У Владимірки совсѣмъ повеселѣло на душѣ. Онъ безцеремонно принялся тормошить брата, но, при этомъ, какъ-то нерѣшительно все поглядывалъ ему въ глаза.

— Саша! А, Саша!.. робко проговорилъ онъ наконецъ.

— Что?

Владимірко вдругъ покраснѣлъ весь, какъ ракъ, застыдился чего-то, и мгновенно изчезъ изъ комнаты, оставивъ брата въ полнѣйшемъ недоумѣніи. Минуты черезъ двѣ, онъ вернулся съ какой-то бумажкой въ рукахъ, попрежнему красный, какъ ракъ, и робко всунулъ ее Александру Васильичу. Но едва тотъ сталъ развертывать бумажку, Владимірко закрылся халатикомъ, закричалъ: „Не читай при мнѣ, Саша!“ — и убѣжалъ снова. Бумажка оказалась запиской, лаконически молившей: „зделай мне севодни красной огонь“. Прочитавъ ее, Александръ Васильичъ расхохотался до слезъ.

— Володя! позвалъ онъ громко Владимірку, который, притаясь въ сосѣдней комнатѣ, въ углу, просто умиралъ отъ нетерпѣнія.

— Володя! Поди же сюда! повторилъ Александръ Васильичъ еще громче.

Владимірко появился наконецъ въ кабинетѣ брата, но съ такимъ сконфуженнымъ и разстроеннымъ лицомъ, что Александръ Васильичъ и на этотъ разъ не могъ удержаться отъ смѣха, глядя на его комично-съежившуюся фигурку.

— Ахъ ты, проказникъ этакій! сказалъ онъ, все еще смѣясь, и притянулъ къ себѣ Владимірку за обѣ руки.—Дѣлать, братъ, нечего—надо исполнить.

Владимірко такъ и запрыгалъ на мѣстѣ.

— Сегодня, Саша? а? Сегодня? а? приставалъ онъ къ брату, обвивъ руками его шею.

— Сегодня, сегодня; вотъ только встану—и распоряжусь.

Владимірко захлопалъ въ ладоши, порывисто чмокнулъ брата въ щеку и опрометью удралъ изъ комнаты. Ему, по всей вѣроятности, захотѣлось сейчасъ же подѣлиться своей неописанной радостью... кто бы подъ-руку ни подвернулся первый.

Прямымъ результатомъ этой нехитрой бесѣды было слѣдующее: „Наилюбезному камердинеру“ стало въ тотъ же день доподлинно извѣстно, что у него были и мать, и отецъ, только нехорошіе, оттого—что выбросили его на улицу; что они, можетъ быть, потомъ и приходили посмотрѣть на своего сына, а онъ ихъ не видалъ, или и видѣлъ, да не узналъ. Въ этотъ же день, „наилюбезный камердинеръ,“ къ удивленію своему, узналъ, что его слѣдуетъ называть „Ваней“, а не „Ванькой“, потому что онъ такой же мальчикъ, какъ и Владимірко. Вечеромъ, около десяти часовъ, маленькая зала свѣтловскаго флигелька освѣтилась, на нѣсколько минутъ, ярко-краснымъ огнемъ азотнокислаго стронціана,—и запиравшій ворота работникъ, пораженный такимъ необыкновеннымъ освѣщеніемъ въ окнахъ хозяевъ, заглянувъ въ одно изъ нихъ, видѣлъ торжественно сидящаго на полу, на корточкахъ, Владимірку, смотрѣвшаго съ широко-разинутымъ ртомъ на какую-то горѣвшую передъ нимъ диковинку. Ночью же, когда все въ домѣ спало крѣпкимъ сномъ, совершилась никѣмъ неподмѣченная тайна: Владимірко выложилъ на ладонь свою маленькую душу и отдалъ ее старшему брату...

ГЛАВА IV.

Свѣтловъ у родственниковъ.

На другой день Александръ Васильичъ, съ утра, собрался съ визитами къ родственникамъ, которыхъ у него оказывалось порядочное количество. Старикъ Свѣтловъ, съ этой цѣлью, предоставилъ въ полное распоряженіе сына, свою, только-что передъ тѣмъ под-

новленную пролетку: ему хотѣлось, чтобы его старшій наслѣдникъ показался въ люди прилично. Когда, передъ самымъ отъѣздомъ, Александръ Васильичъ, совершенно уже одѣтый, вышелъ въ залу, семья не могла наглядѣться на своего новопріѣзжаго члена: такъ наряденъ показался онъ ей, хотя и былъ, повидимому, одѣтъ очень просто.

— Фу, какимъ ты аристократомъ, Санька! первая воскликнула, въ восхищеніи, Ирина Васильевна.

— Да вѣдь мы съ отцомъ не даромъ же ведемъ свой родъ отъ какого-то якутскаго князька,—отшутился сынъ.

— Повернись-ка, парень, повернись,—говорилъ старикъ Свѣтловъ, осматривая сына сзади и спереди, и проводя рукой по его изящной бархатной визиткѣ.—Важно!

— А что такая визитка стоитъ въ Петербургѣ, Саша? полюбопытствовала Оленька.

— Помнится, что я шестьдесятъ рублей заплатилъ; впрочемъ, съ жилетомъ и съ брюками.

— Шутка ли, Санька, какія деньги! Ну да ужъ и стоитъ: какъ игрушечка сидитъ на тебѣ,—сказала Ирина Васильевна.

У крыльца въ это время раздался стукъ подъѣхавшаго экипажа. Александръ Васильевичъ заторопился.

— Смотри же, батюшка, ко всѣмъ заѣзжай,—говорила Ирина Васильевна, провожая сына до самаго крыльца:—а то послѣ и не оберешься разныхъ пересудовъ да капризовъ. Все вѣдь это на мою голову обрушится, а она у меня, признаться сказать, и такъ частенько побаливаетъ. Къ дядѣ-то пуще, смотри, заѣзжай!

Александръ Васильевичъ поцѣловалъ мать, сказалъ, что постарается побывать вездѣ, и уѣхалъ.

— А знаешь, мать, что: на кого у насъ Александръ-то походитъ? сказалъ Василій Андреевичъ женѣ, когда та вернулась въ комнату.

— На кого? спросила Ирина Васильевна довольно равнодушно.

— А вотъ на тѣхъ политическихъ преступниковъ, которыхъ я возилъ.., помнишь?

— Тфу ты! Типунъ бы тебѣ на языкъ, отецъ? Еще чего выдумалъ! Окрестись-ка ты, батюшка, окрестись!... вспыхнула, какъ порохъ, Ирина Васильевна, плюнувъ въ сторону.

Она нѣсколько разъ серьезно перекрестила мужа, и не слушая его больше, сердито ушла.

— А право, похожъ... подтверждалъ старикъ какъ бы про себя—и зашагалъ по комнатѣ.

Тѣмъ временемъ, Александръ Васильичъ завертывалъ уже за уголъ улицы. По правдѣ сказать, онъ не особенно былъ расположенъ къ сегодняшнимъ визитамъ; по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторымъ изъ нихъ даже и вовсе не расположенъ. Свѣтловъ зналъ впередъ, что многіе родные посмотрятъ на него, какъ на выскочку, то есть, какъ на человѣка, пробившаго себѣ прямую дорогу собственными боками. Сами они пріучились выглядывать всю жизнь изъза чужой спины, подчиняться всякой нелѣпости, какую бы общество не поставило имъ въ условіе спокойнаго существованія. Такіе люди не прощаютъ независимости въ другихъ. Но Александру Васильичу хотѣлось доставить удовольствіе матери.

„Съ кого же бы мнѣ начать?“ подумалъ Свѣтловъ, когда пролетка его повернула за уголъ улицы. „Поѣду прежде къ дядѣ Соснину“ — сообразилъ онъ погодя, и обратился къ своему возницѣ:

— Знаешь, гдѣ Алексѣй Петровичъ Соснинъ живетъ?

— Эта хотора медалемъ тутъ? лѣниво спросилъ, ткнувъ себя бичемъ въ галстукъ, бурятъ-работникъ, исправлявшій на этотъ разъ должность кучера.

— Ну да, съ медалью на шеѣ; такъ вотъ ты къ нему и поѣзжай сперва,—улыбнулся Свѣтловъ.

Соснинъ приходился Александру Васильичу двоюроднымъ дядей. Съ старикомъ Свѣтловымъ они почти росли вмѣстѣ, и если кто нибудь могъ считаться другомъ Василья Андреича, то, разумѣется, ближе Соснина право это никому не принадлежало. До настоящаго времени, Александръ Васильичъ видѣлъ дядю только

разъ въ жизни, и то мелькомъ, когда былъ еще лѣтъ двѣнадцати—не больше. Но уже и тогда, эта личность, сколько онъ помнитъ, поразила своей оригинальностью его ребяческое вниманіе. Молодой человѣкъ, хоть и неясно, а все-таки вызвалъ изъ памяти черты лица дяди. Въ семействѣ Свѣтловыхъ, Соснинъ считался большимъ чудакомъ, „горячкой", по выраженію Ирины Васильевны, и добрякомъ—вообще, широкой натурой; о немъ немало разсказывалось тамъ интересныхъ анекдотовъ. Большую часть жизни онъ провелъ въ разъѣздахъ по Амуру, состоя на службѣ россійско-американской компаніи. Какъ превосходный знатокъ амурскаго края, Алексѣй Петровичъ, хотя и косвенно, участвовалъ въ его завоеваніи, оказавъ много серьезныхъ услугъ этому дѣлу,—и тотъ, кого оно ближе всего касалось, никогда не забывалъ, впослѣдствіи, крикнуть слабому глазами старику, встрѣтивъ его на улицѣ: „Здравствуй, Соснинъ!" Это ласковое привѣтствіе всякій разъ, однако, раздражало почему-то Алексѣя Петровича. Оно и понятно, впрочемъ: заслуги его, какъ водится, не были вознаграждены по достоинству. Скромное имя предпріимчиваго мѣщанина Соснина, не разъ рисковавшаго жизнью, не нашло себѣ мѣста тамъ, гдѣ успѣли кокетливо пріютиться имена не столь темнаго происхожденія, хотя носившіе ихъ, чаще всего, даже и насморка-то порядочнаго схватить не рисковали. Въ эпоху нашего разсказа, старикъ Соснинъ былъ уже позабытъ, и если его оставляли еще на службѣ, то больше по привычкѣ, чѣмъ по надобности. Отецъ успѣлъ въ это утро сообщить Александру Васильичу, напомнивъ ему о необходимости навѣстить дядю, что тотъ, въ послѣднее время, сталъ не въ мѣру раздражителенъ, что съ нимъ надо говорить осторожнѣе. Предупрежденіе отца вызвало въ памяти Свѣтлова одно изъ недавнихъ писемъ матери, въ которомъ подробно разсказывалось, какъ Соснинъ, въ свою послѣднюю поѣздку, отполосовалъ за что-то плетью ямщика, а тотъ, соскочивъ съ козелъ и вырвавъ плеть, хлестнулъ ею по лошадямъ; онѣ понеслись во весь духъ подъ гору, Алексѣй Петровичъ былъ выброшенъ изъ повозки, едва не

лсомалъ ногу и такъ ушибъ себѣ спину, что около двухъ мѣсяцевъ не могъ встать съ постели.

Пока эти соображенія занимали Свѣтлова, пролетка его подъѣхала къ воротамъ небольшого домика въ три окна, въ одной изъ самыхъ глухихъ улицъ города. По ветхимъ ступенямъ крыльца или, вѣрнѣе, лѣстницы, Александръ Васильичъ поднялся въ плохо сколоченныя, холодныя сѣни, и отворилъ на-угадъ первую попавшуюся ему на глаза дверь. До его слуха, тотчасъ же, рѣзко долетѣли болѣзненные звуки скрипки: кто-то съ большимъ чувствомъ, хотя и не совсѣмъ вѣрно, игралъ извѣстный полонезъ Огинскаго.

— Дома Алексѣй Петровичъ? спросилъ Свѣтловъ у вышедшей ему на встрѣчу толстой женщины въ бѣломъ чепцѣ, не то барыни, не то кухарки.

— Какже, дома. Проходите-ко въ горенку, — отвѣтила она привѣтливо.

Свѣтловъ вступилъ, дѣйствительно, въ „горенку". Комнатой, въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, назвать ее никакъ не приходилось: отъ нея вѣяло стариной и патріархальностью; только два револьвера, висѣвшіе на стѣнѣ, между картинками модъ, намекали на то, что и о современной цивилизаціи здѣсь имѣютъ понятіе. Въ горенкѣ никого не было, но скрипка умолкла. Александръ Васильичъ раза два кашлянулъ. Черезъ минуту, изъ смѣжной комнаты, къ нему вышелъ, съ смычкомъ въ рукѣ, довольно бодрый еще старикъ, въ которомъ молодой человѣкъ сразу узналъ дядю. Это было очень характерное лицо. Сѣдые, съ желтизной, нѣсколько всклокоченные волосы, закрывая широкій, со складками, лобъ, безпорядочно торчали надъ густыми, съ просѣдью, нависшими черными бровями; изъ-подъ нихъ сурово смотрѣли умные, еще неутратившіе своего блеска, сѣрые глаза. Носъ напоминалъ нѣсколько орлиный клювъ, а двѣ глубокія складки по обѣ стороны ноздрей, рѣзко оканчивавшіяся у угловъ гладко-выбритыхъ губъ, придавали всему лицу, и особенно этимъ губамъ, чрезвычайно оригинальное саркастическое

ыраженіе. Соснинъ былъ въ черномъ длиннополомъ сюртукѣ, съ большой золотой медалью на шеѣ.

— Съ кѣмъ имѣю удовольствіе пріятнаго свиданія? спросилъ онъ далеко не гостепріимно у Свѣтлова, широко раскрывъ удивленные глаза и недовѣрчиво мѣряя ими неузнаннаго племянника. Старикъ не поклонился ему, а только чуть замѣтно шевельнулъ головой.

— Не мудрено, что вы меня не узнаете, дядя: мы только разъ и видѣлись. Свѣтловъ,—отрекомендовался Александръ Васильичъ съ легкимъ поклономъ.

Соснинъ еще шире и удивленнѣе раскрылъ глаза.

— Свѣтловъ?... Позвольте... Свѣтловы, точно, наши... только какой же вы это Свѣтловъ? спросилъ онъ, какъ будто соображая, и поправилъ орденскую ленту на шеѣ.

— Сынъ Василья Андреича Свѣтлова, — пояснилъ Александръ Васильичъ съ едва замѣтной улыбкой.

— Э! Да какъ же бы я тебя узналъ, этакого молодца?... нѣсколько растерявшись проговорилъ Соснинъ. При этомъ выраженіе его лица немного смягчилось, но нельзя было сказать положительно, обрадовался онъ племяннику, или нѣтъ.—Садись-ко, племяша: гостемъ будешь, — поспѣшилъ прибавить старикъ, и подставилъ Свѣтлову стулъ.

— Когда-жъ это ты успѣлъ примахать къ намъ? спросилъ Соснинъ, когда они оба сѣли.

— Рано утромъ вчера пріѣхалъ.

— Такъ. Ну, чтожъ, обрадовались мать-то да отецъ?

— Еще-бы! улыбнулся Александръ Васильичъ.

— Мать-то, надо полагать, всплакнула при сей вѣрной оказіи?

— Было и это, — снова улыбнулся Свѣтловъ.

— Они тебя мѣсяца черезъ три еще ждали; ты вѣдь самъ такъ писалъ... замѣтилъ Соснинъ помолчавъ и, видимо, пріискивая предметъ для разговора. Онъ какъ будто конфузился племянника.

— Я и самъ не предполагалъ раньше пріѣхать; думалъ, что экзамены задержатъ,—сказалъ Александръ Васильичъ.

— Такъ. Чтожъ, совсѣмъ выучился?

— Совсѣмъ и не совсѣмъ: не мѣшало бы и еще поучиться.

— Какъ же ты... съ какимъ же ты... чиномъ... или какъ это у васъ тамъ?... замялся старикъ.

— Я кандидатъ математическихъ наукъ, — скромно пояснилъ племянникъ.

— Гмъ! Такъ. А непочтенію къ старшимъ васъ тоже, небось, тамъ учили? Ты какъ? силенъ въ этой наукѣ? Чай, тоже кандидатъ? сурово съострилъ Соснинъ.

— Старшіе старшимъ рознь, дядя,—сказалъ Свѣтловъ уклончиво.

— Ты, можетъ быть, стѣсняешься, что меня „дядей“ кличешь? У васъ вѣдь, въ Питерѣ, кажется, этого не полагается; такъ ты не стѣсняйся пожалуста: мы невзыскательны, — проговорилъ Соснинъ лукаво-саркастически.

— Еслибъ это меня стѣсняло, я бы не называлъ васъ такъ,— сказалъ холодно Свѣтловъ.

— Чтожъ ты, служить думаешь? спросилъ, минуту помолчавъ, Соснинъ. Голосъ его значительно смягчился, но въ немъ, попрежнему, звучала иронія.

— Нѣтъ, не думаю, — коротко отвѣтилъ Александръ Васильичъ.

— Чтожъ такъ? Напрасно. Служить выгодно: дали бы тебѣ, глядишь, какую нибудь вотъ этакую свѣтленькую штучку — и кушай ее потомъ на здоровье, какъ со службы-то въ шею прогонятъ, вонъ какъ твоего отца,—зло проговорилъ Соснинъ, ткнувъ нѣсколько разъ смычкомъ въ свою золотую медаль. — А впрочемъ, можно и каменные домы нажить, коли спина безъ костей да лапа мясиста,—прибавилъ еще злѣе старикъ.

— А вотъ вы служите же, дядя...

— Я-то? Служу, племяша, служу... чертовой перечницѣ!

— Какъ такъ? засмѣялся Свѣтловъ.

— Да такъ, что какъ ее не нюхай, все въ носъ бросается... проворчалъ сквозь зубы Алексѣй Петровичъ.

— Вѣдь ваша служба, кажется, частная, дядя?

— А не все одинъ бѣсъ, что частная, что казенная? спросилъ сердито Соснинъ вмѣсто отвѣта.

— Такъ что же, по вашему, слѣдуетъ дѣлать-то?

— Огороды разводить...

— Какъ „огороды разводить“? удивился Свѣтловъ.

— А какъ бабы разводятъ? Такъ и разводить. Еще ученый, а спрашиваешь!

— Ну и чтожъ изъ этого выйдетъ?

— А своя рѣпа выростетъ...

— Не много же, — улыбнулся Свѣтловъ.

— Не много, а все *матушку рѣпку пѣть* не будешь... позволилъ себѣ улыбнуться и Соснинъ.

— Этакъ вы и меня соблазните съ огородовъ начать,—сказалъ племянникъ.

— А ты что намѣренъ производить?

— Да на первый разъ хочу уроки давать, а тамъ... увижу.

— Съ парниковъ, значитъ, начнешь. Чтожъ, хорошо: арбузы-то здѣсь, пожалуй, подороже будутъ, чѣмъ рѣпа,—снова позволилъ себѣ улыбнуться Соснинъ, и въ голосѣ его послышалась нота довѣрчивости. — Пьешь ты какое-нибудь вино? Али только такъ, въ рюмку смотришь, какъ другіе пьютъ? спросилъ онъ шутливо у племянника.

— Н...ну, нѣтъ, до послѣдняго не охотникъ,—пошутилъ, въ свою очередь, Свѣтловъ, не догадываясь, къ чему ведетъ этотъ вопросъ.

— У меня, племяша, по-военному! весело сказалъ вдругъ Соснинъ, и мастерски изобразилъ племяннику, при помощи пальца и рта, какъ откупориваютъ шампанское. Потомъ онъ быстро всталъ, засуетился, началъ что-то искать глазами на полу, наконецъ прошелъ въ уголъ комнаты, нагнулся и что-то поднялъ.

Александръ Васильичъ, не сразу смекнувшій въ чемъ дѣло, съ нѣкоторымъ удивленіемъ посматривалъ на старика, который, между тѣмъ, поспѣшно прошелъ въ переднюю и тотчасъ же вернулся.

— Что это вы искали, дядя? спросилъ у него Свѣтловъ.

— Деньги.

— Какъ деньги? На полу-то? удивился племянникъ.

— Я ихъ всегда на полу держу.

— Нѣтъ, дядя, вы шутите?

— А то гдѣ же ты найдешь лучшее мѣсто для этой дряни? сказалъ Соснинъ совершенно серьезно.

— Такъ-таки на полу и держите?

— Завсегда. Какъ принесешь ихъ откуда нибудь, такъ въ уголъ и бросишь.

— Но вѣдь ихъ вымести могутъ?

— Гмъ! Нѣтъ, мои порядки здѣсь твердо знаютъ; а можетъ и выметаютъ... да я, впрочемъ, никогда не считаю эту дрянь.

— Что вы?! изумился Свѣтловъ.

— Да что ихъ считать!—сколько есть, столько и ладно.

Свѣтловъ недовѣрчиво покосилъ глаза въ одинъ изъ угловъ комнаты, и дѣйствительно увидѣлъ на полу нѣсколько мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ; онъ покосился на другой уголъ: тамъ тоже валялись двѣ-три ассигнаціи.

— Да вы и въ самомъ дѣлѣ, дядя, не шутите,—сказалъ онъ, протянувъ руку по направленію валявшихся денегъ.

— А что мнѣ шутить, маленькій я, что ли! нехотя отвѣтилъ Соснинъ, и сталъ распрашивать племянника о Петербургѣ.

Не успѣли они перебросить нѣсколько словъ, какъ въ комнату вошла та самая женщина, которая встрѣтила Свѣтлова при входѣ сюда. Она несла подносъ съ двумя стаканами и бутылкой шампанскаго.

— Что это, дядя, значитъ?

Александръ Васильичъ съ недоумѣніемъ указалъ глазами на поставленную передъ нимъ бутылку.

— Значитъ, пить будемъ,—коротко пояснилъ Соснинъ.

— Такъ вы для этого спрашивали меня, пью ли я какое нибудь вино? для этого и деньги искали?

— А то на кой же бы хрѣнъ я сталъ тебя спрашивать? Ты вѣдь не на исповѣдь въ мою хату заглянулъ.

— Но я, дядя, не буду пить.

— Это отчего?

— Во-первыхъ, я никогда въ это время не пью, да кромѣ того, мнѣ еще надо побывать у другихъ родственниковъ,—сказалъ Свѣтловъ.

— Эка невидаль! Чтожъ тебя стаканъ-то съѣстъ, что ли?

— Да вѣдь неловко же пріѣхать къ нимъ навеселѣ въ первый разъ.

— А тебѣ уксусомъ надо къ нимъ показаться?

Соснинъ положилъ смычекъ въ сторону, на стулъ, и насмѣшливо принялся откупоривать бутылку.

— Погоди, племяша, шибко-то не скачи! Будетъ довольно впереди уксусу,—насмотрятся: у семейной-то розы, братъ, шиповъ еще не оберешься... сказалъ онъ, разрывая пальцемъ проволоку у пробки.

— И зачѣмъ непремѣнно такое дорогое вино, дядя... замѣтилъ Свѣтловъ, очевидно, не зная, что ему сказать.

— А ты себя дешево цѣнишь? Ты у меня считалъ капиталы? спросилъ сердито Соснинъ.

— Все-таки... затруднился Александръ Васильичъ.

— Эхъ вы, сороколѣтники безусые! иронически-укоризненно проговорилъ Алексѣй Петровичъ, и съ шумомъ откупорилъ бутылку.— Съ пріѣздомъ честь имѣю поздравить! шутливо-торжественно прибавилъ старикъ, молодецки чокаясь своимъ стаканомъ съ стаканомъ племянника.

Александръ Васильичъ поблагодарилъ и отпилъ глотокъ вина.

— Я, племяша, терпѣть не могу церемоній,—сказалъ Соснинъ, утирая двумя пальцами губы.

— Да развѣ я церемонился?

— Кто тебя знаетъ, какой ты: вашего брата, нынѣшнихъ, чтобъ раскусить, надо два зуба выломать!

— Будто? Это отчего?

— Оттого, надо полагать, что васъ не въ одной квашнѣ съ нами мѣсили,—захохоталъ Соснинъ.

Свѣтловъ тоже засмѣялся.

— Чудакъ вы большой, дядя, какъ я посмотрю, — молвилъ онъ, прихлебнувъ изъ стакана.

— Что же, братъ, дѣлать: во фронтѣ не состоялъ. А ты вотъ мнѣ лучше скажи: охотникъ ты до бабъ?

— Я очень люблю женское общество,—сказалъ Свѣтловъ, опять не понимая, къ чему клонится вопросъ дяди.

— Не о женскомъ обществѣ тутъ рѣчь, — замѣтилъ старикъ съ лукавой усмѣшкой:—я къ тому говорю, что если тебѣ понадобится когда пріютиться съ подружкой, такъ ты меня только предувѣдомь: я цѣлый день могу въ отпуску находиться, да и стѣнамъ-то отъ этого большого убытку не будетъ...

Александръ Васильичъ слегка вспыхнулъ.

— Врядъ ли, дядя, мнѣ придется воспользоваться вашей любезностью,—сказалъ онъ холодно.

— Было бы сказано молодцу, а тамъ хошь вѣкъ не пользуйся! закашлялся недовольно Соснинъ.—А ты что же, толокно на розовой водѣ разводить здѣсь думаешь?

— Право, я пока ничего объ этомъ не думаю,—неохотно отвѣтилъ Свѣтловъ.

— Гмъ! Такъ. У меня такъ эти дѣла по военному всегда обдѣлывались,—разсмѣялся старикъ. Вино замѣтно воодушевило его.

— Какъ же это? равнодушно спросилъ Александръ Васильичъ, очевидно не интересуясь отвѣтомъ.

— А вотъ какъ. Понравилась мнѣ разъ, въ Кяхтѣ, градоначальница тамошняя,—я еще тогда совсѣмъ сизоперымъ ходилъ, лѣтъ двадцать пять мнѣ было. Полюбилась бабенка, да и на поди! Бывало, какъ только новые товары придутъ,—а я тогда въ прикащикахъ сидѣлъ у одного купца,—я сейчасъ къ ней... матеріи показывать. Маска у меня тогда была не эта.—Соснинъ лу-

каво посмотрѣлся въ зеркало.—Смѣкнула, должно быть, баба, что парень того... давай глазами поворачивать, какъ я приду. А благовѣрный-то ея больше на службѣ развлекался. Бѣгалъ я, бѣгалъ къ ней—тошно стало, хоть душу выложи. Взялъ разъ, махнулъ на колѣни да и объяснился. — Соснинъ молодецки прищелкнулъ пальцами. — Куда тебѣ! И ногами, и руками... Такую пыль подняла, что я съ переполоху-то чуть въ окошко не выскочилъ! Только ужъ какъ домой прибѣжалъ — вспомнилъ, что „мерзавцемъ“ окрестила. „Такъ ты“—думаю—„для чего же глазами-то ворочала? Постой!“ А кровь во мнѣ вотъ такъ, знаешь, и кипитъ-кипитъ. Разъ, вечеркомъ, подкараулилъ я, что царевна-то моя одна-одинешенька въ теремѣ, захватилъ съ собой пистолетъ да и махнулъ къ ней, черезъ окошко, прямо въ спальню. Какъ ссйчасъ помню,—сидѣла, книжку читала. Небось, поблѣднѣла вся, какъ меня, добра молодца, увидала—и закричать не могла. А я не будь робокъ, да пистолетъ-то ей въ грудь, въ упоръ, и приставилъ. „Если“—говорю—„вы сейчасъ же не того...“—Понимаешь? — „тутъ вамъ и духъ вонъ!“ Чтожъ ты думаешь? Чего только душа просила, все получилъ... А вѣдь пистолетъ-то, племяша, былъ не заряженъ! окончилъ Соснинъ, угрюмо захохотавъ.

— Неужели? Ну и что же потомъ? спросилъ у него Свѣтловъ, на этотъ разъ, очевидно, заинтересованный разсказомъ дяди.

— Потомъ-то? медленно переспросилъ старикъ, какъ бы наслаждаясь воспоминаніемъ.—Потомъ-то, племяша, лучше и не вспоминать, на старости, что было: огонь-баба стала, веревками рукъ отъ шеи не оторвать...

Соснинъ залпомъ допилъ стаканъ, низко опустилъ свою сѣдую, всклокоченную голову, и сурово сдвинувъ брови, крѣпко о чемъ-то задумался.

Александръ Васильичъ воспользовался этой минутой и сталъ прощаться, ссылаясь на множество визитовъ впереди.

— Экъ тебя роденька-то подмываетъ! Да ты хоть вино-то сперва допей... егоза! сказалъ Соснинъ, быстро очнувшись.

Свѣтловъ допилъ стаканъ.

— Ну, нѣтъ, племяша, этимъ ты отъ меня не отдѣлаешься; да и я тебя не всегда буду шампанскимъ подчивать... торопливо проговорилъ Алексѣй Петровичъ, наливая племяннику новый стаканъ.

— Вы непремѣнно хотите, чтобъ я раскисъ, дядя? спросилъ у него Свѣтловъ, улыбаясь.

— Хороша же ты опара, коли дрожжей боишься! Или полагаешь, что дядю на старости потѣшишь, такъ достоинство свое потеряешь? началъ сердиться старикъ.

— Если это, дѣйствительно, можетъ доставить вамъ удовольствіе, дядя, тогда, разумѣется, и толковать объ этомъ нечего,— сказалъ Свѣтловъ, и сразу осушилъ стаканъ.

— Вотъ это такъ! Это по нашему, племяша. Спасибо!

Соснинъ всталъ и обнялъ племянника.

— Постой! Ты вѣдь, кажется, сочинитель? спохватился онъ вдругъ.

— Да, я пишу.

— Ты этакъ и меня гдѣ нибудь опишешь?

— При случаѣ—можетъ быть... улыбнулся Свѣтловъ.

— Ахъ ты... материнъ сынъ! дружелюбно засмѣялся Соснинъ.— Я тоже одного сочинителя зналъ, только не русскаго, а изъ поляковъ,—прибавилъ онъ задумчиво:—огонь-душа былъ!

— Вы не помните фамиліи, дядя?

— Какъ не помнить, — помню. Первый у нихъ сочинитель былъ; я и стихи-то его читалъ. Мицкевичъ ему фамилія.

— Неужели, дядя, вы его знали?

— Чтожъ ты на меня глаза-то вытаращилъ? удивился Соснинъ.

— Да какже, это очень интересно. Гдѣ же вы его видали?

— А когда въ Питерѣ былъ: мы съ нимъ въ одной польской кухмистерской обѣдали. Забылъ я теперь, какъ эту пани звали, которая столъ держала. И пивали вмѣстѣ.

— Вы, значитъ, и по-польски знаете?

— Jak Boga kochan! засмѣялся Соснинъ.

— Я надѣюсь, дядя, вы мнѣ разскажете объ этомъ поподробнѣе, какъ только у меня будетъ время? сказалъ Свѣтловъ, очень заинтересованный тѣмъ, что сейчасъ услышалъ отъ Алексѣя Петровича.

— А вотъ забѣгай, снюхаемся какъ нибудь... нѣсколько лукаво отвѣтилъ старикъ.

Александръ Васильичъ крѣпко пожалъ ему руку. Они разстались совершенно дружелюбно и, кажется, понравились другъ другу. По крайней мѣрѣ, Соснинъ проводилъ племянника до самыхъ воротъ, и на прощаньи нѣсколько разъ повторилъ ему и даже крикнулъ въ догонку:

— Заглядывай же, смотри, племяша!

Отъ Соснина Свѣтловъ поѣхалъ къ „теткѣ Орлихѣ“, какъ называла Ирина Васильевна свою старшую сестру — Агнію Васильевну Орлову. Орлова овдовѣла полгода тому назадъ. Мужъ не оставилъ ей ничего, кромѣ семерыхъ дѣтей да ничтожной пенсіи, недостаточной для прокормленія даже и одной головы. Изъ числа этихъ дѣтей, одинъ мальчикъ принятъ былъ на казенный счетъ въ какую-то военную школу, другой пристроился *на побѣгушки* въ чью-то лавку, четверо были еще малы и обрѣтались дома, на рукахъ вдовы, а седьмая—дочь—за годъ передъ тѣмъ вышла изъ института, съ полнѣйшей непривычкой къ встрѣтившей ее жизни. Анюту,—такъ звали дочь Орловой,—Свѣтловъ помнилъ особенно потому, что она, будучи въ этомъ заведеніи, отвѣчала, обыкновенно, на всѣ вопросы роднымъ застѣнчивымъ: „Не знаю“. Такого же отвѣта удостоивался и самъ Александръ Васильичъ, когда съ матерью навѣщалъ ее тамъ по воскресеньямъ. Въ то время, Анюта была въ высшей степени робкое, несообщительное существо.

Едва Свѣтловъ подъѣхалъ къ ветхому, покривившемуся домику, гдѣ обитала эта многочисленная семья, на него такъ и повѣяло со всѣхъ сторонъ, нуждой да безпріютностью. Заборъ покосился, го-

товый обрушиться на неосторожнаго пѣшехода; ставни у оконъ уродливо висѣли въ разныя стороны, точно искалѣченные члены у обезображеннаго трупа; калитка отворилась съ такимъ пронзительнымъ скрипомъ, какъ будто ее отпиряли разъ въ годъ; ступеньки крыльца, когда вступилъ на него Александръ Васильичъ, такъ затряслись подъ нимъ, что онъ, въ первую минуту, даже отступилъ назадъ. Ему невольно вспомнились и широкій дворъ отцовскаго дома съ большимъ, массивнымъ крыльцомъ, и пролетка, на которой онъ только-что подъѣхалъ,—и стало какъ-то жутко Свѣтлову. „Не въ бархатной визиткѣ надо было ѣхать сюда!“ язвительно мелькнуло у него въ головѣ. Онъ вошелъ, однако.

Переступивъ порогъ этого дома, Александръ Васильичъ почувствовалъ, какъ кровь мгновенно прилила у него къ лицу при одномъ взглядѣ на окружающую обстановку. Во второй комнатѣ отъ той, гдѣ онъ теперь стоялъ, два оборванныхъ мальчика возились на голомъ, съ большими щелями, полу, съ жадностью отнимая другъ у друга корку пирога. Ихъ напрасно старалась унять сидѣвшая въ уголку, поодаль, сестра, штопавшая чьи-то старенькіе, со множествомъ заплатъ, брючки. Свѣтловъ не сразу узналъ бы въ ней прежнюю Анюту. Дѣвушка выросла и похорошѣла,—похорошѣла какъ бы на зло своей семейной бѣдности. Стройная и миловидная, съ маленькой русой головкой, съ прекрасными задумчивыми темными глазами, она не только ничего не теряла отъ убогой обстановки, но, напротивъ, придавала ей какую-то своеобразную, горькую прелесть. Чрезвычайная худоба ея лица, рукъ и стана бросалась въ глаза съ перваго взгляда.

Увидѣвъ въ передней раздѣвающееся, незнакомое, нарядное лицо, дѣвушка замѣтно смутилась, не зная, что дѣлать, вся покраснѣла и торопливо сунула на окно свою работу.

— Здравствуйте, Анюта! Ничего такъ не люблю, какъ заставать дѣвушекъ за работой... Не узнали? скороговоркой молвилъ Александръ Васильичъ, входя въ комнату и привѣтствуя сестру самымъ искреннимъ образомъ.

Она широко открыла глаза, потомъ потупилась и нерѣшительно встала.

— Такъ-таки и не узнаете? сказалъ весело Свѣтловъ, и назвалъ себя.

— Ахъ, Боже мой! Неужели?.. воскликнула дѣвушка, едва довѣряя своимъ ушамъ, бойко сдѣлала шагъ на встрѣчу, и опять нерѣшительно остановилась.

— Нѣтъ, ужь извините, этакъ братьевъ не встрѣчаютъ! замѣтилъ еще веселѣе Свѣтловъ, обнялъ ее и поцѣловалъ. — Вотъ такъ будетъ породственнѣе, — прибавилъ онъ, невольно залюбовавшись на сестру, какъ та заалѣлась вся отъ его поцѣлуя.

— Боже мой, какъ вы перемѣнились-то! Я бы васъ ни за что не узнала! говорила радостно, въ попыхахъ, дѣвушка, пока молодой человѣкъ звонко цѣловалъ все еще возившихся на полу ея братишекъ.

— А вы-то развѣ не перемѣнились, Анюта? И я бы васъ не узналъ,—сказалъ Александръ Васильичъ, садясь съ ней рядомъ. Онъ взялъ ее за обѣ руки.

— Ну какъ вы поживали безъ меня? Вѣдь я васъ сто лѣтъ не видалъ! Помните, какъ я ваше зеленое институтское платье соусомъ облилъ, а когда васъ спросили, откуда это пятно, вы отвѣчали: „Не знаю“?

Они оба весело засмѣялись.

— Какъ не помнить,—проговорила Анюта.

— И досталось же мнѣ потомъ за это платье: мама такъ мнѣ больно надрала уши, что они у меня цѣлый часъ послѣ того горѣли. А гдѣ же... Агнія Васильевна? спохватился Свѣтловъ.

— Мамаша на рынокъ ушла; она сейчасъ придетъ. Вотъ она не ожидаетъ-то встрѣтить! Вы когда пріѣхали?

Александръ Васильичъ назвалъ день.

— Папа-то вѣдь у насъ... умеръ! сказала вдругъ дѣвушка, и голосъ ея оборвался.

— Да, я знаю, мнѣ писали...

Свѣтловъ чувствовалъ, что промолчать въ эту минуту будетъ удобнѣе.

— Намъ теперь очень трудно жить,—замѣтила Анюта, помолчавъ. Она поняла деликатность брата, нежелавшаго показать, что онъ замѣчаетъ ихъ крайнюю бѣдность.

— Чтожъ дѣлать, Анюта! Не всѣмъ живется хорошо,—сказалъ Свѣтловъ съ горечью.—Я еще удивляюсь, какъ вы переносите ваше семейное горе...

Александръ Васильичъ невольно вспомнилъ при этомъ дядю Соснина, у котораго деньги по угламъ валялись.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, Анюта, чѣмъ же вы теперь живете? Пенсія вѣдь у вашей мамы крошечная? спросилъ онъ, помолчавъ.

— Мамашѣ нѣкогда работать на сторону, надо братьевъ обшивать, такъ я работаю кое-что, беру заказы, бѣлье шью...

— И много вы, такимъ образомъ, зарабатываете—въ мѣсяцъ, напримѣръ?

— Когда рублей десять, а когда и меньше; работы мало, а я-то готова и день, и ночь работать...

Свѣтловъ мелькомъ взглянулъ на сестру и замѣтилъ у нея легкую красноту вокругъ глазъ.

— Неблагодарная работа, Анюта,—сказалъ онъ сосредоченно.

— Паша еще немного помогаетъ; онъ въ лавкѣ шесть рублей жалованья беретъ: когда рубль, когда два удѣлитъ мамашѣ,—замѣтила тихо Анюта.

— Да, но вѣдь это, по вашей семьѣ, какъ капля въ морѣ.

— И еще у насъ помощникъ есть,—сказала дѣвушка, грустно улыбнувшись:—Алеша. Онъ пока дома живетъ, въ школу у меня приготовляется, такъ вотъ по утрамъ и ходитъ синицъ ловить западней. Онъ ихъ продаетъ, а деньги мамашѣ приноситъ. У него страсть ловить птичекъ.

— А сколько лѣтъ этому помощнику? спросилъ Александръ Васильичъ, тоже грустно улыбнувшись.

— Восьмой годъ недавно пошелъ.

Свѣтловъ задумался.

— А знаете, Анюта,—сказалъ онъ черезъ минуту, смотря ей прямо въ глаза:—я все-таки очень радъ за васъ, и именно за васъ...

Дѣвушка посмотрѣла на него въ недоумѣніи.

— Видите ли, въ чемъ дѣло, Анюта: я нахожу васъ теперь такой, какой желалъ бы васъ видѣть, хотя и не предполагалъ, что такой именно васъ и встрѣчу...

— Это какъ? удивилась она.

— Я хочу сказать: живи бы вы лучше, вы были бы хуже. Оно кажется странно какъ будто, а между тѣмъ — вѣрно, если вдуматься глубже въ ваше положеніе.

— Значитъ, лучше жить—худо? спросила она, недоумѣвая по прежнему.

— Какъ вамъ сказать, Анюта? Для васъ, по моему, лучше... такъ пожить... на нѣкоторое время, разумѣется.

— Я васъ не понимаю,— сказала она.

— Сейчасъ поймете. У насъ, видите ли, школа не даетъ правильныхъ понятій о жизни, не подготовляетъ къ ней, и потому большей части изъ насъ приходится брать уроки непосредственно у самой жизни. Чѣмъ раньше придутъ эти суровые уроки, тѣмъ лучше для человѣка, который изъ школы вынесъ одну только ненужную дребедень. Вотъ хоть вы, напримѣръ, скажемъ. Я увѣренъ, что вы ровно ничего не вынесли изъ вашего института, кромѣ нѣсколькихъ, красиво сшитыхъ, тетрадокъ, гдѣ, на поляхъ, я думаю, и теперь еще можно прочесть разныя надписи въ родѣ: „Ахъ, какой онъ душка!“, „Божество!“, если только онѣ у васъ сохранились. Ну, скажите, не правда ли?

Дѣвушка кротко улыбнулась, но она была вся—вниманіе.

— Вѣдь знаній положительныхъ вы никакихъ оттуда не вынесли,—продолжалъ Свѣтловъ, замѣтно увлекаясь.—Я даже смѣю думать, что вы до сихъ поръ не умѣете писать правильно по-русски; по крайней мѣрѣ, я такъ сужу, отчасти, по моей сестрѣ,—

а это еще не Богъ знаетъ что; да говоря строго, это совсѣмъ и не положительное знаніе. Если же вы и такого-то знанія оттуда не вынесли, такъ что же вы вынесли послѣ этого? Разумѣется, ровно ничего, или почти ничего. А между тѣмъ, тамъ ужь успѣли натолкать въ вашу голову всякую ненужную дребедень, разныя понятія, отъ которыхъ развитые люди открещиваются потомъ и руками, и ногами, всю свою жизнь. И вотъ, представьте, что выйдя изъ института, вы вступили бы въ такъ—называемую „приличную обстановку", съ полнымъ довольствомъ. Такъ бы у васъ и не составилось никогда понятія о требованіяхъ настоящей, дѣйствительной жизни, а не той, потребности которой выражаются въ институтахъ дѣланіемъ глубокихъ книксеновъ да сшиваніемъ тетрадокъ розовыми ленточками. Вышли бы вы потомъ, не менѣе „прилично", замужъ, въ полной увѣренности, что и всѣмъ также хорошо живется на свѣтѣ, какъ и вамъ. Можетъ быть, со временемъ, вамъ и пришлось бы узнать настоящую жизнь, зайти въ ея дебри; но тогда она, по всей вѣроятности, сломала бы васъ, а не исправила. Теперь вамъ легче дастся это знаніе: вы еще молоды, еще поборетесь, силъ у васъ хватитъ, а тамъ, глядишь, какъ нибудь и ясные дни проглянутъ...

Дѣвушка съ глубокимъ вниманіемъ слушала эту горячую, совсѣмъ еще новую для нея, рѣчь. Ея мыслящая головка хотя и не все поняла изъ того, что теперь говорилось, но ею инстинктивно сознавалась правда высказаннаго.

— Я никогда объ этомъ не думала,—сказала Анюта задумчиво.

— И тогда, даже при самой лучшей обстановкѣ,—продолжалъ съ жаромъ Свѣтловъ:—вамъ не покажется, Анюта, ни странной, ни смѣшной какая нибудь другая бѣдная дѣвушка, штопающая брючки своимъ маленькимъ братьямъ...

— Да, это правда,—замѣтила она еще задумчивѣе, чувствуя въ эту минуту большую симпатію и довѣріе къ Свѣтлову.

— Главное, Анюта, надо помнить, что въ жизни все берется съ боя; даромъ ничего хорошаго она не дастъ. Правда, иногда,

повидимому, дуракамъ и валитъ счастье, только вѣдь какое же это счастье? Отъ такого счастья истинно-развитый человѣкъ за тридевять земель бѣжитъ!...

— Я иногда много думаю обо всемъ, но мнѣ все кажется, что я ошибаюсь; посовѣтоваться не съ кѣмъ, мамашѣ не до того, да она какъ-то и не соглашается со мной,—сказала Анюта, не смотря на Свѣтлова и какъ бы говоря сама съ собой.

— Ну, вотъ, теперь мы будемъ вмѣстѣ совѣтоваться,—молвилъ Александръ Васильичъ, переходя въ болѣе веселый тонъ:— только, впередъ, одно условіе: полнѣйшая искренность съ обѣихъ сторонъ. Не такъ ли?

Онъ протянулъ ей обѣ руки.

— Да, да; мнѣ бы такъ хотѣлось съ кѣмъ нибудь поговорить, кто больше меня знаетъ,—сказала она, прямо и довѣрчиво смотря ему въ глаза.

— Ну, я хоть и немного больше вашего, а все-таки кое-что знаю, Анюта,—замѣтилъ ей Свѣтловъ совершенно просто.

— А вы не будете надо мной смѣяться? спросила она наивно и какъ-то особенно весело.

— Непремѣнно; безъ этого не обойдется. Какъ только скажете что нибудь смѣшное, такъ и засмѣюсь; впрочемъ, потомъ скажу, почему смѣюсь.

Они снова оба засмѣялись.

— Такъ, значитъ, мы будемъ жить друзьями? Не правда ли? спросилъ, черезъ минуту, Александръ Васильичъ.

— Разумѣется, друзьями... застѣнчиво, но довѣрчиво отвѣтила она.

— Такъ что я могу считать, что съ сегодняшняго же дня начинаются и мои дружескія обязанности въ отношеніи васъ? спросилъ снова Свѣтловъ.

— То есть что же?... я, право, не знаю... смутилась дѣвушка.

— А вотъ что. Шитье-то вѣдь плохая работа, Анюта; времени уходитъ на него много, а трудъ не вознагражденъ. Да это бы еще въ полгоря, но тутъ и вопросъ о здоровьи замѣшивается...

— Такъ вѣдь что же дѣлать! вздохнула Анюта.

— Постойте, не вздыхайте. Я вотъ что придумалъ: я вамъ уроки достану.

— Ой, гдѣ мнѣ! Я и сама-то ничего не знаю...

— Ну, полноте, какъ ничего не знаете! Мы сперва начнемъ не съ мудреныхъ, а тамъ и втянетесь помаленьку? сказалъ Свѣтловъ вопросительно.

— Да я бы рада была... попробовать; только, мнѣ кажется, что я не справлюсь съ этимъ.

Дѣвушка грустно покачала головой.

— А вотъ увидимъ, справитесь ли. Вы мнѣ теперь скажите только,уполномочиваете ли вы меня позаботиться объ этомъ?

— Я, право, не знаю; я могу сконфузить васъ: я вѣдь такая неловкая, дикая...

— Вотъ ужъ я не изъ конфузливыхъ-то! засмѣялся Свѣтловъ.—Нѣтъ, вы ужь обо мнѣ, пожалуйста, не хлопочите, Анюта. Я считаю этотъ вопросъ порѣшеннымъ... Да?

Онъ протянулъ ей руку. Она колебалась. Ей, видимо, и понравилось его предложеніе, и что-то удерживало ее принять его.

— Я бы лучше подумала... сказала она, не зная, что дѣлать.

А Свѣтловъ не отнималъ своей протянутой руки.

— Ну что же это? Что же я буду дѣлать? тревожно прошептала Анюта, какъ бы говоря сама съ собой, и ея маленькая, худенькая рука, можетъ быть, противъ ея воли, незамѣтно очутилась въ здоровой рукѣ Свѣтлова.

— Давно бы такъ! сказалъ онъ весело.

Минутъ десять еще потолковали они объ этомъ. Между тѣмъ, Агнія Васильевна вернулась съ рынка, вмѣстѣ съ двумя маленькими сыновьями. Въ рукахъ у ней былъ кулекъ съ рыбой. Свѣтловъ выбѣжалъ къ теткѣ на встрѣчу, въ переднюю. Она его сперва не узнала, но потомъ, вдругъ, бросилась къ нему на шею и заплакала. Орлова была еще очень бодрая старушка, хотя по всему лицу ея и прошли тѣ неизгладимыя черты, какія способно врѣзы-

вать одно только глубокое, безъисходное горе. Всматриваясь въ это выразительно-скорбное лицо, Александръ Васильичъ невольно вспомнилъ, что въ семействѣ у нихъ, Свѣтловыхъ, существовало какъ бы преданіе, что никогда и никто не слышалъ ни одной жалобы изъ устъ этой женщины.

— Вотъ, мои матушки, не ожидала-то, кого Богъ увидать привелъ! говорила она сквозь слезы, разсматривая пристально Свѣтлова, и даже позабывъ, что кулекъ у ней все еще оставался въ рукѣ.—Я какъ будто знала, что селенгу сегодня купила: ты вѣдь до нея прежде охотникъ былъ...

Тутъ только вспомнила Агнія Васильевна о своемъ кулькѣ.

— Посмотри-ка, какая большущая... Это что! сказала она, доставая изъ него крупную соленую рыбу и показывая ее Свѣтлову.

— Ужъ какъ хотите, тетя, а меня поподчивайте; я вѣдь сколько лѣтъ не лакомился ею,—попросилъ Александръ Васильичъ.

Это доставило несказанное удовольствіе Агніѣ Васильевнѣ. Но едва ли еще не большее удовольствіе доставило ей то, что племянникъ назвалъ ее „тетей“. Она засуетилась, какъ угорѣлая: у ней все такъ и выпадало изъ рукъ. Хлопотня старушки чрезвычайно развеселила Свѣтлова. Онъ забрался къ ней на кухню, принялся самъ чистить рыбу, сталъ крошить лукъ и прослезился при этомъ, разсказывалъ забавныя вещи, смѣшилъ до упаду всѣхъ и самъ хохоталъ—словомъ, школьничалъ. Въ какихъ нибудь четверть часа, семья Орловой такъ освоилась съ гостемъ, какъ будто ужъ и нивѣсть сколько лѣтъ онъ заглядываетъ, такимъ образомъ, къ нимъ по утрамъ. Дѣти, такъ тѣ просто одолѣли его. Они, то взбирались къ нему на колѣни, то залѣзали ручонками въ его карманъ, чтобъ вытащить оттуда ярко блестѣвшіе золотые часы; младшій сынъ Орловой даже пробовалъ на шею ему вскарабкаться, несмотря на всѣ урезониванія сестры и матери.

— Вишь, какъ ребятки-то его полюбили, даромъ что нарядный да важный такой,—замѣчала Агнія Васильевна дочери, сіяя материнскимъ восторгомъ.

— Ужъ и важный! смѣялся Свѣтловъ.

— Разумѣется, батюшка, важный: платье-то одно чего у тебя стоитъ! Только зачѣмъ это ты бородищу-то не сбрѣешь? Такъ-то будто на мужика похожъ... Право! наивно критиковала старушка племянника.

— Настоящему русскому человѣку такъ и подобаетъ... на мужика походить, — шутилъ Александръ Васильичъ.

— Еще чего выдумаешь! смѣялась Агнія Васильевна, съ оттѣнкомъ добродушной укоризны.

— Дяденька! А, дяденька! Вы-ы-думайте еще чего нибудь... наивно обратился къ Свѣтлову старшій изъ мальчиковъ.

— Изволь!

И Александръ Васильичъ преуморительно-натурально разсказалъ ему басню Крылова „Котъ и поваръ“. Дѣти съ сосредоточеннымъ вниманіемъ слѣдили за малѣйшими измѣненіями лица и движеній разсказчика, передразнивая каждую его гримасу, и къ концу басни разразились неистовымъ хохотомъ. Даже Анюта прыснула со смѣху, хотя немного и сконфузилась при этомъ.

Свѣтловъ просидѣлъ у нихъ довольно долго, неумолкаемо болтая и шутя. Когда онъ уходилъ, вся семья проводила его до воротъ и даже постояла, нѣсколько минутъ, за воротами, пока пролетка Александра Васильича не завернула за уголъ улицы.

— Поѣзжай домой,—сказалъ онъ кучеру, посмотрѣвъ дорогой на часы.

Свѣтлову почему-то не захотѣлось ѣхать сегодня, до обѣда, еще къ кому нибудь, хоть онъ и зналъ, что дома мать распечетъ его за это порядкомъ.

ГЛАВА V.

Встрѣча съ старыми товарищами.

„Впечатлѣнія бываютъ чище и глубже, когда они рѣже повторяются“ —думалось дорогой Александру Васильичу. Этимъ онъ какъ будто хотѣлъ мысленно оправдать себя передъ стариками въ томъ отношеніи, что посѣтилъ во все утро только два дома. Но Свѣтлову, видно, не суждено было ограничиться въ это утро одними тѣми впечатлѣніями, съ какими онъ теперь возвращался домой. Едва миновавъ двѣ-три улицы, Александръ Васильичъ вдругъ услыхалъ, почти рядомъ съ собой, громкій голосъ:

— Сто-о-й! Свѣтловушка!

Не успѣлъ онъ обернуться въ сторону голоса, какъ къ нему подбѣжалъ, быстро соскочивъ съ дрожекъ, молодой человѣкъ въ парадной формѣ лекаря горнаго вѣдомства.

— Батюшки! Ельниковъ! Ты какими судьбами? закричалъ радостно Свѣтловъ и, въ свою очередь, радостно бросился къ пріятелю.

Они дружно обнялись и поцѣловались.

— Вотъ не думалъ-то!... сказалъ Александръ Васильичъ, весь покраснѣвъ отъ удовольствія.

— Я, братъ, и самъ не думалъ такъ скоро тебя увидѣть... Ѣду—гляжу: что за чудо! неужели Свѣтловъ? Такъ и есть: онъ! проговорилъ въ попыхахъ Ельниковъ, сіяя тѣмъ же удовольствіемъ.

— Ѣдемъ ко мнѣ,—пригласилъ Свѣтловъ.

— Нѣтъ, братъ, ко мнѣ. Я сегодня цѣлое утро съ оффиціальными визитами таскаюсь, усталъ страшно, а у тебя вѣдь семья: не сразу растянешься, какъ дома. Отпускай свое судно, авось и на моемъ доберемся до пристани, хоть оно немножко и не того... не изъ паровыхъ.

— Значитъ надо заказать, что и обѣдать дома не буду? улыбнулся Свѣтловъ.

— Полагается.

Александръ Васильичъ отпустилъ своего кучера съ заказомъ, что обѣдать дома не будетъ, и поѣхалъ съ Ельниковымъ. Дорогой Свѣтловъ вкратцѣ разсказалъ ему, какъ выдержалъ экзаменъ, сообщилъ самыя свѣжія петербургскія новости; разсказалъ, что отыскивалъ его въ Москвѣ, но тамъ сказали, что онъ, Ельниковъ, тоже выдержалъ экзаменъ и уѣхалъ на службу, лекаремъ, въ Сибирь.

— Я и думалъ, что ты теперь гдѣ нибудь въ нерчинскихъ краяхъ пребываешь, — заключилъ Александръ Васильичъ, слѣзая съ дрожекъ у воротъ квартиры Ельникова.

— Да оно такъ бы и случилось, пожалуй, еслибъ я не похлопоталъ здѣсь у начальства. Не хотѣлось, братъ, мнѣ забираться въ такую глушь... сказалъ Ельниковъ, и въ голосѣ его послышалась тоскливая нота.

Анемподистъ Михайлычъ Ельниковъ принадлежитъ къ числу тѣхъ личностей нашего разсказа, на которыхъ мы остановимся подольше, и потому сказать о немъ особо два-три слова будетъ нелишнее. Ельниковъ представлялъ собой фигуру средняго роста, до крайности сухощавую. Чрезвычайно серьезное лицо его смотрѣло мрачно, какъ иная сентябрьская ночь; но когда это лицо освѣщала рѣдкая улыбка, оно было въ высшей степени добродушно и привлекательно. Особенно хороши были у Ельникова глаза: большіе, черные, глубоко впавшіе въ свои орбиты, такіе же мрачные, какъ и лицо, они обнаруживали сильный самобытный умъ и постоянно какъ-то лихорадочно блестѣли. Съ перваго взгляда, манеры Анемподиста Михайлыча казались грубыми, угловатыми; но, попривыкнувъ къ этимъ манерамъ, въ нихъ нетрудно было подмѣтить ту своеобразную, суровую мягкость, которая какъ будто говоритъ встрѣчному: „Ты смѣлѣе подходи ко мнѣ — я человѣкъ хорошій“. Тѣмъ не менѣе, наружность Ельникова производила на

каждаго, съ первой же встрѣчи, весьма тяжелое, тоскливое впечатлѣніе: неизлѣчимымъ недугомъ чахотки вѣяло отъ каждой ея черты. Въ особенности, когда Анемподистъ Михайлычъ бывалъ чѣмъ нибудь взволнованъ, лицо его принимало такой неестественный, зеленоватый цвѣтъ и восковую прозрачность, что становилось какъ-то жутко въ его присутствіи не одному свѣжему человѣку, но и хорошо знавшимъ Ельникова товарищамъ.

Въ настоящую минуту, когда пріятели усѣлись рядомъ на диванѣ въ маленькой, въ одну комнату, квартиркѣ Ельникова, Свѣтловъ, пристально смотря на него, чувствовалъ именно такое впечатлѣніе. „Не жилецъ онъ на свѣтѣ“ — подумалось Александру Васильичу въ эту минуту, и ему стало жутко до боли.

— А ты, братъ, еще больше похудѣлъ, — сказалъ онъ Ельникову подъ вліяніемъ этого неотразимаго впечатлѣнія.

— Эхъ, братъ! вѣдь дни и ночи пришлось сидѣть передъ экзаменами, — отвѣтилъ угрюмо Анемподистъ Михайлычъ. — А главное — люди меня изводятъ, — помолчавъ, прибавилъ онъ, еще угрюмѣе.

Свѣтловъ не сталъ разспрашивать товарища о значеніи послѣдней фразы. Онъ научился понимать его съ перваго слова еще съ гимназической скамейки. Александръ Васильичъ зналъ, что Ельниковъ былъ натура въ высшей степени честная, чистая и впечатлительная. Всякая, даже малѣйшая людская несправедливость, на которую иной и вниманія не обратилъ бы, принималась имъ горячо къ сердцу. Не легко было состязаться съ Анемподистомъ Михайлычемъ въ томъ случаѣ, когда онъ отстаивалъ какую нибудь любимую идею. Несообщительный и скупой на слова вообще, онъ дѣлался тогда увлекательнымъ, краснорѣчивымъ. При этомъ особенно плохо приходилось тому изъ его товарищей, кто, выслушивая разсѣянно его горячіе доводы, отвѣчалъ ему невпопадъ или перевиралъ его мысль. Ельниковъ безцеремонно схватывалъ противника руками за что-ни-попало, и сердито трясъ его изо всей силы, приговаривая: „Ты могъ сказать, что не хочешь со мной говорить; а ужъ если сталъ говорить, такъ слушай же! слушай! не

спи! Это неуваженіе!... Это чортъ знаетъ что такое! Я вотъ что тебѣ доказываю, вотъ что говорю... а ты что несешь?“ и проч. въ этомъ родѣ. Свѣтлова онъ считалъ своимъ лучшимъ другомъ, какъ и тотъ его, въ свою очередь. „Свѣтловушка, братъ, богатая голова, хоть вы его и обзываете *франтикомъ*“,—нерѣдко говаривалъ съ жаромъ Анемподистъ Михайлычъ кому нибудь изъ товарищей, когда тотъ отзывался легко о Свѣтловѣ, часто пріѣзжавшемъ въ Москву, чтобъ повидаться съ пріятелями. „У васъ въ головѣ—хвощь, а у него—царь. Вы вотъ такъ точно—что *франтики*: мѣняете свои убѣжденія какъ перчатки. Тутъ дѣло не въ томъ, въ чемъ человѣкъ ходитъ, а въ томъ, что онъ въ себѣ носитъ!“ — уже ѣдко заканчивалъ обыкновенно Ельниковъ, стоявшій тогда во главѣ лучшаго университетскаго кружка. Правдивость и добросовѣстность Анемподиста Михайлыча вошли тамъ въ пословицу. Достаточно было сказать, что Ельниковъ въ такомъ-то случаѣ вотъ на чьей сторонѣ стоитъ, — и все лучшее единодушно примыкало къ этой сторонѣ. Правдивъ онъ былъ со всѣми одинаково, не исключая и ближайшаго начальства. По этому поводу, еще на первомъ курсѣ, между товарищами долго разсказывался одинъ забавный анекдотъ, очень мѣтко характеризовавшій Анемподиста Михайлыча. Какой-то плохой профессоръ, обращавшій больше вниманія на дисциплину, чѣмъ на науку, однажды замѣтилъ Ельникову, что у него не достаетъ на вицъ-мундирѣ двухъ пуговицъ. „У васъ въ головѣ и четырехъ пуговицъ не хватаетъ, да я молчу“,—отвѣтилъ ему угрюмо Ельниковъ,—и высидѣлъ за эту остроту два дня въ карцерѣ. „Теперь вы, вѣроятно, стали умнѣе?“ спросилъ у него тотъ же профессоръ, когда Ельниковъ появился снова на его лекціи. „Разумѣется“—ѣдко согласился съ нимъ Анемподистъ Михайлычъ: „пока вы на меня не жаловались ректору, я думалъ, что у васъ не достаетъ только четырехъ пуговицъ въ головѣ, а теперь знаю, что у васъ тамъ цѣлыхъ шести не хватаетъ“. Но въ карцеръ онъ на этотъ разъ не попалъ почему-то. На третьемъ курсѣ всѣ очень хорошо помнили его „дуэль на гла-

захъ". Дѣло было такимъ образомъ. Кто-то изъ студентовъ, считавшійся между товарищами аристократикомъ, отбилъ у другого студента модистку, съ которою тотъ былъ года полтора въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Ельниковъ узналъ объ этомъ, и на одномъ пріятельскомъ вечерѣ присталъ къ аристократику, требуя, чтобъ онъ во всемъ сознался и извинился. Аристократикъ струсилъ, но упорно отрицалъ фактъ. Анемподистъ Михайлычъ не унимался. „Очень ужъ, видно, жалко вамъ своей благородной дворянской шкурки?" спросилъ онъ, пожимая плечами. „Господинъ Ельниковъ!" вскричалъ обиженный, весь поблѣднѣвъ, и направился было къ Анемподисту Михайлычу. „Что прикажете?" отвѣтилъ тотъ спокойно, сдѣлалъ шагъ на встрѣчу, и сложивъ крестообразно руки на груди, уставилъ на противника неподвижный, пронзительный взглядъ. Минуты три они простояли такъ, не спуская глазъ другъ съ друга. Наконецъ, аристократикъ не выдержалъ, покраснѣлъ весь, какъ ракъ, опустилъ глаза и отошелъ въ сторону. „Если вы даже на меня не можете прямо смотрѣть послѣ вашего поступка, то какъ же вы будете смотрѣть въ глаза вашимъ товарищамъ?" сказалъ ему холодно Ельниковъ. Онъ не проронилъ больше ни слова и сейчасъ же ушелъ; а выведенный имъ на свѣжую воду аристократикъ прослылъ съ этихъ поръ „притчей во языцехъ", и вскорѣ вынужденъ былъ оставить университетъ, не находя прохода отъ двусмысленныхъ улыбокъ даже тѣхъ студентовъ, которыхъ считалъ своими. Многихъ, въ свое время, забавляла также другая выходка Анемподиста Михайлыча, извѣстная тогда подъ именемъ „лошадиной революціи". Кто-то сталъ доказывать ему однажды законность рабства въ извѣстныхъ предѣлахъ, и сослался при этомъ на примѣръ приручения съ глубокой древности теперешнихъ домашнихъ животныхъ. „Да, такъ! попали, батюшка, пальцемъ въ небо!" — разгорячился Ельниковъ: „думаете, осѣдлали коня по праву сильнаго, такъ и ѣзди на немъ весь вѣкъ? А что кабы лошади вздумали возстать всѣ поголовно въ одно прекрасное утро? Вѣдь онѣ бы все человѣчество одними

задними ногами въ прахъ повергли! Коли вы объ этомъ не размышляли никогда, такъ вотъ поразмыслите-ка". Споривший съ Ельниковымъ только пожалъ плечами, пренебрежительно сказавъ: „Вотъ проповѣдникъ-то лошадиной революціи?" „И буду проповѣдникомъ! Нечего на пятиалтынный-то либеральничать!" проговорилъ сквозь зубы Анемподистъ Михайлычъ, и отошелъ въ сторону.

Таковъ былъ Ельниковъ на школьной скамьѣ, такимъ же онъ и теперь представлялся Свѣтлову, пока Александръ Васильичъ молча смотрѣлъ на его исхудалое, утомленное лицо.

— Да, братъ,—сказалъ докторъ, первый прерывая молчаніе:— скверно живется на свѣтѣ...

— Разумѣется, скверно; да вѣдь ничего не подѣлаешь съ этимъ.

— Именно ничего не подѣлаешь; только обманываешь и себя, и другихъ. Я вонъ всю эту премудрость, кажется, насквозь прогрызъ,—Ельниковъ сердито указалъ глазами на два большихъ чемодана, туго набитыхъ книгами,—а что она, премудрость-то эта? Какъ и мы же, безнадежно разводитъ руками...

— Ты, видишь ли, слишкомъ горячо все принимаешь,—сказалъ Свѣтловъ.

— Да я ужъ, братъ, пробовалъ и не горячо принимать—все ни къ чорту не годится.

— Не хуже же теперь, чѣмъ прежде...

— И не лучше, чѣмъ прежде? Экое утѣшеніе сказалъ! горько улыбнулся Ельниковъ.

Товарищи помолчали.

— А ты знаешь, кто здѣсь еще изъ нашихъ? спросилъ вдругъ Ельниковъ, прилегая головой на ручку дивана.

— Нѣтъ. А кто?

— „Крыса" здѣсь.

Подъ именемъ „крысы" слылъ у нихъ одинъ общій товарищъ по гимназіи, получившій тамъ это прозвище за свою лукавую юркость и особенную манеру держать себя въ классѣ.

— Неужели „крыса" здѣсь же? обрадовался и удивился Свѣтловъ.

— А вотъ подожди; ты его увидишь, вѣроятно, черезъ нѣсколько минутъ: онъ каждый день въ это время ко мнѣ заѣзжаетъ.

— Что же онъ здѣсь дѣлаетъ? Служитъ?

— Какже, лекаремъ при казачьемъ полку. У него, братъ, огромная практика здѣсь частная; особенно у дамъ онъ въ ходу,— улыбнулся Анемподистъ Михайлычъ.

— Чтожъ онъ имъ, сиропы да варенья, вѣрно, прописываетъ? захохоталъ Свѣтловъ.

— Ну нѣтъ, братъ, я этого не скажу,—отвѣтилъ Ельниковъ серьезнымъ голосомъ: — онъ знаетъ свое дѣло отлично. Но кромѣ того у него, дѣйствительно, есть какое-то особенное умѣнье ладить съ барынями.

— Какъ и у меня же? разсмѣялся Александръ Васильичъ.

— Ты, пожалуй, почище будешь...

Ельниковъ прежде часто нападалъ на Свѣтлова за его особенную наклонность къ женскому обществу.

— Я, братъ, въ этомъ отношеніи—каюсь—такимъ же остался, какъ и былъ,—проговорилъ Александръ Васильичъ, закуривая папиросу.—Начинай, распекай! засмѣялся онъ добродушно.

— Эхъ, Свѣтловушка! Ты, пожалуй, братъ, и правъ,—тоскливо молвилъ Ельниковъ.

— Какъ, Анемподистъ Михайлычъ!.. Неужели... поздравить? шутливо-торжественно произнесъ Александръ Васильичъ.

— Поздравь, братъ,—угрюмо отвѣтилъ Ельниковъ.

— И гдѣ же... совершилось сіе... чудо? Въ Москвѣ? тѣмъ же шутливымъ тономъ спросилъ Свѣтловъ.

— Въ Москвѣ, братъ.

— Вонъ оно что! И крѣпко?

— Такъ, братъ, крѣпко, какъ и нельзя крѣпче.

Анемподистъ Михайлычъ быстро поднялся съ дивана, порылся угрюмо въ одномъ изъ чемодановъ, и доставъ оттуда фотографическую карточку, подалъ ее пріятелю.

— Ого, отче, каковъ у тебя вкусъ-то! сказалъ Свѣтловъ, внимательно разсматривая портретъ.

— Нравится тебѣ?

— Чрезвычайно. Какъ же вы порѣшили съ ней? сочувственно освѣдомился Александръ Васильичъ.

— Она гувернантка — голь, какъ я же, такъ-что ѣхать намъ вмѣстѣ и думать было нечего. Я, впрочемъ, звалъ. „Нѣтъ—говоритъ—дай прежде хоть немного денегъ скопить, чтобъ было съ чего начать и на что выѣхать". „Твоихъ--говоритъ—средствъ не хочу". Кремень, знаешь, натура, хоть и молода еще... взволнованно проговорилъ Анемподистъ Михайлычъ, и по его выразительному лицу чуть замѣтно пробѣжала какая-то свѣтлая тѣнь.

— Черезъ сколько же времени ты ее ждешь? спросилъ Свѣтловъ.

— Не раньше, думаю, какъ черезъ полгода; только дождусь ли?.. грустно вымолвилъ Ельниковъ.

Въ эту минуту, въ комнату робко и неуклюже вошелъ, низко кланяясь, господинъ весьма страннаго вида. Судя по наружности, это былъ очень молодой еще человѣкъ; но въ лицѣ у него выражалось какое-то преждевременное старчество, что-то непріятное и жалкое до крайности. Длинные, какъ у дьячка, волосы и длинно-полый суконный не то сюртукъ, не то халатъ, какъ у семинариста, придавали всей фигурѣ вошедшаго еще болѣе жалкій, аскетическій видъ; только меланхолическая улыбка, какъ-то неопредѣленно блуждавшая у него на губахъ, нѣсколько смягчала эту нелѣпую, суровую фигуру.

— А! Созоновъ! быстро проговорилъ Ельниковъ, подходя къ новому гостю и радушно протягивая ему руку.—Садитесь-ка, батюшка. Очень кстати пришли: вотъ и еще вашъ товарищъ—Свѣтловъ,— пояснилъ Анемподистъ Михайлычъ, указывая глазами на пріятеля.—Не узнаешь? спросилъ онъ у того:—Созоновъ.

Александръ Васильичъ буквально оторопѣлъ. „Какъ! Неужели этотъ странный, низко кланяющійся человѣчекъ, эта жалкая фи-

гура—тотъ самый Созоновъ, мой товарищъ по гимназіи, подававшій когда-то такія блестящія надежды?“ подумалось ему. Свѣтловъ глазамъ своимъ не вѣрилъ.

— Онъ сильно перемѣнился... замѣтилъ Ельниковъ, стараясь не смотрѣть на крайне озадаченнаго и совсѣмъ растерявшагося пріятеля.

— Боже мой!.. Никакъ бы не узналъ! усиленно выговорилъ наконецъ Александръ Васильичъ, и протянулъ руку старому товарищу. Онъ только теперь узналъ его, смутно вызвавъ изъ памяти прежній образъ Созонова.

— Садитесь-ка, батюшка,—снова пригласилъ Ельниковъ гостя

Созоновъ стоялъ и какъ-то нерѣшительно переминался. Ельниковъ подвинулъ ему стулъ.

— Вотъ въ монастырь поступить собирается,—сказалъ онъ угрюмо Свѣтлову.

— Что это вы, Созоновъ? Что вамъ хочется? почти съ испугомъ спросилъ Александръ Васильичъ.

— Спасеніе души побуждаетъ-съ... тихо и застѣнчиво-робко проговорилъ Созоновъ.

— Далось ему это „спасеніе души“! сердито проговорилъ Ельниковъ.

Они въ гимназіи были большими пріятелями.

— Вы этого влеченія, Анемподистъ Михайлычъ, не можете понимать; это кому откроется свыше, тотъ можетъ.... тѣмъ же застѣнчиво-робкимъ голосомъ выговорилъ Созоновъ.

— Экую, братъ, ты чушь несешь! Да развѣ въ томъ, что ли, спасеніе души состоитъ, чтобъ вотъ въ этакомъ халатѣ ходить да по недѣлямъ не мыться? еще сердитѣе сказалъ Ельниковъ.

— Подвиги многообразны... какой кому по силамъ, Анемподистъ Михайлычъ...

— Такъ неужели, Созоновъ, васъ ужъ ни на что больше не хватитъ? вмѣшался Александръ Васильичъ.

— Вы меня хотите искусить, господинъ Свѣтловъ, человѣческой мудростью? Я и самъ нѣкогда, въ помраченіи ума моего, дер-

залъ проникать въ тайны Божіи; знаю, сколь плѣнительно навожденіе сіе... Но Всевышній просвѣтилъ нынѣ мой разумъ и закрылъ его отъ мірскихъ соблазновъ... медленно и съ глубокимъ убѣжденіемъ произнесъ Созоновъ, тяжело вздохнувъ.

— Мнѣ кажется,—сказалъ Свѣтловъ:—угоднѣе Богу долженъ быть тотъ, кто больше приноситъ пользы ближнему; а какъ же вы достигнете этого, если добровольно закроете глаза на жизнь, отъ условій которой именно и зависитъ на каждомъ шагу вашъ ближній?

— Любовь къ ближнему слѣдуетъ приносить въ жертву любви къ Богу—сказано въ писаніи...

— Положимъ. Но вѣдь это что значитъ? Это значитъ, по моему, просто, что увлекаясь любовью къ ближнему, вы не должны противорѣчить евангельскимъ заповѣдямъ. Еслибъ, напримѣръ, для спасенія ближняго потребовалось клятвопреступленіе, тогда, разумѣется, писаніе учитъ васъ пожертвовать ближнимъ,—замѣтилъ Александръ Васильичъ.

— Нѣтъ, господинъ Свѣтловъ, не искушайте меня вотще: младенцамъ открыто — сказано — то, что отъ мудрыхъ сокрыто... Я только, господа, согрѣшаю съ вами... вздохнулъ Созоновъ.

Свѣтлова что-то больно кольнуло въ сердце.

— Я только добра вамъ желаю, Созоновъ, какъ вашъ бывшій товарищъ, а не искушаю васъ,—молвилъ онъ съ горечью.

— Вѣдь вотъ,—желчно сказалъ Ельниковъ:—третью недѣлю я съ нимъ такъ бьюсь; и книгъ-то ему предлагалъ, и спорить съ нимъ пробовалъ, и доказывалъ, — право, кажется, въ няньки бы къ нему пошелъ,—а онъ все свое, все у него *навожденіе* какое-то; даже медицину считаетъ грѣхомъ... Вѣдь вотъ вы до чего доработались, Созоновъ! чуть не сквозь слезы заключилъ Анемподистъ Михайлычъ.

— Вы что же собственно теперь подѣлываете-то, Созоновъ? спросилъ мягко Свѣтловъ.

— Молюсь о своемъ спасеніи-съ...

— Цѣлый день все только молитесь?

— И день, и нощь...

— Откуда же вы берете средства? Вѣдь одной молитвой не напитаетесь же вы?

— Милостью Божіей отъ монастырской трапезы довольствуюсь...

— Тамъ, при монастырѣ, и живете теперь?

— Да, тамъ-съ...

Пріятели помолчали. Созоновъ присѣлъ-было на кончикъ стула, но сейчасъ же опять и всталъ.

— Я къ вамъ... собственно... Анемподистъ Михайлычъ, вотъ зачѣмъ... пришелъ-съ... вы не разсердитесь на меня? спросилъ онъ смиренно у Ельникова, запинаясь на каждомъ словѣ и вынимая что-то изъ-за пазухи.

— Зачѣмъ бы вы ни пришли, Созоновъ—я вамъ очень радъ; стало быть, и толковать объ этомъ нечего,—сказалъ искренно Ельниковъ.

— Я вотъ зачѣмъ-съ... я вамъ просфору принесъ, за здравіе ваше вчерась вынулъ,—проговорилъ, краснѣя, Созоновъ, и подалъ Ельникову тщательно завернутую въ бумагу просфору.

— Ну чтожъ... спасибо вамъ!

Анемподистъ Михайлычъ взялъ изъ рукъ Созонова просфору, развернулъ ее и поставилъ на угольный столъ.

— Вы, можетъ, обидѣлись, Анемподистъ Михайлычъ? робко спросилъ Созоновъ.

— За что же? Всякій по своему выражаетъ вниманіе. У васъ свои убѣжденія, у меня тоже свои, а жить мы можемъ дружно.

— Вы если хвораете чѣмъ нибудь, такъ она много можетъ облегченія вамъ принести; вы ее скушайте ужо...

— Ладно, съѣмъ.

Созоновъ нѣсколько минутъ постоялъ молча, переминаясь на мѣстѣ и нерѣшительно поглядывая на Александра Васильича.

— Я бы и за ваше здравіе, господинъ Свѣтловъ, вынулъ просфору, коли вамъ не во гнѣвъ... боязливо выговорилъ онъ наконецъ.

— Ахъ да, Созоновъ, пожалуйста, заходите ко мнѣ. Я бы и самъ попросилъ васъ объ этомъ, хоть бы вы и не напоминали мнѣ. Смотрите, заходите же. У насъ съ вами много найдется о чемъ потолковать: слава Богу, давнишніе товарищи; такъ вы безъ церемоніи,—сказалъ Свѣтловъ привѣтливо.

Какая-то странная полу-улыбка освѣтила суровое лицо Созонова.

— Истинно у меня къ вамъ душа лежитъ, сказалъ онъ, тяжело вздохнувъ и ни къ кому, въ особенности, не обращаясь:—пошли вамъ Господь просвѣтлѣніе!...

Анемподистъ Михайлычъ порылся въ чемоданѣ и досталъ оттуда литографированный экземпляръ лекцій Фейербаха о сущности христіанской религіи.

— Вотъ вамъ, Созоновъ, отъ меня на память,—сказалъ онъ, подавая старому товарищу книжку.—Пусть это будетъ моей просфорой. Я съѣмъ вашу, а вы за то прочтите вотъ это, дайте мнѣ слово.

— Да это вѣдь, вѣрно, свѣтская книжка, Анемподистъ Михайлычъ? спросилъ Созоновъ, нерѣшительно принимая подарокъ изъ рукъ Ельникова.

— Все равно, какая бы ни была, вы ее прочтите. Я же вѣдь не отказался отъ вашей просфоры, а все-таки остаюсь при своемъ убѣжденіи. Такъ и вы сдѣлайте. Прочтете?—даете слово?

— Грѣха бы мнѣ какого отъ этого не послѣдовало?..

— Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, стойкость-то вашихъ убѣжденій? Въ томъ-то и заслуга, чтобъ всякія искушенія вынести бодро,—сказалъ серьезно Ельниковъ.

— Врагъ вѣдь рода человѣческаго силенъ-съ... потупился Созоновъ.

— Вотъ вы и закалите себя противъ него, — замѣтилъ ему Анемподистъ Михайлычъ. — Впрочемъ, меня-то вы ужь, вѣрно, не считаете „врагомъ рода человѣческаго?“

— Сохрани Господи! встрепенулся Созоновъ, и бережно спряталъ книгу за пазуху.—Да будетъ надъ вами благодать Божія!

Онъ сталъ торопливо прощаться. И Ельниковъ, и Свѣтловъ нѣсколько разъ крѣпко пожали ему руку, прося не забывать ихъ и заглядывать къ нимъ почаще. Созоновъ ушелъ, по прежнему низко кланяясь.

— Вотъ она, жизнь-то наша, что производитъ! весь взволнованный проговорилъ Ельниковъ, едва затворилась дверь за Созоновымъ.—Счастье, братъ, наше съ тобой, что мы во время выкарабкались отсюда; вѣдь это душу рветъ на части... Проклятая!... затрясся онъ, весь поблѣднѣвъ.

— Ты успокойся,—сказалъ Свѣтловъ:—тебѣ это вредно.

— Вредно!... А не вредно мнѣ каждый день задыхаться отъ злости, зная, что подобныя явленія встрѣчаются у насъ на каждомъ шагу? Ужь лучше, братъ, пластомъ растянуться! горячо замѣтилъ Анемподистъ Михайлычъ, и въ изнеможеніи опустился на диванъ.

Свѣтловъ молчалъ. Онъ самъ чувствовалъ тоже самое.

— И ничего вѣдь не подѣлаешь противъ такихъ явленій; ходишь смиренно, какъ какая нибудь собака съ ошпареннымъ хвостомъ! продолжалъ Ельниковъ, судорожно сжимая кулаки.—Тьфу ты! плюнулъ онъ озлобленно.

— Вотъ потому-то мыслящимъ людямъ, какъ ты, и надо беречь себя, — сказалъ успокоительно Свѣтловъ.

— Много мы съ тобой намыслимъ! саркастически улыбнулся Ельниковъ.

— Скажи, пожалуйста,—спросилъ Александръ Васильичъ:—ты разспрашивалъ Созонова? — знаешь, какъ это все съ нимъ случилось? Вѣдь не ни съ того же—ни съ сего...

— Чортъ, братъ, знаетъ какъ. Насъ просто, кажется, съ самой утробы матерней уродуютъ. Онъ и прежде былъ немного меланхоликомъ, тосковалъ по родинѣ, даже учиться одно время изъ-за этого пересталъ. Пороть, разумѣется, стали... ну, и выпороли изъ человѣка весь здравый смыслъ. Эхъ, и говорить-то не хочется! отвѣтилъ сквозь зубы Анемподистъ Михайлычъ.

— Онъ вѣдь классомъ ниже насъ шелъ, такъ что я лично-то

мало его знаю, а только слышалъ о немъ многое, особенно отъ тебя; вы съ нимъ вѣдь пансіонеры были, такъ видѣлись каждый день,—сказалъ Свѣтловъ, помолчавъ.

— Ты не повѣришь, когда онъ въ первый разъ пришелъ ко мнѣ сюда, я просто голову потерялъ. Этакая свѣтлая голова пропала! Тутъ, разумѣется, причинъ много было; только я теперь не въ состояніи разсказывать... Это меня просто бѣситъ, рветъ... понимаешь?—рветъ! проговорилъ Ельниковъ, съ кашлемъ приподнимаясь на диванѣ.

— На меланхоликовъ, братъ, всегда плоха надежда.

— Да вѣдь и меланхолію можно направить въ хорошую сторону, а тутъ чортъ знаетъ, что такое вышло! снова закашлялся Анемподистъ Михайлычъ.

— Видишь ли, душа моя... началъ-было Свѣтловъ, но стукъ подъѣхавшаго экипажа остановилъ его.

Ельниковъ всталъ и заглянулъ въ окошко.

— „Крыса“,—сказалъ онъ лаконически.

Минуту спустя, въ переднюю весело и шумно вошелъ докторъ Евгеній Петровичъ Любимовъ, именовавшійся нѣкогда въ гимназіи по-просту „крысой“.

— Вотъ потѣха-то!—чуть не упалъ на крыльцѣ... слышался еще оттуда его звонкій голосъ, говорившій, вѣроятно, съ хозяйкой квартиры Ельникова.

Въ комнату Любимовъ почти вбѣжалъ; но встрѣтивъ тамъ новое лицо, онъ на минуту остановился, пристально взглянулъ на Свѣтлова, мгновенно просіялъ весь и кинулся къ нему со всѣхъ ногъ.

— Чучело чучелѣйшій!.. Ты какъ? Вотъ потѣха-то! Здравствуй! Вотъ не ожидалъ-то! Когда ты пріѣхалъ?—а? Вотъ чудо-то! весело и запыхавшись говорилъ онъ, принимаясь нѣсколько разъ обнимать Александра Васильича.

— Да ты хоть со мной-то поздоровайся,—смѣясь сказалъ ему Ельниковъ.

— Эка чортъ! Тутъ, братъ, не до тебя покуда,—расхохотался Любимовъ. — Нѣтъ, чучелѣйшій-то... а? Каковъ? продолжалъ онъ, наскоро пожавъ руку Ельникова и снова обращаясь къ Свѣтлову.

— Какъ была „крыса“, такъ „крысой“ и осталась,—засмѣялся Александръ Васильичъ, обрадованный не меньше Любимова.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что Свѣтловъ, еще на школьной скамьѣ, получилъ отъ него прозвище „чучело“ за свою странную привычку дѣлать все по своему, не какъ другіе—„въ свой носъ“, какъ выражалась на тотъ же счетъ Ирина Васильевна. Любимовъ, обыкновенно, варьировалъ это прозвище на всевозможные лады, то называя Свѣтлова просто „чучеломъ“, то „чучелѣйшимъ“, то „чучелизмусомъ“. Онъ и теперь успѣлъ повторить ихъ нѣсколько разъ.

Пріятели всѣ трое отъ души смѣялись.

— Вотъ что, господа,—сказалъ Ельниковъ, когда Евгеній Петровичъ успѣлъ ужъ надавать Свѣтлову сотню торопливыхъ вопросовъ:—мы вѣдь, конечно, обѣдаемъ всѣ вмѣстѣ; а такъ-какъ я самъ хозяйства не держу и обѣдаю въ гостиницѣ, то приглашаю и васъ туда же...

— Et cetera, et cetera... перебилъ со смѣхомъ Любимовъ.— Нѣтъ, постой, Ельниковъ; право угощать принадлежитъ сегодня, по старшинству, мнѣ: я раньше васъ обоихъ оріентировался на этой почвѣ,—заключилъ онъ, весело потирая руки.

— А по моему, господа, по студентчески: у кого сколько хватитъ, тотъ столько и заплатитъ,—вмѣшался Свѣтловъ.

— Экой чучелизмусъ-то хитрый какой!—навострился: у меня полтораста рублей теперь въ карманѣ,—сказалъ Любимовъ, скорчивъ преуморительную гримасу, живо напомнившую пріятелямъ прежняго „крысу“.

Всѣ дружно захохотали.

— Что тутъ толковать долго,—замѣтилъ Ельниковъ:—грядемъ!

— Постойте, господа, на минутку; у меня къ вамъ просьба есть... сказалъ Свѣтловъ.

— Разумѣется! Чучелѣ только покажи деньги, у него сейчасъ явится просьба,—шутилъ Любимовъ.

— Не угадалъ на этотъ разъ,—замѣтилъ ему, улыбаясь, Александръ Васильичъ. — Дѣло вотъ какого рода, братцы: встрѣтилъ я сегодня одну бѣдствующую семью, такъ надо помочь ей, но такъ, чтобъ она не знала, что ей помогаютъ. Я вотъ что придумалъ — написать ей письмо отъ неизвѣстнаго лица: былъ, молъ, столько-то долженъ вашему покойному мужу, да забывалъ отдать, а теперь присылаю. Мнѣ самому писать нельзя: догадаются, по почерку, отъ кого,—такъ не напишетъ ли кто нибудь изъ васъ?

— Еще бы! Давай, Ельниковъ, перо и бумагу,—засуетился Любимовъ.—Постой,—сколько же ты думаешь ей послать? спросилъ онъ у Свѣтлова.

— Десять рублей: у нея семья большая—ужасно бѣдствуютъ... сказалъ Александръ Васильичъ.

— Стало быть, съ моими — двадцать будетъ? спросилъ Любимовъ, запуская руку въ правый карманъ брюкъ.

— Какъ съ твоими?

— А вотъ какъ, изволишь видѣть,—разсмѣялся Евгеній Петровичъ, вынувъ изъ кармана толстую пачку денегъ, и подалъ Свѣтлову красненькую ассигнацію.

— Пять-то рублей и у меня найдется, для круглаго счету,—замѣтилъ сурово-добродушно Ельниковъ. Онъ порылся у себя въ бумажникѣ и досталъ оттуда пяти-рублевый билетъ.

Свѣтловъ крѣпко пожалъ руку товарищамъ.

— Это за нихъ, и отъ меня за участіе. Спасибо вамъ! сказалъ онъ, чрезвычайно растроганный.

— Ладно, на здоровье,—проворчалъ взволнованно Ельниковъ.—Садись, Евгеній, и пиши, обратился онъ къ Любимову, ставя передъ нимъ чернилицу.

Послѣ общаго, краткаго совѣщанія, Любимовъ написалъ слѣдующее:

„Милостивая государыня,

Агнія Васильевна!

Премного извиняюсь, что будучи совершенно незнакомъ вамъ лично, безпокою васъ настоящимъ письмомъ. Я имѣлъ кое-какіе расчеты съ вашимъ покойнымъ мужемъ и остался по нимъ долженъ ему *двадцать пять* рублей. Долгъ этотъ, извините, совсѣмъ вышелъ у меня изъ головы, и только на дняхъ, по возвращеніи въ городъ, я вспомнилъ о немъ, узнавъ случайно о кончинѣ вашего супруга. Позвольте мнѣ теперь съ благодарностью возвратить вамъ эти деньги, и примите увѣреніе, что я вполнѣ оцѣниваю вашу потерю, зная вашего покойнаго мужа съ самой лучшей стороны.

Всегда готовый къ вашимъ услугамъ...“

— Постой,—сказалъ Свѣтловъ, прерывая на этомъ мѣстѣ Евгенія Петровича:—подпишись такъ, чтобъ ничего нельзя было разобрать.

— Знаю,—отвѣтилъ Любимовъ, и такъ расчеркнулся, что и самъ не прочелъ бы что написалъ.

Письмо съ деньгами вложили въ конвертъ, запечатали и надписали адресъ.

— Теперь, чучелѣйшій, изволишь видѣть, мы отправимъ съ этимъ письмомъ моего кучера. Гдѣ они живутъ? Я сейчасъ распоряжусь,—сказалъ Любимовъ.

Свѣтловъ сталъ объяснять, какъ умѣлъ.

— Чувствую,—перебилъ его Любимовъ—и вышелъ.

— Да смотри, чтобъ кучеръ не проболтался какъ нибудь! закричалъ ему въ догонку Свѣтловъ.

— Ахъ, чучело, каналья! еще и учитъ! весело послышалось въ отвѣтъ изъ передней.

— Вотъ кстати вспомнилъ,—сказалъ вдругъ Ельниковъ Свѣтлову, отыскивая фуражку:—ты вѣдь уроки хочешь давать?

— Да; а что?

— Стоитъ только сказать Любимову: у него чортова пропасть знакомыхъ.

— Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ Свѣтловъ.

— У него, братъ, это духомъ обдѣлается.

— Такъ „крысу“ за хво-о-стъ! разсмѣялся Александръ Васильичъ.

— Кого это за хвостъ? Меня? послышался у двери громкій, смѣющійся голосъ Любимова, а вслѣдъ затѣмъ явился и самъ онъ.

Пріятели объяснили ему, въ чемъ дѣло.

— Разумѣется, обработаю; хоть завтра же,—сказалъ, выслушавъ ихъ, Любимовъ.—Вотъ чучелъ-то онъ поразведетъ тутъ! расхохотался Евгеній Петровичъ.

Товарищи взяли извозчика и поѣхали обѣдать. Любимовъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на свой форменный военный костюмъ, усѣлся рядомъ съ кучеромъ на козлахъ. Дорогой, между разговоромъ, онъ то и дѣло оборачивался назадъ и какъ-то радостно посматривалъ на Свѣтлова, всякій разъ приговаривая со смѣхомъ:

— Чучело-то... а? Вотъ потѣха-то!

Поздно вернулся домой Александръ Васильичъ. Онъ былъ въ такомъ веселомъ расположеніи мыслей, что у стариковъ не достало духу сдѣлать ему какое нибудь замѣчаніе по поводу его неисправности въ отношеніи родственниковъ, хотя у Ирины Васильевны нѣчто и вертѣлось на языкѣ; впрочемъ, ее больше обидѣло то, что сынъ на второй день пріѣзда обѣдалъ не дома. Владимірко, совсѣмъ было приготовившійся спать, съ радостью узнавъ о возвращеніи брата, забрался тотчасъ же къ нему въ кабинетъ и преважно объявилъ:

— Я, Саша, знаю, изъ чего водка дѣлается: изъ спирта съ водой.

— А я, братъ, сегодня, еще лучше тебя знаю, какъ спиртъ на человѣка дѣйствуетъ, и потому сейчасъ же лягу спать, — засмѣялся Александръ Васильичъ, цѣлуя брата.

Владимірко пристально посмотрѣлъ на него, тоже засмѣялся, чмокнулъ его, ни съ того—ни съ сего, въ щеку, и побѣжалъ—было къ мамѣ, но въ дверяхъ остановился.

— Ты сегодня, Саша, совсѣмъ смѣшной! хихикнулъ онъ, повернувшись на одной ногѣ на порогѣ, и опрометью умчался.

Минутъ черезъ пять Свѣтловъ богатырски заснулъ.

ГЛАВА VI.

Свѣтловъ на первомъ урокѣ.

Прошло нѣсколько недѣль.

Надъ Ушаковскомъ опять стояло свѣтлое утро, такое же прекрасное, какъ и въ тотъ день, когда Свѣтловъ въ первый разъ послѣ десяти лѣтъ отсутствія увидѣлъ этотъ родной городъ. Рано проснулась въ это утро Лизавета Михайловна Прозорова, и также, какъ и въ тотъ разъ, долго любовалась съ балкона на далекія, синеватыя горы. Сегодня ей особенно много приходилось о чемъ подумать. Наканунѣ вечеромъ завернулъ къ ней годовой докторъ ея семейства — Любимовъ — и объявилъ, что нашелъ учителя ея дѣтямъ; онъ обѣщалъ заѣхать съ нимъ сегодня. Кажется, Свѣтловымъ назвалъ его докторъ. Что это за человѣкъ? Любимовъ говоритъ, что вполнѣ за него ручается, что это одинъ изъ лучшихъ его пріятелей. Такого человѣка, стало быть, нельзя принять какъ принимаютъ обыкновенно въ первый разъ учителя—незнакомое дѣловое лицо, съ которымъ, прежде всего, предстоитъ скучная необходимость уговориться въ цѣнѣ. Евгеній Петровичъ — ихъ хорошій, короткій знакомый, личность уважаемая ею, и потому пріятель его вправѣ разсчитывать на радушный пріемъ у нихъ. Все-таки, какъ это будетъ тяжело для нея; она такъ отвыкла отъ общества, такъ рѣдко видитъ новыя лица, а докторъ еще сказалъ

кажется, что пріятель его — литераторъ. Это, вѣрно, что нибудь очень скучное, ученое, тьма премудрости, такъ что надо говорить и за каждымъ словомъ оглядываться. Впрочемъ, самъ же докторъ выразился о немъ: „славный парень“; да опять нельзя и Любимову вѣрить: мало-ли онъ кого такъ называетъ. Но все бы это ничего еще; главное—дѣти. Когда привыкнутъ они къ новому наставнику и какъ отнесется онъ къ нимъ? Вѣдь учитель, по необходимости, встанетъ между ними и матерью. Она, Лизавета Михайловна, должна, такъ сказать, уступить ему часть своихъ правъ надъ ними; да и дѣтямъ тоже придется, со временемъ, подѣлиться съ нимъ хоть небольшой частицей той привязанности, которая теперь всецѣло отдается ей, какъ матери. Учитель—это не такое пустое слово, какъ относятся къ нему многіе; по крайней мѣрѣ. она понимаетъ его иначе. Вѣдь характеръ наставника можетъ отразиться на дѣтскихъ характерахъ, можетъ измѣнить ихъ въ ту либо другую сторону—въ хорошую или худую. Очень можетъ быть опять и то, что только ей это такъ представляется, что смѣшно такъ думать, что такія мысли — ребячество, неразвитость съ ея стороны... Но что же дѣлать, если ей именно такъ думается, если она не въ состояніи иначе думать. Какъ бы то ни было, пріятель Любимова не долженъ пожаловаться на холодный пріемъ у нея, — и онъ не пожалуется; она даже оставитъ его обѣдать у себя....

Такъ раздумывала Прозорова, полной грудью вдыхая въ себя утреннюю свѣжесть. Высокая, стройная, съ тѣмъ неуловимымъ, сдержаннымъ воодушевленіемъ въ лицѣ, какое присуще только недюжиннымъ женскимъ натурамъ, она была очень хороша въ эти минуты. Небрежно свернутая въ одинъ пукъ густая темнорусая коса ея мягко лежала на матовой бѣлизны шеѣ, придавая всей фигурѣ Лизаветы Михайловны какую-то особенную женственную прелесть,—и странно, что въ тоже время, въ этой фигурѣ было такъ много чего-то дѣвическаго, свѣжаго, еще нераспустившагося... Раннею весной попадаются иногда такіе цвѣты: они какъ

будто и раскрылись, да не совсѣмъ, точно пережидаютъ, чтобъ ихъ не прихватило весенней изморозью...

Въ самомъ дѣлѣ, отчего бы и не быть въ Лизаветѣ Михайловнѣ сходства съ этими ранними цвѣтами? Развѣ не шестнадцати лѣтъ вышла она замужъ, безъ малѣйшей подготовки къ самостоятельной семейной жизни? Развѣ не отдали ее, какъ большую часть нашихъ женщинъ, первому встрѣчному, чтобъ сбыть поскорѣе съ рукъ лишній ротъ, требовавшій хлѣба? Она именно такъ вышла замужъ; она и теперь, черезъ четырнадцать лѣтъ, не можетъ вспомнить безъ дрожи того рокового вечера, когда ей пришлось, въ первый разъ въ жизни, остаться въ спальнѣ глазъ на глазъ съ человѣкомъ, котораго она не уважала и не любила, потому что едва его знала. Сколько разъ, впослѣдствіи, было смертельно оскорблено ея человѣческое достоинство этимъ пошлымъ человѣкомъ, не шедшимъ дальше грубыхъ животныхъ инстинктовъ! Развѣ онъ не дѣйствовалъ на ея нѣжную организацію убійственнѣе всякаго мороза?

Лизавета Михайловна выросла въ странной, оригинальной обстановкѣ. Отецъ ея былъ сосланъ въ Сибирь за политическое преступленіе, но за какое именно—объ этомъ въ семействѣ никто не зналъ и не рѣшался спрашивать у молчаливаго старика Сомова. Когда, однажды, будучи еще маленькой дѣвочкой, Лизавета Михайловна обратилась за такимъ свѣденіемъ къ отцу, онъ посмотрѣлъ на нее большими грустными глазами, ласково потрепалъ ее по щекѣ и только вымолвилъ: „Не за худое дѣло, Лиличка“. Больше она никогда не слыхала отъ него ни слова на этотъ счетъ. Женился Сомовъ уже въ Сибири, на простой казачкѣ—высокой и красивой женщинѣ, совершенно непонимавшей его. Она любила мужа страстно, безгранично-довѣрчиво—и только. Сомовъ былъ уменъ, отлично образованъ, говорилъ на пяти языкахъ. Но при всемъ своемъ умѣ и образованности, онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на воспитаніе дочери, которую любилъ, между тѣмъ, безъ памяти. „Рости, Лиличка, какъ хочешь“—говаривалъ онъ ей иногда, въ свѣтлую минуту: „учись, чему хочешь; я тебѣ не мѣшаю и навязывать тебѣ ни моего опыта, ни моихъ знаній не буду“. Лиза-

вета Михайловна такъ и поступала. Рѣзкій контрастъ между широкой развитостью отца и деревенскимъ невѣденіемъ матери рано пробудилъ въ ней броженіе мысли. Наталкиваясь поминутно то на одно, то на другое, она всячески старалась примирить въ умѣ эти двѣ противоположныя крайности—и не могла; онѣ сбивали съ толку ея дѣтскую головку. Отецъ самъ выучилъ ее грамотѣ и этимъ ограничилъ, съ своей стороны, все ея образованіе, предоставивъ остальное ей самой. Лизавета Михайловна росла одна и на свободѣ. У ней, правда, были два старшихъ брата, но она рѣдко видѣлась съ ними, такъ какъ они воспитывались на казенный счетъ и домой являлись только по большимъ праздникамъ, и то на минуту. Маленькая Лиличка читала, безъ разбору, всякую попавшуюся ей на глаза книжку, останавливаясь преимущественно на тѣхъ, у которыхъ былъ покрасивѣе переплетъ; ей казалось почему-то, что подобная книжка должна быть гораздо занимательнѣе. Къ счастью дѣвочки, у нихъ въ домѣ не нашлось бы ни одного такого сочиненія, чтобъ его слѣдовало запретить ей брать въ руки, а между тѣмъ, недостатка въ книгахъ не было. Хотя Сомовъ и берегъ свой шкафъ съ книгами, какъ самую драгоцѣнную сокровищницу, но ключъ отъ этого таинственнаго шкафа не всегда лежалъ у него въ карманѣ; онъ чаще, по забывчивости старика, торчалъ тутъ же, въ дверцахъ. Впрочемъ, Сомовъ прямо и не запрещалъ никогда дочери пользоваться своей сокровищницей; но за малѣйшей неаккуратностью въ обращеніи съ книгой слѣдовалъ, въ отношеніи дочери, неумолимый остракизмъ на нѣсколько дней, и въ эти дни ключъ уже не торчалъ въ дверцахъ. Мать Лизаветы Михайловны, не меньше отца любившая дочь, и подавно не обращала вниманія на то, какъ та ростетъ и чѣмъ занимается, лишь бы дѣвочка была здорова и весела. Когда къ Сомову собирались гости,—а къ нему приходили все какіе-то серьезные, суровые люди,—мать постоянно уходила въ свою комнату и къ нимъ никогда не показывалась, развѣ подастъ чай и опять уйдетъ. Лизаветѣ Михайловнѣ, когда та изъявляла желаніе посидѣть съ папиными гостями,

она, обыкновенно, говорила: „Чего тебѣ, дурочка, дѣлать съ большими, сиди здѣсь“ — и оставляла ее при себѣ. Но выпадали случаи, когда Лиличка незамѣтно прокрадывалась туда, помѣщалась гдѣ нибудь смирнехонько въ уголку и все сидѣла — слушала. — Рѣчи папиныхъ гостей очень занимали ея дѣтскій умъ, хоть и были совершенно непонятны ей. Сомовъ какъ будто платилъ женѣ тою же монетой: онъ никогда не показывался у ней въ комнатѣ, когда тамъ сидѣли ея гости. Старикъ, въ это время, бралъ, обыкновенно, шапку и трость и уходилъ изъ дому. У Лизаветы Михайловны сердце лежало всегда больше къ отцу, и она сама не любила материныхъ гостей. „У тебя, папа, гости всѣ такъ тихо говорятъ, а у мамы все тараторятъ“ — говорила она ему, если онъ заставалъ ее, по приходѣ, гдѣ нибудь въ уголку залы. „А сидятъ еще у мамы гости?“ спрашивалъ при этомъ Сомовъ, и когда отвѣтъ былъ положительный, уходилъ снова изъ дому, молча погладивъ по головкѣ дочь.

Дѣвочкѣ никогда не случалось видѣть, чтобъ мать ея приласкалась къ отцу, хотя она и была увѣрена почему-то, что мама очень любитъ ея папу. Сомовъ также не обнаруживалъ въ отношеніи жены ни одной ласки. Но, въ то же время, въ домѣ никогда не слышалось ни брани, ни укоровъ; даже простыя замѣчанія были рѣдки, какъ годовой праздникъ. — „Пелагея!“ говорилъ, напримѣръ, Сомовъ женѣ за обѣдомъ: „супъ у насъ сегодня совсѣмъ сырой“. — „А ужъ я его кипятила-кипятила“ — замѣчала та тихо. — „Ну, можетъ, мнѣ такъ показалось“ — еще тише произносилъ старикъ, и тѣмъ дѣло кончалось. Вообще, между ними были какія-то странныя, почти суровыя отношенія. Разъ только подмѣтила маленькая Лиличка, какъ они ночью, въ спальнѣ, долго стояли обнявшись и неслышно плакали: это было какъ-разъ въ тотъ день, когда Сомову вышло прощеніе. Дней черезъ пять послѣ того, его не стало: то ли неожиданная радость убила его силы, то ли онъ простудился, бѣгая два дня по дождю, какъ угорѣлый, по всѣмъ своимъ пріятелямъ. Умеръ онъ быстро: сегодня вечеромъ захворалъ,

а завтра утромъ его уже положили на столъ. Въ памяти Лизаветы Михайловны навсегда врѣзалось это утро. Ее разбудила мать очень рано и привела къ отцу. Онъ лежалъ на диванѣ, съ закрытыми глазами. Клочья длинныхъ сѣдыхъ волосъ въ безпорядкѣ падали вокругъ его шеи, рѣзко отдѣляясь отъ темной кожаной подушки и придавая лицу умирающаго нѣсколько страдальческій, но львиный видъ. Когда Лизавета Михайловна подошла къ нему, онъ вдругъ широко открылъ глаза, слабо положилъ ей на голову руку, явственно выговорилъ: „честность“, потомъ еще что-то пробормоталъ, но уже неслышно, — и вытянулся во весь ростъ. Что хотѣлъ сказать дочери старикъ за минуту до своей кончины — осталось для нея навсегда тайной—тайной завѣтной, глубокой, неразрѣшимой...

Притихла послѣ этого еще пуще и безъ того тихая Лиличка, хотя ей и было тогда только тринадцать лѣтъ. И вотъ стали онѣ жить вдвоемъ съ матерью. Отцовскій шкафъ вскорѣ опустѣлъ: одинъ изъ пріятелей покойнаго купилъ для себя всю его библіотеку. Много хорошихъ дѣтскихъ слезъ унесли съ собой на переплетахъ бѣдныя книги къ ихъ новому владѣльцу! Съ того времени, нравственный міръ дѣвочки опустѣлъ, и маленькая душа ея замкнулась даже отъ матери: эта маленькая душа не могла простить ей продажи любимыхъ отцовскихъ книгъ. Три года прожили онѣ такъ съ матерью, уединившись другъ отъ друга, каждая въ свою нравственную скорлупку. Деньги, какія еще водились у вдовы Сомовой, съ каждымъ днемъ проживались, а новыхъ ни откуда не прибывало. Какъ на грѣхъ, въ это же время, оба ея сына были за какія-то шалости исключены изъ заведенія и снова повисли на материнской шеѣ. А тутъ подвернулся выгодный женихъ къ Личкѣ; то есть, какой выгодный: жалованья получалъ тридцать пять рублей въ мѣсяцъ. „Лиза, выходи замужъ, а то вѣдь мы этакъ пропадемъ совсѣмъ“—твердила по нѣскольку разъ въ день Сомова дочери,—и Лизавета Михайловна вышла замужъ за Прозорова. Она сдѣлала это такъ, просто, машинально, какъ еслибъ

ей сказали: „Лиза, принеси воды“. Много горькихъ слезъ было пролито потомъ за эту воду... но кто же считаетъ у насъ женскія слезы? И развѣ можно счесть ихъ?...

Теперь Лизавета Михайловна почти богата—по крайней мѣрѣ, совершенно обезпечена всѣмъ. Мужъ ея занимаетъ выгодное, почетное положеніе въ обществѣ: онъ служитъ мировымъ посредникомъ въ одной изъ сосѣднихъ съ ушаковской губерній, и все зоветъ Лизавету Михайловну съ дѣтьми къ себѣ, пишетъ къ ней цѣлыя тетради писемъ, наполненныхъ будто бы искреннимъ раскаяніемъ, горячими извиненіями за прошлое. Но Лизаветѣ Михайловнѣ плохо вѣрится въ эти письма; зорко стережетъ она, чтобъ любопытный дѣтскій глазокъ не заглянулъ какъ нибудь въ эти безнравственныя раскаянія. Да! Прозорова лучше первому встрѣчному повѣрила бы теперь своихъ дѣтей, чѣмъ ихъ отцу... Вотъ Лизавета Михайловна три года не видалась съ нимъ,—и ей все равно, если она и никогда больше не увидитъ его; послѣднее даже лучше было бы. И все-таки, что-то глубоко-оскорбительное сказывается ей порой въ той мысли, что она не смѣетъ ни на минуту довѣрить мужу своихъ дѣтей. Довольство тоже не радуетъ Прозорову. Лизавета Михайловна инстинктивно чувствуетъ, что довольство это куплено цѣною многихъ, невѣдомыхъ ей, нуждъ, хоть она и не причастна имъ прямо. Надѣляемое рукой нелюбимаго и неуважаемаго ею человѣка, оно, хотя и смутно, представляется ей подчасъ какимъ-то обиднымъ подаяніемъ; ей постоянно мерещится въ немъ что-то темное, что-то идущее въ разрѣзъ съ послѣднимъ словомъ, которое слышала она отъ умирающаго отца. Такое нравственное иго невыносимо; подъ бременемъ его ломятся лучшія человѣческія натуры, если не поддержитъ ихъ во время твердая, честная любящая рука. А многимъ ли посылаетъ судьба такую руку? Можетъ быть, пятая часть нашихъ кладбищъ удобрена жертвами подобнаго нравственнаго ига—этого вѣчнаго спутника русской женщины! Но могильные кресты неохотно дѣлятся съ нами своими тайнами...

Трудно сказать, къ какому исходу привели бы Лизавету Ми-

хайловну и ея ненормальное состояніе, и эта постоянная привычка оставаться съ глазу на глазъ съ собственными мыслями, не повѣряя ихъ никому, кромѣ подушки, еслибъ не пришли къ ней на выручку дѣти. На нихъ сосредоточилась теперь вся ея нравственная сила; въ нихъ—и только въ нихъ—думала осуществить она тѣ неясные, хотя и глубоко-прочувствованные идеалы, которые не дались ей самой.

Дѣти имѣютъ удивительную чуткость. Тамъ, гдѣ взрослый человѣкъ безъ труда даетъ подкупить себя, не замѣчая подставленной ему ловушки, эти маленькія существа остаются тверды и неподкупны, точно инстинктомъ угадывая опасность. Тоже случилось и съ дѣтьми Прозоровыхъ. Несмотря на горячія, повидимому, ласки, расточавшіяся заочно въ письмахъ къ нимъ отца, послѣднія никогда не достигали своей цѣли. Любовь и заботливость, искусственно наполнявшія ихъ, выражались слишкомъ кудревато для дѣтскаго сердца и дѣтскаго пониманія. Одно теплое, задушевное слово матери изгоняло изъ ребяческой памяти цѣлые томы этихъ вычурныхъ, насиженныхъ ласкъ. Дѣти Прозорова оставались равнодушны къ нему; письма его съ любопытствомъ прочитывались ими—и только. Въ такія минуты еще, они, дѣйствительно, сознавали, что гдѣ-то вдали отъ нихъ, въ другомъ городѣ, живетъ далеко не посторонній имъ человѣкъ, имѣющій громадныя права на нихъ; но въ остальное время, это или забывалось совсѣмъ, или вспоминалось случайно, мелькомъ. Только въ старшей дочери Лизаветы Михайловны, одинадцатилѣтней Калеріи, теплилось какъ будто искреннее чувство къ отцу, но оно вспыхивало такъ рѣдко и, притомъ, всегда при такихъ обстоятельствахъ, что трудно было сказать, вызвано ли это чувство самостоятельно, или подкуплено лестью дѣтскому самолюбію: отецъ постоянно называлъ ее въ письмахъ „умницей“, и самыя длинныя изъ нихъ адресовались, обыкновенно, на ея имя. Что же касается младшей дочери Прозоровой, восьмилѣтней Сашеньки — преострой дѣвочки, отличавшейся какимъ-то особеннымъ природнымъ юморомъ,—то она постоянно только лукаво посмѣива-

лась, выслушивая отъ сестры длинныя посланія къ той отца; ее смѣшило почему-то, что они и начинались, и кончались всегда нескончаемымъ рядомъ именъ угодниковъ, призывавшихся въ покровительство „милыхъ дѣтокъ“. Но если дѣвочки оставались равнодушны или, вѣрнѣе, почти равнодушны къ отцу, за то первенецъ Лизаветы Михайловны, тринадцатилѣтній Гриша, относился къ нему положительно враждебно. Съ какихъ поръ началась въ ребенкѣ эта странная вражда, онъ и самъ не могъ бы опредѣлить. Гриша былъ развитъ не по лѣтамъ; въ его, еще пока дѣтскомъ, лицѣ уже и теперь замѣтно сказывались возмужалость и энергія. „Что?—много разныхъ глупостей написалъ?“ спрашивалъ онъ, обыкновенно, съ оттѣнкомъ пренебреженія, у сестеръ, когда заставалъ ихъ за чтеніемъ отцовскихъ писемъ. Прозорова постоянно дѣлала выговоры сыну за такой неумѣстный тонъ. „А зачѣмъ же онъ глупости пишетъ?“ былъ всегда короткій отвѣтъ мальчика. Вообще, Гриша очень часто огорчалъ мать своими рѣзкими выходками; но стоило Лизаветѣ Михайловнѣ только не отвѣтить ему на два, на три вопроса, — и мальчикъ уже приставалъ къ ней, чуть не со слезами на глазахъ, прося прощенія, и иногда впродолженіи цѣлаго дня потомъ относился къ матери необыкновенно мягко. Онъ ее очень любилъ, хотя и стыдился какъ будто обнаруживать это.

Лизавета Михайловна, инстинктивно сознавшая, что слишкомъ рано учить дѣтей не годится, что надо дать имъ свободу прочувствовать свое дѣтство, сперва сама занималась съ ними, и исподоволь, незамѣтно для самой себя, шутя, какъ говорится, выучила ихъ грамотѣ. Впослѣдствіи, года за три до настоящаго времени, когда двое старшихъ дѣтей ея значительно подросли, она взяла для нихъ учителя изъ ссыльныхъ — добродушнаго старичка, жившаго въ Ушаковскѣ исключительно уроками. „Гризенбергъ, можетъ быть, и исправитъ кого нибудь, но, во всякомъ случаѣ, никого не испортитъ“—таково было мнѣніе объ этомъ учителѣ мѣстныхъ знатоковъ дѣла; а подобное качество много значило, хотя бы и не для Ушаковска. Мѣсяца за полтора до пріѣзда Александра Васильича,

Гризенбергъ, получивъ позволеніе возвратиться на родину, уѣхалъ— и дѣти Лизаветы Михайловны остались на все это время безъ учителя, такъ-что предложеніе Любимова на счетъ Свѣтлова пришло къ ней какъ нельзя болѣе кстати. Она, въ послѣднее время, крѣпко была озабочена мыслью, что ея Гришѣ давно пора поступить въ гимназію, а между тѣмъ, у Гризенберга онъ учился какъ-то неохотно, не слушался его и, вообще, начиналъ сильно полѣниваться. „Что это ты не учишься-то, какъ слѣдуетъ, Гриша?“ замѣчала ему частенько мать. „Надоѣлъ онъ мнѣ, муська“—всегда немногосложно отвѣчалъ ей мальчикъ, и по-прежнему плохо готовилъ уроки. Такова была семья Прозоровыхъ, и въ такомъ положеніи застаетъ ее нашъ разсказъ.

Сегодня, дѣти Лизаветы Михайловны тоже проснулись нѣсколько раньше обыкновеннаго. Наканунѣ, ложась спать, они не меньше матери передумали, по своему, о новомъ учителѣ, съ которымъ завтра имъ предстояло познакомиться лично. Немудрено, что это покажется кому нибудь страннымъ. Мы, взрослые люди, привыкшіе оцѣнивать все по своей собственной, широкой мѣркѣ, относимся обыкновенно свысока и пренебрежительно къ внутреннему дѣтскому міру. Намъ трудно представить себѣ, что въ этомъ, повидимому, крошечномъ внутреннемъ мірѣ совершаются тѣ же нравственные процессы, какъ и въ насъ самихъ. Мы, чаще всего, смѣшиваемъ форму съ содержаніемъ и, такимъ образомъ, постоянно обманываемъ себя. Сплошь и рядомъ бываетъ, что въ душѣ иного человѣка широко разовьется поэтическій инстинктъ, но этотъ, такъ сказать, внутренній поэтъ, въ то же время, не имѣетъ средствъ выразить своего содержанія въ строго-опредѣленной формѣ, въ яркихъ, законченныхъ образахъ. Каждый ребенокъ, какъ нельзя больше, похожъ на подобнаго человѣка: и у ребенка, какъ и у такого поэта, внутренній міръ богатъ содержаніемъ, обиленъ поэтическимъ матеріяломъ; ребенку также не достаетъ только формы—умѣнья взрослаго человѣка послѣдовательно излагать свои мысли. Пусть кто нибудь безпристрастно и поглубже заглянетъ въ этотъ крошечный дѣтскій

міръ, — и онъ, ручаемся, узнаетъ въ немъ себя лучше, чѣмъ въ зеркалѣ. Повторяемъ—дѣти Лизаветы Михайловны много передумали съ вечера о новомъ учителѣ, и подъ вліяніемъ вызванныхъ имъ мучительныхъ догадокъ, проснулись сегодня раньше обыкновеннаго. Мнѣніе Гриши на этотъ счетъ, едва онъ открылъ глаза, выразилось въ сжатой, никому несообщенной мысли: „Если онъ станетъ задавать мнѣ такіе же длинные уроки, какіе задавалъ Гризенбергъ—не буду учить ни за что... Надоѣло!“ Калерія, за утреннимъ чаемъ, нѣсколько разъ приставала къ матери съ вопросомъ, какое ей надѣть сегодня платье.

— Да вѣдь ты ужъ одѣта,—замѣтила ей наконецъ Лизавета Михайловна, которой давно не нравились въ старшей дочери признаки зарождающагося кокетства.

— А къ учителю какъ я выйду? спросила Калерія огорченнымъ голосомъ.

— Въ томъ платьѣ и выйдешь, какое теперь на тебѣ,—отвѣтила сухо мать.

— Нѣтъ, мамочка, пусть она надѣнетъ бѣлое съ розовыми цвѣточками: въ томъ она умнѣе,—сострила сидѣвшая рядомъ съ сестрой Сашенька, сдѣлавъ забавную гримаску. Сама она была еще въ утреннемъ, поэтическомъ безпорядкѣ.

— Ужъ тебя вездѣ спрашиваютъ! замѣтила ей Калерія раздражительно и со слезами въ голосѣ. — Небось, какъ ты, растрепанная, выйти?

— И выйду растрепанная; чтожъ такое?

— Ну и выходи! А я не хочу.

Калерія надула губки.

— А ты въ чемъ, Гриша, выйдешь? спросила, смѣясь, Лизавета Михайловна у сына.

— Папинъ старый мундиръ надѣну,—отвѣтилъ тотъ совершенно серьезно. У него только въ глазахъ мелькнула ироническая улыбка.

— Это который на вышку недавно вынесли? сказала коварно Сашенька.

— Ну да, а то какой же?

— И шпагу, Гриша?

— И шпагу надѣну,—пояснилъ Гриша невозмутимо.

Сашенька прыснула со смѣху и увлекла своимъ примѣромъ мать. Та засмѣялась.

— Вотъ-то воинъ выйдетъ! замѣтила она.

Калерія, взглянувъ на высокую и нѣсколько сутуловатую фигуру брата, тоже не утерпѣла и расхохоталась. Такимъ образомъ, чай прошелъ очень весело. Дѣвочки откровенно болтали съ матерью обо всемъ; даже молчаливый Гриша разговорился къ концу. Онъ опять насмѣшилъ всѣхъ, представивъ, какъ Калерія будетъ дѣлать книксенъ учителю. Комизму этого импровизированнаго утренняго спектакля много способствовало байковое одѣяло, изъ котораго мальчикъ наскоро соорудилъ подобіе короткаго платьица.

Около одинадцати часовъ, когда горничная дѣвушка пришла убирать со стола, въ передней раздался звонокъ. Дѣти встрепенулись. Сашенька первая не усидѣла на мѣстѣ и проскользнула за горничной, какъ только та пошла отпирать дверь.

— Не хорошо, Саша... едва успѣла замѣтить дѣвочкѣ мать.

— Евгеній Петровичъ съ учителемъ!... Красивый такой! въ попыхахъ объявила ей вернувшаяся Сашенька.

— Вы пока не выходите еще,—сказала Лизавета Михайловна дѣтямъ, и поспѣшила въ залу. Проходя черезъ спальню, она машинально поправила передъ зеркаломъ волосы.

— Вотъ вамъ, изволите видѣть... Свѣтловъ,—молвилъ докторъ, представляя Прозоровой пріятеля. Онъ хотѣлъ-было сказать „чучело“, но на этотъ разъ удержался почему-то.

Александръ Васильичъ съ достоинствомъ поклонился.

— Очень рада познакомиться съ вами... обратилась Лизавета Михайловна къ будущему учителю своихъ дѣтей, и ласково протянула ему руку.—Я, впрочемъ, немного уже и знакома,—поспѣшила она прибавить:—докторъ съ такимъ восторгомъ всегда разсказываетъ о васъ... Милости просимъ!

— Только ему не всегда слѣдуетъ вѣрить,—замѣтилъ съ улыбкой Свѣтловъ, садясь по указанію хозяйки.

— Слышите, докторъ? сказала она.

— Слышу. Да вы что думаете о немъ? Вѣдь это воплощенная черная неблагодарность! засмѣялся Любимовъ.—Однако, до свиданія! заторопился Евгеній Петровичъ: — процессъ ознакомленія совершенъ, что и требовалось... Получите, — сказалъ онъ, указавъ головой на Свѣтлова и прощаясь съ хозяйкой.

— Постойте, да куда же вы бѣжите такъ скоро? спросила она, улыбаясь.

— Опасный больной, изволите видѣть, на рукахъ.

— Пріѣдете къ намъ обѣдать сегодня?

— Не обѣщаюсь.

— Не обѣщайтесь, а пріѣзжайте просто.

— Ладно, коли успѣю.

Прозорова пошла проводить доктора до передней, и въ дверяхъ подождала, пока онъ одѣвался. „Гдѣ я видѣлъ это лицо?“ подумалъ въ недоумѣніи Свѣтловъ, пристально вглядываясь издали въ ея профиль: „а видѣлъ гдѣ-то“. Лизавету Михайловну занялъ тотъ же вопросъ немного раньше, именно въ ту самую минуту, какъ она вышла къ нимъ, и еслибъ Александръ Васильичъ также пристально взглянулъ на нее тогда, онъ навѣрно замѣтилъ бы мгновенно набѣжавшій на ея лицо легкій румянецъ.

— Такъ заѣзжайте же,—повторила хозяйка въ слѣдъ уходившему доктору, и вернулась къ Свѣтлову.—Виновата,—обратилась она къ нему, садясь напротивъ: — у меня всегда привычка провожать до дверей хорошихъ знакомыхъ.

— Очень милая привычка, — сказалъ Александръ Васильичъ.

— Вы вѣдь недавно изъ Петербурга? спросила Лизавета Михайловна, помолчавъ.

— Всего только нѣсколько недѣль.

— Я думаю, для васъ не совсѣмъ удобно привыкать къ нашему городу послѣ столицы?

— Да вѣдь это мой родной городъ.

— Все-таки, я думаю, на первый разъ скучаете?

— Отчего? Нѣтъ. Вѣдь мы, по большей части, скуку сами съ собой носимъ, а я, признаюсь, никогда этимъ не запасаюсь,— улыбнулся Свѣтловъ.

— Счастливая у васъ натура,—какъ-то робко выговорила Лизавета Михайловна.

— Какъ вамъ сказать? Въ этомъ отношеніи—да, пожалуй.

Они помолчали.

— Вы желали, чтобъ я давалъ уроки вашимъ дѣтямъ? спросилъ Свѣтловъ, видя, что она затрудняется продолжать разговоръ

— Да, я давно просила объ этомъ доктора, и такъ рада, что онъ указалъ мнѣ на своего же товарища. Знаете, я въ такихъ случаяхъ бываю всегда какъ-то очень нерѣшительна... застѣнчиво проговорила Прозорова.

— Еще бы! Это такой важный вопросъ,—сказалъ Свѣтловъ, совершенно серьезно.

— Иные какъ-то легко къ этому относятся, а я не могу,— замѣтила она, нѣсколько ободрившись.

— И вы совершенно правы. У насъ, дѣйствительно, большинство даже и не подозрѣваетъ, что отъ учителя зависитъ... да почти зависитъ будущность ребенка. Я очень радъ, что встрѣчаю въ васъ именно такой взглядъ, такъ—какъ только при этомъ условіи могу принять на себя обязанность учителя; въ противномъ случаѣ, я всегда отказываюсь...

Александръ Васильичъ пытливо посмотрѣлъ на собесѣдницу: та замѣтно повеселѣла.

— У меня, значитъ, есть надежда, что вы мнѣ поможете, — сказала она мило и просто.

— Сдѣлайте одолженіе, располагайте мной,—слегка поклонился Свѣтловъ.

Лизавета Михайловна вдругъ смутилась. Она, очевидно, хотѣла что-то сказать, но затруднялась.

— Что же касается условій,—выручилъ ее гость, догадавшись въ чемъ дѣло:—то я буду просить васъ позволить мнѣ переговорить о нихъ съ вами впослѣдствіи, когда я нѣсколько ознакомлюсь съ дѣтьми, уроковъ послѣ двухъ, напримѣръ.

— Но... можетъ быть... начала было она нерѣшительно.

— Мы не сойдемся въ цѣнѣ, хотите вы сказать? договорилъ за нее Александръ Васильичъ.—На этотъ счетъ будьте совершенно спокойны: я не изъ церемонныхъ; увижу и скажу вамъ, какъ я думаю. Найдете вы удобнымъ—прекрасно, не найдете—никто изъ насъ ничего не потеряетъ; по крайней мѣрѣ, у меня теперь все время свободно.

— Если вы находите такъ лучше...

— Да это даже необходимо. Я долженъ вамъ сказать откровенно, разъ взявшись за что нибудь, я не люблю, чтобъ мнѣ мѣшали; а для этого, вамъ, по самому священному праву и прежде всего, надо будетъ удостовѣриться лично въ честности моихъ взглядовъ съ вашей точки зрѣнія, — иначе между мной и дѣтьми никогда не установится полнѣйшей довѣренности. Безъ нея мы будемъ, разумѣется, толочь воду, а не учиться; по крайней мѣрѣ, я такъ смотрю на это. Разъ убѣдившись въ томъ, что я не намѣренъ заносить плевелъ въ вашъ огородъ, вы развяжете руки и мнѣ, и себѣ. Очень часто бываетъ, видите, что самое честное слово учителя толкуется вкривь родителями только потому, что учителю они не довѣряютъ, а сказанное слово непонятно имъ почему нибудь. Я не отношу этого, разумѣется, къ вамъ... остановился вдругъ Александръ Васильичъ.

— О, пожалуйста, не стѣсняйтесь! попросила Лизавета Михайловна совершенно искренно.

— Я васъ пока еще совсѣмъ не знаю, вы меня тоже,—продолжалъ спокойно Свѣтловъ:—очень можетъ быть, что мы еще и разойдемся въ чемъ нибудь...

— Что касается меня, я совершенно полагаюсь на вашу добросовѣстность.

— Ну, не скажите этого. Сперва лучше всего нѣкоторое время коситься другъ на друга: посмотримъ, молъ, еще, что вы за человѣкъ. Это, по моему, прочнѣе: не приходится жаловаться впослѣдствіи.

— Но я не могу себѣ представить, какъ это сразу не довѣрять человѣку? сказала Прозорова.

— Да вы ему, пожалуй, и довѣряйте, а все-таки на-сторожѣ стоять не мѣшаетъ, пока вы его не знаете хорошо, пока онъ совершенно не выразится передъ вами.

— Но вѣдь это такъ трудно узнать... попыталась возразить Лизавета Михайловна.

— Мнѣ кажется, не особенно трудно. Человѣкъ всегда прорвется, хоть на мелочи, какъ бы онъ искусно не замаскировался.

— Я, признаюсь, частенько ошибаюсь; впрочемъ, мнѣ почти и не приходится наблюдать: я все дома сижу,—замѣтила Прозорова.

— Я думаю, и я не рѣже вашего ошибаюсь, а все-таки съ каждой новой ошибкой чему нибудь да и научишься. Вѣроятно, и съ вами это случалось не разъ?

— Да, это правда,—сказала она, серьезно подумавъ.

Они снова помолчали.

— Если вы мнѣ позволите съ сегодняшняго дня считаться учителемъ вашихъ дѣтей,—сказалъ Свѣтловъ:—то я попросилъ бы васъ объ одномъ...

— Ахъ, пожалуйста... Позвольте узнать ваше имя?

Свѣтловъ сказалъ.

— Пожалуйста, Александръ Васильичъ,—повторила она:—не стѣсняйтесь.

— Я именно хотѣлъ просить васъ—въ тѣхъ случаяхъ, еслибъ между нами вышло какое недоразумѣніе по урокамъ, обращаться ко мнѣ всякій разъ прямо за объясненіемъ. Мы такъ скорѣе поймемъ другъ друга, а главное—никогда не поссоримся.

— Мнѣ кажется, съ вами трудно поссориться,—сказала Лизавета Михайловна простодушно.

— Ну, не говорите этого... не ручаюсь,—разсмѣялся Свѣтловъ.

— Въ такомъ случаѣ, я постараюсь сдѣлать съ своей стороны все, чтобъ этого не случилось,—улыбнулась Прозорова.

— Постараемся оба. Кстати, я долженъ теперь же предупредить васъ и еще объ одной моей привычкѣ, которая, сколько я испыталъ до сихъ поръ, никогда не приходилась по вкусу родителямъ,—сказалъ Александръ Васильичъ, переходя въ серьезный тонъ.

— Скажите; это очень интересно,—замѣтила Лизавета Михайловна.

— Видите ли въ чемъ дѣло: въ началѣ уроковъ, съ мѣсяцъ времени, по крайней мѣрѣ, я занимаюсь съ дѣтьми безъ книгъ.

— Какъ безъ книгъ? Совсѣмъ безъ книгъ? удивилась она.

— Да, такъ-таки совсѣмъ безъ книгъ.

— Но какъ же они будутъ учиться? Вѣдь имъ нужно уроки готовить.

— Это ничего не значитъ. Сегодня утромъ, напримѣръ, они выслушаютъ меня, вечеромъ припомнятъ все, обдумаютъ, а завтра у нихъ уже окажется извѣстная доза знанія—правда, небольшая—но за то это будетъ нѣчто самостоятельное. Въ этомъ случаѣ, я исхожу изъ той мысли, что дѣти прежде всего должны быть какъ можно больше заинтересованы знаніемъ; надобно, чтобъ въ нихъ развилась сознательная жажда къ нему, чтобъ жажда эта вытекала непосредственно изъ нихъ самихъ, при участіи ихъ собственной воли, а не прививалась къ нимъ искуственными мѣрами. Тогда они постепенно втянутся въ книгу. Надо, чтобъ они смотрѣли на книгу какъ на товарища, у котораго больше свѣденій, чѣмъ у нихъ, а не какъ на нѣсколько листовъ печатной бумаги, гдѣ каждый столбецъ, по необходимости, сталъ бы представляться имъ маленькимъ тираномъ, требующимъ къ извѣстному сроку знанія „отъ сюда и до сюда“,—сказалъ Свѣтловъ, указавъ пальцемъ на столѣ двѣ противоположныя точки.

— До сихъ поръ мои дѣти занимались съ книгами, и я боюсь, что это сильно помѣшаетъ вашему пріему.

— О, нѣтъ! Я полагаю, что особенной нѣжности къ пройденнымъ книгамъ у нихъ не сохранилось. Сперва имъ это, можетъ быть, и покажется нѣсколько страннымъ, а потомъ они привыкнутъ. Два-три такихъ опыта у меня были въ высшей степени удачны.

— Вы, вѣроятно, давно уже даете уроки? спросила Прозорова.

— Какъ вамъ сказать? Это не моя спеціальность; но я очень люблю дѣтей, и нѣсколько времени серьезно занимался вопросомъ воспитанія.

— Ахъ, вотъ еще что скажите мнѣ, пожалуйста: какъ вы намѣрены распредѣлить уроки?

— Какъ вамъ угодно, только бы не по часамъ. По моему, нѣтъ ничего хуже, когда и учитель, и ученики то и дѣло посматриваютъ на часы. Одинъ день мы можемъ заняться дольше, въ другой — меньше, — это будетъ зависѣть отъ степени вниманія дѣтей, свѣжести ихъ головы, да и мало ли еще отчего. Въ этомъ, вы ужъ предоставьте намъ тоже полную свободу, — улыбнулся Александръ Васильичъ.

— Да, пожалуйста, располагайте, какъ вамъ лучше. Вы, вѣроятно, утромъ вѣдь будете заниматься съ ними?

— Разумѣется, все утро.

— Каждый день?

— Да, непремѣнно каждый день, за исключеніемъ дней отдыха, само собой разумѣется.

— Конечно! А когда вы можете начать занятія? спросила Прозорова.

— Да я желалъ бы приступить къ нимъ сегодня же... если позволите?

— Такъ скоро? улыбнулась она.

— Но вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь: это совершенно отъ васъ будетъ зависѣть. Приказывайте, — сказалъ Свѣтловъ, закуривая папироску.

— Я-то очень рада, только бы васъ это не стѣснило.

— Охъ, нисколько; у меня не въ привычкѣ стѣсняться, — замѣ-

тилъ Свѣтловъ.—Да я думаю, не мѣшало бы ужъ и начать? сказалъ онъ, мелькомъ взглянувъ на часы.

— Я васъ сейчасъ познакомлю съ дѣтьми. Вы извините, если они будутъ немного дичиться васъ сначала, пока не привыкнутъ; они вѣдь у меня страшные провинціалы,—вставая проговорила Лизавета Михайловна, съ граціозной, добродушной улыбкой.

— Мы живо познакомимся,—отвѣтилъ ей Свѣтловъ, тоже улыбнувшись.

Она хотѣла идти.

— На одну минуту... сказалъ Александръ Васильичъ, вѣжливо ее удерживая. — Вы только представьте насъ другъ другу, а ужъ познакомимся-то мы сами; я даже попросилъ бы васъ оставить насъ однихъ на нѣкоторое время, если вы будете такъ любезны...

— Вотъ какъ! ужь и выгоняете меня? шутливо замѣтила Лизавета Михайловна Свѣтлову, и пошла къ дѣтямъ. Дорогой, она сама не могла надивиться своей сегодняшней развязности.

„Какая славная, умная женщина“—съ удовольствіемъ подумалъ Александръ Васильичъ, провожая глазами ея воздушное лиловое платье. Минуты черезъ двѣ Прозорова вернулась съ дѣтьми и представила Свѣтлову каждаго члена семьи порознь.

— Ка-а-кой у васъ цвѣтникъ! сказалъ онъ вставая и дружески здороваясь съ ними.

— Не говорите,—замѣтила она;—только этотъ цвѣтникъ пошумѣть иногда любитъ...

— Да? Въ такомъ случаѣ, вашъ домашній шумъ теперь еще больше увеличится, такъ — какъ я самъ не изъ смирныхъ,—разсмѣялся Свѣтловъ.

— Вы меня извините,—улыбнулась Прозорова, и вышла.

Дѣвочки посматривали на учителя съ замѣтнымъ любопытствомъ, а Гриша еще замѣтнѣе косился на него.

— Прошу любить и жаловать, — ласково обратился Свѣтловъ къ дѣтямъ. — Сядемте-ка теперь да потолкуемъ немножко. Ваша мама желаетъ, чтобъ мы сегодня же начали,—мы такъ и сдѣлаемъ.

— Вамъ книгъ принести? угрюмо освѣдомился Гриша.

— Нѣтъ, зачѣмъ; не нужно. Пожалуйста, устроивайтесь вокругъ столика, гдѣ кому удобнѣе,—сказалъ Александръ Васильичъ, садясь.—Что вы больше любите?—какой предметъ? спросилъ онъ у мальчика.

— Географію,—отвѣтилъ тотъ недовѣрчиво.

— Вонъ вы что любите. А вы? обратился Свѣтловъ къ старшей дѣвочкѣ.

— Исторію... отвѣчала Калерія, вся покраснѣвъ.

— Ну, а вы, вѣрно, еще ничего не успѣли полюбить? спросилъ Александръ Васильичъ, съ улыбкой, у Сашеньки.

— Нѣтъ, я арифметику очень люблю,—отвѣтила та бойко.

— Вотъ какъ! Значитъ, мы съ вами пара: я самъ математикъ. А не кажется вамъ арифметика скучной? освѣдомился Александръ Васильичъ.

— Нѣтъ, не кажется.

— А мнѣ такъ она сперва ужасно казалась скучной; бывало, какъ начну большое вычитаніе дѣлать—непремѣнно расплачусь.

Сашенька засмѣялась.

— Да, вотъ вы смѣйтесь, а мнѣ тогда ужасно трудно приходилось. Не вдругъ вѣдь это выходитъ, что дѣло-то мастера боится,—сказалъ Свѣтловъ.

— А теперь вы мастеръ? спросилъ Гриша.

— Еще какой, батюшка, мастеръ-то! отвѣтилъ съ комичной важностью Александръ Васильичъ.—Не хотите-ли попробовать задать мнѣ какую нибудь задачу?

Гриша подумалъ.

— Потруднѣе, Гриша,—лукаво попросила Сашенька.

— Смотрите! шутливо погрозилъ ей пальцемъ Свѣтловъ: — не злорадствуйте.

Гриша еще подумалъ и задалъ учителю какую-то мудреную, по его мнѣнію, задачу. Свѣтловъ тотчасъ же блистательно разрѣшилъ ее въ умѣ.

— Что? сказалъ онъ: — не поймали?

— Ну-те-ка, а вы мнѣ задайте,—попросилъ Гриша.

— Извольте.

Свѣтловъ опредѣлилъ задачу.

Дѣти, всѣ трое, усердно принялись разрѣшать ее тоже въ умѣ, но справиться не могли.

— Вы нарочно такую задали, — замѣтилъ наконецъ Гриша, потерявъ надежду.

— Какую?

— Трудную.

— Напротивъ, совсѣмъ легкую, стоитъ только хорошенько подумать. Ну да ужъ, нечего дѣлать, пускай остается за вами; авось къ завтрашнему дню догадаетесь, въ чемъ дѣло.

— Да я и сегодня догадаюсь.

— Догадайтесь, догадайтесь.

Отъ разговора объ ариѳметикѣ Свѣтловъ незамѣтно перешелъ къ другимъ предметамъ, не выходя изъ манеры обыкновенной дружеской бесѣды. Онъ велъ ее очень искусно и притомъ такъ, что безпрестанно вызывалъ у заинтересованныхъ дѣтей новые вопросы, которые самъ же сейчасъ и разрѣшалъ имъ просто и наглядно. Когда Сашенька случайно разсказала ему, что была разъ съ матерью въ нѣмецкой киркѣ и видѣла, какъ смѣшно служитъ пасторъ, — Александръ Васильичъ, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, сталъ до того увлекательно разсказывать о реформаціи, что его заслушалась даже Лизавета Михайловна, пріютившаяся въ сосѣдней комнатѣ и все время слѣдившая оттуда за урокомъ. О Калеріи и говорить нечего: та вся превратилась въ слухъ. Нѣсколько словъ, сказанныхъ тутъ же, кстати, о пуританахъ, переселившихся въ Америку, дали поводъ Гришѣ предложить учителю нѣсколько географическихъ вопросовъ. Зашла рѣчь и о трудѣ. Свѣтловъ провелъ яркую параллель между американскимъ и нашимъ работникомъ; объяснилъ дѣтямъ, доступно ихъ пониманію, важное значеніе работника вообще, кто бы онъ ни былъ и гдѣ бы ни совершалась его полезная дѣятельность. Сашенькѣ, такимъ

образомъ, пришлось, незамѣтно для нея самой, узнать нѣкоторыя очень важныя практическія примѣненія арифметическихъ чиселъ. Короче сказать, дѣти заинтересовались учителемъ чрезвычайно; они даже не спохватились ни разу, какъ долго сидятъ съ нимъ, а между тѣмъ бесѣда ихъ длилась уже часа два слишкомъ. Да и Лизавета Михайловна не замѣчала этого; она только неясно сознавала въ эти часы, что и сама тоже какъ будто учится. Но забавнѣе всего было положеніе Гриши; онъ отъ времени до времени задавалъ себѣ вопросъ: когда же, наконецъ, новый учитель начнетъ свой урокъ? Преподаваніе безъ книгъ, въ легкой, доступной даже для такого ребенка, какъ Сашенька, формѣ—было для него рѣшительно немыслимо. А между тѣмъ, разсказы учителя становились все интереснѣе, увлекательнѣе. Свѣтловъ нарочно касался, на этотъ разъ, самыхъ разнообразныхъ предметовъ; ему хотѣлось, во-первыхъ, сразу поближе ознакомиться съ степенью развитости каждаго изъ своихъ учениковъ, да кромѣ того, онъ былъ глубоко убѣжденъ, что отъ перваго урока зависитъ многое, что этимъ урокомъ, такъ сказать, устанавливается послѣдующій взглядъ учениковъ на учителя. Мы, однакожъ, непростительно погрѣшили бы, еслибъ сказали, что Александръ Васильичъ старался поддѣлаться подъ возрастъ и понятія своихъ маленькихъ слушателей. Ничего подобнаго не было въ его манерѣ. Онъ говорилъ просто, ясно, убѣдительно. Иногда въ залѣ раздавался дружный взрывъ дѣтскаго хохота, и это всякій разъ означало, что Свѣтловъ либо сообщилъ дѣтямъ какую нибудь забавную школьную продѣлку изъ своего прошлаго, либо охарактеризовалъ, съ свойственнымъ ему юморомъ, смѣшную сторону предмета. Лизавета Михайловна, изъ своей засады, не разъ дѣлалась невольной и невидимой сопричастницей общаго смѣха. Особенный фуроръ произвелъ Александръ Васильичъ, разсказавъ, какимъ путемъ дошелъ „наилюбезный камердинеръ“ его брата, вслѣдствіе своего невыгоднаго экономическаго положенія, до необходимости выдавливать и ѣсть на ходу икру изъ сырой рыбы. Мало-по-малу, къ концу бесѣды,

дѣти не только совершенно освоились съ учителемъ, но успѣли и подружиться съ нимъ. Онъ, въ свою очередь, узналъ къ этому времени, какъ кого изъ нихъ зовутъ, какіе къ нимъ дѣвочки и мальчики ходятъ; Сашенька даже посвятила учителя въ маленькую тайну, признавшись, что наканунѣ она его побаивалась—таки порядкомъ. Гриша не утерпѣлъ при этомъ, и цѣликомъ выдалъ свои утреннія размышленія.

— Ну, друзья, будетъ сегодня заниматься,—сказалъ Свѣтловъ послѣ какого-то интереснаго объясненія:—хорошенькаго по-немножку.

Онъ закурилъ папироску и всталъ.

— Да развѣ мы занимались сегодня? А урокъ? освѣдомился съ чрезвычайнымъ изумленіемъ Гриша.

— Да вѣдь ужъ мы, слава Богу, часа три занимаемся, какой же вамъ еще урокъ? спросилъ, въ свою очередь, Свѣтловъ, посмотрѣвъ на часы.

— Онъ, вѣрно, все спалъ,—звонко засмѣялась Сашенька. Но она схитрила: ей самой казалось до этого времени, что урокъ еще впереди.

— А какъ же завтра-то? обратилась Калерія съ недоумѣвающимъ видомъ къ Свѣтлову.

— Завтра опять будемъ заниматься, — отвѣтилъ онъ, садясь подлѣ нея;—каждый день, Калерія Дементьевна, будемъ заниматься.

— Я знаю; я не то хотѣла спросить,—сказала она, прямо и весело посматривая въ глаза учителю:—я хотѣла спросить, что къ завтрашнему дню намъ выучить?

— А! Вонъ вы о чемъ спрашиваете. Ничего учить не нужно. А вы вотъ подумайте хорошенько обо всемъ, о чемъ мы сегодня толковали, — завтра вамъ это и пригодится. И вы, Александра Дементьевна, тоже.

— А я? спросилъ Гриша.

— И вы, разумѣется.

Въ эту минуту вошла Лизавета Михайловна. Лицо ея выражало живѣйшее удовольствіе.

— Ну что?—кончили, рябятки? ласково обратилась она къ дѣтямъ, и потрепала по щекѣ подвернувшуюся ей ближе другихъ Сашеньку.

— Ахъ, мамочка, какъ намъ весело было! съ наивнымъ восторгомъ сказала Калерія, подбѣгая къ матери:—просто чудо!

— Александръ Васильичъ до того смѣшилъ, что мнѣ даже больно стало,—замѣтилъ Гриша, сдѣлавъ забавную гримасу носомъ.

— А задачу, мамочка, Гриша не разрѣшилъ, которую ему Александръ Васильичъ задалъ,—объявила Сашенька.

— А вы, Александра Дементьевна, развѣ разрѣшили? спросилъ у нея Свѣтловъ.

Сашенька сконфузилась отчего-то и убѣжала. Гриша рѣшительно объявилъ, что ѣсть хочетъ, и отправился вслѣдъ за сестрой. Калерія, которой мать что-то шепнула на ухо, тоже ушла.

— Ну, какъ вы нашли моихъ провинціаловъ? спросила Лизавета Михайловна у Свѣтлова, по уходѣ дѣтей.

— Славныя дѣтки, развитыя такія,—сказалъ Александръ Васильичъ.

— Вы, кажется, ужъ успѣли завоевать ихъ расположеніе? весело замѣтила ему Прозорова.

— Какъ будто похоже на это, — отвѣтилъ ей также весело Свѣтловъ.

— Впрочемъ, надо вамъ сказать, что это рѣдкость, что они такъ скоро полюбили васъ. Особенно Гриша меня удивилъ сегодня: веселый такой; а то онъ, вообще, учителей не долюбливаетъ.

— У дѣтей на этотъ счетъ бываютъ какія-то свои особыя соображенія. Я, во всякомъ случаѣ, очень радъ, что Любимовъ рекомендовалъ меня вамъ: съ такими дѣтьми весело заниматься,—сказалъ Свѣтловъ. Онъ взялся за фуражку.

— Что это вы, ужъ уходить думаете? спросила Прозорова.

— Да, позвольте съ вами проститься; пора.

— А я разсчитывала, что вы отобѣдаете съ нами запросто,—нѣсколько робко пригласила она.

— Неужели я еще не успѣлъ вамъ надоѣсть? улыбнулся Александръ Васильичъ.

— Ахъ, если только за этимъ дѣло, такъ пожалуйста оставайтесь.

Свѣтловъ колебался.

— Александръ Васильичъ, я васъ приглашаю не изъ простой учтивости,—замѣтила ему, одушевляясь, Лизавета Михайловна:—но мнѣ было бы пріятно видѣть васъ у себя за обѣдомъ...

— Въ такомъ случаѣ... отдаюсь въ ваше распоряженіе,—сказалъ Свѣтловъ, бросивъ на кресло фуражку.

— Вотъ это очень мило съ вашей стороны. Можетъ быть, и докторъ подъѣдетъ. Мы сегодня поздно пили чай, не завтракали, такъ-что я, не безпокойтесь, не проморю васъ; сейчасъ и за столъ сядемъ. Только ужъ не взыщите: обѣдъ будетъ домашній,—предупредила Лизавета Михайловна, и пошла распорядиться.

„Положительно я видѣлъ ее гдѣ-то“—подумалъ Свѣтловъ, опять пристально слѣдя за удалявшимся лиловымъ платьемъ хозяйки. Александръ Васильичъ сталъ усиленно припоминать — и вдругъ просіялъ. „Вотъ странный-то случай! И первая встрѣча, и первый урокъ—первый заработокъ“ — мелькнуло у него въ головѣ. „Но не ошибаюсь ли я? Нѣтъ, нельзя ошибиться, впрочемъ: такое оригинальное лицо...“,—мысленно бесѣдовалъ онъ самъ съ собою. Вернувшаяся хозяйка застала его врасплохъ на этихъ мысляхъ.

— Ужъ не передумали ли вы? спросила она озабоченно у Свѣтлова, видя, что онъ какъ будто нѣсколько растерянъ.

— Охъ, нѣтъ, совсѣмъ не то. Но вотъ странный случай: я долженъ прежде всего извиниться передъ вами, Лизавета Михайловна...

— Вы?.. передо мной?.. Въ чемъ же это? Вотъ ужъ не въ чемъ-то, кажется... сказала Прозорова, смутясь вдругъ, сама не зная чему.

— Ну, не скажите этого. Не припомните ли... не были ли вы, нѣсколько недѣль тому назадъ, удивлены однимъ... поклономъ? проговорилъ Свѣтловъ, слегка зарумянясь.

— Боже мой! Позвольте... Развѣ это вы мнѣ поклонились тогда... на тройкѣ? вспыхнула, въ свою очередь, Лизавета Михайловна.

— Дерзкій преступникъ стоитъ передъ вами, — сказалъ Александръ Васильевичъ съ комичной важностью. И онъ разсказалъ ей, смѣясь, какъ было дѣло.

— Вотъ никакъ не ожидала-то! замѣтила въ волненіи Прозорова, выслушавъ объясненіе Свѣтлова.

— Да вотъ подите, пришло же въ голову такое школьничество. Но, надѣюсь, вы мнѣ вѣрите, что это именно такъ случилось?

— Я вамъ совершенно вѣрю; только меня это такъ удивило тогда... посудите сами...

— Да, разумѣется, это хоть кого озадачитъ. Ну да вѣдь что же дѣлать, такъ ужъ пришлось. Вы на меня не сердитесь, пожалуйста,—сказалъ Александръ Васильичъ мягко.

— Полноте, я и не думала на васъ сердиться,—успокоила его Лизавета Михайловна.—Пойдемте лучше обѣдать...

Она провела гостя въ столовую.

— Рѣшилъ я вашу задачу! весело закричалъ, увидя учителя, Гриша, сидѣвшій уже съ сестрами за столомъ.—Вѣрно? спросилъ онъ, сообщивъ свой выводъ.

— Совершенно вѣрно. Молодецъ вы! похвалилъ Свѣтловъ.

— Онъ не въ умѣ, онъ на бумажкѣ сдѣлалъ,—выдала Сашенька брата.

— А! А вы, Александра Дементьевна, въ умѣ рѣшили? спросилъ у нея Свѣтловъ, съ коварнымъ простодушіемъ.

Сашенька сконфузилась и умолкла.

— Что?... насмѣшливо подтолкнула ее сестра, говоря шопотомъ:—вѣчно суешься, гдѣ тебя не спрашиваютъ!

— И буду соваться! шопотомъ же отвѣтила ей Сашенька, надула губки и отвернулась.

Это маленькое обстоятельство не помѣшало, однакожъ, обѣду пройти какъ нельзя веселѣе. Свѣтловъ безцеремонно ѣлъ и раз-

сказывалъ, разсказывалъ и ѣлъ. Дѣтскіе вопросы сыпались на него и теперь также, какъ давеча за урокомъ. Лизавета Михайловна больше слушала, вставляя изрѣдка въ разговоръ и свое слово. Гришѣ пришло почему-то на мысль, что этакъ, пожалуй, новый ихъ учитель и обѣдъ считаетъ урокомъ. Прозоровой, во все это время, казалось совершенно непонятнымъ, что присутствіе новаго лица нисколько не стѣсняетъ ее даже и теперь, за столомъ, точно гость былъ совсѣмъ и не новое лицо въ домѣ, а скорѣе старинный знакомый, съ которымъ давно не видались. Когда Свѣтловъ начиналъ спорить съ дѣтьми, и лицо его постепенно воодушевлялось, Лизавета Михайловна съ глубокимъ вниманіемъ слѣдила за гостемъ и пристально вглядывалась въ это умное, открытое лицо. Неуловимыя чары, какими, обыкновенно, только высокая степень развитія запечатлѣваетъ человѣческія лица, были для нея новы еще, и теперь неотразимо приковывали къ себѣ ея взглядъ.

„Вѣдь вотъ“ — думалось ей — „ничего въ немъ нѣтъ ни рѣзкаго, ни необыкновеннаго—все такъ спокойно, просто; а между тѣмъ, чувствуется какое-то обаяніе въ его присутствіи, что-то такое... я даже не умѣю этого выразить. Вонъ онъ какъ тихо, мягко говоритъ; а все-таки сила звучитъ у него въ каждомъ словѣ. Я еще не встрѣчала такихъ людей; или нѣтъ—одного такого человѣка я помню... Слабо, неясно — но помню: таковъ бывалъ иногда мой отецъ въ рѣдкія хорошія минуты. Онъ же самъ и сказалъ мнѣ однажды... Какъ это я вспомнила вдругъ? Сказалъ: „Сила, Лиличка, не любитъ шумѣть, потому-что сознаетъ, что она и безъ шуму—сила“. Да, теперь я какъ будто начинаю понимать эти слова... Странно, какъ поздно иногда разгадывается смыслъ того, что слышалъ еще въ дѣтствѣ...“

Была минута, когда Лизавета Михайловна до того погрузилась въ свои размышленія, что даже не слыхала какого-то вопроса, обращеннаго къ ней гостемъ, хотя и смотрѣла, все время, на него; ей пришлось сконфузиться и извиниться передъ нимъ. Отдавшись

вся воспитанію дѣтей, Прозорова могла по цѣлымъ мѣсяцамъ оставаться, не скучая, безъ общества; но теперь, въ минуты этого раздумья, она чувствовала почему-то, что не въ силахъ была бы отказаться отъ общества людей, похожихъ на Свѣтлова. „Не видѣвши такихъ людей“ — вертѣлось у ней въ головѣ — „можно не думать о нихъ; но увидавъ ихъ разъ — не забудешь“. Да, Свѣтловъ произвелъ на нее глубокое впечатлѣніе. Это не было вспышкой молодой натуры, долго чуждавшейся общества и вдругъ почувствовавшей необходимость его; тутъ не существовало даже и тѣни тѣхъ неуловимо-заманчивыхъ ощущеній, какія, обыкновенно, испытываются женщинами при новомъ, нравящемся имъ мужчинѣ. То, что невѣдомымъ путемъ проскользнуло теперь въ душу Лизаветы Михайловны, было гораздо глубже, жизненнѣе, неотразимѣе. Такія впечатлѣнія никогда не проходятъ даромъ въ сильной женской душѣ...

И потому-то такъ искренно, такъ крѣпко пожала она руку Свѣтлову, когда онъ уходилъ, и потому-то такимъ особенно-мягкимъ, небывало-задушевнымъ привѣтомъ звучали ея слова, когда она сказала ему на прощаньи:

— Мы всегда васъ рады видѣть у себя, Александръ Васильичъ...

ГЛАВА VII.

Неудачный опытъ и новое знакомство Гриши.

Свѣтловъ подходилъ уже къ калиткѣ воротъ квартиры Прозоровыхъ, какъ вдругъ его остановилъ Гриша, закричавшій ему съ крыльца:

— Подождите меня, Александръ Васильичъ: мнѣ хочется проводить васъ... Можно?

— Пойдемте; только вы поскорѣе,—сказалъ Свѣтловъ, дѣлая обратно нѣсколько шаговъ къ крыльцу.

Гриша убѣжалъ въ комнаты, одѣлся и мигомъ вернулся.

— Что это вамъ вздумалось проводить меня? спросилъ у него Александръ Васильичъ, отворяя калитку.

— Да такъ, хочется пройтись съ вами; я еще сегодня не гулялъ,—отвѣтилъ мальчикъ уклончиво.

— А я, признаюсь, люблю ходить вдвоемъ: незамѣтнѣе дойдешь,—промолвилъ Свѣтловъ.

Они пошли, дружески разговаривая.

По мѣстнымъ разстояніямъ, до дому Алѣксандра Васильича было не близко, наговориться можно было вдоволь. Гриша находился въ какомъ-то особенно-пріятномъ настроеніи. Онъ говорилъ безъ умолку, то и дѣло съ любопытствомъ поглядывая на учителя. По правдѣ сказать, хотя дома, сперва за урокомъ, а потомъ за обѣдомъ, онъ и почувствовалъ къ нему большое расположеніе, но все еще не вполнѣ довѣрялъ ему. „Дома, при муськѣ, учитель, можетъ быть, хитрилъ: нарочно велъ себя съ ними такъ, чтобъ понравиться ей, и потому не корчилъ изъ себя заправскаго учителя, не напускалъ наставнической важности; а вотъ, посмотримъ, что теперь будетъ, какъ теперь онъ поведетъ себя“—благоразумно разсуждалъ смѣтливый мальчикъ, отправляясь съ Свѣтловымъ.

Однакожъ, они идутъ уже довольно долго вмѣстѣ, а между тѣмъ Александръ Васильичъ остается все тѣмъ же милымъ, привѣтливымъ, внимательнымъ къ его вопросамъ собесѣдникомъ. Гриша смѣкаетъ это очень хорошо. Онъ убѣждается на каждомъ шагу, что спутникъ ведетъ себя съ нимъ, какъ равный съ равнымъ, ни разу не давая ему почувствовать присутствіе учителя; мало того, Свѣтловъ даже какъ будто старается теперь скрыть отъ ученика свое умственное превосходство. Оттого-то такъ и весело съ нимъ Гришѣ; оттого-то онъ и шагаетъ такъ бойко, самоувѣренно, говоритъ такъ

развязно. Но вотъ ему вдругъ почему-то пришло въ голову вѣроломное желаніе совершить маленькій опытъ надъ учителемъ, подставить ему, такъ сказать, нечаянно ножку.

— Мнѣ ужасно хочется перескочить черезъ тумбочку,—объявляетъ онъ лукаво Свѣтлову.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало? Прыгайте,—отвѣтилъ Александръ Васильичъ, улыбаясь.

— Перескочить? переспрашиваетъ Гриша, въ самомъ дѣлѣ приготовляясь къ этой забавной операціи.

— Разумѣется, перескочить, если ужъ это вамъ такъ хочется,—замѣчаетъ Свѣтловъ.

Гриша перепрыгнулъ.

— А вотъ мамаша такъ сейчасъ бы меня остановила,—говоритъ онъ еще лукавѣе: — сказала бы, что только уличные мальчишки такъ дѣлаютъ...

— Да вѣдь и мы теперь съ вами тоже уличные: по улицѣ идемъ,—засмѣялся Александръ Васильичъ.

— Значитъ, въ этомъ ничего дурного нѣтъ? спросилъ мальчикъ, перепрыгнувъ еще черезъ одну тумбу.

— Разумѣется; чтожъ тутъ можетъ быть дурного? Постойте-ка, дайте и я попробую: развѣ это такъ весело? смѣясь сказалъ Свѣтловъ, и тоже совершилъ прыжокъ.

Проходившая въ это время, мимо, какая-то деревенская женщина остановилась и съ крайнимъ недоумѣніемъ посмотрѣла на скачущаго наряднаго барина. „Должно быть, у него, сердечнаго, не совсѣмъ тутъ того...“—подумала она, мысленно тыкая себя пальцемъ въ лобъ.

— На васъ баба съ разинутымъ ртомъ смотритъ; остановилась даже,—предупредилъ мальчикъ учителя.

— Пусть смотритъ на здоровье,—сказалъ Александръ Васильичъ, спокойно улыбнувшись;—по крайней мѣрѣ, у нея дома лишній предметъ для бесѣды окажется.

— Значитъ, что захочется, то и можно дѣлать? спросилъ вдругъ Гриша, очевидно, не отступая отъ своего первоначальнаго плана.

— Да, все, что не вредно другимъ. Вотъ, напримѣръ, отто,ол что мы съ вами перескочили сейчасъ черезъ тумбу, никому, разумѣется, убытка не послѣдовало; много что себѣ мы ущербъ сдѣлали' осмѣетъ насъ кто нибудь,—скажетъ: ходить не умѣютъ по улицѣ: какъ слѣдуетъ благовоспитаннымъ людямъ. Ну, мы собственными своими особами и отдуемся за это. Другое дѣло, еслибъ вамъ вздумалось перескочить вотъ черезъ этотъ заборъ, въ чужой огородъ; тамъ гряды, растетъ что нибудь, вѣрно, — можно испортить. Въ этомъ случаѣ, какъ бы сильно ни было желаніе, надо его пріудержать, отказаться отъ него, такъ—какъ исполненіемъ подобнаго желанія наносится вредъ другому человѣку,—пояснилъ серьезно Свѣтловъ.

— Значитъ, и хорошее желаніе не слѣдуетъ исполнять, если это кому нибудь вредъ принесетъ? спросилъ заинтересованный Гриша.

— Видите ли, бываютъ исключительные случаи, когда изъ двухъ золъ приходится выбирать меньшее. Положимъ, во время пожара, случилось бы такъ, что вамъ неизбѣжно приходилось бы погубить одного человѣка, чтобъ спасти десятерыхъ. Тогда, нечего дѣлать—однимъ надо пожертвовать. Разумѣется, одного необдуманнаго добраго желанія тутъ еще мало; надо напередъ взвѣсить все хорошенько, а потомъ ужъ, сообразно пользѣ, и дѣйствовать.

Гриша задумался. Онъ почувствовалъ въ эту минуту, что опытъ ему не удался, но въ душѣ остался доволенъ этимъ.

— Муська такъ вотъ не такъ разсуждаетъ,—сказалъ онъ, помолчавъ.

— Кто это „муська“? спросилъ Свѣтловъ.

— Я мамашу такъ зову,—пояснилъ Гриша.

— А! А какъ же она разсуждаетъ?

— Да она просто сказала бы, что прыгать на улицѣ нехорошо, неприлично, и не позволила бы мнѣ прыгнуть.

— Ну, видите ли, это ужь ея дѣло. У человѣка всего только два глаза, да и тѣ никогда не бываютъ точь-въ-точь похожи одинъ на другой; а у міра вѣдь глазъ многое-множество. Такъ и

у вашей мамы, на этотъ счетъ, свое мнѣніе, у меня тоже свое, а у васъ, навѣрно, есть еще и третье,—сказалъ Свѣтловъ убѣдительно.

Продолжая разговоръ въ томъ же родѣ, они незамѣтно дошли до свѣтловскихъ воротъ.

— Вотъ и нашъ домъ, — указалъ Александръ Васильичъ Гришѣ, остановясь на минуту передъ затворенной калиткой.

Мальчикъ сталъ прощаться.

— Куда же вы? Зайдите ко мнѣ; я васъ съ моими стариками познакомлю,—пригласилъ его привѣтливо Свѣтловъ.

— Я вамъ, можетъ быть, помѣшаю,—замѣтилъ нерѣшительно Гриша; а зайти къ учителю ему, очевидно, хотѣлось.

— Еслибъ я зналъ, что вы мнѣ помѣшаете, я бы не пригласилъ васъ,—сказалъ Свѣтловъ просто.

Они вошли во дворъ, и едва только ступили нѣсколько шаговъ по направленію къ флигельку, какъ оттуда вышелъ знакомый уже намъ Ельниковъ.

— А! Вонъ оно какъ кстати, — закричалъ ему еще издали Александръ Васильичъ.

— А я, братъ, только-что зашелъ къ тебѣ. Говорятъ, на урокъ ушелъ да такъ и не приходилъ. Здорово! сказалъ Ельниковъ, подходя къ Свѣтлову.

— И отлично сдѣлалъ,—молвилъ Александръ Васильичъ, здороваясь съ пріятелемъ.—Позвольте васъ познакомить: Анемподистъ Михайлычъ Ельниковъ — мой старый пріятель; Григорій Дементьичъ Прозоровъ—мой новый пріятель,—прибавилъ онъ, знакомя гостей.

Докторъ радушно пожалъ мальчику руку.

— Вы, вѣрно, и будете у него учиться? спросилъ онъ у Гриши, мотнувъ головой на Свѣтлова.

— Да, я-съ... отвѣтилъ тотъ смущенно.

— Замучитъ, батюшка... добродушно засмѣялся Ельниковъ.

У доктора былъ сегодня какой-то особенный видъ, точно у чиновника, только-что получившаго выгодную награду.

— Ты кого у меня видѣлъ? спросилъ у него Свѣтловъ.

— Видѣлъ, братъ, нѣкое цвѣтущее созданіе, но кто оно—не могу тебѣ сказать,—шутливо отозвался Анемподистъ Михайлычъ.

— Сестру, разумѣется,—пояснилъ Свѣтловъ.

Ельниковъ нѣсколько разъ ужъ бывалъ у Свѣтлова, знакомъ былъ съ его стариками, но всякій разъ, какъ онъ приходилъ, Оленьки случайно не было дома. Теперь, когда они всѣ трое вошли, какъ разъ она ихъ и встрѣтила. Свѣтловъ представилъ ей гостей, назвавъ каждаго по имени.

— Впередъ можете разсчитывать на всякую услугу съ моей стороны, исключая танцованія, пѣнія и комплиментовъ,—особо отрекомендовался ей Анемподистъ Михайлычъ.

— А болтовня по-французски? разсмѣялся Александръ Васильичъ.

— Тоже не полагается,—замѣтилъ комично-серьезно Ельниковъ.

— Я, Оля, обѣдалъ,—сказалъ Свѣтловъ,—вотъ у нихъ,—указалъ онъ на Гришу.

— А мама тебя долго ждала: мы только-что сейчасъ отобѣдали,—замѣтила ему сестра.

Свѣтловъ оставилъ ее съ гостями въ своемъ кабинетѣ, а самъ прошелъ къ матери. Та отдыхала на кровати, въ спальнѣ.

— Что это, Санька, какъ ты поздно? спросила Ирина Васильевна, когда сынъ поцѣловалъ ее.—Я велѣла оставить тебѣ обѣдать, да однако, батюшка, ужъ простыло все.

Въ голосѣ старушки звучало нѣкоторое раздраженіе. Свѣтловъ объяснилъ, что онъ ужъ отобѣдалъ, на урокѣ.

— Какіе ужъ это уроки съ обѣдами... замѣтила ему мать подозрительно.

Александръ Васильичъ промолчалъ, и зайдя поздороваться къ отцу, прошелъ къ себѣ въ комнату. Оленька разговаривала въ это время съ Гришей, но при входѣ брата встала и ушла: она раздѣляла, отчасти, неудовольствіе на него матери.

— Послушай, Свѣтловушка: сидитъ у тебя что нибудь въ го-

ловѣ, въ послѣднее время? съ таинственнымъ видомъ спросилъ Ельниковъ у пріятеля, едва тотъ переступилъ порогъ.

— То есть какъ „сидитъ“?—въ какомъ смыслѣ?

— Ужъ разумѣется, въ томъ смыслѣ, въ какомъ я только и могу спрашивать тебя,—пояснилъ Анемподистъ Михайлычъ.

— А! Да; сидитъ, братъ, сидитъ—безплатная школа,—сказалъ Свѣтловъ.

— Вотъ и чудесно! Такъ я отъ тебя и ожидалъ! восторженно проговорилъ Ельниковъ.—У меня, братъ, тоже кое-что сидѣло въ головѣ на этихъ дняхъ, и сегодня вылѣзло наружу, наконецъ...

— Что такое? быстро спросилъ Александръ Васильичъ.

— Надъ вратами тихаго пристанища моего, какъ сказалъ бы Созоновъ, отнынѣ красуется надпись: „Пріемъ бѣдныхъ больныхъ безплатно и даровое оспопрививаніе, отъ 8 до 10 часовъ утра“! торжественно-комично пояснилъ Анемподистъ Михайлычъ. Но радостное чувство Ельникова не могло укрыться, за этимъ умышленнымъ комизмомъ, отъ глазъ стараго, хорошо знавшаго его товарища.

— Наконецъ-то и ты, упорный противникъ филантропіи, встаешь на ея сторону! сказалъ Свѣтловъ, шутливо потрепавъ доктора по плечу.

— Да, какже! держи карманъ! вспылилъ Анемподистъ Михайлычъ. — Если я берусь даромъ пользовать бѣдныхъ, то дѣлаю это съ единственной цѣлью пріучить ихъ лечиться; хочу, значитъ, заманить ихъ на даровщинку—вотъ что!

— А пріучать бѣдняковъ лечиться — развѣ не та же филантропія? возразилъ Александръ Васильичъ.

— И все-таки, по моему, филантропія ваша есть и была — чушь! огрызся Ельниковъ.

— Что значитъ „филантропія“? спросилъ у него вдругъ Гриша.

— Это, батюшка, означаетъ переливанье изъ пустого въ порожнее, причемъ кой-кому кое-что и въ ротъ перепадаетъ, — нѣсколько сердито отвѣтилъ Анемподистъ Михайлычъ.

Свѣтловъ подробно и обстоятельно объяснилъ Гришѣ значеніе незнакомаго ему слова.

— Ну, да; это только красивѣе сказано, а суть-то все та же. Небось, вы теперь больше узнали? насмѣшливо обратился Ельниковъ къ Гришѣ.

Мальчикъ нерѣшительно смотрѣлъ на обоихъ, не зная, отвѣчать ли ему, или промолчать.

— Ну скажите мнѣ, пожалуйста,—присталъ къ нему Ельниковъ:—есть ли какой нибудь смыслъ въ томъ, что сегодня вамъ вотъ этакій пророкъ, — Анемподистъ Михайлычъ указалъ на Свѣтлова,—скажетъ, что драть человѣка, какъ сидорову козу, никто не имѣетъ права, а завтра васъ все-таки выпорютъ какъ сидорову козу?

— Если мнѣ растолкуютъ, такъ я въ другой разъ не поддамся,—храбро возразилъ Гриша.

— Ну, ладно,—согласился докторъ;—вотъ мы теперь вамъ это, положимъ, растолковали. А что если намъ придетъ въ голову взять да и выпороть васъ... послѣ растолкованія-то?

— Я кусаться стану,—сказалъ Гриша.

— Кусаться? Вотъ что! Да вѣдь, батюшка, ротъ-то мы вамъ предварительно завяжемъ; на что другое, а на это ума нашего хватитъ.

— Я кричать буду,—замѣтилъ мальчикъ.

— Съ завязаннымъ-то ртомъ? ядовито спросилъ Ельниковъ.

Гриша смѣшался.

— Ты одно забываешь, Анемподистъ Михайлычъ,—вывелъ его изъ затрудненія Свѣтловъ, — что сознаніе отъ двухъ-трехъ человѣкъ мало-по-малу проникаетъ въ массу, а масса эта постепенно растетъ, и когда нибудь да пріидетъ же ея царствіе...

— Знаю, братъ; слыхали... Поди-ка ты, стукнись въ эту массу-то, такъ я и лечить не стану; тутъ, братъ, и покрѣпче твоего лбы въ дребезги разбивались...

— Не о крѣпости лбовъ рѣчь,—сказалъ Свѣтловъ отрывисто.

— Такъ о чемъ же?

— А рѣчь о томъ, что наше дѣло — проводить какъ можно больше сознанія въ массу.

— Ну, и будешь проводить; ужь сколько тысячъ лѣтъ провосдятъ... Чтожъ тебѣ, легче? сердито спросилъ Ельниковъ.

— Пожалуй-что и легче...

— То-то „пожалуй-что“! Нѣтъ, не легче, видно. Цивилизація-то вонъ одной рукой тебѣ служитъ, а другой наровитъ твоему врагу угодить: вдунетъ она тебѣ въ одно ухо, что вотъ, молъ, ты массами дѣйствуй — вѣрнѣе, да сама же сейчасъ и побѣжитъ къ твоему врагу нашептывать въ другое ухо, что, молъ, и противъ массъ вѣрное средство есть, — гильотину ему какую нибудь нашепчетъ; и дешево, молъ, и сердито. Это вѣдь, братъ, обоюдоострый ножичекъ, цивилизація-то... Прежде, бывало, искрошатъ тебя безцеремонно, какъ рѣпу, изрубятъ, какъ бифштексъ, и лежи помалкивай. А теперь въ утонченности разныя пустятся, всѣ изобрѣтенія новѣйшія къ тебѣ примѣнятъ; даже физіологію пустятъ въ дѣло, да такъ тебя, милаго друга, оцивилизуютъ, что прежде чѣмъ ты ножки-то протянешь, изъ тебя какую угодно тварь выдѣлаютъ! И такъ это все тонко да вѣжливо, по всѣмъ правиламъ естествовѣденія!... говорилъ Ельниковъ, задыхаясь отъ волненія и кашля. Онъ полуприлегъ на диванъ.

Гриша смотрѣлъ на него, широко открывъ глаза и жадно ловя каждое слово. Болѣзненное, желчное лицо доктора показалось ему удивительно привлекательнымъ въ эту минуту; раньше оно было какъ будто скучно, апатично. Мальчика глубоко поразили послѣднія слова Ельникова; они словно бурю подняли въ его, еще совершенно шаткихъ, понятіяхъ. Даже Свѣтловъ почувствовалъ себя не по привычкѣ взволнованнымъ: онъ не могъ не согласиться во многомъ съ рѣзкимъ отзывомъ товарища.

— Такъ въ чемъ же исходъ-то по твоему? спросилъ у него Александръ Васильичъ, печально опуская голову.

— O sancta simplicitas! воскликнулъ Ельниковъ. — Это значитъ: „святая простота“, — пояснилъ онъ Гришѣ. — И ты еще, Свѣтловушка,

объ исходѣ помышляешь? Изойди кровью — вотъ тебѣ и исходъ весь!

Ельниковъ закашлялся въ платокъ, и съ какой-то невыразимой грустью мотнулъ головой присутствующимъ на проступившее у него, на платкѣ, алое пятнышко крови.

Гриша чуть не заплакалъ. Александръ Васильичъ отвернулся къ окну; жгучую слезу проглотилъ онъ въ эту минуту.

— Нѣтъ! сказалъ вдругъ Ельниковъ, приподнимаясь на диванѣ и смотря прямо въ глаза Свѣтлову: — ты правъ; надо дѣйствовать, надо работать всѣми силами ума и души, хотя бы на зло безнадежности, хотя бы для того только, чтобъ врагъ не видѣлъ тебя съ опущенными руками даже и въ ту минуту, когда ты задыхаться будешь по его милости!...

— Успокойся ты, ради Христа, Анемподистъ Михайлычъ! проговорилъ взволнованно Свѣтловъ, садясь возлѣ пріятеля.

— Успокоюсь, братъ; чувствую, что скоро успокоюсь!... съ той же невыразимой грустью сказалъ Ельниковъ. — Но будь увѣренъ, что пока мои легкія въ состояніи выработать изъ воздуха хоть одинъ гранъ кислорода — я не сложу рукъ! Вотъ... передъ вами... еще все,—обратился онъ мягко, какъ женщина, къ Гришѣ: — передъ вами непочатый уголъ надеждъ... Учитесь, батюшка, учитесь... сколько силъ у васъ хватитъ — учитесь! Мало ли что взбрехнешь иногда, особливо коли горько станетъ,—вы это забудьте пока, не принимайте на вѣру; почемъ еще знать, кто ошибается—онъ или я... заключилъ Анемподистъ Михайлычъ, указавъ глазами на Свѣтлова. — Любимовы, такъ вотъ тѣ не ошибаются.

— Ну, мнѣ кажется, ты немного несправедливъ къ Любимову,— замѣтилъ Свѣтловъ: — онъ очень хорошій человѣкъ.

— Да что въ его хорошествѣ-то? — прочно ли оно? Добрякъ онъ — это такъ, не спорю; а больше что же? Украсть онъ — не украдетъ, и не надуетъ никого, скорѣе его самого надуютъ; только вѣдь онъ ужъ и теперь вертится;—ухитряется какъ-то такъ дѣлать, что и грызется съ начальствомъ, и любъ начальству. Ба-

рыни-то вотъ его заѣдаютъ шибко. Впрочемъ, это мое личное мнѣніе... А все-таки скажу, что поля онъ не нашего, хоть не теперь, а послѣ... проговорилъ задумчиво Ельниковъ.

— Да, грѣхъ этотъ, отчасти, и я за нимъ знаю,—согласился Свѣтловъ.

— Евгеній Петровичъ славный такой... застѣнчиво выразилъ свое мнѣніе Гриша.

— Да, онъ пріятный, пріятный человѣкъ,—замѣтилъ какъ бы про себя Анемподистъ Михайлычъ.

— Вотъ что, Ельниковъ,—сказалъ Свѣтловъ, взявши товарища за руку:—завтра вечеркомъ я къ тебѣ зайду потолковать серьезно кое о чемъ, а сегодня извиняюсь передъ тобой: черезъ полчаса мнѣ на урокъ нужно.

— Что за извиненія; конечно, иди. Да ты неужто два раза въ день будешь у нихъ заниматься? удивился Анемподистъ Михайлычъ, обращая глаза на Гришу.

— Охъ, нѣтъ, я не къ нимъ. Видишь, двоюродная сестра у меня тутъ есть... помнишь наше общее сочиненіе?—письмо?

— Ну, какже, помню.

— Такъ вотъ я къ нимъ и иду. Я, видишь, устраиваю ей уроки, такъ надо ее немного подготовить къ нимъ; пріемовъ она еще совсѣмъ не знаетъ, а дѣвушка-то неглупая да и способная къ этому. Вчера я съ ней въ первый разъ началъ заниматься — ничего, отлично выходитъ,—сказалъ Свѣтловъ, вставая, чтобъ закурить папироску.

— Резонъ! замѣтилъ Ельниковъ:—прибавляй нашего полку. А вы не пойдете ли ко мнѣ чайку вдвоемъ напиться? обратился онъ къ Гришѣ.—Мнѣ сегодня, по правдѣ сказать, какъ-то не сидится одному: я было на него вонъ расчитывалъ,—указалъ Анемподистъ Михайлычъ на Свѣтлова: — да видите, у него серьезное дѣло на рукахъ. Какъ вы думаете, а?

Гриша затруднялся, но ему, очевидно, хотѣлось пойти.

— Мама вѣдь, я думаю, не будетъ о васъ безпокоиться,—ободрилъ его Свѣтловъ:—она знаетъ, что вы со мной ушли.

— Она-то, я знаю, что ничего... сказалъ Гриша.

— Ну, значитъ, и рѣшено: пьемъ чай,—заключилъ Ельниковъ, повеселѣвъ нѣсколько.

— Я обѣщался познакомить васъ съ моими стариками, да они что-то не въ духѣ сегодня, такъ мы отложимъ это до другого раза, — сообщилъ Александръ Васильичъ Гришѣ, немного нахмурившись. Мальчикъ догадался, впрочемъ, что послѣднее не къ нему относится.

Поговоривъ еще съ четверть часа, они всѣ трое собрались идти.

— Вы, господа, выходите; я васъ догоню,—замѣтилъ Свѣтловъ гостямъ, когда они одѣвались въ передней.

Тѣ вышли, а Александръ Васильичъ прошелъ къ матери.

— До свиданія, мама! Я иду...

Онъ поцѣловалъ у нея руку.

— Не успѣлъ, батюшка, придти, да ужъ и опять идешь? спросила Ирина Васильевна съ замѣтнымъ неудовольствіемъ.

— Да дѣло есть мама. Кстати, тебѣ не нужно ли что нибудь передать Агніѣ Васильевнѣ: я къ нимъ.

— Только у тебя и ходьбы, что къ теткѣ Орлихѣ,—отвѣтила старушка тѣмъ же тономъ: — ужъ и то родные-то пѣняли мнѣ вчера изъ-за тебя...

— Ну, пусть ихъ пѣняютъ, мама; попѣняютъ да перестанутъ. Такъ тебѣ ничего не нужно передать? переспросилъ Свѣтловъ.

— А чего мнѣ ей заказывать? Кланяйся,—сухо отвѣтила Ирина Васильевна.

— А Владимірки гдѣ не видать? освѣдомился сынъ.

— Да гдѣ ему быть-то, какъ не въ банѣ, поди... Ужо надѣлаютъ они тамъ съ Ванькой пожаръ съ твоей химіей! замѣтила раздраженно мать.

Свѣтловъ ничего не сказалъ, и прошелъ къ отцу.

— А! Ужъ и на всѣхъ парусахъ? сказалъ Василій Андреичъ сыну, сосредоточенно набивая трубку. — Смотри, парень, на мель не попади, скоро-то плавая...

— Я съ компасомъ,—улыбнулся Александръ Васильичъ.

— Извини, братецъ,—не догадался; примемъ къ свѣденію, — торопливо проговорилъ старикъ, и въ голосѣ его послышалась не то насмѣшка, не то обидчивость.

Александръ Васильичъ чуть замѣтно нахмурился, но промолчалъ и вышелъ, еще разъ простившись съ отцомъ.

Ельниковъ и Гриша ожидали его среди двора, разговаривая о чемъ-то.

— Постойте, я только брата отыщу,—закричалъ имъ Свѣтловъ.

Онъ торопливо пошелъ къ банѣ, выстроенной на заднемъ дворѣ, за садомъ. Оказалось, что тамъ, дѣйствительно, идетъ дѣятельная работа. „Наилюбезный камердинеръ“ преусерднымъ образомъ толокъ что-то въ ступкѣ, а Владимірко, не менѣе усердно, просѣвалъ натолченное сквозь обыкновенное сито.

— Что это вы тутъ стряпаете такое? подкрался къ нимъ незамѣтно Свѣтловъ.

Мальчуганы вздрогнули отъ неожиданности.

— А! Саша! закричалъ весело Владимірко, опрометью бросаясь къ брату, и въ одну минуту успѣлъ выпачкать ему чѣмъ-то бѣлымъ пальто.

— Не прикасайся! сказалъ Александръ Васильичъ, комично отстраняя его отъ себя двумя пальцами обѣихъ рукъ: — ты весь въ мукѣ, какъ мельникъ. Да что вы это сочиняете такое? обратился онъ уже къ „наилюбезному камердинеру“.

— Да вонъ баричъ хотятъ порохъ сдѣлать-съ... какъ-то смѣшно ухмыльнулся тотъ, и закосилъ глазами.

Свѣтловъ, не говоря ни слова, вышелъ, оставивъ маленькихъ лаборантовъ въ полнѣйшемъ недоумѣніи. Но черезъ минуту дѣло объяснилось: на порогѣ открытыхъ дверей бани показался сперва Ельниковъ, за нимъ Гриша, а наконецъ и самъ Александръ Васильичъ.

— А! Химикъ, здорово! Помогай Богъ! сказалъ Анемподистъ Михайлычъ, смѣясь и протягивая руку совсѣмъ растерявшемуся Владиміркѣ.

„Химикъ“, впрочемъ, сконфузился не отъ присутствія Ельникова, съ которымъ онъ былъ уже хорошо знакомъ, а главное — смущалъ его крѣпко Гриша, какъ совершенно незнакомое лицо.

— Да вотъ подите-ка вы, угонитесь за ними... замѣтилъ Свѣтловъ гостямъ, разражаясь самымъ веселымъ смѣхомъ.—Ты думаешь, чѣмъ они занимаются? обратился онъ къ доктору.—Порохъ, братъ, выдумываютъ!

Ельниковъ засмѣялся, а Гриша только улыбнулся недовѣрчиво.

— Вы не вѣрите, кажется? спросилъ у Гриши Свѣтловъ. — Ваня! обратился онъ къ „наилюбезному камердинеру“: — вы что это дѣлаете?

— Порохъ-съ,—бойко отвѣтилъ тотъ, попрежнему ухмыляясь и кося глазами.

— Что, батюшка? Вотъ и не вѣрьте послѣ этого, — сказалъ Ельниковъ, съ забавной серьезностью, удивленному Гришѣ.

Анемподистъ Михайлычъ съ Свѣтловымъ присѣли на лавку.

— А тамъ у васъ что? спросилъ Гриша Владимірку, указывая на покрытый синей бумагой горшокъ, стоявшій поодаль, на полу.

— Уголь толченый... отвѣтилъ застѣнчиво Владимірко.

— А тутъ? спросилъ снова Гриша, указавъ на другой горшокъ, поменьше, помѣщавшійся возлѣ перваго.

— Тутъ сѣра горячая,—пояснилъ „химикъ“.

— А бѣлое-то это что? допытывался Гриша.

— Силитра-съ... подсказалъ Ваня.

— Такъ только изъ этого и дѣлается порохъ? удивленно и крайне недовѣрчиво освѣдомился еще разъ Гриша.

— А какъ же? Такъ и дѣлается,—сталъ уже развязно объяснять ему Владимірко, вертясь въ своемъ халатикѣ, съ видомъ знатока, между ситомъ и ступкой. — Силитры надо вотъ сколько взять, а угля вотъ сколько, а сѣры поменьше—вонъ сколько,—показывалъ онъ.—Какъ растолкешь, взять да все вмѣстѣ и высыпать — размѣшать, а потомъ водой намочить,—какъ тѣсто будетъ; послѣ на терку положить да и продавливать: оно такъ, калачиками, изъ

терки и выйдетъ. Ихъ, калачики-то, высушить надо; они потомъ сами на зернушки разсыплются...

— И горѣть будетъ? спросилъ Гриша.

— Вчера горѣлъ, да худо; шипитъ только.

— Отчего „шипитъ“?

— Не просохъ,—съ увѣренностью замѣтилъ Владимірко.

— А терка-то какая?

— Да которой Акулина папѣ рѣдьку третъ.

Владимірко улыбнулся при этомъ и посмотрѣлъ на Гришу такимъ взглядомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: „Э, братъ, хорошъ же ты, коли терки не знаешь!“

Тѣмъ не менѣе, послѣднее обстоятельство послужило къ сближенію мальчиковъ. Владимірко, чувствуя себя съ этой минуты какъ бы распорядителемъ завода, и снисходя къ невѣжеству посторонняго посѣтителя, сдѣлался вдругъ какъ нельзя болѣе обязателенъ въ отношеніи Гриши. Обязательность эта дошла наконецъ даже до того, что ему предложенъ былъ ломтикъ чернаго хлѣба съ масломъ—чѣмъ, обыкновенно, запасался „химикъ“, удаляясь на свои работы. Гриша хоть и отказался отъ хлѣба, но оцѣнилъ любезность маленькаго порохового заводчика.

— Приходи къ намъ,—сказалъ онъ дружелюбно Владиміркѣ, когда Свѣтловъ и Ельниковъ собрались идти.

— Да я не знаю, гдѣ вы живете... отвѣтилъ безъ прямого отказа Владимірко.

— Вотъ Александръ Васильичъ знаетъ,—замѣтилъ Гриша:— ты съ нимъ когда нибудь и приходи; да поскорѣе.

— Съ Сашей я приду,—согласился Владимірко твердо.

Мальчики дружески простились. Ельниковъ на прощаньи взъерошилъ „химику“ волосы, и при этомъ далъ обѣщаніе принести ему въ слѣдующій разъ какой-то „новый составъ для ракетъ“.

— Ну, ужъ вы!... только обѣщаете все, а не приносите... сказалъ Владимірко сердито-ласково.

Уходя, Александръ Васильичъ пустилъ гостей впередъ, а самъ

на минуту остался, и когда они ушли, пріятельски замѣтилъ брату, чтобъ тотъ всякій разъ сказывалъ ему, что намѣренъ дѣлать.

— Я всегда тебѣ съ удовольствіемъ покажу, за что и какъ надо приняться,—сказалъ онъ.—Вотъ и твой порохъ ты ужо не зажигай безъ меня: это вѣдь все-таки опасная штука. Мама какъ узнаетъ, такъ пожалуй и не пуститъ тебя сюда въ другой разъ; а если ты будешь со мной совѣтоваться — и мама ничего не скажетъ,—заключилъ Свѣтловъ.

— Да я сегодня, Саша, позабылъ тебѣ сказать...

— Ну ладно, прощай; только въ другой разъ помните—смотрите.

Свѣтловъ дружески потрепалъ брата по плечу, а Ваню по щекѣ, и ушелъ.

— Да вы очень-то не пачкайтесь, а то мнѣ отъ мамы за васъ достанется! закричалъ онъ имъ уже въ окно.

Александръ Васильичъ догналъ своихъ гостей на улицѣ и проводилъ ихъ до угла ближайшаго переулка. Здѣсь они разстались. Ельниковъ, сейчасъ же послѣ того, вступилъ съ Гришей въ прерванный на время разговоръ, и продолжалъ его вплоть до своей квартиры, надъ воротами которой дѣйствительно красовалась теперь извѣстная вывѣска. Дорогой, Анемподистъ Михайлычъ понравился Гришѣ еще больше, а дома у него мальчикъ почувствовалъ себя какъ-то сразу своимъ человѣкомъ. Бѣдность обстановки доктора, его строгая простота во всемъ и грубоватая откровенность совершенно развязали Гришѣ языкъ и сердце. Онъ просидѣлъ у Ельникова незамѣтно весь вечеръ. Сперва, за чаемъ, жарко о чемъ-то поспорили. Анемподистъ Михайлычъ, разумѣется, провалилъ своего противника на всѣхъ пунктахъ; Гриша даже вспотѣлъ при этомъ, но не унялся: онъ еще разъ попробовалъ отстоять свою мысль, уже съ новой точки зрѣнія, но докторъ и на этотъ разъ провалилъ его, заставивъ снова вспотѣть.

— Это, батюшка, самое дѣйствительное потогонное средство,— шутя замѣтилъ Ельниковъ гостю относительно ихъ спора.

Послѣ чаю, Анемподистъ Михайлычъ предложилъ Гришѣ порыться въ чемоданахъ съ книгами. Тотъ, конечно, сейчасъ же воспользовался этимъ: сталъ рыться, перечитывалъ заглавія, пробѣгалъ наскоро глазами страницу-другую каждой, наугадъ развернутой книги, кое-чѣмъ серьезно заинтересовался, и, въ заключеніе, попросилъ позволенія у Ельникова взять двѣ-три книги съ собой. Докторъ, безъ сомнѣнія, охотно согласился на это, но самъ отъ себя ничего ему не навязывалъ. Такъ-какъ Гриша засидѣлся, такимъ образомъ, у своего новаго знакомаго довольно долго, то Анемподистъ Михайлычъ и вызвался проводить мальчика до дому, нарочно сказавъ ему, что имѣетъ охоту погулять. Дорогой, у нихъ опять шли толки. Ельниковъ разсказывалъ, какъ они съ Свѣтловымъ учились въ гимназіи, какія въ то время продѣлки устроивали вдвоемъ; потомъ докторъ сообщилъ Гришѣ не менѣе интересныя подробности о своей университетской жизни, о своихъ профессорахъ и товарищахъ, причемъ съ глубокимъ уваженіемъ и чувствомъ отозвался о Свѣтловѣ, замѣтивъ о немъ, между прочимъ, съ какой-то грустью: „Не у насъ бы только дѣйствовать этой благородной головѣ“. Разставаясь съ Ельниковымъ у воротъ своей квартиры, Гриша, совсѣмъ какъ взрослый, пригласилъ его: „Заходите когда нибудь и ко мнѣ“. Докторъ, въ свою очередь, принялъ это приглашеніе совершенно такъ, какъ еслибъ выслушалъ его отъ товарища.

— Только буде я не очень скоро зайду къ вамъ, такъ знайте, что я сильно занятъ, а не сочтите этого за нежеланіе съ моей стороны. Вы-то ко мнѣ заходите своимъ чередомъ, безъ церемоніи, да почаще,—сказалъ онъ мальчику, въ послѣдній разъ пожимая ему руку.

Бойко вбѣжалъ Гриша къ себѣ въ комнаты. Обыкновенно молчаливый и несообщительный, онъ, въ этотъ разъ, безъ умолку проговорилъ до поздней ночи съ матерью, то передавая ей впечатлѣнія дня, то пересказывая, почти слово въ слово, свои споры съ Ельниковымъ. Лизавета Михайловна была уже въ постели,

когда вернулся сынъ, и до этого времени нѣсколько безпокоилась его продолжительнымъ отсутствіемъ; но теперь, узнавъ въ чемъ дѣло, она была очень довольна.

Сообщая свои новости матери, Гриша примостился на кровати, у ея ногъ, и никогда еще между ними не обнаруживалось такой теплой дружбы, такой полной откровенности...

ГЛАВА VIII.

Первые шипы семейной розы.

Какъ у молодыхъ супруговъ бываетъ, обыкновенно, свой, такъ называемый „медовый мѣсяцъ“, такъ точно и на долю молодежи, возвращающейся подъ домашній кровъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ученья, выпадаетъ если не медовый мѣсяцъ, то, по крайней мѣрѣ, своя „медовая недѣля“. Считается она, разумѣется, со дня пріѣзда. Во все продолженіе этой счастливой недѣли, родители, обыкновенно, только тѣмъ и занимаются, что смотрятъ въ глаза своему ненаглядному, возвратившемуся къ нимъ дѣтищу, стараясь предупредить, по возможности, малѣйшія его желанія. Все, что водится рѣзкаго или упорнаго въ ихъ характерѣ и привычкахъ, какъ бы стушевывается въ эти дни, принимаетъ какую-то среднюю форму; старики точно отрѣшаются на время отъ своего обычнаго безъ-апелляціоннаго авторитета, точно молодѣютъ. Впрочемъ, въ подобной временной уступкѣ, кромѣ родительской любви, сказывается еще и какъ бы чувство собственника. Оно, повидимому, странно—однако, вѣрно. Человѣческой натурѣ вообще свойственно питать особенное расположеніе къ новинкѣ, хотя бы даже эта новинка предстала ей въ образѣ другого такого же человѣка. Пріобрѣтя какую нибудь

вещь, мы, первое время, обыкновенно, усиленно бережемъ ее, усиленно ею тѣшимся, пока глазъ не привыкнетъ къ новому предмету. Точно также поступаемъ мы и въ отношеніи незнакомаго или давно невиданнаго близкаго намъ лица,—и какъ разъ въ такое же положеніе попалъ, съ пріѣзда, и молодой Свѣтловъ: всю первую недѣлю старики только ухаживали за нимъ, стараясь либо не повертываться къ нему своими острыми углами, либо обходить его собственные острые углы. А эти острые углы неизбѣжно существуютъ въ каждомъ человѣкѣ по отношенію къ другому, и также неизбѣжно проявляются, едва только люди вступаютъ въ болѣе близкія или частыя сношенія другъ съ другомъ. Кто внимательно слѣдилъ за ходомъ нашего разсказа, отъ того не могли ускользнуть, конечно, и нѣкоторая холодность, и то взаимное неудовольствіе между Александромъ Васильичемъ и его стариками, какія успѣли проглянуть у нихъ въ послѣднихъ сценахъ. Чтобъ уяснить себѣ такую перемѣну, намъ придется вернуться нѣсколько назадъ и сжато прослѣдить за всѣмъ тѣмъ, что могло ее вызвать. Этимъ мы и займемся въ настоящей главѣ.

Поджидая сына изъ Петербурга, Свѣтловы разсчитывали встрѣтить въ немъ, прежде всего, гордеца: по ихъ мнѣнію, онъ, какъ человѣкъ столичный и ученый, непремѣнно долженъ былъ отнестись свысока и насмѣшливо къ ихъ собственной неучености, къ ихъ простенькому провинціальному быту. Въ этомъ старики положительно ошиблись, и ошиблись вдвойнѣ: то, что Александръ Васильичъ велъ себя просто, солидно, не мозоля никому глазъ своей ученостью, они, обрадовавшись, приняли за явный знакъ будущей безусловной покорности сына ихъ родительской волѣ. Такимъ образомъ, все шло отлично до перваго случая, когда Александру Васильичу пришлось обнаружить, въ извѣстной степени, стойкость своего характера. Свѣтловъ, впрочемъ, очень внимательно выслушивалъ стариковскія замѣчанія и наставленія, но при этомъ, твердо высказавъ свое собственное мнѣніе, поступалъ по своему. Дѣлалъ онъ это спокойно, съ достоинствомъ и безъ особенной рѣзкости.

къ которой бы можно было удобно придраться. Тамъ, гдѣ дѣло касалось только лично стариковъ, Александръ Васильичъ ни во что не вмѣшивался и относился съ полнымъ уваженіемъ къ ихъ убѣжденію. Но когда интересы ихъ сталкивались съ интересами другой личности, въ ущербъ этой послѣдней, онъ спокойно заявлялъ право на уваженіе и къ его собственному убѣжденію, помогая обиженному отстаивать свои законныя выгоды. Стариковъ больше-то всего и раздражало именно то достоинство, съ какимъ велъ себя, въ отношеніи семьи, Александръ Васильичъ: они желали бы покровительствовать ему, и видѣли въ тоже время, что онъ нисколько не нуждается въ этомъ покровительствѣ; однако, поведеніе такого рода не походило и на гордость, къ которой приготовились старики. Это во-первыхъ.

Во-вторыхъ, какъ Василій Андреичъ, такъ и Ирина Васильевна, знавшіе по письмамъ отвращеніе сына къ коронной службѣ, втайнѣ надѣялись, что съ пріѣздомъ его они успѣютъ общими силами побѣдить въ немъ это чувство, казавшееся имъ одной легкомысленной прихотью. По ихъ мнѣнію, молодой человѣкъ изъ благороднаго званія долженъ былъ непремѣнно служить; иначе, работай этотъ молодой человѣкъ хоть какъ волъ, онъ все-таки оставался бы въ ихъ глазахъ не больше, какъ праздношатающимся. На занятіе сына литературой старики Свѣтловы смотрѣли еще менѣе одобрительно. „Сочинители, батюшка, всѣ были горькіе пьяницы; да и ужъ какое это занятіе—все описывать да выставлять въ насмѣшку“ — замѣчала не разъ Ирина Васильевна, съ пріѣзда, Александру Васильичу, заставая его иногда ночью за письменной работой. Василій Андреичъ хоть и не совсѣмъ раздѣлялъ мнѣніе жены на этотъ счетъ, тѣмъ не менѣе, и онъ не одобрялъ такихъ занятій сына. „Еще попадешься, парень“—замѣчалъ ему обыкновенно старикъ. Но, главное, имъ не давали покою и огорчали ихъ безпрестанные вопросы родныхъ и знакомыхъ: „Что, Василій Андреичъ, не опредѣлили еще сынка-то на службу?“ или: „Какой у васъ молодецъ сынокъ-отъ, Ирина Васильевна; поди, пря-

мо чиновникомъ особыхъ порученій къ генералъ-губернатору поступитъ? Пора бы ужъ ему и послужить".—„Пускай отдохнетъ немного съ ученья"—какъ-то сдержанно отвѣчали старики на всѣ эти замѣчанія, и невесело опускали свои сѣдыя головы. Дѣло въ томъ, что они больше всего и прежде всего желали, чтобъ ихъ любимое дѣтище пользовалось въ родномъ городѣ общимъ заслуженнымъ почетомъ, — это было мечтой, маніей ихъ послѣднихъ лѣтъ, — а почетъ старики понимали только внѣшній, чиновный. Имъ, правда, то и дѣло приходилось слышать похвалы уму и образованію сына даже отъ такихъ почтенныхъ лицъ, на отзывы которыхъ они вполнѣ полагались; но, все-таки, крупный чинъ или солидный орденъ на шеѣ не могли сравниться, въ ихъ глазахъ, ни съ какими восторженными похвалами. Эта черта противорѣчила, повидимому, и основному характеру Василья Андреича, никогда некичившагося своимъ статскимъ совѣтничествомъ, и убѣжденіямъ Ирины Васильевны, часто проповѣдывавшей евангельское смиреніе, тѣмъ не менѣе, черта эта существовала у нихъ: она вообще свойственна людямъ, поднявшимся изъ ничего до замѣтнаго положенія въ обществѣ.

И вотъ, въ началѣ третьей недѣли съ пріѣзда сына, старикъ Свѣтловъ, все о чемъ-то надумывавшійся передъ этимъ, вошелъ однажды вечеромъ къ нему въ кабинетъ, съ серьезнымъ, нѣсколько смущеннымъ лицомъ. Александръ Васильичъ писалъ корреспонденцію въ Петербургъ.

— А я хотѣлъ съ тобой поговорить дѣломъ... сказалъ отецъ, садясь напротивъ сына, у стола, и сосредоточенно затягиваясь трубкой.

— Что тебѣ угодно, папа? Я не особенно занятъ; это можно и завтра кончить,—замѣтилъ Александръ Васильичъ, указавъ на мелко-исписанный почтовый листъ бумаги большого формата, и отложилъ его въ сторону.

— Ты вотъ все пишешь да пишешь, а когда же ты, парень, думаешь на службу поступить? спросилъ старикъ, стараясь не смотрѣть на сына.

Александра Васильича не особенно удивилъ этотъ прямой вопросъ: раньше на него уже дѣлали нѣсколько темныхъ намековъ. Молодой человѣкъ подумалъ и отвѣчалъ твердо:

— Я совсѣмъ не думаю служить, папа.

— Не ду-у-маешь? угрюмо переспросилъ Василій Андреичъ, растягивая это слово. — Вотъ тебѣ и разъ! Такъ ты о чемъ же думаешь-то послѣ этого?—дѣлать-то ты съ собой что хочешь?

— Какъ что? отвѣтилъ спокойно сынъ:—работать буду. Да я ужъ и теперь работаю; а вотъ скоро у меня еще и уроки будутъ, мнѣ ужъ обѣщали.

— Какіе же это такіе уроки, братецъ? Въ учителя, что ли, ты поступаешь?

— Да, дѣтей буду учить.

— Хорошо, дѣтей будешь учить... да служба-то эта какая, я спрашиваю: коронная, что ли? еще угрюмѣе спросилъ старикъ.

— Нѣтъ, частная; я въ частныхъ домахъ буду заниматься.

— Немногаго же ты, парень, хочешь! А жить-то ты чѣмъ будешь? замѣтилъ нѣсколько насмѣшливо Василій Андреичъ.

— Этимъ и буду жить.

— Да вѣдь чудакъ ты, братецъ: служба-то вѣдь выгоднѣе; она тебя и на старости обезпечиваетъ.

— Не все то хорошо, папа, что выгодно,—по прежнему спокойно отвѣтилъ Александръ Васильичъ.

Ирина Васильевна, сидѣвшая въ это время въ залѣ и слышавшая послѣднія слова сына, не утерпѣла и тотчасъ же появилась на порогѣ его комнаты, съ вязаньемъ въ рукахъ.

— Ну ужъ, батюшка, выдумалъ же ты чего — уроками жить. Послѣднее дѣло; только насъ съ отцомъ острамишь. Вонъ посмотри-ка у Падериныхъ-то сынъ: ужъ на что они богачи, а тоже служитъ; университетскій, какъ ты же, не меньше тебя ученъ,—сказала она, съ затаеннымъ раздраженіемъ въ голосѣ, сыну.

— Постой, мать, дай намъ поговорить толкомъ,—остановилъ ее Василій Андреичъ.

Ирина Васильевна ушла, приговаривая дорогой: „Ужъ коли въ эти годы не служить, такъ чего и будетъ... выдумалъ что!“

— Тебѣ, парень, можетъ, проситься на службу не хочется, кланяться лѣнь, — такъ я самъ къ генералъ-губернатору съѣзжу, а не то дядя Соснинъ вонъ похлопочетъ,—замѣтилъ Василій Андреичъ вкрадчиво сыну.

— Знаешь что я тебѣ скажу, папа.—сказалъ Александръ Васильичъ серьезно и твердо: — ты лучше оставь этотъ разговоръ въ покоѣ. У меня есть привычка — что сказать, то и сдѣлать: я тебѣ сказалъ, что не намѣренъ служить, — и не буду.

— Слоновъ станешь продавать, значитъ? ѣдко освѣдомился Василій Андреичъ.

— А это ужъ твое дѣло: думай, какъ хочешь.

— Такъ отецъ-то, по твоему, что же такое выходитъ? спросилъ старикъ, сурово насупивъ брови.

— Вотъ что, папа: ты напрасно не хмурься. Я—не пятилѣтній мальчикъ, а ты... ты очень хорошо знаешь, что я тебя люблю и уважаю,—еще спокойнѣе замѣтилъ Александръ Васильичъ.

— Мнѣ, братецъ, изъ твоего уваженія не шубу шить. Не пятилѣтній мальчикъ! Выросъ какъ скоро! Чтожъ ты думаешь, у меня противъ тебя ужъ и управы не найдется? еще суровѣе насупилъ брови Василій Андреичъ.

Александръ Васильичъ весь вспыхнулъ на минуту, и оглянулъ отца съ ногъ до головы.

— Что же ты этимъ хочешь сказать? проговорилъ онъ медленно и холодно.

— А то, что я заставлю тебя служить! прогремѣлъ старикъ выходя изъ себя.

— А! сказалъ Александръ Васильичъ, притягивая къ себѣ отложенный имъ въ сторону почтовый листъ бумаги:—это другое дѣло. Я думалъ, что ты пришелъ поговорить со мной, какъ съ сыномъ, а ты, кажется, принимаешь меня за лакея, съ которымъ,

впрочемъ, я такъ не заговорилъ бы; въ такомъ случаѣ, пожалуйста, не мѣшай мнѣ: я живу исключительно работой.

Твердый, спокойный, полный достоинства тонъ, какимъ были сказаны эти слова, озадачилъ старика не на шутку. Онъ замѣтно сконфузился и какъ-то тревожно затянулся трубкой. Дѣло въ томъ, что Василій Андреичъ хоть и зналъ раньше упрямство за сыномъ, но такой спокойной твердости отъ него не ожидалъ: ему до этой минуты какъ-то не приходило въ голову, что теперь передъ нимъ сидитъ далеко уже не тотъ Саша, котораго онъ, нѣкогда, безцеремонно дралъ за уши; а главное—въ словахъ сына старику послышался справедливый и чувствительный для родительскаго сердца упрекъ. „Я живу исключительно работой“—раздавалось у него въ ушахъ долго еще послѣ того, какъ были сказаны эти простыя слова. Въ самомъ дѣлѣ, что онъ могъ возразить противъ нихъ? Послѣдніе три года сынъ его учился на свои трудовыя деньги, упорно отказываясь отъ всякой помощи, и это случилось именно послѣ того, какъ мать ему написала разъ, что имъ трудно приходится жить теперь. Пріѣхалъ онъ изъ Петербурга тоже на свои средства. Если сынъ и пользуетя пока даромъ ихъ столомъ и квартирой, то развѣ позволили бы ему они, Свѣтловы, платить за это? Онъ ужъ и безъ того далъ какъ-то матери двадцать пять рублей, сказавъ: „Это, мама, на мои прихоти къ обѣду“. Съ пріѣзда, молодой человѣкъ даже не занялъ у него, отца, ни копѣйки. Всѣ эти мысли болѣзненно завертѣлись въ головѣ старика, пока онъ обдумывалъ, что отвѣтить сыну на его послѣднее, справедливое, какъ ему казалось, замѣчаніе.

— Мы, слава Богу, парень, тебя еще, кажется, ничѣмъ не попрекали... надумался сказать наконецъ Василій Андреичъ. Голосъ его слегка дрожалъ и звучалъ на этотъ разъ какъ-то тихо, примирительно.

— Я и не говорилъ этого,—мягко замѣтилъ Александръ Васильичъ.

— А ты вонъ отца-то изъ своей комнаты гонишь, не понимаю я, что-ли... продолжалъ старикъ обиженнымъ тономъ.

— Полноте, папа; мало ли что нечаянно съ языка сорвется,— сказалъ сынъ.

— Вѣдь я тебѣ почему сталъ говорить? Къ твоей пользѣ говорилъ. Служи, не служи,—мнѣ-то что! А тоже намъ обидно съ матерью, что вонъ и родственники, и знакомые о тебѣ все спрашиваютъ, скоро ли ты на службу поступишь.

— Да имъ-то что за дѣло до этого? На мое жалованье, что-ли, они разсчитываютъ? спросилъ нѣсколько раздраженно молодой Свѣтловъ.

— Безъ тебя, батюшка, жили—безъ тебя и проживутъ! замѣтила громко изъ залы Ирина Васильевна.

— И пусть ихъ живутъ, какъ знаютъ,—отвѣтилъ ей вскользь Александръ Васильичъ.—Вонъ ты, папа, до сѣдыхъ волосъ дожилъ,—обратился онъ снова къ отцу:—а все еще, какъ видно, боишься того, что другіе про насъ скажутъ. Подумай-ка хорошенько: ладно ли это? Пришли тебѣ помочь эти *другіе*-то, когда приходилось плохо? Небось, всѣ попрятались...

— Это такъ-то такъ, парень.

— Ну вотъ то-то и есть. Чужіе, папа, мозги въ свою чашку перекладывать не приходится: не помѣстятся. Вонъ родные-то обижаются, пожалуй, что ты самъ на рынокъ ходишь,—ты бы и послушался ихъ—не ходилъ бы. Посмотрѣлъ бы я, сталъ ли бы у тебя вкуснѣе обѣдъ тогда,—сказалъ Александръ Васильичъ, зажигая папироску.

— Всего-то, парень, тоже не переслушаешь... замѣтилъ старикъ. Логика сына, очевидно, начинала дѣйствовать на него.

— Вотъ и я также думаю,—молвилъ Александръ Васильичъ.

— А все-таки, братецъ, служить необходимо, по моему... какъ-то уже нерѣшительно проговорилъ Василій Андреичъ, съ минуту помолчавъ.

— Ну, это по твоему такъ, а по моему совсѣмъ иначе.

— Да что тебя служба-то съѣстъ что-ли? чуть-чуть повысилъ голосъ старикъ.

— А ты отчего въ прошлый разъ говорилъ, что еслибъ тебѣ пришлось начинать службу съ теперешнимъ умомъ, такъ ты ни за что бы не опредѣлился въ полицейскую службу? Вѣдь служилъ же ты по полиціи, не съѣла же она тебя? спросилъ сынъ.

— Хлопотно... какъ-то замялся старикъ.

— Ну, это ты хитришь: не въ хлопотности тутъ дѣло, а служба полицейская пошлая, лакейства много требуетъ при нашихъ порядкахъ.

— Оно такъ-то такъ, братецъ; есть и это, что напрасно говорить... Да вѣдь ты любую службу-то выбирать можешь, чудакъ ты.

— Вотъ я такъ и сдѣлаю—и выберу: буду служить непосредственно обществу.

— Мудрено это что-то сказано, парень,—замѣтилъ подозрительно Василій Андреичъ.

— Ничего не мудрено. Ты вонъ не любишь же отъ перекупщиковъ покупать: дороже, говоришь, заплатишь; а я не хочу, чтобъ общество дороже платило за мой трудъ только потому, что онъ дойдетъ къ нему не прямо отъ меня, а изъ третьихъ да, пожалуй, еще и изъ пятыхъ рукъ,—сказалъ Александръ Васильичъ, задумчиво прислонясь головой къ спинкѣ кресла.

— Васъ, нынѣшнихъ, ученыхъ, и не поймешь сразу, о чемъ вы говорите; смыслъ-то, я вижу, въ твоихъ словахъ есть, да вотъ раскопаешь-то его не скоро. Ну, а кабы всѣ-то по твоему разсуждали, кто же бы служить-то сталъ? Ты объ этомъ только, парень, подумай,—замѣтилъ старикъ, и по лицу его чуть замѣтно проскользнула лукавая усмѣшка.

— Вонъ что ты выдумалъ! еще лукавѣе улыбнулся, въ свою очередь, Александръ Васильичъ.—Тогда бы, папа, намъ и толковать съ тобой было теперь не о чемъ, потому—что тогда и третьихъ рукъ не было бы...

— Ахъ, ты... иностранецъ этакій! весело сказалъ вдругъ Василій Андреичъ, и какая-то глубокая, сосредоточенная мысль озарила на минуту умное лицо старика.

Александръ Васильичъ пристально посмотрѣлъ на отца.

— По мнѣ все равно! Дѣлай, какъ знаешь; была бы, по пословицѣ, честь приложена, а отъ убытку Богъ избавилъ,—продолжалъ тотъ не совсѣмъ спокойно, замѣтивъ пристальный взглядъ молодого Свѣтлова.—Я бы не сталъ и говорить-то объ этомъ, да видишь вонъ мать-то убивается. Съ тобой, парень, не столкуешь, видно.

Старикъ медленно приподнялся и также медленно вышелъ изъ комнаты сына, нѣсколько разъ усиленно затянувшись изъ своей неизмѣнной трубки.

— Ну ужъ, отецъ, и ты! шопотомъ напустилась на него въ залѣ Ирина Васильевна:—отличился батюшка! Правду Санька-то сказалъ, что до сѣдыхъ волосъ дожилъ, а ума не нажилъ: чѣмъ бы припугнуть его хорошенько, а онъ съ нимъ же лясы сидитъ-точитъ! Онъ чего воображаетъ-то о себѣ много,—нарочно громко продолжала старушка, чтобъ слышалъ сынъ: — онъ думаетъ, что выросъ, выучился, такъ ужъ родители и заставить его не могутъ... Я бы, батюшка, и говорить-то съ нимъ не стала, по твоему, а вотъ просто взять да и опредѣлить его на службу! Вотъ онъ и узнаетъ тогда, какъ кобениться съ родителями-то!

— У тебя, мать, все „я бы“ да „я бы“! Поди вонъ да и разговаривай съ нимъ сама, коли я не умѣю. А чортъ его дери! обиженно-сердито проговорилъ старикъ, и быстро пройдя къ себѣ въ комнату, съ шумомъ захлопнулъ за собой дверь.

Василій Андреичъ долго еще не ложился въ этотъ вечеръ, сидя одиноко въ своемъ кабинетѣ и сосредоточенно потягивая изъ своей коротенькой трубочки.

Тѣмъ и окончился этотъ рѣшительный, но неудачный приступъ стариковъ Свѣтловыхъ склонить сына къ поступленію въ коронную службу. Но хотя ихъ послѣдній опытъ, повидимому, и довольно мирно прошелъ для Александра Васильича, по крайней мѣрѣ, со стороны отца,—тѣмъ не менѣе, послѣдствія неудачи этого опыта не замедлили обнаружиться въ семьѣ съ слѣдующаго же дня. Сперва они выражались только нѣкоторой холодностью, выказанной стари-

ками въ отношеніи сына; потомъ, мало-по-малу, холодность эта перешла въ раздраженность и придирчивость, свидѣтелями которыхъ мы были въ предыдущей главѣ. Оба эти чувства нашли себѣ пищу во многомъ, и то, что при другихъ обстоятельствахъ прошло бы незамѣченнымъ, теперь обращало на себя усиленное вниманіе стариковъ, возбуждая довольно открыто ихъ неудовольствіе. Позднее иногда возвращеніе сына домой трактовалось уже ими, какъ наклонность его къ безпорядочной жизни. „Кутитъ гдѣ нибудь“—угрюмо замѣчала о немъ, обыкновенно, Ирина Васильевна мужу, всякій разъ, какъ имъ приходилось ложиться спать не дождавшись прихода сына. А на другой день, когда на вопросъ матери, гдѣ онъ такъ долго пробылъ вчера, Александръ Васильичъ спокойно отвѣчалъ: „У товарища засидѣлся“,—ему недовѣрчиво и довольно колко замѣчали: „Какіе ужь это такіе товарищи, у которыхъ только по ночамъ собраніе бываетъ...“ Старики, разумѣется, покраснѣли бы до ушей, еслибъ при этомъ какое нибудь постороннее, заслуживающее ихъ полную довѣренность, лицо могло удобопонятно сообщить имъ, что Александръ Васильичъ дѣйствительно просидѣлъ вчера, чуть ли не до утра, вдвоемъ съ Ельниковымъ, толкуя и споря о такихъ вопросахъ, отъ правильнаго разрѣшенія которыхъ зависитъ... ну хоть, скажемъ, благоденствіе многихъ домашнихъ уголковъ, въ родѣ семьи „тетки Орлихи“, напримѣръ... Такого благодѣтельнаго лица, конечно, не оказывалось, и заблужденіе стариковъ росло съ каждымъ днемъ. Начались довольно прозрачные намеки на то, что при этакихъ порядкахъ—дескать—и прислуга жить не будетъ: изволь всякій разъ подниматься ночью. При первомъ же подобномъ намекѣ, Александръ Васильичъ поспѣшилъ успокоить домашнихъ, назначивъ отъ себя очень солидную прибавку къ жалованью прислуги. Но это не только не послужило ему въ пользу, а напротивъ, еще больше возбудило противъ него стариковъ: стали говорить, что съ его пріѣзда „прислуга совсѣмъ отъ рукъ отбилась, то ей нехорошо, другое неладно“; что она „только и слушаетъ, что пріѣзжій баричъ скажетъ“, и

многое въ томъ же родѣ. Во всѣхъ этихъ жалобахъ была значительная доза справедливости, но она относилась скорѣе къ чести Александра Васильича, чѣмъ къ его осужденію. Прислуга дѣйствительно полюбила молодого Свѣтлова, увидѣвъ въ немъ отчасти своего надежнаго заступника; два-три случая осязательно показали ей, что теперь, при молодомъ баринѣ, ее не очень-то можно трактовать какъ безсловесное животное. И потому-то весьма многое изъ того, что дѣлалось для стариковъ Свѣтловыхъ неопрятно и съ ворчаньемъ, для Александра Васильича исполнялось всегда добросовѣстно и не только съ охотой, но подчасъ даже и съ удовольствіемъ. Ужъ на что отпѣтымъ плутишкомъ считался въ домѣ „наилюбезный камердинеръ“, а и на немъ отразилось вліяніе новоприбывшаго члена свѣтловской семьи. У Ирины Васильевны сахаръ всегда запирался, а Ваня все-таки находилъ возможность красть его и кралъ; у Александра же Васильевича въ комнатѣ постоянно стоялъ, открыто на столѣ, цѣлый ящикъ папиросъ, никогда, разумѣется, не провѣрявшихся, а между тѣмъ, ни одна папироска не изчезала изъ этого ящика безъ спроса, хотя Ваня и былъ до нихъ еще большій охотникъ, чѣмъ до сахару. Старикамъ „наилюбезный камердинеръ“ вралъ въ глаза, не краснѣя, при всякомъ удобномъ случаѣ, хотя бы того и не требовали его интересы; а Александру Васильевичу онъ, краснѣя, признавался въ своемъ враньѣ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда признаніе могло нанести рѣшительный вредъ этимъ интересамъ. Старики очень хорошо видѣли все это, но не могли ничего взять въ толкъ, и приписывали подобное обстоятельство „подачкамъ“, какъ называли они тѣ сверхштатные гривенники и пятаки, которые заработывалъ иногда Ваня, сбѣгавъ куда нибудь лишній разъ по порученію Александра Васильича.

Ко всему этому прибавилось и еще одно обстоятельство, значительно усилившее неудовольствіе Свѣтловыхъ на сына. Въ числѣ немногихъ избранныхъ знакомыхъ, начавшихъ изрѣдка посѣщать Александра Васильича съ пріѣзда, трое были изъ сосланныхъ въ Сибирь политическихъ преступниковъ. Въ особенности, крѣпко

не понравилось старикамъ посѣщеніе одного изъ нихъ, по фамиліи Варгунина, съ которымъ намъ придется поближе познакомиться въ слѣдующей главѣ. Сейчасъ же послѣ перваго визита этого господина, едва-только затворилась дверь за нимъ, Ирина Васильевна, замѣтно встревоженная, вошла въ комнату сына.

— Кого ты еще, батюшка, къ себѣ наведешь послѣ этого!.. обратилась она къ нему, вся вспыхнувъ.

Александръ Васильичъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Я тебя не понимаю, мама,—сказалъ онъ, собирая со стола какія-то бумаги.

— Чего тутъ не понимать-то, не маленькій, слава Богу! замѣтила ему мать съ сильной досадой въ голосѣ. — Это вѣдь у тебя Варгунинъ былъ?

— Ну да, онъ, такъ что же?

— Какъ „что же“? А то же, что ему нечего бывать здѣсь!

— Это почему? удивился сынъ.—Я самъ его пригласилъ; я съ нимъ знакомъ.

— А коли и познакомился, такъ ужъ извини, батюшка, ходи къ нему самъ, коли хочешь, а къ намъ его не води, нечего ему у насъ дѣлать...

— Что такое! Да говори, мама, пожалуйста, яснѣе,—сказалъ Александръ Васильичъ, нетерпѣливо останавливаясь передъ матерью.

— А то... Ты развѣ, батюшка, не знаешь, на что онъ покушался? спросила Ирина Васильевна, и лицо ея приняло какое-то испуганное, тревожное выраженіе.

Александръ Васильичъ улыбнулся.

— Вонъ что ты, мама! Да мало ли кто на что покушался,— молвилъ онъ весело:—а теперь не покушается. Ты вонъ, пожалуй, сама же разсказывала, что я, когда былъ еще мальчуганомъ, покушался воровать у тебя, въ постъ, сливки изъ кладовой, такъ меня, по твоему, и теперь въ кладовую пускать нельзя? И теперь я, по твоему, воръ выхожу?

— Толкуй съ тобой! Ты вотъ этакъ-то, батюшка, всегда и отдѣлываешься ото всего,—замѣтила съ неудовольствіемъ Ирина Васильевна.

— Да вѣдь нельзя же двѣ шкуры съ одного вола драть. Меня, за покушеніе украсть у тебя сливки, ты поставила, я помню, въ уголъ; ну, я отстоялъ сколько слѣдовало, и дѣло съ концомъ. Не поставишь же ты меня теперь снова въ уголъ за тоже самое? Такъ и Варгунинъ. Ты говоришь, онъ покушался на что-то; ну, его за это вотъ и сослали въ работы. Теперь онъ срокъ свой отработалъ, поселенъ здѣсь... Стало быть, нечего и поминать о прошломъ. А иначе и житья бы на свѣтѣ никому не было,— сказалъ Александръ Васильичъ, смотря матери прямо въ глаза.

— Какое же ужъ это, Санька, сравненіе: то сливки, а то... чего ужъ ты, батюшка, выдумалъ опять! какъ-то смущенно проговорила Ирина Васильевна, поправляя чепецъ на головѣ.

— Тутъ, видишь ли, мама, дѣло не въ сливкахъ, разумѣется, а въ томъ, что нехорошо попрекать человѣка тѣмъ, за что онъ уже разъ понесъ наказаніе. Вѣдь человѣка для чего наказываютъ? Для того, конечно, чтобъ онъ исправился. А какже онъ исправится, коли ты его къ себѣ не пустишь, я не пущу, другой не пуститъ? Этакъ и самый смирный человѣкъ озлиться можетъ, — ты подумай-ка объ этомъ.

— Нельзя же, батюшка, изъ-за него да всѣхъ заставлять въ петлю лѣзть...

— Да кто же тебя заставляетъ лѣзть въ петлю, мама? Это совершенно отъ тебя самой зависитъ. Ты помнишь, у насъ, передъ моимъ отъѣздомъ, работникъ жилъ,—Иванъ, кажется,—сосланный сюда за убійство? Онъ у насъ больше двухъ лѣтъ жилъ, и ты, я помню, очень его любила и жалѣла... сказалъ Александръ Васильичъ задумчиво.

— Такъ онъ-то, батюшка, по несчастью вѣдь... слабо возразила Ирина Васильевна.

— А ты почемъ знаешь, что и Варгунинъ не по несчастью здѣсь? Вѣдь всѣ по несчастью... еще задумчивѣе отвѣтилъ ей сынъ.

— Правду отецъ-то говоритъ, что съ тобой, Санька, толковать, такъ прежде пообѣдать надо. А ужъ ты, батюшка, какъ тамъ ни разсуждай, а къ намъ его не води! сказала старушка довольно рѣшительно.

— Ты, мама, конечно, имѣешь полное право распоряжаться у себя дома, какъ хочешь. Но я полагалъ, что если вы отдали мнѣ вотъ эту комнату, то я могу принимать въ ней, кого мнѣ угодно. Теперь оказывается, что я пользуюсь ею не даромъ, а на такихъ условіяхъ, которыя дороже для меня всякой платы... Ну, что же дѣлать, мы стѣснять другъ друга не будемъ: я переѣду на квартиру,—не менѣе рѣшительно произнесъ Александръ Васильичъ.

Старушка вспыхнула вся, и не найдясь сразу, только растерянно какъ-то развела руками.

— Такъ это ты, Санька, хочешь насъ съ отцомъ-то на Варгунина какого нибудь промѣнять? спросила она наконецъ, и голосъ ея дрогнулъ, а на глазахъ навернулись слезы.

Александру Васильичу, повидимому, тоже не легко было въ эту минуту; онъ хоть и пересилилъ себя, но голосъ его замѣтно дрожалъ, когда онъ отвѣчалъ матери:

— Ты, мама, прежде всего успокойся и выслушай меня хорошенько. Мнѣ нѣтъ надобности увѣрять тебя, что я никогда и ни на кого васъ не промѣняю,—ты сама очень хорошо это знаешь; по крайней мѣрѣ, тебѣ пора бы ужъ убѣдиться въ этомъ: случаевъ вѣдь много было. Но пойми, что также какъ у тебя есть потребность, чтобъ тебѣ никто не мѣшалъ распоряжаться въ своемъ уголку, и у меня есть точно такая же потребность. Ты посмотрика на меня хорошенько, пристальнѣе: я вѣдь ужь не маленькій, не ребенокъ. Ты разсуди: я прожилъ безъ васъ десять лѣтъ, и въ эти десять лѣтъ только я одинъ—я самъ—слѣдилъ за собой, направлялъ себя. Изъ-за шести тысячъ верстъ за совѣтами къ вамъ бѣгать не приходилось. Въ эти десять лѣтъ я знакомился

съ кѣмъ мнѣ хотѣлось, принималъ у себя кого хотѣлъ, и ты не скажешь... ты не въ правѣ сказать, что недовольна мной, что должна краснѣть за меня! Ты этого не можешь сказать... Какъ же ты требуешь, посуди сама, чтобъ я отказался отъ такой привычки, которая всосалась мнѣ въ плоть и кровь, и только вмѣстѣ съ ними можетъ быть вырвана изъ меня?.. Неужели ты думаешь, что для меня не составило бы особеннаго удовольствія исполнить всякую твою просьбу... все, что только я могу сдѣлать, не грѣша передъ своими убѣжденіями? Помнишь, чего ты отъ меня хотѣла... чего ты требовала, когда я уѣзжалъ отсюда въ университетъ? Ты хотѣла, чтобы я былъ честенъ прежде всего. И вотъ ты же теперь требуешь отъ меня, чтобъ я отвернулся отъ такого же честнаго человѣка, какъ я самъ,—да! я увѣренъ въ порядочности Вагунина,—и думаешь, что это было бы честно съ моей стороны! Лучше ужъ намъ жить врознь да въ мирѣ, чѣмъ ссориться поминутно изъ-за пустяковъ...

Ирина Васильевна плакала. Она безсильно какъ-то склонила свою сѣдую голову, скрестивъ на груди руки.

— Полно, мама, не плачь,—продолжалъ черезъ минуту, уже спокойнѣе, Свѣтловъ, ласкаясь къ старушкѣ; — намъ вѣдь это не къ особенному спѣху. Мы объ этомъ еще успѣемъ потолковать, поразсудить спокойнѣе; еще все можетъ уладиться отлично...

— Чего тогда родныя-то скажутъ, батюшка? Сколько лѣтъ, скажутъ, не видались съ сыномъ... ждали, ждали... а онъ... не договорила старушка и залилась слезами.

— Ну, мама, не до родныхъ намъ теперь, когда у насъ самихъ въ домѣ слезы... тревожно и мягко сказалъ Александръ Васильичъ, опустивъ голову на плечо матери. — Давно ли радости были, а вотъ ужъ и слезы... Напрасно пріѣхалъ, значитъ? спросилъ онъ тихо.

Ирина Васильевна улыбнулась сквозь слезы, и молча, но горячо поцѣловала сына въ голову.

— Вѣдь вонъ ты какой ласковый, Саньча, когда захочешь...

сказала она погодя, давъ пройти волненію и слезамъ.—Вотъ то-то то, батюшка, и худо, что я на тебя и сердиться-то не могу хорошенько: посержусь-посержусь да опять и перестану. Какія вы нынче, право, стали, молодые люди: не сговоришь съ вами... Пускай ужъ онъ ходитъ, чего ли, этотъ, прости Господи, косматый-то?.. какъ бы вопросительно замѣтила старушка.

Александръ Васильичъ поцѣловалъ ее и успокоилъ. Но Ирина Васильевна даже и во все продолженіе слѣдующаго дня не могла выбросить этого разговора изъ памяти.

Какъ бы то ни было, неудовольствіе стариковъ Свѣтловыхъ на сына являлось еще понятнымъ или объяснимымъ, по крайней мѣрѣ. Но ужъ совсѣмъ загадочно было въ этомъ отношеніи поведеніе Оленьки, которая вдругъ, при первомъ же семейномъ облачкѣ, перешла на ихъ сторону, отвернувшись такъ-сказать отъ молодой свѣтловской партіи, хотя и должна бы была принадлежать къ ней уже по одному естественному праву возраста; она, въ этомъ случаѣ, явилась живымъ контрастомъ Владимірки, стоявшаго горой за брата. Неудовольствіе Оленьки на Александра Васильича выражалось очень замѣтно. Правда, она и прежде, съ самаго пріѣзда молодого человѣка, относилась къ нему сдержанно-ласково; но теперь эта сдержанность перешла у ней въ очевидную сухость, а подчасъ даже и въ какое-то пренебрежительное обращеніе съ нимъ. Никакихъ видимыхъ причинъ на это не было. Александръ Васильичъ велъ себя съ сестрой также внимательно, какъ и съ остальными членами семьи; первоначально онъ даже оказывалъ дѣвушкѣ нѣкоторое предпочтеніе передъ ними, проводя съ ней цѣлые вечера въ своей комнатѣ либо за чтеніемъ, либо за спорами. Но книги брата не нравились Оленькѣ, или, вѣрнѣе сказать, не производили на нее ровно никакого впечатлѣнія: въ одно ухо впуститъ и тотчасъ же выпуститъ въ другое; его идеи казались ей дикими и, по меньшей мѣрѣ, забавными; спорила она съ нимъ всегда какъ-то неохотно, вяло, точно и спорить незачѣмъ было. Замѣтивъ это, Александръ Васильичъ удивился и перемѣнилъ

тактику: сталъ спорить съ сестрой только тогда, когда она сама начинала; читалъ съ ней только при ясно-выраженномъ на это желаніи съ ея стороны. Свѣтловъ боялся, чтобъ мысль, что онъ сбирается учить ее, не отбила у ней на первыхъ же порахъ охоты заниматься съ нимъ, и потому, въ послѣднее время, просто предоставилъ въ ея распоряженіе всѣ свои книги, не указывая ни на одну съ особенной рекомендаціей. А книги все-таки не трогались съ мѣста; Оленька даже и не прикоснулась къ нимъ, точно это были такія вещи, въ которыхъ она давно знала все наизустъ, или такія, что о нихъ и понятія имѣть не стоило. Однакожъ, все это было своимъ чередомъ, и отсюда, повидимому, отнюдь не могла вытекать причина ея неудовольствія на брата. Если въ ихъ отношеніяхъ и можно было найти нѣчто подобное тому, что обыкновенно называютъ размолвкой, то развѣ слѣдующій случай. Свѣтловъ засталъ какъ-то сестру за чтеніемъ журнала „Pour tous“ — любимымъ развлеченіемъ Оленьки.

— Охота тебѣ, Оля, всякую дребедень читать,—сказалъ ей Александръ Васильичъ, мелькомъ взглянувъ на заглавіе.

— А я ужъ три года читаю эту дребедень, — отвѣтила она крайне обидчиво и сдѣлавъ особенное удареніе на словахъ „я“ и „дребедень“.

— Тѣмъ хуже для тебя,—замѣтилъ ей холодно братъ, и больше не сказалъ ни слова.

Она промолчала, очевидно, надувшись.

Но развѣ подобное ничтожное обстоятельство могло вызвать въ Оленькѣ столь постоянное и такое серьезное неудовольствіе на брата, какое онъ замѣчалъ за ней въ послѣднее время? Можетъ быть—нѣтъ, а можетъ быть—и да. Вѣрнѣе всего, что именно въ этомъ-то ничтожномъ обстоятельствѣ и зародилось первое сѣмячко того яблока раздора, которое встало, впослѣдствіи, непроходимой стѣной между ними. По всей вѣроятности, неудовольствіе стариковъ Свѣтловыхъ на сына только дало Оленькѣ канву для разработки ея собственной непріязни къ нему, доставило ей такъ-сказать

возможность имѣть на эту непріязнь болѣе приличныя и осязательныя, по ея мнѣнію, причины. Дѣвушка могла бы еще помириться съ чѣмъ угодно въ поступкахъ и мнѣніяхъ брата, но Александръ Васильичъ наступилъ нечаянно на самое больное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самое дорогое ея мѣсто: онъ задѣлъ ея полуфранцузское воспитаніе, на которое она смотрѣла, какъ на верхъ совершенства. И вотъ Оленька еще упорнѣе принялась доканчивать это воспитаніе, не простивъ никогда брату его невольнаго промаха. Онъ и самъ увидѣлъ это впослѣдствіи, и самъ спохватился, но уже тогда, когда дѣло было непоправимо.

Въ эти невеселые дни домашнихъ размолвокъ и недомолвокъ, Александръ Васильичъ не разъ, заглянувъ случайно въ зеркало, вспоминалъ съ улыбкой „уксусъ“ дяди Соснина, и ему частенько таки приходили въ голову насмѣшливыя слова старика, что „у семейной розы шиповъ не оберешься“...

IX.

Матвѣй Николаевичъ Варгунинъ.

Прошла еще недѣля.

Однажды, часовъ около восьми вечера, когда стариковъ Свѣтловыхъ не было дома, а молодой Свѣтловъ только-что собрался куда-то идти и уже надѣвалъ въ передней пальто, туда вошелъ, или, вѣрнѣе сказать, вбѣжалъ, запыхавшись, мужчина огромнаго роста, въ безпорядочно-накинутомъ черномъ плащѣ. Это былъ именно Матвѣй Николаичъ Варгунинъ—тотъ самый, изъ-за котораго Ирина Васильевна пролила такъ много слезъ недѣли за двѣ передъ этимъ.

— Кричите, батенька: побѣда! замахалъ онъ руками Свѣтлову, торопливо и небрежно сбрасывая на полъ свой плащъ.

— Побѣда! закричалъ шутливо Свѣтловъ.

Они смѣясь поздоровались и прошли въ кабинетъ къ Александру Васильичу.

— Дайте папироску, и пока я ее не выкурю, ни о чемъ меня не спрашивайте: часа два не курилъ! замѣтилъ Варгунинъ хозяину, безцеремонно растянувшись на его диванѣ во весь свой исполинскій ростъ.

Мы воспользуемся этой минутой и познакомимся съ наружностью гостя. Варгунинъ, прежде всего, былъ какъ-то весь пропорціоналенъ въ своихъ массивныхъ частяхъ. Оттого—огромная, косматая голова его съ перваго взгляда нисколько не казалась огромной; только увидѣвши Матвѣя Николаича рядомъ съ другимъ человѣкомъ, можно было усмотрѣть это качество во всей полнотѣ. Небрежно зачесанные назадъ, черные, съ частой просѣдью, длинные волосы вились у него въ безпорядкѣ по плечамъ, рельефно оттѣняя высокій, чрезвычайной бѣлизны лобъ, перерѣзанный надъ самыми бровями глубокой морщиной. Изъ-подъ этихъ тонкихъ, совершенно еще черныхъ, бровей задумчиво смотрѣли прелестные голубые глаза, удивительно сохранившіе юношескую свѣжесть; выраженіе ихъ было перемѣнчиво и нѣсколько странно: то въ нихъ проглядывала робкая, почти женственная мягкость, то гордость и отвага знающаго себѣ цѣну мужчины. Но замѣчательнѣе всего была у Варгунина улыбка: такая же непостоянная, какъ и выраженіе глазъ, она то чуть змѣилась насмѣшливо гдѣ-то около скулъ, то до самыхъ этихъ скулъ добродушно открывала широкій ротъ, окаймленный крупными, но очень красивыми и правильными губами. Вообще же, наружность Матвѣя Николаича, оригинальная и привлекательная, представляла изъ себя смѣсь чего-то дѣтски-простодушнаго съ умнымъ и сильнымъ.

— Слушайте, Свѣтловъ,—сказалъ онъ вдругъ, затянувшись въ послѣдній разъ папироской: — сколько, вы говорите, платятъ въ годъ вашему отцу за большой домъ? Я позабылъ.

— Двѣсти пятьдесятъ рублей. А что? отвѣтилъ Александръ Васильичъ, не придавая, очевидно, никакого особеннаго значенія вопросу Варгунина.

Тотъ улыбнулся своей широкой улыбкой.

— Видите, что это такое? спросилъ онъ, вынимая изъ кармана толстую пачку денегъ и показывая ее Александру Васильичу.

— Деньги, разумѣется,—сказалъ, спокойно улыбнувшись, Свѣтловъ.

— Это и слѣпой, батенька, скажетъ, что деньги. А я вамъ скажу, что это наша... или, лучше сказать, ваша... безплатная школа! торжественно проговорилъ Варгунинъ.

Свѣтловъ замѣтно измѣнился въ лицѣ, и посмотрѣлъ на гостя такимъ взглядомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: „Не грѣхъ вамъ шутить подобными вещами?“

— Да вы что, въ самомъ дѣлѣ!—не вѣрите? сказалъ Матвѣй Николаичъ, потрясая ассигнаціями.

— Но... возразилъ было, покраснѣвъ, Александръ Васильичъ.

— Теперь эта грамматическая частичка совершенно лишняя... Слушайте-ка, батенька, лучше! быстро прервалъ его Варгунинъ, откидывая назадъ волосы движеніемъ головы. — Когда вы мнѣ въ прошлый разъ сообщили планъ своей безплатной школы, я тогда же вошелъ во вкусъ его, только промолчалъ: что по-пусту языкъ мозолить. Вы намекнули... или нѣтъ—что я!—вы просто соображали, что хорошо бы было, еслибъ вамъ заработать поскорѣе столько деньжонокъ, чтобъ имѣть возможность переѣхать въ большой домъ, а здѣсь, во флигелѣ, устроить школу... такъ ли? Ну-съ, хорошо-съ. Денегъ этихъ вы еще не скоро дождетесь, а между тѣмъ, мнѣ припала охота примазаться къ вамъ въ компанію... Постойте, не перебивайте меня,—остановилъ Матвѣй Николаичъ Свѣтлова, замѣтивъ, что тотъ собирается что-то сказать.—Припала, я говорю, и мнѣ охота... А охота, батенька, дѣло великое. У меня самого такихъ денегъ, разумѣется, не нашлось лишнихъ. Ну-съ, хорошо-съ. Такъ вотъ-съ я и обратился къ одному... подходящему

человѣчку... Да уберите, пожалуйста, съ вашего лица ненужныя черты удивленія! — къ подходящему человѣчку, говорю, обратился. Подходящій человѣчекъ оказался не скотъ, что я и предполагалъ, впрочемъ: далъ мнѣ вотъ эти триста рублей на школу,— чувствуете? Стало быть, батенька, вамъ остается только переговорить со своими стариками, уломать ихъ переѣхать въ большой домъ, а рѣчь на счетъ убытковъ прикрыть двумя стами пятьюдесятью рублями изъ этихъ денегъ. Теперь можете даже многоглагольствовать.

Свѣтловъ, весь встревоженный и обрадованный, бросился сперва на шею къ Варгунину, а потомъ сталъ крѣпко жать ему руку.

— Только руку, батенька, мнѣ не изломайте... чуть-насмѣшливо улыбнулся Матвѣй Николаичъ, растроганный и самъ не менѣе хозяина.

— Я просто не знаю, какъ васъ и благодарить! сказалъ Александръ Васильичъ, садясь возлѣ гостя: — вѣдь это прелесть—что вы совершили!

— Ну... благодарность-то вы можете въ сторону... оно вѣдь не для васъ и сдѣлано,—замѣтилъ Варгунинъ, дружески обнявъ молодого человѣка.

— Какъ это вы ухитрились такъ скоро все обработать? Сегодня я меньше чѣмъ когда нибудь былъ приготовленъ къ сюрпризамъ, особенно къ такому... Вотъ вы обрадовали-то меня, Матвѣй Николаичъ! Не повѣрите, я просто самъ не свой отъ удовольствія! говорилъ Свѣтловъ, продолжая, отъ времени до времени, пожимать гостю руку.—Чѣмъ же бы намъ отпраздновать сегодняшній, замѣчательный для меня вечеръ? А непремѣнно стоитъ отпраздновать! Давайте-ка, выпьемте какого нибудь вина, а?

— А что же, отчего бы и нѣтъ? Выпьемте. Вспрыски, стало быть, устроимъ, по русскому обыкновенію. Обычай старый... да вѣдь и все не ново. Идетъ!

— Чего же мы выпьемъ? спросилъ Свѣтловъ у гостя. — Выборъ вашъ: вы виновникъ сегодняшняго торжества.

— Ну, ладно, пусть мой будетъ. Такъ развѣ бутылочки двѣ рейнвейну разопьемъ. Какъ думаете?

— Я сказалъ, что выборъ вашъ.

— Валяйте рейнвейну,—рѣшилъ Варгунинъ.

Онъ сталъ рыться у себя въ бумажникѣ.

— Вы что это хотите?... Ужъ и на этотъ разъ не припала ли вамъ охота примазаться въ компанію? обратился къ нему ребячески-испуганно Свѣтловъ.

— Батенька, у меня ужъ такой обычай,—замѣтилъ Матвѣй Николаичъ, вынувъ трехрублевую бумажку.

— Полноте! вы меня обидите... сказалъ Александръ Васильичъ.

— А въ противномъ случаѣ я себя обижу: у меня законъ — пить и ѣсть что бы то ни было на свой счетъ,—серьезно возразилъ Варгунинъ.

— Ну измѣните сегодня вашъ законъ... убѣдительно попросилъ хозяинъ.

— Полноте-ка, батенька, и вамъ о пустякахъ толковать. Вы думаете, я церемонюсь? Какъ бы не такъ, стану я церемониться! Что прикажете дѣлать, коли у человѣка такое правило,—пояснилъ Матвѣй Николаичъ.

— Въ такомъ случаѣ,—замѣтилъ Свѣтловъ, нехотя взявъ у него изъ рукъ деньги,—пусть будетъ по вашему: сегодня я не въ состояніи ни въ чемъ отказать вамъ,—и вышелъ распорядиться.

— Кстати, вы познакомитесь сейчасъ и съ моимъ старымъ товарищемъ — Ельниковымъ: помните, я вамъ еще говорилъ о немъ? Я за нимъ послалъ,—сообщилъ Александръ Васильичъ гостю, вернувшись къ нему черезъ нѣсколько минутъ.

— И умно, батенька, сдѣлали: у меня сегодня есть-таки охота покалякать,—замѣтилъ Варгунинъ.

Начались толки о будущей школѣ. Свѣтловъ увлекся и говорилъ очень много, развивая Матвѣю Николаичу подробности своего плана; онъ только одного боялся, что старики сильно заупрямятся. Варгунинъ доказывалъ, что это собственно пустяки, а глав-

ное—разрѣшатъ ли школу? Александръ Васильичъ намекнулъ гостю, что можно написать кое-кому въ Петербургъ объ этомъ дѣлѣ, а оттуда-то ужъ подтолкнутъ кого слѣдуетъ; что у него есть тамъ довольно вѣская рука. Порѣшили, между прочимъ, устроить литературный вечеръ на первое обзаведеніе школы всѣмъ необходимымъ; Варгунинъ взялся выхлопотать для этого залу благороднаго собранія и раздать половину билетовъ. Перебрали всѣхъ, кто можетъ быть у нихъ учителями; оказалось, что недостатка въ послѣднихъ не будетъ. Тѣмъ временемъ, на столѣ появились три бутылки рейнвейна, а почти вслѣдъ за ними пришелъ и Ельниковъ.

— Эге! Да ты, никакъ, пьянство, Свѣтловушка, учиняешь? спросилъ онъ у пріятеля, здороваясь съ нимъ и искоса поглядывая на бутылки.

Александръ Васильичъ объяснилъ доктору причину ихъ сегодняшняго торжества, и какъ главнаго виновника этого торжества, представилъ ему Матвѣя Николаича.

— Васъ, батюшка, за этакое дѣло на томъ свѣтѣ горячей сковороды избавятъ, а на этомъ—поджарить могутъ... весело сказалъ Анемподистъ Михайлычъ Варгунину, и крѣпко пожалъ ему руку.

— Ну, батенька, меня какъ ни поджаривай, а все бифштексъ-то съ кровью выйдетъ... широко улыбнулся тотъ. Онъ сказалъ это съ такимъ юношескимъ задоромъ, что трудно было бы повѣрить, что старику ужъ за пятьдесятъ стукнуло.

Свѣтловъ розлилъ вино въ стаканы и пригласилъ гостей къ столу. Усѣлись. Но не прошло и минуты, какъ Ельниковъ снова всталъ, и поднявъ высоко кверху свой стаканъ, какъ-то шутливо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, горько-воодушевленно сказалъ:

— Милостивые государи! Надѣюсь, что вы не взыщете съ меня, если я не буду рѣчистъ. Краснорѣчивымъ ораторомъ я былъ только тогда, когда меня драли въ школѣ. Я не хочу этимъ сказать, чтобъ то былъ самый лучшій способъ развитія дара слова, но я желаю напомнить вамъ, изъ какой школы пришлось выйти

намъ самимъ. Смѣю думать, что сохраненіемъ нашихъ мозговъ въ порядкѣ мы исключительно обязаны слѣпому случаю: одинъ изъ моихъ умнѣйшихъ товарищей, къ которому не пришелъ на выручку этотъ слѣпышъ — уже помѣшанъ. Вашъ покорный слуга... да не смѣши, Свѣтловушка! — если и вынесъ изъ школы нѣкоторыя серьезныя знанія, то во-первыхъ, онъ откопалъ ихъ тамъ самостоятельно, гдѣ-то въ заднемъ углу, чуть ли не подъ печкой, а во-вторыхъ, розыски сіи довели его до... кровохарканья. Да, милостивые государи, если я теперь о чемъ нибудь больше всего сожалѣю, такъ именно о томъ, что не могу плюнуть этой самой кровью въ лицо нѣкоторымъ... сошедшимъ со сцены моимъ наставникамъ!.. Съ теперешнимъ умомъ, я бы даже мою собаку не поручилъ имъ воспитывать!... Приглашаю васъ серьезно подумать обо всемъ, мною сказанномъ, и пью отъ всего сердца за то, чтобъ школа ваша вносила умъ и душу въ человѣка, а не отнимала ихъ у него!

Ельниковъ звонко чокнулся съ компаніей, залпомъ выпилъ свой стаканъ и закашлялся.

— Аминь! сказали въ одинъ голосъ Свѣтловъ и Варгунинъ, и дружно послѣдовали его примѣру; затѣмъ, каждый изъ нихъ, поочередно, обнялъ по-братски встревоженнаго доктора.

— Ужъ если на то пошло, господа, то и я прошу слова... замѣтилъ послѣ этихъ привѣтствій Матвѣй Николаичъ, становясь въ позу оратора.—Достопочтенный предшественникъ мой,—началъ онъ, улыбнувшись и указавъ глазами на Ельникова,—прекрасно обрисовалъ въ немногихъ словахъ предстоящую намъ задачу. Ну-съ, хорошо-съ. Соглашаясь съ нимъ во многомъ, соглашаясь съ нимъ во всемъ, я не могу сочувствовать, однакожъ, тѣмъ проклятіямъ, которыми онъ бросилъ, такъ сказать, въ покойныхъ своихъ наставниковъ.... Да! именно этихъ проклятій я не могу раздѣлить — и вотъ почему-съ: дѣлали прежніе наставники свое дѣло какъ умѣли; можетъ быть, и хуже, чѣмъ умѣли, но въ такомъ случаѣ, значитъ, оно не представлялось имъ настолько серьезнымъ, какъ бы слѣдовало. Еще бы! Не надо забывать, господа, что этихъ наставниковъ воспитывали

еще хуже, чѣмъ они насъ. Это разъ. Мы на нихъ смотримъ теперь свысока, а развѣ наши-то понятія о воспитаніи — послѣднее слово въ такомъ дѣлѣ? Ну-ка, скажите-ка? Допустить это—значило бы думать, что съ нами остановится міръ. Ошибки предстоятъ неизбѣжно и намъ... не морщитесь, г. Ельниковъ! — это меня ни мало не смутитъ; ошибки, говорю, предстоятъ и намъ. Но неужели же, если изъ каждыхъ десяти человѣкъ, которыхъ мы успѣемъ ввести въ область знанія, двое окажутся даже въ концѣ испорченными нами... неужели же, говорю, мы не заслужимъ ничего, кромѣ проклятій? Я, по крайней мѣрѣ, такъ не думаю, не могу такъ думать! Съ такой печальной теоріей легко могутъ и руки опуститься... да и непремѣнно опустятся. Помилуйте! что это такое! Положимъ, копотенъ, узокъ былъ свѣтъ нашихъ наставниковъ,—правда; но все-таки это былъ свѣтъ или, по меньшей мѣрѣ, намекъ на него. А вѣдь подчасъ довольно и намека, тогда—какъ безъ этого намека ужъ ровно ничего немыслимо... Вы говорите, батенька, жалки были эти наставники, много хорошаго исковеркали они въ насъ, не жалѣя нашей крови... Но мы будемъ лучше ихъ: мы ихъ пожалѣемъ; все-таки мы кое-чѣмъ имъ обязаны. Ну-съ, хорошо-съ. Не будемъ же, господа, начинать проводить новыя борозды съ безплодной брани на тѣхъ, кто работалъ на томъ же полѣ до насъ, хотя по крайнему своему невѣжеству и напортилъ намъ многое, и выпьемъ, господа, въ память этихъ жалкихъ темныхъ предшественниковъ нашихъ!

Варгунинъ поднесъ свой стаканъ къ стакану Свѣтлова.

— Я раздѣляю вашъ тостъ съ оговоркой,—сказалъ Александръ Васильичъ, подумавъ: — я пью только за тѣхъ изъ нихъ, которые дѣйствительно желали давать свѣтъ, но не съумѣли; за тѣхъ же, кто взялся за наставничество какъ за средство существовать—какъ разбойникъ идетъ на большую дорогу—даже не подумавъ о томъ, что дѣлаетъ,—за тѣхъ я не пью... тѣхъ я даже и не считаю нашими предшественниками.

Свѣтловъ чокнулся съ Варгунинымъ и отпилъ изъ стакана.

— Браво, Свѣтловушка! вскричалъ Ельниковъ, слѣдуя примѣру товарища: — ты меня отлично понялъ... превосходно, братъ, понялъ!

Начался оживленный споръ. Варгунинъ, нѣсколько сконфуженный, долго еще отстаивалъ свою мысль, доказывая доктору, что послѣ этого и всякій работникъ, приступающій къ дѣлу, не видя въ немъ смысла, тоже не заслуживаетъ доброй памяти, хотя бы оно и дало благопріятные результаты.

— Да гдѣ же вы, батюшка, нашли такого работника? накинулся на него Ельниковъ.—Такихъ работниковъ нѣтъ; такіе господа даже и названія-то подобнаго не заслуживаютъ. Столяръ, напримѣръ, очень хорошо понимаетъ значеніе стола, который онъ стругаетъ; башмачникъ шьетъ башмаки потому, что тоже знаетъ, что безъ башмаковъ ходить нельзя, — вотъ что, батюшка!

— Ну-съ, хорошо-съ, — возразилъ Матвѣй Николаичъ. — А развѣ тѣ-то наставники, за которыхъ вы отказались выпить... развѣ они, батенька, не сознавали также точно, что безъ ученья нельзя обойтись?

— Вотъ то-то и есть, что не сознавали они этого,—въ томъ-то и вся штука: видѣли просто, что люди платятъ деньги за ученье — и учили; а тамъ хоть трава не рости.

— Ну, а столяръ-то, по вашему, какже поступаетъ? Не также, что ли? Знаетъ, что ему заплатятъ за столъ, и дѣлаетъ столъ; а потомъ ему тоже хоть трава не рости,—замѣтилъ Варгунинъ.

— Дудки-съ, батюшка! софизмъ! сказалъ, горячась, Ельниковъ:— у него все-таки есть сознаніе, что онъ дѣлаетъ полезную вещь; а какъ ее употребятъ потомъ—это, разумѣется, ужъ не его дѣло.

Спорившіе нахмурились.

— А если кандалы кузнецу закажутъ? спросилъ Матвѣй Николаичъ, помолчавъ.

— Сдѣлаетъ; съ его точки зрѣнія и кандалы полезная вещь.

— Ну, батенька, будто бы ужъ работникъ никогда и не дѣлаетъ безполезныхъ вещей? Мало ли что взбредетъ другому въ умъ заказать.

— Такъ что же? Работникъ и сознаетъ, что ужъ если ему что заказали, такъ, видно, это нужно, видно, это полезно для заказчика; а вотъ, батюшка, наставникъ-то вашъ, непонимающій смысла ученья, такъ тотъ, хотя бы и вредъ въ немъ видѣлъ, по первому же вашему приглашенію возьмется за роль наставничества, потому—что вы ему деньги за это хотите платить,—сказалъ докторъ, сильно закашлявшись.

— Да развѣ, батенька, я не могу подкупить работника сдѣлать мнѣ какую нибудь такую вещь, которая, какъ ему извѣстно, служитъ исключительно ко вреду другого и именно на этотъ предметъ и заказывается мной? спросилъ Варгунинъ.

— Можете; только ужь онъ-то будетъ съ той минуты не работникомъ, а... мошенникомъ! сказалъ Ельниковъ, прихлебнувъ изъ стакана.

— Вонъ вы какъ, батенька, на работника-то смотрите... замѣтилъ Матвѣй Николаичъ не то задумчиво, не то насмѣшливо.— Ну, я попроще гляжу...

Онъ медленно допилъ свой стаканъ, и въ эту минуту по лицу его уже явственно проскользнула насмѣшливая улыбка. Анемподистъ Михайловичъ пристально посмотрѣлъ на Варгунина и отвѣтилъ ему нѣсколько сухо и тоже насмѣшливо:

— Глядите, пожалуй, какъ знаете; взгляды вѣдь никому не воспрещаются, да къ тому же — благо — это, кажется, единственный предметъ, необложенный еще налогомъ.

— Мнѣ, господа, въ качествѣ предупредительнаго хозяина, остается только заключить вашъ споръ какъ можно безобиднѣе для обѣихъ сторонъ... Ну, вотъ я и скажу, что вы—оба правы,—заключилъ, разсмѣявшись, Свѣтловъ.

Но шутка его не достигла цѣли: Варгунинъ и Ельниковъ даже не улыбнулись; они продолжали хмуриться другъ на друга.

— Два хорошихъ человѣка всегда немножко оба правы,—повторилъ Александръ Васильичъ.

— Ну и уподобился ты въ эту минуту Любимову, братъ! раз-

смѣялся наконецъ Анемподистъ Михайлычъ. — Впрочемъ, рознь во взглядахъ еще не обозначаетъ розни въ стремленіяхъ,—продолжалъ онъ, взявшись за стаканъ и обращаясь уже къ Матвѣю Николаичу, — и потому я отъ души пью ваше здоровье, г. Варгугинъ, какъ человѣка, который помогъ самымъ капитальнымъ образомъ осуществленію плана моего закадычнаго пріятеля!

Тостъ этотъ пришелся какъ нельзя болѣе кстати. Варгунинъ оцѣнилъ и тактъ, съ которымъ онъ былъ предложенъ, и ту искренность, съ какою его высказали, и потому отвѣтилъ на него добродушно и горячо.

— И ваше здоровье, докторъ! сказалъ онъ, чокаясь и крѣпко пожимая руку Ельникову.—Вы правы, батенька: стремленія у насъ одни, а взгляды намъ не помѣшаютъ... Я старикъ, но я всегда на сторонѣ того, что мнѣ докажетъ молодежь... да! именно, всегда на сторонѣ доказаннаго. Не смотрите на мои сѣдые волоса: подъ ними еще шевелится кое-что, какъ и въ лучшую пору молодости, и они съумѣютъ еще почернѣть... Эка куда хватилъ: почернѣть! Ну-да вы меня понимаете, надѣюсь,—заключилъ Варгунинъ, еще разъ пожавъ руку Анемподисту Михайлычу.

— Вотъ съ какого тоста слѣдовало бы намъ начать,—весело сказалъ Свѣтловъ, чокаясь, въ свою очередь, съ Матвѣемъ Николаичемъ:—какъ это мнѣ не пришло въ голову раньше? Ну-да все равно—не взыщете. И такъ... да почернѣютъ же ваши сѣдыя кудри!

— Эхъ, господа, я и точно чувствую, что помолодѣлъ съ вами сегодня! замѣтилъ Варгунинъ задушевнымъ тономъ.—Дай Богъ, чтобъ это почаще случалось... Залѣзайте-ка когда нибудь, докторъ, вотъ съ нимъ,—Матвѣй Николаичъ указалъ Ельникову на Свѣтлова, — въ мою хатку... потолковать, поспорить. У меня дома просторно, да и дивана два лишнихъ найдутся, чтобъ не тащиться ночью домой: я, надо вамъ замѣтить, за рѣкой живу—въ деревнѣ, такъ сказать...

— Развѣ вамъ не удобнѣе жить въ городѣ? спросилъ Ельниковъ.

— Удобнѣе-то удобнѣе, да я, признаться, не люблю городской жизни средней руки; по мнѣ, батенька, либо ужъ столица со всей

ея толкотней, а не то такъ деревенская тишина. Злитъ меня эта провинціальная городская жизнь: всѣ, точно, какъ сонныя мухи ходятъ. А главное, знаете, я люблю съ мужиками возиться; весело мнѣ съ ними. У меня, батенька, тутъ кругомъ, верстъ на двадцать отъ города, все пріятели; да такіе, батенька, пріятели, что пожалуй, при случаѣ, и вилами за меня постоятъ, живого-то ужъ не выдадутъ. Это я вѣрно знаю; не шутите съ ними. Вотъ ужо пріѣзжайте, посмотрите-ка...

— А далеко это? полюбопытствовалъ докторъ, насторожившъ уши.

— Да сейчасъ же за рѣкой, первая деревня на горѣ; версты четыре—не больше—будетъ. Хатка у меня своя, чуть не своими руками срубленная; хозяйство маленькое водится, а въ банѣ... ну-ка вотъ догадайтесь-ка вы, умный человѣкъ, что у меня въ банѣ? спросилъ Матвѣй Николаичъ съ широкой улыбкой, обратившись къ Ельникову.

— Ну... трудновато угадать, — замѣтилъ Анемподистъ Михайлычъ, почувствовавшій вдругъ большое уваженіе къ Варгунину.

— Ужъ именно, батюшка, трудновато: школа у меня тамъ деревенская помѣщается.

— Такъ вы, стало быть, по части разведенія школъ-то дока ужъ, Матвѣй Николаичъ? А вѣдь ни слова мнѣ не сказалъ раньше объ этомъ; въ первый разъ слышу. Недобрый какой! сказалъ Свѣтловъ, съ ласковой укоризной.

— Не случалось, батенька; давно ли мы и знакомы: въ четвертый или пятый разъ, кажется, и видимся-то всего; а вотъ теперь къ слову пришлось, такъ и сказалъ.

— Какая же это школа? спросилъ Ельниковъ:—то есть на чей счетъ она содержится?

— Да моя собственная школа. Кстати, вы не проговоритесь гдѣ нибудь объ этомъ... чувствуете?

— А! Вонъ оно что... замѣтилъ Свѣтловъ, съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ посмотрѣвъ на Варгунина.

— Да вы не представляйте себѣ, что это и въ самомъ дѣлѣ школа, со всѣми атрибутами, то есть. Это просто, батенька, баня—

говорю я: чистенькая, разумѣется,—вотъ и все. Мальчуганы босоногіе сидятъ,—кто на лавку, а кто и на полокъ заберется; иной разъ между ними и дѣтъ съ сѣдой бородой торчитъ да тоже тычетъ указкой въ книгу... всякіе у меня водятся. Зато въ деревнѣ теперь только шестеро всего и неграмотныхъ-то, не считая бабъ да совсѣмъ малолѣтнихъ ребятишекъ. Въ послѣднее время, впрочемъ, и бабъ пріохотилъ, начинаютъ похаживать, особливо красныя дѣвушки; теперь и ихъ довѣріе на моей сторонѣ, а то сначала все какъ будто опасались чего-то. Я потому школу въ банѣ устроилъ, что въ хату-то ко мнѣ частенько посторонніе изъ города заглядываютъ,—такъ чтобъ дѣла пустяками не испортить...

— Значитъ, Свѣтловушка у васъ еще не былъ? Вы гдѣ же познакомились-то съ нимъ? спросилъ Ельниковъ.

— У Шустова въ библіотекѣ встрѣтились. Онъ мнѣ, батенька, нечаянно на мозоль наступилъ; съ этого у насъ и разговоръ начался,—улыбнулся Варгунинъ своей широкой улыбкой.

— Вѣдь я тебѣ разсказывалъ тогда. Экая у тебя, братъ, памятъ-то дѣвичья! замѣтилъ Анепондисту Михайлычу Свѣтловъ, шутливо покачавъ головой.

— Да, да; теперь вспомнилъ дѣйствительно. Такъ это объ васъ шла тогда рѣчь? Ужъ и насмѣшилъ же, батюшка, онъ меня въ то время,—сказалъ докторъ, садясь возлѣ Матвѣя Николаича.

— Да мы и всю библіотеку тогдана смѣшили, батенька.—подтвердилъ Варгунинъ.—Вообразите: онъ стоялъ на скамейкѣ,—на верхней полкѣ шкафа книги просматривалъ, а я подлѣ стоялъ—тоже рылся въ книгахъ. То ли онъ увлекся, задумался, или что, только оступился вдругъ да каблукомъ-то и хвать мнѣ прямо въ самую мозоль; да такъ, батенька, больно, что я даже вскрикнулъ, и ужъ самъ теперь не соображу хорошенько, какъ мы очутились съ нимъ потомъ оба на полу, сидя другъ противъ друга. Я говорю: „Вы мнѣ на мозоль, милостивый государь, наступили“: а онъ говоритъ: „А вы зачѣмъ меня“—говоритъ—„толкнули, милостивый государь?“ Ему показалось, видите ли, что я его толк-

нулъ; онъ думалъ, что оттого и соскользнулъ со скамейки. Такъ мы тогда, сидя на полу, и объяснились, и познакомились тутъ, отрекомендовались другъ-другу по всѣмъ правиламъ...

Матвѣй Николаичъ добродушно захохоталъ. Александръ Васильичъ съ Ельниковымъ дружно послѣдовали его примѣру.

Долго еще длилась въ этотъ вечеръ ихъ оживленная бесѣда. Возвратившіеся домой, часовъ въ одинадцать ночи, старики Свѣтловы не могли переждать веселаго говора въ комнатѣ сына; они поужинали одни, выславъ гостямъ его по порціи бифштекса, и улеглись. Правда, громкій голосъ Варгунина долго еще возмущалъ уши Ирины Васильевны, но понемногу и она заснула подъ этотъ общій веселый говоръ. А жаль: именно въ ту минуту, какъ стала забываться старушка, Матвѣй Николаичъ разсказывалъ самыя интересныя вещи о своемъ прошломъ. Вино и неожиданное сближеніе съ Ельниковымъ послѣ ихъ первоначальной легонькой размолвки, совершенно развязали ему языкъ. Тутъ бы изъ первыхъ устъ прослушала Ирина Васильевна такъ сильно пугавшую ее исторію „покушенія“ — „старые грѣхи“, какъ называлъ эту исторію самъ разсказчикъ. Во многомъ бы, можетъ быть, измѣнила старушка свой взглядъ на „косматаго“, даже примирилась бы съ нимъ, пожалуй; да вотъ видите же!—какъ на грѣхъ въ это время заснула. А былъ одинъ человѣчекъ, очень маленькій человѣчекъ, который не проронилъ ни слова изъ занимательной исповѣди Варгунина; это былъ именно Владимірко, воровски покинувшій мать и подслушивавшій у дверей, сидя на корточкахъ, босой и въ одной рубашкѣ. Онъ порядочно продрогъ тутъ, но не ушелъ раньше, пока не дослушалъ самаго интереснаго. И мы не поставимъ этого въ вину маленькому человѣчку, не назовемъ его поступка нехорошимъ именемъ, по двумъ, очень уважительнымъ причинамъ: во-первыхъ потому, что мальчикъ никому, кромѣ брата, ни слова не проронилъ на другой день о томъ, что слышалъ, а во-вторыхъ и потому еще, что Александръ Васильичъ сказалъ ему какъ-то разъ, что онъ, Владимірко, можетъ во всякое время свободно присутствовать въ

его комнатѣ, о чемъ бы тамъ ни говорилось. Владимірко это хорошо понялъ, и если слушалъ теперь у дверей, а не въ самомъ кабинетѣ брата, то имѣлъ на это достаточное для ребенка его лѣтъ основаніе: ему просто лѣнь было одѣться, а показаться въ своемъ настоящемъ видѣ онъ совѣстился. Впрочемъ, надо сказать и то, что Владимірко, какъ только вернулся съ стариками домой, сейчасъ же явился къ Александру Васильичу и поздоровался съ его гостями; но старики потребовали его къ ужину, а потомъ ему пришлось раздѣться, чтобъ не остаться въ сильномъ подозрѣніи, тѣмъ болѣе, что сестра зорко начала слѣдить за нимъ въ послѣднее время. Что въ поступкѣ мальчика не было и тѣни чего-либо дурного, лучше всего свидѣтельствовало то обстоятельство, что на другой же день утромъ, онъ, воспользовавшись удобной минутой, передалъ брату свои маленькія думы по поводу подслушанной имъ вчера бесѣды, разспрашивая Александра Васильича обо-многомъ, что казалось темнымъ дѣтскому умишку. Стало быть, онъ не прятался съ своимъ поступкомъ, не чувствовалъ за нимъ ничего нехорошаго. „Косматый“ ему очень понравился.

Понравился этотъ „косматый“ и Ельникову. Ужъ вѣрно понравился, если Анемподистъ Михайлычъ, съ перваго же знакомства, пошелъ проводить его до дому, переѣхалъ съ нимъ черезъ рѣку, версты три шелъ въ гору, выкурилъ у него въ хаткѣ папироску, и тѣмъ же путемъ вернулся домой, часа въ четыре утра. Ельниковъ, по всей вѣроятности, и переночевалъ бы у Матвѣя Николаича, еслибъ приколоченная надъ квартирой доктора вывѣска не гласила, что онъ съ восьми часовъ утра принимаетъ больныхъ...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СВѢТЛОВЪ.

Омулевскій.

СВѢТЛОВЪ,

ЕГО ВЗГЛЯДЫ, ХАРАКТЕРЪ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

(Шагъ за шагомъ).

РОМАНЪ

Часть вторая.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1870.
Типографія А Моригеровскаго, Троицкій переулокъ, № 13.

ГЛАВА I.

Ранніе годы Свѣтлова.

Теперь намъ придется сдѣлать значительный шагъ назадъ и повести читателя въ золотую даль дѣтства и юности Свѣтлова, гдѣ, какъ лучи въ оптическомъ фокусѣ, сосредоточиваются всѣ первоначальныя условія, по направленію которыхъ развивался впослѣдствіи характеръ нашего главнаго дѣйствующаго лица. Тамъ, изъ этой золотой дали, выступятъ передъ нами постепенно сперва фигура Свѣтлова-ребенка, а за ней фигура Свѣтлова-юноши, и, можетъ быть, намъ посчастливится выяснить по этимъ двумъ фигурамъ и ту третью, которая въ образѣ вполнѣ уже сформировавшейся личности выведена нами передъ глаза читателя. Не безъ робости осмѣливаемся мы приподнять таинственную завѣсу, отдѣляющую насъ отъ этой дали; но мы обязаны сдѣлать это...

Въ тѣ блаженной памяти блаженныя времена, когда у камчатскаго исправника Свѣтлова родился его первенецъ, Петропавловскій портъ, удаленный почти на двѣнадцать тысячъ верстъ отъ Петербурга, представлялъ и долженъ былъ представлять весьма характерное мѣстечко. Время, конечно, успѣло измѣнить его съ тѣхъ поръ во многомъ даже относительно наружности, но мы нарисуемъ его такимъ, какимъ сохранился онъ въ памяти Александра Васильича; а въ этой памяти онъ сохранился живо, свѣжо. Да и

нельзя было ему, впрочемъ, не сохраниться въ ней: слишкомъ много рѣзкихъ дѣтскихъ впечатлѣній говорило о немъ. Въ минуты послѣобѣденнаго отдыха, когда легкая дремота дѣлаетъ умъ особенно наклоннымъ къ иллюзіямъ, Свѣтлову стоитъ только закрыть глаза, чтобъ передъ нимъ въ очію потянулись давно покинутыя, родныя мѣста...

И вотъ видитъ онъ опять, какъ у себя на ладони, этотъ прекраснѣйшій и просторнѣйшій въ мірѣ заливъ, именуемый Авачинской губой, вдали устье и при немъ одиноко торчащіе изъ воды, точно сторожа, *Три брата* — большія колонообразныя скалы. А ближе перерѣзываетъ заливъ, отдѣляя большую губу отъ малой, *Кошка* — песчаная отмель, словно мостъ, перекинутая съ одного берега на другой и оставившая направо только узкій, но глубокій проходъ, какъ разъ для ввода судовъ на зимнюю стоянку. Вдоль всей *Кошки* тянутся деревянныя сваи, а на сваяхъ выстроены такіе же деревянные амбары для просушки *юколы* — вяленой рыбы, составляющей постоянную пищу камчатскихъ собакъ. Въ жаркій лѣтній день она такъ и горитъ рубинами на солнцѣ, такъ и сквозится, точно гроздія крупной красной смородины. Александръ Васильичъ даже ощущаетъ какъ будто самый вкусъ этого, когда-то такъ лакомаго для него, рыбнаго блюда. Немного далѣе *Кошки* круто выступаетъ изъ воды *Сигнальный мысъ*, съ мачтой на вершинѣ и съ русскимъ, нѣсколько разъ перекрещеннымъ, флагомъ на мачтѣ. Ближе видѣнъ *Перешеекъ*, съ убогимъ, доморощеннымъ памятникомъ въ честь Лаперуза; а еще ближе, по берегу малой губы, тянутся далеко въ гору безпорядочно разбросанные здѣсь и тамъ приземистые деревянные домики съ соломенными крышами. Это и есть собственно портъ. Свѣтловъ мысленно идетъ мимо незатѣйливыхъ построекъ, ловко перепрыгивая извилистые ручьи, съ веселымъ бодрымъ шумомъ сбѣгающіе внизъ, въ малую губу. И какъ много ихъ попадается ему на дорогѣ! Но это не случайные дождевые потоки, а постоянные горные ключи; вода въ нихъ холодна даже въ самую жаркую пору лѣта и про-

зрачна, какъ кристалъ золотистаго топаза. Домики нарочно по нимъ и лѣпятся, чтобъ свѣжая вода всегда была подъ рукою, такъ-что черезъ любой дворъ протекаетъ ключъ. Впрочемъ, дворовъ въ обыкновенномъ смыслѣ, огороженныхъ заборомъ,—нѣтъ, а ихъ просто замѣняетъ здѣсь извѣстное пространство, какое заблагоразсудилось хозяину считать своимъ владѣніемъ; только огороды обнесены невысокимъ плетнемъ изъ гибкаго тальника, чтобъ свободно гуляющія по улицамъ коровы не лакомились хозяйской капустой. Да и улицъ-то собственно нѣтъ, за исключеніемъ одной, громко именуемой петропавловцами то *пришпехтомъ*, то проспектомъ, смотря по лицу; все же остальное представляетъ только какіе-то узенькіе, извилистые переходы, со множествомъ перекинутыхъ черезъ нихъ импровизированныхъ мостиковъ, чаще всего въ видѣ простой доски. За то при столкновеніи на этихъ переходахъ и мостикахъ, каждый обыватель порта можетъ безошибочно назвать любое встрѣченное лицо по чину, имени, отечеству и фамиліи. Свѣтловъ тоже узнаетъ и называетъ всякаго встрѣчнаго. Но вотъ домики пройдены, миновалъ послѣдній плетень, миновалъ и ветхій деревянный сарай съ никогда неупотреблявшимися въ дѣло пожарными инструментами, а ключи, какъ змѣи, вьются съ горы, орошая густо ростущій по берегамъ ихъ малинникъ. Боже мой, ягодъ-то, ягодъ-то сколько! У Свѣтлова, какъ въ дѣтствѣ, даже духъ захватило отъ удовольствія. Набираетъ онъ ихъ горсть, другую, ѣстъ, и снова набираетъ пригоршни. Надоѣло, наконецъ, собирать, — и ребенокъ, заслонясь рукой отъ яркаго солнца, жадно всматривается впередъ, вдаль. Тамъ сперва все мелкій лѣсъ идетъ, постепенно взбираясь выше и выше, а за нимъ выростаетъ уже гора съ косматымъ гребнемъ, точно грива у разсерженнаго звѣря. И куда ни уставится зоркій глазокъ — вездѣ вокругъ все тѣ же косматыя горы таинственно манятъ къ себѣ дѣтское любопытство. Но особенно неодолимо какъ-то возбуждаетъ его величественно выступающій вдали, изъ-за этихъ горъ, бѣлый, какъ сахарная голова, снѣжный конусъ Авачинской сопки. Съ вершины конуса змѣй-

кой ползетъ къ нему легкій сѣрый дымокъ. „Опеть курится“ — объясняетъ Свѣтлову-ребенку сопровождающій его казакъ Оноховъ, указывая рукой на дымящуюся вершину. Мальчикъ пристально смотритъ, и вдругъ глаза его перебѣгаютъ ниже, къ небольшому озеру направо, гдѣ имѣетъ обыкновеніе купаться въ такую пору Василій Андреичъ. Ребенокъ зоветъ туда Онохова, будто бы встрѣчать папу; но дѣло собственно не въ папѣ, а въ *хахальчѣ* — маленькой колючей рыбкѣ, которая въ такомъ избыткѣ водится въ этомъ озерѣ, что ее можно черпать оттуда пригоршнями. „Какой же я лукавый былъ!“ думаетъ Александръ Васильичъ, останавливаясь подольше на этомъ воспоминаніи и усиливаясь представить себѣ наглядно свою тогдашнюю фигурку. Воображеніе рисуетъ ему неуклюжаго мальчугана, съ широкой, загорѣвшей рожицей, въ розовой ситцевой рубашкѣ, опоясанной позументнымъ кушачкомъ. „Это какъ я еще очень маленькимъ былъ, когда меня одного далеко не пускали, а черезъ мостики переносилъ на рукахъ Оноховъ“, думается Свѣтлову. Но вотъ они спускаются съ горы къ озеру, а налѣво море такъ и сверкаетъ на солнцѣ, точно исполинскій брильянтъ. Сколько тамъ китоловныхъ судовъ стоитъ на якорѣ подъ всевозможными флагами! Вонъ и еще одно показывается изъ-за устья, сѣрое да маленькое, словно чайка. Съ озера, вдоволь наловивъ тамъ *хахальчи* (Богъ вѣсть зачѣмъ, такъ-какъ ее не ѣдятъ), Оноховъ съ мальчикомъ идутъ на батарею передъ гауптвахтой. „У, какъ дулища страшно смотрятъ!“ мелькаетъ въ головѣ Александра Васильича дѣтское впечатлѣніе, вызванное пушками. „Тогда я еще безъ всякаго анализа глазѣлъ на все“, снова думается Свѣтлову,—и вдругъ, по неисповѣдимой прихоти, воображеніе рисуетъ ему ту же мѣстность, но въ совершенно другой картинѣ...

Все побѣлѣло кругомъ: и домики, и горы, и озеро, и море до самаго устья; даже ключи побѣлѣли, такъ-что и не отличишь теперь сразу этихъ знакомыхъ предметовъ отъ снѣжнаго конуса сопки, — и все это точно мелкими алмазами усѣяно, блеститъ и искрится, даже глазамъ больно. Но что сталось съ петропавлов-

скими домиками? Они словно присѣли и смотрятъ откуда-то снизу, какъ стаканы и чашки изъ гнѣздъ дорожнаго погребца. Это отъ того, что большіе снѣга выпали. Проснулись въ одно прекрасное утро петропавловцы и видятъ, что совсѣмъ занесло ихъ низенькія жилища, такъ что и свѣту изъ оконъ не видно. Нечего дѣлать, принялись за работу, — и къ полудню, въ портѣ, вмѣсто улицъ образовались снѣжные коридоры, а вокругъ домиковъ выросли снѣжные заборы, да такіе высокіе, что хоть куда: пожалуй-что и не вскарабкаешься на нихъ. Только послѣ этого открылось правильное сообщеніе между жителями. „Вотъ и мама“—мерещится Свѣтлову—„поѣхала съ визитомъ къ начальницѣ“. Пять добрыхъ собакъ въ щегольскихъ красныхъ *алыкахъ*—мѣстной упряжи—легко и быстро мчатъ по снѣжнымъ коридорамъ ея выѣздную повозку, благо обитые китовой костью полозья только скользятъ по свѣжему, рыхлому снѣжку. Передъ каждымъ домикомъ появились теперь ямки въ снѣгу, а въ ямкахъ лежатъ, привязанныя къ вбитымъ около нихъ колышкамъ, камчатскія собаки. Иныя изъ этихъ животныхъ какъ-то забавно—тяжело дышатъ, высунувъ длинные красные языки,—значитъ, только-что въ дѣлѣ были. А вотъ имъ и *юколу* несетъ камчадалъ-работникъ, перекинувъ ее черезъ плечо въ видѣ двухъ переметныхъ сумъ. Взбеленились собаки, такъ и рвутся къ нему со всѣхъ ногъ; нѣкоторыя даже и колышки повыдергивали, утащивъ ихъ за собой. А воронъ-то, воронъ-то сколько налетѣло на этотъ пиръ! и какія все жадныя да смѣлыя: изъ-подъ рукъ у камчадала, бестіи, тащатъ рыбу. Подойдетъ какъ-то бочкомъ да и схватитъ. Иную собака лапой дернетъ, а та, въ свою очередь, клюнетъ собаку въ лапу, и опять за свое дѣло, какъ будто такъ оно и слѣдовало, да вѣдь какъ дружно-то. Но вотъ, вдругъ зоркіе глаза камчадала-работника лихорадочно загорѣлись; оставивъ въ покоѣ назойливыхъ птицъ, онъ весь превратился въ зрѣніе, слѣдя за какой-то быстро движущейся фигурой по горѣ, напротивъ. Это мѣстный почтмейстеръ—заклятый охотникъ—гонится на лыжахъ за лисицей, благо почта только два раза въ годъ приходитъ въ портъ...

Странно, однако, что не смотря на совершенную противоположность этихъ двухъ картинъ, зимы и лѣта, въ той и другой лежитъ какое-то одинаковое грандіозное спокойствіе. Горы не громоздятся здѣсь въ безпорядкѣ одна на другую, а какъ-то постепенно, мягко выдвигаются одна изъ-за другой, не пугая глаза рѣзкими переходами, не утомляя его однообразіемъ. Даже въ бурю море, почти одинаково шумящее здѣсь зимой и лѣтомъ, даже и оно какъ будто носитъ на себѣ печать того же спокойствія, гармонируя съ остальной природой: въ этихъ горахъ шумъ его слышится будто издали. „Порядочно-таки прихватилъ я у родины наружнаго покоя“, съ улыбкой думаетъ Александръ Васильичъ, сопоставляя въ умѣ двѣ промелькнувшія передъ нимъ картины: „во мнѣ, какъ вонъ въ той сопкѣ, снаружи какъ будто все спокойно, только дымокъ чуть видѣнъ, а между тѣмъ, внутри, подъ этой ледяной корой, все горитъ и клокочетъ, шумитъ, какъ море... Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, природа способна такъ явственно налагать печать свою на человѣка?“ И опять тянутся передъ Свѣтловымъ картина за картиной, воспоминаніе за воспоминаніемъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не стряхнетъ съ себя послѣобѣденную дремоту...

Память и воображеніе не лгали Александру Васильичу, когда рисовали передъ нимъ его дѣтскую фигурку въ видѣ неуклюжаго мальчугана: маленькій Саша былъ, дѣйствительно, неуклюжій мальчикъ, отнюдь необѣщавшій развиться въ ту стройную фигуру, какая прошла передъ нами въ началѣ нашего разсказа. У Саши было круглое, красноватое, точно разъ-навсегда загорѣвшее, грубое лицо, со множествомъ веснушекъ. Такія лица очень часто встрѣчаются у уличныхъ мальчишекъ, вѣчно роющихся въ землѣ. Саша, впрочемъ, и росъ, какъ они: только проливной дождь могъ загнать его домой съ улицы, да и то не всегда, не безо-зву. Но не смотря на свою неуклюжесть и видимую неловкость, онъ былъ проворный и, по своему, даже очень ловкій мальчуганъ. Именно—по своему. Неловкость онъ обнаруживалъ, обыкновенно, дома только въ комнатахъ, то за чайнымъ столомъ, то за обѣдомъ, особливо при по-

стороннихъ. Тоже случалось съ нимъ и тогда, когда его, чуть не насильно, уводили куда нибудь въ гости; не было для Саши непріятности хуже этой, и „гости“ никогда не обходились ему безъ слезъ, сидѣли-ли они у Свѣтловыхъ, или сами Свѣтловы были въ гостяхъ. Вообще, въ комнатахъ, ребенокъ чувствовалъ, что его точно гнететъ все: и сапожки жмутъ ногу, и воротъ рубашки давитъ, и тѣсно будто въ комнатѣ,—какъ тутъ не разбить чашки, не пролить отцовской чернильницы, не ляпнуть на брючки жирное пятно во всю колѣнку? А съ виду — смирный такой мальчикъ; только ни на минуту нельзя отвернуться отъ него: что нибудь да напроказитъ. „Платье—такъ просто горитъ на немъ“—жаловалась иногда Ирина Васильевна на сына знакомымъ. Но едва затворялась за Сашей комнатная дверь, неуклюжій смиренникъ совершенно перерождался. Въ цѣломъ портѣ не нашлось бы ему достойнаго соперника, когда, съ ловкостью соболя, онъ перепрыгивалъ съ камешка на камешекъ черезъ любой ключъ; ни одинъ мальчикъ не отыскалъ бы скорѣе него гнѣзда птички, гдѣ нибудь въ глухозаросшемъ кусту. Другой—только еще глазами поводитъ, отыскивая, откуда вспорхнула насѣдка, а Саша ужъ пробуетъ языкомъ вкусъ сѣренькаго либо голубого яичка. На солнечномъ склонѣ горы, подъ которой стоялъ домикъ, занимаемый Свѣтловыми, Сашѣ была знакома малѣйшая тропинка, чуть ли не съ пятилѣтняго возраста; за то ужъ и спрятаться тамъ никто не могъ лучше его: хоть цѣлый день до вечера ищи—не найдешь, точно въ воду канулъ. Ищутъ, ищутъ его, бывало, сверстники, всѣ кусты обойдутъ, упарятся, да такъ и бросятъ напрасные поиски, присѣвъ отдохнуть гдѣ нибудь у ключа. А Саша, между тѣмъ, тутъ же, подлѣ, сидитъ себѣ въ густомъ малинникѣ за камнемъ да улыбается во весь ротъ до ушей, лукаво выглядывая на нихъ изъ своей засады. И если онъ съ улицы являлся иногда на глаза Ирины Васильевны въ такомъ красивомъ видѣ, что та только руками всплескивала, то это происходило отнюдь не отъ неловкости ребенка, а скорѣе отъ его излишней увѣренности въ своей

ловкости. Предстанетъ онъ, бывало, поглядывая робко и изподлобья, весь мокрый, — такъ-таки съ ногъ до головы весь мокрый,—а не то съ одной верхней половиной гачи на ногѣ. „За сукъ задѣлъ“ либо „Въ ключъ провалился“, угрюмо потупившись объяснитъ онъ матери, смотря по надобности; но изъ умныхъ темно-голубыхъ глазъ ребенка такъ и брыжжетъ лукавство, веселость да смѣлость, несмотря на смиренную позу. „Съ чистыми мальчиками такъ вотъ не любитъ играть“, замѣчаетъ не то ласково, не то сердито, какъ бы для себя, но вслухъ, Ирина Васильевна, предварительно выбранивъ хорошенько сына. Подъ „чистыми мальчиками“ она разумѣла дѣтей такъ-называемаго благороднаго происхожденія. Такія дѣти, казалось ей, ужъ по самой своей природѣ неспособны ни рыться цѣлый день въ землѣ, ни проваливаться въ ключи, ни оставлять на суку гачи, хотя этому и противорѣчила ежедневная практика ея собственнаго дѣтища благороднаго происхожденія. Дѣйствительно, Саша не любилъ водиться съ „чистыми мальчиками“; если они и приходили къ нему, или онъ къ нимъ, то „въ наказанье“, какъ думалъ ребенокъ. Ему, чаще всего запачканному либо оборванному, какъ-то не подъ пару были эти „чистые мальчики“: съ ними, у него разомъ пропадали и веселость, и ловкость, и смѣлость; опять ему сапожки жали ногу, опять давилъ его воротъ рубашки. Саша съ любопытствомъ посматривалъ на этихъ маленькихъ джентельменовъ; но ихъ заученыя манеры, нѣжность и бѣлизна ихъ тѣла, ихъ подозрительная развязность—все это отталкивало почему-то ребенка. Чуть покрѣпче задѣнешь кого нибудь изъ нихъ—сейчасъ ужъ и слезы, и жалоба домашнимъ, пожалуй. То ли дѣло сверстники Саши: попробуй, задѣнь-ка ихъ хорошенько,—они плакать не станутъ, а сами тебя задѣнутъ, да такъ, что долго будешь помнить; но жаловаться ни одинъ не пойдетъ. А сверстниковъ у него было много: съ любымъ уличнымъ мальчишкой онъ тотчасъ же заводилъ знакомство и зналъ ихъ въ портѣ всѣхъ на перечетъ. Однакожъ, настоящихъ любимцовъ у Саши было только двое; ими считались нѣкіе „Павка“ и „Вась-

ка“—дѣти одной матросской вдовы, жившей тогда въ услуженіи у Свѣтловыхъ. Павка отличался нѣкоторою степенностью, но постоянно получалъ выговоры отъ матери за „сосульки подъ носомъ“. Васька былъ черномазый, какъ цыганенокъ, мальчикъ, рѣзвый и лукавый до крайности; онъ постоянно щеголялъ босикомъ и безъ одной гачи, такъ-какъ пришивать ее было бы безполезно, „на одинъ часъ только“, какъ основательно замѣчала его мать. Ростій вмѣстѣ съ ними Саша любилъ ихъ безъ памяти, и они, всѣ трое, были неразлучными друзьями.

Маленькій Свѣтловъ развивался на совершенной свободѣ. До пяти лѣтъ, правда, за нимъ былъ еще кой-какой присмотръ; напримѣръ, его не пускали далеко одного, безъ Онохова, часто спохватывались, если мальчикъ пропадалъ изъ глазъ на полчаса или часъ. Но съ этого возраста ребенка почти предоставили самому себѣ. У насъ въ невзыскательныхъ семьяхъ средняго сословія это устраивается какъ-то само собой: разъ не спохватились ребенка, забыли часа на два, а онъ, смотрятъ, вернулся цѣлехонекъ; повторится это потомъ, также благополучно, еще раза два—и войдетъ всѣмъ въ привычку. Тоже было и въ семьѣ Свѣтловыхъ; по истинѣ, заря, бывало, выгонитъ Сашу, заря и вгонитъ; никто въ домѣ и вниманія не обратитъ, куда дѣлся мальчикъ. „Бѣгаетъ, вѣрно, гдѣ нибудь на улицѣ съ ребятишками“, подумаютъ на минуту отецъ и мать, и успокоятся. „Въ эти-то годы ему вѣдь только и побѣгать на волѣ“—можетъ быть, справедливо размышляли они. Существованія на свѣтѣ такой мудреной штуки, какъ воспитаніе, Свѣтловы даже и не подозрѣвали. Напоить, накормить да одѣть ребенка, либо поставить его въ уголъ, коли ужъ очень напроказитъ,—вотъ все, что они считали, въ отношеніи къ Сашѣ, своей родительской обязанностью и, пожалуй, системой воспитанія. „Чего его рано учить-то—мучить!—поспѣетъ еще“ — замѣтила однажды Ирина Васильевна мужу при семейномъ разговорѣ объ этомъ предметѣ, когда мальчику пошелъ уже девятый годъ. А раньше объ ученьи не могло быть и рѣчи между ними, хотя нѣ-

которые знакомые еще и прежде совѣтовали имъ посадить ребенка за азбуку. Кто знаетъ, можетъ быть, и правы были Свѣтловы, предоставляя своему первенцу полную свободу изучать непосредственно широкій Божій міръ. Какъ бы то ни было, но дѣтскіе опыты Саши надъ природой не всегда проходили безопасно для него, хоть онъ, въ концѣ концовъ, и уходилъ отъ нихъ цѣлехонекъ. Въ семьѣ, разумѣется, никогда не знали, чѣмъ рисковалъ иногда поплатиться мальчикъ за свою свободу, такъ-какъ онъ никому, кромѣ Павки и Васьки, о своихъ приключеніяхъ не разсказывалъ; они же весьма разумно смѣкали, что выдать Сашеньку—значитъ, выдать самихъ себя, да и законы товарищества были какъ-то не по дѣтски прочно развиты у этихъ непосредственныхъ натуръ. А бывали, подчасъ, съ Сашей приключенія вотъ какого рода:

Засѣло ему разъ въ голову, нельзя ли какъ нибудь посмотрѣть, что находится вонъ за той „большущей горой“, что возвышается у нихъ передъ домомъ? До того времени мальчикъ обыкновенно только до половины взбирался на нее, а дальше ходить казалось страшно, даже и втроемъ; но тутъ какъ пить захотѣлось, куда и страхъ дѣлся. Павка и Васька въ одну минуту дали подговорить себя на смѣлый подвигъ. На другое же утро, мальчуганы поднялись ни свѣтъ-ни заря, воровски запаслись на кухнѣ кое-какой провизіей, вытащили изъ плетня у огорода по палкѣ — и маршъ въ гору. Путешествіе было очень соблазнительно. Хоть шли сперва и по знакомымъ тропинкамъ, но дальше эти тропинки становились все незнакомѣе, и наконецъ осталась всего только одна, да узенькая такая. Однакожъ, путешественники не унываютъ. По дорогѣ они открыли источникъ одного ключа, съ любопытствомъ разсѣлись вокругъ него на камушкахъ, тутъ же всласть позавтракали, лежа на брюхѣ, испили ртомъ холодной водицы—и опять маршъ дальше. Идутъ себѣ бодро, не оглядываясь назадъ, переговариваются между собой, либо толкнутъ одинъ другого въ густую траву — и всѣ весело расхохочутся. Вотъ ужъ и до вершины недалеко, а

время за полдень. Тутъ съ ними случилось нѣчто забавное: шли-шли, да вдругъ, точно по уговору, и обернулись всѣ разомъ, чтобъ посмотрѣть, что у нихъ назади. А назади было на что поглядѣть: Петропавловскій портъ лежалъ передъ ними, какъ на блюдечкѣ, хорошенькій такой да маленькій. Но именно это послѣднее обстоятельство и озадачило Павку съ Васькой, — что ужъ очень маленькимъ кажется портъ. Они струсили и отказались идти дальше. „Отчего, Пава? Отчего, Вася? Пойдемте!“ — приставалъ Саша поперемѣнно то къ одному, то къ другому; но это нисколько не подѣйствовало на храбрость его спутниковъ. Мальчуганы разомъ смѣкнули, что вѣдь они дома могутъ получить порку отъ матери за такое путешествіе, коли о немъ провѣдаютъ, а Сашеньку-то много-что въ темный уголъ поставятъ вечеромъ, такъ ему хорошо звать ихъ на самый верхъ. Собственно говоря, они, на этотъ разъ, разошлись съ нимъ въ стремленіяхъ: Саша съ тѣмъ и пошелъ, чтобъ посмотрѣть, что тамъ, за горой, а Павкѣ и Васькѣ не было никакого дѣла до этого, лишь бы пошататься по новымъ мѣстамъ. Во всякомъ случаѣ, неожиданное препятствіе раздражило еще больше любопытство ребенка. Спутники его, однако, стояли на своемъ твердо. Наконецъ, послѣ многихъ неудачныхъ переговоровъ, рѣшили, что Саша пойдетъ на верхъ одинъ, а Павка и Васька подождутъ его здѣсь, на мѣстѣ, — и провизію раздѣлили. Маленькій Свѣтловъ поблѣднѣлъ было, но бодро пошелъ впередъ. „Зачѣмъ вы, Сашенька, идете? Ужо вотъ что маонька-то скажетъ!“ безполезно попытался остановить его Васька. У этого мальчугана ужъ такая манера была — прежде всего громко очистить совѣсть; самъ же, бывало, и наведетъ товарища на какую нибудь неудобоисполнимую мысль, подстрекаетъ, а какъ дойдетъ до дѣла, сейчасъ и отговаривать примется, — совѣсть, значитъ, громко очищаетъ. Жутко Сашѣ идти одному на вершину горы, вступать въ этотъ таинственный, косматый гребень, а все-таки идетъ, не оглядываясь. Еще нѣсколько шаговъ — и вотъ онъ ужъ на вершинѣ; посмотрѣлъ впередъ, внизъ — и обо-

млѣлъ, духъ захватило отъ восторга. Широкая, дѣйствительно захватывающая духъ картина лежала передъ нимъ: открытое море за устьемъ. Китоловное судно, шедшее на всѣхъ парусахъ по направленію къ этому устью, такъ и ныряло, какъ чайка, перерѣзывая исполинскіе, пѣнистые гребни расходившихся волнъ. Такого простора и такихъ волнъ еще никогда не видывалъ Саша. Онъ долго не могъ оторваться отъ чудной картины, стоя передъ ней съ широко открытыми ртомъ и глазами. Но мало-по-малу это первое, страстное впечатлѣніе приняло у него болѣе спокойную форму—перешло въ тихое наслажденіе. „Туда бы, на берегъ, побѣжать“, мелькнуло въ головѣ ребенка, и онъ ужъ было и ногу занесъ впередъ, внизъ, но тутъ же и разочаровался: внизу чернѣлъ непроходимый лѣсъ, торчали горы и пригорки, такъ-что и отсюда, съ вершины, до моря было также далеко, какъ и отъ Петропавловскаго порта. Привыкшій къ природѣ глазъ мальчика сразу оцѣнилъ разстояніе, какъ только всмотрѣлся въ него. Теперь Сашѣ оставалось только поторопиться домой, тѣмъ болѣе, что солнце начинало ужь садиться; но взглядъ мальчика нечаянно упалъ на площадку внизу, краснѣвшую спѣлой брусникой. Искусительно показалось ребенку. Сбѣжалъ онъ къ площадкѣ и присѣлъ на ягодахъ, забывъ было обо всемъ, даже и о товарищахъ. Но не прошло и пяти минутъ, какъ до слуха мальчика долетѣлъ какой-то странный, неопредѣленный звукъ, раздавшійся невдалекѣ отъ него. Саша быстро обернулся—и такъ и окоченѣлъ на мѣстѣ, гдѣ стоялъ. Да и было отчего окоченѣть, даже не ребенку: въ какихъ нибудь саженяхъ четырехъ отъ него—не больше, на окраинѣ той же самой площадки, только немного пониже, преспокойно лакомился ягодой огромный черный медвѣдь, сгребая ее вмѣстѣ съ листьями въ ротъ своей неуклюжей лапой. Саша видѣлъ одинъ разъ въ портѣ ручного медвѣдя, вспомнилъ, что это за штука такая, — и сердце у него упало, въ лицѣ не стало ни кровинки. Минутъ пять просидѣлъ онъ такъ, не шевелясь, не смѣя дохнуть, и вдругъ закричалъ изо всей мочи. Былъ ли то долго задержан-

ный волненіемъ крикъ испуга, или что другое, во всякомъ случаѣ, голосъ ребенка замѣтно озадачилъ незваного непріятеля. Отъѣвшійся до отвалу на ягодахъ и кедровыхъ шишкахъ, сытый камчатскій Таптыгинъ только слегка привсталъ на дыбы, раза два фыркнулъ, и опрометью пустился бѣжать внизъ, подъ гору, сердито ворча и неловко перекувыркиваясь дорогой. Саша тоже пустился бѣжать что было въ немъ духу. Вечерѣло ужъ, когда мальчикъ добѣжалъ до перепугавшихся за него и за себя товарищей. Какъ только завидѣлъ онъ ихъ, такъ и упалъ тутъ же, на мѣстѣ, на траву, едва переводя дыханіе. Черезъ полчаса, возвращаясь съ ними домой, ребенокъ то и дѣло нервически вздрагивалъ, но о встрѣчѣ съ медвѣдемъ не проронилъ почему-то ни слова. На всѣ разспросы, отчего онъ такъ бѣжалъ съ горы, Саша только односложно отвѣтилъ нѣсколько разъ: „Торопился“. А у самого неотвязно вертѣлось на умѣ, вплоть до дома: „Видно вотъ этотъ же медвѣдь и ободралъ нынѣшней весной начальниковскую корову?“ Солоно пришлось отдѣлаться за свою прогулку смѣлымъ путешественникамъ, вернувшимся домой къ самому ужину; особенно досталось Павкѣ и Васькѣ, которыхъ мать, сейчасъ же послѣ ужина, отвела на сарай, откуда черезъ нѣсколько минутъ и донеслись до Саши, стоявшаго въ углу темной залы, ихъ попеременно вопіющіе голоса: „Никогда, маонька, впередъ не буду!...“

Замѣчательно, что именно вслѣдъ за этимъ случаемъ обнаружилась у Саши правильная способность размышлять, провѣрять свои впечатлѣнія чужими, словомъ — анализировать. До того времени онъ только безотчетно поглядывалъ на все съ жаднымъ дѣтскимъ любопытствомъ, какъ будто не различая предметовъ; любилъ очень слушать, когда при немъ что нибудь разсказывали, но почти никогда ни о чемъ не разспрашивалъ, какъ обыкновенно поступаютъ дѣти. Видитъ онъ, бывало, что утка плаваетъ, а курица нѣтъ, но ни у кого не спроситъ: отчего эта разница? Даже къ своимъ закадычнымъ любимцамъ, Павкѣ и Васькѣ, мальчикъ ни разу не обращался съ подобнымъ вопросомъ; то ли инстинктъ подсказы-

валъ ему, что правильнаго объясненія онъ пока ни отъ кого изъ окружающихъ не получитъ, то ли дѣйствительно ребенокъ не интересовался этимъ. „Видно, любитъ до всего своимъ умишкомъ доходить“, по просту объясняла такую странность Ирина Васильевна. Но послѣ случая съ медвѣдемъ, не было проходу ни ей, ни остальнымъ домашнимъ отъ безчисленныхъ вопросовъ мальчика. „Все ему разскажи, какъ на ладонь выложи“ — замѣчала мать. Саша, послѣ того, даже какъ будто выросъ немного, выпрямился, сталъ развязнѣе, точно прибавилось къ нему что-то. Не дешево досталось ребенку это „что-то“, но за то досталось, видно, нѣчто прочное; по крайней мѣрѣ, Сашѣ казалось, что онъ знаетъ теперь то, чего во всемъ Петропавловскомъ портѣ никто другой не знаетъ,— что вонъ съ этой „большущей горы“ открытое море видно. „Кабы знали, такъ ходили бы туда“, думалось ему. А знаніе — сила, говорятъ. „Санька что-то нынче отвадился у насъ ходить на гору“ — таинственно сообщила Ирина Васильевна мужу черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго приключенія, не замѣтивъ, что мальчикъ сидитъ тутъ же, въ комнатѣ. А онъ не пропустилъ мимо ушей замѣчанія матери, и точно обидѣвшись, подумалъ: „Да вѣдь онъ и на эту сторону можетъ перелѣзть, Таптыгинъ-то косолапый... Ну-да ужо опять какъ нибудь схожу“,—и дѣйствительно недѣли черезъ двѣ сходилъ, но, разумѣется, ни съ кѣмъ не втрѣтился.

Въ это же время Саша какимъ-то чутьемъ провѣдалъ, что Оноховъ, должно быть, знаетъ кое-что по части звѣрей, и сблизился съ нимъ. Раньше онъ не долюбливалъ его, видя въ немъ только непрошеннаго соглядатая своей рѣзвости. Оноховъ былъ казакъ изъ обрусѣвшихъ камчадаловъ, состоявшій при исправникѣ въ качествѣ вѣстового. Кривой на одинъ глазъ, онъ, за эту особенность, соединенную съ другой особенностью—всегда и вездѣ поспѣвать во-время, получилъ отъ Василія Андреича очень мѣткое прозвище „всевидящаго ока“. „Всевидящее око“ хотя и не все, а многое-таки видало на своемъ вѣку. Саша узналъ отъ него, между прочимъ, что весной медвѣдь бываетъ голоденъ, такъ-какъ

всю зиму ничего не ѣстъ, а съ конца лѣта и осенью снова отъѣдается. „Такъ вотъ отчего онъ и ободралъ весной начальниковскую корову, а меня въ концѣ лѣта не съѣлъ“, сразу смекнулъ мальчикъ. „Значитъ“, вывелъ онъ отсюда: „голодный медвѣдь злѣе. И папа бываетъ сердитѣе, когда голоденъ, и я“, припомнилъ ребенокъ послѣ минутнаго раздумья. — „И всѣ голодные, видно, злѣе бываютъ. Видно и тотъ матросикъ, который въ прошломъ году мичмана кирпичемъ убилъ, тоже былъ голоденъ“, думалось ему нѣсколько позже,—и возстала въ дѣтской головкѣ тьматемъ вопросовъ, догадокъ, сомнѣній...

На помощь этой, внезапно вспыхнувшей въ мальчикѣ, жаждѣ знанія, явилась, вслѣдъ за Оноховымъ, крестная мать Саши. Она только-что вернулась тогда изъ послѣдняго похода мужа, умершаго на суднѣ, во время плаванія. Вдова Хлебалкина (такъ звали крестную Саши) была женщина атлетическаго сложенія, лѣтъ пятидесяти, съ грубыми, но пріятными и выразительными чертами лица. Желтыя космы ея никогда непричесанныхъ волосъ придавали мужественному лицу старухи видъ волшебницы, какъ ихъ обыкновенно изображаютъ художники. Она всю жизнь, начиная съ шестнадцати лѣтъ, провела на морѣ съ мужемъ, нерѣдко командовала за него судномъ, постоянно курила трубку, отплевываясь какъ-то бокомъ, сквозь зубы, и подчасъ умѣла выругаться, какъ пстый, посѣдѣвшій въ буряхъ морякъ. При множествѣ практическихъ свѣденій, старуха обладала еще огромнымъ запасомъ здраваго смысла, сразу покорявшимъ иногда даже и утонченнаго діалектика, во всеоружіи знанія. Жила Хлебалкина въ портѣ одна-одинешенька, въ маленькомъ домикѣ на горѣ, у самаго лѣса. Со времени ея пріѣзда Саша не покидалъ этого домика: такъ крѣпко полюбилась ему колосальная фигура крестной матери. Мальчикъ смутно чувствовалъ, что въ ея присутствіи онъ какъ будто никого и ничего не боится.

А боялся Саша вотъ кого и вотъ чего: во-первыхъ, нѣмца-агронома Кегеля, у котораго носъ былъ такой необыкновенной

длины и кривизны, что мальчику всегда казалось, будто нѣмецъ собирается клюнуть его этимъ носомъ, какъ вонъ ворона *юколу* клюетъ у собакъ. Во-вторыхъ, еще больше боялся Саша нѣкоего Бахирева—рослаго, характернаго старика, занимавшагося въ портѣ самымъ послѣднимъ, ночнымъ ремесломъ. У этого Бахирева были рваныя ноздри, что придавало его лицу какое-то страшное, отталкивающее выраженіе. Въ портѣ никто не помнилъ, съ какого времени онъ попалъ туда и какъ. Въ-третьихъ, и ужъ еще больше Саша боялся *асеевъ*, какъ называло петропавловское простонародье иностранныхъ матросовъ съ китоловныхъ судовъ, производя вѣроятно это слово отъ часто употребляемаго американцами и англичанами выраженія: „A say!“ (Посмотри!) Какъ только завидитъ ихъ бывало мальчикъ гдѣ нибудь на горѣ, такъ и тягу домой со всѣхъ ногъ. Онъ нерѣдко видалъ, какъ убѣгали и прятались отъ нихъ петропавловскія гражданки, частенько слыхалъ, что *асеи* обижаютъ женщинъ, и потому считалъ всѣхъ иностранцевъ, неговорившихъ по-русски, чѣмъ-то до того особеннымъ, что ихъ непремѣнно слѣдуетъ бояться. Это было какое-то смутное, тяжелое представленіе, усиливавшееся, главнымъ образомъ, непонятнымъ для ребенка „тарабарскимъ языкомъ“ *асеевъ*. Какъ бы то ни было, ужъ одно слово *асей*, сказанное нечаянно кѣмъ нибудь въ лѣсу, возбуждало въ мальчикѣ паническій страхъ. Пуще же всего боялся Саша всякой темноты — все равно, были ли то темный уголъ, темная комната, темная ночь: въ потемкахъ его постоянно какъ будто кто-то хваталъ сзади, и онъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, хотя бы въ это время и слышались ему вблизи родные или знакомые голоса. Но каковы же были сперва ужасъ, а потомъ изумленіе Саши, когда онъ узналъ, что его крестная мать въ большой дружбѣ съ безобразнымъ Кегелемъ; что страшнаго Бахирева старуха частенько угощаетъ у себя то водочкой, то чайкомъ; что *асеевъ* она подчиваетъ иногда молокомъ, зазывая ихъ къ себѣ и даже преспокойно разговаривая съ ними на „тарабарскомъ языкѣ“; что, наконецъ, ея любимое удовольствіе составляетъ — либо

прислушиваться ночью, въ совершенныхъ потьмахъ, къ журчанью ключа, либо, въ такую же темень, кататься одной, по заливу, въ щегольской китобойкѣ! Саша, за эти страшныя качества крестной, ужъ-было и разлюбить ее собрался, да помѣшалъ ему одинъ, имъ же самимъ вызванный, разговоръ съ нею.

Однажды, позднимъ осеннимъ вечеромъ, Хлебалкина сидѣла по обыкновенію у ключа, возлѣ своего домика, вмѣстѣ съ крестникомъ, который остался у нея ночевать. Чѣмъ гуще ложились вечернія тѣни, тѣмъ больше жался къ ней Саша. Она это замѣтила и грубовато спросила:

— Ты что это ко мнѣ такъ жмешься?

— Да мнѣ страшно... нерѣшительно отвѣтилъ мальчикъ, еще больше прижимаясь къ ней.

— Чего же тебѣ страшно, глупенькій? удивленно освѣдомилась Хлебалкина.

— Ночь ужъ скоро... вонъ, какъ стемнѣло...

Старуха разсмѣялась.

— Глупенькій ты парнюга! сказала она: — ночи боишься. А самъ ночью родился.

— Я, крестненька, боюсь, какъ схватитъ кто нибудь... робко замѣтилъ Саша.

— Схва-а-титъ? перепросила Хлебалкина.—А это на что?

Она поднесла ему къ самому носу здоровенный кулакъ.

— Да онъ кулака не боится... съ внутреннимъ трепетомъ выговорилъ мальчикъ.

— Кто это моего кулака не боится? Попробуетъ, такъ, небось, станетъ бояться: я и съ десятерыми управлюсь. Да ты про кого это говоришь-то парнюга? вдругъ подозрительно спросила Хлѣбникова.

— Про нечистаго, крестненька... боязливымъ шопотомъ отвѣтилъ ей на ухо Саша.

— Про какого „нечистаго“? Про Павку твоего, что ли? Онъ вѣдь никогда въ баню-то не ходитъ,—опять разсмѣялась старуха.

Мальчикъ недоумѣвалъ.

— Онъ въ банѣ и сидитъ, нечистый-то... выговорилъ, наконецъ, Саша, запинаясь.

— Въ ба-а-нѣ? Постой-ка, крестникъ, у меня тоже баня есть, надо сходить посмотрѣть, какой тамъ такой „нечистый“ забрался: я не люблю, чтобъ у меня чужіе мылись. Пойдемъ...

Старуха пресерьезно взяла мальчика за руку, дошла съ нимъ такъ до дому, зажгла свѣчу, вставила ее промежъ пальцевъ правой руки, и не выпуская изъ другой слегка дрожавшей руки Саши, направилась съ нимъ прямо къ банѣ. Баня стояла саженяхъ въ десяти отъ домика. Мальчикъ заплакалъ и не хотѣлъ идти, но Хлебалкина не обратила на это никакого вниманія.

— А коли никого не найдемъ, такъ тебѣ же и стыдно будетъ, что обманываешь крестную,—сказала она, почти насильно увлекая ребенка въ передбанокъ.—Ну, ищи, гдѣ тутъ какой „нечистый“...

Мальчикъ боязливо и растерянно смотрѣлъ по угламъ. Хлебалкина посвѣтила ему въ каждый уголъ, даже подъ лавку.

— Ну, что? нѣтъ? спросила она, наконецъ.

— Нѣту... робко отвѣтилъ Саша.

Она провела его въ баню, и тамъ повторила тоже самое, до мельчайшихъ подробностей, даже заставила мальчика въ подполокъ слазить со свѣчкой, какъ онъ ни отговаривался отъ этого.

— Ну, что? и тутъ нѣтъ? снова спросила старуха.

— Нѣту... тихо повторилъ ребенокъ, и замѣтно сконфузился.

— Ну, то-то же! Пойдемъ. Да впередъ не обманывай, смотри, крестную, — съ ласковой суровостью замѣтила ему Хлебалкина, уходя изъ бани.

Они опять усѣлись у ключа.

— Я и Кегеля боюсь,—сказалъ вдругъ Саша, замѣтно ободренный.

— Кегеля? Карла-то Иваныча моего милаго? Что ты Богъ съ тобой, парнюга! Да вѣдь это добрѣйшая душа въ свѣтѣ; онъ не только-что тебя, да онъ мухи никогда не обидитъ, съ серьезнымъ изумленіемъ сказала старуха.

— Я носа у него боюсь...

— Но-о-са? А что тебѣ его носъ сдѣлалъ? Что длинный да кривой? Такъ не отрѣзать же его, не въ карманъ же прятать. А ты когда нибудь возьми-ка его за носъ, вотъ и увидишь, что онъ добрый: не разсердится, небось. Эхъ, ты, парнюга, парнюга! Умато у тебя еще мало, — проговорила крестная.—Ну, еще ты кого не боишься ли? спросила она съ замѣтнымъ любопытствомъ, помолчавъ немного.

— Бахирева, крестненька, боюсь...

— Этакъ ты и меня скоро будешь бояться. А Бахиревъ что тебѣ сдѣлалъ?

— У него норки страшныя...

— Вотъ что! Хорошо, какъ у тебя твои-то норки цѣлы, а у него, вишь, ихъ вырвали добрые люди... Этакъ тебѣ кто нибудь пальцъ отрѣжетъ, такъ и намъ надо тебя бояться? Ты вотъ лучше приласкай-ка Бахирева-то, онъ тебѣ кораблик сдѣлаетъ, — онъ славные кораблики умѣетъ дѣлать. У тебя, вонъ, и отецъ, и мать, и крестная есть, а у Бахирева никого нѣту, и закона про него нѣтъ; велѣно ему золото чистить—и чиститъ. Коли и тебѣ велятъ — тоже будешь чистить: не узнаешь вѣдь, парнюга, какъ вѣкъ проживешь...

— А кто же ему, крестненька, велитъ чистить? спросилъ Саша, до того заинтересованный разговоромъ, что и про ночь забылъ.

— А тотъ и велитъ, кому власть дана издѣваться надъ человѣкомъ... угрюмо сказала Хлебалкина.

— А кому же, крестненька, власть дана?

— Власть-то? А всякому дана, парнюга, кто посильнѣе насъ съ тобой да Бахирева. Ты вонъ сильнѣе птички, потому ты и издѣваешься надъ ней: яички у нея изъ гнѣзда берешь. А у нея яичко-то—все равно, что ты у матери. Ну-ка тебя утащить бы да съѣсть, что мать-то скажетъ? То-то вотъ и есть, парнюга... Поцѣлуй-ка скорѣе крестную.

Саша съ жаромъ поцѣловалъ ее.

— А за что, крестненька, Бахиреву норки вырвали? спросилъ онъ, какъ-то печально помолчавъ.

— Гдѣ ужъ это намъ съ тобой знать. Сдѣлалъ, видно, какое нибудь нехорошее дѣло, можетъ убилъ кого нибудь,—вотъ и вырвали; а можетъ и за хорошее дѣло вырвали,—мы почемъ съ тобой знаемъ, парнюга...

„А убить бы тѣхъ, которые ему норки-то вырвали?„ мелькнуло въ головѣ Саши, но онъ не рѣшился почему-то сообщить это крестной — и задумался.

— Ну что пріумолкъ? Еще кого боишься? спрашивала Хлебалкина, приглаживая своей могучей рукой взбившіеся волосы ребенка.

— Я никого, крестненька, больше не боюсь, только еще *асеевъ* боюсь... выговорилъ онъ, ласкаясь къ старухѣ.

— Что ты, что ты, парнюга! Нашелъ кого бояться! Это славный народъ, свободный, работящій народъ! торопливо и съ жаромъ заговорила крестная.—Ты посмотрѣлъ бы, какіе у нихъ города, какіе порядки, — не чета нашимъ деревушкамъ. Вѣжливый народъ, славный...

— А они, крестненька, зачѣмъ бабъ нашихъ обижаютъ? нерѣшительно спросилъ Саша.

— Маловатъ ты, парнюга,—вотъ что! разсмѣялась добродушно-лукаво Хлебалкина. — Какъ походишь въ морѣ съ годъ безъ нашего, женскаго пола, такъ и съ бабами подурѣть захочется. Да бабы-то наши дуры, коли въ обиду даются, а не *асеи* виноваты...

— Да вѣдь они, крестненька, сильнѣе бабъ: видно, и издѣваются надъ ними потому,—возразилъ Саша.

— Ну, ты самъ не видалъ, такъ и не говори, не мели пустяковъ. Ты вотъ лучше птичекъ-то не обижай. Ужо вотъ я попрошу твоего папку, чтобъ онъ тебя на судно къ *асеямъ* свозилъ: какъ накладутъ они тебѣ полные карманы разныхъ заморскихъ гостинцевъ, такъ и понравятся, и бояться не станешь. Это только маленькія дѣвчонки всего боятся, да воробьи еще. Воробьямъ хоть тряпку повѣсь, они и ея испугаются; у нихъ мозгочекъ-то ужъ

очень малъ. А ты вѣдь у меня—умница. Ну-ка, поцѣлуй-ка поскорѣе крестную, да пойдемъ-ка мы лучше съ тобой спать, парнюга: утро вечера мудренѣе, — говорила грубовато-ласково Хлебалкина, уводя за руку Сашу по направленію къ своему домику.

Разговоръ этотъ, несмотря на его видимую незначительность, произвелъ, однакожъ, значительный переворотъ въ мысляхъ ребенка. „Какъ же это“,—прежде всего думалось ему на другой день,—„крестненька, которая все знаетъ и все, какъ говоритъ мама, видала, не понимаетъ, что бываетъ нечистый? Павкина мать сказывала, что онъ по ночамъ въ банѣ сидитъ, а мы съ крестненькой никого вчерась ночью въ банѣ не видали... Мама тоже говоритъ, что есть нечистый, крестики отъ него ставитъ мѣломъ на дверяхъ въ крещенье; да и папа про нечистаго знаетъ. А крестненька его не боится... Онъ, видно, нестрашный совсѣмъ, нечистый-то. Крестненька лучше знаетъ“,—задумчиво рѣшилъ Саша. Темноты и Бахирева онъ сталъ бояться съ тѣхъ поръ гораздо меньше, а Кегеля и совсѣмъ пересталъ бояться, послѣ того, какъ тотъ поигралъ съ нимъ у крестной раза два въ мячикъ; только видъ *асеевъ* безпокоилъ его еще по прежнему. Но разъ, въ концѣ той же осени, уступая настоянію Хлебалкиной, Василій Андреевичъ,—обязанный по должности исправника осматривать съ помощью доктора и переводчика каждое, вошедшее въ портъ китоловное судно,—не окажется ли больныхъ на немъ,—взялъ съ собой на подобный осмотръ и Сашу. Въ тотъ день пришло много судовъ, и мальчику удалось побывать разомъ на нѣсколькихъ. Это ему чрезвычайно понравилось. Каждое судно имѣло какую-нибудь да особенность — въ обстановкѣ палубы, въ устройствѣ каютъ, въ манерахъ капитана. Тѣмъ не менѣе, оффиціальныхъ гостей вездѣ встрѣтили одинаково просто, радушно; вездѣ угостили ихъ чѣмъ нибудь оригинальнымъ, заморскимъ, а исключительно для Саши—вездѣ появлялись на столъ какія нибудь, большей частью невиданныя имъ еще, лакомства. Въ особенности понравился мальчику капитанъ французскаго судна, нѣкто Кубріеръ—здоровенный толстякъ, съ открытымъ, нѣсколь-

ко заносчивымъ видомъ, съ постояннымъ веселымъ смѣхомъ на лицѣ и съ бойкой, какъ дробь сыплющейся, рѣчью. Этотъ добродушный французъ такъ обрадовался присутствію ребенка на своей палубѣ, какъ будто къ нему привезли родного сына: онъ выносилъ Сашу на рукахъ по всему судну, безъ умолку болтая съ мальчикомъ на своемъ родномъ языкѣ и преусердно, хотя и совершенно безполезно, объясняя ему до мельчайшихъ подробностей все, что ни попадалось имъ на глаза. Здѣсь Саша мало того, что набилъ себѣ карманы конфектами, но ему еще нагрузили, на дорогу, чуть не полную китобойку кокосовъ, апельсиновъ и т. п., и что всего интереснѣе было для ребенка—онъ получилъ въ подарокъ прехорошенькую модель китоловнаго судна. Въ этотъ день, маленькій Свѣтловъ чувствовалъ себя въ полнѣйшемъ восторгѣ отъ *асеевъ*, шелъ преспокойно на руки къ любому матросу и даже одного изъ нихъ передразнилъ „по тарабарски“, къ величайшему удовольствію всѣхъ остальныхъ его товарищей. Дома, въ тотъ же день, наскоро провѣривъ, на сонъ грядущій, разнообразныя впечатлѣнія своей прогулки съ отцомъ, Саша нашелъ, что подмѣтилъ за *асеями*, главнымъ образомъ, одну, очень удивившую его, особенность: *асеи* — матросы не вытягивались въ струнку при встрѣчѣ съ капитаномъ, не смотрѣли ему боязливо въ глаза, не снимали передъ нимъ фуражки, а расхаживали себѣ преспокойно, тутъ же у него подъ носомъ, заложивъ руки въ карманы, покуривая да поплевывая на сторону. Это до крайности заняло мальчика, привыкшаго постоянно видѣть, какъ русскіе матросики всякій разъ испуганно соскакивали и вытягивали руки по швамъ, еще издали завидѣвъ какого нибудь мичмана, не говоря уже о капитанѣ. „Отчего это?“ — спросилъ самъ себя Саша, и крѣпко призадумался. „Да оттого, видно, что *асеи* славный народъ, работящій“ — самъ же себѣ и отвѣтилъ онъ, немного погодя, припомнивъ слова крестной. „А папа про Аверьяна говоритъ:—Дубина этакая! никогда, чтобъ онъ вытянулся да какъ слѣдуетъ шапку снялъ тебѣ на улицѣ; зазнался, какъ поваромъ къ начальнику взяли“ — припомнилось почему-то

вдругъ Сашѣ, и опять возстала въ головѣ ребенка тьма темъ вопросовъ, догадокъ, соображеній...

Дня черезъ три послѣ этого, разгуливая передъ обѣдомъ одинъ у пристани порта, мальчикъ нечаянно наткнулся на того же самаго Кубріера. Веселый капитанъ торопливо пробирался по сходнямъ къ ожидавшей его китобойкѣ. Онъ и Саша тотчасъ же узнали другъ друга. Добродушный французъ видимо обрадовался этой встрѣчѣ, положилъ къ себѣ на лѣвую ладонь Сашину руку и дружески прихлопнулъ ее нѣсколько разъ широкой правой ладонью; затѣмъ, онъ выразительными знаками сталъ приглашать мальчика поѣхать съ нимъ, Кубріеромъ, къ нему на судно. Ребенокъ раза три или четыре какъ-то нерѣшительно обернулся по направленію къ дому, подумалъ о чемъ-то, и вдругъ согласился, весело кивнувъ головой. Дорогой и на суднѣ Саша велъ себя самымъ приличнымъ образомъ, насколько это возможно для мальчика, непонимающаго ни слова на языкѣ того, у кого онъ въ гостяхъ. Маленькій Свѣтловъ позавтракалъ у Кубріера сырыми устрицами, не понимая самъ, что ѣстъ, благо вкусны показались („ракушки ѣлъ“, сообщилъ онъ объ этомъ дома), отобѣдалъ тамъ, поигралъ на палубѣ съ матросами, у которыхъ такъ и переходилъ съ рукъ на руки, и наконецъ, уже подъ вечеръ, сталъ обращать безпокойные взгляды на берегъ. Какъ только это замѣтили, сейчасъ же сообщили капитану. Кубріеръ въ одну минуту распорядился китобойкой, опять надавалъ Сашѣ гостинцевъ на дорогу, и самъ сѣлъ править заднимъ весломъ, такъ-какъ начинало замѣтно свѣжѣть и по заливу заходили зайчики. Мальчикъ сначала порядочно струсилъ, видя, какъ подбрасываетъ китобойку, но тотчасъ же и свыкся съ этимъ: все одинаково подбрасывало. Веселый капитанъ проводилъ ребенка вплоть до дому, и тамъ лично, съ обязательной улыбкой, вручилъ его растерявшимся отъ неожиданности родителямъ, ни слова непонимавшимъ ни на одномъ иностранномъ языкѣ. Сидѣвшая въ это время у Свѣтловыхъ Хлебалкина съ достоинствомъ выручила ихъ. По уходѣ нечаяннаго гостя, Сашѣ

порядочно досталось за его новую продѣлку,—опять пришлось поплатиться угломъ темной залы; но, тѣмъ не менѣе, это былъ положительный подвигъ съ его стороны и даже едва ли не самый полезный для мальчика изъ всѣхъ его остальныхъ смѣлыхъ похожденій. Съ этого времени ребенокъ уже, бывало, ждетъ не дождется, когда войдетъ въ портъ китоловное судно, и едва только завидитъ съ горы сигналъ о немъ, какъ уже опрометью бѣжитъ домой, чтобъ не прозѣвать отца, которому онъ съ тѣхъ поръ и сопутствовалъ каждый разъ на суда.

Зимой у Саши были другого рода забавы, иныя наблюденія. Онъ и въ эту пору года рѣдко сидѣлъ въ комнатѣ, благодаря умѣренности камчатскаго климата. Любимымъ удовольствіемъ мальчика было прокладывать дорожки въ лѣсъ. Возьметъ онъ, бывало, салазки, сгорбившись упрется въ нихъ сзади руками, и долго—долго бѣжитъ такъ, прокладывая полозьями извилистый путь между кустовъ и овраговъ. Павка и Васька, запрягшись въ тѣ же самыя салазки, возятъ его потомъ по этимъ дорожкамъ: то будто онъ въ лѣсъ за дровами ѣдетъ, то будто за сѣномъ. Сѣно и дрова, нарочно для этого, натаскивались ими въ разныя мѣста еще съ конца осени. Либо поднимется Саша ни свѣтъ ни заря, чтобъ не пропустить *настъ* (подмерзшій къ утру снѣгъ, по которому можно ходить не проваливаясь), опять возьметъ салазки, заберется съ ними высоко-высоко въ гору и мчится оттуда внизъ, правя рукавичками, по такимъ извилистымъ, прихотливымъ линіямъ, перелетаетъ черезъ такіе глубокіе овраги, что постороннему, непривычному зрителю навѣрно стало бы страшно за мальчика. А онъ—себѣ только посмѣивается да правитъ, красный, какъ ракъ, и ловкій, какъ истый туземецъ. Но ребенокъ и учится вмѣстѣ съ этой забавой, учится легко и незамѣтно для самого себя, то усвоивая практическіе законы движенія тѣлъ, то подмѣчая условія, при которыхъ дѣйствуютъ силы одна на другую,—и, вообще, за что только ни примется мальчикъ, свѣденія такъ и ростутъ въ его умной головкѣ. Въ серединѣ зимы Василій Андреичъ уѣзжалъ

обыкновенно въ округъ, за сборомъ ясака. На возвращеніи оттуда отца сосредоточивались лучшія зимнія надежды Саши. Онъ, бывало, ждетъ не дождется этой минуты, иногда не спитъ всю ночь на пролетъ, прислушиваясь, не раздадутся ли вдругъ на дворѣ знакомые голоса, въ особенности послѣ того, какъ получится письмо отъ папы, что онъ ѣдетъ обратно. Впрочемъ, и было отчего волноваться мальчику: Василій Андреичъ ужъ непремѣнно навезетъ съ собой изъ округа какихъ нибудь диковинокъ, — то живого медвѣженка, то соболя, не то горностая или лисицу; либо навезетъ разныхъ фигурокъ изъ китовой кости туземнаго издѣлія, аметистовыхъ щетокъ, рыбы, утокъ соленыхъ и множество другихъ разныхъ разностей. А тамъ, глядишь, и еще радость: начнутъ просушивать ясакъ, раскупорятъ для этого сумы, выворотятъ звѣриныя шкурки шерстью вверхъ и разложатъ по залѣ, чуть не до потолка въ вышину. Не выживешь въ такіе дни Сашу изъ комнаты. Уйди только старшіе хоть на минуту изъ дома, даже отвернись только они отъ залы, ребенокъ сейчасъ же вскарабкается на мѣха,— и любо, привольно ему кувыркаться въ соболяхъ да чернобурыхъ лисицахъ. Увидитъ это, бывало, нечаянно Ирина Васильева и скажетъ мужу: „Видно, Санька у насъ богатъ будетъ или знаменитъ“.—Дождайся! отвѣтитъ ей иронически-ласково Василій Андреичъ, — и оба чему-то разсмѣются. А Саша, услыхавъ ихъ разговоръ, еще глубже зароется въ шкурки и совсѣмъ притаится тамъ. Весело и на собакахъ ѣздить зимой, особенно вечеромъ, при лунномъ свѣтѣ: онѣ шибко бѣгутъ тогда, удирая отъ собственныхъ длинныхъ тѣней на снѣгу; а по бокамъ, также быстро убѣгаютъ назадъ заиндевѣлыя деревья, таинственно протягивая къ Сашѣ свои голые сучья, точно множество исполинскихъ рукъ тянется къ ребенку, чтобъ схватить его. И жутко, и хорошо...

А весной? И весной было много работы Сашѣ, даже больше, чѣмъ во всякую остальную пору года. Благодаря многому множеству ключей, врядъ ли въ цѣломъ мірѣ найдется другая весна, подобная петропавловской. Такой рѣзвый шумъ поднимутъ ключи,

такое веселое журчанье пойдетъ повсюду, что слушаешь, заслушиваешься и не наслушаешься. И вотъ вмѣстѣ съ этой закипѣвшей въ природѣ изумительной дѣятельностью проснется и въ ребенкѣ неодолимое желаніе двигаться, двигаться и двигаться: то надо Сашѣ пленки на жаворонковъ ставить на приталинкахъ, то кораблики приходится строить къ лѣту (всѣ свѣтловскія комнатки окажутся въ стружкахъ да щепкахъ, сколько не прибирай ихъ тамъ Ирина Васильевна), начнется рыбная ловля, пойдутъ пироги изъ свѣжей *чявычи* (лососины), окажется множество перламутровыхъ ракушекъ по берегамъ залива, морскихъ звѣздъ, рѣпокъ,— и со всѣмъ этимъ надо справиться почти въ одно и тоже время! Саша даже похудѣетъ весной отъ такой кипучей дѣятельности...

Такимъ образомъ росъ и развивался на свободѣ ребенокъ до девяти лѣтъ, почерпая свои уроки непосредственно у природы. Опьяняющая и разслабляющая умъ, а еще больше воображеніе, язва русскихъ сказокъ не коснулась его въ этотъ нѣжный періодъ возраста и, слѣдовательно, онъ отдѣлался отъ нея разъ-навсегда. Взамѣнъ сказокъ, ему сослужили вѣрную службу таинства разнообразной природы, постоянно вызывавшія умъ къ пытливости и мѣшавшія воображенію уноситься слишкомъ далеко за предѣлы видимаго, въ область мечтательнаго. Но за то воображеніе Саши было богато роскошью картинъ дѣйствительныхъ, оригинальныхъ. Изъ своихъ дѣтскихъ созерцаній онъ вынесъ необходимое для послѣдующей жизни, проникнутое анализомъ, спокойное отношеніе къ ея явленіямъ, не утративъ въ тоже время ни душевной теплоты, ни страстной энергіи. На десятомъ году мальчика посадили наконецъ за азбуку, отдавъ его учиться къ мѣстному священнику. Азбуку Саша прошелъ легко и быстро, но послѣдующія книги не удовлетворили того ожиданія, какое онъ почему-то возлагалъ на нихъ. Мальчикъ сталъ учиться вяло, неохотно. Отъ безсмысленно зазубриваемыхъ уроковъ „отсюда и досюда“, по допотопнымъ книжкамъ, въ числѣ которыхъ псалтырь игралъ не послѣднюю роль, Сашу неодолимо тянуло на свѣжій воздухъ, въ гору, на улицу, словомъ —

на свободу. Многихъ горькихъ слезъ стоили ему эти патріархальные уроки! Слыша, что ученье плохо подвигается впередъ, Свѣтловы просили отца Егора—учителя Саши—чтобъ тотъ относился къ нему построже. Отецъ Егоръ, само собой разумѣется, понялъ это „построже“ точно также, какъ понимали его въ той семинаріи, гдѣ онъ когда-то чему-то учился,—и вотъ однажды вечеромъ, размысливъ, что ужъ очень плохо пошло ученье Саши, почтенный наставникъ задумалъ прибѣгнуть на слѣдующее утро къ розгѣ. До тѣхъ поръ Саша только слыхалъ отъ Павки и Васьки, что такое розги, но его самого никогда не наказывали. Свѣтловы не то чтобъ не признавали дѣйствительности этого средства, а такъ какъ-то не случилось имъ употребить его въ дѣло. Иногда, сгоряча, они было и пообѣщаютъ высѣчь Сашу, а тотъ убѣжитъ куда нибудь изъ дому, пропадетъ чуть не на цѣлый день, будто и не слыхалъ; погорячатся, погорячатся, бывало, Свѣтловы—глядишь, и гнѣвъ прошелъ, и забудутъ,—добряки ужь очень были они оба. Но не таковъ былъ отецъ Егоръ, а главное, онъ смотрѣлъ на лѣность Саши, какъ на личность къ себѣ, какъ на неуваженіе къ собственной духовной особѣ; кромѣ того, за нимъ водилась скверная привычка — никогда не забывать утромъ того, что задумано было съ вечера. Такъ случилось и на этотъ разъ. Увидѣвъ по утру розги, Саша поблѣднѣлъ и затрясся весь, однако не заплакалъ. Но какъ только отецъ Егоръ тронулъ его за брючки, чтобъ раздѣть, мальчикъ порывисто рванулся отъ него къ двери. Отецъ Егоръ снова и уже гораздо энергичнѣе ухватился было за ученика, но въ эту минуту Саша, весь позеленѣвъ, толкнулъ учителя кулакомъ въ високъ, и пока озадаченный до ярости священникъ приходилъ въ себя, мальчикъ летѣлъ уже, что было въ немъ духу, черезъ мостики и ключи въ гору. Событіе это показалось настолько важнымъ отцу Егору, что онъ, подумавъ съ минуту, облекся въ свою праздничную рясу и отправился къ Свѣтловымъ. Тѣ такъ и ахнули, узнавъ въ чемъ дѣло. Немедленно командированъ былъ Оноховъ — розыскать и привести мальчика. „Всевидящее око“

знало, не хуже самого Саши, всякое его пристанище, — и черезъ полчаса ребенокъ былъ найденъ притаившимся за большимъ камнемъ, въ одной изъ трущобъ у ключа. Однакожъ, мальчикъ не хотѣлъ идти домой. Онъ и теперь все еще трясся, даже зубы у него стучали. Казакъ хотѣлъ было употребить въ дѣло силу, но едва протянулъ къ бѣглецу руку, какъ тотъ закричалъ что есть мочи: „Не тронь, а то утоплюсь!“ — и кинулся къ тому мѣсту ключа, гдѣ было поглубже и утонуть, пожалуй, возможность предстояла. Оноховъ совершенно былъ озадаченъ и не зналъ, что ему дѣлать. Наконецъ, казакъ рѣшился прибѣгнуть къ хитрости.

— Пойдемте, Сашенька: я васъ у Хлебалчихи спрячу,—сказалъ онъ какъ можно ласковѣе.

Услыхавъ фамилію своей крестной, Саша вдругъ точно ожилъ, и въ глазахъ его ярко сверкнула не то новая мысль, не то радость: впопыхахъ страха онъ совсѣмъ было позабылъ о крестной. Однакожъ, мальчикъ не поддался на удочку „всевидящаго ока“; онъ только пристально посмотрѣлъ на его одинокій глазъ, посмотрѣлъ какъ-то ужъ очень недовѣрчиво и даже какъ будто свысока. Потомъ, съ минуту подумавъ о чемъ-то, Саша быстро измѣрилъ глазами разстояніе отъ себя до Онохова, стоявшаго по ту сторону ключа,—и вдругъ снова пустился бѣжать со всѣхъ ногъ по направленію къ домику Хлебалкиной. Старуха серьезно испугалась, увидѣвъ, въ какомъ волненіи вбѣжалъ мальчикъ въ ея комнатку, но когда узнала, въ чемъ дѣло—успокоилась сама и его успокоила, даже какъ будто удовольствіе мелькнуло у нея на лицѣ.

— Сиди тутъ, парнюга, отдохни,—сказала она Сашѣ, усадивъ его на кровать за перегородкой. — Не бойся ничего: Хлебалкина своихъ не выдастъ!

И старуха гордо пошла на встрѣчу вошедшему въ это время Онохову, которому сердито и пренебрежительно объявила, что Саша у нея, и что домой она его теперь не пуститъ.

Принесенный казакомъ отвѣтъ, въ другое время, можетъ быть, и удовлетворилъ бы Василья Андреича, но на этотъ разъ раз-

сердилъ его не на шутку. Въ поступкѣ Хлебалкиной ему померещилось посягательство на его родительскія права, да еще, вдобавокъ, отецъ Егоръ кольнулъ его самолюбіе, ядовито сказавъ, поглаживая бороду:

— Вотъ какъ! Ай да крестная маменька! Научитъ она его добру: этакъ онъ скоро и тебя, Василій Андреичъ, по уху свиснетъ...

Свѣтловъ промолчалъ, торопливо одѣлся и пригласилъ священника пойти вмѣстѣ съ нимъ къ Хлебалкиной. Отецъ Егоръ хоть и крѣпко не долюбливалъ старуху, но изъ самолюбія согласился.

Хлебалкина встрѣтила ихъ у себя на крыльцѣ.

— Ты что это, отецъ Егоръ, вздурѣлъ, что ли, на старости лѣтъ? обратилась она первая къ священнику, когда они холодно поздоровались:—ребенка истязать вздумалъ!

Священникъ замѣтно смутился.

— Наказаніе за лѣность не есть истязаніе, сударыня, сказалъ онъ, видимо стараясь пріосаниться, напустить на себя важности.

— Видно, тебя самого за лѣность-то частенько пороли въ семинаріи, такъ ты и здѣсь хочешь завести эти порядки,—сурово обрѣзала его Хлебалкина.

Она порядочно была раздражена и стояла теперь на крыльцѣ вся выпрямившись, прислонивъ правый локоть къ колодѣ двери.

— Это, Катерина Васильевна, ужъ мое дѣло распоряжаться Сашкой, вступился было Василій Андреичъ,—вы тутъ посторонній человѣкъ. Вы и безъ того совсѣмъ у меня его избаловали...

— Какъ я „посторонній человѣкъ?“ еще больше выпрямилась Хлебалкина, и глаза у нея засверкали.—А ты зачѣмъ меня крестить звалъ? Отъ безлюдья, что ли? Ты, что ли, у купели-то за него поручался? Что ты, что ты это! „Посторонній человѣкъ!“ величественно передразнила она Василья Андреича.

— А все же и по священному писанію отецъ больше власти имѣетъ,—оправился священникъ.

— Ты и самъ-то, отецъ Егоръ, хорошенько священнаго писа-

нія не знаешь, такъ ужъ молчи лучше, — опять обрѣзала его старуха. — Покажи-ка ты мнѣ, гдѣ у тебя тамъ, въ священномъ писаніи, дѣтей истязать указывается? Христосъ велѣлъ любить дѣтей, а не истязать. Ужъ пусть только владыка сюда пріѣдетъ, спрошу я у него, непремѣнно спрошу объ этомъ! Учителю благій! самъ ничего не знаешь, а тоже берешься другихъ учить!.. У тебя, видно, и наука-то вся въ березѣ?..

При словѣ „владыка“ священникъ прикусилъ языкъ: онъ зналъ, что Хлебалкина была въ большой дружбѣ съ преосвященнымъ.

— Мы къ вамъ не ссориться пришли, Катерина Васильевна,— сказалъ значительно охлажденный Василій Андреичъ, — а только позвольте мнѣ взять Александра.

— Такъ я тебѣ и дала его сейчасъ! твердо отвѣтила ему Хлебалкина.—Поди-ка ты лучше испей холодной водицы прежде, да умойся у ключа, а по вечеру ужо приходи ко мнѣ, — потолкуемъ...

— Да вѣдь этимъ, Катерина Васильевна, шутить нельзя,— замѣтилъ Василій Андреичъ, стараясь казаться строгимъ: — вѣдь онъ—вы что думаете?—ударилъ батюшку-то!

— Такъ ему и нужно: не поступай христіанскій священникъ по нехристіански! отрывисто возразила старуха.

— Если вы Александра не пустите... началъ было Василій Андреичъ, на этотъ разъ очень серьезно.

— Такъ что? величественно перебила его Хлебалкина, опять выпрямляясь во весь ростъ,—къ начальнику, небось, пойдешь на меня жаловаться? Ступай! Стыдись-ка, стыдись, Василій Андреичъ! заключила она гордо—и ушла, громко захлопнувъ за собой дверь.

Такъ они ничего и не подѣлали съ старухой. Василій Андреичъ, разумѣется, не захотѣлъ изъ-за пустяковъ серьезно ссориться Съ Хлебалкиной, съ которой, какъ и съ ея покойнымъ мужемъ свѣтловы нѣсколько лѣтъ водили хлѣбъ-соль. Что же касается священника, то онъ, послѣ напоминанія о „владыкѣ“, значительно

смирился и дорогой сказалъ Василью Андреичу, какъ-то уныло махнувъ рукой.

— Ну, да Богъ съ нимъ! робенокъ еще: не вѣдаетъ, что творитъ...

Въ результатѣ оказалось, что Саша съ того же дня пересталъ учиться у отца Егора. Заняться съ мальчикомъ Хлебалкина упросила одного знакомаго моряка. Катерина Васильевна, по всей вѣроятности, никому не уступила бы этого права, еслибъ только сама... была грамотна. У моряка маленькій Свѣтловъ сталъ было учиться превосходно, но на слѣдующій годъ пришелъ давно ожидаемый Васильемъ Андреичемъ переводъ въ Ушаковскъ, куда онъ и переселился съ семьей. Мальчикъ поступилъ тамъ въ гимназію, въ первый классъ. Въ гимназіи Саша сталъ учиться опять ни то-ни се; только по физикѣ и словесности онъ шелъ хорошо, а на законѣ Божіемъ и математикѣ постоянно проваливался, такъ—что ему частенько приходилось передерживать годичный экзаменъ изъ двухъ послѣднихъ предметовъ. Впрочемъ, Сашу и въ эти годы рѣдко можно было застать за учебной книжкой. Пробѣжитъ онъ, бывало, торопливо глазами урокъ раза два съ вечера, да въ школѣ у товарища заглянетъ какъ нибудь, на другой день утромъ, въ учебникъ,—и ничего себѣ, недурно отвѣтитъ. Передъ экзаменами, мальчикъ никогда не сидѣлъ, какъ другіе, съ утра до вечера за повтореніемъ пройденнаго, но каждый разъ отважно шелъ на экзаменъ, чаще всего позабывъ дома книги, и тутъ же, въ экзаменаціонномъ залѣ, наскоро запасался кой-какими свѣденіями то у одного, то у другого изъ товарищей. Саша даже производилъ этимъ нѣкотораго рода шикъ между ними, въ особенности въ старшихъ классахъ. Явится онъ, бывало, на экзаменъ веселый такой, развязный да щеголеватый, небрежно посматривая на уткнувшихся въ книгу товарищей, точно самъ давно ужъ и насквозь прошелъ всю эту книжную мудрость. Вызовутъ его, напримѣръ, къ доскѣ, изъ математики: онъ молодецки тряхнетъ головой, выйдетъ какъ ни въ чемъ не бывало, хотя иной разъ, какъ говорится, ни въ зубъ

толкнуть, съ беззастѣнчивой храбростью возьметъ билетъ — и ну писать на доскѣ что первое на умъ взбрело; но пишетъ быстро, энергично, даже съ нѣкоторымъ апломбомъ. Смотрятъ, смотрятъ, бывало, то на него, то на доску гг. экзаменаторы и сами не знаютъ, что подумать: знатокъ передъ ними или только шарлатанъ? Доска обыкновенно стояла довольно далеко отъ экзаменаціоннаго стола, а цифры у Свѣтлова, какъ нарочно, выходили до крайности неразборчивы. Такъ, бывало, и отдѣлается онъ на тройку, въ виду сомнѣній, неразрѣшенныхъ по лѣности гг. экзаменаторовъ. Изъ исторіи и нѣкоторыхъ другихъ подходящихъ предметовъ маленькій Свѣтловъ бралъ больше краснорѣчіемъ: наговоритъ иногда ни вѣсть какихъ турусовъ на колесахъ, цѣлый романъ приплететъ, но такъ смѣло и бойко, что, глядишь, учителя только глазами хлопаютъ, а мальчикъ опять вышелъ сухъ изъ воды, къ зависти и досадѣ прилежныхъ товарищей. Его, напримѣръ, о крещеніи русскаго народа спрашиваютъ, а онъ о преемникахъ Владиміра рѣжетъ да еще ухитрится и текстъ изъ катехизиса приплести. Случалось, разумѣется, и попадаться при этомъ, но Саша даже и глазомъ не моргнетъ, бывало, въ подобномъ случаѣ, не говоря уже о томъ, чтобъ покраснѣть, а сядетъ себѣ преспокойно на мѣсто, чуть-чуть насмѣшливо улыбаясь, точно онъ ни вѣсть какъ хорошо сдалъ свой экзаменъ. Насмѣшливое отношеніе къ учителямъ было его постоянной чертой на школьной скамейкѣ. Мальчикъ какъ будто угадывалъ ихъ умственную несостоятельность и никого изъ нихъ серьезно не уважалъ, даже не боялся. Правда, и въ гимназіи хотѣли было разъ испытать на немъ неудавшійся пріемъ отца Егора, но пріемъ этотъ оказался и здѣсь столько же неудаченъ: маленькій Свѣтловъ удралъ домой, и рѣшительно объявилъ отцу, что не пойдетъ больше къ школу, если съ нимъ повторится та же исторія, а не то „плюху дастъ хоть самому директору“. Василій Андреичъ зналъ по опыту, до какой степени способенъ былъ его первенецъ охранять свою шкурку и, волей-неволей, пошелъ на другой день просить директора, чтобъ Сашу не наказывали розгами. Тотъ, какъ

водится, сперва наговорилъ кучу доказательствъ въ пользу этой мѣры, но потомъ принужденъ былъ только пожать плечами и согласиться на настоянія Свѣтлова.

— Въ такомъ случаѣ, мы принуждены будемъ выключить вашего сына при первой же серьезной шалости,—внушительно прибавило начальство.

Отвѣтъ директора, переданный Сашѣ отцомъ слово въ слово, порядочно озадачилъ мальчика. Онъ долго раздумывалъ надъ нимъ, потомъ смекнулъ что-то, и съ тѣхъ поръ, втеченіе полгода слишкомъ, однокурсники Саши рѣшительно не узнавали въ немъ прежняго, беззаботно-рѣзваго товарища.

— Отойди,—выключатъ! коротко говаривалъ онъ послѣ этого случая каждому изъ своихъ сверстниковъ, пристававшихъ къ нему съ какою нибудь шалостью.

А тамъ подошелъ незамѣтно и шестой классъ, въ которомъ учениковъ уже не наказывали розгами, развѣ только случай выходилъ изъ ряда вонъ, а такихъ случаевъ съ Свѣтловымъ не бывало.

Но отчего же, спрашивается, онъ не учился какъ слѣдуетъ въ гимназіи? Отвѣтить на это, какъ намъ кажется, будетъ не особенно трудно. Саша сѣлъ на гимназическую скамью съ безчисленнымъ множествомъ накопившихся у него въ головѣ вопросовъ и сомнѣній, большая часть которыхъ ожидала серьезнаго разрѣшенія ихъ строгою наукой. Ему смутно казалось, что въ гимназіи онъ найдетъ, наконецъ, ключъ къ уразумѣнію этихъ сомнѣній, этихъ вопросовъ; но онъ ошибся: она наводила его только на новыя, еще болѣе запутанныя догадки. Сухое, бездарное преподаваніе исключительно по обязанности, а не по любви къ дѣлу, не удовлетворяло живой, впечатлительной натуры Свѣтлова. Когда наставникъ вяло спрашивалъ у него урокъ, Сашѣ самому хотѣлось задать учителю тысячу вопросовъ. Если мальчикъ и осмѣливался иногда предлагать ихъ, то ему безъ церемоніи отвѣчали обыкновенно, что это не относится къ уроку, — и онъ опять уходилъ въ самого себя, неудовлетворенный, глубоко обиженный въ самомъ естественномъ

правѣ своего возраста. Будучи вообще очень развитымъ мальчикомъ, развитѣе всѣхъ остальныхъ товарищей, за исключеніемъ развѣ только Ельникова, Саша видѣлъ въ то же время, что учителя относятся къ нему какъ-то свысока, а нѣкоторые даже и совсѣмъ пренебрежительно въ виду его мнимой лѣности. Часто какой нибудь полу-идіотъ, но усердный зубрила, стоялъ у нихъ на первомъ планѣ и ставился въ примѣръ ему, Свѣтлову. Онъ хорошо сознавалъ подобную несправедливость и мало-по-малу сталъ и самъ относиться къ учителямъ насмѣшливо. Это и было главной причиной того нахальства, съ какимъ велъ себя Саша на экзаменахъ, просто изъ одного самолюбія не желая подготовляться къ нимъ: ему хотѣлось показать учителямъ, что онъ не дорожитъ ихъ мнѣніемъ, не смущается ихъ взглядами на него свысока. „Вы, дескать, думаете, что я болванъ, — такъ думайте же, чортъ васъ дери! Я и безъ васъ когда нибудь выучусь“,—разсуждалъ Свѣтловъ, и, по своему, дѣйствительно прилежно учился: онъ постоянно и много читалъ, всякими неправдами доставая себѣ книги. Въ подтвержденіе всего высказаннаго нами относительно неуспѣховъ Саши въ гимназіи, краснорѣчиво говорило то обстоятельство, что онъ очень ревностно занимался изъ двухъ предметовъ, читавшихся тамъ и не такъ сухо, и съ нѣкоторой любовью къ дѣлу. Такими предметами были, какъ мы замѣтили выше, физика и словесность. Занимаясь послѣднею особенно усердно, мальчикъ постоянно обнаруживалъ большую страсть къ сочинительству. Учитель словесности, подмѣтивъ въ немъ такую наклонность, старался поощрять ее сколько могъ; правда, онъ и самъ былъ не изъ далекихъ, но въ данномъ случаѣ совершенно добросовѣстно понялъ свою обязанность,—и Свѣтловъ отблагодарилъ его за это по своему: никогда меньше пятерки не стояло у мальчика изъ его предмета.

Впрочемъ, съ сочинительствомъ у Саши было очень много горя. Василій Андреичъ и Ирина Васильевна уже и тогда почему-то упорно преслѣдовали въ немъ авторскія наклонности, и чтобъ отучить своего первенца отъ сидѣнья по ночамъ за сочиненіями, от-

бирали у него нерѣдко бумагу, чернила и перья, а не то не давали ему свѣчи. Мальчикъ, разумѣется, принужденъ былъ или доставать эти предметы у кого нибудь изъ товарищей, или красть ихъ у отца. Послѣднее обстоятельство, войдя мало-по-малу въ привычку, могло очень дурно отразиться впослѣдствіи на характерѣ Саши; но одинъ непредвидѣнный случай вылечилъ его во-время и разъ—навсегда отъ возможности подобной позорной привычки. Дѣло было такимъ образомъ: пришелъ однажды утромъ къ Сашѣ какой-то товарищъ, которому до-зарѣзу понадобился гривенникъ. Старшихъ Свѣтловыхъ въ то время не было дома, а сынокъ ихъ зналъ, что мѣдныя деньги всегда и въ большомъ количествѣ лежали у его отца на столѣ, въ холщевомъ мѣшечкѣ. Желая услужить товарищу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, избѣжать непріятнаго выговора за самовольство, мальчикъ рѣшился взять оттуда тихонько десять копѣекъ, но не замѣтилъ второпяхъ, что въ мѣшкѣ на тотъ разъ только всего и была эта сумма. Василій Андреичъ случайно спохватился вечеромъ денегъ въ присутствіи Саши, и замѣтивъ на его лицѣ внезапную краску, догадался, въ чемъ дѣло, и прямо обратился къ нему:

— Ты взялъ у меня мѣдныя деньги изъ кошелька? спросилъ онъ строго у сына.

Саша еще больше покраснѣлъ и чистосердечно во всемъ признался.

— Какъ же тебѣ, братецъ, не стыдно воровать у отца? серьезно, но мягко сказалъ Василій Андреичъ, терпѣливо выслушавъ исповѣдь до крайности смущеннаго мальчика: — вѣдь это ты все равно, что у себя воруешь. Я для кого коплю? Для тебя же. Все вамъ останется. Вѣдь вонъ у меня кошель никогда, ты видишь, не запирается: бери, когда нужно, а воровать — стыдно! Ты — не прислуга, а этакъ и на нее, въ другой разъ, подумать можно.

Сашу какъ громомъ поразило. Онъ ждалъ бури, ругани, — это бы еще ничего; но мягкое слово отца навсегда запало ему и въ голову, и въ сердце: оно точно ножомъ врѣзалось туда. Какъ до-

стало мудрости Василья Андреича на такой глубокій и, потому, врядъ ли не единственный въ его воспитательной практикѣ урокъ,— этого, вѣроятно, онъ и самъ не съумѣлъ бы объяснить намъ. Во всякомъ случаѣ, происшествіе съ гривенникомъ было послѣднимъ дѣтскимъ случаемъ въ жизни Саши. Съ тѣхъ поръ ребенокъ умеръ въ немъ и сталъ замѣтно формироваться юноша. Юность свою онъ отпраздновалъ первою любовью, восторженно и пышно, какъ немногіе. Мы именно и коснемся теперь этой нѣжной струны, трепетъ и звуки которой пробудили во всемъ существѣ его долго дремавшія силы, давъ имъ спасительный толчекъ и опредѣленное, стройное направленіе....

Притихнувшій на время, отъ острастки директора, рѣзвый Свѣтловъ съ шестого класса опять было развернулся по прежнему, но не на долго: на него напала вдругъ какая-то задумчивость, разсѣянность, даже несообщительность. Это продолжалось, по крайней мѣрѣ, недѣли три, и наконецъ, въ одно прекрасное утро, онъ явился въ гимназію такимъ сіяющимъ, такимъ щеголеватымъ, остроумнымъ, что Ельниковъ просто голову потерялъ отъ догадокъ насчетъ состоянія своего любимца. Дѣло, однакожъ, не замедлило объясниться. Въ тотъ же день вечеромъ, когда товарищи пошли вмѣстѣ гулять по приглашенію юнаго Свѣтлова, послѣдній задыхаясь признался Анемподисту Михайлычу, что влюбленъ до безумія и любимъ взаимно. Ельниковъ, смотрѣвшій въ то время на жизнь совершенно по-монашески, принялъ это извѣстіе весьма неодобрительно и всю дорогу ворчалъ, убѣждаясь съ каждой новой подробностью повѣствованія своего друга, что дѣло его пока непоправимо, очень серьезно, а главное — такъ далеко зашло, что отступить безъ явнаго позора было невозможно. Въ заключеніе прогулки, Ельниковъ выругалъ Свѣтлова „женоугодникомъ“, ска-

залъ, что подаритъ ему въ имянины розовый галстучекъ, но разстались товарищи дружно, съ улыбками: они уважали другъ въ другѣ самостоятельность.

А влюбился нашъ юноша въ одну дѣвушку, извѣстную въ то время, чуть ли не всему Ушаковску, подъ вульгарнымъ именемъ „Христинки“. Она вела себя чрезвычайно эксцентрично и пользовалась въ городѣ весьма незавидной репутаціей, неудостоиваемая быть принятой ни въ одинъ такъ называемый „порядочный домъ“. „Христинка“ была дочь одного изъ декабристовъ, жившихъ на поселеніи въ Ушаковскѣ. Свѣтловъ познакомился съ ней случайно и довольно оригинально. Разъ, подъ вечеръ, онъ катался, по обыкновенію, одинъ въ отцовскомъ кабріолетѣ по набережной. Когда юноша остановился на минуту, чтобъ полюбоваться зарѣчнымъ видомъ при заходящемъ солнцѣ, къ нему подошла вдругъ незнакомая, стройная и нарядно-одѣтая дѣвушка лѣтъ восемнадцати, и опершись рукой о крыло кабріолета, весело сказала:

— Подвезите меня, милый гимназистикъ, домой.

Свѣтловъ хоть и былъ дѣйствительно въ гимназической формѣ, но его почему-то весьма непріятно кольнуло прозвище „гимназистикъ“. Онъ однако подвинулся и далъ незнакомкѣ мѣсто возлѣ себя, въ кабріолетѣ.

— Куда васъ довезти? спросилъ у нея нѣсколько смущенно юноша, когда она усѣлась.

— Покатайте меня прежде немного, если дома васъ за это не забранятъ, - сказала ласково-насмѣшливо дѣвушка, обративъ къ импровизированному кавалеру свое лукавое личико, — а потомъ я вамъ скажу, куда ѣхать. Мнѣ прокатиться хочется.

Свѣтловъ молча повезъ ее, выбирая улицы подальше отъ дому и частенько заглядываясь дорогой на свою спутницу. Она была красавица въ полномъ смыслѣ слова.

— Какъ же вы это рѣшились попросить меня... подвезти васъ? надумался спросить у нея Свѣтловъ, когда они сдѣлали вмѣстѣ

порядочный конецъ, а самъ онъ, между тѣмъ, свыкся понемногу съ присутствіемъ неожиданной подруги.

— Вотъ забавно — какъ! Да съ чего же мнѣ васъ бояться было? — вы развѣ кусаетесь? спросила, въ свою очередь, и она, улыбнувшись.

— Да вѣдь не все же боятся только того, что кусается... Другая бы не рѣшилась попросить...

— А чего же еще бояться? лукаво полюбопытствовала дѣвушка.

Свѣтловъ сконфузился.

— Мало ли чего... тихо сказалъ онъ.

— Однакожъ? Напримѣръ? приставала незнакомка, смотря ему пристально въ глаза и обдавая его какимъ-то обаяніемъ отъ всей своей стройной фигуры.

— Мужчины часто дѣлаютъ дерзости женщинамъ... рѣшился выговорить юноша, и покраснѣлъ.

— А! Ну такъ то вѣдь мужчины...

— Да и я мужчина,—сказалъ Свѣтловъ, опять весь вспыхнувъ почему-то.

— Какой же вы еще мужчина? звонко захохотала она: — вы вонъ даже мимо своего дома, кажется, боитесь проѣхать со мной.. а?

— А вы почемъ знаете, гдѣ я живу?

— Да я не знаю, я такъ только думаю: вѣдь вы бы, вѣрно, показали мнѣ вашъ домъ, еслибъ мы проѣзжали мимо,—слукавила она.

— Такъ поѣдемте же; я сейчасъ покажу вамъ, гдѣ я живу,— досадливо оправился Свѣтловъ, рѣшительно поворачивая лошадь въ противоположную сторону.

— Да вѣдь вамъ достанется потомъ отъ родныхъ? Лучше ужъ поѣзжайте, куда ѣхали,—попыталась она остановить его насмѣшливо.

Но Свѣтловъ не измѣнилъ направленія.

— Если и достанется, такъ это не ваше дѣло,—сказалъ онъ только, съ горечью въ голосѣ.—Вотъ гдѣ я живу: вонъ въ томъ флигелѣ,—указалъ онъ ей немного погодя.

— А это кто?—не знаете? спросила вдругъ незнакомка, кивнувъ головой на выходившую въ ту минуту изъ воротъ Ирину Васильевну, которую сынъ какъ-то не замѣтилъ сперва.

Сердце такъ и екнуло у юноши при взглядѣ на пристально-смотрѣвшую на него, въ свою очередь, мать.

— Это.. моя мамаша... выговорилъ онъ тихо, стараясь смотрѣть вдаль, и погналъ лошадь.

— Что? — попались? Не храбритесь впередъ! замѣтила ему спутница, весело смѣясь.

— Съ чего это вы выдумали, что я испугался? спросилъ Свѣтловъ, краснѣя.

— Я видѣла, какъ вы поблѣднѣли вдругъ. Но когда нибудь, молчите, я васъ поцѣлую за такую храбрость... засмѣялась она, съ умысломъ выразивъ свою мысль полунамекомъ.

— Не стоитъ васъ катать! разсердился и вмѣстѣ сконфузился юноша.

— Ну такъ остановитесь: я пѣшкомъ дойду,—сказала она будто серьезно, дотрогиваясь рукой до возжей.

— Такъ не пущу же вотъ нарочно! вспыхнулъ Свѣтловъ, и пуще прежняго погналъ лошадь.

— Куда же это вы меня мчите такъ? спросила черезъ минуту незнакомка, видя, что спутникъ ея правитъ къ заставѣ.

— Я васъ въ деревню увезу... постращалъ онъ ее.

— И молокомъ угостите, не правда ли? Да это будетъ премило съ вашей стороны! замѣтила она, весело посматривая на замелькавшіе по сторонамъ дороги первые загородные домики.

Но юноша проѣхалъ съ версту и повернулъ назадъ.

— Молочка пожалѣли? насмѣшливо спросили у него.

— Нѣтъ,—васъ пожалѣлъ! получился сердитый отвѣтъ.

— Или, еще больше, себя,—засмѣялась она.

Свѣтловъ промолчалъ, но и самъ улыбнулся чему-то.

Долго еще катались они въ этотъ вечеръ, точно такимъ же образомъ ссорясь и мирясь поминутно. Наконецъ, кабріолетъ, по

указанію дѣвушки, остановился у воротъ хорошенькаго домика въ три окна.

— Если вамъ когда нибудь вздумается опять покатать меня,— ласково обратилась къ Свѣтлову его спутница, дружески пожимая ему руку,—пріѣзжайте сюда. Спросите только Христину Казиміровну Жилинскую. Да у мамаши своей не забудьте спросить позволенія,—засмѣялась она, и граціозно скрылась за калиткой.

Встрѣча эта произвела на юношу чарующее впечатлѣніе. Какъ ни велики были тѣ непріятности, которыя, по ея поводу, обрушились на него въ тотъ же вечеръ дома, но даже и онѣ не имѣли достаточно вѣса, чтобъ хоть сколько нибудь ослабить силу его дѣвственнаго восторга. Впрочемъ, Свѣтлову удалось благополучно отдѣлаться на первый разъ отъ домашнихъ: они, въ концѣ концовъ, повѣрили ему, что „Христинка“ встрѣтилась съ нимъ случайно и сама напросилась подвезти ее домой. Но Ирина Васильевна все-таки тутъ же предупредила сына, что это „извѣстная развратница“, и что „связаться съ ней — значитъ, погибнуть безъ возврата“. Свѣтловъ слыхалъ нѣчто подобное отъ кого-то и прежде, но, при замѣчаніи матери, у него невольно мелькнула улыбка на лицѣ, и ему вдругъ пришли почему-то на умъ и носъ Кегеля, и ноздри Бахирева. Какъ бы тамъ ни было, юноша всю ночь промечталъ о Жилинской, а дня черезъ два послѣ того кабріолетъ его снова и какъ бы невольно остановился у воротъ ея квартиры. Въ это посѣщеніе Христина Казиміровна познакомила Свѣтлова съ своимъ отцомъ, напоила ихъ обоихъ чаемъ, и затѣмъ юная парочка опять поѣхала кататься; только кабріолетъ ихъ не проѣзжалъ уже въ тотъ вечеръ мимо очень знакомыхъ ему мѣстъ въ центрѣ города, а придерживался больше окраинъ. Съ тѣхъ поръ, такія прогулки вдвоемъ стали повторяться все чаще и чаще, и какъ шила въ мѣшкѣ не утаишь, то, разумѣется, не утаились и онѣ отъ зоркихъ глазъ стариковъ Свѣтловыхъ. Цѣлая буря поднялась дома противъ Саши: его бранили, стыдили, ему угрожали, даже отняли у него кабріолетъ; но ничто не помогало: съ семи

часовъ вечера онъ изчезалъ изъ дома и возвращался домой только послѣ одинадцати, а иногда и позже. Не только домашніе, но и вся свѣтловская родня обрушилась на него съ своимъ гнѣвомъ по поводу такого „неслыханнаго поведенія“ со стороны „мальчика“. Она — эта родня — стала посматривать теперь на Сашу, подозрительно качая головой, не то какъ на помѣшаннаго, не то какъ на невиданнаго заморскаго звѣрька. Ирина Васильевна нѣсколько разъ пробовала вставать до свѣту и вспрыскивать сына святой водой съ креста, образокъ какой-то зашила ему въ жилетъ, но увы! даже и эти универсальныя, по ея мнѣнію, средства не помогали.

— Вздурѣлъ у насъ Санька, совсѣмъ вздурѣлъ! растерянно шептала она родственникамъ, и только безнадежно разводила руками. — И вѣдь какъ приколдовала-то она его, чертовка этакая! Разъ папа какъ-то выругалъ ее за-глаза, безпутную, такъ вѣдь нашъ-то чуть съ ножомъ не полѣзъ на отца! Совсѣмъ парень одурѣлъ!

А между тѣмъ, виновникъ всей этой бури даже и не подозрѣвалъ за собой такого несчастія. Онъ, правда, сталъ теперь, повидимому, учиться еще хуже; но въ дѣйствительности, успѣхи его росли съ каждымъ днемъ. Вращаясь въ избранномъ кружкѣ знакомыхъ Жилинскаго, изъ которыхъ всѣ до единаго были политическіе преступники, юный Свѣтловъ, даже и не спрашивая, то и дѣло получалъ здѣсь отвѣты на мучившіе его вопросы. Отвѣты эти были всегда серьезны, строги, иногда ужасали его своей безцеремонной рѣзкостью, но, тѣмъ не менѣе, они казались ему вполнѣ удовлетворительными отвѣтами, т. е. такими, какихъ давно жаждалъ его практически-настроенный умъ. Въ кружкѣ Жилинскаго, въ какіе нибудь три мѣсяца, юноша гораздо болѣе умственно выросъ, чѣмъ во все свое семилѣтнее пребываніе въ гимназіи. Между прочимъ, Свѣтловъ выучился здѣсь по-польски, познакомился въ оригиналѣ съ Мицкевичемъ, Красинскимъ, Лелевелемъ... Онъ въ это время даже не могъ бы сказать положительно, что для него дороже теперь: сама ли Христина Казиміровна,

или кружокъ ея отца? Ужасъ стариковъ Свѣтловыхъ, относительно нравственности „Христинки“, тоже не имѣлъ никакого серьезнаго основанія: она была честная дѣвушка, только эксцентричная въ высшей степени. Свѣтлова Жилинская полюбила исподоволь, незамѣтно для самой себя, и притомъ полюбила его самой чистой, первой дѣвической любовью. Влюбленные, правда, уже и теперь открыто говорили „ты“ другъ другу, но въ ихъ отношеніяхъ, даже и на-единѣ, не было и тѣни той короткости, послѣ которой остается только „погибнуть безъ возврата“, по выраженію Ирины Васильевны. Несмотря на свою эксцентричность и шаловливость, Христина Казиміровна съ величайшимъ тактомъ пользовалась широкой свободой, предоставленной ей отцомъ. Онъ все видѣлъ, все зналъ — и къ обоимъ относился какъ нельзя радушнѣе, не подавая ни малѣйшаго вида, что угадываетъ между ними любовь подъ оболочкой плѣнительной дружбы. „Ужъ это ихъ дѣло, а не мое“ — основательно думалъ закаленный борьбою старикъ.

Между тѣмъ подошли и выпускные экзамены. Свѣтловъ, въ послѣднее время почти небравшій въ руки учебныхъ книгъ, провалился, разумѣется, на всѣхъ предметахъ, за исключеніемъ физики и словесности. Изъ послѣдней онъ ухитрился-таки и на этотъ разъ получить пятерку, да еще и съ плюсомъ.

— Опозорилъ ты совсѣмъ наши сѣдыя головы! мрачно сказалъ Василій Андреичъ сыну, когда обнаружился результатъ экзаменовъ. — Теперь хошь десять лѣтъ еще сиди въ седьмомъ классѣ, а атестатъ мнѣ подай!

— Я не останусь больше въ гимназіи, нынче же выйду со свидѣтельствомъ,—возразилъ твердо сынъ.

— Вы-ый-дешь? Что же такъ? насмѣшливо и вмѣстѣ подозрительно освѣдомился старикъ.

— Чтобъ не позорить васъ больше,—отвѣтилъ еще тверже юноша, слегка покраснѣвъ.

И онъ, дѣйствительно, настоялъ на своемъ: вышелъ изъ заведенія, какъ только начался новый учебный годъ.

— Что же вы, Свѣтловъ, намѣрены дѣлать теперь съ собой? спросилъ у него директоръ гимназіи, выдавъ ему свидѣтельство.

— Поѣду въ Петербургъ, въ университетъ,—развязно отвѣтилъ тотъ, хотя дома у него не было пока и помину объ этомъ предметѣ.

— Не кончивши курса? удивился директоръ.

— Я выдержу экзаменъ въ Петербургѣ, — еще развязнѣе пояснилъ юноша.

— Что же вы здѣсь-то думали?

— Здѣсь преподавать не умѣютъ,—брякнулъ Свѣтловъ.

Директоръ смѣрялъ его глазами съ ногъ до головы.

— Вы думаете? насмѣшливо спросилъ онъ. — Жаль! Вы, кажется, способный мальчикъ...

Директоръ сдѣлалъ рѣзкое удареніе на послѣднемъ словѣ.

— Былъ когда-то мальчикомъ, но не считался способнымъ между неспособными учителями,—вспыхнулъ Свѣтловъ.

Почтенный педагогъ широко открылъ глаза, точно передъ нимъ стояло теперь совершенно другое лицо, а не то, которое онъ ежедневно видѣлъ втеченіи семи лѣтъ.

— Во всякомъ случаѣ,—желаю вамъ успѣха! сказалъ директоръ, значительно измѣнивъ тонъ, и на прощанье вѣжливо подалъ руку бывшему ученику.

На вопросы товарищей и знакомыхъ о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ Свѣтлова, онъ тоже отвѣчалъ всѣмъ, что ѣдетъ въ Петербургъ, такъ-что вскорѣ и постороннія лица въ городѣ, знавшія Свѣтловыхъ, стали поговаривать, что тѣ отправляютъ недоучившагося сына въ столичный университетъ. Только сами старики ничего не знали объ этомъ.

— Когда вы сынка-то отправляете? спросила разъ, въ это время, Ирину Васильевну одна знакомая ей попадья, встрѣтивъ ее гдѣ-то у всенощной.

— Никуда мы его не отправляемъ, а вотъ службу ему съ отцомъ пріискиваемъ,—отвѣтила та простодушно и почти обидчиво.

— Да я ужъ отъ сколькихъ слышала, что вы Сашеньку въ Петербургъ, въ неверситетъ отправляете,—сказала недовѣрчиво попадья.

— Кому, матушка, охота говорить пустяки, такъ и пусть говорятъ, а мы тутъ съ отцомъ не при чемъ,—съ очевиднымъ уже неудовольствіемъ замѣтила Ирина Васильевна, и положила земной поклонъ.

— И какая же скрытная эта Свѣтлиха! Да вѣдь мнѣ у нея не воровать сына-то сорванца... язвительно подумала попадья, и тоже усердно принялась молиться.

Тѣ же слухи и также стороной дошли и до Василья Андреича.

— Это онъ что же, нарочно, что ли, на смѣхъ намъ разсказываетъ вездѣ? посовѣтовался старикъ съ женой.

— Допроси-ка ты его хорошенько, да пристращай, отецъ, а-то вѣдь этакъ парень-то и совсѣмъ пропадетъ у насъ,—посовѣтовала Ирина Васильевна.

Виновника этихъ переговоровъ въ тотъ же вечеръ потянули къ допросу.

— Ты что еще выдумаешь, балбесъ? По всему городу ходишь—трезвонишь, что мы тебя въ Петербургъ отправляемъ... обратился къ нему старикъ, насупивъ брови.

— Я нигдѣ не говорилъ, что *вы* меня отправляете, а *я самъ*, дѣйствительно, собираюсь въ Петербургъ; хочу въ университетъ поступить,—сказалъ твердо юноша.

— На вшахъ, что ли, ты поѣдешь-то? ѣдко замѣтила ему мать.

— Какъ придется, мама, такъ и поѣду,—тихо и мягко отвѣтилъ ей сынъ.

— Ну, такъ ты такъ у меня и знай послѣ этого: я тебя, шельму, въ солдаты отдамъ, только ты у меня объ этомъ зайкнись! вышелъ изъ терпѣнія Василій Андреичъ, и грозно постучалъ кулакомъ по столу.

Юноша поблѣднѣлъ, но молча удалился изъ отцовскаго кабинета. Большую половину ночи онъ безпокойно проходилъ изъ-угла въ уголъ по своей комнаткѣ, серьезно и упорно надумываясь о чомъ-то. Незадолго передъ разсвѣтомъ у него появилось вдругъ точно такое же выраженіе, какое замѣчалось иногда на дѣтскомъ лицѣ Саши, когда ему удавалось что нибудь смекнуть. Юный Свѣтловъ спокойно уснулъ послѣ этого.

Объясняя всѣмъ и каждому, что ѣдетъ въ Петербургъ, юноша отнюдь не рисовался, не выдумывалъ. Дѣло въ томъ, что когда въ немъ разъ пробуждалось какое нибудь горячее желаніе, онъ уже относился къ нему, какъ къ дѣлу рѣшенному, не задумываясь о средствахъ. Тоже самое было и теперь. Если онъ до сихъ поръ и не говорилъ ничего объ этомъ своимъ старикамъ, то поступалъ такъ единственно потому, что очень хорошо зналъ, что они его ни за что въ Петербургъ не пустятъ, и, такимъ образомъ, рѣшительное объясненіе съ ними откладывалъ до того времени, когда все будетъ готово къ отъѣзду. Впрочемъ, юный Свѣтловъ, по обыкновенію, и самъ не зналъ еще, какъ это устроится. Но теперь, послѣ объясненія со стариками, ему пришла въ голову оригинальная мысль — попытаться устроить все такъ, чтобъ они сами его отправили. Какъ ни больно было юношѣ разставаться съ своей первой, дорогой привязанностью, но страстное желаніе учиться въ университетѣ, навѣянное на него кружкомъ Жилинскаго, пересилило въ немъ всѣ другія чувства. „Только въ столицѣ человѣкъ можетъ какъ слѣдуетъ образовать себя и развиться“, слышалось часто въ этомъ кружкѣ. Христина Казиміровна знала о серьезномъ намѣреніи Свѣтлова уѣхать, ей тоже было больно, не меньше его, разстаться съ нимъ, но, тѣмъ не менѣе, она рѣшительно и твердо сказала ему по этому поводу:

— Поѣзжай, Саша. Что бы ни случилось съ нашей любовью,— поѣзжай: есть на свѣтѣ такія вещи, на которыя никакая любовь посягать не вправѣ...

— Да,—подтвердилъ отъ своего имени и Жилинскій.—И ты

бы не была моей дочерью, еслибъ посовѣтывала ему что нибудь другое,—горячо цѣлуя ее, прибавилъ съ величественнымъ достоинствомъ старикъ.

Такимъ образомъ между ними это было рѣшенное дѣло, и юноша поспѣшилъ привести въ исполненіе свою оригинальную мысль. Онъ началъ съ того, что сталъ открыто появляться вездѣ съ Жилинской, точно хвастаясь близостью своихъ отношеній къ ней. Христина Казиміровна отлично помогала ему въ этомъ, зная его планъ, и стараясь вести себя съ нимъ, какъ невѣста. Свѣтловъ, кромѣ того, сдѣлалъ привычку все рѣже бывать дома, уходилъ иногда оттуда очень поздно ночью, а возвращался только на зарѣ, съ очевидными признаками ночного разгула, точно преступную связь завелъ. Въ дѣйствительности же, онъ очень скромно проводилъ это время у Жилинскихъ, но нарочно не спалъ тамъ, чтобъ показаться дома какъ можно въ безпорядочномъ видѣ. А родня его, между тѣмъ, только ахала, пожимала плечами, да руками разводила: „Ужъ лучше вы его, не то, отправьте: можетъ, онъ остепенится, забудетъ Христинку-то“, совѣтовала она Свѣтловымъ. Какъ утопающій хватается за соломенку, ухватились за эту мысль старики, когда у нихъ, наконецъ, „терпѣнія ужь не стало“, по выраженію Ирины Васильевны. И вотъ, ея первенецъ опять былъ потребованъ къ допросу, въ кабинетъ отца.

— Что же ты... докуда же ты будешь такъ шляться? спросилъ у него Василій Андреичъ, и никогда еще брови не хмурились такъ у старика, какъ въ эту минуту.

Сынъ молчалъ.

— Я *тебя* спрашиваю! грозно повторилъ старикъ.

— Тутъ такъ на него и столбнякъ найдетъ, а какъ съ подлой Христинкой по ночамъ таскаться, такъ это его дѣло! раздраженно вмѣшалась Ирина Васильевна.

Сынъ поблѣднѣлъ, потомъ вспыхнулъ, опять поблѣднѣлъ, но все-таки молчалъ.

— Такъ ты еще и говоритъ съ отцомъ не хочешь, шельма ты

этакая! побагровѣлъ, въ свою очередь, старикъ.—Ужь ты не жениться ли на этой поганой твари думаешь? продолжалъ онъ, все больше выходя изъ себя и задыхаясь,—и поднесъ кулакъ къ лицу сына.—Ты знаешь, что я могу изъ тебя сдѣлать... шельма!

— Порки хорошей въ полиціи, что ли, ты, батюшка, ждешь? снова вмѣшалась Ирина Васильевна.

У юнаго Свѣтлова такъ и засверкали глаза. Холодный, нехорошій огонь блеснулъ въ нихъ, и все-таки онъ промолчалъ и на этотъ разъ.

— Вонъ отсюда!.. подлецъ!! прохрипѣлъ Василій Андреичъ, совершенно побагровѣвъ отъ злости.—Чтобъ завтра же ты у меня былъ готовъ въ дорогу!.. чтобъ духу твоего не было!.. Слышишь?! крикнулъ онъ изо всей мочи сыну, даже не замѣчая, что того уже не было въ комнатѣ.

Дней черезъ десять послѣ этой сцены, почтовая тройка уносила юнаго Свѣтлова впередъ по московскому тракту. За ней, до второй станціи, слѣдовала другая такая же тройка, съ старикомъ Жилинскимъ и его дочерью. У Христины Казиміровны отъ слезъ были совсѣмъ красные глаза. До поздняго вечера простояли обѣ тройки на этой станціи, и только передъ свѣтомъ одна изъ нихъ, не торопясь, вернулась въ городъ, а другая лихорадочно понеслась впередъ, то уныло, то звонко побрякивая колокольчиками и тревожа ими чуткое на разсвѣтѣ деревенское ухо...

ГЛАВА II.

Полковница Рябкова.

Ровно черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ Александръ Васильичъ скромно отпраздновалъ у себя, втроемъ, близкое осуществленіе одной изъ своихъ задушевныхъ мыслей, а именно: въ первыхъ числахъ сентября, онъ получилъ наконецъ разрѣшеніе открыть безплатную школу для мальчиковъ и дѣвочекъ, и при ней воскресные вечерніе уроки для чернорабочихъ обоего пола. Это причинило молодому человѣку много хлопотъ и не обошлось безъ содѣйствія той „вѣской“ петербургской руки, о которой онъ намекнулъ въ извѣстный вечеръ Варгунину. Особенно, немалаго труда стоило Свѣтлову уломать своихъ стариковъ переѣхать въ большой домъ; но втеченіи двухъ предшествовавшихъ мѣсяцевъ, онъ исподоволь, то шутками, то серьезными доводами, успѣлъ-таки побѣдить ихъ упрямство.

Въ большомъ домѣ Свѣтловыхъ, вотъ уже два года слишкомъ, квартировало семейство нѣкоего полковника Рябкова. Самъ Рябковъ—выжившій изъ ума старикъ — принадлежалъ, по своему общественному положенію, къ мѣстной аристократіи, а его молоденькая жена пользовалась особеннымъ расположеніемъ представителя мѣстной власти; злые языки увѣряли даже, что единственная пятилѣтняя дочь этой милой дамы имѣла поразительное сходство съ нимъ. Старики Свѣтловы тѣмъ именно и мотивировали свое первоначальное несогласіе на просьбу сына, что имъ „неловко отказать, ни съ того—ни съ сего, такимъ почтеннымъ и столько лѣтъ квартирующимъ жильцамъ“. Теперь, когда дѣло останавливалось только изъ-за подобной неловкости, и когда пятиться отъ своихъ словъ уже не приходилось, Василій Андреичъ рѣшительно объявилъ сыну:

— Пускай къ нимъ мать идетъ: домъ ея,—она и распорядительница; а я, парень, ни за что не пойду страмиться, ужъ какъ ты тамъ хошь!

Но Ирина Васильевна, услыхавъ такой отзывъ мужа, наотрѣзъ объявила ему, въ свою очередь:

— Да, ладно, батюшка! чего выдумалъ еще: тебѣ стыдно, а другимъ, небось,—нѣтъ. Ни за что я не пойду... Пускай Санька и идетъ самъ, коли ему такъ приспичило!

— Да я, мама, и не отказываюсь идти,—сказалъ спокойно Александръ Васильичъ, выслушавъ мнѣніе стариковъ; — только я думалъ, что это удобнѣе было бы сдѣлать вамъ...

— Самъ, батюшка, заварилъ кашу—самъ и расхлебывай ее, какъ знаешь,—замѣтила ему мать.

— Я же, кстати, охотникъ до каши,—весело отвѣтилъ молодой Свѣтловъ, и сталъ одѣваться.

Разговоръ этотъ происходилъ въ его комнатѣ, часовъ въ десять утра, на другой день послѣ того, какъ получилось разрѣшеніе на открытіе школы.

— Да ты и въ самомъ дѣлѣ, что ли, идешь, парень? нахмурившись освѣдомился Василій Андреичъ у сына, когда тотъ надѣлъ сюртукъ.

— Сейчасъ же, папа.

— Ужо вотъ тебѣ Рябковъ-то покажетъ!.. постращала Ирина Васильевна своего первенца.

— Только бы что нибудь новенькое показалъ, а ужъ я съ удовольствіемъ посмотрю, засмѣялся Александръ Васильичъ.

— Вотъ и толкуй съ нимъ, прости Господи, какъ Захаръ съ пьяной бабой! обратилась старушка къ мужу, и не могла удержаться отъ улыбки.

— Пу-у-скай его идетъ! безнадежно махнулъ рукой Василій Андреичъ — и ушелъ

Минутъ десять спустя, молодой Свѣтловъ звонилъ уже у подъѣзда большого дома. Александръ Васильичъ не былъ еще знакомъ съ Рябковыми, только раза два видѣлъ ихъ гдѣ-то мелькомъ. Впрочемъ, и его старики особеннаго знакомства съ ними не водили, а размѣнивались, обыкновенно, чопорными визитами въ рождество и пасху.

На звонокъ Свѣтлова, къ нему вышла востроносая, чрезвычайно вертлявая молоденькая горничная, кокетливо одѣтая, и съ лукавой ужимкой объявила, что „полковникъ теперь на службѣ, а полковница — у себя“. Александръ Васильичъ попросилъ доложить о немъ хозяйкѣ, и раздѣвшись въ передней, прошелъ въ залу.

Рябкова, питавшая большую наклонность къ „молодымъ людямъ хорошаго тона“, уже давно интересовалась пріѣзжимъ сыномъ своихъ квартирныхъ хозяевъ, даже сердилась, что онъ до сихъ поръ не дѣлалъ ей визита, и потому, когда горничная назвала ей гостя, „полковница“ вся встрепенулась, торопливо приказала просить его—обождать минуту, а сама принялась одѣваться, безпрестанно оглядывая себя въ зеркалѣ.

— Наконецъ-то, monsieur Свѣтловъ! съ какимъ-то веселымъ торжествомъ сказала она гостю, выходя къ нему минутъ черезъ десять, чрезвычайно нарядная, и кокетливо прищуривая лѣвый глазъ; на правый—„полковница“ немного косила.

Александръ Васильичъ сухо, но вѣжливо пожалъ торопливо протянутую ему сдобную бѣлую руку, блиставшую множествомъ перстней на безымянномъ пальцѣ.

— Soyez le bien venu! повела его за собой Рябкова въ гостиную.

Она расположилась тамъ на диванѣ, а Свѣтлова пригласила рукой сѣсть возлѣ себя, но тотъ предпочелъ почему-то помѣститься напротивъ ея, въ креслѣ.

— Mieux tard que jamais,—любезно проговорила, снова прищуриваясь, Рябкова, когда они усѣлись, и при этомъ она поправила платье такъ, что изъ-подъ его оборки выставилась щегольская ботинка и слегка обнажился бѣлый, какъ снѣгъ, чулокъ. — Впрочемъ, я увѣрена, что вамъ просто хотѣлось пококетничать немного... N'est ce pas?

— Извините меня, но я не понимаю, о чемъ вы говорите,—замѣтилъ ей очень серьезно Александръ Васильичъ.

— О-о-о, какой вы опасный человѣкъ! лукаво погрозила она ему пальцемъ,—сейчасъ видно, что только-что изъ столицы.

— Но я все-таки, сударыня... началъ было нетерпѣливо Свѣтловъ.

— Сударыня! передразнила его, съ забавной гримаской, хозяйка, не давъ ему договорить.—Ахъ какой несносный! Mettez-vous donc ici, à côté de moi,—заключила она, слегка отодвигаясь и снова указывая ему мѣсто возлѣ себя на диванѣ.

— Благодарю васъ, мнѣ очень удобно здѣсь,—сказалъ Александръ Васильичъ, съ замѣтной досадой въ голосѣ, и такъ выразительно оглянулъ Рябкову, что та даже сконфузилась немного.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, monsieur Свѣтловъ, отчего вы такъ долго не хотѣли навѣстить насъ? спросила она, значительно измѣнивъ тонъ.

— Ахъ, вотъ о чемъ вы говорите. Но я, признаюсь, и теперь не совсѣмъ васъ понимаю: развѣ на мнѣ лежала, въ этомъ отношеніи, какая нибудь обязанность? невозмутимо освѣдомился Александръ Васильичъ.

— Обязанность! повторила она, гримасничая;—кто же говоритъ объ обязанности... фи!

— Но вы именно такъ принимаете меня, какъ будто я въ чемъ-то согрѣшилъ передъ вами,—замѣтилъ Свѣтловъ.

— Согрѣшилъ! опять повторила хозяйка, съ новой кокетливой гримаской.—Разумѣется, согрѣшили: всякій молодой человѣкъ хорошаго тона грѣшитъ, лишая другихъ удовольствія своего общества.

— А вы очень увѣрены, что я—„молодой человѣкъ хорошаго тона“? спросилъ Александръ Васильичъ, которому почему-то, въ настоящую минуту, захотѣлось побѣсить эту провинціальную львицу.

— Иначе, я полагаю, я не имѣла бы чести принимать васъ теперь у себя,—величаво пояснила Рябкова, съ очевидной досадой, и недружелюбно покосилась на гостя.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте извиниться, что я не предупредилъ васъ съ перваго шага: я къ вамъ по дѣлу, — сказалъ Свѣтловъ.

— По дѣ-ѣ-лу! растянула она, снова передразнивъ его.—Какъ

это мило, однако, сказано! А такъ, изъ вѣжливости, вы бы и не навѣдались къ намъ?

— Согласитесь, что еслибъ только существовалъ подобный законъ вѣжливости,—мнѣ бы пришлось объѣхать весь городъ...

— Зачѣмъ же непремѣнно „весь городъ", monsieur Свѣтловъ? Я полагаю, прежде къ тѣмъ, кто ближе,—еще съ большей досадой замѣтила хозяйка.

— Я такъ и сдѣлалъ: побывалъ съ пріѣзда у всѣхъ своихъ родственниковъ и друзей,—отвѣтилъ спокойно Александръ Васильичъ, какъ будто не замѣчая ея раздраженія.

— Вы меня не поняли: я хотѣла сказать, что мы, кажется, на одномъ дворѣ живемъ съ вами...

— Виноватъ! сказалъ Свѣтловъ,—но эта оплошность не столько зависѣла отъ меня, сколько отъ привычки: въ Петербургѣ—въ одномъ домѣ сотни жильцовъ.

— О-о-о, какъ надо съ вами осторожно!.. опять погрозила ему пальцемъ Рябкова, смягчаясь почему-то.—А я, должна признаться, такъ желала васъ видѣть и познакомиться...

— Согласитесь, я не могъ этого знать. Отчего же, въ такомъ случаѣ, вы сами не зашли къ намъ? спросилъ Александръ Васильичъ, придавая наивнѣйшее выраженіе своему вопросу: —матушка говорила мнѣ, что вы знакомы.

— Фи-и!.. monsieur Свѣтловъ!! покачала она головой, вся вспыхнувъ:—я не дѣлаю визитовъ къ молодымъ людямъ...

— Ну вотъ видите, мы совершенно расходимся во взглядахъ,— замѣтилъ лукаво Александръ Васильичъ; — не думаю, чтобъ подобное знакомство могло доставить вамъ какое нибудь удовольствіе.

— Ah, mon Dieu! au contraire... защебетала хозяйка: — я сама большая охотница до всего оригинальнаго; c'est le défaut de presque tous les jeunes gens. Je vous assure...

— Извините, я не говорю по-французски,—рѣзко остановилъ ее Свѣтловъ.

— Вы... не говорите по-французски?! Не вѣрю, не вѣрю! вскри-

чала Рябкова, дѣлая большіе глаза, и граціозно замахала руками, обнаживъ ихъ чуть не до локтя.

— По крайней мѣрѣ, безъ нужды,—подтвердилъ Александръ Васильичъ. — Мнѣ кажется, на родномъ языкѣ мы гораздо лучше поймемъ другъ друга. Впрочемъ, виноватъ!... вы, можетъ быть, француженка? поспѣшилъ онъ добавить, съ тонкой ироніей въ голосѣ.

— Ахъ нѣтъ, я русская... сконфузилась она; — но это такъ принято въ порядочномъ обществѣ.

— Ну вотъ видите: ясно, что я не принадлежу къ „порядочному“ обществу,—разсмѣялся Свѣтловъ, сдѣлавъ особенное ударе-ніе на предпослѣднемъ словѣ.

— Ахъ... вы совсѣмъ меня не поняли... замялась и еще болѣе сконфузилась Рябкова.

Ей показалось, что гость обидѣлся.

— Напротивъ, мнѣ кажется, я совершенно васъ понялъ,—сказалъ Александръ Васильичъ холодно: — каждый имѣетъ право называть порядочнымъ только то, что ему представляется такимъ.

— О-о-о, какой вы!...

Она опять погрозила ему пальцемъ, но на этотъ разъ, кажется, исключительно потому, что ужъ очень была смущена оборотомъ ихъ разговора.

— Позвольте мнѣ теперь прямо перейти къ тому дѣлу, по которому я побезпокоилъ васъ,—молвилъ вѣжливо Свѣтловъ, пользуясь минутой смущенія хозяйки. — Собственно, мнѣ слѣдовало бы обратиться за этимъ къ вашему мужу; но такъ какъ его нѣтъ дома...

— Да, да, monsieur Свѣтловъ, съ дѣлами, пожалуйста, къ мужу,—бойко перебила его Рябкова:—я ничего не смыслю въ дѣлахъ. Полковникъ черезъ часъ воротится, а до тѣхъ поръ я считаю васъ исключительно *моимъ* гостемъ...

— Очень вамъ благодаренъ; но мое дѣло не сложно,—замѣтилъ Александръ Васильичъ, вставая: — я увѣренъ, вы также хорошо его поймете, какъ и вашъ мужъ. Отецъ поручилъ мнѣ

извиниться передъ вами и просить васъ пріискать для себя другую квартиру.

— Не предупредивши насъ объ этомъ зараньше? запальчиво спросила „полковница“ —и величественно поднялась съ мѣста.

— Вотъ именно онъ и поручилъ мнѣ предупредить васъ.

— Но... но я не понимаю, какъ же это такъ... вдругъ? Я полагаю, мы не подали никакого повода вашему отцу...

— О совершенно, совершенно никакого! поспѣшилъ подтвердить Свѣтловъ: — напротивъ, онъ даже уполномочилъ меня передать вамъ, что не желалъ бы имѣть лучшихъ жильцовъ, такъ-что въ этомъ отношеніи...

— Такъ я не понимаю, послѣ этого, ни вашего дѣла, ни вашего отца,—перебила нетерпѣливо Рябкова.

— Дѣло очень просто: мы хотимъ переселиться сами въ большой домъ.

— Развѣ вашъ батюшка получилъ наслѣдство? спросила хозяйка, больше раздражительно, чѣмъ насмѣшливо.

Александръ Васильичъ вспыхнулъ.

— Отецъ мой всегда разсчитываетъ только на свою трудовую собственность, которою и распоряжается по своему усмотрѣнію,— сказалъ онъ ѣдко; — но, я надѣюсь, онъ будетъ очень радъ дожить до той минуты, — если *вы* имѣете въ виду какое нибудь наслѣдство,—когда и у васъ будетъ своя недвижимая собственность.

— Вы, кажется, забываетесь, monsieur Свѣтловъ!

Она горделиво окинула его глазами.

— Ровно настолько, насколько позволили себѣ это вы,—сухо подтвердилъ Свѣтловъ.

Рябкова чуть не до крови прикусила нижнюю губу.

— Я скажу мужу,—отвѣтила она, всѣми силами стараясь казаться спокойной;—но не думаю, чтобъ онъ это принялъ такъ легко...

— Какъ бы онъ ни принялъ, это до нашего семейства совершенно не касается. Мнѣ, впрочемъ, очень жаль, что я, повидимому, принесъ вамъ большую непріятность... что роль эта пала

именно на меня... но... — Свѣтловъ пожалъ плечами. — Позвольте съ вами раскланяться.

— Ахъ, Боже мой! бойко заговорила Рябкова, перемѣнивъ вдругъ тонъ и принудивъ себя улыбнуться,—да къ чему же намъ съ вами такъ горячиться изъ-за пустяковъ? Поссорились немножко—и помиримся. Прошу васъ, monsieur Свѣтловъ, будьте столько любезны, присядьте на минутку,—пропѣла она сиреной, и опять пріютилась на диванѣ.

— Къ вашимъ услугамъ,—вѣжливо проговорилъ Александръ Васильичъ, и тоже присѣлъ на кресло.

— Дѣла — дѣлами, знакомство — знакомствомъ... не такъ ли? начала она, обворожительно прищуривая на гостя лѣвый глазъ.— Вы меня не поняли: мнѣ просто хотѣлось узнать,—мы вѣдь, женщины, ужасно какъ любопытны,—отчего ваши переходятъ въ большой домъ? Ужь не выходитъ ли замужъ Ольга Васильевна?

— Охъ нѣтъ, совсѣмъ не потому. Вы напрасно не спросили у меня прямо о причинѣ. Дѣло въ томъ, что намъ необходимо очистить флигель: я устроиваю въ немъ школу.

— Такъ значитъ, корень-то всего зла—вы? спросила Рябкова съ хитрой улыбкой и такимъ тономъ, какъ будто этотъ вопросъ совершенно успокоивалъ ее.

— Да, я... если школу можно назвать зломъ,—улыбнулся, въ свою очередь, Свѣтловъ.

— Что это вамъ вздумалось, monsieur Свѣтловъ, брать на себя такую скуку, какъ школа? Въ ваши годы, при вашемъ образованіи... помилуйте! да вамъ здѣсь, въ городѣ, все открыто настежъ, стоитъ только за...

— Извините меня,—не далъ ей договорить Александръ Васильичъ,—мы, кажется, опять касаемся такого пункта, что... что я боюсь, не пришлось бы намъ снова мириться.

— О! да вы настоящій дипломатъ, monsieur Свѣтловъ,—звонко засмѣялась хозяйка.—Je gagerai tout ce que vous plaira,—наши дамы погибли...

— Развѣ вы предполагаете въ скоромъ времени какую нибудь женскую эпидемію здѣсь? невозмутимо освѣдомился у нея Свѣтловъ.

— Ахъ, какой несносный! вскричала Рябкова, очевидно приходя въ восторгъ и кокетливо гримасничая.—Замолчите лучше, или я даже и за себя не ручаюсь...

— Воля ваша, но я совершенно не понимаю, что вы хотите сказать,—молвилъ Александръ Васильичъ, пожимая плечами.

— Онъ „не понимаетъ“! Скажите! онъ „не понимаетъ“,—кокетничала хозяйка. — Замолчите, замолчите! Я вамъ говорю, что даже за себя не ручаюсь...

— Если это дѣйствительно такъ опасно, какъ вы говорите, то мнѣ остается только посовѣтовать вамъ... горчишникъ! не выдержалъ Свѣтловъ, и такъ безумно расхохотался, какъ только былъ способенъ.

Рябкова, повидимому, не поняла его.

— Вы нашъ! Это рѣшено: вы нашъ! захохотала она, въ свою очередь, граціозно махая руками и снова обнажая ихъ почти до локтя.

Александръ Васильичъ вдругъ сдѣлался серьезенъ.

— Вы очень веселая женщина,—сказалъ онъ, вставая,—и мнѣ остается только пожалѣть, что между нами такая разница во вкусахъ... Желаю вамъ... здоровья!

Свѣтловъ сухо поклонился, и не подавая ей руки, пошелъ къ дверямъ въ залу.

— Постойте... На что же вы опять такъ разсердились, monsieur Свѣтловъ? остановила его Рябкова.

Въ эту минуту, въ сосѣдней комнатѣ послышался слабый дѣтскій плачъ и чей-то старушечій шопотъ.

— Я думаю, что мы уже достаточно поняли другъ друга,—нѣсколько бокомъ повернулся къ хозяйкѣ Александръ Васильичъ;—да и васъ, кажется, призываютъ ваши обязанности, — прибавилъ онъ колко, и указалъ головой по направленію, откуда слышался дѣтскій плачъ.

— Ахъ это моя дочь изволитъ тамъ капризничать,—небрежно

проговорила Рябкова, стараясь придать себѣ какъ можно больше мнимаго аристократизма.—Но вы еще не сказали мнѣ, какую вы школу устроиваете? для кого? Надѣюсь, что для дѣтей нашего круга?

— Напротивъ, для простонародья,—отвѣтилъ ей вскользь молодой человѣкъ уже въ залѣ, направляясь къ передней.

— Удивляюсь, monsieur Свѣтловъ, вашей охотѣ возиться съ мальчишками! пожала она плечами, рисуясь.

— У меня будутъ учиться и взрослые,—также вскользь пояснилъ Александръ Васильичъ, надѣвая въ передней пальто.

— Мужики? Возиться съ мужиками... фи-и! Вотъ ужъ не ожидала-то, monsieur Свѣтловъ, найти въ васъ такія... странныя наклонности. Удивляюсь, удивляюсь!... насмѣшливо говорила Рябкова, въ то же время какъ-то смущенно потирая двумя пальцами правой руки лѣвый мизинецъ.

— Чему же вы такъ удивляетесь? Иные мужики умѣютъ вести себя, право, съ гораздо большимъ тактомъ, чѣмъ нѣкоторыя изъ нашихъ такъ—называемыхъ свѣтскихъ женщинъ,—холодно и опять вскользь замѣтилъ Свѣтловъ.

Онъ чуть-чуть поклонился хозяйкѣ, и не давъ ей опомниться, быстро изчезъ за дверями передней.

— Ско-о-ро, парень, слеталъ!.. встрѣтилъ Василій Андреичъ сына на порогѣ прихожей флигеля.

— Ужъ тебя, Санька, Рябковъ-то не вытурилъ ли? разсмѣялась Ирина Васильевна, услыхавшая замѣчаніе мужа и тоже вышедшая къ нимъ въ прихожую.

— Только не онъ, а она,—замѣтилъ Александръ Васильичъ, сбрасывая съ себя пальто. — Ну ужъ и барыня!

— А что? освѣдомился отецъ.

— Да это просто какая-то... мышеловка, только не для мышей, конечно, а для молодыхъ людей мышиныхъ свойствъ. Не успѣлъ я присѣсть, двухъ словъ сказать, какъ она ужъ и на меня дверцы насторожила.

— Она, батюшка, вонъ какимъ почетомъ здѣсь пользуется,—замѣтила внушительно старушка.

— Немудрено; вѣдь въ нашемъ свѣтскомъ кругу—чѣмъ легче женщина, тѣмъ и почета ей больше: такая всѣхъ понемножку приласкаетъ,—сказалъ Александръ Васильичъ, переступая порогъ своей комнаты.

— Ближе лежитъ—скорѣе достанешь,—съострилъ Василій Андреичъ, слѣдуя за сыномъ:—вамъ, молодятнику, это-то и на руку, парень...

— Только не мнѣ, папа. Въ моихъ глазахъ любая публичная женщина, доведенная путемъ холода и голода до разврата, имѣетъ больше права на уваженіе, чѣмъ такая... художница, какъ госпожа Рябкова. Я не выношу подобныхъ женщинъ; я ихъ какъ-то съ двухъ словъ знаю, и меня всегда такъ и подмываетъ наговорить имъ дерзостей. Этихъ женщинъ постоянно окружаетъ такая нравственная шваль, что порядочному человѣку необходимо хоть разъ дать почувствовать подобной особѣ, что она такое въ сущности и какого обращенія заслуживаетъ, — ну, и я таки, признаюсь, не поскупился!

— Ты ужъ, батюшка, и вправду не наговорилъ ли ей чего такого?.. съ торопливымъ испугомъ спросила старушка.

Сынъ спохватился.

— Пустяки говорились, мама,—отвѣтилъ онъ уклончиво.

Хотя этотъ отвѣтъ и успокоилъ Ирину Васильевну, но она не могла пропустить мимо ушей безпощаднаго приговора молодого человѣка и сочла долгомъ обидѣться и заступиться за свою жилицу, высказавъ на ея счетъ нѣсколько смягчительныхъ соображеній и сдѣлавъ сыну выговоръ за легкомысліе.

— Просто модная дама,—заключила она.

— Деликатесъ!.. выразительно-иронически поддержалъ ее Василій Андреичъ.

Александръ Васильичъ вкратцѣ передалъ имъ сущность своего визита и ушелъ на урокъ. Старики остались въ его комнатѣ и долго еще совѣтовались, какъ будетъ лучше поступить, если кто нибудь изъ Рябковыхъ пожалуетъ къ нимъ для переговоровъ; порѣшили, что ужъ отступать нельзя, „некрасиво“, какъ выразился Василій Андреичъ.

Дѣйствительно, въ тотъ же вечеръ, во флигель явилась разодѣтая Рябкова, наговорила Иринѣ Васильевнѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, кучу комплиментовъ насчетъ ея сына, очень чувствительно изобразила ей свою привязанность къ большому дому, какъ она къ нему привыкла, какъ жаль ей будетъ оставить „такихъ славныхъ хозяевъ“,—и, вообще, распустила самую тонкую дипломатію. Старики, однако, устояли, хотя для этого Иринѣ Васильевнѣ пришлось даже солгать: она довольно тонко намекнула гостьѣ, что школа-то тутъ, кажется, только для виду, а главное дѣло чуть ли не въ будущей невѣсткѣ.

Во всякомъ случаѣ, молодой Свѣтловъ могъ поздравить себя въ это утро съ новымъ успѣхомъ; но, несмотря на то, онъ весь день былъ очень хмуръ и точно недоволенъ собой. Пообѣдавъ, Александръ Васильичъ сейчасъ же отправился изъ дому, читая себѣ дорогой такую нотацію:

„Стыдно вамъ, милостивый государь! Кто думаетъ о томъ, о чемъ помышляете вы, тотъ долженъ вести себя сдержаннѣе, долженъ каждую минуту держать ухо востро. Ржавый гвоздь — все-таки гвоздь; онъ можетъ, при случаѣ, совсѣмъ не кстати войти туда, гдѣ ему вовсе не слѣдуетъ быть. Совѣтую вамъ быть въ слѣдующій разъ скупѣе: не зажигать свѣчъ, когда игра ихъ не стоитъ. Полковница Рябкова, при всей своей легкости, кажется, не совсѣмъ глупа и можетъ, пожалуй, захотѣть доказать вамъ это; а врагъ всегда очень послѣдовательно доказываетъ... Стыдно-съ!“

Но Александръ Васильичъ пока даже и представить себѣ не

могъ, какого врага, дѣйствительно, нажилъ онъ своему дѣлу въ этой „полковницѣ Рябковой“...

ГЛАВА III.

Продуманное и прочувствованное.

Лизавета Михайловна чувствовала себя, въ послѣднее время, какъ бы окруженной какимъ-то сіяніемъ: никогда еще не жилось ей такъ хорошо; по крайней мѣрѣ, она признавалась въ этомъ самой себѣ въ минуты одиночества, пытливо заглядывая въ глубину своей души. Впрочемъ, теперь у ней такія минуты случались все рѣже и рѣже: изъ мертваго міра умныхъ книгъ она незамѣтно перешла въ живой міръ умныхъ людей, и чѣмъ чаще появлялись эти люди въ ея гостиной, тѣмъ меньше оставалось у нея времени на бесѣду съ глазу-на-глазъ съ собственными мыслями. Но Прозорова только выиграла отъ этого: книгамъ она не имѣла возможности задавать своихъ мучительныхъ вопросовъ, а если и задавала, то безотвѣтно; книги не могли ей сказать, что заключалось въ нихъ между строками, когда эти строки были не вполнѣ ясны и давали только темные намеки. Живые люди, напротивъ, восполнили этотъ пробѣлъ ея самостоятельнаго развитія; они смѣло отвѣчали на все, и потому имъ также смѣло можно было предложить всякій вопросъ.

Первымъ изъ этихъ людей, по вліянію, былъ Свѣтловъ. Онъ, такъ сказать, сталъ ея руководителемъ, помимо своей и даже ея воли. Лизавета Михайловна чувствовала, какъ съ каждымъ его урокомъ, съ каждымъ шагомъ впередъ ея дѣтей, все шире и шире развертывается и ея собственный, съ самаго дѣтства замкнутый,

внутренній міръ, съ какимъ исполинскимъ ростомъ зрѣютъ въ ней самой понятія, заносимыя учителемъ на юную умственную почву его учениковъ. Она замѣчала также и не мало удивлялась этому, что жизнь какъ будто получила для нея, съ нѣкотораго времени, совершенно новое значеніе. Мало того, Лизавета Михайловна ясно и даже съ нѣкоторымъ страхомъ увидѣла, что изъ души ея какъ будто бьютъ горячимъ ключомъ новыя, невѣдомыя ей самой, силы, готовыя залить своимъ стремительнымъ потокомъ все ея существованіе. Откуда взялись онѣ, эти могучія силы? Таились ли онѣ и прежде въ глубокомъ родникѣ ея души и теперь только вызваны наружу, или пришли къ ней извнѣ? На этотъ, поглощавшій ее, вопросъ она не могла отвѣтить себѣ прямо; но что-то особенное, совершавшееся въ ней въ послѣдніе дни, какъ бы давало ей предчувствовать, что вырви изъ нея теперь эти силы — и жизнь ея угаснетъ, ни разу не вспыхнувъ, не освѣтивъ даже самой себя...

Вслѣдъ за Свѣтловымъ въ домъ Лизаветы Михайловны незамѣтно вошелъ цѣлый избранный кружокъ. Прежде другихъ появился въ ея семействѣ — Ельниковъ. Анемподистъ Михайлычъ сдержалъ свое обѣщаніе и, послѣ двухъ-трехъ посѣщеній Гриши, завернулъ къ нему какъ-то вечеркомъ. Мальчикъ, разумѣется, сейчасъ же представилъ его матери. Ей достаточно было сказать, что это другъ Александра Васильича, чтобъ докторъ нашелъ у нея самый радушный пріемъ. Наружная суровость Ельникова не оттолкнула Прозоровой; напротивъ, добродушная грубоватость манеръ доктора какъ нельзя болѣе расположила Лизавету Михайловну въ его пользу, — у ней на это было удивительное чутье. Она сразу нашла, что Ельниковъ и несравненно глубже Любимова, и гораздо искреннѣе его, несмотря на то, что Евгеній Петровичъ казался самымъ откровеннымъ человѣкомъ. Любимовъ завертывалъ къ нимъ чуть не черезъ день втеченіи года, и все-таки Лизавета Михайловна не помнила, чтобъ она когда нибудь заговорила съ нимъ такъ задушевно, какъ сдѣлала это въ отношеніи Анемподиста Михайлыча въ первый же вечеръ знакомства съ нимъ. Въ

свою очередь, Ельниковъ, въ отвѣтъ на приглашеніе хозяйки бывать у нихъ чаще, тогда же объявилъ ей напрямикъ:

— Вы такая славная барыня, что теперь меня, пожалуй, и не выживешь изъ вашего дома.

И Свѣтловъ, и Ельниковъ столько разъ и такъ тепло отзывались Лизаветѣ Михайловнѣ о Варгунинѣ, что она и его пожелала видѣть у себя. Матвѣй Николаичъ также расположилъ ее къ себѣ сразу. Устраивая уроки Анютѣ Орловой, которая была достаточно уже подготовлена къ нимъ, Александръ Васильичъ встрѣтилъ, со стороны Прозоровой, самое горячее сочувствіе къ этому дѣлу. Хотя Лизавета Михайловна давно уже никуда не выѣзжала, она рѣшилась сдѣлать на этотъ разъ исключеніе и съѣздила въ два-три значительныхъ дома, гдѣ пользовалась большимъ уваженіемъ и вниманіемъ, несмотря на свою нелюдимость. Благодаря ея хлопотамъ, Анюта получила хорошее мѣсто съ тридцатью пятью рублями жалованья въ мѣсяцъ за четыре урока въ недѣлю съ двумя маленькими дѣвочками. По этому случаю, ей тоже пришлось познакомиться лично съ Прозоровой и войти въ ея тѣсный кружокъ, тѣмъ болѣе, что Лизавета Михайловна, слыша отъ Свѣтлова, какъ необходимо для его кузины вліяніе хорошаго семейнаго дома, всѣми силами постаралась вызвать ее на болѣе или менѣе искреннія отношенія между ними. Прозоровой совершенно удалось это, и ея крытая пролетка, прежде такъ рѣдко употреблявшаяся въ дѣло, теперь частенько стояла у воротъ знакомаго намъ вѣтхаго помѣщенія „тетки Орлихи“, откуда и увозила обыкновенно свою хозяйку не иначе, какъ вдвоемъ съ Анютой.

Такимъ образомъ Лизавета Михайловна очень скоро, и безъ особенныхъ съ ея стороны усилій, сдѣлалась центромъ съ весьма замѣтной притягательной силой. По очень вѣрному замѣчанію Варгунина, нигдѣ такъ хорошо не отдыхалось, послѣ трудовъ, какъ у нея за вечернимъ чаемъ. И дѣйствительно, рѣдкій день не завертывалъ къ ней вечеркомъ кто нибудь изъ этихъ господъ, а всѣ вмѣстѣ они встрѣчались у нея, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣ-

лю. Какъ ни далеко жилъ Матвѣй Николаичъ, но и онъ не былъ на этотъ счетъ исключеніемъ.

— Вы меня, Лизавета Михайловна, въ расходъ и въ роскошь ввели,—пошутилъ онъ ей однажды:—прежде я исключительно разсчитывалъ на свои ноги, такъ-какъ въ городъ навѣдывался изрѣдка, а теперь вотъ какъ повадился сюда ѣздить—совсѣмъ избаловался: какъ къ вамъ, такъ и запрягай кобылку.

Любимовъ, прежде обыкновенно заѣзжавшій къ Прозоровой только по утрамъ и то, кажется, больше по обязанности, чѣмъ по личному влеченію, теперь тоже сдѣлался ея частымъ вечернимъ гостемъ. Дѣло въ томъ, что Евгеній Петровичъ, лакомый вообще до дамъ, не особенно былъ расположенъ къ серьезнымъ женщинамъ; онъ всегда предпочиталъ имъ болѣе легкія, игривыя женскія натуры, въ присутствіи которыхъ чувствовалъ себя какъ-то развязнѣе, находчивѣе, а главное — побѣда надъ ними была также не трудна, какъ и отступленіе послѣ побѣды. Любимовъ, въ этомъ отношеніи, не любилъ слишкомъ долго сосредоточивать своихъ чувствъ на одномъ предметѣ; съ Прозоровой же нечего было даже и думать пускаться въ обольстительную игру минутныхъ страстей. Евгеній Петровичъ и попробовалъ было разъ отважиться на подобный шагъ, но это такъ дорого обошлось ему, что онъ мѣсяца полтора послѣ того не смѣлъ показать глазъ къ Лизаветѣ Михайловнѣ, и долженъ былъ сознаться, что только благодаря короткому знакомству и самому чистосердечному раскаянію, удержалъ за собой дальнѣйшую практику въ ея домѣ. Теперь же его, очевидно, привлекалъ туда сгруппировавшійся вокругъ хозяйки умный кружокъ. Кружокъ этотъ, конечно, не могъ похвастаться своей обширностью; но за то онъ былъ вполнѣ содержателенъ и, въ тоже время, отличался совершеннымъ отсутствіемъ натянутости и всякихъ претензій; въ немъ даже застѣнчивая Анюта мало-по-малу развернулась, видя и уразумѣвъ ту смѣлость, съ какою высказывалъ здѣсь каждый свои, подчасъ причудливыя, мнѣнія, не боясь показаться смѣшнымъ въ глазахъ остальныхъ. Исподоволь, сперва робко, а потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе, какъ и Ли-

завета Михайловна, Анюта и сама наконецъ стала незамѣтно вступать въ горячіе споры, такъ часто закипавшіе здѣсь. Въ этомъ отношеніи, несмотря на разницу лѣтъ и положеній, между нею и Прозоровой было много общаго: какъ та, такъ и другая развивались до того времени молча, про себя; какъ та, такъ и другая одинаково жаждали прямыхъ отвѣтовъ на мучившіе ихъ вопросы жизни. И онѣ, дѣйствительно, подружились, какъ только имъ обѣимъ стало ясно подобное сродство.

Но не одни эти обстоятельства производили впечатлѣніе того сіянія, въ какомъ, по мнѣнію Лизаветы Михайловны, жила она въ послѣднее время; ему—этому впечатлѣнію — много способствовали полнѣйшее ея спокойствіе и радость за дѣтей: они учились превосходно; быстрое развитіе ихъ бросалось въ глаза даже матери, слѣдившей за нимъ изо-дня въ день. Мало того, Прозоровой пришлось наконецъ уже не поощрять, а скорѣе останавливать излишнее усердіе дѣвочекъ, съ трудомъ отрывавшихся отъ своихъ уроковъ, такъ-какъ онѣ въ послѣднее время, особенно Сашенька, замѣтно похудѣли. Гриша также не отставалъ отъ сестеръ; онъ, кромѣ того, успѣлъ уже прочесть едва-ли не все, что заключалось въ обоихъ чемоданахъ Ельникова на русскомъ языкѣ. Съ другой стороны, Владимірко, введенный понемногу братомъ въ этотъ дѣтскій кружокъ, внесъ въ него очень много оживленія и служилъ, такъ сказать, противоядіемъ его усидчивой дѣятельности; они вдвоемъ съ Гришей даже устроили какъ-то во дворѣ Лизаветы Михайловны такой блестящій фейерверкъ для дѣвочекъ, что потревожили имъ мѣстную полицію, явившуюся къ нимъ, въ образѣ пожарнаго вѣстового, узнать, въ чемъ дѣло. Что же касается самого Александра Васильича, то онъ къ этому времени успѣлъ настолько освоиться съ своими учениками, и вообще у нихъ въ домѣ, что тамъ его никто уже и постороннимъ человѣкомъ не считалъ; даже горничная дѣвушка Прозоровой докладывала о немъ не иначе, какъ „нашъ баринъ“. По общепринятому мнѣнію, сближеніе подобнаго рода должно было бы подорвать въ дѣтяхъ уваженіе къ учителю, дать

имъ возможность, какъ говорится, не ставить его ни во что; однако, въ настоящемъ случаѣ, ничего похожаго на это не оказалось. Возьмемъ, напримѣръ, хоть Гришу. Онъ былъ такъ друженъ съ учителемъ, что говорилъ ему „ты“ и нисколько при немъ не стѣснялся; тѣмъ не менѣе, одинъ незначительный, повидимому, случай заставилъ мальчика быть очень осмотрительнымъ въ собственныхъ проявленіяхъ этой дружбы. Однажды Свѣтловъ разсказывалъ что-то Лизаветѣ Михайловнѣ объ Ельниковѣ и привелъ его слова, которыя раньше слышалъ и Гриша; но мальчику, не совсѣмъ хорошо понявшему тогда ихъ смыслъ, показалось, что Александръ Васильичъ все переиначилъ.

— Ты врешь,—замѣтилъ онъ ему:—Анемподистъ Михайлычъ не такъ сказалъ.

— Повторите, пожалуйста, Гриша: я не слыхалъ, что вы сказали,—обратился Свѣтловъ къ мальчику, и взглянулъ на него прямо, въ упоръ.

Спокойный тонъ этихъ словъ и не менѣе спокойное выраженіе взгляда Александра Васильича были, однакожъ, таковы, что Гриша согласился бы лучше сквозь землю провалиться отъ внезапно обхватившаго его, непривычнаго чувства смущенія, чѣмъ испытать на себѣ въ другой разъ ихъ силу. Онъ покраснѣлъ весь и промолчалъ, но цѣлый вечеръ потомъ боязливо поглядывалъ все въ глаза учителю, какъ-то особенно ухаживалъ за нимъ, и только тогда успокоился, когда Свѣтловъ опять сталъ говорить ему „ты“.

Дѣло въ томъ, что „общепринятое мнѣніе“ чаще всего является ошибочнымъ уже по тому одному, что оно именно *принято*, т. е. взято обществомъ безъ провѣрки позднѣйшими опытами. „Общепринятое мнѣніе“ никакъ не можетъ взять въ толкъ, что большинство людей бываетъ красиво только въ гостяхъ да при постороннихъ, а дома, предоставленное исключительно самому себѣ и полной свободѣ, оно—это большинство—широко распоясывается, разоблачаетъ во всѣхъ подробностяхъ свою дрянненькую натуру, и въ такомъ видѣ, разумѣется, не можетъ быть почтенно даже въ глазахъ его

собственныхъ комнатныхъ собачекъ. Но есть исключенія, есть люди, которые, въ обширномъ смыслѣ слова, и въ гостяхъ таковы же, какъ дома, или, лучше сказать, которые и дома ведутъ себя также порядочно, какъ въ гостяхъ. Такихъ исключеній, конечно, немного, но къ такимъ-то именно людямъ принадлежалъ и Свѣтловъ: сколько бы кто ни сближался съ нимъ—его никогда нельзя было застать въ нравственномъ déshabillé. А дѣти именно только тогда и теряютъ уваженіе къ старшимъ, когда начинаютъ безпрестанно наталкиваться въ нихъ на противорѣчія между словомъ и дѣломъ, между ихъ праздничнымъ и будничнымъ видомъ...

Въ началѣ настоящей главы мы сказали, что въ послѣднее время у Лизаветы Михайловны рѣдко удавались минуты, когда она могла свободно бесѣдовать съ глазу—на глазъ съ собственными мыслями. Тѣмъ не менѣе, Прозорова еще съ большею жадностью пользовалась этими рѣдкими минутами. Теперь—быть можетъ, благодаря ихъ рѣдкости—ея задумчивость проявлялась еще замѣтнѣе, была еще глубже, сосредоточеннѣе. Особенно это рѣзко бросалось въ глаза съ самого утра того дня, когда Свѣтловъ такъ странно объяснился съ госпожей Рябковой. Во время урока у Прозоровыхъ, Александръ Васильичъ съ перваго же взгляда подмѣтилъ на лицѣ хозяйки какое-то напряженное выраженіе, какъ будто она все собирается спросить его о чемъ-то,—и онъ долженъ былъ признаться, что никогда еще не видалъ ее болѣе задумчивой и прекрасной. Когда Свѣтловъ уходилъ, она не оставляла его, по обыкновенію, обѣдать у себя, а только сказала ему просто:

— Если у васъ сегодня вечеромъ нѣтъ *особенно важнаго* дѣла—приходите къ намъ: мнѣ нужно посовѣтоваться съ вами...

Но видно было по всему, что просьба ея очень серьезна.

И дѣйствительно, Лизавета Михайловна съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждала вечера. Сейчасъ же послѣ обѣда, она отправила Гришу къ Ельникову съ запиской, въ которой просила Анемподиста Михайловича удержать мальчика у себя, если можно, на цѣлый вечеръ. „Сегодня я не буду рада видѣть васъ у насъ“ —при-

бавляла она въ концѣ: „а завтра—милости просимъ; кстати и объясненіе этому получите“. Проводивъ сына, Прозорова поѣхала съ дѣвочками къ Анютѣ Орловой; она заказала передъ тѣмъ горничной, если кто нибудь зайдетъ къ нимъ, то говорить всѣмъ, что „хозяйка не скоро вернется“, Александра Васильича же просить „непремѣнно дождаться“ ея возвращенія. Лизавета Михайловна просидѣла у Анюты съ часъ времени, сказала, что попозже вечеркомъ сама заѣдетъ за дѣтьми, и уѣхала одна. Вернувшись домой и не заставъ у себя Свѣтлова, Прозорова снова торопливо распорядилась, чтобъ кромѣ его никого не принимали.

— Кто бы ни зашелъ—говорите: всѣ уѣхали въ гости,—раза два, по крайней мѣрѣ, повторила она удивленной горничной.

Около семи часовъ вечера Лизавета Михайловна, сидѣвшая до того времени въ потьмахъ, приказала подать свѣчи. Нетерпѣніе хозяйки стало замѣтно усиливаться теперь съ каждой минутой, а тѣни глубокой думы все гуще и гуще ложились на ея озабоченномъ лицѣ; нѣсколько разъ она взволнованно принималась ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, на минуту садилась, задумывалась и опять ходила. Раздавшійся въ половинѣ восьмого звонокъ въ передней, какъ ни ждала его Прозорова, заставилъ ее вздрогнуть.

Вошелъ Свѣтловъ.

— Наконецъ-то!... радостно протянула она ему обѣ руки: — а я ужъ думала, что вы не придете.

„Какая огромная разница между этимъ „наконецъ-то!“ и тѣмъ пошлымъ, какимъ поподчивала меня сегодня утромъ Рябкова“, мелькнуло въ головѣ Свѣтлова.

— Извините, Лизавета Михайловна,—сказалъ онъ, дружески здороваясь съ хозяйкой, — я сегодня съ утра былъ въ такомъ скверномъ настроеніи духа, что мнѣ пришлось прежде значительно провѣтриться, чтобъ предстать передъ вами въ порядочномъ видѣ. Я только-что отъ Варгунина, — не засталъ: нашъ сѣдой юноша ускакалъ куда-то въ деревню. Что это у васъ такая тишина сегодня? А гдѣ же дѣти?

— Дѣвочки уѣхали къ Орловымъ, а Гриша у Ельникова... А что? вамъ ихъ надо зачѣмъ нибудь? отвѣтила она смущенно.

— Нѣтъ, я такъ спросилъ. А вѣдь вотъ вамъ ни за что не угадать, Лизавета Михайловна, какъ и кто испортилъ у меня сегодня фунта два крови?

Свѣтловъ сѣлъ и, смѣясь, разсказалъ хозяйкѣ о своемъ визитѣ къ Рябковой, — утромъ, во время урока, онъ едва успѣлъ перебросится съ Лизаветой Михайловной двумя-тремя словами. Несмотря на то, однакожъ, что Александръ Васильичъ разсказывалъ очень остроумно, обнаруживая бездну наблюдательности, Прозорова выслушала его съ какой-то принужденной полуулыбкой. Она порывисто воспользовалась первой удобной минутой, чтобы прервать гостя, и тревожно сказала ему:

— Александръ Васильичъ!... у меня большое горе и... большая къ вамъ просьба...

При словѣ „горе“ лицо Свѣтлова мгновенно измѣнилось: на немъ не осталось и тѣни прежней веселости.

— Располагайте всѣмъ мной... какъ другомъ,—тихо сказалъ онъ, слегка наклоняя голову, и придвинулъ къ хозяйкѣ свое кресло.

— Я хотѣла серьезно поговорить съ вами, откровенно... именно какъ съ другомъ,—подтвердила она также тихо, и тоже наклонила голову. —Мнѣ это необходимо. Будете ли вы... вполнѣ искренни со мною?

— Лизавета Михайловна! сказалъ торжественно Свѣтловъ, почувствовавъ въ себѣ какую-то непривычную тревогу, и голосъ его зазвучалъ мягко-мягко, — когда вы удостоиваете меня такимъ высокимъ званіемъ и довѣріемъ, вы смѣло можете не сомнѣваться во мнѣ ни на минуту.

— Я вамъ вѣрю... не могу вамъ не вѣрить... и эта увѣренность больше всего нужна мнѣ теперь и дорога... замѣтила Прозорова еще тише, и на рѣсницѣ у ней навернулась и блеснула крупная слезинка.

Свѣтловъ молчалъ: то ли онъ хотѣлъ дать ей высказаться

вполнѣ, то ли залюбовался на эту милую, неожиданную слезинку.

— Безъ этой увѣренности въ вашей искренности,—продолжала она,—я никогда бы не рѣшилась заговорить съ вами о томъ, что мучило мою душу всю жизнь, и что еще больше мучитъ меня со вчерашняго вечера... Скажите мнѣ, Александръ Васильичъ, — это очень, очень серьезный вопросъ, не забудьте, — считаете ли вы меня... честной женщиной?

Голосъ ея дрожалъ, когда она говорила это.

— Вы меня обижаете, Лизавета Михайловна!... молвилъ только Свѣтловъ, озадаченный неожиданностью ея вопроса.

— Нѣтъ, я не хочу обижать васъ: не хочу думать, что вы сказали сейчасъ... фразу; но мнѣ нужно прямого отвѣта, Александръ Васильичъ.

— Лизавета Михайловна! сказалъ Свѣтловъ, быстро подавая ей руку, и голосъ его снова зазвучалъ торжественно: — я васъ считаю вполнѣ честной женщиной, въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова; я... я покуда не нахожу словъ выразить вамъ мою мысль яснѣе.

— И не надо: я поняла, что вы хотѣли сказать; благодарю васъ,—крѣпко пожала ему руку хозяйка.—Но я не могу понять... но какже... но почему же *меня* вы считаете честной женщиной, когда вы сами согласились вчера съ Ельниковымъ, что женщина, живущая на средства нелюбимаго человѣка, не можетъ быть названа, въ строгомъ смыслѣ, честной женщиной, что она... Я не могу выговорить со вчерашняго дня этого ужаснаго слова...

Лизавета Михайловна вся вспыхнула.

— Содержанка? договорилъ за нее Свѣтловъ, краснѣя почему-то и самъ.—Совершенная правда. Но что же вы находите общаго въ себѣ съ подобной женщиной?

— Да развѣ я сама не живу на счетъ моего мужа, котораго я.. никогда... не любила, даже... не уважаю? спросила Прозорова

съ замирающимъ сердцемъ, — и дѣлая это признаніе чужому человѣку, она снова вся вспыхнула.

— Видите ли, въ чемъ дѣло, дорогая,—сказалъ Свѣтловъ, и положилъ ей на руку свою руку: — вчерашній разговоръ нашъ шелъ о такихъ женщинахъ, которыя нисколько не стремятся выйти изъ своего рабскаго положенія, даже и тогда, когда разглядятъ всю его мерзость, нисколько не тяготятся имъ. Мы говорили о женщинахъ, слишкомъ испорченныхъ этимъ положеніемъ, слишкомъ избалованныхъ имъ, чтобъ подняться на борьбу, на вольный трудъ... слишкомъ втянувшихся въ готовыя, вполнѣ обезпечивающія ихъ средства, чтобъ оставить свои удобства для скуднаго и, къ сожалѣнію, часто невѣрнаго заработка; а главное—эти женщины, спокойно пользуясь всѣмъ, даже не хотятъ исполнять, какъ умѣютъ, обязанностей, налагаемыхъ на нихъ помощью мужей. Вы—совсѣмъ другое дѣло; нашъ теперешній разговоръ — лучшее доказательство этому. Позвольте мнѣ имѣть дерзость порыться одну минуту въ вашей душѣ. Вы, я увѣренъ, сперва совсѣмъ не понимали ложности своего положенія; вы, быть можетъ, только предчувствовали ее. Этого, конечно, было слишкомъ мало для серьезнаго движенія съ вашей стороны. Потомъ, подъ вліяніемъ книгъ, подъ вліяніемъ... да мало ли чего, въ васъ вспыхнула искорка сознанія; но и ея было недостаточно для взрыва. Однако вы не затушили въ себѣ этой искорки выгодными, пошлыми успокоеніями, какъ поступаютъ на вашемъ мѣстѣ другія; напротивъ, вы давали ей постоянно новый горючій матеріалъ, — и вспышка полнаго сознанія не могла не послѣдовать. Немудрено, что она опалила васъ: зарядъ былъ многолѣтній. Но гулъ и дѣйствіе выстрѣла не одномоментны со вспышкой, между ними существуетъ промежутокъ. Въ жизни, этотъ промежутокъ бываетъ иногда очень дологъ, Лизавета Михайловна... Я глубоко радуюсь за васъ; радуюсь и за себя, что мнѣ выпало сегодня счастье быть, такъ сказать, воспріемникомъ перваго мгновенія подобной вспышки — вашего возрожденія. Честная ли вы женщина? спрашиваете вы. Да! повторяю еще смѣлѣе — вы чест-

ная женщина. Я могъ бы, впрочемъ, сказать вамъ то же самое и нѣсколькими днями раньше: чужая внутренняя борьба не можетъ оставаться незамѣтной для того... для тѣхъ, кто самъ борется, можетъ быть, уже нѣсколько лѣтъ...

Свѣтловъ былъ очень взволнованъ и все время, пока говорилъ, держалъ Лизавету Михайловну за руку, крѣпко пожимая ее. Прозорова внимательно и дѣтски-нетерпѣливо слушала его, опустя голову, не отнимая своей руки. Когда онъ умолкъ, Лизавета Михайловна еще нѣсколько минутъ оставалась молча въ этомъ положеніи.

— Вы дѣйствительно заглянули въ мою душу,—сказала она наконецъ, поднимая на собесѣдника заплаканные глаза. — Я не буду... не могу благодарить васъ теперь за участіе къ моему положенію: я слишкомъ взволнована... такъ много набѣгаетъ въ голову мыслей... Ахъ, Боже мой, Боже мой! какія это тяжелыя мысли... какъ трудно идти дальше!... порывисто схватилась она обѣими ладонями за голову и закрыла ими глаза.—И какъ же это... вдругъ... оставить все и пойти... пойти, какъ... какъ нищая?!.. зарыдала молодая женщина, облокотясь на столъ и нервически вздрагивая.

Нѣсколько минутъ Александръ Васильичъ чувствовалъ себя безсильнымъ при видѣ этого искренняго, такъ долго накипавшаго—дѣйствительно, горя; онъ далъ ей выплакаться въ волю, и потомъ тихонько, съ нѣжностью матери, ухаживающей за больнымъ ребенкомъ, отвелъ у ней отъ лица руки и притянулъ ихъ къ себѣ.

— Самое худшее пройдено, Лизавета Михайловна,—сказалъ онъ весело: — хуже всего была тьма, въ которой вы находились. Вы вотъ сейчасъ сказали: какъ же это вдругъ все оставить и пойти нищей? Зачѣмъ же такой крутой поворотъ? Къ чему скачки? Еслибъ вамъ вздумалось, напримѣръ, подняться... вонъ хоть на ту печку,— Свѣтловъ показалъ головой въ уголъ залы, — вѣдь вы должны были бы прежде всего держаться какъ можно крѣпче за стулъ, безъ котораго вамъ нельзя сдѣлать туда перваго шага...

Александръ Васильичъ быстро поднялся съ мѣста, поставилъ къ печкѣ стулъ и всталъ на него.

— Видите: я вотъ прежде всего постараюсь вскарабкаться на спинку этого стула, чтобъ достать рукой до карниза и схватиться за него такимъ образомъ,—продолжалъ онъ, очень искусно приводя въ исполненіе свои слова.—Но и теперь, когда я уже держусь за карнизъ, стулъ мнѣ еще нуженъ, какъ опора; я могу оттолкнуть его только тогда, когда буду тамъ, куда лѣзъ, т. е. на печкѣ. Послѣдняго на практикѣ показать здѣсь нельзя; но вообразите вмѣсто печки крышу... Да вы меня, разумѣется, и такъ поняли,—засмѣялся Свѣтловъ, соскакивая со стула.

Слѣдя за его забавными движеніями, Лизавета Михайловна не могла не улыбнуться сквозь слезы.

— Ну вотъ и солнышко проглянуло,—сказалъ Александръ Васильичъ, поймавъ ея улыбку.

Онъ опять расположился на прежнемъ мѣстѣ.

— Вотъ видите ли, этотъ стулъ, конечно, не вашъ; но если вы, безсознательно пользуясь имъ нѣсколько лѣтъ не по праву, пришли наконецъ къ той мысли, что это не хорошо, не честно, и рѣшились отказаться отъ него, то уже ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не поставитъ вамъ въ вину, когда ради такой прекрасной цѣли, вы воспользуетесь этимъ чужимъ стуломъ и еще на нѣсколько времени... насколько будетъ необходимо. Тотъ былъ бы олухъ царя небеснаго, кто посовѣтовалъ бы вамъ убрать сперва почву изъ-подъ ногъ, а потомъ ужъ и хвататься за что-ни-попало: естественно, что тогда вы упали бы и разможжили себѣ голову прежде, чѣмъ успѣли бы за что нибудь ухватиться.

— А дѣти?.. спросила она тихо-тихо.

— Вы кстати напомнили мнѣ о нихъ,—сказалъ Свѣтловъ.—Именно вотъ вы еще почему честная женщина: вы прекрасно ведете дѣтей; дай Богъ, чтобъ моя будущая подруга вела ихъ такъ...

— Но вы меня не поняли, Александръ Васильичъ,—замѣтила Лизавета Михайловна, съ глубокой грустью:—я хотѣла сказать...

— Нѣтъ, я хорошо, я совершенно понялъ вашъ вопросъ, и сейчасъ же отвѣчу на него прямо,—не далъ ей договорить Свѣтловъ.—Я вотъ что вамъ отвѣчу: кто хочетъ вести серьезную борьбу, Лизавета Михайловна, чтобъ отстоять свою свободу, свое человѣческое достоинство, тому надо, прежде всего, пріучить себя къ мысли, что онъ долженъ или все завоевать, или ужъ — ничего. Добьется или не добьется онъ этого „всего“—это другой вопросъ; но чѣмъ больше желаешь, чѣмъ шире задача, тѣмъ больше и получишь. „Изъ большого не выпадетъ“—говоритъ пословица. А я вамъ вотъ что скажу, Лизавета Михайловна: я не считаю честной женщиной ту, которая бросаетъ своихъ дѣтей ради какихъ бы то ни было высокихъ цѣлей. Женщина—если ужъ она мать—должна, по моему, прежде всего воспитать довѣренное ей природой молодое поколѣніе. Да! она прежде всего должна дѣтей себѣ завоевать, если разлуку съ ними поставятъ ей условіемъ ея личной свободы, какъ это постоянно бываетъ въ нашемъ семейномъ быту. Но прежде борьбы слѣдуетъ еще взвѣсить, подъ чьимъ вліяніемъ дѣти могутъ получить больше нравственнаго выигрыша—подъ вашимъ ли, или отцовскимъ. Не забудьте,—*нравственнаго* выигрыша, я сказалъ. Мои дѣти, въ матеріальномъ отношеніи, могутъ требовать отъ меня дѣлежа съ ними только тѣмъ, что я самъ имѣю; но относительно духовной и умственной стороны, они имѣютъ право требовать, чтобъ имъ данъ былъ высшій уровень современнаго развитія, или, по крайней мѣрѣ, дана была свобода, возможность достигать его. Ясно ли я выразилъ мою мысль? Поняли ли вы меня?

— Да, я поняла васъ... мнѣ кажется,—сказала Лизавета Михайловна, помолчавъ.—Во всякомъ случаѣ, могу вамъ сказать теперь же: вы меня воскресили; вы мнѣ дали силу... такую силу, Александръ Васильичъ, что я... что у меня нѣтъ словъ выразить вамъ это!.. О благодарю васъ, благодарю!

И она снова заплакала, но то уже были отрадныя слезы.

— Ну успокойтесь же,—сказалъ глубоко-тронутый Свѣтловъ, и снова крѣпко пожалъ ей руку.—Я только сегодня узналъ васъ

вполнѣ, и—повторяю—безконечно радъ за васъ. Повѣрьте мнѣ, Лизавета Михайловна, идеи, добытыя внутренней борьбой, какъ ваши, гораздо прочнѣе и благотворнѣе всякихъ другихъ; на нихъ можно положиться, какъ на каменную стѣну. Вы должны считать себя счастливицей, что онѣ получили у васъ такое высокое содержаніе; а вѣдь могло быть и иначе...

Лизавета Михайловна приложила платокъ къ заплаканнымъ глазамъ и нѣсколько времени оставалась въ такомъ положеніи.

— Теперь вы знаете, Александръ Васильичъ, мое горе, которое, впрочемъ, вы, какимъ-то чудомъ, обратили въ радость,— сказала она немного погодя, когда успокоилась, поднимая на собесѣдника свои глубокіе каріе глаза;—но я вамъ еще не высказала моей просьбы...

— Ручаюсь вамъ впередъ, что она будетъ исполнена,—успокоилъ ее Свѣтловъ, и тонъ его словъ не позволилъ ей ни на минутку усомниться въ ихъ искренности.

— Я предвижу, знаю... убѣждена, что мнѣ... можетъ быть, очень скоро... будетъ необходима ваша помощь и словомъ, и дѣломъ. Не оставляйте меня, помогите мнѣ!.. Я знаю, что не имѣю никакого права на это; но... но къ кому же мнѣ обратиться, какъ не къ вамъ? Вы—лучшій... вы единственный человѣкъ, на котораго я могу положиться,—я это чувствую!

— А я не возьму назадъ своего слова, Лизавета Михайловна,— сказалъ Свѣтловъ просто.—Для меня будетъ величайшей отрадой тотъ день, когда я увижу васъ побѣдоносной.

— Какъ далеко еще мнѣ до этого дня! тоскливо покачала она головой.

— Ну, не скажите. То, на что мы готовы отдать всю свою душу, всегда гораздо ближе къ намъ, чѣмъ мы думаемъ.

— Ахъ, еслибъ вы знали, Александръ Васильичъ, сколько безсонныхъ ночей пошло у меня на всѣ эти думы! замѣтила Прозорова съ глубокимъ вздохомъ. — Я иногда мечтаю... вы не повѣрите?.. мечтаю о такихъ вещахъ... такая сумасбродная я...

Она не договорила.

— О чемъ же? Почему же непремѣнно „сумасбродная“? сказалъ Свѣтловъ, закуривая папироску.

— Да потому что, мнѣ кажется, вести себя такъ простительно только молоденькой дѣвушкѣ. А ужъ мечтаю-то я, разумѣется, глупо...

— Однако? спросилъ Александръ Васильичъ.

— Да вотъ хоть вчера, ночью, послѣ этого разговора... я совсѣмъ замечталась. Мнѣ вдругъ вообразилось, что ужъ я ни отъ кого не завишу, устроила по своему жизнь, работаю, ѣмъ свой трудовой хлѣбъ... такія все глупости лѣзли въ голову... И вдругъ мнѣ стало такъ больно-больно... А что же дальше? спросила я себя: дальше что?—и долго ждала отвѣта...

— И что же?—какого отвѣта дождались вы? спросилъ Свѣтловъ, весь заинтересованный.

— Я не дождалась его, Александръ Васильичъ, и... уснула,—замѣтила Прозорова, съ печальной шуткой.

— А теперь вы могли бы отвѣтить на вашъ вопросъ?

— Да, могла бы... кажется; я бы сказала: дальше будетъ то же, на чемъ я остановилась, засыпая: независимость, работа, свой хлѣбъ... и... и ничего больше.

— А дѣятельность болѣе широкая? сказалъ Свѣтловъ,—вы не дошли до нея въ вашихъ мечтахъ?

— Не дошла, да и не посмѣла бы: что можетъ сдѣлать женщина?

— То-же, что и всякій мужчина, Лизавета Михайловна.

— Положимъ-что такъ, не буду съ вами спорить; но скажите мнѣ: ну, вотъ, вы—мужчина... и что же? Независимы вы, работаете, хлѣбъ у васъ свой; какъ человѣкъ образованный, вы, если захотите, можете много заработывать, даже разбогатѣть, получить какое нибудь особенно-значительное мѣсто, должность...

Свѣтловъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Но не одно и тоже ли это, на чемъ и я вчера останови-

лась? продолжала съ воодушевленіемъ Прозорова, не замѣтивъ его движенія. — Я не говорю о томъ, что можете сдѣлать вы, какъ литераторъ, потому что вѣдь это ужъ исключеніе, не всѣ же—литераторы; ну, а не будь вы имъ, будь вы просто—мужчина, какъ и всякій другой... что же онъ можетъ сдѣлать?

— Каждый мужчина, Лизавета Михайловна, можетъ сдѣлать то же, что сдѣлалъ Христосъ: можетъ страдать и умереть, какъ Онъ, отстаивая на практикѣ великія христіанскія истины... сказалъ чрезвычайно серьезно, даже нѣсколько нахмурясь, Свѣтловъ, и пытливо посмотрѣлъ на хозяйку.

Лизавета Михайловна, въ свою очередь, взглянула на него съ величайшимъ изумленіемъ и отчасти со страхомъ.

— Александръ Васильичъ... что вы!.. что вы говорите!.. Да развѣ это возможно?.. выговорила она съ трудомъ.

Свѣтловъ помолчалъ съ минуту, тихо барабаня кончикомъ пальца по столу.

— Лизавета Михайловна! сказалъ онъ наконецъ, открыто и прямо смотря на нее, — вы, воспитавшаяся внутренней борьбой, привыкли, конечно, сами выработывать себѣ отвѣты на такіе важные вопросы. Я не хочу мѣшать этой прекрасной привычкѣ: подумайте обо всемъ хорошенько, на свободѣ,—можетъ быть, отвѣтъ придетъ къ вамъ самъ собою. Подобные отвѣты не подсказываются; а если и подсказываются, то не такимъ, разумѣется, натурамъ, какъ ваша. Право, еслибъ я меньше зналъ васъ, я подумалъ бы, что вы... превосходный дипломатъ.

У Александра Васильича въ эту минуту было такое серьезное, строгое лицо, что не звучи такъ мягко его голосъ—Лизавета Михайловна могла бы подумать, что оскорбила его. Ей стало очень неловко.

— Вы какъ будто разсердились на меня? спросила она робко.

— Вотъ вы еще что выдумали! сказалъ онъ съ добродушнымъ упрекомъ, нагнулся и поцѣловалъ у ней руку.

— Право, мнѣ такъ показалось... вспыхнула Прозорова.

„Я никогда еще не видала его такимъ серьезнымъ и... ласковымъ; никогда прежде онъ не цѣловалъ у меня руки“—подумала она, и глубоко ушла въ эту думу.

— Но я, Лизавета Михайловна, долженъ отвѣтить вамъ на ваше замѣчаніе передъ тѣмъ,—сказалъ Свѣтловъ, и кончикъ его пальца снова тихо забарабанилъ по столу.—Вы вотъ сказали, что я, какъ литераторъ, могу разсчитывать на болѣе широкую дѣятельность, — не правда ли? Мнѣ хотѣлось бы знать, въ какомъ смыслѣ вы понимаете эту дѣятельность?

— Я въ томъ смыслѣ сказала, что, сдѣлавшись литераторомъ, вы достигли вашей высокой цѣли—развивать общество. На вашемъ мѣстѣ я бы и мечтать ни о чемъ больше не стала,—отвѣтила она простодушно, выходя изъ задумчивости.

— Будто бы ужъ и не стали? Ну-съ, а если бы вамъ и тутъ пришелъ въ голову вчерашній несносный вопросъ: а дальше? дальше-то что же?

Свѣтловъ очень лукаво взглянулъ на нее.

— Да что же еще можетъ быть дальше-то? Я не знаю.

Она недоумѣвала и, въ свою очередь, пристально смотрѣла на него.

— Вотъ то-то и есть: вѣдь и вчера вы спрашивали себя объ этомъ только потому, что не знали. Во всемъ есть свое „дальше“, Лизавета Михайловна.

— Ну, я не такъ взыскательна, какъ вы,—замѣтила шутливо хозяйка.

— Считайте же меня взыскательнымъ до какой угодно степени, а все-таки я прямо вамъ отвѣчу: дальше всякаго „дальше“—все. Вотъ этого-то „всего“ я и буду добиваться! сказалъ Свѣтловъ, и въ голосѣ его послышалась необычайная энергія.

Лизавета Михайловна посмотрѣла на него какъ-то искоса, съ дѣтскимъ любопытствомъ.

— Да! продолжалъ онъ съ жаромъ,— я буду добиваться! Вотъ школу мы открываемъ; вы думаете, это—цѣль? Нѣтъ, это только

средство... одно изъ безчисленныхъ средствъ. Когда школа встанетъ покрѣпче на ноги, мы передадимъ ее въ другія надежныя руки. Надобно только дать примѣръ обществу, надо показать ему, что можетъ оно имѣть, если захочетъ, т. е. сдѣлать для него необходимыми повторенія этого примѣра. Вы слышали, что въ прошедшій разъ пророчилъ Любимовъ,—что школа недолго продержится, что ее закрыть могутъ. Чтожь такое!—пускай закрываютъ. Дѣло-то все въ томъ, Лизавета Михайловна, что кто хоть разъ имѣлъ у себя кое-что необходимое и потерялъ его, у того ужъ навсегда останется невольное желаніе возвратить, рано или поздно, потерянное. Такъ и общество; оно живетъ по тѣмъ же законамъ, какъ и отдѣльная личность. Вы не очень-то довѣряйте Любимовымъ: они переучились, — это хуже, чѣмъ не доучиться. Эти господа, кажется, забываютъ и то, что дождь не изъ ведра льютъ, а собирается онъ по каплямъ, и то, что эти же самыя капли могутъ образовать цѣлыя моря... Повторяю вамъ, школа—только средство, также точно, какъ и мои уроки вашимъ дѣтямъ; даже мое литераторство, въ которомъ вамъ угодно видѣть достигнутую цѣль,—тоже только средство...

— Можетъ быть, и вашъ теперешній разговоръ со мной—одно изъ такихъ же средствъ? не то шутливо, не то съ упрекомъ замѣтила Прозорова; въ голосѣ ея, однако, явственно звучала тоскливая нота.

— Очень можетъ быть; но не забудьте, что вы сами вызвали меня на него,—задумчиво проговорилъ Александръ Васильичъ.

Лизавета Михайловна хотѣла что-то отвѣтить ему, но вдругъ страшно поблѣднѣла и схватилась рукой за голову.

— Что съ вами, дорогая? испуганно поднялся съ мѣста и нагнулся къ ней Свѣтловъ.

— Ничего, не безпокойтесь, милый Александръ Васильичъ: прошло,—сказала хозяйка съ болѣзненнымъ выраженіемъ въ лицѣ, стараясь улыбнуться.—У меня сегодня съ утра болитъ голова, и

вотъ сейчасъ какъ будто молоткомъ въ ней кто стукнулъ. Но теперь прошло. Сядьте,—успокоительно повторила она.

Свѣтловъ, однако, не былъ спокоенъ.

— Вамъ бы нужно пораньше лечь сегодня, Лизавета Михайловна,—сказалъ онъ тревожно, и не сѣлъ, а стоялъ передъ ней.—Дѣйствительно, у васъ еще давеча утромъ, я замѣтилъ, было несовсѣмъ здоровое лицо. Хотите, я съѣзжу къ Любимову и привезу его? А не застану, такъ Ельникова притащу; тотъ всегда дома въ это время. Хотите?

И Александръ Васильичъ взялся было уже за фуражку.

— Ой нѣтъ, что вы! зачѣмъ это? удержала его Лизавета Михайловна за руку.—Какой вы всегда... добрый, внимательный,—замѣтила она, пожавъ его руку:—стоитъ ли обращать вниманіе на такіе пустяки. Присядьте-ка лучше, да потолкуемъ еще. Вотъ я поговорю съ вами—и развлекусь, и все пройдетъ, какъ ни въ чемъ не бывало; со мной вѣдь это часто случается: я полнокровая, говорятъ.

— Поберечься-то никогда не мѣшаетъ, Лизавета Михайловна,—сказалъ Свѣтловъ, нерѣшительно занимая прежнее мѣсто возлѣ нея на креслѣ.

— Я и поберегусь, Александръ Васильичъ: поставлю себѣ на ночь горчишникъ,—замѣтила она, и вдругъ засмѣялась весело, по дѣтски.

— Вѣрно вамъ что нибудь очень веселенькое вспомнилось? спросилъ Свѣтловъ, и тоже засмѣялся, самъ не зная чему: ея рѣдкій смѣхъ былъ неотразимо-увлекателенъ.

— Очень веселенькое,—повторила она, и опять засмѣялась:—я вспомнила, какъ вы передъ этимъ только разсказывали, что посовѣтовали давеча утромъ вашей жилицѣ горчишникъ, какъ средство отъ угрожавшей ей отъ васъ опасности. Вотъ и мнѣ приходится сегодня прибѣгнуть къ тому же средству.

Свѣтловъ засмѣялся.

— Однако, на этотъ разъ не отъ меня, надѣюсь? спросилъ онъ, совсѣмъ повеселѣвъ.

— Кто знаетъ, Александръ Васильичъ,—можетъ быть, и отъ васъ...

— Развѣ и вы усматриваете опасность для себя въ моемъ присутствіи? снова засмѣялся онъ самымъ добродушнымъ образомъ.

— По крайней мѣрѣ, начинаю чувствовать ее,—сказала Лизавета Михайловна.

Она и сама хотѣла было тоже разсмѣяться, но вдругъ задумалась, опять стала чрезвычайно серьезна и прибавила, помолчавъ:

— Только совсѣмъ съ другой стороны...

— Съ какой же это? спросилъ Свѣтловъ.

— Съ той именно, которая у меня всего слабѣе,—отвѣтила она уклончиво.

— Это не отвѣтъ,—замѣтилъ онъ.

Лизавета Михайловна промолчала. Спустя минуту, она хотѣла какъ будто встать, но вдругъ снова поблѣднѣла и опять схватилась рукой за голову.

— Нѣтъ, какъ хотите, я съѣзжу за докторомъ! обратился къ ней Свѣтловъ, быстро вскочивъ и тоже поблѣднѣвъ немного.

— Полноте, что вы такъ пугаетесь; вотъ и прошло опять, и ничего... болѣзненно улыбнулась она.—Такая ужъ скверная голова у меня.

— По крайней мѣрѣ, вамъ надо лечь скорѣе, успокоиться,—замѣтилъ ей Александръ Васильичъ, взявшись за фуражку.

— Да, я лягу, вотъ только съѣзжу за дѣтьми.

— Не лучше ли мнѣ за ними съѣздить, а вы бы прилегли тѣмъ временемъ?

— Нѣтъ, Александръ Васильичъ, благодарю васъ; мнѣ хочется самой поѣхать: я знаю, это меня освѣжитъ, да и Анюту, можетъ быть, я утащу къ себѣ ночевать, а такъ она не поѣдетъ,—сказала Лизавета Михайловна, вставая.—Походимте немного.

Они молча сдѣлали рядомъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

— Видите, какія мы, женщины, слабыя созданія,—заговорила Прозорова съ кроткой, почти дѣтской улыбкой:—чуть что забо-

литъ у насъ—вы, мужчины, сейчасъ ужъ и пугаетесь, сейчасъ ужъ и доктора нужно. Помните, какъ у васъ самихъ, на прошедшей недѣлѣ, два дня сряду болѣла голова, а вѣдь ужь вы, вѣрно, не обращались ни къ кому за совѣтомъ, хотя у васъ два доктора—товарищи и друзья?

— У меня дѣйствительно есть дурная храбрость—не лечиться до тѣхъ поръ, пока не слягу; но подражать этой храбрости я бы ни кому не посовѣтовалъ, да и самъ надѣюсь изгнать ее,—сказалъ Свѣтловъ.

— Кстати ужъ мы разговорились сегодня откровенно,—замѣтила Лизавета Михайловна, помолчавъ,—скажите мнѣ, пожалуйста, Александръ Васильичъ, какъ это вы всегда такъ смѣло смотрите на все, какъ будто ничего не боитесь?

— То есть какъ „ничего не боюсь“?

— Да такъ ужъ я чувствую, что ничего вы не боитесь.

— Напротивъ, Лизавета Михайловна,—сказалъ Свѣтловъ, немного подумавъ и останавливаясь посреди комнаты,—если я смѣлъ, то именно только потому, что всегда боюсь всего.

— Какъ же это такъ? очень удивилась она.

— Да вотъ какъ, видите ли,—притчей вамъ разскажу; когда я былъ еще ребенкомъ, мнѣ вздумалось разъ, изъ любопытства, забраться въ лѣсъ, на гору,—это было еще въ Камчаткѣ.

— Да! вѣдь вы—камчадалъ; я и забыла совсѣмъ,—улыбнулась она.

— Непремѣнно. Такъ вотъ-съ, во время этой прогулки, я и наткнулся нечаянно на огромнаго медвѣдя, чуть не подъ самымъ носомъ у него; короче сказать, этому барину ровно ничего не стоило съѣсть тогда вашего покорнѣйшаго слугу. Еслибъ меня раньше напугали хорошенько медвѣдемъ, я бы или совсѣмъ не пошелъ на гору, либо шелъ бы туда осторожнѣе, оглядываясь,—не такъ ли? Этотъ случай никогда не могъ выйти у меня изъ памяти, даже и теперь не выходитъ. Даже и теперь мнѣ постоянно представляется, что въ жизни, въ обществѣ—словомъ, вездѣ—вмѣстѣ со

мной ходитъ огромный медвѣдь, съ которымъ мнѣ, врасплохъ, ни за что одному не справиться, а на ближнихъ—вы знаете—плохая надежда. Поэтому, гдѣ бы я ни былъ, съ кѣмъ бы я ни говорилъ, я всегда пугливо озираюсь, всегда боюсь, какъ бы такой медвѣдь не выскочилъ на меня откуда нибудь незамѣченный мною. Другими словами сказать—я смѣлъ потому, что остороженъ: я хочу прежде издали увидѣть этого непрошеннаго сторожа, чтобъ либо обойти его, либо выиграть время и приготовиться къ защитѣ, если ужь обойти невозможно,—не отдаться же ему безъ боя, когда онъ больше мнѣ мѣшаетъ, чѣмъ я ему; да кромѣ того, вѣдь косточки-то у меня свои собственныя, Лизавета Михайловна! разсмѣялся Свѣтловъ.

— Ну и чтожъ?—до сихъ поръ Богъ миловалъ? спросила Прозорова, тоже засмѣявшись.

— Миловалъ, потому что удавалось обходить.

— А были-таки встрѣчи? смѣялась она.

— Издали,—да. Съ этимъ звѣремъ у насъ всегда и вездѣ рискуешь встрѣтиться,—ѣдко замѣтилъ Свѣтловъ.

— Вотъ видите, Александръ Васильичъ, слушая вашу притчу, я и выздоровѣла совсѣмъ,—весело сказала Лизавета Михайловна, продолжая ходить съ нимъ по залѣ. — Я васъ, кажется, не очень давно знаю, но я всегда удивляюсь вашему характеру.

— Что же такъ?

— Право, я бы желала имѣть такой же: онъ у васъ и мягкій какой-то, и желѣзный вмѣстѣ.

— Охъ, еслибъ вы знали, какъ ему далеко еще до желѣзнаго-то! замѣтилъ, улыбнувшись, Свѣтловъ. — Что же вамъ, впрочемъ, мѣшаетъ, Лизавета Михайловна? — Попробуйте, выработайте себѣ характеръ,—прибавилъ онъ серьезно.

— Да развѣ это отъ меня зависитъ?

— А отъ кого же? Отъ впечатлѣній дѣтства, отъ обстоятельствъ жизни—скажете вы?

— Разумѣется. Сядемте, я немного устала,—отвѣтила она, ста-

раясь пріютиться въ самомъ уголку дивана, и повела къ верху плечами, какъ будто зябла.

— Не совсѣмъ такъ, Лизавета Михайловна,—замѣтилъ Свѣтловъ, садясь съ ней рядомъ на другой конецъ дивана, но не выпуская изъ рукъ фуражки. — Безъ сомнѣнія, и то, и другое, и многое кое-что еще громаднымъ образомъ вліяетъ на образованіе и развитіе характера; но многое въ немъ и отъ насъ самихъ зависитъ, коль скоро мы сознаемъ направленіе, какое желали бы дать ему. Меня нечаянно научилъ этому одинъ... кто бы вы думали?—скорнякъ! Право. Я разъ какъ-то зашелъ съ отцомъ,—когда еще въ седьмомъ классѣ здѣшней гимназіи учился,—къ скорняку, и видѣлъ, какъ онъ растягивалъ на доскѣ какую-то мокрую шкурку. Сперва онъ ее только по угламъ гвоздиками приколотилъ, чуть только натянулъ, такъ—что она была еще вся сморщена, а послѣ и по бокамъ сталъ гвоздики садить; что ни вобьетъ гвоздикъ—шкурка-то, глядишь, ужъ и глаже смотритъ. Потомъ я пощупалъ ее, когда онъ кончилъ: просто, какъ на барабанѣ, натянута. Мнѣ тутъ же, глядя на эту, совсѣмъ нехитрую, работу, пришло какимъ-то образомъ на мысль, что вѣдь вотъ и характеръ свой можно также выправить, стоитъ только постепенно... садить въ него по гвоздику—отрѣшаться день-за-день отъ недостатковъ хоть на іоту. Впослѣдствіи, эта мысль опять пришла мнѣ на память, и я сталъ довольно удачно практиковать ее на собственной особѣ...

— И много вы заколотили такихъ гвоздиковъ? улыбнувшись спросила Прозорова, немного какъ будто удивленная и, очевидно, крайне заинтересованная сообщеніемъ Свѣтлова.

— Сказать вамъ откровенно, не рисуясь,—много ужь приколотилъ, Лизавета Михайловна; но еще больше, несравненно больше остается приколотить, — отвѣтилъ Александръ Васильичъ серьезно.—Вотъ, что касается до моего сегодняшняго поведенія относительно госпожи Рябковой,—тутъ у меня пока не забитъ еще гвоздикъ, а надо; да справитьс я все не могу, немогу спокойно отнес-

тись къ этому предмету. Тутъ ужъ, впрочемъ, не гвоздикъ, а цѣлый гвоздь придется посадить,—улыбнулся онъ.

— Попробую ужо и я послѣдовать вашему примѣру,—задумчиво сказала Прозорова, помолчавъ:—авось и мнѣ это удастся.

— Непремѣнно удастся,—молвилъ Свѣтловъ, вставая, и сталъ прощаться съ хозяйкой.

— Я не оставляю васъ пить чай, милый Александръ Васильичъ. Анюта всегда недовольна, когда я пріѣзжаю къ нимъ, напившись чаю,—говорила она, провожая гостя въ переднюю.

— Что за церемоніи, сказалъ Свѣтловъ, надѣвая пальто и мягко отстраняя услуги горничной, явившейся помочь ему. — До свиданія, будьте здоровы! крѣпко, по-студентчески пожалъ онъ руку хозяйкѣ, и взялся за скобку двери.

— Постойте на минутку,—торопливо остановила его Лизавета Михайловна, какъ бы теперь только вспомнивъ о чемъ-то. — Вы вотъ передъ тѣмъ говорили о своихъ занятіяхъ, что это все—одни средства... А цѣль?.. спросила она, опять тихо-тихо, точно такъ, какъ раньше предложила ему вопросъ: „А дѣти?..“

Александръ Васильичъ искоса взглянулъ на стоявшую поодаль горничную, и, въ свою очередь, что-то такъ тихо отвѣтилъ хозяйкѣ, что та едва разслышала его.

— До свиданія! повторилъ онъ громко—и вышелъ.

Прозорова вздрогнула: то ли подѣйствовалъ на нее такъ тихій отвѣтъ гостя, то ли его послѣдній громкій привѣтъ. Медленно потирая правой рукой лобъ, она, по крайней мѣрѣ, съ минуту еще стояла въ передней, безцѣльно устремивъ глаза на дверь, за которою скрылся Свѣтловъ; потомъ вскользь и также безцѣльно остановила ихъ на горничной, и почти машинально прошла черезъ залу, въ темную спальню. Здѣсь Лизавета Михайловна порывисто бросилась въ постель, и нѣсколько минутъ неслышно и судорожно рыдала. Утихнувъ, она принесла изъ залы свѣчу, забилась въ уголокъ и долго читала Евангеліе. На одной изъ страницъ она какъ бы замерла на нѣсколько минутъ, какъ бы приросла глазами къ

буквамъ,—и вдругъ быстро встала, точно разбуженная внезапнымъ толчкомъ, но вся воодушевленная. Лицо у ней пылало; неутолимая жажда свѣта, простора, кипучей дѣятельности выразилась на немъ съ поразительной силой.

Жаль, что не было свидѣтеля этой минуты ея жизни: люди рѣдко видятъ такое выраженіе на человѣческомъ лицѣ, и то немногіе счастливцы...

Лизавета Михайловна тотчасъ же поѣхала за дѣтьми.

ГЛАВА IV.

«Жизнь ея виситъ на волоскѣ».

Свѣтловъ, зашедшій отъ Прозоровой къ Ельникову и напившійся у него чаю вмѣстѣ съ Гришей, вернулся домой, противъ обыкновенія, довольно рано — часовъ въ одинадцать: въ этотъ день приходила московская почта, и онъ поторопился къ письмамъ, которыя почтальонъ разносилъ обыкновенно отъ пяти до восьми часовъ вечера. Александръ Васильичъ велъ очень обширную для провинціальнаго жителя переписку, и теперь дѣйствительно засталъ у себя на столѣ нѣсколько писемъ, доставленныхъ въ его отсутствіе, и записку Варгунина, принесенную—по докладу Владимірки—„какой-то пузатой бабой“. Съ Матвѣемъ Николаичемъ Свѣтловъ не видѣлся дней пять уже и потому прежде всего обратился къ его посланію. На-скоро и карандашомъ написанная записка Варгунина гласила слѣдующее:

„Хотя я, батенька, эти дни и пропадалъ, за то не попеняете на меня: нѣкоторое, пріятное для Васъ, открытіе совершилъ. Ѣздилъ я по дѣламъ въ Ельцинскую фабрику, откуда только вчера

вечеромъ вернулся, а сегодня, черезъ часъ, уѣзжаю опять верстъ за тридцать, дней на пять, на шесть, по спѣшному дѣлу,—такой ужь крюкъ вышелъ,—и потому прибѣгаю къ корреспонденціи. Въ Фабрикѣ, отъ моей старой пріятельницы, Христины Казиміровны Жилинской, я узналъ, что вы съ ней тоже старинные друзья. Едва я упомянулъ Ваше имя, какъ и она, и старикъ Жилинскій обрадовались на чемъ свѣтъ, закидали меня вопросами и взяли съ меня слово (самое честное), что я немедленно же привезу Васъ къ нимъ. Сдерживаю, по необходимости, слово только вполовину—передаю Вамъ ихъ желаніе, такъ—какъ мнѣ самому, какъ я сказалъ, ѣхать теперь никакъ нельзя. Ужъ прокатитесь, батенька, одни. Только скажите: Жилинскіе, — Вамъ, въ Фабрикѣ, всякій укажетъ ихъ домикъ. А не то, коли хватитъ терпѣнія подождать дней пять,—вмѣстѣ поѣдемъ. Ну, что, батенька? угодилъ ли? Да поѣзжайте одни,—всего сорокъ верстъ,—а то меня съѣстъ Казиміровна. Всѣмъ своимъ, т. е. „нашимъ“, бью челомъ. Преданный Вамъ Варгунинъ. 11 часовъ утра, въ собственной резиденціи“.

Свѣтловъ долго не могъ оторвать глазъ отъ этой записки; онъ, по крайней мѣрѣ, трижды перечиталъ ее, весело улыбаясь, прилегъ на спинку кресла — и вдругъ задумался. Передъ нимъ въ-очію всталъ теперь стройный, смѣлый и гордый образъ красавицы Христины Казиміровны, во всей первоначальной свѣжести прошли въ его памяти на всю жизнь незабвенныя сцены первой, юношеской любви. Но чѣмъ дольше всматривался онъ мысленно въ этотъ образъ, чѣмъ живѣе становились эти воспоминанія, тѣмъ больше сжималось его сердце какой-то странной тоскою. Какъ внезапно, врасплохъ застала его варгунинская вѣсть! Отчего бы ей не дойти до него раньше, сейчасъ же послѣ пріѣзда? Самъ виноватъ—зачѣмъ не справился. Да вѣдь какъ же еще справляться-то было?—вѣдь мать же писала ему, что Жилинскіе уѣхали въ Варшаву? Ну, плохое оправданіе!—можно было и не повѣрить матери въ этомъ исключительномъ случаѣ... Теперь ужъ не воротишь... Чего же, впрочемъ, не воротишь?..

Свѣтловъ особенно крѣпко задумался надъ послѣдней мыслью. Дѣло въ томъ, что и его первую любовь постигла та же участь, какая выпадаетъ обыкновенно на долю юношей, раздѣленныхъ съ любимой дѣвушкой—даже и не десяткомъ лѣтъ, не шестью тысячами верстъ. Въ первый годъ своего пріѣзда въ Петербургъ, онъ страшно тосковалъ по Жилинской, то и дѣло писалъ ей; потомъ, мало-по-малу, университетскія занятія и товарищи, шумный коловоротъ столичной жизни разсѣяли эту тоску, ослабили необходимость частой переписки. А тамъ, къ концу второго года, Свѣтловъ мѣсяца четыре сряду какъ-то все забывалъ написать къ ней, все собирался только да откладывалъ, такъ-что наконецъ ему ужъ и неловко показалось напомнить ей о себѣ вновь. Христина Казиміровна акуратно отвѣчала ему: ея письма дышали все тѣмъ же нѣжнымъ, смѣлымъ и независимымъ чувствомъ, — и даже тогда, когда переписка съ его стороны прекратилась, она еще разъ написала ему по прежнему, безъ малѣйшей тѣни упрека. Письмо это кольнуло студента въ самое сердце, разбудивъ въ немъ на нѣсколько дней, въ прежней силѣ, задремавшую было любовь; онъ горячо отвѣтилъ ей, но сдѣлалъ ребяческую ошибку, вообразивъ себя на столько возмужалымъ, что адресовалъ свое письмо на имя матери, съ передачей: оно, разумѣется, не дошло по назначенію. На заочные распросы сына, Ирина Васильевна, скрѣпя сердце, любезно отвѣтила только, что Жилинскіе уѣхали въ Варшаву,—и юность повѣрила чистосердечію этой любезности... Правда, и въ остальные годы Свѣтловъ не испыталъ новой серьезной привязанности; однакожъ, увлеченій у него было много, а увлеченія, какъ ни легки они, очень скоро стираютъ своимъ грубымъ прикосновеніемъ хотя и яркій, но слишкомъ нѣжный цвѣтъ любви — первенца...

Долго еще просидѣлъ въ этотъ вечеръ Александръ Васильичъ въ своемъ невеселомъ раздумьѣ о томъ, чего ужъ не воротишь больше, пока наконецъ не обратился, съ глубокимъ вздохомъ, къ остальнымъ письмамъ, болѣе часу ожидавшимъ на столѣ его внима-

нія. Неохотно онъ принялся за нихъ, сильно хмурился прочитывая иныя, но ни одно не вызвало его на улыбку. Когда оканчивалось чтеніе того или другого письма, Свѣтловъ либо откладывалъ его въ свои бумаги, либо разрывалъ и бросалъ въ корзинку подъ столомъ; послѣднія всегда предназначались имъ къ сожженію на другой день собственноручно,—такова была привычка, сдѣланная молодымъ человѣкомъ въ послѣдніе два-три года. Александръ Васильичъ сохранялъ только тѣ письма, родъ которыхъ онъ, смѣясь, охарактезировалъ однажды, въ разговорѣ съ Ельниковымъ, названіемъ „пастушескихъ“. На этотъ разъ, такихъ писемъ оказалось только два, остальныя—всѣ угодили въ корзинку...

Былъ уже часъ второй въ исходѣ, когда мысли Свѣтлова, перейдя на нѣсколько минутъ отъ корреспонденціи опять къ Христинѣ Казиміровнѣ, остановились вдругъ на его послѣднемъ разговорѣ съ Прозоровой, — и онъ снова впалъ въ глубокую, сосредоточенную думу. Александръ Васильичъ не слыхалъ даже, какъ въ это же время кто-то нѣсколько разъ сряду нетерпѣливо позвонилъ у воротъ въ колокольчикъ, привѣшенный снаружи у флигеля надъ дверью кухни. Молодой человѣкъ очнулся только тогда, когда постучались къ нему въ ставень и за окномъ послышался запыхавшійся голосъ Ельникова:

— Одѣнься и выйди ко мнѣ скорѣе...

Свѣтловъ такъ порывисто вскочилъ, какъ будто слова доктора рѣзнули его по больному мѣсту; онъ опрометью кинулся въ переднюю, схватилъ пальто и фуражку, и бросился съ ними въ кухню. Въ одну минуту разбудивъ здѣсь Машу и поручивъ ей загасить у него въ комнатѣ свѣчу, Александръ Васильичъ выбѣжалъ на дворъ и уже около воротъ догналъ уходившаго Ельникова, отъ котораго зловѣще такъ и пахнуло на него аптекой.

— Что такое? Что случилось, голубчикъ? съ нервной дрожью спросилъ онъ, подбѣгая къ товарищу.

— Да ничего особеннаго, братъ,—сказалъ осторожно докторъ,

замѣтивъ сильное волненіе въ голосѣ пріятеля:—Лизавета Михайловна заболѣла...

— Когда? растерялся немного Свѣтловъ.

— Да вотъ теперь, ночью. Дорогой разскажу, — тороплюсь. Поѣдемъ! отрывисто отвѣтилъ Анемподистъ Михайлычъ, выходя въ калитку и садясь въ ожидавшую его у воротъ крытую пролетку Прозоровой.

Свѣтловъ молча помѣстился съ нимъ рядомъ.

— У меня еще Гриша сидѣлъ, какъ за мной пріѣхали,—заговорилъ докторъ, когда пролетка тронулась; — должно быть, часу въ первомъ. Твоя сестра, Анна Николаевна, пріѣзжала; она у нихъ ночуетъ. Собственно, тутъ надо бы Любимова, да его не нашли. Поѣзжай скорѣе! крикнулъ Анемподистъ Михайлычъ кучеру.—Въ аптекѣ, братъ, меня долго задержали,— обратился онъ какъ бы съ поясненіемъ къ Свѣтлову,—да и то почти все пришлось самому приготовить; а положись на здѣшнихъ нѣмцевъ, такъ и получишь, развѣ къ утру, какую нибудь бурдомагу вмѣсто надлежащаго средства...

— Что же у ней такое? тревожно перебилъ его Александръ Васильичъ.

— Да скверная штука, братъ: нервная горячка, и чуть ли не обѣщаетъ воспаленія въ мозгу,—нахмурившись пояснилъ Ельниковъ.—Такого быстраго хода этой болѣзни, какъ у нея, я просто не припомню—не слыхивалъ,—продолжалъ докторъ, кашляя и, очевидно, возмущаясь противъ своего новаго врага по профессіи.—Чортъ, братъ, знаетъ, что такое! Да барыня-то—главное—славная. Ну да еще посмотримъ, кто кого перешибетъ, а ужъ я не поддамся, хотя бы пришлось не спать двадцать ночей сряду!

Свѣтловъ, задумавшись, угрюмо промолчалъ.

— Во всякомъ случаѣ, дѣло поправимое... снова заговорилъ Анемподистъ Михайлычъ, взглянувъ на товарища какъ-то исподлобья.—За тобой, собственно, я вотъ почему заѣхалъ: иногда, въ подобныхъ случаяхъ, больной обнаруживаетъ необыкновенную силу

и ведетъ себя очень безпокойно,—такъ я и разсчитываю на твои мускулы. У ней ужъ былъ намекъ на такой припадокъ. Развѣ вотъ только непріятно тебѣ будетъ?

— Мало ли что непріятно! замѣтилъ раздражительно Свѣтловъ.

Онъ тоже сталъ торопить кучера,—и съ этой минуты голосъ его снова зазвучалъ спокойно и твердо.

Также твердо и спокойно было и выраженіе лица Александра Васильича, когда, вслѣдъ за Ельниковымъ, онъ осторожно вступилъ въ квартиру Прозоровой. Они не звонили: наружная дверь оказалась только притворенной, не не замкнутой изнутри, а колокольчикъ въ передней былъ обмотанъ войлокомъ. Здѣсь ихъ встрѣтила, со свѣчей въ рукѣ, Анюта Орлова, слышавшая стукъ подъѣхавшаго экипажа. Ея худенькое личико смотрѣло серьезно и нѣсколько испуганно, задумчивые глаза выражали непритворную печаль. Слѣдомъ за Анютой, неслышно, явились Калерія и Гриша—оба съ заплаканными глазами и съ встревоженными лицами.

— Ну что, Анна Николаевна? тихо спросилъ докторъ,—какъ наша больная?

— Передъ вами только-что бредила,—также тихо отвѣтила ему дѣвушка.

— Какъ мило съ вашей стороны, Анюта, что вы—здѣсь... горячо пожалъ ей руку Александръ Васильичъ. — Здравствуйте, дѣтки! особенно-ласково поздоровался онъ съ дѣтьми.

Они, всѣ вмѣстѣ, прошли на цыпочкахъ въ залу.

— А гдѣ же Сашенька? освѣдомился Свѣтловъ.

— Она у мамы сидитъ... сказала Калерія, и замигала рѣсницами, очевидно, намѣреваясь заплакать.

— Вамъ бы пора ужъ и лечь, Калерія Дементьевна, а то еще урокъ завтра проспите,—замѣтилъ ей добродушно-ободрительно Александръ Васильичъ. — Да и вамъ бы оно не мѣшало,—обратился онъ такимъ же тономъ къ Гришѣ.

— Я не лягу,—рѣшительно отвѣтилъ мальчикъ.

Въ эту минуту изъ спальни Лизаветы Михайловны послышался

не то стонъ, не то невнятный говоръ. Ельниковъ и, вслѣдъ за нимъ, Анюта поспѣшили туда. Свѣтловъ сѣлъ на диванъ и усадилъ съ собой дѣтей. Почти сейчасъ же послѣ того пришла къ нимъ Сашенька. Блѣдное и крайне встревоженное личико дѣвочки не обнаруживало, однако, признака слезъ, хотя глаза и были немного красны.

— Мамочка сильно больна,—серьезно, какъ взрослая, объявила Сашенька учителю, здороваясь съ нимъ: — все про Іисуса Христа разсказываетъ и про васъ. Мамочка васъ очень любитъ,—ласково прижалась она къ нему.

У Свѣтлова чуть чуть шевельнулись брови.

— Вотъ и не надо, значитъ, безпокоить мамочку,—сказалъ онъ, задумчиво проводя рукой по шелковистымъ волосамъ дѣвочки. — Право, дѣтки, я бы вамъ совѣтовалъ лечь; вѣдь вы мамѣ не поможете, а если она узнаетъ, что вы не спите—это можетъ еще больше разстроить ее.

— Да мама не узнаетъ,—замѣтила Сашенька.—Мамочка теперь никого не узнаетъ,—прибавила она съ такой выразительной печалью въ голосѣ, что у Александра Васильича, какъ говорится, сердце повернулось.

Калерія заплакала.

— Слушайте-ка, Калерія Дементьевна,—взялъ ее за руку Свѣтловъ:—какъ вы думаете?—жалѣю я вашу маму?

— Жалѣете... проговорила та сквозь слезы.

— Ну вотъ видите. Дѣйствительно, я ее жалѣю, и не меньше вашего, однако—не плачу. Что бы было, еслибъ мы всѣ стали только плакать—и вы, и я, и докторъ, и Анюта, и Гриша вонъ съ Сашенькой? У всѣхъ бы, навѣрно, голова разболѣлась отъ слезъ, такъ-что слегли бы мы и сами, пожалуй,—некому стало бы и за вашей мамой ходить. А мы лучше побережемъ себя для ея же пользы. Сегодня и безъ васъ есть кому за ней присмотрѣть, а завтра—*вамъ*, можетъ быть, придется замѣнить насъ,—для этого-то вотъ я и совѣтую уснуть теперь немного, подкрѣпиться. Не

стану васъ обманывать—ваша мама больна серьезно; но посмотрите на меня: я спокоенъ; я знаю, что Анемподистъ Михайлычъ хорошій докторъ и тоже любитъ вашу маму.

— Я пойду спать,—сказала Сашенька, вопросительно посматривая на Калерію.

— И я,—замѣтила та.

— А завтра будемъ мамочкѣ помогать. Бѣдная мамочка! Я бы только однимъ глазкомъ теперь на нее взглянула... Можно? обратилась Сашенька къ учителю.

— Сходите, Сашенька, взгляните, только не безпокойте ее,— сказалъ Александръ Васильичъ.

Обѣ дѣвочки тихохонько прошли въ спальню.

— Ты у насъ ночуешь? спросилъ Гриша у Свѣтлова.

— Да, Гриша, ночую.

— А докторъ?

— И онъ также ночуетъ.

— Я лягу, только не буду раздѣваться,—замѣтилъ мальчикъ, подумавъ,—и тоже проскользнулъ въ спальню матери.

Минуты черезъ двѣ, дѣти, всѣ трое, вернулись въ залу, объявили учителю, что „мама, кажется, спитъ“, и дружески-трогательно простились съ нимъ.

— Давно бы такъ! мягко сказалъ Александръ Васильичъ, провожая ихъ до дверей,—и видно было, какъ спокойно-ласковый тонъ его голоса ободрилъ дѣтскія лица.

Спустя полчаса, Свѣтловъ спросилъ у вошедшей зачѣмъ-то въ залу горничной: спятъ ли дѣти? и получивъ въ отвѣтъ: „спятъ-съ“, попросилъ ее закрыть осторожно двери у дѣвочекъ и въ комнатѣ Гриши. Предосторожность эта оказалась весьма кстати, впрочемъ, только на нѣкоторое время. Едва успѣла горничная исполнить порученіе Александра Васильича, какъ изъ спальни Лизаветы Михайловны явственно донеслись до него сперва тяжелые стоны больной, потомъ какой-то неопредѣленный шумъ и, вслѣдъ затѣмъ, онъ услышалъ ея, раздирающій душу, крикъ:

— Пустите!.. Пустите меня къ нему!!..

Въ дверяхъ залы показалась Анюта съ испуганнымъ лицомъ.

— Идите скорѣе!.. встревоженно поманила она рукой брата, и скрылась.

Свѣтловъ вскочилъ и быстро, почти безъ шума, послѣдовалъ за ней; но на порогѣ спальни онъ остановился, весь поблѣднѣвъ: то, что бросилось ему тамъ въ глаза, было слишкомъ неожиданно. Лизавета Михайловна—полураздѣтая, съ разорваннымъ воротомъ у рубашки, съ полуобнаженной грудью и, вообще, въ ужасномъ безпорядкѣ одежды — мѣталась на постели, стараясь вырваться изъ рукъ Ельникова и кусая ихъ. Цвѣтъ ея лица при этомъ измѣнялся съ неимовѣрной быстротой; оно то горѣло яркимъ румянцомъ, то покрывалось зловѣщей синеватой блѣдностью, то вдругъ багровѣло. Выраженіе его смѣнялось также быстро: нѣжность, гнѣвъ, отчаяніе, ярость—чего только не отражалось на немъ!—и все носило печать невыразимой муки. Анюта стояла у изголовья, блѣдная, какъ полотно, растерянная, не смѣя коснуться больной.

Услыхавъ легкій шорохъ шаговъ Свѣтлова, Ельниковъ быстро повернулъ голову къ двери, и глазами указалъ товарищу, чтобъ тотъ подошелъ.

— Пособи, пожалуйста... шепнулъ онъ ему, — у тебя силы больше. Скажите, чтобъ еще льду принесли,—шопотомъ же обратился докторъ къ Анютѣ.

Дѣвушка, какъ тѣнь, ускользнула изъ спальни.

Александръ Васильичъ только теперь замѣтилъ, что голова больной покрыта чѣмъ-то въ родѣ пузыря, а густой косы ея — какъ не бывало.

— Ужасный жаръ: ледъ такъ и таетъ... какъ бы въ раздумьи проговорилъ Ельниковъ.—Держи же, братъ! быстро шепнулъ онъ Свѣтлову, когда больная сдѣлала новое движеніе, чтобъ освободиться:—я ужь изъ силъ выбился...

Александръ Васильичъ хотѣлъ осторожно взять Лизавету Ми-

хайловну за руку, повыше локтя; но едва онъ успѣлъ прикоснуться къ ней, какъ больная замѣталась еще неистовѣе.

— Пустите!... Пустите же меня, говорятъ вамъ!!... закричала она, лихорадочно стуча зубами и судорожно подергиваясь. — Низкій, неделикатный человѣкъ! Развѣ я раба вамъ?... Пустите меня къ нему! Онъ умеръ за меня... и я хочу умереть съ нимъ за... за другихъ... за всѣхъ... Слышите: я хочу!!—Больная стала бить правой ногой въ стѣнку кровати, какъ будто топала ею объ полъ. — Ну сжальтесь же!... жалобно простонала она, — не бейте меня!—и какъ будто затихла. Но черезъ минуту болѣзненная энергія опять вернулась къ ней. — Что же вы такъ смотрите на меня?... Не узнали?... нервически засмѣялась Лизавета Михайловна, откинувъ голову на подушку. — А я все прежняя... Что-о?... Что тако-е?... вдругъ приподнялась она, силясь выпрямиться во весь ростъ. — Что же „дѣти“?... А-а-а!... Ты лжешь, негодяй! крикнула охриплымъ голосомъ больная, — они будутъ честными людьми... Да! людьми, а не... не піявками, сосущими кровь народа!.. Откуда это я знаю?... А вы думали, что я... ничего не знаю, ничего не смыслю?... куколка?... Ну да, я куколка, и вы меня купили... Зачѣмъ же вы не спросили, какъ заводится пружина у вашей куколки?... Лю-бо-вница-а?... Я?... я-то любовница?!... Чья? Ну да! ну да!... Вонъ онъ, любовникъ мой... видите?—распятъ!... Приходите на свадьбу... всѣмъ будетъ мѣсто на пирѣ... и вино будетъ... красное-красное... Ха-ха-ха-ха-ха!... захохотала она такимъ неистовымъ хохотомъ, что у Свѣтлова пошелъ морозъ по головѣ.

Этотъ ужасный хохотъ разбудилъ дѣтей. Полураздѣтыя, испуганныя, они явились въ спальню матери вслѣдъ за Анютой, принесшей ледъ.

— Дѣтки! обратился къ нимъ убѣдительнымъ полушопотомъ Александръ Васильичъ, — ради Бога, если вы не можете спать, посидите у себя въ комнатѣ. Я приду за вами, какъ только позволитъ докторъ. Анемподистъ Михайлычъ не можетъ съ долж-

нымъ спокойствіемъ исполнять своихъ обязанностей, когда ему мѣшаютъ...

— Я даже и васъ, Анна Николаевна, попрошу удалиться, — серьезно подтвердилъ Ельниковъ, нарочно возвысивъ голосъ, чтобъ слышали это дѣти. — Займите ихъ, успокойте, а сюда пришлите горничную, —шепнулъ онъ незамѣтно дѣвушкѣ.

Дѣти молча и нехотя вышли вмѣстѣ съ Анютой.

Между тѣмъ, больная продолжала все больше и больше мѣтаться. Она то вдругъ вскрикивала, какъ ужаленная, и выпрямлялась, то произносила сквозь стиснутые зубы глухія, несвязныя рѣчи, то молча кусала руки Свѣтлову и Ельникову. Силы ея быстро возрастали, и наконецъ припадокъ до того усилился, что пришлось потребовать изъ кухни, на подмогу, кухарку и кучера, не говоря уже о горничной. Съ Свѣтлова лилъ градомъ потъ; Ельниковъ позеленѣлъ отъ усталости...

Около четырехъ часовъ утра, съ помощью прислуги, доктору удалось влить въ ротъ больной нѣсколько капель собственноручно приготовленнаго имъ въ аптекѣ лекарства. Черезъ полчаса послѣ его пріема, она впала въ совершенное изнеможеніе и какъ будто успокоилась немного. Александръ Васильичъ вышелъ ободрить дѣтей, и опять уговорилъ ихъ лечь спать. Докторъ нашелъ возможнымъ отпустить прислугу, сказавъ горничной, чтобъ она легла, не раздѣваясь, въ комнатѣ барыни. Анюта, тоже не раздѣваясь, расположилась у дѣвочекъ. Свѣтловъ настоятельно требовалъ, чтобъ Ельниковъ уснулъ немного, а самъ вызвался дежурить при больной. Анемподиста Михайлыча нелегко было уломать, но наконецъ онъ согласился „вздремнуть тутъ же, въ креслѣ“ —у ея постели.

Въ исходѣ пятаго, Александръ Васильичъ, добросовѣстно исполнявшій свое дежурство, услыхалъ сперва стукъ подъѣхавшаго экипажа у воротъ, а потомъ шорохъ веревки, протянутой къ колокольчику въ кухнѣ. Онъ разбудилъ горничную и выслалъ ее узнать, въ чемъ дѣло, такъ—какъ Прозоровы занимали весь домъ и, слѣдовательно, звонить могли исключительно къ нимъ. Оказа-

лось, что пріѣхалъ Любимовъ. Онъ сидѣлъ гдѣ-то въ гостяхъ, и только-что передъ тѣмъ вернувшись домой, узналъ, что за нимъ присылали. Евгеній Петровичъ былъ значительно выпивши, и потому Свѣтловъ, вышедшій къ доктору на крыльцо, уговорилъ его не входить въ комнаты, разбудилъ Ельникова и выслалъ къ нему. Между докторами-товарищами произошелъ хотя и короткій, но къ концу довольно крупный разговоръ. Свѣтловъ слышалъ изъ передней, когда входилъ обратно Анемподистъ Михайлычъ, какъ Любимовъ, спускаясь съ крыльца, проговорилъ себѣ подъ носъ:

— Чучело лечитъ, — вотъ потѣха-то!

— Что у тебя съ нимъ вышло? спросилъ Александръ Васильичъ у Ельникова, запирая за нимъ дверь на крючокъ.

— Дышло! закашлявшись проговорилъ докторъ, и сердито плюнулъ.

Минуты черезъ двѣ, онъ уже снова сидѣлъ въ креслѣ напротивъ больной, но не дремалъ, а слѣдилъ за ходомъ ея болѣзни...

Прошло одинадцать сутокъ. Это были дни самой тяжелой неизвѣстности относительно положенія Лизаветы Михайловны. Болѣзнь ея, повидимому, не дѣлала ни одного шага къ благополучному исходу. Все это время больная ни на минуту не приходила въ сознаніе, постоянно бредила и волновалась. Днемъ еще—ничего, но къ вечеру и, въ особенности, ночью припадки упорно возобновлялись, хотя и съ меньшей противъ перваго дня силой; не то, наступало такое изнеможеніе, что на больную смотрѣть было страшно. Никогда еще Ельниковъ не относился такъ недовѣрчиво къ своимъ знаніямъ, какъ въ эти одинадцать томительныхъ сутокъ. Анемподистъ Михайлычъ заѣзжалъ къ Прозоровымъ раза два-три въ день и, кромѣ того, ночевалъ у нихъ каждую ночь, съ на-

пряженнымъ вниманіемъ наблюдая больную, иногда по часу времени и больше. Дома—онъ пользовался всякой свободной минутой, забирался въ уголъ на диванъ, и лихорадочно просматривалъ различныя медицинскія сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ, которыми постоянно снабжалъ его одинъ польскій врачъ-изгнанникъ, получавшій въ Ушаковскѣ все, что выходило новаго въ Европѣ по части медицины. Подчасъ, во время этихъ занятій, Ельниковъ либо нетерпѣливо взъерошивалъ себѣ волосы, либо выразительно обругивался. Его обычная суровость какъ бы удвоилась; онъ сталъ очень неразговорчивъ, и даже на разспросы Свѣтлова о положеніи больной, угрюмо и коротко отвѣчалъ: „Ничего, братъ, не могу пока сказать — самъ видишь“. Александръ Васильичъ дѣйствительно видѣлъ не разъ, украдкой слѣдя за товарищемъ, какъ тотъ, стоя у постели Лизаветы Михайловны, сомнительно покачивалъ головой. „Жизнь ея виситъ на волоскѣ“ — думалось тогда Свѣтлову, и сердце у него болѣзненно сжималось. Онъ тоже проводилъ все это время у Прозоровыхъ, почти безвыходно; дома его видѣли раза четыре—не больше, и то на нѣсколько минутъ. Все необходимое доставлялъ ему оттуда Владимірко, являвшійся акуратно черезъ день. И это было очень кстати: дѣти Лизаветы Михайловны сильно скучали, особенно Сашенька, которая подъ конецъ захворала и сама отъ огорченія. Владимірко, до тѣхъ поръ державшійся развязно только съ Гришей, теперь подружился и съ дѣвочками, въ особенности съ младшей.

— Вы чего плачете? Я, братъ, разъ самъ такъ хворалъ, что у меня вотъ какая мордочка сдѣлалась! разсмѣшилъ онъ однажды всѣхъ, желая утѣшить Сашеньку и курьезно прижавъ ладони къ щекамъ, чтобъ показать ей наглядно, какая у него „мордочка сдѣлалась“.

Ирина Васильевна сперва-было очень недоброжелательно встрѣтила излишнюю озабоченность въ старшемъ сынѣ относительно болѣзни Лизаветы Михайловны.

— Ужь не на добро, отецъ, завелъ нашъ Санька эти уроки,—вотъ помяни мое слово! нѣсколько разъ, съ различными из-

мѣненіями, повторяла она мужу. — Чтожъ такое, что хвораетъ сильно?—не родня вѣдь она ему. Стыдъ какой!—у молодой дамы ночуетъ...

Но на седьмой день, когда старушка, взглянувъ на Александра Васильича, забѣжавшаго передъ обѣдомъ на минуту домой, увидѣла, что онъ значительно похудѣлъ, — ея любвеобильное сердце не выдержало и, такъ сказать, очнулось.

— Кто же у васъ тамъ ходитъ-то за ней? спросила она у сына, слегка покраснѣвъ.

— Да Анюта,—сказалъ разсѣянно Свѣтловъ.

— Ну ужъ, батюшка, много твоя Анюта находитъ!—она, поди, и сама-то еле ноги передвигаетъ,—нетерпѣливо замѣтила ему Ирина Васильевна.

Александръ Васильичъ промолчалъ.

Въ тотъ же день, довольно поздно вечеромъ, онъ былъ и удивленъ, и тронутъ, встрѣтивъ нечаянно мать въ залѣ „молодой дамы“. Старушка выразила твердое намѣреніе присмотрѣть до утра за больной. Она почти насильно прогнала спать Анюту, обласкала дѣтей и подробно разспросила у Ельникова, что и какъ надо дѣлать; при этомъ Ирина Васильевна сообщила ему, въ свою очередь, что больную слѣдуетъ „умыть съ креста“. Анемподистъ Михайлычъ поморщился, и рѣшительно, хотя и мягко, отклонилъ это предложеніе. Тѣмъ не менѣе, едва докторъ съ Свѣтловымъ успѣли расположиться въ залѣ ко сну, извѣстный крестъ съ мощами Варвары—великомученицы водрузился-таки, при содѣйствіи чайной чашки, на этажеркѣ Лизаветы Михайловны, и старушка только тогда успокоилась, когда прилѣпила передъ нимъ, къ краешку той же чашки, захваченную изъ дому восковую свѣчу и затеплила ее. Заглянувъ рано утромъ въ спальню больной, Ельниковъ только покосился на эту свѣчку, но не сказалъ ни слова. Ирина Васильевна, точно такимъ же образомъ, отдежурила здѣсь и еще двѣ ночи сряду, пропустивъ одинъ день, „пока“, по ея выраженію, „молодежь не отдохнула“. Прощаясь съ старушкой,

Анемподистъ Михайлычъ доставилъ ей большое удовольствіе, сказавъ, что у нея можно поучиться ходить за больными.

— Только ужъ будто вы, молодые, одни все и знаете! Я ужо крестъ-то оставлю здѣсь: посмотрите, какъ ей полегчаетъ; Санька принесетъ его потомъ,—весело отвѣтила она на любезность доктора, и ушла.

Любимовъ тоже заѣзжалъ сюда раза два втеченіи описаннаго времени, но больше, кажется, для виду. Въ оба эти посѣщенія онъ старался вести себя съ Свѣтловымъ по прежнему, т. е. на товарищеской ногѣ; тѣмъ не менѣе, въ его обращеніи съ Александромъ Васильичемъ нельзя было не замѣтить нѣкоторой натяжки. Что же касается Ельникова, то на него Евгеній Петровичъ положительно дулся; они обмѣнялись другъ съ другомъ только нѣсколькими холодными словами на „вы“, съ котораго, впрочемъ, началъ Любимовъ.

Такимъ образомъ прошло, какъ мы сказали, одинадцать сутокъ, не обнаруживъ въ положеніи больной ни малѣйшаго измѣненія къ лучшему. На двѣнадцатые сутки, въ ночь, въ залѣ Лизаветы Михайловны шелъ тихій, но оживленный разговоръ. Дня за два передъ тѣмъ вернувшійся изъ своей поѣздки Варгунинъ, съ жаромъ разсказывалъ о ней что-то Свѣтлову, успѣвшему передать Матвѣю Николаевичу еще раньше, за чаемъ, подробности болѣзни хозяйки дома. Анюта дремала въ уголку надъ какой-то работой, взятой ею въ руки именно съ намѣреніемъ отогнать сонъ: она была дежурной въ ту ночь. Ельниковъ, несмотря на все свое желаніе потолковать съ Варгунинымъ, съ самаго вечера и до сихъ поръ не отходилъ ни на шагъ отъ больной: онъ ждалъ кризиса.

— Такъ-то, батенька! говорилъ Матвѣй Николаичъ, дружески трепля Свѣтлова по колѣну,—помучился—таки я съ ними, не меньше, чѣмъ вы здѣсь съ Лизаветой Михайловной; хоть рукъ мнѣ и не кусали, а зубы я большіе видѣлъ... И какъ это они, шельмецы, пронюхали? Не понимаю!

Варгунинъ пожалъ плечами и хотѣлъ-было продолжать, но его

остановили неясные звуки, выходившіе, очевидно, изъ комнаты больной.

Свѣтловъ, сидѣвшій спиной къ дверямъ спальни, тревожно обернулся и увидѣлъ на порогѣ Ельникова. У Александра Васильича такъ и замерло сердце: на лицѣ доктора было что-то торжественное.

— Поди-ка сюда, Свѣтловушка,—громко сказалъ онъ, махнувъ рукой: — тебя Лизавета Михайловна хочетъ видѣть...

Радость, какъ молнія, сверкнула на лицѣ Свѣтлова. Онъ кинулся въ спальню, не будучи въ состояніи выговорить ни слова.

Больная лежала спокойно, съ закрытыми глазами. Слабый свѣтъ ночника, покрытаго густымъ абажуромъ, мягко падалъ на ея изнуренное лицо, значительно скрадывая его страдальческое выраженіе. Правая рука Лизаветы Михайловны чуть-чуть свѣсилась съ кровати; исхудалая и обнаженная до локтя, рука эта выдѣлялась, какъ мраморъ, на фонѣ голубого шелковаго одѣяла.

Свѣтловъ молча остановился у изголовья и ждалъ, жадно впившись глазами въ знакомый, но неузнаваемый образъ,—и какое-то странное, жгучее до боли чувство охватило молодого человѣка. Ельниковъ закашлялся. Лицо Лизаветы Михайловны какъ будто дрогнуло отъ этого звука, губы шевельнулись едва примѣтной улыбкой, глаза медленно открылись и прямо упали на Свѣтлова.

— Благодарю васъ... милый... слабо сказала она, и чуть шевельнула рукой, какъ будто желая протянуть ее Александру Васильичу.

— Лизавета Михайловна!.. порывисто молвилъ онъ, наклоняясь надъ ней и нѣжно дотрогиваясь до ея руки; но голосъ его дрогнулъ и оборвался.

Свѣтловъ только теперь вполнѣ почувствовалъ, какъ дорога стала ему эта женщина, какую страшную потерю могли понести въ лицѣ ея и онъ, и его дѣло.

— Дѣтей... пожалуйста... все также слабо попросила больная, опять закрывая глаза.

— Только съ однимъ условіемъ: взгляните на нихъ, но не говорите, — замѣтилъ Ельниковъ: — малѣйшее усиліе можетъ повредить вамъ сегодня; завтра я буду милостивѣе.

— Да... вздохнула Лизавета Михайловна.

Пріятели вышли.

— Теперь — поздравьте меня! съ нѣкоторой торжественностью обратился Анемподистъ Михайлычъ въ залѣ къ Свѣтлову, Варгунину и Анютѣ, тревожно ожидавшимъ, что онъ скажетъ: — наша больная внѣ всякой опасности; ей нуженъ только покой, покой и покой. Вотъ этакаго могучаго врага побороть весело! продолжалъ докторъ, самодовольно потирая руки. — Н-ну да ужъ и натура же у нея!.. Молодецъ-барыня!

Свѣтловъ молча обнялъ и поцѣловалъ товарища; Варгунинъ и Анюта радостно пожали доктору руку.

— Да и вы молодчина, батенька! восторженно замѣтилъ ему, при этомъ, Матвѣй Николаичъ.

— Ну, Анна Николаевна, я чувствую дьявольскій аппетитъ и сознаю, что на этотъ разъ покормить меня стоитъ, — весело обратился Анемподистъ Михайлычъ къ Орловой: — вотъ бы вы удружили-то мнѣ, кабы угостили этакъ... бифштекцемъ.

Ельниковъ послѣдніе два-три дня обѣдалъ наскоро и чѣмъ-попало.

— Съ кровью? разсмѣялась Анюта, знавшая уже его привычки.

— Съ кровью, съ солью, съ перцемъ — со всякими штуками, — шутливо подтвердилъ докторъ.

Анемподистъ Михайлычъ, схвативъ свѣчу, отправился къ дѣтямъ. Онъ осторожно разбудилъ ихъ, поздравилъ съ благополучнымъ исходомъ болѣзни матери, растолковалъ, какъ они должны вести себя у нея, и потомъ уже повелъ ихъ къ больной, вмѣстѣ съ Анютой.

Нечего и говорить, до какой степени были обрадованы дѣти, видя, что мать узнаетъ ихъ. Сашенька выказала при этомъ примѣрную твердость: поцѣловавъ Лизавету Михайловну и услышавъ

отъ нея „только одно словечко“, она первая сейчасъ же ушла, какъ ни хотѣлось ей посидѣть съ матерью; Гриша и Калерія невольно послѣдовали ея примѣру. Взаключеніе, Анемподистъ Михайлычъ нашелъ возможнымъ показать больной даже Варгунина.

— Тамъ, у насъ, пойдетъ теперь пиръ горой, а вы пока усните,—сказалъ ей на прощанье докторъ.

Съ слѣдующаго дня, выздоровленіе Лизаветы Михайловны видимо пошло очень быстро. Покой и вниманіе, которыми всѣ въ домѣ, начиная съ дѣтей и кончая прислугой, старались окружить ее, много способствовали этому. Каждый вечеръ около постели больной собирался извѣстный намъ, тѣсный кружокъ друзей, шли толки и споры, до тѣхъ поръ, пока она не начинала дремать; бывалъ и Любимовъ, но не надолго: у него все „опасные больные на рукахъ, изволите ли видѣть“, оказывались. Иногда, по желанію Прозоровой, ей передавали подробности ея безсознательнаго поведенія втеченіи одинадцати сутокъ, причемъ каждый разъ, какъ разговоръ касался участія Свѣтлова въ дѣятельности Ельникова, она украдкой взглядывала на Александра Васильича и краснѣла, подобно шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ. Въ характерѣ ея, однакожъ, произошла значительная перемѣна. Нельзя было не замѣтить, напримѣръ, что прежняя робость Лизаветы Михайловны какъ будто изчезла; она свободно говорила обо всемъ, выражалась мѣтко и смѣло. Не меньше замѣтна была въ ней теперь еще и другая особенность: въ ея манерахъ и словахъ появилась какая-то порывистость, горячность, точно она спѣшила все куда-то, точно принимала все близко къ сердцу. Даже и въ мысляхъ Прозоровой обнаружилось нѣчто подобное: онѣ получили теперь какой-то новый, болѣе высокій, полетъ, большую глубину и силу.

— Знаете что, господа? замѣтила она однажды Свѣтлову и Ельникову, сидѣвшимъ у ея изголовья,—это мнѣ и самой кажется странно: нынѣ, послѣ болѣзни, я смотрю на васъ какъ будто на товарищей, точно въ одномъ университетѣ съ вами курсъ кончила...

И она была, пожалуй, права.

Что же такое испытывала въ дѣйствительности Лизавета Михайловна? Да она и сама не могла бы отвѣтить на это хорошенько: водворившаяся въ ея внутреннемъ мірѣ гармонія не поддавалась никакому анализу. Но въ тотъ день, когда Прозорова, въ первый разъ послѣ болѣзни, выѣхала изъ дому, чтобъ сдѣлать визитъ старушкѣ Свѣтловой,— она невыразимо-ясно и безтрепетно почувствовала, что связь ея съ прошлымъ разорвана навсегда...

ГЛАВА V.

Мысль Свѣтлова осуществилась.

Наконецъ-то осуществилась давно лелѣемая мысль Александра Васильича: вотъ уже третья недѣля пошла съ тѣхъ поръ, какъ школа его открыта. Василій Андреичъ, отправляясь, по обыкновенію, утромъ на рынокъ, каждый день встрѣчаетъ у своихъ воротъ очень бѣдно одѣтыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, съ узелками и сумочками въ рукахъ. Иные изъ этихъ дѣтей такъ плохо защищены отъ осенняго холода, что, смотря на ихъ съежившіяся фигурки и красныя руки, старику Свѣтлову становится иногда жутко пройти мимо безъ ласковаго слова.

— Опеть ребяты попались мнѣ на встрѣчу... Экіе вѣдь все голыши какіе! сообщаетъ онъ, вернувшись домой, женѣ.

— Да ужъ и холода же, батюшка, нонѣ стоятъ, какъ зима точно,—скажетъ въ отвѣтъ на это Ирина Васильевна, и пойдетъ придумывать, не найдется ли у нея и еще какого нибудь старенькаго платья либо бурнуса, годныхъ для превращенія въ дѣтскій гардеробъ.

Много ужъ такихъ платьевъ и бурнусовъ пустила старушка въ ходъ въ послѣднее время, соболѣзнуя ученикамъ и ученицамъ сына.

— Ты ужъ лучше все изъ дому-то вынеси! нахмурившись замѣчалъ ей мужъ, когда она, торопливо всунувъ подъ мышку которому нибудь изъ уходившихъ домой дѣтей тотъ либо другой плодъ своихъ неусыпныхъ изысканій, также торопливо возвращалась въ комнаты съ крыльца большого дома, куда теперь переселились Свѣтловы.

— Это, батюшка, все равно, что самому Христу подаешь,— давала отпоръ старушка.

— У тебя все — Христосъ! Этакъ и Вольдюшкѣ нашему не въ чемъ будетъ скоро въ гимназію ходить. Ужъ этотъ мнѣ Сашка со своими затѣями! Раззоритъ меня парень совсѣмъ... ворчалъ Василій Андреичъ.

Но на другой же день, порывшись у себя въ старомъ платьѣ, старикъ приносилъ изъ кабинета къ женѣ какую нибудь старомодную шинель, говоря:

— На вотъ еще... можетъ, пригодится.

Однако, хотя и сказано въ писаніи, что „рука дающаго не оскудѣетъ“, тѣмъ не менѣе, Ирина Васильевна, глубоко вѣрившая этому изреченію, вскорѣ замѣтила, что запасъ различнаго старья совершенно оскудѣлъ въ ихъ домѣ. Еще бы, когда въ школу приходило ежедневно до тридцати человѣкъ дѣтей обоего пола! Однажды утромъ, старушка загляну́ла туда минутъ на пять—и ничего не поняла: обученіе грамотѣ по звуковой методѣ поставило ее въ совершенный тупикъ.

— Ну ужъ мудренъ нынче народъ сталъ! замѣтила она мужу, вернувшись оттуда, и покачала головой.

— А что, мать? спросилъ, будто равнодушно, старикъ.

— Да ничего, батюшка, не разберешь у нихъ: буквы какъ-то на доскѣ передвигаютъ, — мучатъ ли, учатъ ли — кто ихъ знаетъ. И дѣвчонки эти, и мальчишки — всѣ знать ничего не

хотятъ, точно и не въ школѣ; тотъ спроситъ, другой спроситъ—всякому отвѣчай. Ужъ чего это Санька выдумалъ, право, такъ я и не знаю!

Василій Андреичъ соблазнился, и на другой же день самъ зашелъ въ школу. Его тоже поразило, прежде всего, свободное обращеніе дѣтей съ учителемъ, которымъ въ тотъ день была Прозорова.

Лизавета Михайловна сама вызвалась нести эту обязанность, предложивъ Александру Васильичу свои услуги три раза въ недѣлю, черезъ день, и просила только познакомить ее прежде съ пріемами преподаванія. Она усвоила все необыкновенно быстро, и была теперь общей любимицей дѣтей, въ особенности дѣвочекъ. Короткіе, еще неуспѣвшіе отрости послѣ болѣзни, волосы чрезвычайно шли къ ея замѣтно-похудѣвшему лицу, хотя молодой Свѣтловъ и увѣрялъ, что съ косой она была гораздо привлекательнѣе.

Василій Андреичъ пришелъ въ школу довольно поздно и потому засталъ немногое. Пока онъ сидѣлъ да соображалъ, стараясь понять, въ чемъ дѣло, урокъ уже кончился. Ребятишки, поскакавъ со скамеекъ, цѣлой гурьбой окружили учительницу, предлагая ей наперерывъ различные вопросы; но никто изъ нихъ не обнаруживалъ особеннаго желанія убѣжать поскорѣе домой. Это невольно бросилось въ глаза старику и чрезвычайно удивило его.

„Вишь вѣдь, разбойники, и домой не хотятъ! Мой Володька теперь бы ужъ давно дулъ изъ гимназіи во всѣ лопатки“—подумалъ онъ, и его точно смутило что-то.

— Потише, ребятушки, потише! мягко унимала, между тѣмъ, Прозорова все больше и больше напиравшую на нее юную толпу, пробираясь, чтобъ поздороваться, къ Василью Андреичу, съ которымъ она познакомилась въ то время, когда была, послѣ болѣзни, съ визитомъ у Ирины Васильевны.

Свѣтловъ старомодно разшаркался съ ней.

— Не надоѣдаютъ-съ? освѣдомился онъ съ обязательной улыбкой.

— Бываетъ грѣхъ, да что же дѣлать—дѣти! чуть-чуть повела она плечами. — Впрочемъ, я какъ-то скоро привыкла, — у меня вѣдь своихъ трое.

— Ну, эти-то не въ счетъ-съ. А и то сказать, у меня у самого тоже только трое всего, да и съ тѣми не справлюсь...

Прозорова улыбнулась.

— Ну, вамъ-то, кажется, теперь приходится имѣть дѣло только съ однимъ,—замѣтила она.

— Ка-а-кой съ однимъ! Старшіе, думаете, лучше? То-о-же вертопрахи! шутливо махнулъ рукой Василій Андреичъ,—и уходя, опять разшаркался.

Дома, на распросы жены, что онъ думаетъ о школѣ? — старикъ сдержанно отвѣтилъ:

— Кто ихъ знаетъ!—можетъ и путное что выйдетъ...

Однако, какъ ни темны были представленія стариковъ объ этомъ предметѣ, они въ ту ночь уснули оба съ одинаковой мыслью: „А вѣдь Санька-то, кажись, и вправду доброе дѣло дѣлаетъ“.

Но если кто былъ въ восторгѣ отъ школы, такъ это — Варгунинъ. Звуковая метода, о практичности которой Матвѣй Николаичъ, до тоговремени, не имѣлъ никакого яснаго понятія, просто очаровала его.

— Да это, батенька, прелесть вѣдь!.. Вѣдь это, батенька, сокращеніе времени-то какое — вы подумайте! говорилъ онъ съ жаромъ Александру Васильичу, разъ шесть навѣстивъ его школу.—Я теперь тоже свои азбуки по боку... ну ихъ къ праху! Давайте-ка, батенька, катнемте скорѣе въ Ельцинскую: мы тамъ живо эти порядки устроимъ.

— Да вотъ пусть только школа покрѣпче встанетъ на ноги,— отозвался Свѣтловъ.

— Ну-съ, хорошо-съ. Когда же? приставалъ Матвѣй Николаичъ.

— Можетъ быть, съ недѣлю, *а* можетъ быть и съ мѣсяцъ еще придется подождать.

— Эка вы, батенька, хватили — съ мѣсяцъ! Въ мѣсяцъ-то можно, этакимъ манеромъ, всю фабрику грамотной сдѣлать.

— Это только съ горяча такъ кажется, Матвѣй Николаичъ,— возразилъ, улыбнувшись, Свѣтловъ.

— Съ горяча-то, батенька, и надо дѣйствовать,—сказалъ пылко Варгунинъ, — а какъ простынетъ — и кусай губы!

— Въ этомъ случаѣ я несовсѣмъ согласенъ съ вами,—замѣтилъ спокойно Александръ Васильичъ:—губы-то именно тогда и приходится кусать, когда слишкомъ поторопишься; поэтому, я предпочитаю идти, до времени—*шагъ за шагомъ*.

— Такъ-то, батенька, и черепахи плетутся.

— Идти шагъ за шагомъ не значитъ, по моему, плестись; напротивъ, это значитъ идти рѣшительно и неуклонно къ своей цѣли, безъ скачковъ, — по крайней мѣрѣ, я именно въ такомъ смыслѣ употребилъ это выраженіе. Самая суть-то вѣдь не въ скорости шаговъ, а въ ихъ твердости и осмысленности, мнѣ кажется. Войско такъ же идетъ...

— А еще лучше, батенька, какъ и то, и другое есть.

— Ужъ это само собой разумѣется; да вѣдь мало ли чего нѣтъ... У насъ если даже и плестись-то къ порядочной цѣли, такъ надо поминутно оглядываться да подъ ноги смотрѣть, какъ бы на гнилую колоду не наткнуться, либо, чтобъ какой нибудь звѣрь ноги тебѣ сзади не подставилъ; а ужъ о скачкахъ-то и говорить нечего — сейчасъ шею сломишь: непроходимыми дебрями вѣдь мы идемъ... сказалъ задумчиво Свѣтловъ.

— На то, батенька, мы и піонеры... шея-то ужъ не въ счетъ,— улыбнулся широкой улыбкой Варгунинъ.

— Такъ какъ же вы въ дѣвственной-то трущобѣ побѣжите, хотѣлъ бы я знать? Кто говоритъ о шеѣ! — да было бы за что ее ломать; не на потѣху же гнилыхъ колодъ она предназначается... попрежнему задумчиво возразилъ Александръ Васильичъ.

— А вы — думаете — цѣлой донесете, батенька, вашу шкурку? спросилъ Матвѣй Николаичъ, и въ скулахъ его мелькнула проническая улыбка.

Свѣтловъ пристально посмотрѣлъ на Варгунина.

— Одно изъ двухъ, Матвѣй Николаичъ,—сказалъ онъ необыкновенно серьезно: — или быть практическимъ дѣятелемъ, или ходить по ворожеямъ...

Варгунинъ искоса посмотрѣлъ на него, и смущенно умолкъ.

А дѣло школы, между тѣмъ, шло своимъ порядкомъ. Усерднѣе всѣхъ работали для нея самъ Свѣтловъ, Лизавета Михайловна и Ельниковъ; кромѣ того, были приглашены къ урокамъ двое молодыхъ учителей ушаковской гимназіи, только-что передъ тѣмъ пріѣхавшіе изъ Петербурга и довольно тѣсно сблизившіеся съ Александромъ Васильичемъ. Сходясь съ ними, Свѣтловъ очень хорошо понималъ, что присутствіе ихъ, отъ времени до времени, въ школѣ, придастъ ей необходимую прочность, въ особенности въ глазахъ мѣстнаго учебнаго начальства. Сначала, впрочемъ, дѣятельность во флигелѣ кипѣла только по утрамъ — съ дѣтьми; что же касается воскресныхъ вечернихъ уроковъ для чернорабочихъ, то на нихъ, въ первое время, никто не являлся. Потомъ Свѣтлову удалось, черезъ посредство горничной Маши, залучить на воскресный урокъ и еще трехъ-четырехъ молоденькихъ горничныхъ; дѣвушка Прозоровой тоже присоединилась къ нимъ. Онѣ сперва явились въ школу изъ простого любопытства, а затѣмъ уже имъ понравилось и самое ученье. Но главнымъ образомъ поддержкѣ этихъ вечернихъ занятій помогъ Анемподистъ Михайлычъ. Стяжавъ себѣ понемногу въ Ушаковскѣ довольно громкую репутацію „лекаря для бѣдныхъ“, онъ то и дѣло сталкивался въ послѣднее время съ разнымъ рабочимъ людомъ, забираясь иногда съ своей медицинской помощью въ самые глухіе закоулки города. Здѣсь, въ этихъ пустынныхъ закоулкахъ, въ этомъ темномъ мірѣ невѣжества, нужды и, чаще всего, непосильной работы, ему удалось завербовать наконецъ сперва немногихъ, но за-то вполнѣ надежныхъ уче-

никовъ для свѣтловской школы. Примѣръ ихъ соблазнилъ и еще кое-кого изъ подобныхъ тружениковъ, такъ-что въ послѣднее воскресенье, когда Ельникову же и учительствовать приходилось, во флигель порядочно-таки набралось чернаго народа, несмотря на дождливый сентябрьскій день.

Подъ вечеръ, Ирина Васильевна, сидѣвшая, по случаю воскресенья, съ пустыми руками у окна, выходившаго на дворъ, невольно обратила вниманіе на повторявшійся раза три или четыре скрипъ калитки. При новомъ подобномъ звукѣ, Свѣтлова поспѣшно заглянула въ окно и увидѣла во дворѣ какого-то рабочаго, — кузнеца, какъ ей показалось, — который недоумчиво озирался на всѣ четыре стороны.

— Кого, батюшка, надо? спросила она у него черезъ форточку.

— А гдѣ тутъ учатъ? освѣдомился, въ свою очередь, рабочій, чуть-чуть тронувъ рукой шапку.

— А вонъ тамъ во флигелькѣ, батюшка, школа, — туда и ступай. А ты отъ кого? полюбопытствовала старушка.

— Да мы сами отъ себя, — отвѣтилъ рабочій, и направился къ флигелю.

Не успѣла Ирина Васильевна отвернуться отъ окна, какъ скрипъ у воротъ повторился снова. На этотъ разъ она увидѣла входившаго во дворъ знакомаго ей столяра-сосѣда, частенько работавшаго на Свѣтловыхъ по домашнему обиходу.

— Куды ты, Петровичъ? обратилась къ нему, съ удивленіемъ, старушка, высунувшись въ форточку.

— Да въ школу, матушка, къ вашему сынку, — конфузливо объяснилъ столяръ, почесавъ правой ладонью затылокъ. — Добраго здоровья! приподнялъ онъ за козырекъ новенькую фуражку.

— А тебѣ туды зачѣмъ? спросила старушка, — починить, видно, что понадобилось?

— Кака, матушка, починка въ праздникъ! Грамотѣ-то вотъ поучиться хочется... попрежнему конфузливо замѣтилъ Петровичъ, и опять почесалъ правой ладонью затылокъ.

— Это на старости-то лѣтъ выдумалъ?! изумилась Ирина Васильевна.

— Дѣ она у меня еще, старость-то? Всего-то четвертый десятокъ нонѣ пошелъ,—какъ-то уже обидчиво проговорилъ столяръ, и торопливо приподнявъ фуражку, тоже направился къ флигелю.

— Чудеса, ребяты, да и только! шумно вошла старушка въ кабинетъ мужа, гдѣ Оленька читала отцу какую-то книгу:—Петровичъ-то, сосѣдъ-то нашъ,—вотъ, что конторку-то папѣ дѣлалъ,—подика ты съ нимъ шути!—въ школу, батюшка, Санькинупо ступилъ!

Старикъ несовсѣмъ понялъ жену.

— А ты гдѣ его, мать, видѣла? спросилъ онъ.

— Да вотъ сейчасъ только во флигель онъ прошелъ; я еще съ нимъ въ форточку разговаривала; ученье, надо быть, у нихъ тамъ сегодня. Ба! да вѣдь сегодня воскресенье же и есть, ребяты,—спохватилась Ирина Васильевна. — Ну такъ, такъ!... такъ Санька и сказывалъ, что у нихъ по воскресеньямъ мужики будутъ обучаться.

— Я говорю, что... хотѣлъ было что-то сказать Василій Андреичъ. — Гхе! махнулъ онъ только рукой и не договорилъ.

Ирина Васильевна присѣла на диванъ рядомъ съ Оленькой.

— Я бы, отецъ, на твоемъ мѣстѣ, батюшка... начала она поучительно.

— Эхъ, мать! ужь ты-то хоть не досаждай,—съ горечью перебилъ ее старикъ.—Кабы мнѣ твое „я бы“, такъ ужъ меня, однако, давно бы министромъ сдѣлали. Совсѣмъ нонѣ свѣтъ навыворотъ пошелъ... задумался онъ, и минуты двѣ, по крайней мѣрѣ, досадливо чесалъ у себя волосы на лбу тремя средними пальцами правой руки, такъ, что большой палецъ торчалъ кверху. — Эдакъ и самъ съ панталыку собьешься...

Василій Андреичъ всталъ и, наклонивъ голову, медленно зашагалъ по кабинету. Потомъ, также медленно, онъ набилъ свою коротенькую трубку, закурилъ ее, усѣлся въ уголъ, и долго, съ какимъ-то азартомъ, тянулъ изъ нея дымъ, пока она не засопѣла и

не погасла; выколотивъ пепелъ, старикъ снова набилъ ее, опять хотѣлъ закурить, но какъ будто раздумалъ и подошелъ къ шкафу съ платьемъ.

— Пойду, погляжу... сказалъ онъ, выразительно поднявъ брови, и сталъ повязывать галстукъ.

Спустя минутъ пять, Василій Андреичъ поднимался уже на заднее крыльцо флигеля.

Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что туда, дня за четыре передъ тѣмъ, переселился Александръ Васильичъ; онъ занялъ ту самую комнату, которая служила прежде кабинетомъ его отцу. Никакой особенной надобности въ этомъ, по отношенію къ школѣ, Свѣтлову не предстояло, но молодой человѣкъ просто воспользовался ею, какъ благовиднымъ предлогомъ, чтобъ разомъ отдѣлаться и отъ безполезнаго, поминутнаго контроля стариковъ, порядочно-таки мѣшавшаго ему, и отъ мелкихъ домашнихъ столкновеній, неизбѣжныхъ при слишкомъ тѣсномъ сожительствѣ, — все это только безполезно раздражало обѣ стороны; а главное — кругъ дѣятельности и знакомыхъ Александра Васильича на столько разширился теперь, что онъ могъ дѣйствительно обезпокоить семью, привыкшую и рано ложиться, и рано вставать. Ирина Васильевна возстала-было сперва противъ такого переселенія, но потомъ должна была согласиться съ доводами сына, что ничего позорнаго относительно стариковъ въ этомъ нѣтъ, что вѣдь онъ не на сторону переѣзжаетъ, а остается жить у нихъ же въ домѣ. Такимъ образомъ, дѣло уладилось безъ особеннаго огорченія для старушки, выговорившей, однако, чтобъ столъ былъ общій, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда къ молодому человѣку соберутся гости. Александръ Васильичъ кстати ужъ нанялъ себѣ и слугу, подговоривъ его, кромѣ того, исполнять обязанность сторожа при школѣ.

Василій Андреичъ съ тѣмъ именно намѣреніемъ и поднимался теперь по заднему крыльцу, чтобъ предварительно зайти къ сыну.

— А у васъ тутъ, кажись, сборище сегодня? обратился онъ къ Александру Васильичу, встрѣтившему отца на порогѣ его

бывшаго кабинета, съ карандашомъ въ одной рукѣ и съ мелкоисписаннымъ листомъ бумаги въ другой.

— Да; сегодня вечерній урокъ,—подтвердилъ Александръ Васильичъ.

— Неужли и взаправду мужиковъ станете учить? присѣлъ Василій Андрвичъ на край дивана.

— Какже, папа: цѣлая комната набралась,—весело сказалъ молодой Свѣтловъ, положивъ на столъ карандашъ и бумагу.

— Да поймутъ ли они чего? замѣтилъ старикъ.

— Ну вотъ еще! Разумѣется, поймутъ. Какъ же мы-то съ тобой поняли? улыбнулся сынъ.

— Да имъ на что же, парень, грамота-то?—ты вотъ что мнѣ только скажи.

— Какъ „на что“? А намъ-то она для чего была нужна?

— Эка ты сравнилъ! чуть не обидѣлся Василій Андреичъ.— А по моему — ничего путнаго изъ этого не выйдетъ; цустое дѣло вы затѣяли,—сказалъ онъ.

— Вотъ что, папа: сегодня, послѣ ученья, Анемподистъ Михайлычъ будетъ объяснять, почему грамоту необходимо знать всякому,—ты не хочешь ли, кстати, послушать? спросилъ Александръ Васильичъ невозмутимо.

— Послушать-то, парень, я, пожалуй, послушаю, да только дѣло-то, говорю, вы затѣяли непутное... Ну а какъ грѣхъ какой выйдетъ?

— Да какой же, папа, грѣхъ можетъ выйти? Какъ ты думаешь?

— Всяко, братъ, случается... молвилъ съ тяжелымъ вздохомъ старикъ, и низко опустивъ голову, онъ неподвижно уставилъ глаза на сложенныя на колѣняхъ руки.

Изъ бывшей залы флигелька, передѣланной въ классную комнату, откуда слышался передъ тѣмъ только неясный говоръ, теперь явственно донесся грубоватый голосъ Ельникова:

— Начнемте, братцы, съ Богомъ...

Жаль, что Василій Андреичъ не былъ тамъ въ эту минуту:

онъ увидѣлъ бы, съ какой глубокой серьезностью перекрестились взрослые ученики при возгласѣ доктора.

— Вотъ и урокъ начался,—замѣтилъ молодой Свѣтловъ отцу;— пойдемъ, папа, послушаемъ.

Они скромно, безъ малѣйшаго шума вошли въ классную комнату и усѣлись въ уголку, на самой задней скамейкѣ — единственномъ незанятомъ мѣстѣ. Все окружающее сразу произвело, повидимому, значительное впечатлѣніе на старика. Онъ съ нескрываемымъ любопытствомъ сталъ вглядываться въ разнообразныя лица рабочаго люда, принарядившагося по праздничному. Нѣкоторые стояли сбоку, возлѣ скамеекъ, и слушали, подпершн лѣвой рукой правый локоть; трое или четверо были съ женами и сестрами, и сидѣли рядомъ съ ними. На первой скамейкѣ Василій Андреичъ замѣтилъ Машу и еще двухъ какихъ-то горничныхъ, пристально слѣдившихъ за передвиженіемъ Ельниковымъ картонныхъ буквъ и, по его вызову, громко повторявшихъ, какъ и остальные, звуки той либо другой гласной. Петровичъ степенно поклонился старику Свѣтлову, когда тотъ взглянулъ, между прочимъ, и на него. У Анемподиста Михайлыча была, какъ видно, очень острая память онъ многихъ называлъ уже по именамъ.

— Ну-ка, Григорій Терентьичъ, скажи-ка ты мнѣ, какъ вонъ та буква называется? говорилъ, напримѣръ, докторъ широкоплечему кузнецу, сидѣвшему на самой дальней скамьѣ. — А теперь ты, Марфа Никитишна, повтори,—обращался онъ къ ближайшей слушательницѣ.

Вообще же, урокъ шелъ очень занимательно, интересовалъ, очевидно, всѣхъ, и даже молодого Свѣтлова, давно привыкшаго ко всякимъ пріемамъ обученія, занялъ подъ конецъ не на шутку. Василій Андреичъ только теперь началъ понемногу догадываться, въ чемъ состоитъ, главнымъ образомъ, преимущество этого новаго способа преподаванія грамоты передъ прежнимъ — „на мѣдныя деньги“. Старику въ особенности понравилось то, что Ельниковъ, отъ времени до времени, пересыпалъ свое серьезное дѣло разгово-

ромъ и шутками съ учащимися. Собственно урокъ кончился въ началѣ девятаго. Затѣмъ, докторъ, заключивъ его словами: „Такъ-то, братцы! и вся мудрость невелика, была бы только охота“, — обратился къ присутствующимъ съ слѣдующей рѣчью:

— Надо вамъ сказать, братцы, что грамота—дѣло не пустое, а дѣло—важное. Кто грамотѣ выучится, тотъ всему ужъ потомъ можетъ выучиться; я вотъ теперь лекарь, а безъ грамоты я бы лекаремъ не былъ. Грамотный человѣкъ самъ себѣ голова: что захочетъ, то и можетъ узнать изъ книжекъ, не прибѣгая за умомъ къ сосѣду; грамотный человѣкъ и чужой-то головѣ еще пособитъ, коли понадобится. Въ книжкахъ чего только нѣтъ: и про вашего, и про нашего брата пишутъ, про всякое мастерство, даже про звѣрей,—про все пишутъ. Одинъ умъ, говорятъ, хорошо, а два лучше; ну, а что ни книжка, то и умъ. Книжекъ же разныхъ столько на свѣтѣ, что коли и десять жизней проживешь, всѣхъ не перечитаешь,—больше, чѣмъ видимыхъ звѣздъ на небѣ. Вотъ даже и про звѣзды можно изъ книжекъ узнать, а ужъ чего мудренѣе! Какъ прочитаешь этакъ, примѣрно, книжекъ сто, вотъ ужъ у тебя какъ будто и сто умовъ въ головѣ. Особенно мастеровому человѣку, какъ любой изъ васъ, безъ грамоты совсѣмъ плохо приходится: всякій грамотей обсчитать его можетъ. Мастеровой на хозяина работаетъ, деньги впередъ по мелочамъ забираетъ,—неграмотному надо, значитъ, всякую копейку въ умѣ держать, чтобъ не опростоволоситься, сколько потомъ дополучить придется. А грамотному что? Взялъ деньги—записалъ; въ другой разъ взялъ,—опять записалъ; въ третій—тоже; при разсчетѣ-то ужъ ему и горя мало: только сосчиталъ все вмѣстѣ—вотъ и конецъ весь, сейчасъ вѣрнехонько и узналъ, кто у кого въ долгу. Бумага-то вѣдь, братцы, не голова: ужъ на бумагѣ что написано,—не убѣжитъ, а изъ головы-то иной разъ, пожалуй, и вылетитъ лишняя гривна: гдѣ все упомнишь! Хозяинъ хотя и пишетъ у себя въ книгѣ, да ему тоже довѣрять нельзя: онъ все больше на свою сторону гнетъ...

— Ужъ это какъ водится,—поспѣшилъ согласиться молодой плотникъ, сидѣвшій на третьей скамейкѣ.

— Не нами, братъ, оно заведено, не нами и кончится,— подтвердилъ Ельниковъ.—Вотъ тоже и по домашнему обиходу... вѣдь безъ грамоты ничего толкомъ не подѣлаешь,—продолжалъ докторъ, и пристально посмотрѣлъ на женщинъ. — Грамотная мать сама можетъ и дѣтей своихъ грамотѣ учить, стало-быть лишняя копѣйка въ карманѣ у ней останется; потому—что мы-то еще съ вами, такъ и сякъ, проживемъ какъ нибудь, а ужъ ребятишекъ-то безъ ученья оставить—все равно, что по міру ихъ пустить: безъ грамоты нынче далеко не уйдешь, при всякомъ дѣлѣ она требуется. Да и по хозяйству какъ безъ нея быть? Коли не умѣешь считать, нечего и толковать, что обсчитаешься, какъ я вамъ уже и говорилъ. Вотъ тоже случаи бываютъ: отлучится кто нибудь изъ васъ, по своему дѣлу, въ другой городъ,—какъ тутъ жить безъ вѣсточки отъ жены, отъ мужа, отъ ребятишекъ? Пожалуй, такъ-то дома и все прахомъ пойдетъ. А у грамотныхъ это нипочемъ: разговариваютъ да совѣтуются между собой письмами, будто и не врознь живутъ. У меня вонъ сколько пріятелей въ Москвѣ, а я со всѣми раза по два въ мѣсяцъ разговариваю заочно, черезъ письма,— ну, значитъ, и не забываю ихъ. А главное, братцы, грамота въ кабакъ ходить отучитъ. Въ кабакъ, извѣстно, зачѣмъ мастеровой идетъ,—чтобъ душу отвести послѣ работы, дома-то скучно...

— Ужъ это што говорить! кабакъ — послѣднее дѣло; а любъ онъ намъ точно-што со скуки больше... и зашибешься, значитъ, винишкомъ,—снова поспѣшилъ согласиться тотъ же плотникъ.

— Да такъ, братъ, въ другой разъ зашибешься, что, пожалуй, и въ больницу къ намъ угодишь, а—то и на тотъ свѣтъ,— опять подтвердилъ Ельниковъ. — А грамотнаго человѣка какой прахъ въ кабакъ понесетъ? продолжалъ онъ, съ особеннымъ увлеченіемъ. — Грамотному, дома, любая книжка больше разскажетъ, чѣмъ всѣ кабацкіе сотоварищи. Не захочется самому, съ устатку, приняться за книжку, такъ все равно женушка можетъ почитать,

а ты, знай себѣ, лежи на лавочкѣ, послушивай да похваливай; и разговоры у васъ разные пойдутъ съ хозяйкой... какъ рѣка польются. А такъ-то больше грызотня одна идетъ между вами да брань; тутъ вѣдь ужъ и до бабьей косы недалеко—какъ разъ ухватишься...

Долго еще говорилъ Анемподистъ Михайлычъ, въ такомъ же тонѣ, о важномъ значеніи грамоты, все шире и шире развивая свою мысль, и то и дѣло наглядно поясняя ее примѣрами. Рѣчь его сильно подѣйствовала даже на Василья Андреича. Теперь старикъ ужъ не предложилъ бы сыну давешняго вопроса: „Да имъ на что же, парень, грамота-то?“ Что же касается рабочихъ, то они, кажется, согласились бы всю ночь просидѣть такъ, слушая доктора. Несмотря на то, что минуты двѣ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ кончилъ и отошелъ отъ доски, у многихъ все еще были навострены уши. Нѣчто подобное случилось и съ Владимірко̀мъ. Ирина Васильевна, больше часу тому назадъ, послала его въ школу, чтобъ звать отца пить чай, но мальчикъ совсѣмъ позабылъ о порученіи; онъ все время, пока шелъ урокъ, торчалъ въ сосѣдней, темной комнатѣ, украдкой выглядывая оттуда по временамъ на отца. Александръ Васильичъ только теперь замѣтилъ его забавно-вытянувшуюся впередъ фигурку и все еще полуразинутый, по обыкновенію, ротъ.

— А! химикъ, здорово! весело сказалъ докторъ, тоже усмотрѣвъ мальчугана.

Владимірко принужденъ былъ выступить на сцену.

— А вы мнѣ порошокъ-то такъ и принесли? упрекнулъ онъ Ельникова, здороваясь съ нимъ.

— Принесу, братъ, принесу; извини, совсѣмъ позабылъ,—смѣясь оправдывался Анемподистъ Михайлычъ.

— Вы все забываете! Спирту мнѣ тоже хотѣли принести... допекалъ его мальчикъ.

— Ты откуда, парень, взялся? подошелъ къ нимъ Василій Андреичъ, обратившись съ этимъ вопросомъ къ сыну. — Мое почтеніе! поздоровался онъ съ докторомъ.

— Тебя мама чай пить звала,—пояснилъ Владимірко отцу.

— Да неужели у насъ только теперь чай пьютъ? удивился старикъ.

— Меня еще давече послали, да вонъ я ихъ слушалъ... сконфузился „химикъ“, и указалъ на Ельникова.

— А мать-то тамъ ждетъ: хорошъ посланный! добродушно разсмѣялся Василій Андреичъ.—Поди-ка лучше, вели самоваръ сызнова поставить: мы всѣ вмѣстѣ придемъ чай пить,—скажи матери.

— И вы придете? тронулъ Владимірко доктора за локоть, и не дожидаясь отвѣта, юркнулъ изъ комнаты.

— Милости просимъ чайку съ нами откушать? какъ-то вопросительно и будто неувѣренно отнесся старикъ къ Анемподисту Михайлычу.

Ельниковъ поклонился.

— Отчего бы и не напиться чайку,—согласился онъ.

Между тѣмъ, рабочіе, съ которыми до того времени толковалъ о чемъ-то молодой Свѣтловъ, начали понемногу расходиться, изъявляя ему свою благодарность, кто какъ умѣлъ.

— Ужъ ты, пожалуста, дозволь опеть-то придти,—наивно обратился къ Александру Васильичу одинъ изъ нихъ, широкій въ кости кузнецъ: — не гляди на насъ, што мы, значитъ, мужики... ну и, значитъ, не пріобыкши ешо; мы тебѣ сами заслужимъ.

Молодой человѣкъ ласково успокоилъ его.

Съ этого вечера, значеніе школы какъ будто выяснилось въ головѣ старика Свѣтлова, какъ будто значительно выросло въ его глазахъ; по крайней мѣрѣ, онъ уже очень недалекъ былъ отъ убѣжденія, что сынъ его, дѣйствительно, не баклуши бьетъ, а „дѣлаетъ, кажись, дѣло путное“. Василью Андреичу даже удалось растолковать это женѣ, насколько хватило у старика умственныхъ силъ. Что же касается самого Александра Васильича, то онъ могъ опасаться теперь развѣ только посторонніхъ, такъ сказать, независящихъ отъ него вліяній на школу; помимо ихъ, въ самомъ существѣ дѣла, дальнѣйшій успѣхъ ея былъ вполнѣ обезпеченъ и не подлежалъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но молодой Свѣт-

ловъ очень хорошо зналъ, какую силу имѣютъ у насъ эти „постороннія“, „независящія“ вліянія...

„Дѣло начато... Что-то будетъ дальше?...“ думалось ему весь вечеръ.

ГЛАВА VI.

Ельцинская фабрика.

Санная дорога только-что стала. Морозило слегка. Вечернія тѣни начали уже кой-гдѣ ложиться на снѣгу, придавая ему синеватый оттѣнокъ; хотя солнце еще не закатилось, но оно стояло довольно низко, и лучи его, съ каждой минутой, все больше и больше утрачивали свою живость. Къ Ельцинской фабрикѣ подъѣзжала рысью почтовая тройка. Изъ повозки задумчиво посматривали по сторонамъ, куря манильскія сигары, Свѣтловъ и Варгунинъ, оба закутанные въ теплыя, енотовыя шубы. Впереди, по дорогѣ, чинно прохаживались вороны, поклевывая, отъ времени до времени, рыхлый снѣгъ; вспугнутыя лошадьми, онѣ на минуту взлетали и потомъ снова принимались за свою мирную прогулку.

— Ну, вотъ мы и Ельцу переѣхали; теперь до Фабрики—рукой подать,—пояснилъ Матвѣй Николаичъ своему спутнику, когда повозка ихъ миновала ветхій мостикъ, перекинутый черезъ небольшую, извилистую рѣчку.

Свѣтловъ сталъ молча вглядываться вдаль. Минутъ черезъ пять, онъ явственно различилъ первые домики деревни.

— Что, батенька?—бьется, небось, сердчишко? спросилъ у него Варгунинъ, широко улыбнувшись.

— Да какъ вамъ сказать, Матвѣй Николаичъ? И бьется, и не бьется—какъ хотите; во всякомъ случаѣ, не берусь изобразить

вамъ состоянія, въ какомъ я нахожусь теперь: что-то совсѣмъ новое шевелится во мнѣ... молвилъ Александръ Васильичъ, продолжая задумчиво смотрѣть вдаль.

— Это бываетъ,—согласился Варгунинъ, и тоже умолкъ.

Между тѣмъ, повозка, сдѣлавъ нѣсколько крутыхъ поворотовъ, въѣхала въ Фабрику. День былъ праздничный, и потому фабричный людъ весь высыпалъ на улицу. Старики и старухи чинно бесѣдовали, кто стоя у воротъ, кто сидя на лавочкѣ либо на завалинкѣ подъ окнами, а молодежь обоего пола, раздѣлившись на нѣсколько кружковъ, дружно шумѣла, пѣла и заигривала посреди улицы. Множество ребятишекъ, съ звонкимъ смѣхомъ, суетливо сновало взадъ и впередъ въ этой пестрой толпѣ; одни изъ нихъ гонялись другъ за другомъ съ комками снѣгу въ рукахъ, другіе задѣвали взрослыхъ и ловко увертывались отъ ихъ преслѣдованія. Легкій морозецъ былъ, очевидно, всѣмъ по вкусу. Свѣтлова, столько лѣтъ небывавшаго въ сибирской деревнѣ, сразу поразило здѣсь очень многое: прежде всего ему бросились въ глаза кокетливая щеголеватость женщинъ и молодцоватый видъ парней; кромѣ того, степенная наружность стариковъ и незапуганная развязность дѣтей, какую рѣдко можно встрѣтить въ русскомъ селѣ, также не прошли незамѣченными для молодого человѣка. Но больше всего обратила на себя его вниманіе типичная привлекательность лицъ, въ особенности у женщинъ: онѣ, какъ на подборъ, всѣ были красавицы въ своемъ родѣ. Александръ Васильичъ не могъ утерпѣть, чтобъ не обратиться къ Варгунину съ замѣчаніемъ на этотъ счетъ.

— Эге, батенька! да такого мѣстечка, какъ эта Фабрика, въ цѣлой губерніи поискать—не найдешь,—съ воодушевленіемъ пояснилъ Матвѣй Николаичъ. — Фабричные старики разсказываютъ, что будто, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, первые здѣшніе поселенцы крали и увозили сюда изъ сосѣднихъ деревень первыхъ тамошнихъ красавицъ,—вотъ такимъ-то образомъ и пошелъ,—

видите, какой красивый народецъ. Еще бы вамъ, батенька, *малолѣтки* *) наши не понравились!

— Свѣтловъ еще съ большимъ любопытствомъ сталъ вглядываться въ пеструю, шумную толпу. Въѣхавъ въ ея середину, повозка, по приказанію Варгунина, подвигалась впередъ осторожно, шагомъ. Въ толпѣ то и дѣло приподнимались фуражки и слышались радушныя привѣтствія „косматому“. „Матвѣю Миколаичу наше почтеніе!“ степенно приподнимались съ завалинокъ старики, отдавая ему солидные поклоны. Многія женщины тоже здоровались съ нимъ дружелюбными кивками головы.

— Ого! сказалъ Свѣтловъ, повернувшись на минуту лицомъ къ своему спутнику, — да область-то вашего знакомства, какъ видно, гораздо шире, чѣмъ вы разсказывали? Вѣдь тутъ она ужъ, кажется, не на двадцать, а верстъ, по крайней мѣрѣ, на сорокъ отъ города раздвинулась.

— Это, батенька, не то, что у васъ тамъ, за Ураломъ: здѣсь— своя своихъ познаша,—весело замѣтилъ ему въ отвѣтъ Варгунинъ, продолжая любезно отвѣчать на новыя привѣтствія фабричныхъ.

Въ концѣ деревни, повозка, по указанію того же Матвѣя Николаича, остановилась у одной изъ группъ стариковъ, въ числѣ пяти человѣкъ. Это были люди самаго степеннаго вида, совсѣмъ сѣдые и, какъ видно, мѣстные вожаки. Варгунинъ вышелъ на минуту изъ экипажа и поздоровался съ ними рукой.

— Вотъ, дѣды... видите вы его? указалъ онъ имъ головой на Свѣтлова. — Это нашъ. Смотрите! — волоска на немъ не тронуть!

Александръ Васильичъ не нашелъ деликатнымъ оставаться долѣе въ повозкѣ, и тоже вылѣзъ.

---

*) *Малолѣтками*, до послѣдней реформы, назывались въ Сибири неотдѣленные отъ родителей дѣти поселенцевъ, приписанныхъ къ казеннымъ фабрикамъ и заводамъ. Лѣтъ десять тому назадъ, встрѣчались еще тамъ совсѣмъ уже сѣдые старики, именовавшіеся оффиціально, въ паспортахъ, этимъ званіемъ.

Изъ группы „дѣдовъ“ выдвинулся впередъ одинъ, совсѣмъ еще бодрый, величественнаго вида старикъ. Солидно погладивъ длинную сѣдую бороду, онъ обернулся на минуту къ товарищамъ и потомъ, какъ бы получивъ отъ нихъ согласіе, съ важнымъ, серьезнымъ видомъ обратился къ Свѣтлову, до крайности заинтересованному этой сценой:

— Что сказалъ Матвѣй Миколаичъ, такъ тому и быть! Погости, погости у насъ, добрый человѣкъ... Давай, поздоровкаемся!

Старикъ покровительственно обнялъ молодого человѣка и трижды поцѣловалъ его, такъ, какъ на Руси обыкновенно христосуются. Свѣтловъ догадался, что ему слѣдуетъ дѣлать, и самъ уже перецѣловался, такимъ же манеромъ, съ остальными.

— Живете, значитъ, дѣды, ладно? Тихо у васъ все? спросилъ Варгунинъ у стариковъ, послѣ общаго минутнаго молчанія.

— Ничего, Матвѣй Миколаичъ, ладновато живемъ. Спасибо на добромъ словѣ! отвѣтили ему двое изъ нихъ, почти въ одинъ голосъ.

— Ну и ладно. Повидаемся ужо еще,—сказалъ Матвѣй Миколаичъ, садясь въ повозку и движеніемъ головы приглашая къ тому же своего, нѣсколько разсѣяннаго, спутника.—Трогай! пошевелилъ онъ рукой за локоть ямщика.

Повозка отъѣхала рысью.

— Добро погостить! послышалось ей вслѣдъ.

— Спасибо! откликнулся Варгунинъ, приподнявъ мѣховую шапку, и обратился къ Свѣтлову.—Вы, батенька, я вижу, порядкомъ таки удивлены нашей остановкой? замѣтилъ онъ ему.—Это я вотъ для чего сдѣлалъ: здѣсь парни—народъ бѣдовый; а женщины—сами видѣли, какія, — такъ необходимо было, на всякій случай, заручиться дѣдами. У васъ вѣдь, я чай, не лягушечья кровь?..

Александръ Васильичъ, противъ обыкновенія, не поморщился отъ этой шутки.

— Полно вамъ, Матвѣй Николаичъ, загадки-то загадывать,— весело сказалъ онъ, и лукаво засмѣялся: — развѣ я не понимаю, въ чемъ дѣло?

— А поняли, батенька, такъ и тѣмъ лучше,—отвѣтилъ Вартунинъ, и широкая улыбка освѣтила его умное, выразительное лицо.

Повозка подъѣзжала между тѣмъ къ красивому домику въ русскомъ вкусѣ, съ балкономъ и зелеными ставнями. Въ ту минуту, какъ она повернула къ крыльцу, выходившему прямо на улицу,— въ глубинѣ холоднаго корридора, который раздѣлялъ домикъ на двѣ необширныя половины, показалась высокая, стройная фигура молодой дѣвушки, въ синей бархатной шубкѣ, опушенной соболемъ, и въ бѣлой пуховой косынкѣ на головѣ. Дѣвушка, очевидно, шла на улицу. Едва она переступила порогъ крыльца, какъ Свѣтловъ, не давъ еще остановиться экипажу, въ одну минуту поднялся на ноги, безцеремонно перепрыгнулъ черезъ колѣни Варгунина, при чемъ порядочно толкнулъ его, и выскочивъ изъ повозки, опрометью бросился на крыльцо: онъ сразу узналъ въ этой стройной фигурѣ... Христину Казиміровну.

Взглянувъ мелькомъ на вылѣзавшаго изъ повозки Варгунина, дѣвушка вспыхнула, какъ порохъ, и съ быстротой молніи перенесла свой взглядъ на молодого человѣка, который стоялъ теперь передъ ней, трепетно ожидая, какъ его примутъ.

— Са-а-ша!!.. Здравствуй!.. вскричала она наконецъ, вся задыхаясь отъ волненія, и кинулась на шею къ Свѣтлову.

Они поцѣловались долгимъ, горячимъ поцѣлуемъ и, вѣроятно, минуты двѣ, по крайней мѣрѣ, простояли бы такъ, обнявшись, еслибъ ихъ не разъединилъ подошедшій Варгунинъ.

— Надобно что нибудь и на мою долю оставить, Казиміровна... сказалъ онъ шутливо.

— Славный, добрый Матвѣй Николаичъ!... Спасибо вамъ!

Она также дружески обняла и его.

Свѣтловъ смотрѣлъ на нихъ и ничего не видѣлъ: у него словно туманъ стоялъ передъ глазами, — такъ глубоко потрясло его это, столь давно желаемое имъ, свиданіе. Онъ, по правдѣ сказать, не ожидалъ уже услышать отъ Жилинской прежняго дружескаго „ты“,

не ожидалъ отъ нея и такого горячаго привѣта, какимъ она его встрѣтила, зная по опыту другихъ, какъ много значатъ годы разлуки въ подобныхъ встрѣчахъ. Собственная ошибка, такъ очевидно доказанная ему теперь когда-то любимой дѣвушкой, поразила его.

Обнявъ Варгунина, Христина Казиміровна опять подошла къ Свѣтлову, взяла его за обѣ руки и долго-долго смотрѣла ему, молча, въ лицо.

— Такъ вотъ ты какой сталъ теперь! сказала она наконецъ, продолжая пристально и ласково всматриваться въ него: — ужъ не прежній „гимназистикъ“.—Жилинская какъ-то особенно оттѣнила послѣднее слово. — Ты вѣдь, впрочемъ—помнишь? — всегда сердился, когда я тебя такъ называла. А теперь ужъ не разсердишься? Да?

Свѣтловъ улыбался только, молча соглашаясь съ ней.

— Но... не прими за комплиментъ — ты страшно похорошѣлъ съ тѣхъ поръ, хотя ужъ и нѣтъ на щекахъ прежнихъ розъ,— продолжала она, любуясь имъ. — Однако, что это я мелю? Я совсѣмъ потеряла голову, какъ тебя увидѣла... Пойдемъ скорѣе къ папкѣ!

И Христина Казиміровна, быстро схвативъ за руку Свѣтлова, стремительно повела его въ комнаты, забывъ даже пригласить Варгунина, который, впрочемъ, и безъ приглашенія послѣдовалъ за ними, улыбаясь и напѣвая что-то себѣ подъ носъ.

Жилинскій стоялъ у письменнаго стола, спиной къ двери, и зажигалъ свѣчу, когда дочь почти вбѣжала къ нему въ кабинетъ, ведя за руку гостя.

— Угадай, папка, кого я къ тебѣ привела? задушевно-весело сказала она, поцѣловавъ отца, и загасила свѣчу, дунувъ на нее прежде, чѣмъ старикъ успѣлъ обернуться.

— Еслибъ ты даже и не такимъ восторженнымъ тономъ предложила мнѣ этотъ вопросъ, такъ я догадался бы... отвѣтилъ онъ съ сильнымъ выраженіемъ радости въ голосѣ. — Пусти, стре-

коза!—дай поскорѣе огня зажечь: у меня вѣдь не твои влюбленные глаза...

Онъ, однакожъ, не сразу зажегъ свѣчу: рука у него замѣтно дрожала. Свѣтловъ, стоя сзади, громко поздоровался съ нимъ по-польски.

— Такъ и есть! Такъ я и думалъ! быстро проговорилъ Жилинскій, и ставя второпяхъ на столъ зажженную свѣчу, онъ едва не уронилъ ее на полъ.—Здорово же, мальчикъ! уже дрожащимъ голосомъ, но по-русски, обратился онъ къ Свѣтлову, точно съ такими же словами, какими привѣтствовалъ его, обыкновенно, десять лѣтъ тому назадъ.

Старые знакомые крѣпко обнялись и поцѣловались нѣсколько разъ.

— Вы даже представить себѣ не можете, Казиміръ Антонычъ, всей моей радости, что я снова васъ вижу, послѣ столькихъ лѣтъ!.. опять по-польски сказалъ Свѣтловъ, и голосъ у него задрожалъ отъ волненія.

— Вѣрю... снова по-русски замѣтилъ ему растроганный старикъ;—но говорить мы съ тобой по-польски будемъ тогда, когда я буду у *тебя*, а теперь ты — *мой* гость,—прибавилъ онъ, съ старосвѣтской любезностью.

Въ эту минуту въ кабинетъ вошелъ Варгунинъ.

— Ба! и коллега здѣсь! весело вскричалъ Жилинскій, идя къ нему на встрѣчу.—Н-ну! сегодня мы такъ запируемъ, какъ никогда еще не пировали... А что?—вѣдь мальчикъ-то этотъ теперь совсѣмъ молодцомъ смотритъ? А? —что ты на это скажешь? съ нѣкоторой гордостью прибавилъ онъ, указывая Матвѣю Николаичу на Свѣтлова.

— Молодецъ, батенька, всегда молодцомъ смотритъ, — отвѣтилъ Варгунинъ, улыбаясь и пожимая старику руку.

Какъ только кончились первыя привѣтствія, весь домъ былъ поставленъ на ноги. Жилинскій имѣлъ обыкновеніе самъ распоряжаться всѣмъ, отстраняя, по возможности, дочь отъ занятія хо-

зяйствомъ, такъ-какъ, по его любимому выраженію, „только эта бабья профессія и дѣлаетъ бабъ изъ женщинъ“. Не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ слишкомъ, онъ быстро шагалъ теперь изъ комнаты въ комнату, отдавая, между прочимъ, и совсѣмъ лишнія, но, по его мнѣнію, на этотъ разъ необходимыя, приказанія. Христина Казиміровна тѣмъ временемъ занимала въ отцовскомъ кабинетѣ гостей; то-есть, если сказать по правдѣ, она, вся увлеченная прошлымъ, говорила съ однимъ Свѣтловымъ, предоставивъ Матвѣю Николаичу широкое право только поглядывать на нихъ изъ уголка дивана да улыбаться. Варгунинъ даже успѣлъ вздремнуть тамъ, съ четверть часа, подъ ихъ неумолкаемый говоръ.

Вскорѣ, все это маленькое общество мирно сидѣло уже за чайнымъ столомъ. Столъ былъ сервированъ на славу; видно было, что старикъ Жилинскій не даромъ провелъ большую часть своей молодости въ лучшихъ варшавскихъ и петербургскихъ салонахъ: на всемъ лежала печать утонченной простоты и изящнаго вкуса. Христина Казиміровна, по обыкновенію, сама разливала чай, — это было, кажется, единственное хозяйственное занятіе, безраздѣльно предоставленное ей отцомъ. Минутъ за пять до чаю, съ Александромъ Васильичемъ сдѣлался легкій обморокъ. Свѣтлова заботливо уложили на мягкій диванъ, поодаль отъ стола, спрыснули ему холодной водой лицо, и чтобъ не тревожить молодого человѣка, всѣ говорили вполголоса. Теперь, полулежа на диванѣ, Свѣтловъ хотя и чувствовалъ силы встать и вмѣшаться въ общій разговоръ, онъ не могъ, однакожъ, не поддаться сладкому соблазну—остаться и еще на нѣсколько минутъ въ этомъ положеніи. Дѣло въ томъ, что Александръ Васильичъ только теперь пришелъ немного въ себя отъ всѣхъ треволненій недавней встрѣчи; онъ даже не успѣлъ порядкомъ разглядѣть до сихъ поръ знакомыхъ, дорогихъ лицъ: передъ глазами его, все это время, носился какой-то туманъ, какъ и давеча на крыльцѣ, и только въ настоящую минуту, когда этотъ туманъ разсѣялся вмѣстѣ съ обморокомъ, молодой человѣкъ могъ вполнѣ убѣдиться, что передъ

нимъ сидятъ не призраки, а живыя, дорогія ему, лица. Свѣтловъ полуоткрылъ глаза и жадно всматривался въ нихъ.

Да! это были дѣйствительно не призраки, а живые люди, съ которыми онъ такъ крѣпко, такъ разумно былъ связанъ десять лѣтъ тому назадъ. Старикъ Жилинскій все смотритъ такимъ же бодрымъ, величавымъ старикомъ, какъ и тогда; та же энергія запечатлѣна на лицѣ, только голова стала еще сѣдѣе да волосы рѣже; даже взглядъ черныхъ, какъ уголь, глазъ не утратилъ какъ будто ни единой доли прежняго огня.

„Такихъ стойкихъ, и самому времени неподдающихся, натуръ не родится ужъ больше на измельчавшей Руси“—думается Свѣтлову, и онъ медленно, будто нехотя, отводитъ глаза отъ старика Жилинскаго, чтобъ взглянуть на его дочь.

Она разсѣянно слушаетъ Варгунина, приподнявъ слегка подбородокъ. Это—и прежняя, и непрежняя Христина Казиміровна: та же гордая, причудливая и независимая головка, но какъ будто меньше стало мускульной упругости и силы въ тонкой, стройной шеѣ, будто слегка покачивается на ней эта неугомонная головка; тѣ же проницательные, отцовскіе глаза, но только теперь они стали влажнѣе, бархатистѣе, глубже; и осанка та же, но женственнѣе. Да! и теперь Христина Казиміровна смотритъ прежней красавицей въ полномъ смыслѣ слова, только еще роскошнѣе стали формы, еще ярче горитъ на щекахъ зарево румянца, еще пышнѣе оттѣняютъ блѣдныя окраины лица шелковистые и черные, какъ смоль, раскинутые по плечамъ, волосы. И все-таки, во всей ея фигурѣ нѣтъ уже прежней беззавѣтно-заносчивой отваги: это—все то же море, бурное и бездонное, но какъ будто у береговъ, гдѣ крутыя, незыблемыя скалы дали холодный отпоръ его могучей силѣ...

Свѣтловъ закрылъ глаза и задумался.

Когда молодой человѣкъ снова открылъ ихъ, услыхавъ возлѣ себя легкій шорохъ шолковаго платья, онъ увидѣлъ, что надъ нимъ наклонилась и тревожно смотрѣла на него Христина Казиміровна.

— Ну что ты, Саша? Что это съ тобой?!... Лучше ли тебѣ? говорила она, нѣжно гладя рукой его холодный лобъ.

„И отъ этой роскошной, любящей и гордой женщины я долженъ отказаться!“ мелькнуло въ головѣ Свѣтлова, и эта мысль прошла черезъ нее, какъ раскаленное желѣзо. Александръ Васильичъ, однакожъ, тотчасъ же всталъ съ дивана.

— Не безпокойся, Кристи,—сказалъ онъ, дѣлая усиліе улыбнуться и цѣлуя ее въ лобъ:—отъ радости не умираютъ.

Христина Казиміровна задержала на минуту руками его голову и горячо поцѣловала его въ губы.

— Это за то, что ты наконецъ вспомнилъ когда-то твое любимое имя,—сказала она, снова садясь разливать чай.

Жилинскій всталъ и усадилъ Свѣтлова между собой и дочерью.

— Поторопился я немного, мальчикъ, назвать тебя молодцомъ,—замѣтилъ онъ ему съ добродушной шуткой, дружески потрепавъ его по плечу:—обмороки отъ женщинъ не должны быть у тѣхъ, кто не хочетъ падать въ обморокъ передъ свистящей пулей...

— Эка, батенька, что сказалъ! засмѣялся Варгунинъ:—да по моему, въ любой прекрасной женщинѣ столько сидитъ зарядовъ, сколько не отыщется ихъ въ пороховыхъ погребахъ всего земного шара!

— Отодвиньте же, въ такомъ случаѣ, Матвѣй Николаичъ, свѣчу отъ Кристи,—засмѣялся, въ свою очередь, Свѣтловъ, указавъ глазами на Жилинскую.

— Ну ужъ, батенька, вотъ васъ-то бы такъ вѣрнѣе было отодвинуть отъ Казиміровны... сострилъ Варгунинъ.

Всѣ непринужденно засмѣялись.

Отъ шутокъ, разговоръ незамѣтно перешелъ къ серьезнымъ предметамъ и, наконецъ, коснулся свѣтловской школы.

— Отчего бы и тебѣ, Кристи, не устроить здѣсь школу? спросилъ, между прочимъ, Александръ Васильичъ у Жилинской.

— Да она ужъ дважды заводила ее здѣсь,—отвѣтилъ за нее отецъ: — въ первый разъ, съ разрѣшенія, — закрыли; во второй

разъ, потихоньку, — обязали подпиской не входить ни въ какія подобныя заботы, даже относительно дѣтей...

— Остается, значитъ, попытаться только—завести школу въ третій разъ? замѣтилъ, улыбаясь, Свѣтловъ.

— Такъ тогда меня и вышлютъ отсюда,—возразила Жилинская.

— Чего у насъ нельзя обойти, Кристи! сказалъ Свѣтловъ, выразительно покачавъ головой.

— Да я и обхожу; а ты думаешь—нѣтъ? Папка вѣдь говоритъ только, что нельзя устроить правильной школы.

— За то у моей дѣвочки цѣлый свой лазаретъ здѣсь организованъ,—сказалъ Жилинскій.

— На попеченіе котораго я однажды не побоялся отдать даже собственную особу,—вмѣшался Варгунинъ.

— Вотъ какъ! Кто же имъ завѣдуетъ? спросилъ Александръ Васильичъ.

— Да я сама, Саша,—скромно пояснила Христина Казиміровна.

— Да? Но лечитъ-то кто же?

— Я же сама и лечу,—опять также скромно пояснила она.

Свѣтловъ находился въ очевидномъ недоумѣніи.

— А ты думаешь, мальчикъ, что мы безъ тебя ничего ужъ и не дѣлали въ эти десять лѣтъ? спросилъ у него старикъ Жилинскій.—Моя дѣвочка года четыре, если еще не больше, училась медицинѣ у...

Казиміръ Антонычъ назвалъ фамилію того самаго польскаго врача-изгнанника, у котораго Ельниковъ заимствовался спеціальными пособіями на нѣмецкомъ языкѣ.

— Онъ, папка, думаетъ, что я все это время размышляла, отчего онъ вдругъ пересталъ ко мнѣ письма писать... лукаво улыбнулась Христина Казиміровна.

Свѣтловъ вспыхнулъ, какъ прежній „гимназистикъ.“

— Кристи! сказалъ онъ съ задумчивымъ упрекомъ, — развѣ ты не знаешь, что кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ?

— Можетъ быть, что это и мудрость; но, по моему, справедливѣе было бы выкалывать оба глаза тому, кто забываетъ старое., замѣтила она тѣмъ прежнимъ, насмѣшливымъ тономъ, который былъ такъ памятенъ Свѣтлову.

— По-о-лно вамъ ссориться,— вмѣшался въ разговоръ Жилинскій.—Кто же бранится съ постороннимъ мужчиной при женихѣ! шутливо обратился онъ къ дочери, съ комично-важнымъ видомъ покачавъ головой.

— Это вотъ Казиміръ Антонычъ постоянно меня такъ дразнитъ,—пояснилъ Варгунинъ Свѣтлову,—а теперь, батенька, кстати ужъ, и васъ призадѣлъ маленько...

Свѣтловъ опять почему-то вспыхнулъ.

— Нѣтъ, папка, тутъ дѣло не въ ссорѣ, а я сегодня же хочу доказать Сашѣ, что не забыла старое: я помню, что я у него въ долгу,—сказала Христина Казиміровна, съ той обворожительной улыбкой, передъ которой Свѣтловъ никогда не могъ устоять.— Вели, папка, запречь мои бѣговые саночки: я прокачу его сегодня сама... за прежній кабріолетъ.

— Надѣюсь, Казиміровна, вы не вывалите его, съ досады, въ снѣгъ? освѣдомился Варгунинъ.

— А ужъ объ этомъ вы спросите у него, когда мы вернемся... лукаво-насмѣшливо отвѣтила ему Жилинская.

Опять всѣ засмѣялись.

Черезъ полчаса, отъ крыльца домика Жилинскихъ дѣйствительно отъѣхали бѣговые саночки; правила лошадью Христина Казиміровна. Она была въ томъ самомъ нарядѣ, въ какомъ встрѣтила давеча гостей. Рядомъ съ ней сидѣлъ Александръ Васильичъ; онъ принужденъ былъ одной рукой обнять ее, а другой держаться за передокъ, чтобъ не упасть: саночки оказались очень малы и узки. Сперва, съ четверть версты, Христина Казиміровна ѣхала легкой рысцой, почти опустя вожжи, но миновавъ какой-то мостикъ она натянула ихъ, и сказала Свѣтлову:

— Теперь держись крѣпче, Саша!

И они полетѣли, какъ изъ лука стрѣла.

— Куда же ты мчишь меня такъ, Кристи? спросилъ Александръ Васильичъ свою спутницу, когда у него, наконецъ, духъ захватило отъ быстроты ѣзды.

— Я тебя въ деревню увезу! засмѣялась она, еще сильнѣе натянувъ возжи, и потомъ не то ласково, не то насмѣшливо прибавила: — Теперь мы, кажется, помѣнялись ролями... Помнишь, какъ въ первый день нашего знакомства я предложила тебѣ тотъ же самый вопросъ, какой ты мнѣ сдѣлалъ сейчасъ? и помнишь, какъ на этотъ вопросъ ты отвѣтилъ мнѣ тогда точно также, какъ я тебѣ сейчасъ отвѣтила?

— Да, помню,—сказалъ Свѣтловъ.

— Только, видишь, я не такъ скупа, какъ ты былъ тогда: я молочка для тебя не пожалѣю...

Она звонко захохотала, поцѣловавъ его на лету.

— Но вѣдь Казиміръ Антонычъ будетъ ждать насъ къ ужину, Кристи... слабо напомнилъ ей Александръ Васильичъ.

— Казиміръ Антонычъ, Саша, пожилъ довольно и какъ ему хотѣлось; теперь *мнѣ* хочется жить, — и посмотрѣла бы я, кто запретитъ мнѣ это! возразила она гордо, и глаза у ней засверкали въ вечернемъ полумракѣ.

Свѣтловъ промолчалъ, не находя въ себѣ силы бороться въ эту минуту съ неотразимымъ обаяніемъ своей спутницы; онъ только крѣпче обнялъ ее.

Они продолжали нестись попрежнему, но молча, переживая каждый неизгладимую бурю въ душѣ. Александру Васильичу начинала уже нравиться эта быстрая ѣзда: она соотвѣтствовала тому вихрю мыслей, который крутился теперь въ его головѣ. Отъѣхавъ версты четыре отъ дому, молодые люди завидѣли вдали огонекъ. Христина Казиміровна задержала лошадь и пустила ее опять легкой рысцой.

— Вотъ и деревня,—сказала она, круто повернувъ налѣво, не то въ какой-то темный корридоръ, не то въ улицу.

Черезъ минуту, Жилинская стояла уже подъ окномъ чьей-то большой избы и стучалась въ ставень.

— Это я, кума Маня. Отвори! говорила она громко.

— Ба! да никакъ и впрямъ барышня наша! послышался за окномъ мягкій женскій голосъ.—Отвори, Гарась, поскорѣ!

Сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ послышался стукъ тяжелаго запора у воротъ, и дюжій молодой парень лихо отворилъ настежъ обѣ ихъ половинки.

— Вотъ нежданно-то—негадано!.. Здоровате-ка! также лихо тряхнулъ онъ головой, привѣтствуя неожиданную гостью.

— Здравствуй, Герасимъ! дружески протянула было ему руку Христина Казиміровна.—Прибери, голубчикъ, нашу лошадь. Да, я не одна, смотри: вонъ и еще гость со мной,—указала она на стоявшаго поодаль Свѣтлова.

— Ну, нѣтъ, милая барышня, со сна-то, не умывшись, руки я тебѣ не дамъ,—степенно замѣтилъ ей Герасимъ, торопливо убирая назадъ свою руку;—а какъ помоюсь ужо, тогды дамъ. А вотъ, что до ихъ милости, такъ это — наши гости: для нихъ въ избѣ завсегда мѣста хватитъ, сколько ни приди. Милости просимъ, слышь, не побрезговать! радушно обратился онъ къ Александру Васильичу.

Свѣтловъ тоже было протянулъ ему руку.

— И тебѣ не дамъ руки безъ умывчи,—такъ же степенно остановилъ его парень, тряхнувъ волосами.

Въ эту минуту, въ окнахъ избы показался свѣтъ.

— Вонъ ужъ кума Маня и огня добыла. Пойдемъ... какъ-то особенно ласково обратилась Жилинская къ Александру Васильичу.

Они проскользнули въ ворота и быстро взбѣжали на высокое крыльцо.

Кума Маня — красивая деревенская женщина лѣтъ двадцати трехъ—встрѣтила ихъ, со свѣчей въ рукѣ, на порогѣ избы. Поздоровавшись съ ней непринужденнымъ поцѣлуемъ, Христина Казиміровна представила ей своего спутника, сказавъ только:

— Это изъ нашихъ, кума Маня.

Такой незначительной фразы, повидимому, было совершенно достаточно для того, чтобъ Свѣтлову былъ оказанъ самый радушный пріемъ со стороны молодой хозяйки.

— Мы вотъ съ этимъ человѣкомъ, Маня, десять лѣтъ не видались, такъ надо намъ хорошенько поговорить съ нимъ, съ глазу на глазъ, — сказала ей Жилинская послѣ первыхъ, обычныхъ разспросовъ о здоровьѣ и дѣлахъ. — Ты уступи намъ, часика на два, вашу чистую половину, и молочкомъ насъ поподчивай: я вотъ его обѣщалась угостить, — указала она глазами на Свѣтлова. — Мы вѣдь васъ не стѣснимъ этимъ... а?

— Что вы, что вы это, барышня, грѣхъ какой! Да мы съ Гарасей душу за васъ отдать рады! взволнованно проговорила радушная хозяйка.

Кума Маня засуетилась, сбѣгала на чистую половину, торопливо прибрала тамъ, что было нужно, и проводила туда гостей, опять со свѣчей въ рукахъ; потомъ, минуты черезъ три, она принесла имъ крынку густыхъ сливокъ, двѣ кружки, деревянную ложку, — поставила все это на столъ, покрытый чистой скатертью, и ушла, ласково сказавъ на прощанье гостямъ:

— Христосъ съ вами! Хоть двѣ ночки напролетъ проговорите...

Жилинская стала раздѣваться.

— Мы здѣсь, Саша, какъ у себя дома: распоряжайся,—весело замѣтила она Свѣтлову.

Александръ Васильичъ видѣлъ, что ему готовы дать рѣшительную, смертельную битву, и чувствовалъ въ то же время, что никакая логика не устоитъ передъ этой гордой, страстно любящей женщиной. Онъ задумчиво смотрѣлъ, какъ она сняла съ себя сперва шубку и положила ее въ углу на сундукъ, какъ сняла потомъ съ головы косынку, небрежно кинувъ ее туда же, какъ ея изящные пальчики нетерпѣливо тормошили неснимавшійся сразу мѣховой ботинокъ, — и его всего охватило вдругъ чѣмъ-то теплымъ, чѣмъ-то

никогда имъ еще неиспытаннымъ. Онъ быстро сбросилъ съ себя шубу и помогъ Жилинской снять заупрямившійся ботинокъ.

Христина Казиміровна откинула назадъ волосы и обвила Свѣтлова руками за шею.

— Теперь я обниму тебя и поцѣлую такъ, что ты никогда этого не забудешь!.. сказала она, задыхаясь — и, дѣйствительно, такъ обняла и поцѣловала Александра Васильича, что у него на минуту опять всталъ давешній туманъ передъ глазами.

— Кристи! молвилъ онъ, опустивъ въ изнеможеніи голову на ея плечо, — ты сама не знаешь, что дѣлаешь... Ты должна меня выслушать прежде...

Христина Казиміровна отвела одной рукой отъ плеча голову Свѣтлова, а другою нѣжно провела нѣсколько разъ по его волосамъ.

— Ты, я вижу, не понимаешь, чего стоило мнѣ любить тебя цѣлыя десять лѣтъ неизмѣнно... Ты не знаешь, что значитъ тосковать столько лѣтъ, отдавать свою душу другому... даже безъ надежды увидѣть его вновь когда нибудь... Саша, Саша! какъ мало же ты понимаешь!!...

Она истерически зарыдала.

— Полно, Кристи!.. Кристи! поговоримъ лучше задушевно...

Свѣтловъ успокоивалъ ее, какъ могъ.

— Я не ребенокъ, мнѣ не нужно утѣшеній... говорила она черезъ минуту, уже улыбаясь.—Давай, чокнемся молочкомъ!

Жилинская до краевъ налила въ обѣ кружки сливокъ, и одну подала Свѣтлову.

— Настоящее—наше. Выпьемъ же за эти немногія нераздѣльныя минуты! сказала она ему, поднявъ высоко свою кружку.

— За настоящимъ идетъ будущее... возразилъ онъ нерѣшительно.

Христина Казиміровна гордо выпрямилась передъ нимъ.

— За свое будущее отвѣчаю я *сама*! пылко проговорила она, и глаза у ней опять засверкали.

Они чокнулись.

— Теперь, Кристи, ты, во всякомъ случаѣ, должна выслушать

меня... сказалъ Александръ Васильичъ, медленно ставя на столъ опорожненную кружку.

Онъ сѣлъ; она сдѣлала тоже.

— Мы вѣдь не дѣти съ тобой, Кристи... и ты знаешь, за какой вещью какой слѣдуетъ результатъ... продолжалъ Свѣтловъ.— Я никогда не женюсь...

— Мнѣ нѣтъ нужды знать объ этомъ! вся вспыхнувъ, гордо перебила его Христина Казиміровна.

— Нужно или не нужно тебѣ это знать, Кристи,—повторяю: я никогда не женюсь...

— Отчего?..

Она пристально и проницательно смотрѣла на него.

— Оттого...

Свѣтловъ не договорилъ, и тихо забарабанилъ кончикомъ пальца по столу.

„На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня“,—

задумчиво и какъ-бы про себя продекламировалъ онъ.

Христина Казиміровна вздрогнула.

— Послушай же меня, Кристи,—продолжалъ Александръ Васильичъ, черезъ минуту общаго, тяжелаго молчанія: — я вѣдь ужъ не люблю тебя теперь той, навсегда для меня памятной, глубокой и горячей любовью, которая одна—и только она одна! — могла бы дать мнѣ право цѣловать тебя не братскимъ поцѣлуемъ... Мнѣ больно сказать это тебѣ... въ особенности *тебѣ*... но... но я не буду принадлежать никогда даже и той, которую я, кажется — быть можетъ, самъ того не замѣчая — люблю теперь... Слушай, Кристи! Ты хорошо знаешь сама, какъ ты хороша; ты хорошо знаешь что за тобой— все обаяніе моего невозвратнаго прошлаго... все лучшее мое за тобой... Поѣдемъ!

Свѣтловъ рѣшительно всталъ.

Она зарыдала, но не пустила его.

. . . . . .

Медленной рысцой возвращались назадъ бѣговые саночки Христины Казиміровны; ими правилъ уже Свѣтловъ, а она, крѣпко прижавшись къ нему, лежала у него на плечѣ. Блѣдная луна томно освѣщала ея, еще болѣе блѣдное, лицо. По временамъ, оно на минуту вспыхивало яркимъ румянцемъ, глаза лихорадочно загорались и потомъ неопредѣленно-задумчиво смотрѣли въ снѣжную даль. Александръ Васильичъ тоже былъ блѣденъ, задумчивъ, но на лицѣ его игралъ какой-то особенный, мягкій свѣтъ. Они всю дорогу ѣхали молча, только подъ конецъ заговорила Христина Казиміровна.

— Ты имѣлъ тогда право на все, и ничего не взялъ... Лучше же поздно, чѣмъ никогда... А я все-таки не могу ни наговориться съ тобой, ни насмотрѣться на тебя!... успокоительно шептала она Свѣтлову, подъѣзжая къ дому.

Казиміръ Антонычъ и Варгунинъ давно уже поджидали ихъ, не садясь одни за ужинъ, который роскошно былъ накрытъ въ маленькой, уютной столовой домика Жилинскихъ. Когда Христина Казиміровна вошла туда вмѣстѣ съ Свѣтловымъ, старики жарко спорили о чемъ-то, сидя въ двухъ противоположныхъ углахъ — одинъ на креслѣ, другой на диванѣ.

Жилинская взяла было Александра Васильича за руку, сдѣлала съ нимъ два шага впередъ, но потомъ, замѣтивъ, что онъ не понимаетъ ея движенія, быстро отдернула назадъ свою руку.

— Мы не обвѣнчаны, папка, да и никогда не будемъ обвѣнчаны,—съ лихорадочной твердостью сказала она, одна подходя къ отцу;—но мы теперь...

Христина Казимировна не договорила, и крупныя слезы закапали у нея изъ глазъ.

Свѣтловъ такъ и замеръ на мѣстѣ, какъ ошеломленный.

Варгунинъ многозначительно посмотрѣлъ на всѣхъ, и началъ медленно запускать правую руку въ свои длинные, вьющіеся по плечамъ, волосы. На одну минуту, въ комнатѣ стало такъ тихо, какъ будто бы въ ней никого не было.

Старикъ Жилинскій молча и величаво поднялся съ креселъ; ни

одинъ мускулъ не дрогнулъ у него на лицѣ. Также молча и величаво, твердымъ, неспѣшнымъ шагомъ подошелъ онъ сперва къ дочери, а потомъ къ Свѣтлову, обнялъ ихъ и поцѣловалъ каждаго трижды въ лобъ.

— Ужъ это ваше дѣло... сказалъ онъ имъ наконецъ, съ гордымъ спокойствіемъ въ голосѣ и во всей фигурѣ,—а мое—приказать подать шампанскаго, чтобъ мы съ старымъ коллегой могли отъ души выпить за ваше здоровье.

И старикъ, заложивъ руки въ карманы, медленно—важно вышелъ изъ комнаты.

Подали шампанское; всѣ чокнулись, обияли другъ-друга, и сѣли за ужинъ. Еслибъ не слишкомъ рѣзка была блѣдность Христины Казиміровны, еслибъ Свѣтловъ не такъ сильно краснѣлъ отъ времени до времени, то можно было бы подумать, что ровно ничего особеннаго не случилось съ ними въ этотъ роковой для нихъ вечеръ. Казиміръ Антонычъ и Варгунинъ, съ своей стороны, употребляли всѣ усилія, чтобъ сдѣлать непринужденной общую, дружескую бесѣду. Особенно удалось это Матвѣю Николаичу, послѣ того, какъ обратившись къ Свѣтлову и чокнувшись съ нимъ не въ зачетъ, онъ сказалъ ему задушевно весело:

— Эхъ, батенька! у меня опять начинаютъ „чернѣть кудри“...

Какъ только кончился ужинъ, старикъ Жилинскій первый всталъ изъ-за стола, и тотчасъ же подошелъ къ дочери.

— Поди, поди скорѣе спать, моя милая дѣвочка: тебѣ покой нуженъ,—какъ-то грустно, но нѣжно сказалъ онъ ей, напутствуя ее, по обыкновенію, горячимъ поцѣлуемъ на сонъ грядущій.

Когда она ушла, Казиміръ Антонычъ пригласилъ Александра Васильича въ свой кабинетъ—„дымить“, какъ онъ выразился.

— Да и ты не помѣшаешь намъ нисколько, старый коллега,—обратился старикъ къ Варгунину, замѣтивъ, что тотъ собирается уйти въ отведенную ему, вмѣстѣ съ дорожнымъ товарищемъ, комнату, дверь въ которую вела изъ столовой.

Долго длилась бесѣда въ кабинетѣ Жилинскаго; много говорилось, много спорилось. Споры были горячи, шумны и искренни. Голосъ Варгунина раздавался чаще и слышнѣе всѣхъ остальныхъ.

— Э, ба-тень-ка-а! Что тутъ долго думать да гадать!... Тутъ дѣйствовать надо!... гремѣлъ онъ еще, часу въ четвертомъ утра.

Когда, уже на разсвѣтѣ, Свѣтловъ вышелъ оттуда, на его спокойномъ лицѣ не было ни малѣйшей тѣни...

ГЛАВА VII.

Вечорка у старосты Семена.

На другой день, часовъ въ десять утра, когда Жилинскіе съ пріѣзжими гостями сидѣли еще за чаемъ, въ столовую ихъ вошелъ видный мужикъ средняго роста, въ черномъ верверетовомъ кафтанѣ и въ черныхъ же плисовыхъ штанахъ, которые щегольски были заткнуты за высокія голенища новенькихъ кунгурскихъ сапоговъ, тщательно смазанныхъ свѣчнымъ саломъ. Вошедшему можно было дать, съ виду, лѣтъ тридцать пять — не больше; въ осанкѣ и манерахъ его замѣтно обнаруживалась привычка распоряжаться, повелѣвать. Онъ былъ очень не дуренъ собой: умные каріе глаза бойко и прямо смотрѣли изъ-подъ нѣсколько нависшихъ, густыхъ русыхъ бровей, придавая всему лицу открытое и молодцоватое выраженіе, съ оттѣнкомъ того добродушнаго, затаеннаго лукавства, что такъ мѣтко выражается у насъ словами „себѣ на умѣ“; длинная чуть-чуть рыжеватая, съ рѣдкой просѣдью, борода почти совсѣмъ закрывала собой клинообразную полосу красной кумачной рубахи, открытую спереди воротомъ кафтана. Вошедшій отвѣсилъ присутствующимъ общій, степенный поклонъ, съ очевиднымъ сознаніемъ собственнаго достоинства.

— А! Здорово, Семенъ Ларіонычъ! Садись-ка да выпей съ нами чайку. Что новенькаго скажешь? весело проговорилъ старикъ Жилинскій, вставая и здороваясь съ нимъ, какъ съ равнымъ.

Казиміръ Антонычъ подвинулъ къ столу стоявшее поодаль кресло, и нѣсколько разъ потрепалъ его рукой по подушкѣ, любезно приглашая, такимъ образомъ, новаго гостя занять это мѣсто. Семенъ Ларіонычъ, прежде чѣмъ сѣсть, пріятельски поздоровался съ Варгунинымъ, деликатно прикоснулся концами толстыхъ пальцевъ къ рукѣ Христины Казиміровны, и отдалъ особый, вѣжливый поклонъ Свѣтлову, внимательно посмотрѣвъ на него сперва.

— Что же ты новенькаго-то намъ, Семенъ Ларіонычъ, скажешь—а? повторилъ Жилинскій.

— Да каки у насъ новости, Казиміръ Антонычъ? Все, батюшка, по старому. А я вотъ къ тебѣ... и пуще, значитъ, къ твоей барошнѣ... хошь и не за большимъ дѣломъ, а все же усердная просьбица будетъ... сказалъ Семенъ Ларіонычъ, осторожно садясь на указанное ему мѣсто и отдавая низкій поклонъ Христинѣ Казиміровнѣ.

— Вѣрно, заболѣлъ у тебя кто нибудь? спросила она, подавая ему стаканъ чаю.

— Заболѣть-то, слава Богу, никто не заболѣлъ, а я больше насчетъ баловства пришелъ: дѣдки наши сказывали вчерась, что Матвѣй Миколаичъ, молъ, пожаловали сюды съ гостемъ, — такъ вотъ вечорку хочемъ устроить у меня въ избѣ; оно, можетъ, хошь и тѣсновато маленько будетъ, а все же другой экой избы не найдешь здѣся, супротивъ моей. Вотъ и просимъ васъ покорно пожаловать къ намъ ужо вечеркомъ,—скромно пояснилъ Семенъ Ларіонычъ.

Онъ привсталъ на минуту, и опять раскланялся.

— Ну что жъ? Хорошее, хорошее дѣло. Спасибо! Придемъ,— сказалъ Жилинскій за всѣхъ.

— А гостей у тебя много будетъ на вечоркѣ? освѣдомился Варгунинъ.

— Да какъ не быть! Ужъ постараемся для васъ, Матвѣй Миколаичъ: дѣвокъ да бабъ, что покрасивѣе—всѣхъ въ избу сгонимъ, и молодцовъ теперече, которые позабористѣе; а остальные наши робяты и на дворѣ попляшутъ, — не поскучаютъ. Вѣстимо, всѣхъ въ избу гдѣ загнать! отвѣтилъ, улыбаясь, Семенъ Ларіонычъ, и однимъ богатырскимъ глоткомъ сразу отпилъ полстакана чаю.

— А дѣльцо-то вы свое, батенька... не отдумали? снова спросилъ у него Варгунинъ.

— Гдѣ отдумать! Спасибо еще дѣдки уговорили нашихъ-то повременить: только твоей милости вѣдь и ждали. Завтре, объ эту пору, во—какой, гляди, переполохъ тутъ пойдетъ!..

Семенъ Ларіонычъ выразительно мотнулъ головой.

— Да вотъ, молчи, вечеркомъ ужо потолкуемъ,—прибавилъ онъ, и новымъ богатырскимъ глоткомъ допилъ свой стаканъ.

— Какая же у тебя ко мнѣ-то просьба? полюбопытствовала Христина Казиміровна.

— А къ тебѣ особенная: чтобъ ты, значитъ, не токмо-что пожаловала, а и поплясала бы на вечоркѣ,—добродушно разсмѣялся Семенъ Ларіонычъ.

Онъ торопливо всталъ, поблагодарилъ за чай, сказалъ: — До повиданія ужо!—и ушелъ.

Семенъ Ларіонычъ или староста Семенъ, какъ называла его обыкновенно вся Фабрика отъ мала до велика, былъ личность далеко недюжинная. Выбранный въ старосты „дѣдами“, онъ едва-ли не больше ихъ самихъ пользовался значеніемъ въ глазахъ фабричныхъ, вѣрно угадывая характеръ и потребности этой неугомонной вольницы. Про старосту Семена даже „дѣды“ говаривали, когда бывали навеселѣ: „У эвтого мужика четыре глаза да, по крайности, шесть рукъ“. Дѣйствительно, Семенъ Ларіонычъ представлялъ собою чистокровный типъ сибирской смѣтливости и находчивости: во всякое дѣло, бывало, вступится и изъ всякаго дѣла выйдетъ чистъ; впрочемъ, худыхъ дѣлъ за нимъ и не водилось,— это также знала вся Фабрика. Сойтись съ Семеномъ Ларіонычемъ

было легко, стоило только заговорить съ нимъ толково; онъ ладилъ даже съ тѣми, кто чувствуя за собой какой нибудь грѣшокъ, имѣлъ поводъ бояться зоркаго глаза старосты. Въ Ельцинской фабрикѣ много жило посторонняго народа и иногда случались небольшія кражи, между тѣмъ какъ за своими ребятами даже фабричные старожилы не помнили этого порока. Староста Семенъ, въ подобныхъ случахъ, живо разыскивалъ вора и прямо шелъ къ нему, съ такой внушительной рѣчью: „Ты, молъ, это укралъ такую-то вещь: я вѣдаю, гдѣ она и лежитъ-то у тебя,—такъ уходи отъ насъ поскорѣ, вотъ тебѣ три дни строку, а не то—шибко худо будетъ!“ И воръ исчезалъ обыкновенно изъ фабрики на вторые же сутки, зная, что шутить съ старостой Семеномъ не приходится. Но никто не помнилъ тамъ, чтобъ Семенъ Ларіонычъ выдалъ когда нибудь вора мѣстной расправѣ. „Отъ веселья не воруютъ“—оправдывался онъ, на этотъ счетъ, передъ „міромъ“ и „дѣдами“. Трудомъ и смѣтливостью староста Семенъ скопилъ себѣ порядочное состояніе: фабричные поговаривали, что тысячъ десять серебромъ лежитъ у него въ мошнѣ; но скупъ онъ не былъ, не отказывался помочь въ бѣдѣ другу и недругу, хотя и не бросалъ денегъ на вѣтеръ, только любилъ кутнуть иногда, разъ въ два мѣсяца, и тогда ужъ, что называется, распоясывался. У Семена Ларіоныча была лучшая во всей Фабрикѣ изба, да такая, что и избой-то ее называть не приходилось: чуть не цѣлый двух-этажный домъ; вверху жилъ онъ самъ, а внизу оставались незанятыми двѣ чистыя, просторныя и хорошо убранныя, по деревенски, комнаты—„про всякій случай“, какъ говаривалъ хозяинъ. Женатъ онъ былъ на первой фабричной красавицѣ, но дѣтей отъ нея не имѣлъ, и именно этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ многіе фабричные старики оправдывали одну непобѣдимую слабость своего лихого старосты: „до бабъ-то ужъ онъ былъ больно охочъ“. И „міръ“ стыдилъ его нѣсколько разъ за подобную слабость, и „дѣды“ ему выговаривали, и самъ наконецъ староста очень хорошо понималъ, что „дѣло это пустое, неладное“, да ничего не могъ

подѣлать съ собой. „Такіе ужъ у этихъ проклятыхъ бабъ глаза окаянные,—масленные“, пояснитъ, бывало, Семенъ Ларіонычъ „дѣдамъ“ въ свое оправданіе — и, глядишь, опять примостится къ какой нибудь „мужней женѣ“: дѣвушекъ онъ не трогалъ. „Дѣвка—что травка: подкосилъ—завянетъ; а баба—что твой ивовый прутъ: срѣжь его да воткни въ землю—все почку дастъ“, говаривалъ староста, не то шутя, не то серьезно. За „міръ“ свой онъ стоялъ горой; никакая сила не могла заставить его идти противъ „міра“, развѣ ужъ самъ увидитъ, что тотъ „больно брешетъ“...

Сегодня, какъ только смерклось, у просторныхъ хоромъ старосты Семена, стоявшихъ въ самомъ центрѣ Фабрики, толпился народъ, поджидая начала вечорки и шумно переговариваясь. И вверху, и внизу изба была освѣщена на славу: фабричный людъ никогда еще не видывалъ у старосты столько зажженныхъ свѣчь за одинъ разъ; и вверху, и внизу то и дѣло поглядывали черезъ окна на народъ кучки стройныхъ, красивыхъ женщинъ: ни въ одномъ салонѣ не встрѣтилъ бы столичный фатъ столько красавицъ сразу.

Дѣйствительно, внутри хоромъ Семена Ларіоныча былъ собранъ, въ этотъ вечеръ, цѣлый женскій цвѣтникъ, и цвѣты его были не искуственные — выведенные въ теплицѣ, а природные — выросшіе на открытомъ деревенскомъ воздухѣ; здоровье ярко пылало здѣсь на каждомъ лицѣ, и только слишкомъ ужъ испорченный городской жизнью человѣкъ могъ бы пожелать, глядя на эти румяныя лица, чтобъ они, ради большей красоты, хоть немного прихватили „интересной блѣдности“. Красивая кума Маня тоже присутствовала съ мужемъ на сегодняшней вечеркѣ: староста Семенъ хорошо зналъ, чѣмъ угодить Христинѣ Казиміровнѣ. Изба была прибрана съ нѣкоторымъ щегольствомъ: вымытый щелокомъ съ дресвой полъ, не успѣвшій еще загрязниться отъ ногъ, невольно бросался въ глаза безукоризненной чистотой; сундуки и скамейки у стѣнъ были прикрыты новенькими тюменскими коврами. Во второй комнатѣ нижняго этажа, въ углу подъ образами, стояль

покрытый бѣлою скатертью столъ, обильно уставленный закусками и питіями, въ числѣ которыхъ двѣ банки сардинокъ, паюсная икра въ пузырѣ и три бутылки мадеры играли самую видную роль, а все остальное носило на себѣ, болѣе или менѣе, туземный характеръ. За этимъ столомъ, на самыхъ почетныхъ мѣстахъ, были усажены пока „дѣды“—до прибытія болѣе дорогихъ гостей. Приготовляясь къ ихъ встрѣчѣ, два мѣстныхъ скрипача, оба самоучки, настраивали уже свои визгливые, сильно потертые, инструменты. Молодежь продолжала нетерпѣливо поглядывать въ окна, шушукалась между собой, и любезничала.

Жилинскій съ дочерью, Варгунинъ и Свѣтловъ (они и оказались самыми дорогими гостями старосты) прибыли, по деревенскому времени, довольно поздно—въ началѣ девятаго. Стоявшая на улицѣ толпа фабричныхъ шумно привѣтствовала ихъ, и отворивъ настежъ ворота, проводила гостей черезъ весь обширный дворъ, до крыльца. Семенъ Ларіонычъ и его красавица-жена, съ низкими поклонами, встрѣтили ихъ на крыльцѣ, а „дѣды“—у порога первой комнаты,—такъ требовалъ, должно быть, мѣстный этикетъ. Скрипки заиграли при этомъ какой-то доморощенный маршъ—нѣчто весьма забавное и въ высшей степени своеобразное. Христина Казиміровна первая вошла въ хоромы, и какъ только раздѣлась, сейчасъ же была обступлена красными дѣвушками и молодицами, безцеремонно здоровавшимися съ ней поцѣлуями. Она была одѣта щеголевато, но совершенно порусски: пунцовый шолковый сарафанъ, голубая-фанзовая рубашка и алая лента въ волосахъ превосходно шли къ ея, на этотъ разъ нѣсколько томному, лицу. Самъ Жилинскій, Свѣтловъ и Варгунинъ, когда сняли шубы, тоже оказались, къ общему удовольствію публики, одѣтыми въ русское платье; на нихъ были красныя шолковыя рубашки, опоясанныя красными же шолковыми кушаками, и черные полубархатные шаровары, заткнутые за сапоги: у Казиміра Антоныча, на случай пріѣзда лѣтнихъ гостей, водился порядочный запасъ такихъ костю-

мовъ. Эта деликатная внимательность къ народному вкусу сильно польстила самолюбію хозяевъ и остальныхъ гостей.

— Гляди-ко, матка, какой молодецъ! сказала потихоньку одна молодица другой, указывая на Свѣтлова, — хошь сейчасъ къ намъ, въ фабришные, поступай.

— И лихой же, надо быть — одно слово! весело подхватилъ сзади какой-то парень.

Вечорка была открыта Христиной Казиміровной и самимъ старостой, который пригласилъ ее сплясать вдвоемъ русскую. Семенъ Ларіонычъ оказался, въ своемъ родѣ, танцоромъ первой руки, и его одушевленная, отчаянная присядка вызвала общій, неподдѣльный восторгъ. За первой парой пустилась въ плясъ и остальная молодежь. Варгунинъ смотрѣлъ, смотрѣлъ — и тоже не утерпѣлъ: онъ подошелъ къ кумѣ Манѣ.

— Ну-ка, кумушка, тряхнемъ-ка вмѣстѣ старину,—любезно пригласилъ онъ ее.

— И вы?! спросилъ у него Свѣтловъ, подходя къ нимъ.

— А какже, батенька: я вамъ еще вчера за ужиномъ докладывалъ, что у меня опять начинаютъ „чернѣть кудри“... добродушно засмѣялся Матвѣй Николаичъ, и пустился плясать съ легкостью молодого человѣка.

Увлекшись общимъ, непринужденнымъ весельемъ, Александръ Васильичъ не выдержалъ и самъ, молодцовато подлетѣвъ къ первой попавшейся на глаза красавицѣ.

— Попляшемъ вмѣстѣ,—сказалъ онъ ей попросту.

— Давай, спляшемъ,—отвѣтила она ему тѣмъ же тономъ.

Они скромно протанцовали русскую и усѣлись рядомъ.

— А тебя какъ зовутъ? спросилъ Свѣтловъ у своей дамы.

— Парасковьей.

— Ну а по батюшкѣ-то какъ?

— Петровной. А тебя?

— Александромъ Васильичемъ. Ты молодица или дѣвушка?

— Вишь, косы нѣтъ — баба,—разсмѣялась она.

— Веселый у васъ народъ,—сказалъ Свѣтловъ.

— Ничего, народъ хорошій; одначе ты на нашу сестру шибко-то не заглядывайся: какъ-разъ стягомъ поподчуютъ...

По лукавому выраженію лица своей дамы, Александръ Васильичъ догадался, что ему была сказана любезность, только немного въ грубоватой формѣ.

— Я и самъ умѣю расправиться стягомъ-то,—разсмѣялся онъ.

— Нешто я не вижу! у Каземіра Антоныча худыхъ гостей не бываетъ. А надолго ли сюды пожаловалъ?

— Какъ погостится.

— Не надолго, такъ ничего, а то еще, пожалуй, сглазишь меня....

Молодица лукаво засмѣялась.

— А если бы и такъ? спросилъ Свѣтловъ.

— Что сглазишь-то? переспросила она. — Больно скоро захотѣлъ! Поглянулась я тебѣ, скажешь?

— Разумѣется, приглянулась.

— Ври больше!

Она, смѣючись, ударила его по рукѣ.

Свѣтловъ только-что собрался отвѣчать, какъ къ нему подошелъ староста.

— Пожалуй-ка, Лександръ Васильичъ, винца выкушать да закусить маленечко,—сказалъ онъ съ учтивымъ поклономъ.

— Да рано еще, кажется? замѣтилъ Свѣтловъ.

— Ничего, опосля повторить можно. Иди-ка ужо!

Семенъ Ларіонычъ дружески взялъ молодого человѣка за руку и увелъ его во вторую комнату, къ столу. Варгунинъ и Жилинскій съ дочерью оказались тутъ же; они толковали о чемъ-то съ „дѣдами“, тоже сидѣвшими за столомъ, но теперь уже на второмъ планѣ. Староста сталъ наливать Свѣтлову мадеры.

— Нѣтъ, я лучше водки выпью прежде,—остановилъ его Александръ Васильичъ.

— Вотъ это такъ! Вотъ это по нашему, по русскому! Любое дѣло! Ай да молодецъ! въ одинъ голосъ заговорили „дѣды“.

— Облобызай-кось его за эвто, Семенъ! съ восторгомъ обратился кто-то изъ нихъ къ старостѣ.

— Какъ дѣды сказали, такъ ужъ и надо исполнять, — замѣтилъ Семенъ Ларіонычъ, подходя къ Свѣтлову, и трижды поцѣловалъ его, утерѣвъ предварительно ладонью губы и бороду.

— Что, Саша?—весело тебѣ у старосты? спросила Жилинская, когда Александръ Васильичъ выпилъ и закусилъ.

— Еще бы! отвѣтилъ онъ улыбаясь,—ужъ, разумѣется, здѣсь въ сотню разъ веселѣе, чѣмъ на какомъ нибудь городскомъ балѣ съ большими претензіями и еще съ большей скукой. Хочешь вмѣстѣ русскую, Кристи? Пойдемъ!

Свѣтловъ обнялъ Христину Казиміровну за талію, и они шаловливо убѣжали.

— Да, дѣды, ужъ если вы рѣшились постоять за это дѣло, такъ надо постоять за него покрѣпче да и поосторожнѣе,—говорилъ Жилинскій, продолжая съ стариками прежній разговоръ, прерванный на минуту приходомъ Свѣтлова.

— Какъ, батюшка, не постоять! Коли пытать удачу, такъ ужъ, вѣстимо, не съ дуру,—согласился съ нимъ одинъ.

— Наши робяты не почему не попятятся,—замѣтилъ другой.

— Чего имъ пятиться!—не таковскій народецъ. Ужъ это... какъ мы сказали, такъ и будетъ; не докуда ему, слышь, кровь нашу пить... подтвердилъ третій.

— А все бы пообождать не мѣшало... сказалъ, будто нехотя, Варгунинъ.

— Уйдетъ, собака! — не семи пяденъ во лбу,—лихо перебилъ его староста, и сталъ угощать „дѣдовъ“ виномъ.

Вечорка между тѣмъ шла въ полномъ разгарѣ. То и дѣло прибывала молодежь, почему либо замѣшкавшаяся дома; цвѣтникъ пополнялся новыми красавицами. Скрипки выказывали теперь безпримѣрное усердіе, заливаясь на всевозможные тоны; для избалованнаго городского слуха они показались бы едва выносимыми, но деревенскому уху эти звуки были любезны: въ нихъ слышалась, по

временамъ, та безшабашная, полная глубокаго отчаянія, русская удаль, которая, быть можетъ, одна только и отводитъ душу всякими неправдами измученному народу. Свѣтловъ, несмотря на неизмѣримое разстояніе, отдѣлявшее его, какъ образованнаго человѣка, отъ „темнаго“ общества старосты Семена, чувствовалъ себя здѣсь будто въ родномъ кружкѣ. Въ самое короткое время Александръ Васильичъ успѣлъ со всѣми перезнакомиться, напропалую балагурилъ съ прекраснымъ поломъ, толковалъ и перебрасывался шутками съ парнями. Въ свою очередь, и это общество, какъ ни темно оно было, съумѣло, однакожъ, сквозь изящную оболочку новаго гостя, разглядѣть въ немъ „не барина“: парни безцеремонно приставали къ нему, молодицы и дѣвушки то и дѣло тащили его плясать. Христина Казиміровна, какъ видно, тоже умѣла водиться съ народомъ: она безъ разбора танцовала со всѣми.

— Золотая это у насъ барошня! замѣтила про нее Свѣтлову Парасковья Петровна, когда онъ остановился возлѣ послѣдней, любуясь танцующей Жилинской.

— Да, славная дѣвушка,—сказалъ Александръ Васильичъ, и сталъ искать глазами, куда бы сѣсть.

— Да вотъ садись тутъ, ко мнѣ на колѣни— сдержу небось,— съ наивной простотой пригласила его молодица. —Я вѣдь нарочно стягомъ-то давече постращала: тебя не тронутъ,—прибавила она, смѣясь.

Свѣтловъ безцеремонно усѣлся къ ней на колѣни: ему не хотѣлось портить деревенской вечорки пустымъ жеманствомъ.

— А что же ты на войну-то завтра пойдешь? спросилъонъ, улыбаясь.

— Пойдетъ мужъ, такъ и я пойду: съ мужемъ-то вѣдь все ѣшь пополамъ — съ нимъ, значитъ, и кашу хлебать доводится; у насъ ужъ такое заведенье,—весело отвѣтила молодица.

— Ты лихая, видно?

— Есть тотъ грѣхъ маленечко...

Парасковья Петровна засмѣялась здоровымъ, грудным смѣхомъ.

— У насъ въ Фабрикѣ ничего безъ бабъ не дѣлается,—пояснила она.

— Хорошій обычай,—похвалилъ Свѣтловъ;—не мѣшало бы и городамъ поучиться у васъ, какъ жить.

— Ну ихъ! города — городами, а деревня — деревней, я такъ смекаю; спасибо, Хрестина Каземіровна научила.

— А ты часто съ ней видишься?

— Часто; она вѣдь не городская барошня — негордая: пойдетъ гулять, такъ хошь на минуточку, да забѣжитъ ко всѣмъ. Какъ живешь? да какъ дѣтки? да не надо ли чего? — про все спроситъ. Золотая, золотая она у насъ! съ чувствомъ повторила молодица.

— У тебя гдѣ же мужъ-то, Парасковья Петровна? спросилъ Александръ Васильичъ, объясняя его отсутствіемъ развязность своей собесѣдницы.

— Какъ „дѣ“? Да ты ужъ съ нимъ сколькой разъ калякалъ севодни. Вонъ онъ стоитъ, въ синемъ-то кушакѣ,—указала молодица. — Подь-ко сюды, Петрованъ! громко позвала она мужа.

Петрованъ,— красивый, плотный фабричный, съ открытымъ лицомъ,—неторопливо пробрался къ нимъ, осторожно обходя пляшущія пары.

— Небось, мягко тѣ тутъ сидѣть? шутливо обратился онъ къ Свѣтлову.

— Мягко,—улыбнулся Александръ Васильичъ.

— Зубами-то вотъ она у меня только костиста горазно, а такъ, изъ себя — ничего баба, въ мясу... съострилъ Петрованъ.

И пошли кругомъ шутки да прибаутки.

Между тѣмъ, толпа на улицѣ и во дворѣ незамѣтно росла и становилась все шумнѣе; несмотря на легкій морозецъ, она изловчилась устроить тамъ свой плясъ, подъ чью-то разудалую гармонику. Дѣло въ томъ, что Семенъ Ларіонычъ на этотъ разъ, по обыкновенію, разпоясался и угостилъ народъ виномъ, цѣлковыхъ на шесть, по крайней мѣрѣ, да Варгунинъ своихъ шесть приложилъ на тотъ же предметъ. Этимъ угощеніемъ распоряжалась наверху и, отчасти, съ крыльца красавица-хозяйка. Собственно доступъ въ

хоромы никому не возбранялся, каждый могъ войти туда свободно, но фабричный людъ самъ очень хорошо понималъ, что „всѣмъ затесаться въ избу нельзя — мѣста не хватитъ“, и потому обиженныхъ въ уличной толпѣ не было. Многіе изъ любопытства заглядывали на минуту въ избу и сейчасъ же выходили обратно, говоря:

— Тѣсно, робяты, и безъ насъ.

— Тамочка дѣвки—первый сортъ, а здѣся—второй; да намъ и тутъ важно... весело! замѣтилъ кто-то, и этой остротой вопросъ былъ окончательно и любовно порѣшенъ.

Почетные гости старосты, въ томъ числѣ и Свѣтловъ, частенько показывались на дворѣ и серьезно толковали о чемъ-то то съ тѣмъ, то съ другимъ; каждый разъ при этомъ, около нихъ сгруппировывались отдѣльныя кучки народа, внимательно слушавшія, о чемъ говорятъ.

Около второго часу ночи, у воротъ произошло какое-то необычайное движеніе и раздался буйный шумъ толпы; слышны были крики:

— Здѣся вѣдь не на заводѣ!... Вороти назадъ оглобли!

— Что-то это не даромъ шумятъ... сказалъ староста, посмотрѣвъ въ окно, и хотѣлъ выйти.

Въ эту минуту, въ избу важно вошелъ фабричный смотритель, въ сопровожденіи двухъ рослыхъ казаковъ. Фабрика звала его „жилой“ и терпѣть не могла, но до времени пріудерживала съ нимъ свой крутой нравъ. Смотритель дѣйствительно походилъ, по крайней мѣрѣ съ виду, на „жилу“, благодаря необыкновенной эластичности и худобѣ своего изношеннаго тѣла. Это былъ чиновникъ стараго закала, превосходно усвоившій привычку—въ одну сторону раболѣпно гнуться, а передъ другой выпрямляться и надуто важничать; песцовая шуба у него и теперь нарочно была распахнута спереди такъ, чтобъ сразу обратить вниманіе чужихъ глазъ на форменный, потертый вицмундиръ и не менѣе потертую пряжку.

При появленіи смотрителя скрипки умолкли, танцы пріостановились.

— Что у тебя тутъ за гамъ такой? начальническимъ тономъ обратился онъ къ хозяину.

— Ты прежде шапку-то скинь... съ степеннымъ достоинствомъ остановилъ его староста: — не нехристь, чай! Тутъ почище тебя люди есть...

Семенъ Ларіонычъ мотнулъ головой на дверь, гдѣ стояли кучкой Жилинскій, Варгунинъ и Свѣтловъ, только-что вышедшіе изъ другой комнаты.

— Я спрашиваю: что у тебя за гамъ тутъ? Меня директоръ послалъ узнать... значительно мягче уже повторилъ смотритель, нехотя снимая фуражку съ кокардой и дѣлая видъ, что никого не замѣчаетъ.

По небывалому тону пріема, онъ сразу догадался, что дѣло что-то несовсѣмъ ладно.

— Такъ ты и поди, скажи дилехтору, что никакого, молъ, у старосты Семена гаму нѣту, окромя того, который я самъ же, молъ, у его воротъ и настроилъ,—безъ улыбки сострилъ Семенъ Ларіонычъ.

Изъ уваженія къ рѣдкимъ гостямъ, онъ былъ сегодня только чуть-чуть навеселѣ.

— Да ты мнѣ отвѣчай, какъ слѣдуетъ, когда я тебя спрашиваю! опять возвысилъ голосъ уязвленный смотритель. — Вечерка у тебя, что ли?

— Покойниковъ со скрыпками не хоронятъ,—невозмутимо пояснилъ староста.

— А! Ну, коли не хочешь добромъ *мнѣ* отвѣчать, такъ иди же сейчасъ за мной къ директору *самъ*! еще сильнѣе расходился смотритель.—Какъ вы... смѣете... безъ спросу начальства вечорки устраивать?!.. а? рѣзко прикрикнулъ онъ на Семена Ларіоныча.

— Некогды мнѣ тепереча: вишь?—гости; дилехторъ можетъ и завтре узнать, сколько ты съ меня оброку въ годъ получаешь... еще невозмутимѣе отвѣтилъ староста, лукаво почесавъ у себя за ухомъ.

Эта выходка окончательно взбѣсила непрошеннаго гостя.

— Взять его! крикнулъ онъ казакомъ, забавно-грозно указавъ пальцемъ на хозяина, а самъ быстро повернулся къ выходной двери.

Казаки двинулись было съ мѣста.

— Не трожь! закричало имъ нѣсколько голосовъ, и вся молодежь, сколько ея было въ избѣ, не различая половъ, разомъ поднялась на ноги, какъ одинъ человѣкъ.

Казаки нерѣшительно переглянулись и отступили.

— Чтожъ вы опѣшали? крикнулъ смотритель уже на нихъ, выходя изъ себя.—А еще казаки! вой-ско!!. Взять его, говорятъ вамъ!

Казаки опять было выступили впередъ, но въ эту самую минуту изъ сосѣдней комнаты спокойно вышелъ одинъ изъ „дѣдовъ“.

— Ты шибко-то не пори горячку, ваше благородіе,—холодно и важно обратился онъ къ смотрителю: — не испужаемся. Выборнаго своего мы тебѣ въ обиду не дадимъ, а ты лучше уходи по добру—по здорову: неравно грѣха бы не случилось...

И „дѣдъ“ опять удалился, также спокойно, какъ и вышелъ.

— Ладно же!... Будете вы меня помнить!!... весь побагровѣлъ смотритель, и кинулся вонъ изъ избы, махнувъ рукой казакамъ.

Толпа во дворѣ мрачно и молчаливо пропустила ихъ мимо себя, только у самыхъ воротъ кто-то громко крикнулъ имъ вслѣдъ:

— Мотри! не ходи по ночамъ—голову сломишь!

А вечорка между тѣмъ пошла опять своимъ порядкомъ; еще усерднѣе заиграли скрипки, еще удалѣе заплясала молодежь. Неожиданно произшедшей передъ тѣмъ, непріятной сцены какъ будто и не существовало; про нее даже и разговаривать не стали; только староста Семенъ, разрѣшивъ себѣ выпить еще одну рюмку водки, съ сердцемъ сказалъ:—Ну ихъ всѣхъ къ дьяволу!—и больше объ этой сценѣ не было помину. Толпа на дворѣ тоже не отставала отъ избы: тамъ хороводъ затѣяли парни, пѣсни развели, благо старостиха мастерица была угощать и подпоила маленько даже бабъ, а русское винцо переборолo сибирскій морозецъ.

Такъ-сказать парадная часть вечерки продолжалась до двухъ съ половиною часовъ, т. е. до тѣхъ поръ, пока на ней оставались почетные гости. Толпа проводила ихъ теперь также шумно и радушно, какъ и встрѣтила. Семенъ Ларіонычъ запрегъ большіе, парные пошевни и самолично подвезъ дорогихъ гостей къ домику

Жилинскаго, лихо прокативъ ихъ передъ тѣмъ по всей Фабрикѣ и мимо директорскаго дома, гдѣ въ двухъ окнахъ видѣлся еще огонь, несмотря на позднее время. Вернувшись домой, староста Семенъ разрѣшилъ себѣ кутнуть нѣсколько пошире и пустился въ самый отчаянный плясъ, то и дѣло подзадоривая гостей и музыкантовъ какимъ нибудь острымъ, залихватскимъ словцомъ.

— Жги! — не сумлѣвайся... молодцовато приговаривалъ онъ, выдѣлывая ногами невообразимыя штуки.

Въ избѣ пошелъ, какъ говорится, дымъ коромысломъ. Народъ, съ улицы, кучками валилъ теперь въ хоромы погрѣться и посмотрѣть, „какъ дядя Семенъ трепака откалываетъ“. Поощряемый шумными одобреніями, Семенъ Ларіонычъ крутился по избѣ, какъ вихорь, едва успѣвая мѣнять своихъ дамъ. Около четырехъ часовъ, онъ, однакожъ, вдругъ остановился, даже не докончивъ какого-то мастерского колѣнца, медленно отеръ бумажнымъ клѣтчатымъ платкомъ весь мокрый отъ поту лобъ, и громко объявилъ на всю избу:

— Дѣвушка гуляй, да дѣльцо свое знай. Шабашъ!

Это былъ у старосты обычный сигналъ, означавшій, что вечорка кончилась. Всѣ стали расходиться по домамъ. Но не скоро еще опустѣли фабричныя улицы; подпившій народъ бродилъ по нимъ небольшими толпами, припоминая любимые мотивы. Часу въ пятомъ утра, начинавшій уже засыпать, Свѣтловъ, слышалъ еще, какъ мимо оконъ ихъ комнаты, незапертыхъ ставнями, прошла кучка фабричныхъ, съ шикомъ напѣвая самую лихую фабричную пѣсню— надо полагать, произведеніе самороднаго, туземнаго поэта.

„Ужъ какъ въ Фабричкѣ у насъ
Есть про всякаго запасъ:
Ай ди-ди, перепелка,
Ай ди-ди, молода!
Отъ фабричныхъ кулаковъ
Возлетишь до облаковъ...
Ай ди-ди, перепелка,
Ай ди-ди, молода!“ —

свободно и размашисто неслась по улицѣ эта пѣсня, и подъ ея разудалые звуки Александру Васильичу сталъ сниться какой-то волшебный сонъ...

ГЛАВА VIII.

Вся Фабрика на ногахъ.

Прежде нежели мы приступимъ къ описанію произшествій настоящей главы, намъ, для лучшаго ихъ уразумѣнія, необходимо сказать нѣсколько объяснительныхъ словъ. Ельцинская фабрика состояла собственно изъ двухъ казенныхъ заводовъ — стекляннаго, выдѣлывавшаго посуду низшаго разбора, и суконнаго, производившаго одно только грубое, такъ-называемое солдатское, сукно. Заводы эти управлялись отъ казны директоромъ, которому уже непосредственно подчинены были смотритель и конторщикъ, тоже числившіеся въ коронной службѣ. Теперешній директоръ всего только годъ тому назадъ поступилъ на мѣсто прежняго, но и въ это короткое время онъ успѣлъ уже возбудить къ себѣ единодушную ненависть фабричнаго люда. Прежній директоръ былъ, такъ или иначе, человѣкъ справедливый и, притомъ, довольно мягкаго, уживчиваго нрава. Управляя фабрикой болѣе девяти лѣтъ, этотъ чиновникъ примѣнился понемногу къ обычаямъ тамошнихъ рабочихъ, и потому могъ, въ отношеніи ихъ, позволять себѣ иногда даже и крутыя выходки; если онъ и рисковалъ поплатиться за подобную смѣлость, то развѣ только непродолжительнымъ созерцаніемъ нахмуренныхъ, недружелюбныхъ лицъ да косыхъ взглядовъ. Тѣмъ болѣе рѣзкимъ долженъ былъ показаться для Фабрики переходъ подъ управленіе теперешняго директора. Теперешній директоръ,—пере-

веденный въ гражданскую службу полковникъ, бывшій передъ тѣмъ ушаковскимъ полиціймейстеромъ,—представлялъ собою личность, далеко не похожую на своего предмѣстника. Это былъ вспыльчивый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безсердечный, грубый человѣкъ—смѣсь военнаго задора съ гражданскимъ взяточничествомъ. Во время своего полиціймейстерства, онъ буквально нагонялъ ужасъ на болѣе простодушныхъ жителей города; даже уличные ребятишки, завидѣвъ пролетку и бѣлую пару этого господина, съ двумя верховыми казаками позади, разсыпались, какъ горохъ, во всѣ стороны. Впрочемъ, для полной характеристики теперешняго директора Ельцинской фабрики, достаточно было бы разсказать, что во время производства какого-то слѣдствія о поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ, онъ, чтобъ добиться сознанія отъ одного татарина, приказывалъ производить надъ нимъ, въ своемъ присутствіи, операцію примѣрнаго повѣшенія, и продолжалъ ее до тѣхъ поръ, пока у несчастнаго не начинало багровѣть лицо. Таковъ былъ полковникъ Оржеховскій. Въ Фабрикѣ, сей почтенный мужъ началъ свою дѣятельность съ того, что прибавилъ лишній часъ работы на заводахъ, само собой разумѣется, въ пользу собственнаго кармана, а отнюдь не въ интересахъ казны, и до крови избилъ какого-то молодого фабричнаго, осмѣлившагося протестовать противъ такого незаконнаго распоряженія. Затѣмъ, несмотря на данный ему при этомъ урокъ, тѣмъ, что многіе фабричные не пошли на другой день на работу, теперешній директоръ сталъ, отъ времени до времени, наказывать рабочихъ розгами—сперва за одни крупныя вины, а потомъ и за мелочи иногда. Подобная мѣра изстари считалась здѣсь верхомъ позора для всей Фабрики, не говоря уже о томъ, къ кому она примѣнялась: за высѣченнаго, обыковенно, даже не шла замужъ ни одна порядочная фабричная дѣвушка. Къ этой мѣрѣ могли безнаказанно прибѣгать только „дѣды“, не иначе, какъ съ общаго согласія, и, притомъ, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ: за послѣдніе пять лѣтъ передъ управленіемъ Оржеховскаго, такъ наказаны были всего только трое. Уже къ концу перваго полугодія его директор-

ства, вся Фабрика стояла къ нему въ открытой оппозиціи; ни одного привѣтливаго лица не встрѣчалъ онъ на заводахъ. Но когда новый директоръ позволилъ себѣ дать десять розогъ, за грубость, одному изъ „дѣдовъ“, оппозиція эта стала до такой степени очевидна, что Оржеховскій, поздно вечеромъ, не рѣшался даже и съ казаками показываться на улицахъ деревни. На него пожаловались въ городъ, однако безуспѣшно; мало того, двое мірскихъ ходоковъ по этому дѣлу, за свою смѣлость, были внезапно переведены на другой заводъ.

„Дѣды“, въ числѣ пяти человѣкъ, выбирались, пожизненно, всѣми безъ исключенія фабричными, изъ самыхъ умныхъ, честныхъ и стойкихъ стариковъ деревни, помимо всякаго вмѣшательства мѣстнаго начальства,—и, въ свою очередь, точно такимъ же образомъ избирали, уже сами себѣ, старосту. Согласно укоренившемуся обычаю, кандидатами на эту послѣднюю, хлопотливую должность могли быть только молодые или не очень пожилые еще, самые ловкіе и смѣтливые фабричные. Староста тоже избирался пожизненно. Мѣстное начальство, впрочемъ, и не признавало de jure этихъ общественныхъ властей, но de facto пользовалось ими на каждомъ шагу, ясно видя, какимъ почетнымъ значеніемъ пользуются онѣ въ глазахъ своихъ выборныхъ и какое огромное вліяніе имѣютъ на нихъ.

Фабрика не могла, разумѣется, стерпѣть кровнаго оскорбленія, нанесеннаго ей въ лицѣ одного изъ этихъ выборныхъ, и рѣшилась сама наказать директора, чтобъ худо ли, хорошо ли отдѣлаться отъ него разъ навсегда. Варгунинъ, пріѣзжавшій сюда довольно часто, пользовавшійся здѣсь неограниченнымъ довѣріемъ и общей привязанностью, зналъ очень хорошо объ этомъ рѣшеніи; но любя вообще народъ и предвидя дурныя послѣдствія, онъ совѣтовалъ фабричнымъ не пускаться на такое рискованное дѣло, а лучше обождать, пока смѣнятъ директора, и даже обѣщалъ похлопотать объ этомъ частнымъ образомъ у кого слѣдуетъ. Добрый совѣтъ Матвѣя Николаича, на этотъ разъ, однакожъ, не былъ принятъ; фабричные рѣшительно объявили ему, что сами проучатъ директо-

ра. Тогда Варгунинъ ухватился за послѣднее средство: онъ уговорилъ „дѣдовъ“ и взялъ съ нихъ слово, что они ничего не предпримутъ до слѣдующаго его пріѣзда въ Фабрику, думая этимъ выиграть время, пока поулягутся страсти. Дѣйствительно, раза два ему удалось, такимъ образомъ, отсрочить катастрофу, но въ предпослѣдній его пріѣздъ, „дѣды“ внушительно и напрямикъ объявили старику:

— Тоже и намъ тепереча нельзя супротивъ міра идти... Ужъ ты тамъ какъ хошь, Матвѣй Миколаичъ, еще разъ мы тебя обождемъ, сдѣлаемъ тебѣ уваженіе, только чуръ—на другой же день быть переполоху, какъ ты опеть пожалуешь; да больно-то не мѣшкай въ городѣ: пожалуй, не утерпятъ наши робяты, тогды ужъ не прогнѣвайся...

Варгунинъ принужденъ былъ дать слово пріѣхать какъ можно скорѣе. У Матвѣя Николаича была одна изъ тѣхъ любящихъ и стойкихъ натуръ, которыя мало думаютъ о себѣ, когда дѣло идетъ о судьбѣ ихъ любимцевъ. Онъ зналъ, что „дѣды“ ни въ какомъ случаѣ уже не измѣнятъ своего послѣдняго слова, и рѣшился лично участвовать въ фабричномъ движеніи, надѣясь своей опытностью и вліяніемъ на народъ отклонить отъ него какое нибудь непредвидѣнное несчастіе, а можетъ быть и преступленіе. Такова была роль, которую Варгунинъ добровольно назначилъ себѣ въ этомъ дѣлѣ. Матвѣй Николаичъ, самъ всю жизнь протестовавшій въ пустынѣ, былъ настолько опытенъ, что мало могъ предвидѣть хорошаго впереди отъ подобной попытки, но опять и не въ его характерѣ было сомнѣваться въ возможности достигнуть чего нибудь этимъ путемъ. Передъ отъѣздомъ изъ города, онъ сообщилъ обо всемъ Свѣтлову, прося его совѣта и, если можно, помощи, т. е. личнаго присутствія въ Фабрикѣ. Въ чемъ другомъ, а въ этомъ Александръ Васильичъ не могъ отказать никому, тѣмъ болѣе Варгунину.

— Да что же они думаютъ сдѣлать-то? спросилъ онъ у него только, сейчасъ же согласившись ѣхать.

— Хотятъ, батенька, потребовать всей Фабрикой отъ директора, чтобъ онъ немедленно ее оставилъ, или, въ противномъ случаѣ, всѣ прекратятъ работы. Пускай, говорятъ, пріѣзжаетъ городское начальство, такъ мы ужъ съ нимъ потолкуемъ. Вотъ все, что, покрайней мѣрѣ, *я* знаю, батенька.

Варгунинъ не притворялся: онъ дѣйствительно только это и зналъ.

Во многихъ фабричныхъ головахъ бродила еще вчерашняя вечорка, какъ уже съ ранняго утра стало обнаруживаться особенное движеніе на улицахъ Фабрики: то и дѣло встрѣчались группы рабочихъ, въ пять-шесть человѣкъ, хотя день былъ и не праздничный. Одни изъ нихъ, постарше, остановясь гдѣ нибудь у забора, серьезно и съ жаромъ разговаривали между собой вполголоса; другіе, помоложе, взявшись дружно за руки, съ вызывающимъ видомъ расхаживали взадъ и впередъ, заломивъ набекрень шапки и напѣвая, тоже вполголоса, любимыя фабричныя пѣсни. „Ужъ какъ въ Фабричкѣ у насъ“ слышалось часто, и въ разныхъ концахъ деревни. Ближайшія сосѣдки безпрестанно обмѣнивались между собой торопливыми визитами, спѣша подѣлиться ихъ результатомъ съ другими. Въ такъ-называемой „сборной избѣ“ степенно и угрюмо совѣщались „дѣды“, разсылая съ разными порученіями, во всѣ концы Фабрики, любопытныхъ ребятишекъ, одаренныхъ непобѣдимымъ свойствомъ—всегда торчать тамъ, гдѣ соберутся взрослые.

Одного изъ такихъ гонцовъ перехватилъ, на улицѣ, смотритель. Онъ шелъ сегодня ранѣе обыкновеннаго на заводы по распоряженію директора, которому еще вчера ночью успѣли доложить о необыкновенно дерзкомъ поведеніи старосты: приказано было—тща-

тельно переписать на другой день всѣхъ, кто не явится на работу въ срокъ, минута въ минуту.

— Ты куда бѣжишь, чертенокъ? строго остановилъ смотритель востроглазаго гонца „дѣдовъ“.

— Тятька послалъ за рукавицами къ Софронихѣ,—отвѣтилъ тотъ смѣло, не шевельнувъ ни одной рѣсницей.

— Своихъ-то мало ему, что ли? Да ты мнѣ, чертенокъ, говори правду, а то вѣдь я тебя и за вихри возьму! пригрозилъ смотритель.

— Да я не знаю. Мнѣ тятька сказалъ: проси у Софронихи рукавицы, которыя она мнѣ новыя сошила,—я и бѣгу.

— Пропилъ, видно, старыя-то... ѣдко замѣтилъ убѣжденный смотритель, и пошелъ дальше.

Онъ завернулъ сперва на суконный заводъ: хоть бы одинъ человѣкъ явился!—пустехонько; зашелъ на стеклянный—та же исторія; а между тѣмъ, обычный часъ работъ уже наступилъ и даже прошло минутъ двадцать лишнихъ. Обстоятельство это было особенно поразительно въ отношеніи стекляннаго завода: тамъ всегда оставалось на ночь нѣсколько человѣкъ дежурныхъ рабочихъ, поддерживавшихъ огонь плавильной печи, которая, на одни сутки, гасилась только раза два или три въ мѣсяцъ, передъ начатіемъ новой серіи работъ. Смотритель обыкновенно заглядывалъ сюда не каждую ночь, а изрѣдка, больше для виду, во всемъ полагаясь на старосту; вчера онъ тоже не былъ здѣсь, и теперь, къ величайшему своему изумленію, нашелъ плавильную печь совершенно остывшей, даже безъ малѣйшаго намека на ночную работу. Необходимо замѣтить, что директоръ держалъ этого господина въ черномъ тѣлѣ и на тугихъ возжахъ; за право поживляться иногда малою толикой на счетъ заводовъ, онъ подчинилъ его себѣ безпрекословно. Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, смотритель, разыгрывая, съ одной стороны, роль вѣрнаго директорскаго пса, съ другой являлся весьма убыточнымъ паразитомъ въ отношеніи рабочихъ; поэтому, онъ не на шутку струсилъ теперь за свою оплошность, и со всѣхъ ногъ кинулся къ старостѣ.

Семенъ Ларіонычъ преспокойно сидѣлъ у себя на завалинкѣ, беззаботно поколачивая въ нее сучковатой палкой, всегда такъ магически созывавшей, бывало, фабричныхъ на обычное, заводское дѣло.

— Чтожъ ты не гонишь людей на работу? Али одурѣлъ со вчерашней-то вечерки? крикнулъ на него впопыхахъ смотритель, почти прибѣжавшій бѣгомъ.

— И самъ не пойду, и людей гнать не стану,—отвѣтилъ староста убійственно-холоднымъ тономъ, недопускавшимъ возраженія.

Смотритель растерялся.

— Вѣдь они, мошенники этакіе, плавильную погасили! Ты чего смотришь? спросилъ онъ снова, не давъ еще себѣ отчета въ значеніи отвѣта старосты.

— Погашена,—знаю.

Семенъ Ларіонычъ былъ невозмутимъ, какъ и вчера.

— Такъ ты что же?... какъ-то глухо уже и будто машинально проговорилъ смотритель.

— Видишь—сижу палкой балую...

„Жила“ растерялся еще больше и, повидимому, не зналъ, что сказать.

— П-шолъ за мной къ директору! крикнулъ онъ, черезъ минуту, на всю улицу, выведенный изъ себя равнодушіемъ старосты.

— Неспопутно; мнѣ и тутъ ладно.

У смотрителя потемнѣло въ глазахъ отъ досады и сознанія своего начальническаго безсилія.

— Ахъ вы... сволочь этакая! проговорилъ онъ сквозь зубы.

Староста неторопливо поднялся съ завалинки.

— Погляди-ко сюды, ваше благородіе,—сказалъ онъ безстрастно:—вишь ты эту палку, сколько на ней зубцовъ? Ежели я теперече этой самой палкой рожу тебѣ смажу... что будетъ?—знашь?

И Семенъ Ларіонычъ, пристально посмотрѣвъ на собесѣдника, опять также неторопливо присѣлъ на завалинку.

Смотритель, какъ угорѣлый, кинулся со всѣхъ ногъ къ директору.

Оржеховскій еще спалъ; ему, можетъ быть, снились теперь тѣ

новыя тысячи, которыя отложитъ онъ въ свой карманъ на будущій годъ, въ ущербъ казнѣ и благосостоянію рабочихъ. По запертымъ ставнямъ и наружной тишинѣ въ домѣ, смотритель догадался, что начальство почиваетъ, и не осмѣливаясь тревожить его покоя, усѣлся, въ ожиданіи, на одной изъ ступенекъ высокаго крыльца; „жена... семеро дѣтей...“—такъ и сквозило у него на лицѣ. Этотъ человѣкъ велъ жестокую борьбу за свое и ихъ существованіе; на сколькихъ заводахъ ни приходилось ему служить, вездѣ онъ былъ только вѣрной собакой, и вездѣ на его долю перепадали одни только крохи. Въ Ельцинской фабрикѣ дѣла смотрителя пошли какъ будто лучше; правда, что онъ и здѣсь игралъ ту же самую, жалкую роль, но за то, на этомъ новомъ мѣстѣ, его беззастѣнчивая рука стала ощупывать иногда, между крохами, и цѣлый лакомый кусокъ.

„А вотъ теперь и смѣнятъ, пожалуй, директора: опять кусай пальцы...“—безотрадно думалось ему.

Какой-то глухой, все болѣе и болѣе усиливающійся, шумъ вывелъ смотрителя изъ глубокаго, продолжительнаго забытья; онъ испуганно мотнулъ головой, вскочилъ на ноги, и быстро поднялся до самой верхней ступеньки крыльца. Крыльцо вело со двора прямо во второй этажъ и оканчивалось широкой площадкой передъ входной дверью; оттуда, сверху, открывался просторный видъ на улицу. Теперь, стоя на этой самой площадкѣ и держась дрожащими руками за ея перила, смотритель былъ пораженъ необыкновенной, невиданной картиной: огромная толпа фабричныхъ медленно подвигалась вдоль улицы, по направленію къ директорскому дому; разноцвѣтные головные платки женщинъ оживляли, до нѣкоторой степени, однообразный и сплошной сѣрый тонъ дубленныхъ полушубковъ; фабричные мальчишки, густыми кучками, юркали сзади. Всмотрѣвшись въ эту исполинскую волну головъ, смотритель, хорошо знавшій численность мѣстнаго населенія, не могъ не придти къ тому ужасному выводу, что тутъ была поставлена на ноги буквально вся фабрика. Растерянный до отупѣнія, онъ вдругъ, ни съ

того—ни съ сего, опрометью кинулся внизъ, и со всего размаха заперъ отворенную имъ, при входѣ, калитку, какъ будто эта убогая дверца могла разыграть роль неприступной скалы, въ борьбѣ съ надвигавшейся все болѣе народной волной. Едва захлопнулась калитка, какъ изъ углового окна верхняго этажа высунулась въ форточку черноволосая, курчавая голова директора, въ вышитой бисеромъ ермолкѣ, и его блѣдное, съ неподвижно-холодными глазами, лицо прямо уставилось на смотрителя, оторопѣло державшагося обѣими руками за желѣзный засовъ.

— Что у васъ тамъ опять?... Что вы тутъ дѣлаете? недовольнымъ тономъ крикнулъ ему Оржеховскій.

Изъ чуткаго утренняго сна, его именно и вывелъ отчаянный стукъ, надѣланный смотрителемъ.

— Бѣда, Григорій Николаичъ: вся фабрика взбунтовалась! доложилъ тотъ, выбѣжавъ на середину двора и подобострастно снимая фуражку.

Присутствіе высшаго начальства нѣсколько ободрило его.

— Какъ „взбунтовалась“? Это еще что такое?... это еще что за новости?!.. вспылилъ директоръ, хотя и слышавшій шумъ, но не разобравшій сначала, откуда онъ происходитъ,—и вдругъ глаза его упали на громадную толпу, которая величаво подвигалась впередъ, теперь въ какихъ нибудь саженяхъ двадцати отъ него.

Несмотря на обычную блѣдность, лицо Оржеховскаго замѣтно побѣлѣло еще сильнѣе.

— Разбудить казаковъ!... Всѣхъ разбудить! Чтобъ лошади были мигомъ осѣданы!... и мнѣ! Слышите? скомандовалъ онъ смотрителю, и голова его въ ту же минуту изчезла изъ форточки.

Конвой директора состоялъ изъ двѣнадцати конныхъ казаковъ, жившихъ на томъ же дворѣ, въ такъ-называемой „конвойной“, налѣво отъ крыльца; одинъ изъ нихъ—дежурный—спалъ постоянно въ директорской кухнѣ, въ нижнемъ этажѣ дома. Смотритель разбудилъ сперва его и остальную прислугу, немилосердно постучавъ къ нимъ въ дверь, и потомъ уже кинулся въ „конвойную“.

Минутъ черезъ пять, весь домъ былъ поднятъ на ноги; прислуга обоего пола, какъ водится при всякой подобной, внезапной сумятохѣ, безцѣльно шныряла теперь взадъ и впередъ по двору, воображая, что ужъ и этимъ она кое-что дѣлаетъ; казаки торопливо сѣдлали лошадей, отрывочно перебраниваясь между собою. Испуганный, должно быть, всей этой кутерьмой, какой-то гусь съ крикомъ выбѣжалъ, махая крыльями, на середину двора, и съ недоумѣніемъ поводилъ, во всѣ стороны, вытянутой, какъ палка, шеей. Неимовѣрно суетившійся смотритель, нечаянно набѣжалъ на него, запнулся, сказалъ: — Тьфу ты, пропастина! — и кинулся наверхъ, къ директору.

Директорскій домъ выходилъ своимъ фасадомъ на небольшую площадь, примыкавшую, справа, къ той самой улицѣ, по которой двигался народъ. Теперь, эта толпа занимала уже всю площадь, обратясь лицомъ къ фасаду; „дѣды“ и, рядомъ съ ними, староста стояли впереди, отдѣльно, недалеко отъ оконъ нижняго этажа. Несмотря, однакожъ, на близкое присутствіе такой огромной толпы, шуму на этотъ разъ не было слышно: она точно застыла въ молчаливомъ, упорномъ ожиданіи.

Оржеховскій, въ полковничьемъ мундирѣ съ густыми серебряными эполетами (которыхъ — скажемъ въ скобкахъ — онъ не имѣлъ ужъ больше права носить, но которые берегъ, вѣроятно, для непредвидѣнныхъ оказій, въ родѣ сегодняшней), показался на минуту казакамъ съ площадки крыльца.

— Совсѣмъ? спросилъ онъ у нихъ, очевидно, только для шику.

— Точно такъ, васкородіе! отвѣтилъ ему, за всѣхъ, урядникъ.

— Сейчасъ же сѣсть на коней и... ждать моихъ приказаній! распорядился директоръ, и ужъ переступилъ было порогъ двери, какъ вдругъ снова показался на площадкѣ. — Пики, винтовки — все взять!... зарядить!... И лошадь мнѣ! Жива! громко скомандовалъ онъ.

Минуты черезъ три, казаки сидѣли уже на коняхъ, вооруженные согласно приказанію; урядникъ держалъ за поводья осѣданную директорскую лошадь. Еще черезъ минуту, Оржеховскій, стоя

передъ дверью балкона, выходившаго прямо на площадь, самоувѣренно говорилъ смотрителю, рисуясь передъ нимъ густыми эполетами:

— Я имъ покажу... бунтовать! Вотъ посмотрите, какъ они у меня осядутъ...

Онъ принялъ надменную позу и вышелъ на балконъ.

При его появленіи, толпа на минуту заволновалась, и вдругъ снова утихла; густые эполеты только въ эту первую минуту произвели на нее нѣкоторое впечатлѣніе. Директору не привыкать было бросать смѣлый и нахальный взглядъ въ лицо подчиненному люду, но теперь, подавленный его количествомъ, онъ чувствовалъ, что можетъ смотрѣть свободно только въ пространство. Тѣмъ не менѣе, скользнувъ смущенно глазами по многочисленнымъ головамъ толпы, Оржеховскій замѣтилъ между ними Жилинскаго и Варгунина, одѣтыхъ въ фабричные полушубки. Онъ распозналъ бы, вѣроятно, между женщинами, и Хрисину Казиміровну, еслибъ она не нарядилась такъ искусно въ старенькій деревенскій костюмъ и не закрыла такъ сильно платкомъ лица; только стоявшаго съ ней рядомъ и тоже одѣтаго въ полушубокъ, Свѣтлова, не могъ ни въ какомъ случаѣ узнать директоръ, ни разу не видѣвъ его до того времени. Какъ бы то ни было, глава Ельцинской фабрики чувствовалъ себя въ сильномъ смущеніи, когда „дѣды“ и староста, выступивъ немного впередъ, отвѣсили ему степенный поклонъ, слегка дотронувшись до шапокъ, между тѣмъ какъ остальная часть толпы недвижно стояла съ покрытыми головами.

— Вы-ы... что?... бунтовать вздумали!—а? Шапки долой! крикнулъ на нее грозно директоръ.

Толпа хоть бы шевельнулась.

— А-а! вы... пьянствовать! вы... начальству не повиноваться! Да я васъ запорю... мерзавцевъ!!... опять закричалъ Оржеховскій, уже изо всей мочи.

— Ты, господинъ дилехторъ, не лайся безъ пути, — холодно сказалъ ему наконецъ старѣйшій изъ „дѣдовъ“, выступивъ впе-

редъ еще на одинъ шагъ, — а изволь насъ выслушать, какъ подобаетъ. Мы къ тебѣ пришли, слышь, вотъ зачѣмъ...

— Да вы-то сами что за люди? что за птицы? Подстрекатели? коноводы?!... Первые у меня въ острогъ пойдете! не далъ ему договорить директоръ, и злобно ткнулъ пальцемъ въ ту сторону, гдѣ стояла кучка „дѣдовъ“.

Они о чемъ-то перешепнулись между собой, и обратились къ старостѣ.

— А мы—выборные... сказалъ Семенъ Ларіонычъ, многозначительно выступая впередъ.

— Я знать ничего не хочу! Кто васъ выбралъ? съ чьего разрѣшенія? по какому праву? перебилъ его директоръ.

— Ужъ это ты у „міра“ спроси: „міръ“ выбиралъ—„міру“ про то и знать,—отвѣтилъ невозмутимо Семенъ Ларіонычъ. — А ежели ты, тепереча, не хочешь по-добру насъ выслушать, такъ опосля, значитъ, не пеняй: оглобли-то мы, пожалуй, и поворотимъ, да какъ бы твою милость не ушибить,—велики больно.

— Ты... каторгу знаешь? — бывалъ? безстрастнымъ, металическимъ голосомъ обратился Оржеховскій къ старостѣ, неподвижно уставивъ на него свои холодные глаза.

— Нѣтъ, не вѣдаю,—не бывалъ; а любопытенъ знать: разскажи... будто льдомъ обдалъ его, въ свою очередь, Семенъ Ларіонычъ.

— Ну такъ вотъ узнаешь ее скоро! только и нашелся сказать озадаченный директоръ.—Что вамъ отъ меня надо? крикнулъ онъ, помолчавъ, толпѣ.

Староста неторопливо кашлянулъ въ руку.

— А намъ вотъ чего нужно,—заговорилъ Семенъ Ларіонычъ, отчеканивая каждое слово: — чтобъ ты, значитъ, айда отсюда, чтобъ севодне же, значитъ, духу твоего у насъ, въ Фабрикѣ, не было... потому,—ужъ оченно ты „міръ“ изобидѣлъ: выборнаго посѣкъ; тепереча тоже обобралъ кругомъ фабришныхъ,—обсчитываешь ихъ... Мы тебѣ, значитъ, честью сказываемъ: не хочемъ мы тебя; и честью же просимъ: уѣзжай отъ насъ какъ можно поскорѣ, — вишь, пародъ остервенился...

Директоръ стоялъ какъ пораженный громомъ, слушая эту краткую, выразительную рѣчь; такой отчаянно-смѣлой дерзости онъ не ожидалъ и чувствовалъ, какъ у него, отъ злости, задрожали губы и колѣни.

— Такъ хорошо... поборемся!... тихо, но злобно сказалъ Оржеховскій, оглянувъ сверкающимъ взглядомъ толпу.—Господинъ смотритель! позвалъ онъ громко.

Смотритель робко высунулся въ дверь.

— Готовы у васъ казаки? Прикажите имъ отворить ворота и выстроиться... Я сейчасъ буду,—распорядился директоръ.—Теперь вы у меня держитесь!... уносите шкуры! Я знаю, кто васъ подучилъ,—не уйдутъ и они... Маршъ на работу! всѣ!! попытался онъ еще разъ употребить начальническое вліяніе.

Но народъ, по прежнему, не двигался съ мѣста.

— Береги лучше свою-то шкуру: она у тя севодне незаконная... крикнулъ кто-то въ толпѣ, намѣкая, очевидно, на густые эполеты.

Оржеховскій весь позеленѣлъ, но промолчалъ, и быстро удалился въ комнаты. Онъ машинально обошелъ ихъ кругомъ, зарядилъ въ кабинетѣ шестиствольный револьверъ, задумчиво повертѣлъ его въ рукахъ, и вышелъ съ нимъ на площадку крыльца. Внизу, у послѣдней его ступеньки, поджидалъ теперь директора одинъ урядникъ, держа за поводья двухъ лошадей — свою и директорскую; остальные казаки, верхами, выстроившись въ шеренгу, стояли уже за открытыми настежь воротами, а смотритель, тоже верхомъ, боязливо держался позади ихъ.

Оржеховскій торопливо сѣлъ на лошадь и, въ сопровожденіи урядника, выѣхалъ за ворота, держа передъ собой въ правой рукѣ револьверъ.

— Видите вы эту штучку? показалъ онъ его толпѣ, круто остановивъ передъ ней лошадь. — Вотъ она какъ дѣйствуетъ...

Директоръ обернулся, прицѣлился въ ставень и выстрѣлилъ.

— Видѣли? насмѣшливо спросилъ онъ, подъѣхавъ къ окну и указывая пальцемъ народу круглое отверстіе, насквозь пробитое пулей въ ставнѣ. — Вотъ тоже самое будетъ и съ тѣми лбами, кто осмѣлится меня ослушаться... Маршъ всѣ на работу!

Но толпа и теперь была неподвижна.

— Казаки! скомандовалъ директоръ, желая окончательно постращать ее, — прицѣлься въ переднихъ!

Казаки, не торопясь, достали изъ-за плечъ винтовки, медленно взвели курки и, безъ малѣйшаго смущенія, стали цѣлиться въ „дѣдовъ“: винтовки были заряжены одними холостыми зарядами; по разстоянію между командой и народомъ, они никому опасностью не угрожали.

Толпа, однакожъ, не знала этого; тѣмъ не менѣе, въ ней только на одинъ мигъ пробѣжало сильное движеніе, послышался глухой ропотъ, — и она снова окаменѣла.

— А когды такъ,—вскричалъ староста Семенъ, быстро обернувшись и подмигнувъ ближайшимъ фабричнымъ, — такъ айда же за мной, робяты!

И онъ кинулся на казаковъ, какъ разъяренный звѣрь, котораго оцарапала шальная пуля.

Растерявшись отъ внезапности его движенія, казаки успѣли только дать безполезный залпъ по воздуху. Толпа загудѣла и застонала. Передніе ряды ея съ крикомъ налетѣли на казаковъ, окружили ихъ, стащили съ сѣделъ, нѣкоторымъ связали кушаками руки на спинѣ, отвели всѣхъ въ „конвойную“ и заперли тамъ. Все это было сдѣлано въ какія нибудь три минуты. Впрочемъ, сказать по правдѣ, если казаки сперва немного и сопротивлялись, то, разумѣется, больше для виду, чтобъ оградить себя, на всякій случай, въ глазахъ начальства: они съ фабричными постоянно жили въ ладу, водили хлѣбъ-соль, даже имѣли между ними своихъ зознобушекъ,—ссориться имъ, стало быть, не приходилось—не выгодно было.

Между тѣмъ, какъ одна часть толпы распоряжалась такимъ безцеремоннымъ образомъ съ казаками, другая окружила самого Оржеховскаго, сильнымъ натискомъ приперевъ его къ стѣнѣ дома, межъ ставнями. Директоръ былъ безоруженъ: какой-то здоровенный фабричный, въ первую же минуту свалки, вышибъ у него изъ

руки револьверъ; другой — тотчасъ же отыскалъ этотъ револьверъ въ снѣгу, осторожно поднялъ его, и подавая старостѣ, сказалъ:

— На-кось, Семенъ Ларіонычъ, припрячь хорошенько эвту штуку: пускай набольшіе въ городѣ поглядятъ, какими онъ гостинцами намъ сулился...

Блѣдный, какъ полотно, съ безсильно стиснутыми зубами, Оржеховскій испуганно ждалъ неизвѣстной развязки этихъ бурныхъ сценъ.

— Худо вамъ... очень вамъ худо будетъ! говорилъ онъ, тяжело дыша.

— Ничего; сами въ дѣлѣ—сами, значитъ, и въ отвѣтѣ,—успокоилъ его высѣченный имъ „дѣдъ“.

— Чего коня-то мучишь напрасно? Слѣзай! замѣтилъ кто-то директору.

— Да что намъ, робяты, долго-то толковать съ нимъ? Давай, стащимъ его, коли добромъ не слѣзаетъ! обратился къ толпѣ мужъ Парасковьи Петровны.

Директоръ инстинктивно ухватился руками за ставень.

— Что вы хотите дѣлать со мной?!... въ ужасѣ закричалъ онъ, теряя послѣднее мужество, когда кучка рабочихъ протянула къ нему свои здоровенныя руки. — Дайте мнѣ только подводу, и я сейчасъ же уѣду... вотъ вамъ Богъ свидѣтель! указалъ Оржеховскій рукой на небо.

Но онъ нѣсколько поздно предложилъ эту полюбовную сдѣлку: въ толпѣ послышался сдержанный смѣхъ.

— Знамо, что уѣдешь, коли сами хочемъ тебя отправить; да только ты маленько рано каяться-то вздумалъ: надоть бы еще пострѣлять въ насъ,—съострилъ кто-то.

— Мы тѣ давече добромъ сказывали: уходи; не послушался,—тепереча пеняй на себя, коли поучимъ тебя маленечко. Слѣзавай, слышь! лукаво прищурившись, объявилъ директору одинъ изъ „дѣдовъ“.

— Слушайте, братцы! ухватился Оржеховскій за послѣднее средство:—никого я изъ васъ не выдамъ... все забуду; скажу въ

городѣ просто, что самъ не хочу здѣсь служить — надоѣло... что хотите, то и скажу, только пустите меня...

— Ишь! теперь такъ и „братцы“ стали,—саркастически замѣтилъ одинъ кудреватый парень, раза два высѣченный директоромъ;— теперь такъ онъ на насъ, собака, словно какъ на образа молится...

— А ты чего лаешься? важно и строго остановилъ его староста. — Ты говори дѣло, а не ругайся!

Парень сконфузился и стушевался.

— Слѣза-ай, господинъ дилехторъ! — супротивъ „міра“, все едино, ничего не подѣлаешь,—увѣщательно обратился Семенъ Ларіонычъ къ Оржеховскому.

Но тотъ не трогался съ мѣста, и еще крѣпче ухватился за ставень. Онъ, однакожъ, недолго удержался въ этомъ положеніи: небольшая кучка фабричныхъ снова протянула къ нему руки и, безъ особеннаго труда, стащила его съ лошади.

— Веди его тепереча, робяты, въ сборную; мы сейчасъ туды прибудемъ,—распорядился одинъ изъ „дѣдовъ“.

Директора взяли подъ руки и повели, несмотря на всѣ его просьбы и сопротивленія. Народъ, съ оглушительнымъ шумомъ, хлынулъ за нимъ, какъ одна бурная волна; бросившіеся, вслѣдъ за ней, ребятишки выказывали почему-то непомѣрную радость, толкая другъ-друга въ снѣгъ и заливаясь звонкимъ, беззаботнымъ смѣхомъ.

— Ну васъ! чего разбѣсились, черти? Ужо вамъ староста-то дастъ знать! унимали ихъ, оборачиваясь, пожилыя бабы.

Смотритель, верхомъ ускользнувшій въ суматохѣ общей свалки за „конвойную“ и притаившійся тамъ возлѣ забора, теперь кубаремъ скатился съ лошади, привязалъ ее за скобку калитки, и — ни живъ, ни мертвъ—пустился улепетывать домой по задворкамъ.

— Ишь ка-акъ!... Ишь ка-акъ жа-аритъ чиновникъ-отъ нашъ! добродушно смѣялись между собой замѣтившіе его побѣгъ фабричные, и не помышляя, разумѣется, пускаться въ погоню за этимъ зайцемъ, особливо теперь, когда настоящій звѣрь былъ пойманъ.

Пока толпа шумно подвигалась впередъ, Варгунинъ и Жилин-

скій, поровнявшись съ „дѣдами“, стали уговаривать ихъ — отпустить директора поскорѣе въ городъ, „безъ всякой расплаты“, какъ выразился Матвѣй Николаичъ. Немного погодя, къ нимъ присоединились Свѣтловъ и Христина Казиміровна; узнавъ, въ чемъ дѣло, они тоже, въ одинъ голосъ, совѣтовали „дѣдамъ“ принять этотъ добрый совѣтъ. Но „дѣды“ твердо стояли на своемъ.

— Поучимъ маленечко, тогды и отправимъ,—говорили они.

— Ну-съ, хорошо-съ. Да какъ вы его поучите? нетерпѣливо приставалъ къ нимъ Варгунинъ.

— А такъ и поучимъ: постегаемъ маленько,—сказалъ староста.

— Смотрите, батенька!—это вѣдь острогомъ пахнетъ... предупредилъ его Матвѣй Николаичъ.

— Самъ знаю, Матвѣй Миколаичъ, что не пряниками пахнетъ, да какъ же быть-то? „Міръ“, значитъ, такъ рѣшилъ, а намъ супротивъ „міра“ идти не почему нельзя...

Семенъ Ларіонычъ погладилъ бороду, заложилъ за спину руки, и задумчиво уставился въ землю.

— Въ острогъ, такъ въ острогъ! съ отчаянной рѣшимостью махнулъ онъ вдругъ рукой, и опять задумался.

— Какъ „міръ“ хочетъ, такъ тому и быть! единодушно поддержали его „дѣды“.

Варгунинъ не счель деликатнымъ настаивать долѣе на своемъ совѣтѣ; однако, Матвѣю Николаичу удалось какъ-то склонить выборныхъ—дать ему честное слово, что они накажутъ директора только слегка, для одного виду,—это была, съ ихъ стороны, хоть и небольшия, но все-таки уступка. Тѣмъ не менѣе, расходившаяся не на шутку толпа думала совсѣмъ иначе; оказалось, что ее не такъ легко уговорить, какъ „дѣдовъ“. Жилинскій и его гости, даже Христина Казиміровна, истощили все свое краснорѣчіе, чтобъ подѣйствовать на благоразуміе фабричныхъ, но тѣ и слышать не хотѣли о какикъ бы то ни было уступкахъ; напротивъ, эти жаркія увѣщанія, повидимому, еще больше подстрекнули мстительный инстинктъ нѣкоторыхъ горячихъ головъ.

— Чего съ нимъ по пусту-то валандаться! кричали въ толпѣ, окружавшей директора:—вали его, робяты, прямо въ пролубь! Это дѣло вѣрнѣе будетъ.

— Туда собакѣ и дорога! рѣздо подхватилъ кто-то.

И толпа, увлекаемая передней кучкой рабочихъ, сопровождавшей Оржеховскаго, ринулась было въ сторону фабричной плотины, гдѣ дѣйствительно находилась узкая прорубь, откуда обыкновенно брали воду.

При этомъ неожиданномъ движеніи народа, въ Свѣтловѣ внезапно проснулась вся его энергія. Александръ Васильичъ быстро отыскалъ глазами Варгунина, выразительно махнулъ ему бѣлымъ платкомъ, и въ одинъ мигъ забѣжалъ впередъ толпы.

— Стой на минуту, братцы! съ необычайной силой крикнулъ онъ разъяренной кучкѣ рабочихъ, тащившей Оржеховскаго, и остановилъ ее движеніемъ широко распростертыхъ рукъ. — Если вы только, безъ согласія выборныхъ, тронете директора хоть пальцемъ, — мы съ Матвѣемъ Николаичемъ первые бросимся въ прорубь. Такъ и знайте!

— Да! ужъ тогда не поминайте лихомъ... рѣшительно поддержалъ Свѣтлова догнавшій его Варгунинъ.

Толпа, на минуту, какъ-будто опѣшала; она, очевидно, была поражена такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла. Оржеховскій изумленно смотрѣлъ во всѣ глаза на своего нечаяннаго защитника въ полушубкѣ. Наступило угрюмое молчаніе.

— Какъ же тутъ тепереча быть, робяты? Сказывайте... надумался проговорить, наконецъ, одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ буйства, нерѣшительно обернувшись назадъ.

Но Варгунинъ не далъ ему дождаться отвѣта.

— Какъ знаете, такъ и дѣлайте, а мы отъ своего слова не отступимъ, — еще рѣшительнѣе сказалъ Матвѣй Николаичъ. — Пойдемте, батенька! торжественно обратился онъ къ Свѣтлову, подавая ему руку.

Они быстро отдѣлились отъ толпы, и твердо зашагали, рука-объ-руку, по направленію къ плотинѣ.

— Эй!.. Матвѣй Миколаичъ!... По-олно... Воротитеся!.. торопливо закричало имъ вслѣдъ нѣсколько взволнованныхъ голосовъ.

Варгунинъ остановился, слегка обернувшись.

— Въ сборную? спросилъ онъ строго и холодно.

— Въ сборную, въ сборную! загудѣла разомъ толпа, и въ одну минуту измѣнила направленіе, хлынувъ по первоначальному пути.

— Молодецъ вы, батенька! Какъ это вамъ пришло въ голову? шопотомъ говорилъ Матвѣй Николаичъ Свѣтлову, горячо пожимая ему руку и медленно поворачивая за толпой.—Безъ васъ — прощай директоръ!

— Врядъ ли бы дѣды допустили до этого? какъ бы вопросительно замѣтилъ Александръ Васильичъ.

— Да ужъ тамъ они хоть допускай, хоть нѣтъ — все равно. Э, батенька! вѣдь и дѣды не застрахованы, коли народъ захочетъ... пояснилъ Варгунинъ, и вдругъ задумался.

Толпа, между тѣмъ, все быстрѣе и быстрѣе подвигалась впередъ и, наконецъ, передніе ряды ея остановились противъ крыльца „сборной избы“. Туда немедленно вошли, сперва „дѣды“, а за ними—староста и нѣкоторыя другія, болѣе вліятельныя, фабричныя личности. Они совѣщались тамъ не больше десяти минутъ, но Оржеховскому эти десять минутъ показались длиннѣе цѣлыхъ сутокъ. Къ концу ожиданія развязки, ему даже сдѣлалось дурно, и онъ только тогда очнулся, когда его, по распоряженію вернувшагося изъ „сборной“ старосты, раздѣли и положили на скамью у воротъ. Толпа на мигъ заволновалась—и вдругъ замерла, притаила дыханіе...

На глазахъ всей этой многолюдной толпы, нарушая только своими отчаянными криками ея угрюмое молчаніе, директоръ былъ наказанъ двадцатью ударами розогъ...

На Оржеховскомъ, какъ говорится, лица не было, когда онъ всталъ съ роковой скамейки; густая краска стыда покрывала его

вспотѣвшія щеки, зубы были лихорадочно стиснуты, а руки, въ безсильной злобѣ, сжимались въ кулаки. Ни за что въ мірѣ не поднялъ бы онъ теперь глазъ на эту, обсчитанную имъ и такъ позорно наказавшую его, толпу! Она, дѣйствительно, и теперь стояла выше директора: ни во время наказанія, ни послѣ, Оржеховскій не услыхалъ отъ нея ни одной шутки, ни одной неприличной выходки, между тѣмъ какъ самъ онъ постоянно острилъ, наказывая другихъ. Толпа ограничилась тѣмъ, что молча проводила его обратно до дому.

Здѣсь, въ какіе нибудь два часа времени, все имущество директора, за исключеніемъ казенной мебели да извѣстнаго револьвера, было, подъ личнымъ надзоромъ старосты, осторожно запаковано фабричными въ тюки и сложено на три парныя подводы, заранѣе приготовленныя; впереди ихъ, стоялъ во дворѣ собственный возокъ Оржеховскаго, запряженный тройкой. Пока шли въ домѣ всѣ эти приготовленія къ отъѣзду директора, „дѣды“ потребовали отъ него, чтобъ онъ на каждую дверь, за которой хранилось какое-либо имущество казны, наложилъ воскомъ казенную и имянную печати. Оржеховскій, на этотъ разъ, повиновался, какъ ребенокъ; безучастно понуривъ свою, совсѣмъ сбитую съ толку, голову, онъ шелъ вездѣ, куда ему указывали выборные. Такимъ образомъ, сперва были опечатаны директорскій домъ и оба завода, а потомъ— все остальное. Когда и эти формальности кончились, староста распорядился, чтобъ на каждую изъ трехъ подводъ усѣлось по казаку, и послалъ сказать директору, что „задержки больше нѣту“.

— Лошади, смотри, даны вамъ казенныя,— громко обратился, взаключеніе, Семенъ Ларіонычъ къ уряднику, сидѣвшему уже на-облучкѣ возка:—чтобъ въ цѣлости, значитъ, были доставлены обратно, а не то—сами за нихъ и отвѣтите...

Староста вдругъ остановился, и понизивъ до шопота свой голосъ, сталъ торопливо говоритъ что-то уряднику, который, въ отвѣтъ, только кивалъ ему согласливо головой.

Наконецъ показался директоръ. Непримиримая злоба сверкала

въ его опущенныхъ глазахъ, когда онъ, не проронивъ ни слова, садился въ свой экипажъ. Толпа, также молча, но какъ-то внушительно смотрѣла на него нѣсколькими сотнями зоркихъ глазъ. Семенъ Ларіонычъ, степенно перекрестясь, взялъ подъ узцы тройку, осторожно вывелъ ее за ворота, и пробѣжалъ съ ней рядомъ нѣсколько шаговъ по улицѣ.

— Вали теперече съ Богомъ! крикнулъ онъ уряднику, пуская лошадей и отскочивъ въ сторону.

Тройка быстро помчалась.

— Счастливо оставаться! не оборачиваясь, успѣлъ закричать Оржеховскій толпѣ, своимъ рѣзкимъ, металическимъ голосомъ.

Глубокій сарказмъ, злоба и ненависть явственно дрожали въ этомъ послѣднемъ привѣтствіи директора.

Когда отъѣхала послѣдняя подвода, народъ нѣсколько минутъ оставался еще на мѣстѣ, молчаливо слѣдя за удалявшимися экипажами, и только потерявъ ихъ изъ виду, сталъ медленно, будто нехотя, расходиться. Опять образовались отдѣльныя группы; слышался споръ, шли толки. Какой-то фабричный парень отыскалъ во дворѣ директорскаго дома метлу, и торопливо, съ самымъ серьезнымъ видомъ, замелъ на снѣгу свѣжіе слѣды начальническаго отступленія.

Не смотря, однакожъ, на отсутствіе директора, Фабрика, всю остальную часть дня, вела себя самымъ приличнымъ образомъ, хотя и не принималась за работу. Вечеръ прошелъ также тихо: нигдѣ не затѣвалось вечерки, даже не видно было, противъ обыкновенія, ни одного пьянаго на улицахъ; напротивъ, все это время, на лицахъ рабочихъ лежала какая-то сосредоточенная озабоченность, крѣпкая, сдержанная дума. „Дѣды“ почти не выходили изъ „сборной“; староста Семенъ, вооружась своей сучковатой палкой, поминутно заглядывалъ то туда, то сюда, горячо толковалъ съ молодыми парнями и, видимо, предупреждалъ ихъ о чемъ-то. Самый ловкій изъ этихъ парней былъ командированъ, на собственной „сорви-голова лошадкѣ“ Семена Ларіоныча, верстъ за пять отъ

деревни—стеречь дорогу въ городъ; тройка такихъ же лихихъ лошадей стояла во дворѣ старосты, готовая пуститься въ путь по первому его приказу. Словомъ—по всему замѣтно было, что въ Фабрикѣ ждали чего-то необыкновеннаго.

Почти въ самую полночь, или много-что нѣсколькими минутами позднѣе, когда Жилинскіе, съ гостями, только-что встали изъ-за ужина, все еще толкуя о произшествіяхъ сегодняшняго утра,—въ столовую къ нимъ торопливо вошелъ староста Семенъ, весь красный и, очевидно, сильно встревоженный.

— Рота идетъ!.. версты за три отсюда... съ жандарскимъ... объявилъ онъ, едва переводя духъ.

Присутствующіе многозначительно переглянулись, но въ первую минуту никто не проронилъ ни слова.

— Такъ и есть! Такъ я и думалъ!—отозвался, наконецъ, Казиміръ Антонычъ, досадливо потеревъ рукой лобъ.

— Скорехонько собрались!—замѣтилъ саркастически Варгунинъ, и улыбнулся, но какъ-то тревожно.

— Тепереча вотъ какое дѣло, — сказалъ Семенъ Ларіонычъ, обращаясь къ Жилинскому и отирая съ лица потъ:—тутъ, у твоего крылечка, троечка стоитъ... лихая,—такъ надо вамъ всѣмъ айда отсюда поскорѣ... Времъ тепереча нельзя проволочить ни минуты... Собирайтесь!

— Я никогда ни отъ кого не бѣгалъ!—величаво проговорилъ Жилинскій,—и моя дочь тоже.

— Да и мы останемся,—твердо сказалъ Свѣтловъ, посмотрѣвъ на Варгунина.

— Разумѣется, батенька, останемся,—подтвердилъ Матвѣй Николаичъ.

Староста нетерпѣливо и какъ-то досадливо махнулъ лѣвой рукой.

— Да ты не артачься, Казиміръ Антонычъ, — опять обратился онъ къ Жилинскому:—я не о тебѣ хлопочу, а о своихъ... о своей шкурѣ... Ежели васъ, тепереча, здѣсь накроютъ—намъ же

хуже будетъ; скажутъ: не своимъ, значитъ, умомъ орудовали дѣло... Одни-то мы еще, такъ и сякъ, раздѣлаемся, а ужъ какъ съ вами-то застанутъ—пропадай голова! Ты, теперече, разсуди: у насъ ужъ это все уговорено между своими, какъ быть надо. Коли что пронюхаютъ,—скажемъ, что, молъ, къ тебѣ точно пріѣзжали гости и, значитъ, изъ любопытства, вы всѣ ходили смотрѣть, какъ наши у дилехторскаго дома выстаивали, а опосля, молъ, надо быть, испужались, что ихъ робяты наши изобидѣть могутъ, да и дали лыжи въ городъ... Понимаешь? Ужъ эту мы механику начисто подведемъ... А коли вы, теперече, останетесь тутъ—значитъ, молъ, не боялись, снюхались съ фабришными... Я тебѣ, ей-Богу, дѣло говорю!

Жилинскій стоялъ въ нерѣшимости.

— Да такъ ли это полно, Семенъ Ларіонычъ?—спросилъ онъ нѣсколько подозрительно.

— Да ужъ такъ... Я тебѣ говорю: уѣзжайте!—убѣдительно продолжалъ упрашивать староста.—Теперече... и намъ нельзя тоже остаться безъ руки въ городѣ: ваши-то золотыя головы намъ еще тамъ не разъ пригодятся... А на счетъ имущества — ты не хлопочи: все будетъ цѣло, какъ есть... за все буду самъ въ отвѣтѣ. Ты вѣдь меня знаешь не первый годъ: у меня тоже въ мошнѣ-то, поди, лежитъ чего-нибудь...

— Если ты, Семенъ Ларіонычъ, дѣйствительно говоришь правду, если точно ваша польза требуетъ, чтобъ мы всѣ уѣхали отсюда,—тогда, разумѣется, нечего и толковать, я готовъ!—согласился Жилинскій.

Онъ высказалъ это согласіе такъ же величаво, какъ и свой отказъ передъ тѣмъ.

— Да ужъ вѣрно слово я тебѣ говорю, что такъ!—еще разъ подтвердилъ староста, самымъ убѣдительнымъ тономъ,—только, Христа ради, не мѣшкай ты... А ужъ мы тамъ дадимъ вамъ вѣсточку въ городъ, черезъ своего кульера... хорошо знаемъ эти порядки...

Послѣ минутнаго совѣщанія, рѣшено было ѣхать всѣмъ вмѣстѣ. Въ домѣ, впрочемъ, не поднялось, послѣ этого, никакой особенной суматохи. Жилинскій поропливо обошелъ всѣ комнаты, вездѣ заглянулъ зоркимъ хозяйскимъ взглядомъ, заперъ комоды, конторку и шкафъ съ серебромъ, захватилъ изъ кабинета шкатулку съ деньгами, какія-то бумаги, отдалъ нѣсколько распоряженій старому слугѣ, безгранично къ нему привязанному и даже добровольно уѣхавшему за нимъ въ ссылку,—и совсѣмъ былъ готовъ въ путь. Христина Казиміровна не уступила, въ этомъ отношеніи, отцу; она собралась еще скорѣе. Что же касается Свѣтлова и Варгунина, то имъ и сбираться было нечего—стоило только накинуть шубы. Семенъ Ларіонычъ потому именно и торопилъ Казиміра Антоныча, что ужъ никакъ не ожидалъ такихъ короткихъ сборовъ. Словомъ сказать—не прошло и полчаса, какъ всѣ были уже на крыльцѣ. Тамъ ихъ поджидала, дѣйствительно, лихая тройка, оаложенная въ тѣ самыя, широкія пошевни, на которыхъ староста ztвезъ съ вечерки дорогихъ гостей; на козлахъ молодцовато сидѣлъ знакомый уже намъ мужъ Парасковьи Петровны.

— Ну, Лександръ Васильичъ, благодаримъ тебя покорно: вѣдь *ты* нашихъ-то выручилъ; а то во какой бы мы бѣды нажили—смертоубивство вѣдь!—говорилъ староста, усаживая Свѣтлова послѣднимъ.

— Не за что, Семенъ Ларіонычъ... взволнованно отозвался Александръ Васильичъ, горячо пожавъ его мозолистую руку.

— Ну да ладно, свидимся еще, Богъ дастъ... Всѣхъ васъ благодаримъ покорно! Христина Каземіровна, потеплѣ, матушка, закутайтесь... вишь, вѣдь—стужа нонѣ. Ты, Петроваша, мотри!—лѣскомъ ужо объѣзжай, да ухо-то вострѣ держи... Ну... до пріятнаго повиданія! Вали, парень съ Богомъ!—напутствовалъ староста отъѣзжавшихъ друзей.

Тройка быстро помчалась. Объѣхавъ по задамъ Фабрику, она круто повернула въ лѣсъ и стала искусно нырять между кочекъ и сугробовъ. Среди этихъ снѣжныхъ волнъ, Петрованъ оказался на-

стоящимъ опытнымъ и закаленнымъ морякомъ. Передъ тѣмъ, какъ надо было своротить на торную дорогу, онъ вдругъ нырнулъ съ тройкой въ какой-то глубокій ухабъ, задержалъ лошадей и притаился. Варгунинъ осторожно выглянулъ на дорогу.

— Видите, батенька?—сказалъ онъ шопотомъ Свѣтлову, указавъ на темную, продолговатую массу, которая медленно подвигалась, въ полверстѣ отъ нихъ, по направленію къ Фабрикѣ.

— Да, вижу,—также тихо отвѣтилъ Александръ Васильичъ, разглядѣвъ впереди этой темной массы слегка отдѣлившагося отъ нея всадника.

Черезъ минуту, они явственно услышали, сперва глухой топотъ конскихъ копытъ, а потомъ—мѣрные и тяжелые человѣческіе шаги. Это рота переходила мостикъ на Ельцѣ.

Переждавъ еще минутъ десять, Петрованъ осторожно выѣхалъ на большую дорогу, молодцовато прибралъ возжи,—и тройка полетѣла во всѣхъ духъ, обдавая всѣхъ снѣжной пылью. Жилинскій и Варгунинъ молча завернулись отъ нея въ шубы. Свѣтлову было жутко, но хорошо: быстрая ѣзда и теперь соотвѣтствовала вихрю мыслей, проносившихся у него въ головѣ; даже эта снѣжная пыль, точно кончиками булавокъ коловшая ему лицо, подходила подъ возбужденное состояніе молодого человѣка: его, внутри, тоже будто покалывало что-то. Христина Казиміровна зябла, куталась въ жубку и нѣжно жалась къ нему. Вышедшая изъ-за облаковъ, блѣдная луна и теперь также томно свѣтила имъ опять, какъ и въ ночь ихъ роковой прогулки вдвоемъ за четыре версты отъ Фабрики...

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

СВѢТЛОВЪ.

Ромулевскій.

СВѢТЛОВЪ,

ЕГО ВЗГЛЯДЫ, ХАРАКТЕРЪ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

(Шагъ за шагомъ).

РОМАНЪ

Часть третья.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1871.
Типографія А. Моригеровскаго, Троицкій переулокъ, № 13.

ГЛАВА I.

Обѣдъ въ благородномъ собраніи.

Бури очень рѣдко застигаютъ людей не врасплохъ. Все равно, физическія или нравственныя—онѣ налетаютъ, обыкновенно, либо внезапно, либо совсѣмъ не съ той стороны, откуда ихъ ждутъ. Оно и понятно: человѣку почти нѣтъ никакой возможности и одмѣтить всѣ тѣ мельчайшія условія, совокупность которыхъ способна въ одну минуту покрыть все небо грозовыми тучами и заставить ихъ либо пронестись дальше, либо разразиться на мѣстѣ. Знай человѣкъ эти условія—и тучи, быть можетъ, мирно прошли бы мимо, надъ самой его головой...

На горизонтѣ дѣятельности Свѣтлова тоже поднимались и росли недружелюбныя облака, грозившія, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, совокупиться въ настоящую бурную тучу и обдать нежданнымъ холодомъ его молодую, воспріимчивую натуру. И въ настоящемъ случаѣ, опасность шла не оттуда, откуда прежде всего могъ ожидать ее Александръ Васильичъ, хотя онъ однажды и предсказалъ себѣ эту опасность: „ржавый гвоздь“, дѣйствительно „вошелъ туда, гдѣ ему вовсе не слѣдовало быть“. Авторъ съ глубокой скорбью останавливается на этомъ роковомъ обстоятельствѣ. Онъ радъ бы обойти его, всѣми силами души желалъ бы, чтобъ ничего подобнаго не существовало; но... развѣ вправѣ ав-

торъ рисовать читателю одни только смутные либо яркіе образы своей расходившейся фантазіи, а не то, что происходитъ вокругъ него, въ ежедневной дѣйствительсти? Развѣ подобная фальшь не выдастъ себя каждымъ словомъ въ каждой строкѣ? А дѣйствительность на всякомъ шагу подсовываетъ намъ „ржавыя гвозди“. Да! пусть многіе говорятъ, что у насъ, на Руси, всякое серьезное дѣло носитъ какъ будто въ самомъ себѣ зародышъ фатальной невозможности своего осуществленія; пусть увѣряютъ они, что единственно отъ недостатка дѣятелей и энергіи зависитъ неуспѣхъ его, — мы, однакожъ, не можемъ согласиться вполнѣ съ такими взглядами. Мы знаемъ, что въ дѣйствительности—подобное дѣло чаще всего парализуется, въ самомъ началѣ какой-нибудь жалкой случайностью либо невѣжественной личностью,—этими, въ сущности ничтожными, кирпичами, которые, тѣмъ не менѣе, упавъ внезапно съ карниза, могутъ убить сосредоточенно идущаго мимо, къ своей цѣли, работника. Иногда, одно неосторожно затронутое, мелочное самолюбіе способно проявить себя у насъ такими вещами, что отъ нихъ не покраснѣли бы развѣ только стѣны...

На дорогѣ Александра Васильича, полковница Рябкова и явилась именно однимъ изъ подобныхъ „ржавыхъ гвоздей“ или кирпичей: со дня извѣстнаго разговора ея съ молодымъ человѣкомъ, она просто возненавидѣла его. Впрочемъ, въ этомъ разговорѣ ее обидѣло собственно не то, чѣмъ могла бы, по праву, оскорбиться всякая порядочная женщина; напротивъ, полковницу больше всего задѣло за живое холодное пренебреженіе, съ какимъ отдѣлался Свѣтловъ отъ ея весьма недвусмысленныхъ намековъ. Такого пренебреженія она не могла простить никому. Рябкова, по природѣ, была далеко не глупая и не злая женщина; но, какъ и большинство нашихъ праздныхъ и обезпеченныхъ барынь, она представляла собой нѣкоторый букетъ испорченности: институтъ выработалъ изъ нея умственнаго и нравственнаго урода, свѣтскія гостиныя— опасную интригантку, а видное положеніе въ провинціяльномъ обществѣ давало ей полную возможность скрывать отъ него и то, и

другое. Убѣжденій полковница не имѣла никакихъ, или, лучше сказать, у ней было одно, преобладающее убѣжденіе: „я, madame Рябкова — первая дама въ губерніи, и потому... все остальное должно мнѣ покоряться“. Въ отношеніи Свѣтлова, несоприкасавшагося непосредственно съ ея кругомъ, она задумала повести интригу весьма тонко, и мы изъ этой же главы увидимъ, какіе первоначальные результаты вытекли отсюда.

Какъ-разъ въ тотъ самый день, когда Ельцинская фабрика такъ настойчиво выпроваживала въ городъ своего директора, — въ Ушаковскѣ, въ такъ называемомъ благородномъ собраніи, назначенъ былъ, по подпискѣ, обѣдъ въ честь представителя мѣстной власти: онъ только за двое сутокъ передъ тѣмъ вернулся изъ своей продолжительной поѣздки по краю. Съ того времени, Рябкова не видѣлась еще съ генераломъ, порядочно уставшимъ съ дороги, и потому съ нетерпѣніемъ ждала обѣда. Представитель мѣстной власти хотя и явился въ благородное собраніе ровно въ пять часовъ, но всѣ сразу замѣтили, что онъ былъ сильно не въ духѣ: петербургская почта привезла ему въ тотъ день раздражающія новости. Съ принужденной улыбкой раскланявшись въ залѣ съ присутствующими и зорко оглянувъ ихъ, генералъ прямо прошелъ въ гостиную. Рябкова—первая встала ему на встрѣчу. Онъ особенно привѣтливо поздоровался съ ней, но, противъ обыкновенія, не разсыпался въ любезностяхъ передъ остальными дамами, а только сказалъ каждой изъ нихъ по нѣсколько вѣжливыхъ словъ, и снова обратился къ полковницѣ.

— Пройдемтесь... предложилъ генералъ, подавая ей руку.

Они отдѣлились отъ группы дамъ, и пошли вдвоемъ вдоль гостиной.

— Ахъ, генералъ, какъ я рада, что вижу васъ опять!.. Но это, право, жестоко съ вашей стороны—покидать насъ на такое долгое время всегда... говорила, кокетничая, Рябкова.

— Ужь будто бы вы соскучились? прищурился генералъ.

— Вотъ милый вопросъ! разсмѣялась она.

— Надѣюсь, Marie, вы пьете со мной чай сегодня послѣ обѣда? ласкательно спросилъ старикъ, понизивъ голосъ.

— Oui, je serai bien charmée, mon général... si vous voulez me faire l'honneur de me conduire à votre maison... проговорила Рябкова, нарочно такъ громко, что слова ея долетѣли до слуха остальныхъ дамъ.

Въ порывѣ тщеславной мысли, она забыла, что ея спутникъ не жаловалъ иностранныхъ діалектовъ.

— Непремѣнно-съ. Но оставимъ французскій языкъ: вы и по-русски такая опасная собесѣдница... сказалъ генералъ, любезно позолотивъ пилюлю.

— Ah, pardon!.. я все забываю... поправилась полковница, какъ говорится, изъ кулька въ рогожку.

Представитель мѣстной власти слегка нахмурился.

— Впрочемъ замѣтилъ онъ,—съ тонкой ироніей въ голосѣ,— не забудьте, что въ вашемъ присутствіи я всегда подчиненное лицо. Разскажите же мнѣ, что новаго въ городѣ? Вы знаете, что хотя я офиціально и сдаю свою должность всякій разъ, какъ уѣзжаю, но... мысленно... я считаю, что безъ меня управляете *вы*...

— Въ такомъ случаѣ, я весьма плохая правительница, генералъ,—вкрадчиво сказала Рябкова: — въ вашихъ владѣніяхъ появилось нѣчто зловредное...

— Напримѣръ? улыбнулся старикъ.

— Вы знаете Свѣтловыхъ, гдѣ я квартировала? Ахъ, я и забыла васъ предупредить, что мы теперь уже на другой квартирѣ...

— Тамъ всегда было очень сыро, но это еще не такъ зловредно, Marie, нетерпѣливо пошутилъ генералъ.

— Я, можетъ быть, задерживаю ваше превосходительство? громко спросила полковница, нѣсколько обиженная его шуткой, и сдѣлала движеніе, какъ будто желая освободить свою руку.

Въ эту минуту они вступали въ залу, гдѣ имъ попался на встрѣчу одинъ изъ распорядителей обѣда.

— Полагаю, мы сядемъ за столъ не раньше, какъ черезъ четверть часа? вѣжливо обратился къ нему генералъ.

Старшина собранія молча поклонился.

— Въ такомъ случаѣ, напротивъ, напротивъ: я весь вниманіе,—громко и съ улыбкой поспѣшилъ сказать Рябковой представитель мѣстной власти.—Повернемте... прибавилъ онъ тише.

Они вернулись въ гостиную.

— Да, генералъ, могу увѣрить васъ, что въ городѣ есть кое-что похуже сырыхъ квартиръ,—продолжала полковница прерванный разговоръ.—У этихъ Свѣтловыхъ пріѣхалъ сынъ... молодой человѣкъ, университетскій...

— Я ужъ что-то слышалъ объ этомъ,—опять нетерпѣливо перебилъ ее старикъ:—школу, кажется, онъ открылъ здѣсь?

— О, конечно! надо же имъ гдѣ нибудь проповѣдывать свои мальчишескія ученія... ядовито замѣтила Рябкова.—Впрочемъ, тутъ очень много теперь подобныхъ проповѣдниковъ: появились, напримѣръ, безплатные доктора... для мужиковъ. Я не знаю, какъ они тамъ лечатъ, но говорятъ очень краснорѣчиво, — я сама вчера слышала, вотъ именно въ той школѣ. Этотъ Свѣтловъ, между прочимъ, очень друженъ съ Варгунинымъ... знаете? Еще не дальше, какъ третьяго дня, они уѣхали вмѣстѣ въ Ельцинскую фабрику... къ Жилинскому: mademoiselle Христина, кажется, невѣста Свѣтлова. Вообще, генералъ, мнѣ удалось нечаянно напасть на премилыя вещи... съ нѣкоторымъ торжествомъ заключила полковница, и стала что-то шептать на ухо своему кавалеру, такъ тихо, что только онъ одинъ и могъ все разслышать.

— А! это другое дѣло... какъ-то сурово сказалъ генералъ, терпѣливо выслушавъ ее до конца и сильно нахмурившись. — Въ слѣдующій отъѣздъ, я непремѣнно сдамъ мою должность вамъ: вы—настоящая правая рука у меня,—прибавилъ онъ значительно мягче.—Но откуда же вы, наконецъ, все это узнали, Marie?

Рябкова съ такимъ напряженнымъ тактомъ вела до сихъ поръ свою рѣчь, что на дальнѣйшую — у нея не хватило его.

— Я случайно узнала всѣ эти подробности отъ доктора Любимова, который очень хорошо знаетъ Свѣтлова, наивно отвѣтила она.

— Люби-мо-ва? медленно, слогъ за слогомъ, повторилъ генералъ, какъ будто заучивая наизусть эту фамилію.—Однако, насъ, кажется, ждутъ... прибавилъ онъ, помолчавъ, и повернулъ въ залу.

Обѣдъ начался, какъ водится, съ довольно громкаго говора во главѣ стола и почтительнаго полушопота на послѣднихъ мѣстахъ. Дамы, въ небольшомъ числѣ, сидѣли между самыми почетными гостями; Рябкова—рядомъ съ генераломъ. За третьимъ блюдомъ начались обычные тосты и рѣчи, содержаніе которыхъ главнымъ образомъ заключалось въ томъ, что, дескать, „такого начальника и благодѣтеля, какъ ваше превосходительство, поискать-стать". Послѣ второго бокала, представитель мѣстной власти нѣсколько развеселился, и обѣдъ обѣщалъ пройти недурно, какъ вдругъ полиціймейстеръ былъ вызванъ зачѣмъ-то изъ-за стола однимъ изъ распорядителей, хлопотавшимъ до того времени у буфета. Гости недоумчиво переглянулись.

— Вѣроятно, пожаръ гдѣ нибудь,—громко, на весь столъ, сказалъ генералъ.

Въ эту минуту вернулся полиціймейстеръ. Весь красный и, очевидно, чѣмъ-то смущенный, онъ торопливо подошелъ къ главному начальнику, наклонился къ самому его уху и шопотомъ доложилъ о чемъ-то.

— Что же? что же именно? вполголоса доспрашивался генералъ.—Извините меня, господа, я на минуту долженъ васъ оставить... обратился онъ вдругъ къ присутствующимъ, и, сильно нахмуренный, озабоченно вышелъ изъ-за стола.

Полиціймейстеръ почтительно проводилъ его въ билліардную, гдѣ ихъ ожидалъ, ни больше, ни меньше, какъ... Оржеховскій. Директоръ былъ до такой степени смущенъ въ первую минуту встрѣчи съ генераломъ, что даже забылъ поклониться: до пріѣзда въ городъ не зная о возвращеніи главнаго начальника, онъ никакъ не ожидалъ, что дѣло придется имѣть съ нимъ, а послѣд-

ній: шутить не любилъ и считался грозой края, несмотря на свою любезность и обходительность.

— Что вамъ угодно? холодно и нахмурившись, какъ туча, спросилъ генералъ у директора.

Оржеховскій растерянно оправилъ гражданскій мундиръ на себѣ, и довольно безсвязно, то и дѣло запинаясь, но торопливо, передалъ начальнику фабричное происшествіе. Директоръ, впрочемъ, ни слова не сказалъ прямо о постигшемъ его позорномъ наказаніи, а обошелъ этотъ фактъ словами: „Мнѣ, ваше превосходительство, угрожали... и... было даже покушеніе... на мою жизнь...“

— Но какъ-же вы осмѣлились... оставить въ такомъ положеніи Фабрику... безъ моего разрѣшенія? строго перебилъ его генералъ, значительно возвысивъ голосъ.

— Въ противномъ случаѣ, ваше превосходительство, я былъ бы убитъ, а казенное имущество... разграблено... слабымъ голосомъ пояснилъ директоръ.

— Это не оправданіе! рѣзко обрѣзалъ его начальникъ: — оно еще больше можетъ быть разграблено теперь, въ ваше самовольное отсутствіе. Вы могли немедленно послать сюда курьера.

— Ваше превосходительство... я уже вамъ докладывалъ, что казаки... всѣ... были захвачены... попытался еще разъ оправдаться Оржеховскій.

Но генералъ не хотѣлъ уже и слушать его больше.

— Хорошо-съ. Я и безъ васъ доберусь до истины... Потрудитесь теперь отправиться ко мнѣ: черезъ четверть часа я къ вашимъ услугамъ,—сказалъ онъ только, съ убійственно-холодной вѣжливостью, и вернулся въ залу.

Войдя туда, старикъ прежде всего обратился къ жандармскому полковнику, вызвалъ его въ сторону, и долго говорилъ съ нимъ о чемъ-то, дѣлая по временамъ нетерпѣливые жесты рукою. Минутъ черезъ десять, генералъ потребовалъ себѣ бокалъ шампанскаго, и, обратясь къ присутствующимъ, сказалъ съ принужденной улыбкой:

— Позвольте еще разъ благодарить васъ, господа, за честь, которую вы оказали мнѣ настоящимъ обѣдомъ. Къ сожалѣнію, я не могу присутствовать на немъ до конца: одно очень *важное* обстоятельство требуетъ моего немедленнаго присутствія дома. Надѣюсь, однако, это не помѣшаетъ вамъ допировать и безъ меня,— по крайней мѣрѣ, *я* желалъ бы этого. Ваше здоровье, господа!

Генералъ залпомъ выпилъ бокалъ. Гости шумно и единодушно поддержали этотъ неожиданный тостъ. Кто-то изъ почетныхъ купцовъ, въ излишнемъ заявленіи своихъ чувствъ, даже крикнулъ безтактно „ура“, не разобравъ хорошенько, что вѣдь пьютъ-то теперь за его же собственное здоровье, а не за генеральское; но это нисколько не повредило дѣлу, заставивъ только улыбнуться многихъ, въ томъ числѣ и самого начальника. Онъ, впрочемъ, сейчасъ же послѣ тоста, прямо подошелъ къ Рябковой.

— Извините!.. Но я все-таки не могу отказать себѣ, Марья Николаевна, въ удовольствіи видѣть васъ сегодня у себя за чаемъ... громко сказалъ генералъ, желая, вѣроятно, смягчить въ глазахъ прочихъ дамъ впечатлѣніе ея давешней французской выходки, и потомъ, прощаясь, онъ уже тихо прибавилъ:—попозже...

Любезно раскланявшись съ остальными гостями, представитель мѣстной власти немедленно оставилъ залу, сопровождаемый до подъѣзда распорядителями обѣда, полиціймейстеромъ, своимъ адъютантомъ и жандармскимъ полковникомъ. Здѣсь, онъ предложилъ къ услугамъ послѣдняго свой собственный экипажъ, а полиціймейстеру и адъютанту отдалъ распоряженіе ѣхать слѣдомъ за ними. Дорогой, между оживленнымъ разговоромъ о происшествіи въ Фабрикѣ, въ головѣ генерала какъ-то вдругъ сопоставился разсказъ Оржеховскаго съ повѣствованіемъ Рябковой объ отъѣздѣ туда Варгунина и Свѣтлова. Это внезапное сопоставленіе неотвязно торчало въ умѣ его превосходительства вплоть до самаго дому, и наконецъ, почти уже подъѣзжая къ нему, генералъ быстро остановилъ своего кучера и поманилъ къ себѣ рукой ни на шагъ не отстававшаго отъ нихъ полиціймейстера.

— Распорядитесь, пожалуйста, пригласить ко мнѣ, сейчасъ же доктора Любимова... гдѣ бы его ни нашли: формы не требуется, — отдалъ ему приказаніе начальникъ, когда тотъ подскочилъ къ его экипажу.— И въ Петербургѣ, и здѣсь... знаменательные признаки, не правда ли? обратился старикъ къ жандармскому полковнику, выходя изъ коляски у своего подъѣзда.

— Н—да... процѣдилъ, сквозь густые усы, полковникъ.

Представитель мѣстной власти прошелъ съ нимъ прямо въ кабинетъ, куда, черезъ нѣсколько минутъ, приглашенъ былъ и Оржеховскій, трусливо ожидавшій въ пріемномъ покоѣ дальнѣйшихъ распоряженій. Директору пришлось снова повторить теперь, уже подробно и обстоятельно, фабричную исторію. Онъ, однакожъ, и на тотъ разъ ни слова не сказалъ о розгахъ: ему легче было провалиться сквозь землю, быть сто разъ подъ судомъ — словомъ, встать въ какое угодно положеніе, лишь бы не признаваться самому самолично въ подобномъ позорѣ. Тѣмъ не менѣе, Оржеховскій не устыдился и тутъ сподличать: сообщивъ о видѣнныхъ имъ, въ фабричной толпѣ, Жилинскомъ и Варгунинѣ, онъ указалъ еще и на третіе, неизвѣстное ему, лицо, хотя и сознавалъ очень хорошо, что, можетъ быть, именно этому третьему лицу былъ обязанъ жизнью; мало того, директоръ прибавилъ даже, что оно дѣйствовало особенно энергично, но въ какомъ смыслѣ — не разъяснилъ ни полсловомъ.

— Я назначу самое строгое слѣдствіе по этому дѣлу,—сказалъ генералъ, выслушавъ его терпѣливо до конца;—но прошу не прогнѣваться, если оно раскроетъ нѣчто такое, о чемъ вы не находите нужнымъ сообщать намъ... Я не понимаю, не могу представить себѣ,—продолжалъ онъ съ жаромъ и отдѣляя каждое слово,—чтобъ цѣлое село, ни съ того,—ни съ сего, заварило подобную катавасію... Воровали вы тамъ, что ли? Говорите! вышелъ изъ себя старикъ.

— Но... ваше превосходительство... позвольте вамъ доложить, что я... что я... самъ ношу... чинъ... полк... вспыхнулъ Оржеховскій.

— Пожалуйста, небудемъ считаться чинами,—рѣзко остановилъ его генералъ. — А! вы не хотите быть откровеннымъ со мною... Хорошо-съ. Я могъ бы замять это дѣло, я могъ бы дать вамъ возможность выпутаться изъ него сколько нибудь прилично, безъ скандала для моего управленія; но теперь... Онъ развелъ руки и пожалъ плечами, — извините!

Директоръ въ эту минуту былъ блѣденъ не меньше, чѣмъ тогда, когда его тащили къ проруби. Онъ зналъ, въ какой сильной степени преслѣдуетъ глава Ушаковска всякое казнокрадство, и все-таки раздумывалъ, кажется:ужъ не ляпнуть ли ему лучше всю правду?

— Вы поѣдете сейчасъ съ г. полковникомъ въ Фабрику, чтобъ сдать ее, кому я назначу, и потомъ немедленно вернетесь сюда,— холодно обратился къ нему генералъ.—Приготовьтесь. Я не имѣю больше надобности въ васъ.

— Но... ваше пре... началъ-было нерѣшительно директоръ, дѣлая шагъ впередъ.

— Мы уже сказали другъ другу все, что было нужно,—еще холоднѣе прервалъ его старикъ. — Я васъ не удерживаю.

Оржеховскій поклонился и вышелъ, замѣтно ошеломленный послѣднимъ тономъ начальника.

— Позвольте мнѣ надѣяться, полковникъ, что вы не придаете особеннаго значенія росказнямъ этого, очевидно, растерявшагося господина? почти дружески обратился генералъ къ жандармскому офицеру. — Вы знаете, какъ я смотрю на подобныя столкновенія: вѣдь здѣсь, очевидно, главную роль играетъ невѣжество, непониманіе... наконецъ, что хотите, но отнюдь же не... не упорная злонамѣренность. Да! я надѣюсь, что мы не разойдемся въ этомъ случаѣ...

Полковникъ поклонился.

— Ваше превосходительство можете быть увѣрены, что я не допущу дѣла ни до какихъ крутыхъ мѣръ,—сказалъ онъ, вставая.

— Ну да, ну да... подтвердилъ старикъ,—я въ этомъ увѣренъ!

Генералъ сдѣлалъ нѣсколько распоряженій, торопливо подписалъ какія-то бумаги, вручилъ одну изъ нихъ полковнику, и дружелюбно прощаясь съ нимъ, раза два еще повторилъ:

— Я вполнѣ увѣренъ!

Затѣмъ, оставшись одинъ, онъ молча всталъ отъ писменнаго стола, и съ полчаса, по крайней мѣрѣ, ходилъ вдоль кабинета широкими шагами, причесывая, отъ времени до времени, правой рукой свои, сильно посѣдѣвшіе, волосы.

— Г. докторъ Любимовъ и г. полиціймейстеръ! доложилъ ему вошедшій адъютантъ.

— Просите сюда доктора,—встрепенувшись, распорядился генералъ.—*Только* доктора! повторилъ онъ вразумительно.

Черезъ минуту, Евгеній Петровичъ стоялъ уже передъ нимъ, въ обыкновенномъ военно-докторскомъ вицмундирѣ. Любимовъ былъ чуть-чуть навеселѣ: полицеймейстеръ нашелъ доктора за биллiардомъ и шампанскимъ, въ какой-то гостиницѣ.

— Господинъ Любимовъ? встрѣтилъ его старикъ довольно привѣтливо.

— Точно такъ.

— Не угодно ли вамъ? сказалъ генералъ, рукой указавъ доктору кресло и самъ садясь на другое.

Евгеній Петровичъ поклонился и сѣлъ очень развязно.

— Я долженъ предупредить васъ, молодой человѣкъ, что я, прежде всего, люблю откровенность... полную откровенность,—замѣтилъ его превосходительство, неторопливо скрестивъ на груди руки и вытянувъ немного впередъ ноги.

— Я тоже, изволите видѣть,—снова поклонился докторъ.

— Ну вотъ и прекрасно! ласково сказалъ генералъ, которому замѣтно понравился непринужденный видъ Евгенія Петровича.— Мы поговоримъ дружески. Не стѣсняйтесь, пожалуйста, что я въ полной парадной формѣ, а вы въ вицмундирѣ,—бойко прибавилъ онъ, замѣтивъ, что Любимовъ пристально смотритъ на его звѣзду:—

я сейчасъ только съ обѣда и не успѣлъ еще переодѣться. Вы знаете... Свѣтлова?

— Ваше превосходительство, старика или молодого?

— Молодого... который здѣсь школу открылъ.

— Знаю, ваше превосходительство; это, изволите видѣть, мой бывшій товарищъ по гимназіи,—отозвался докторъ.

— Вы... хорошо его знаете? спросилъ генералъ, и сталъ чистить ноготь объ ноготь.—Что это за господинъ, скажите?

— Свѣтловъ совершенно порядочный человѣкъ, ваше превос...

— Нѣтъ-съ, не то,—быстро перебилъ генералъ Любимова, сдѣлавъ нетерпѣливое движеніе;—мнѣ не это нужно. Я бы желалъ, чтобъ вы, на этотъ счетъ, были такъ-же откровенны со мной, какъ были откровенны съ madame Рябковой... прибавилъ онъ, пытливо и зорко прищурившись на доктора.

Евгеній Петровичъ вспыхнулъ, какъ порохъ; по негодующему выраженію его лица не трудно было догадаться, что онъ глубоко возмущенъ чѣмъ-то, безъ особенной видимой причины. Любимовъ не вдругъ отвѣтилъ на слова старика.

— Я не способенъ быть настолько откровеннымъ съ вашимъ превосходительствомъ... потому, что уже по одной одинаковости нашего пола не могу стоять въ такихъ близкихъ отношеніяхъ къ вашему превосходительству, какъ стою къ madame Рябковой... сказалъ онъ наконецъ, очевидно, хорошо обдумавъ предварительно свою фразу.

Теперь, при этомъ неожиданномъ отвѣтѣ, лицо начальника, въ свою очередь, запылало краской негодованія. Онъ быстро поднялся съ мѣста.

— Ка-акъ! вскричалъ генералъ, очевидно, не помня себя отъ волненія и вперивъ въ Любимова уничтожающій взглядъ,—вы-ы... въ ваши годы... осмѣливаетесь говорить мнѣ въ глаза подобныя вещи?! Во-первыхъ, это клевета! Во-вторыхъ, еслибъ это даже была и правда, то какъ-же у васъ достаетъ стыда въ лицѣ выдавать такимъ образомъ близкую вамъ женщину?.. Я краснѣю за васъ, молодой человѣкъ... Стыдитесь!!

— На этотъ разъ, ваше превосходительство, дѣло идетъ уже не о женщинѣ, а просто о доносчикѣ, изволите видѣть... смѣло замѣтилъ Евгеній Петровичъ, угадавъ порядочность генерала.

— Можетъ быть-съ, можетъ быть-съ... нѣсколько растерянно повторилъ генералъ, и опять заходилъ большими шагами по кабинету.—Счастье ваше, что мы — одни!... сказалъ онъ, наконецъ, близко подходя къ доктору и грозя ему пальцемъ.—Подите вонъ! крикнулъ старикъ.

Любимовъ не заставилъ его повторить этого приказанія. За дверями кабинета, Евгеній Петровичъ встрѣтился съ адъютантомъ, и слышалъ, какъ послѣдній, войдя туда, доложилъ:

— Марья Николаевна...

— Не принимать!.. ни сегодня, ни впредь! звонко донесся оттуда рѣзкій и грозный голосъ генерала.

— Марья Николаевна! повторилъ адъютантъ громче, думая, вѣроятно, что генералъ ослышался.

— Я не намѣренъ повторять дважды одного и того же! еще рѣзче и грознѣе раздался голосъ старика.

Адъютантъ быстро вышелъ изъ кабинета. Проходя по залѣ, Любимовъ видѣлъ, какъ онъ, чрезвычайно сконфуженный, подошелъ къ разодѣтой Рябковой, съ улыбкой ожидавшей самаго радушнаго пріема. Евгеній Петровичъ насмѣшливо поклонился ей издали, и молча прошелъ мимо.

„Вотъ гдѣ настоящая потѣха-то!“ думалось ему.

Минуты три спустя, полковница возвращалась домой, пристыженная и взбѣшенная до послѣдней степени. Она въ клочки истеребила, дорогой, свои яркія палевыя перчатки...

ГЛАВА II.

Свѣтловъ передъ лицомъ власти.

Около трехъ съ половиною часовъ утра, лихая тройка старосты Семена, мчавшая нашихъ друзей по-курьерски, была остановлена сильной рукой Петрована передъ опущеннымъ шлагбаумомъ городской заставы. Почти въ ту же минуту, изъ сторожевой будки вышелъ полицейскій офицеръ, въ сопровожденіи караульнаго.

Офицеръ прямо подошелъ къ проѣзжающимъ.

— Позвольте узнать, господа, откуда вы ѣдете? спросилъ онъ официальнымъ тономъ.

— Изъ Ельцинской фабрики,—спокойно отвѣтилъ за всѣхъ Варгунинъ.

— Ваши фамиліи? опять спросилъ офицеръ.

Матвѣй Николаичъ, не безъ умысла, началъ перечетъ именъ съ Свѣтлова, полагая выгородить его такимъ образомъ изъ какой нибудь непредвидѣнной задержки, какъ лицо еще мало знакомое городской полиціи. Но Варгунинъ ошибся: едва только онъ назвалъ фамилію своего молодого друга, какъ былъ остановленъ.

— Не трудитесь перечислять остальныхъ вѣжливо,—замѣтилъ ему полицейскій чиновникъ:—мнѣ именно г. Свѣтлова и нужно. Я васъ долженъ просить сію же минуту пожаловать къ генералу,—обратился онъ къ Александру Васильичу.

— Теперь?.. ночью?! удивился Свѣтловъ, многозначительно переглянувшись съ Жилинскимъ.

— Ихъ превосходительству угодно было распорядиться, чтобы вы явились къ нему немедленно, когда бы ни пріѣхали,—объяснилъ офицеръ.

— Но... возразилъ Александръ Васильичъ,—я не состою на службѣ и не имѣю никакого расположенія видѣться, въ настоящую минуту, съ кѣмъ бы то ни было. Если вы имѣете приказаніе арестовать меня, то прежде потрудитесь предъявить мнѣ его формально. Наконецъ, я даже не имѣю чести знать, съ кѣмъ говорю...

— Частный приставъ первой части,—отрекомендовался офицеръ, нѣсколько смущенный солиднымъ замѣчаніемъ Свѣтлова и холоднымъ спокойствіемъ его тона.

— Во всякомъ случаѣ, я желаю прежде видѣть ваше полномочіе,—сказалъ Александръ Васильичъ.

— Мнѣ не дано никакого предписанія, а сказано словесно. И вы напрасно говорите, что я васъ хочу арестовать: „*Просить* ко мнѣ, какъ только пріѣдетъ“,—вотъ собственныя слова ихъ превосходительства.

— А если мнѣ не угодно будетъ исполнить этой просьбы? иронически освѣдомился Свѣтловъ.

Приставъ пожалъ плечами.

— Я все-таки долженъ буду представить васъ къ генералу,— отвѣтилъ онъ съ едва замѣтной улыбкой.

— Насильно? пожелалъ узнать Александръ Васильичъ.

— То есть какъ вамъ сказать? Мнѣ тогда придется задержать васъ злѣсь, а самому поѣхать доложить ихъ превосходительству, что вы не желаете ихъ видѣть... объяснилъ полицейскій чиновникъ.

— Не упрямьтесь... шепнулъ Свѣтлову Варгунинъ.

— Другими словами — это арестъ, но безъ соблюденія законной формы? обратился Александръ Васильичъ къ приставу. — Извольте, я къ вашимъ услугамъ.

Свѣтловъ перебросился двумя-тремя фразами съ друзьями, и крѣпко пожавъ имъ руки, спокойно вышелъ изъ пошевней. Шлагбаумъ, по распоряженію офицера, былъ тотчасъ же поднятъ, и лихая тройка покатила дальше, уже по городской улицѣ, сопровождаемая лаемъ какой-то гулящей собаки...

Представитель мѣстной власти, не смотря на поздній часъ ночи,

работалъ въ своемъ кабинетѣ надъ огромной кипой бумагъ, когда ему доложили о Свѣтловѣ.

— Просите,—сказалъ старикъ, неохотно вставая.

Александръ Васильичъ вошелъ неторопливо, какъ входилъ вездѣ.

— Позвольте мнѣ прежде всего протестовать, генералъ,—обратился онъ прямо къ его превосходительству, вѣжливо поклонившись ему и не дожидаясь вопроса:—я арестованъ безъ соблюденія надлежащей формальности...

Изящная свобода манеръ и всей фигуры Свѣтлова замѣтно произвела сильное впечатлѣніе на старика.

— Не горячитесь, не горячитесь, молодой человѣкъ,—остановилъ онъ его, съ снисходительной улыбкой: — я самъ умѣлъ протестовать въ ваши годы. Во-первыхъ, вы не арестованы; во-вторыхъ, вы здѣсь, можетъ быть, къ вашей же пользѣ... Присядьте и успокойтесь, пожалуйста.

Старикъ учтиво придвинулъ къ Свѣтлову кресло, и сѣлъ напротивъ его, на другое.

— Вы теперь прямо изъ Ельцинской фабрики? освѣдомился генералъ.

— Да, я оттуда.

— Скажите... войско уже тамъ?

— Я встрѣтилъ его, когда выѣзжалъ.

— Не знаете... что тамъ вышла за исторія? спросилъ его превосходительство такимъ естественнымъ тономъ, какъ будто бесѣдовалъ запросто съ знакомымъ.

— Рабочіе заявили директору, что не желаютъ больше имѣть его у себя; а когда онъ не согласился оставить Фабрику добровольно...

— Да, это-то я слышалъ,—перебилъ генералъ.—А подробностей... не знаете?

— Знаю очень хорошо всѣ; мнѣ, хотя и противъ воли, пришлось даже участвовать въ этой исторіи,—сказалъ Свѣтловъ, нисколько не уступая собесѣднику въ естественности тона.

— А! Это интересно. Сдѣлайте одолженіе, разскажите мнѣ обо всемъ поподробнѣе: я не могу до сихъ поръ добиться тутъ никакого толку,—попросилъ генералъ, стараясь какъ можно удобнѣе пріютиться въ креслѣ.

Александръ Васильичъ совершенно правдиво и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даже художественно обрисовалъ его превосходительству фабричныя сцены; но при этомъ Свѣтловъ какъ-то такъ ловко ухитрился вести свой разсказъ, что дѣятелемъ въ нихъ вездѣ являлась только толпа и—ни одной личности, исключая его собственной. Генералъ, съ нескрываемымъ удовольствіемъ, выслушалъ это мастерское повѣствованіе.

— Вы такъ живо изобразили мнѣ ельцинское движеніе, что оно какъ будто стоитъ теперь у меня передъ глазами, и я не могу не заподозрить въ васъ... художника,—сказалъ онъ, медленно потеревъ ладонью объ ладонь. — Очень вамъ благодаренъ!

— Литературная привычка, генералъ,—скромно замѣтилъ Александръ Васильичъ.

— Да, это видно, это видно... подтвердилъ его превосходительство. — Но... надѣюсь, молодой человѣкъ, въ вашемъ настоящемъ разсказѣ не дано столько же мѣста фантазіи, сколько ей отводится, обыкновенно, въ литературныхъ произведеніяхъ? прибавилъ онъ съ тонкой дипломатичностью.

— Напротивъ, даю вамъ слово, что я скорѣе убавилъ что нибудь, нежели прибавилъ,—съ такой же точно дипломатичностью отвѣтилъ Свѣтловъ, не уступая генералу и въ этомъ.

— Значитъ, ваше личное участіе во всей этой кутерьмѣ только тѣмъ и ограничилось, что вы сейчасъ передали мнѣ? спросилъ послѣдній, нѣсколько помолчавъ.

— Только этимъ.

— А! такъ вотъ что значитъ на языкѣ директора—„дѣйствовалъ энергичнѣе остальныхъ“... какъ бы про себя проговорилъ старикъ. — Такъ его такъ-таки и наказали? снова обратился онъ къ Александру Васильичу. — Вѣдь это... позоръ!

Я бы застрѣлился... заходилъ генералъ большими шагами по кабинету.

Свѣтловъ тоже всталъ и молча ожидалъ, что онъ скажетъ дальше.

— Вы въ какомъ университетѣ воспитывались? обратился къ нему вдругъ его превосходительство, круто обернувшись.

— Въ петербургскомъ-съ.

— По какому факультету?

— По математическому.

— Какъ! удивился генералъ, — математикъ и... литераторъ?

— Въ здѣшней гимназіи я особенно плохо шелъ по математикѣ, такъ мнѣ хотѣлось пополнить этотъ образовательный пробѣлъ въ Петербургѣ,—пояснилъ Александръ Васильичъ; — тѣмъ болѣе,— прибавилъ онъ,—что у насъ, по крайнему моему разумѣнію, безъ знанія точныхъ наукъ, литератору остается незавидное поприще почетнаго переливанія изъ пустого въ порожнее.

— Да, это такъ,—согласился генералъ. — Это почти и вездѣ такъ,—заключилъ онъ, подумавъ.

Свѣтловъ предполагалъ, что теперь съ нимъ немедленно раскланяются, и вынулъ изъ-подъ мышки мѣховую шапку. Но его превосходительство не думалъ, повидимому, разстаться такъ скоро съ своимъ интереснымъ собесѣдникомъ.

— Я, признаться сказать, люблю молодежь,—заговорилъ онъ снова: — ея дурныя стороны всегда съ избыткомъ выкупаются хорошими. Мой сынъ тоже недавно кончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ... Не слыхали?

Представитель мѣстной власти былъ вдовецъ.

— Знаю, генералъ; это мой хорошій товарищъ, даже пріятель: мы и до сихъ поръ въ перепискѣ съ нимъ,—съ живостью пояснилъ Свѣтловъ.

— Вотъ какъ! весело удивился старикъ. — Пріятель моего сына — всегда мой гость,—любезно сказалъ онъ, подходя къ Александру Васильичу и съ обязательной улыбкой протягивая ему руку. — Прошу быть знакомымъ.

Свѣтловъ раскланялся не менѣе обязательно.

— Сядемте, поболтаемъ немножко... если васъ не очень клонитъ еще ко сну съ дороги,—предложилъ генералъ, занимая прежнее мѣсто на креслѣ: — я имѣю привычку спать не болѣе четырехъ часовъ въ сутки. Скажите... почему вы не привезли рекомендательнаго письма ко мнѣ отъ сына? Я могъ быть полезенъ вамъ здѣсь. Николай забылъ, вѣроятно, — онъ вѣдь разсѣянный такой, — а вы... поцеремонились?

— Охъ нѣтъ! поспѣшилъ сказать Александръ Васильичъ, садясь напротивъ его превосходительства, — это не зависѣло ни отъ того, ни отъ другого: я просто отказался отъ письма.

— Почему же? удивился старикъ. — Развѣ вы предполагали встрѣтить во мнѣ... чванную недоступность? Ужъ будто мой сынъ не познакомилъ васъ со мной настолько, чтобъ вы не думали обо мнѣ такъ дурно?

Его превосходительство замѣтно разшевелился.

— Н-ну, не скажите этого, генералъ,—успокоилъ его Свѣтловъ:— я еще въ Петербургѣ успѣлъ составить о васъ понятіе, которое, впрочемъ, отнюдь не противорѣчитъ моему сегодняшнему, личному опыту; если я и отказался отъ письма вашего сына, то совершенно по другой причинѣ.

— По какой же именно? живо спросилъ старикъ.

— Дѣло въ томъ, генералъ, что я нахожу возможной только одну рекомендацію — личную. Никто не можетъ представить меня кому бы то ни было лучше, чѣмъ я сдѣлалъ бы это самъ. Рекомендація—вѣдь это, въ нѣкоторомъ родѣ, порука за другого, обязательство; а такъ-какъ ручаться безошибочно нельзя ни за кого, то, по-моему, и всякое подобное обязательство, какъ вещь рискованная, по меньшей мѣрѣ... стѣснительно. Лично, я еще не прочь принять отвѣтственность за небольшой кружокъ людей, но ставить изъ-за себя въ невыгодное положеніе другого — это не въ моихъ убѣжденіяхъ.

— Но... съ живостью возразилъ генералъ, — вы преувеличи-

ваете значеніе такого обязательства: это вексель, которому никто никогда и не довѣряетъ на всю сумму сполна.

— Очень можетъ быть, что мой настоящій взглядъ ошибоченъ,— замѣтилъ Александръ Васильичъ, — но я все-таки предпочитаю держаться его, пока не выработаю себѣ другого, лучшаго.

— Ай, какая непростительная гордость, молодой человѣкъ! улыбнулся и шутливо покачалъ головой его превосходительство.— Скажите мнѣ откровенно... могутъ быть у васъ... враги здѣсь?— какъ вы думаете? круто перемѣнилъ онъ вдругъ тему разговора.

— Не думаю, чтобъ были, генералъ,—отвѣтилъ Свѣтловъ, нѣсколько удивленный его неожиданнымъ вопросомъ.

— И, однако, мнѣ уже сдѣланъ на васъ косвенный доносъ...

Старикъ, прищурясь, внимательно посмотрѣлъ на своего собесѣдника.

— Очень можетъ быть; но вѣдь для доноса вражды и не нужно: онъ чаще всего дѣлается по обязанности... какъ нельзя спокойнѣе молвилъ Александръ Васильичъ.

— Во имя чего-бы онъ ни дѣлался, быть осторожнымъ все-таки не мѣшаетъ...

— Если есть чего бояться, генералъ.

Наступило неловкое молчаніе.

— Вы... хороши съ докторомъ Любимовымъ? спросилъ, наконецъ, старикъ, очевидно, выйдя изъ затрудненія.

— Да; мы тоже съ нимъ товарищи.

— Онъ, кажется, добродушный человѣкъ въ сущности, но очень болтливъ; по крайней мѣрѣ, я имѣю нѣкоторыя причины такъ думать... Вы хорошо сдѣлаете, если будете осторожны съ нимъ... внушительно предупредилъ его превосходительство.

Свѣтловъ вспыхнулъ и выпрямился.

— Вы хотите сказать, генералъ, что доносъ... началъ было онъ энергично.

— Успокойтесь, успокойтесь, молодой человѣкъ, — не далъ ему договорить старикъ: — доносъ не имѣетъ ничего общаго съ

вашимъ товарищемъ. Все-таки,—прибавилъ онъ, опять помолчавъ,—вы будьте осторожнѣе съ докторомъ.

— Но я не понимаю, генералъ, о какой осторожности вы изволите говорить? съ изумительной невозмутимостью освѣдомился Александръ Васильичъ.

Генералъ замѣтно смѣшался.

— Мало ли есть случаевъ, гдѣ осторожность бываетъ даже обязательна... отвѣтилъ онъ уклончиво.

— Ахъ, да! сказалъ Свѣтловъ, какъ будто только теперь догадавшись, въ чемъ дѣло,—но я, относительно всѣхъ этихъ случаевъ, могу быть совершенно спокоенъ: злословить и сплетничать—вообще, не въ моемъ характерѣ.

Представитель мѣстной власти зорко окинулъ его испытующимъ взглядомъ.

— Такъ или иначе,—замѣтилъ онъ, — но вы можете быть увѣрены, что всегда встрѣтите во мнѣ, какъ въ отцѣ вашего пріятеля, какъ въ *частномъ человѣкѣ*, полную готовность помочь вамъ, чѣмъ могу. Но... какъ на лицѣ, занимающемъ извѣстный постъ, на мнѣ прежде всего лежитъ долгъ — свято исполнять свои обязанности: если я и сообщилъ вамъ о доносѣ, то единственно потому, что онъ дошелъ до меня неофиціальнымъ путемъ; кромѣ того, многое зависитъ здѣсь и не отъ меня одного: тутъ есть другія самостоятельныя вѣдомства, есть и за мной наблюдающіе глаза...

Говоря это, старикъ продолжалъ зорко посматривать на своего собесѣдника.

— Очень вамъ благодаренъ, генералъ, за такое незаслуженное вниманіе; но могу васъ успокоить впередъ, что не злоупотреблю и не воспользуюсь имъ: я ни отъ кого никогда не принимаю помощи,—съ гордымъ достоинствомъ поклонился Свѣтловъ.

— Можетъ быть-съ, можетъ быть-съ... Но позвольте! нетерпѣливо остановилъ его старикъ, — дайте мнѣ договорить до конца. Все, что я вамъ сказалъ передъ этимъ, я сказалъ потому, что

фабричная исторія можетъ кончиться очень дурно... Я обязанъ назначить самое строгое слѣдствіе по этому дѣлу, — и назначу... завтра же. По всей вѣроятности, сюда замѣшаютъ и васъ съ вашими знакомыми. Мнѣ особенно жаль этихъ двухъ стариковъ, и безъ того достаточно пострадавшихъ на своемъ вѣку... Вы, разумѣется, будете оправданы; но... одно уже участвіе такихъ лицъ, какъ они, въ подобной исторіи, можетъ отозваться весьма для нихъ невыгодно, и тутъ ужъ... я совершенно безсиленъ. Впрочемъ, что можно — все будетъ сдѣлано, и я, повторяю, всегда къ вашимъ услугамъ.

Генералъ поднялся съ мѣста: аудіенція, очевидно, кончалась. Александръ Васильичъ сталъ раскланиваться. Старику, въ эту минуту, опять бросилась въ глаза изящная свобода манеръ и всей фигуры Свѣлова.

— Очень радъ, что познакомился съ вами,— сказалъ ему генералъ на прощанье, дружески протянувъ руку;— жаль только, что мы встрѣтились при такихъ... неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Во всякомъ случаѣ, въ доказательство того, что мною не считается за арестъ вашъ сегодняшній... не совсѣмъ добровольный визитъ ко мнѣ, я заплачу вамъ его на дняхъ же,— заключилъ онъ съ обязательной улыбкой.

Свѣтловъ только съ достоинствомъ поклонился, но не сказалъ ни слова, и вышелъ.

Онъ и его бесѣда произвели громадное впечатлѣніе на представителя мѣстной власти. Старикъ долго еще расхаживалъ большими шагами по кабинету, преслѣдуемый одной, неотвязной мыслью.

„Что это за странная личность такая?“ думалось его превосходительству: „совершенно ли это невинный человѣкъ, или упорный, закаленный преслѣдователь своихъ, ему одному извѣстныхъ, цѣлей?„ — и генералъ снова, еще шире, шагалъ вдоль кабинета. „Такихъ людей, во всякомъ случаѣ, надо постоянно имѣть въ виду...„ рѣшилъ онъ, наконецъ, отходя ко сну.

Александра Васильича тревожили дорогой совсѣмъ иныя размышленія.

„Пальца въ ротъ я тебѣ не положу,—не безпокойся!„ прежде всего думалось ему о генералѣ.

На своемъ, хотя и молодомъ еще, вѣку, Свѣтловъ уже много видалъ хорошихъ людей, много уже слыхивалъ прекрасныхъ, симпатичныхъ разговоровъ, но надѣялся онъ только на самого себя, вѣрилъ только въ прочность своихъ убѣжденій...

Представитель мѣстной власти твердо сдержалъ свое слово: не дальше, какъ черезъ день послѣ этой ночной бесѣды, его изящная зимняя коляска остановилась у свѣтловскихъ воротъ, произведя необычайную, но совершенно напрасную суматоху во всемъ домѣ. Генералъ только скромно освѣдомился у вышедшей къ нему на встрѣчу горничной Маши, гдѣ живетъ „пріѣхавшій изъ Петербурга молодой человѣкъ, Свѣтловъ„ — и, по ея указанію, прямо прошелъ во флигель. Ирина Васильевна, однакожъ, не утерпѣла: она быстро накинула на себя что было у нея понаряднѣе, и торопливо отправилась туда же.

— Позвольте мнѣ представить васъ, генералъ, моей матери,— съ неподражаемой простотой обратился Свѣтловъ къ своему сановному гостю, когда старушка вошла въ кабинетъ сына, чрезвычайно смущенная близостью присутствія такой, по ея мнѣнію, „всемогущей власти“, хотя, въ остальное время, она и вѣрила глубоко, что всемогущъ только одинъ Богъ.

Генералъ вѣжливо всталъ и разсыпался передъ ней въ любезностяхъ.

— У меня тоже есть сынъ, сударыня, но я все-таки завидую вамъ,—сказалъ онъ ей, между прочимъ.

Старушка была очарована.

„Вотъ все говорятъ, что онъ на чиновниковъ ногами топаетъ да вонъ ихъ выгоняетъ, что какъ къ нему представляться идти, такъ дрожатъ, — а поди-ка ты какой, батюшка, ласковый!„ въ наивномъ восхищеніи думала она, сидя на диванѣ, возлѣ генерала.

Его превосходительство просидѣлъ у Свѣтлова съ четверть часа, зашелъ на минуту въ школу, гдѣ остался очень доволенъ преподаваніемъ Лизаветы Михайловны, и уѣхалъ, оставивъ въ памяти Ирины Васильевны неизгладимое воспоминаніе о своемъ визитѣ.

Но, съ другой стороны, несмотря на весь свой восторгъ, старушка въ тотъ же день, за обѣдомъ, не преминула напуститься сперва на мужа, а потомъ на старшаго сына.

— Ужъ и ты хорошъ, отецъ! обратилась она къ Василью Андреичу:—чѣмъ бы, батюшка, во флигель къ Санькѣ пойти да представиться генералу, а онъ сидитъ-себѣ дома да только трубочку свою покуриваетъ! Ужъ такой ты, отецъ, и есть Запечинъ Иванычъ... Шути-ка ты!—можетъ, и тебѣ бы опеть мѣсто вышло. Я бы, на твоемъ мѣстѣ, батюшка, пришла да и сказала...

— „Я бы“, „я бы“! съ сердцемъ передразнилъ старикъ жену, прервавъ такимъ образомъ обильный потокъ ея упрековъ, — много ты взяла съ твоимъ „я бы“! Ужъ я говорю, что... Х-хе! махнулъ онъ только рукой, не докончивъ начатой фразы.

— Да ужъ и ты, Санька... отличился, батюшка, нечего сказать! круто перешла Ирина Васильевна къ сыну:—чѣмъ бы меня подвести къ генералу, а ты его представлять выдумалъ... Ужъ чему васъ, право, тамъ учили, такъ я и не знаю!

Тѣмъ не менѣе, день генеральскаго посѣщенія получилъ значеніе эпохи въ глазахъ стариковъ Свѣтловыхъ: отнынѣ, ихъ домашнее днесчисленіе вертѣлось, обыкновенно, на до и послѣ того, „какъ былъ генералъ„. Полнѣйшій тріумфъ Ирины Васильевны продолжался, по крайней мѣрѣ, дня три, пока она не успѣла обстоятельно сообщить всѣмъ своимъ родственникамъ, до единаго, о такомъ „чудѣ да и только“. Но главное значеніе этого событія

заключалось въ томъ, что Александръ Васильичъ чуть не на цѣлую голову выросъ теперь въ ея и отцовскомъ мнѣніи.

— Поди-ка ты, Санька-то нашъ какъ отличается!... восторженно и въ сотый разъ твердила на другой день старушка всякому, кто желалъ ее слушать:—съ генералами знакомство водитъ! Я это сижу вчера утромъ подъ окномъ, смотрю... да еще, грѣшная, и говорю папѣ: Что бы Санькѣ къ генералу сходить? Сейчасъ бы ему важную должность далъ... И въ помышленіи-то у меня этого не было, чтобъ самъ генералъ къ намъ прикатилъ... Только вдругъ слышу, будто къ нашимъ воротамъ кто подъѣхалъ... Заглянула въ другое окно,—а онъ, батюшка мой, и идетъ по двору-то... Такъ у меня, мои матушки, ноги такъ и подкосились!...

Даже и Оленька не чужда была этому восторженному впечатлѣнію. Только Владимірко, порядочно уже навострившійся отъ брата, относился нѣсколько скептически къ ослѣпленію домашнихъ „неслыханной честью“.

— Саша-то, Чичка, книги сочиняетъ, ученый... замѣтилъ мальчуганъ сестрѣ, по поводу какого-то лестнаго замѣчанія ея о посѣщеніи генерала, — а онъ, братъ, что? Просто... фитюлька съ епалетами!

И Владимірко безцеремонно расхохотался собственной, импровизированной остротѣ.

— Ну, ты!... ври больше! строго остановила его, изъ другой комнаты, подслушавшая этотъ вольнодумный отзывъ старушка.—Ужо вотъ услышитъ папа-то, такъ дастъ онъ тебѣ „фитюльку“!

Но это замѣчаніе матери нисколько не разубѣдило смѣшливаго „химика“.

— Знаешь, Ваня, какъ генерала зовутъ? черезъ минуту же обратился онъ, на кухнѣ, къ своему „наилюбезному камердинеру“.— „Фитюлька съ епалетами“!—и опять расхохотался, чуть не до слезъ.

Что же касается Александра Васильича, то онъ и теперь, послѣ этого визита, надѣялся только на самого себя, вѣрилъ только въ прочность своихъ убѣжденій...

ГЛАВА III.

Неожиданный гость Лизаветы Михайловны.

Было около девяти часовъ вечера. У Прозоровой только-что подали самоваръ,—сегодня немного раньше обыкновеннаго, такъ-какъ сидѣвшіе у нея гости, Варгунинъ и Ельниковъ, оба были большіе охотники до чаю. Дѣти отсутствовали: Анюта Орлова, праздновавшая въ этотъ день свое рожденье, отпросила, незадолго передъ тѣмъ, дѣвочекъ къ себѣ ночевать, а Гриша вызвался проводить ихъ. Лизавета Михайловна, вѣроятно, поѣхала-бы туда и сама, еслибъ наканунѣ, не зная еще о семейномъ праздникѣ молодой дѣвушки, не выразила Свѣтлову сильнаго желанія познакомиться съ Жилинскими, которыхъ тотъ и обѣщалъ привезти къ ней сегодня.

По правдѣ сказать, Александру Васильичу не особенно понравилась эта мысль. Онъ сперва даже и попытался было отклонить ее—разумѣется, самымъ деликатнымъ образомъ; но послѣ настойчивой просьбы со стороны Прозоровой, отказать ей было неловко, да, къ тому-же, и причины серьезной не представлялось. Всегда свободный во всѣхъ своихъ чувствахъ и дѣйствіяхъ, не лгавшій ни передъ кѣмъ, Свѣтловъ и въ этомъ случаѣ не нашелъ возможнымъ дѣйствовать иначе. „Что бы изъ того ни послѣдовало, пускай онѣ встрѣтятся лицомъ къ лицу“,—думалось ему. Лизавета Михайловна, съ своей стороны, ждала этой встрѣчи съ нетерпѣніемъ. Молодая женщина много слышала о Христинѣ Казиміровнѣ и прежде, до знакомства съ Александромъ Васильичемъ, знала, какъ смотритъ на Жилинскую городъ, и давно уже интересовалась ею; но личность знаменитой „Христинки“ получи-

ла въ глазахъ Прозоровой совершенно новый интересъ съ тѣхъ поръ, когда объ этой эксцентричной дѣвушкѣ заговорили Свѣтловъ и, въ особенности, Варгунинъ. Нельзя сказать, чтобъ къ простому порыву любопытства у Лизаветы Михайловны не примѣшивалось, въ данномъ случаѣ, и другое, болѣе глубокое чувство. Юношеская любовь Свѣтлова была не тайна для Прозоровой,—и ей неодолимо захотѣлось видѣть и узнать женщину, вызвавшую этотъ первый трепетъ страсти въ человѣкѣ, къ которому сама она, Лизавета Михайловна, тянулась всѣми силами ума и души.

Немудрено, что теперь, въ ожиданіи Жилинскихъ, настроеніе хозяйки дома показалось Анемподисту Михайлычу немного страннымъ.

— А вы сегодня, барыня, совсѣмъ какая-то разсѣянная, — шутливо замѣтилъ ей докторъ, послѣ одного изъ ея неудачныхъ отвѣтовъ.—Дайте-ка я вамъ пульсъ пощупаю заблаговременно...

Прозорова улыбнулась нѣсколько принужденно.

— Нѣтъ, докторъ, не пророчьте,—сказала она, заваривая чай:— я ужъ и такъ нахворалась довольно. Гдѣ это у насъ Александръ Васильичъ замѣшкался съ своими друзьями? прибавила Лизавета Михайловна, помолчавъ.

— Да вѣдь рано еще,—замѣтилъ Варгунинъ, посмотрѣвъ на часы.

Разговоръ все время держался на такихъ отрывочныхъ фразахъ, пока, наконецъ, не пошли толки о послѣдней фабричной исторіи да о вчерашнемъ посѣщеніи, представителемъ мѣстной власти, Свѣтлова и его школы.

— Одного только я не понимаю,—заговорила, между прочимъ, хозяйка:—какая надобность генералу оказывать такую любезность Александру Васильичу, если онъ видитъ въ немъ лицо подозрительное? Вѣдь такъ и себя скомпрометировать недолго.

— А какая надобность кошкѣ, прежде-чѣмъ съѣсть мышку, заигривать съ ней? саркастически возразилъ Ельниковъ.—Вы говорите: себя скомпрометировать можно. Да чѣмъ же? и передъ кѣмъ? Думаете, передъ подчиненными-то, которые и слова пикнуть не смѣютъ? Эге!... заключилъ ядовито докторъ, и закашлялся.

— Да, батенька, я совершенно съ вами согласенъ,—обратился къ нему Варгунинъ:—ничего нѣтъ опаснѣе власти заигрывающей...

— Его многіе хвалятъ, впрочемъ,—какъ-то беззучастно выразила свое мнѣніе хозяйка.

— Да, хвалятъ: рыцарь, говорятъ,—съ жаромъ подхватилъ Матвѣй Николаичъ.—Но я, Лизавета Михайловна, изучалъ на практикѣ своего вѣка... одного... тоже рыцаря,—такъ тотъ, знаете, когда дѣло касалось нашего брата, бывало зарычитъ только, да и вышвырнетъ тебя, безъ церемоніи, изъ ряда присносущихъ въ приснопамятные... но ужъ любезничать передъ тѣмъ не станетъ. А этотъ, нашъ-то, пожалуй, и колье съ вами переломитъ сегодня, для пущаго рыцарства,—ничего, что видитъ въ васъ лицо неподходящее,—а завтра, вы, сидя въ казенной квартирѣ, и узнаете, каково простому смертному имѣть дѣло съ рыцарями...

— По крайней мѣрѣ, я слышала, что онъ очень многимъ помогаетъ здѣсь,—по прежнему безучастно настаивала Прозорова.

— Ну-съ, хорошо-съ,—помогаетъ; согласенъ. Да вѣдь и всѣ такіе рыцари помогаютъ... разнымъ казанскимъ сиротамъ. Вѣдь и тотъ помогалъ; за то ужъ если, бывало, захочетъ раззорить кого до чиста—не погнѣвайтесь!

— Матвѣй Николаичъ рѣшительно въ ударѣ сегодня,—замѣтилъ одобрительно Ельниковъ, любившій, вообще, оттѣнокъ жолчи въ словахъ, по какому бы поводу онъ ни проявлялся.

— Должно быть, передъ ударомъ, батенька... какъ-то вскользь отвѣтилъ ему Варгунинъ, и задумчиво откинулъ назадъ, движеніемъ головы, длинныя пряди своихъ косматыхъ волосъ.

— „О чемъ шумите вы, народные витіи?“ послышался внезапно, изъ передней, громкій и веселый голосъ Свѣтлова, появленія котораго никто до сихъ поръ не замѣтилъ, такъ-какъ входная дверь, на этотъ разъ, была почему-то не заперта на крючокъ изнутри.

Лизавета Михайловна встрепенулась, и торопливо пошла встрѣчать гостя.

— А... остальные? спросила она нѣсколько тревожно, здороваясь съ Свѣтловымъ и видя, что онъ явился одинъ.

— Ѣдутъ за мной слѣдомъ: мы не помѣстились въ однихъ саняхъ,—успокоилъ ее Александръ Васильичъ, проходя за ней въ столовую.

Онъ только-что успѣлъ перебросится двумя-тремя словами съ пріятелями, какъ раздался звонокъ.

— Вотъ и они! сказалъ Свѣтловъ.

— Я сама отворю... нетерпѣливо предупредила Лизавета Михайловна горничную, явившуюся на звонокъ, и быстро прошла въ слабо освѣщенную переднюю.

— Не могу не узнать въ вашемъ лицѣ, сударыня, самой прекрасной хозяйки,—съ старосвѣтской, истинно-польской любезностью обратился къ ней Казиміръ Антонычъ, какъ только она отворила дверь и дала время гостямъ войти.

Жилинскій проговорилъ это, даже не успѣвъ еще раздѣться.

— Мнѣ тоже не нужно спрашивать, кому я протягиваю руку въ настоящую минуту,—съ обольстительной улыбкой поспѣшила сказать, въ свою очередь, Христина Казиміровна, быстро скинувъ съ себя шубку и здороваясь съ Прозоровой.

Забросанная, даже нѣсколько сбитая съ толку всѣми этими любезностями, несвѣтская и, въ добавокъ еще, сильно взволнованная интересной встрѣчей, Лизавета Михайловна видимо растерялась. Сперва она только крѣпко пожала руку гостямъ, и когда немного оправилась, проговорила съ самой радушной улыбкой, обращаясь къ Жилинскому:

— На васъ и на вашу дочь я, право, уже и теперь не могу смотрѣть иначе, какъ... на друзей... Милости просимъ!

Прозорова любезно пропустила гостей впередъ, и молча пошла за ними, поодаль, въ столовую. Когда Христина Казиміровна вступила на порогъ этой ярко-освѣщенной комнаты изъ полутемнаго коридора, глубокіе каріе глаза хозяйки, на одно мгновеніе, какъ будто впились въ стройную фигуру красавицы-гостьи. Тѣмъ не

менѣе, Лизавета Михайловна не забыла представить Ельникова своимъ новымъ знакомымъ.

— Я знаю, что мы съ вами конкуренты по профессіи,—съ обычной грубоватостью сказалъ Анемподистъ Михайлычъ Жилинской, студентчески пожимая ей руку, — такъ чтобы намъ не ссориться изъ-за практики, уговоримтесь теперь же: кого вы не вылечите—присылайте ко мнѣ, я же буду отсылать на ваше попеченіе выздоравливающихъ, а гонорарій пополамъ. Согласны?

— Нѣтъ, докторъ,—улыбнулась Христина Казиміровна,—эти условія слишкомъ выгодны для меня.

— Напротивъ,—невыгодны, скажите: ухаживать за выздоравливающимъ гораздо труднѣе, чѣмъ лечить больного.

— Ну, такъ вы, значитъ, обсчитать меня хотите?

— А ужъ это какъ водится. Надо всегда рекомендоваться съ самой худшей стороны, чтобъ не вызвать потомъ разочарованія,—разсмѣялся Ельниковъ, шутливо кланяясь.

— Ты, Кристи, рѣдко увидишь Анемподиста Михайлыча въ такомъ хорошемъ настроеніи духа,—вмѣшался Свѣтловъ.

— А вотъ скоро и ни въ какомъ не увидите: умирать собираюсь... съ безстрастной, чуть-замѣтной улыбкой пояснилъ докторъ.

Смотря на его исхудалое прозрачно, зеленоватаго цвѣта, лицо, Христина Казиміровна была поражена спокойствіемъ этой улыбки и не нашлась, что сказать.

— Э, батенька-а! еще всѣхъ насъ переживете,—выручилъ ее Матвѣй Николаичъ.

Ельниковъ промолчалъ, но всѣмъ стало какъ-то неловко, будто и въ самомъ дѣлѣ между ними находился умирающій. Жилинская, видимо задумавшись, не трогалась съ мѣста.

— Христина Казиміровна! пригласила ее хозяйка, садясь разливать чай,—пожалуйста... будьте какъ дома, присоединяйтесь къ намъ... гдѣ вамъ удобнѣе.

— Самое удобное мѣсто за столомъ, разумѣется, возлѣ хозяйки, въ сосѣдствѣ домашняго человѣка, — я между вами и прію-

чусь... весело сказала гостья, усаживаясь около Прозоровой, рядомъ съ Свѣтловымъ.—Подвинься немного, Саша! обратилась она къ послѣднему.

На лицо Лизаветы Михайловны словно набѣжало темное облачко. „Саша“,—невольно повторилось у нея въ головѣ, и какъбы въ отвѣтъ на это, припомнилось ей и другое, слышанное передъ тѣмъ, слово „Кристи“. „Ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что старые друзья обращаются между собой попріятельски“, пыталась было думать встревоженная Прозорова. И, однако, какъ ни старалась она увѣрить себя въ этомъ, въ глубинѣ ея души что-то сильно и горячо протестовало противъ такихъ ласковыхъ именъ. Лизавета Михайловна даже немного разсердилась, мысленно доказывая себѣ, что подобное чувство слишкомъ мелочно и недостойно хорошей, развитой женщины, что въ немъ сказывается только жалкое безправное самолюбьице; а между-тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, чѣмъ чаще раздавались въ ея ушахъ эти ласковыя имена, тѣмъ энергичнѣе заговаривалъ въ ней внутренній протестъ, не поддаваясь никакимъ логическимъ доводамъ. Молодая женщина не могла выдержать, наконецъ, безмолвно подобной пытки, и когда Свѣтловъ обратился къ ней съ вопросомъ: о чемъ она такъ задумалась?— Прозорова прямо отвѣтила ему:

— Мнѣ пришло въ голову, отчего у насъ такъ рѣдко можно встрѣтить, между мужчиной и женщиной, такую открытую, прелестную дружбу, какую, напримѣръ, я вижу между вами и Христиной Казиміровной?

Александръ Васильичъ зорко посмотрѣлъ на хозяйку.

— Мнѣ кажется, потому,—сказалъ онъ просто, — что у насъ больше дорожатъ мнѣніемъ общества, чѣмъ друзей.

— И еще потому, я думаю,—прибавила отъ себя Жилинская,— что открытая дружба слишкомъ стѣснительна: отъ нея не такъ легко отказаться.

— Проще сказать, выходитъ вотъ что,—подхватилъ вслушав-

шійся въ ихъ споръ Варгунинъ:—что и самая дружба-то у насъ—рѣдкость.

— Пожалуй, я-бы еще и дальше вашего, Матвѣй Николаичъ, пошелъ,—замѣтилъ ему Ельниковъ, отрываясь отъ разговора съ Жилинскимъ:—я-бы сказалъ, что дружба—видоизмѣненное предательство...

— Экъ, батенька, куда ужъ вы хватили! Это еще доказать нужно,—разгорячился Варгунинъ.

— Можно и доказать,—вызвался Анемподистъ Михайлычъ.

— Нѣтъ ужъ, докторъ, не разочаровывайте насъ, по крайней мѣрѣ, на сегодняшній вечеръ,—обратилась къ нему Лизавета Михайловна не то грустно, не то шутливо:—сегодня мы всѣ хотимъ быть друзьями, а не предателями... Не такъ-ли, господа?

— Ты, значитъ, Анемподистъ Михайлычъ, такого-же нелестнаго мнѣнія и о нашей дружбѣ съ тобой? спросилъ Свѣтловъ.

— А то какъ-же? Вѣдь мы двое, батюшка, не составляемъ исключеній въ природѣ, стало-быть не можемъ считаться исключеніями и въ данномъ случаѣ.

Пріятели горячо заспорили между собой.

Споръ этотъ если и не совсѣмъ отвлекъ Лизавету Михайловну отъ занимавшихъ ее передъ тѣмъ мыслей, то, по крайней мѣрѣ, отнялъ у нихъ первоначальную раздражительность и далъ молодой женщинѣ возможность спокойно поддерживать разговоръ. Теперь она, въ свою очередь, заговорила съ гостьей мило, просто, искренно; разсказала ей многое о себѣ, и многое узнала о самой Христинѣ Казиміровнѣ изъ ея увлекательнаго, безъискуственнаго разсказа. Обѣихъ женщинъ замѣтно потянуло другъ къ другу, хотя разница ихъ характеровъ и рѣзко обозначилась при этомъ.

Свѣтловъ, пересѣвшій незадолго до того въ уголъ, задумчиво прислушивался оттуда къ оживленной бесѣдѣ дамъ; имъ овладѣло почему-то, въ эти минуты, тоже самое неопредѣленно-плѣнительное чувство, какое испытывалъ онъ, полулежа на диванѣ, послѣ обморока, въ столовой Жилинскихъ. Александръ Васильичъ наглядно

сравнивалъ теперь этихъ двухъ женщинъ, анализировалъ каждую особенность въ нихъ, каждый оттѣнокъ въ движеніяхъ, въ рѣчи,— и чѣмъ дольше онъ всматривался, вслушивался, тѣмъ больше находилъ между ними и сходства, и разницы. Обѣ онѣ, въ своемъ родѣ, были одинаково прекрасны, одинаково умны; обѣ обнаруживали глубину и пылкость. Но у Христины Казиміровны красивая внѣшность ярко бросалась въ глаза, умъ ея разсыпался какими-то блестящими искрами, въ ея глубинѣ не видѣлось дна, въ пылу— границы; а между-тѣмъ, изъ-за всего этого неявственно проглядывала то какъ-будто усталость, то какъ-будто надломленность. У Лизаветы Михайловны, напротивъ, внѣшность не поражала съ перваго взгляда; но за-то малѣйшая черта ея дышала той неуловимой прелестью, отъ которой нельзя сойти съ-ума, но и нельзя отказаться, не почувствовавъ, на всю жизнь, какого-то страннаго, томящаго пробѣла въ ней. Умъ Лизаветы Михайловны свѣтился ровно въ каждомъ ея словѣ, лишь изрѣдка вспыхивая яркимъ пламенемъ; глубина ея была прозрачна, пылъ имѣлъ предѣлы, однакожъ, только тамъ, гдѣ дѣло шло о самой Прозоровой, а не тамъ, гдѣ оно коснулось-бы высшихъ человѣческихъ интересовъ,—и за всѣмъ этимъ явственно видѣлась свѣжесть и бодрость глубоко-любящей, глубоко-вѣрующей души, способной на многое.

„Во всякомъ случаѣ, обѣ онѣ стоятъ одна другой“, подумалось Свѣтлову, когда его мысли, невольно и незамѣтно, стали все больше и больше клониться на сторону хозяйки. Трудно сказать, какъ долго пробылъ-бы онъ въ такомъ созерцательномъ настроеніи, еслибъ слово „прокуроръ“, громко упомянутое въ разговорѣ Варгунинымъ, не обратило на себя вниманія Александра Васильича.

— Развѣ ужъ назначено слѣдствіе по фабричному дѣлу? быстро спросилъ онъ, какъ-будто очнувшись.

— Вчера еще, говоритъ Матвѣй Николаичъ,—отвѣтилъ ему Жилинскій.

— Руководить слѣдствіемъ будетъ самъ прокуроръ; это ужъ навѣрно извѣстно,—сказалъ Варгунинъ.

— Ну какъ вы думаете?—легко мы отдѣлаемся? полюбопытствовалъ Свѣтловъ.

— У насъ, батенька, легко отдѣлываются только отъ кредиторовъ, — иронически замѣтилъ Матвѣй Николаичъ.

— Да еще отъ насморка, — жолчно прибавилъ Ельниковъ.

— А что за человѣкъ этотъ прокуроръ? продолжалъ выпытывать Александръ Васильичъ.

— Онъ добрый парень... за зеленымъ столомъ, когда съ нимъ въ карты играешь; впрочемъ, и тутъ обремизить любитъ,—пояснилъ, улыбаясь, Казиміръ Антонычъ.

Свѣтловъ разсмѣялся.

— Значитъ, человѣкъ доступный страстямъ... весело заключилъ онъ, зажигая папироску. — Дѣло! По крайней мѣрѣ...

Отрывистый, нѣсколько разъ повторенный звонъ наружнаго колокольчика у кухни, помѣшалъ дальнѣйшему изложенію мысли Александра Васильича.

— Кто-бы это могъ быть? сказала хозяйка, посмотрѣвъ на часы. — Ужъ не Любимовъ-ли... въ розовомъ настроеніи?

А колокольчикъ все не унимался.

— Нѣтъ,—замѣтилъ Свѣтловъ, — врядъ-ли Любимовъ покажется къ вамъ въ скоромъ времени: я заходилъ къ нему сегодня, послѣ обѣда, за объясненіемъ по поводу извѣстной исторіи съ Рябковой, и онъ мнѣ во всемъ чистосердечно покаялся; а я знаю, что въ дни покаянія Евгеній Петровичъ не любитъ показываться на глаза своимъ знакомымъ...

— Любопытно, какъ-же онъ объяснилъ вамъ эту исторію? спросила хозяйка, съ нѣкоторой тревогой прислушиваясь къ неумолкавшему звону.

— Да очень просто: завелъ амуры съ барыней, болталъ съ ней что придетъ въ голову,—взболтнулъ, разумѣется, и про насъ.

Нѣтъ! онъ тутъ совсѣмъ ни причемъ, а если и виноватъ, то, во всякомъ случаѣ, неумышленно; просто... вѣтренность.

— Извинялся, батенька? освѣдомился Варгунинъ.

— Какже! само собой разумѣется; говоря между нами, прослезился даже. — Я, говоритъ, готовъ...

Но Свѣтлову помѣшала докончить начатую фразу суетливо прибѣжавшая, по заднимъ дверямъ, горничная.

— Барыня!.. баринъ пріѣхалъ! доложила она впопыхахъ хозяйкѣ.

Лизавета Михайловна, очевидно, не поняла ее сразу.

— Какой баринъ? спросила она довольно спокойно, хотя сердце у нея и забилось почему-то.

— Да вашъ баринъ... супругъ вашъ,—пояснила горничная.

Въ эту самую минуту, по-прежнему отрывистый звонокъ раздался уже въ передней. Лизавета Михайловна поблѣднѣла вдругъ, какъ полотно, и съ ней едва не сдѣлался обморокъ; серебряная ложечка, которою она мѣшала чай, такъ и забила мелкую дробь по краю стакана. Горничная со всѣхъ ногъ кинулась отворять дверь. Гости переглянулись между собой торопливымъ, недоумчивымъ взглядомъ, ясно выражавшимъ, впрочемъ, щекотливый вопросъ: не слѣдуетъ-ли имъ уходить тотчасъ-же?—и кто-то изъ нихъ даже приподнялся было съ мѣста. Хозяйка замѣтила это движеніе.

— Нѣтъ, пожалуйста... оставайтесь, господа... хоть на четверть часа,—тономъ искренней просьбы обратилась она къ гостямъ, и медленно встала, опираясь рукой о спинку стула. — Вы нисколько не помѣшаете нашей встрѣчѣ... даже облегчите ее мнѣ: у меня очень мало общаго съ моимъ мужемъ...

Пока Лизавета Михайловна говорила это, въ переднюю вошелъ мужчина немного больше чѣмъ средняго роста, лѣтъ сорока пяти, съ ногъ до головы закутанный въ дорожный мѣхъ. Быстро развязавъ красный шерстяной шарфъ, въ нѣсколько рядовъ обмотанный вокругъ шеи, подъ воротникомъ шубы, и также быстро сбросивъ послѣднюю на руки горничной, пріѣзжій очутился въ кургу-

зой, темно-гороховаго цвѣта, визиткѣ, забавно сидѣвшей на немъ сзади, и въ мѣховой шапкѣ, какъ-то смѣшно надвинутой больше на затылокъ и, такимъ образомъ, покрывавшей голову вмѣстѣ съ ушами, на манеръ старушечьяго чепца. Это былъ дѣйствительно никто иной, какъ самъ Дементій Алексѣевичъ Прозоровъ, сильно смахивавшій, въ такомъ костюмѣ, на обезьяну. Въ иномъ, недорожномъ нарядѣ, подобное сходство обнаруживалось у Прозорова не сразу: издали, онъ могъ показаться даже красивымъ мужчиной; но при болѣе внимательномъ обзорѣ его фигуры, ея быстрые переходы отъ одного движенія къ другому, забавная подвижность лица и, оттого, постоянныя, смѣшныя гримасы вполнѣ возстановляли это сходство. Какъ-бы то ни было, но и теперь, смотря на пріѣзжаго, горничная не могла удержаться отъ невольной улыбки.

— Что... что улыбаешься, красавица? обратился онъ къ ней заигривающимъ полушопотомъ. — Гости у васъ — а?

— Да-съ, гости.

Дементій Алексѣичъ, все еще не снимая шапки, мелкими, торопливыми шажками прошелъ въ залу, куда уже вносили, тѣмъ временемъ, его дорожные пожитки.

— Поди-ка, поди-ка сюда... поманилъ онъ оттуда, двумя пальцами, горничную, убиравшую на вѣшалку шубу.

Дѣвушка поспѣшила въ залу.

— У васъ тутъ не дуетъ... не дуетъ отъ окошекъ — а? доспрашивался у нея Прозоровъ, бѣгая все тѣми-же торопливыми шажками отъ окна къ окну и прикладывая къ нимъ по-перемѣнно, внизу двойныхъ рамъ, то ту, то другую ладонь.

— Нѣтъ-съ, не дуетъ,—сказала горничная, опять невольно улыбнувшись.

— А тебя какъ, моя веселая красавица, зовутъ — а? полюбопытствовалъ пріѣзжій, любезно осклабляясь.

— Дарьей-съ.

— Такъ вотъ-бы ты, Дашенька, умница, чайку-бы мнѣ—а?... самоварчикъ-бы приготовила? вкрадчиво попросилъ Дементій Алек-

сѣичъ, имѣвшій обыкновеніе на первыхъ порахъ приголубливать всѣхъ.

— Самоваръ у насъ на столѣ-съ: барыня чай кушаютъ,—отвѣтила горничная, торопливо уходя изъ залы.

— Да барыню-то... барыню-то скорѣе посылай сюда! крикнулъ ей въ догонку пріѣзжій, обнаруживъ, на этотъ разъ, довольно густой и даже пріятный баритонъ.

Только теперь, убѣдившись, что отъ окошекъ не дуетъ, Дементій Алексѣичъ снялъ съ себя мѣховую шапку, торопливо вынулъ изъ ушей по порядочному клочку ваты, и вложивъ въ каждое ухо по мизинцу, какъ-то забавно—энергически потрясъ обѣими руками. Продѣлавъ эту операцію сперва, такъ-сказать, оптомъ, онъ неоднократно повторялъ ее потомъ надъ каждымъ ухомъ въ розницу, всякій разъ что-то доставая оттуда и внимательно разсматривая на кончикѣ пальца, что совершенно походило на то, какъ будто-бы Прозоровъ то и дѣло показывалъ самому себѣ фигу. Именно за этимъ послѣднимъ занятіемъ и застала его жена.

Лизавета Михайловна вошла въ залу незамѣтно, безъ шума. „Больше трехъ лѣтъ не видѣлась я съ нимъ... съ злѣйшимъ врагомъ моей жизни... Шутка-ли!—больше трехъ лѣтъ...“ Такъ думалось ей, когда она, направляясь сюда изъ столовой, проходила полутемнымъ коридоромъ. Теперь, стоя уже на порогѣ зальной двери и всматриваясь въ обращенную къ ней спиной фигуру мужа, Прозорова не могла удержаться отъ внутренняго трепета, отъ какой-то жгучей боли во всемъ своемъ существѣ. Это продолжалось, однако, не болѣе нѣсколькихъ секундъ. „Остаться... жить съ этимъ нравственнымъ уродомъ?.. Нѣтъ!.. ни за-что въ свѣтѣ!!“ мелькнуло въ головѣ молодой женщины, и она, вся вспыхнувъ и выпрямившись, гордо пошла по залѣ къ мужу. Услышавъ шорохъ ея платья, Дементій Алексѣичъ быстро обернулся, и кинулся было къ женѣ съ распростертыми объятіями, чтобъ, по обычаю, расцѣловаться. Но Лизавета Михайловна спокойно

отстранила его отъ себя лѣвой рукой, и протянула ему правую.

— Здравствуйте! холодно сказала она только.

— Что это... что это значитъ-то?! съ тревожнымъ изумленіемъ спросилъ Прозоровъ, видимо опѣшавъ.

Онъ во всѣ глаза смотрѣлъ на жену и какъ-будто не узнавалъ ее послѣ трехлѣтняго одиночества,—до того чѣмъ-то новымъ, чѣмъ-то совершенно незнакомымъ ему, вѣяло отъ всей ея фигуры, какъ-бы выросшей, какъ-бы получившей невѣдомую силу.

— Что... что... что за встрѣча такая? повторилъ Дементій Алексѣичъ, и широко развелъ руками.

— Послѣ всѣхъ вашихъ писемъ, послѣ тѣхъ безчисленныхъ оскорбленій, которыя вы не скупились разсыпать въ нихъ подъ видомъ собственнаго раскаянія, я думаю, вы не могли и разсчитывать на иную... рѣзко сказала Лизавета Михайловна, прямо смотря въ глаза мужу.—Между нами,—прибавила она,—ничего не можетъ быть общаго теперь... кромѣ дѣтей; я даже руку протянула вамъ только по необходимости.

— Да... да... да... да что-же такое письма? Что ты... что ты это, матушка!.. Опомнись! растерялся пуще прежняго окончательно сконфуженный супругъ.

— Я ужъ опомнилась, Дементій Алексѣичъ, — у меня на это было три года слишкомъ... замѣтила ему, еще холоднѣе, жена.— Пожалуйста... оставьте ваше, „ты“ для кого-нибудь другого...

— Прекрасно! прекрасно!.. нечего сказать, очень хорошо! Ну и разстанемся, матушка... не безпокойся! теперь уже ехидно-насмѣшливо говорилъ Прозоровъ, лихорадочно потирая себѣ руки.

Онъ значительно возвысилъ при этомъ голосъ, и быстро заходилъ вдоль залы своими обычными, мелкими шажками.

— Пожалуйста, говорите потише, а то я уйду: у меня гости,— твердо остановила его Лизавета Михайловна.

— Не намѣренъ... не намѣренъ-съ мѣшать вашимъ гостямъ... иронически раскланялся съ ней Дементій Алексѣичъ, — а вы вотъ лучше дѣтей... дѣтей мнѣ покажите.

— Дѣтей нѣтъ дома, отвѣтила она просто.

— Нѣту-съ? Такъ, такъ, такъ!.. такъ и слѣдовало ожидать отъ такой прекрасной матери... съ прежнимъ ехидствомъ продолжалъ Прозоровъ, узнавшій еще раньше, отъ горничной, что дѣти уѣхали въ гости.—Ну, конечно, гдѣ-же... гдѣ-же вамъ сидѣть съ дѣтьми!—мѣшаютъ...

Молодая женщина вся вспыхнула.

— Дементій Алексѣичъ! сказала она тихо, но гордо и рѣшительно,—предупреждаю васъ, что я отвыкла отъ подобнаго обращенія; предупреждаю васъ также, что у меня найдется спасительное средство—извините меня—и отъ вашей глупости, и отъ вашей пошлости. Если вы этого не понимаете...

— Прекрасно, прекрасно... все понимаю-съ! быстро перебилъ ее мужъ, сконфуженно отводя въ сторону глаза.—Вы вотъ лучше чаю... чаю мнѣ дайте, да за дѣтьми... за дѣтьми пошлите,—прибавилъ онъ, какъ говорится, поджавши хвостъ.

Прозорова вышла, не сказавъ ни слова.

— Сію минуту... обратилась она съ принужденной улыбкой къ гостямъ, проходя черезъ столовую въ свою спальню.

Здѣсь Лизавета Михайловна подошла къ кровати, припала горячимъ лицомъ къ подушкамъ, и съ минуту оставалась въ такомъ положеніи; потомъ, нѣсколько успокоившись, она осторожно заперла на ключъ дверь, которая вела изъ спальни въ залу, положила ключъ себѣ въ карманъ, постояла еще немного на мѣстѣ, совершенно неподвижно, съ тупымъ испугомъ уставивъ глаза на эту запертую дверь, и медленной, неслышной походкой вернулась къ гостямъ.

— Какое у васъ разстроенное лицо! съ участіемъ обратилась къ ней Христина Казиміровна.

У Прозоровой, при этомъ замѣчаніи, такъ и покатились слезы градомъ.

— Я ужасно нервная... сказала она, вся покраснѣвъ и торопливо поднося платокъ къ заплаканнымъ глазамъ.

У Свѣтлова чуть-чуть шевельнулись брови.

— Вотъ потому-то и должны вы беречь себя, наша милая хозяйка... замѣтилъ онъ ей тѣмъ ласковымъ, ободряющимъ голосомъ, отъ котораго она всегда какъ-будто оживала.

Вслѣдъ за Александромъ Васильичемъ и остальные гости также выразили Прозоровой свое вниманіе и участіе, кто какъ могъ, но съ такой деликатностью, что ни одинъ не позволилъ себѣ даже и намекомъ коснуться дѣйствительной причины внезапнаго разстройства хозяйки. Она, въ свою очередь, съумѣла оцѣнить эту деликатность, и не стала удерживать дольше гостей, когда, черезъ нѣсколько минутъ, они начали прощаться. Свѣтловъ подошелъ къ Лизаветѣ Михайловнѣ послѣднимъ.

— Только побольше твердости да самообладанія... успѣлъ онъ шепнуть ей, когда пожималъ ея руку.

Александръ Васильичъ предполагалъ, что изъ передней онъ, хотя и мелькомъ, а все-таки увидитъ пріѣзжаго, на котораго ему очень любопытно было взглянуть, и нарочно одѣвался дольше обыкновеннаго; но зала оказалась пустой, и Свѣтловъ замѣтилъ только мѣховую шапку на столѣ да два огромныхъ чемодана у печки. Дѣло въ томъ, что когда гости Лизаветы Михайловны стали прощаться съ ней, Дементій Алексѣичъ, услыхавъ это, забылъ свои обычныя предосторожности противъ простуды и торопливо, неслышными шагами проскользнулъ, въ чемъ сидѣлъ, на крыльцо, а оттуда пробѣжалъ на кухню, гдѣ и отдалъ приказаніе кучеру съѣздить немедленно за дѣтьми.

— Да ты, смотри... смотри, не вывали... не вывали барышеньто у меня!.. На поворотахъ... на поворотахъ-то поглядывай хорошенько!.. строго-на-строго наказывалъ ему огорченный супругъ, пока гости его жены пробирались за ворота.

Вернувшись въ комнаты, Прозоровъ усѣлся въ столовой пить чай, предварительно позвавъ туда изъ спальни жену.

— Такъ какъ-же?.. Такъ ужъ мы и не будемъ... и не будемъ, значитъ, жить вмѣстѣ? кивая головой, доспрашивался онъ

съ цинично-лукавой усмѣшкой. — А... а дѣти? ихъ-то... ихъ-то какъ-же? Вѣдь не бросить... не бросить-же ихъ, матушка, какъ щенятъ, на улицу, — вы объ этомъ-то подумали?

— Вы очень хорошо знаете, Дементій Алексѣичъ, что я всю жизнь мою о нихъ продумала,—спокойно отвѣтила Лизавета Михайловна.

— Да вѣдь надо-же... надо-же ихъ будетъ куда-нибудь дѣть?

— Дѣти останутся при мнѣ,—замѣтила она еще спокойнѣе.

— Вотъ какъ! при ва-асъ?.. Да вы безъ меня капиталы... капиталы, что-ли, тутъ нажили? ѣдко возразилъ Прозоровъ. — Вы и о сю пору на мой счетъ живете.

— Жила, Дементій Алексѣичъ, это правда, но жила по неразумію, по невѣденію...

— Просвѣтились теперь?.. съ обидной колкостью освѣдомился Дементій Алексѣичъ, ехидно улыбаясь и перебивая жену.

— Да, просвѣтилась,—по-прежнему спокойно отвѣтила она.

— Кто-же это... кто-же это, позвольте узнать, такъ просвѣтилъ васъ? съ той-же улыбкой и колкостью спросилъ Прозоровъ.

— Жизнь просвѣтила и люди... непохожіе на васъ,—пояснила Лизавета Михайловна съ глубокимъ вздохомъ. — Но вѣдь мы не объ этомъ начали разговоръ теперь. Вы упрекнули меня сейчасъ, что я жила на вашъ счетъ, — что-же, я не спорю хотя, право, собственно на себя я издерживала до сихъ поръ не больше того, что пришлось-бы вамъ платить любой гувернанткѣ, которая ужъ ни въ какомъ случаѣ не замѣнила-бы дѣтямъ меня. Но въ томъ-то и дѣло, Дементій Алексѣичъ, что продолжать подобную жизнь, выносить эти постоянные упреки... я не хочу и не въ силахъ. Капиталовъ мнѣ не откуда было нажить здѣсь, вы это знаете, такъ зачѣмъ-же спрашиваете? Однакожъ, у васъ, я думаю, осталось въ памяти, что пять лѣтъ тому назадъ, въ мои имянины, вы подарили мнѣ пакетъ съ надписью: „тебѣ и дѣтямъ, на случай моей смерти“...

— Какже... какже, матушка, не помнить такой капитальной

глупости! быстро перебилъ Прозоровъ жену, саркастически засмѣявшись.

— Эти семнадцать тысячъ лежатъ у меня нетронутыми,—продолжала Лизавета Михайловна, прямо и съ достоинствомъ посмотрѣвъ на мужа, — и, по праву подарка, принадлежатъ мнѣ и моимъ дѣтямъ. Но мнѣ ихъ не надо: Богъ вѣсть еще, какими путями вы нажили ихъ такъ скоро, хотя я нѣсколько разъ и слышала отъ васъ прежде, что деньги эти сбережены только благодаря моей акуратности въ расходахъ. Другое дѣло — дѣти: ихъ я не вправѣ лишить того, что дано имъ; впрочемъ, очень можетъ быть, что, съ лѣтами, и они будутъ краснѣть за эти деньги... Теперь вы меня выслушайте хорошенько, Дементій Алексѣичъ...

Прозорова остановилась, какъ-бы собираясь съ силами.

— Глупости, глупости, глупости... и слушать, матушка, не хочу! скороговоркой перебилъ ее мужъ, быстро соскочивъ съ мѣста, и опять забѣгалъ мелкими шажками по столовой.

— Нѣтъ, вы должны меня выслушать! настойчиво и твердо сказала она, наливая ему новый стаканъ чаю. — Дѣтскія деньги я отошлю въ государственный банкъ, а свою половину... сполна возвращу *вамъ*, если... если только вы дадите мнѣ съ дѣтьми отдѣльный видъ на жительство и... отпустите насъ... въ Петербургъ.

Хотя наружно Лизавета Михайловна и высказала свою мысль спокойно, но внутренно она трепетала вся, давая такой роковой оборотъ этому разговору.

Дементій Алексѣичъ неистово замахалъ обѣими руками.

— Это чего... чего-же... чего-же такое?.. Часъ... часъ отъ часу не легче!.. Да ты... да ты... да ты совсѣмъ, матушка, съ ума спятила, что-ли, а?!.. несвязно и скороговоркой бормоталъ онъ, бѣгая по комнатѣ, какъ раненый звѣрь.—Ты тутъ интрижку... интрижку, вѣрно, какую-нибудь безъ меня завела, да теперь и задираешь... и задираешь носъ кверху?.. Нѣтъ, погоди... погоди, матушка!.. Ты вотъ лучше прежде съ мужемъ-то... съ мужемъ-то полюбезничай съ дороги...

И говоря это, Прозоровъ нахально полѣзъ-было къ женѣ, но звонъ колокольчика въ передней остановилъ его.

— Негодяй!!.. глухо простонала Лизавета Михайловна, засверкавъ глазами, и съ невыразимымъ презрѣніемъ оттолкнула отъ себя изо-всей силы мужа.

Молодая женщина едва помнила себя въ эту минуту; вся негодующая, потрясенная до глубины души, она молча прошла къ себѣ въ спальню, заперлась тамъ, и бросившись на кровать, истерически зарыдала.

Тѣмъ временемъ, совсѣмъ обезкураженный такимъ достойнымъо твѣтомъ на свою нахальную любезность и, потому, опять поджавшій на время хвостъ, Дементій Алексѣичъ хлопотливо встрѣчалъ въ передней вернувшихся дѣтей. Они поздоровались съ нимъ ласково, но безъ особенной нѣжности, безъ признака того порывистаго волненія, двигателемъ котораго всегда является взаимная сознательная симпатія. Гриша, напримѣръ, косился, по обыкновенію, какъ и при видѣ всякаго, мало знакомаго ему, лица; Сашенька посматривала на пріѣзжаго больше съ любопытствомъ и удивленіемъ, чѣмъ съ радостью; только одна Калерія обнаружила какъ-будто нѣкоторую долю болѣе серьезнаго чувства: она прослезилась, обнимая отца. Что-же касается самого Прозорова, то ужъ тутъ, разумѣется, всевозможнымъ ласкамъ и увѣреніямъ не было конца, хотя всѣ эти нѣжности и носили на себѣ тотъ-же приторный характеръ, какимъ отличались письма Дементія Алексѣича. Въ самомъ разгарѣ отцовскихъ изліяній, Сашенькѣ бросилось вдругъ въ глаза отсутствіе матери.

— А мамочка, папа, гдѣ? спросила она быстро.

И прежде-чѣмъ Прозоровъ успѣлъ ей отвѣтить, дѣвочка стучалась уже въ дверь материной спальни, не жалѣя своего крошечнаго кулачка.

— Я, мама... Отвори! съ испуганнымъ личикомъ говорила она, сгарая нетерпѣніемъ.

Отворяя ей дверь, какъ ни старалась успокоиться Лизавета

Михайловна, она все-таки не могла скрыть отъ дочери ни своего волненія, ни своихъ заплаканныхъ глазъ.

— Ты опять, мамочка, плакала... а? Папа тебя чѣмъ-нибудь обидѣлъ?.. да? А, мамочка?.. Да говори-же, мамочка! тормошила Сашенька мать, повиснувъ у нея на шеѣ.

— Полно, Шура... полно, моя золотая дѣвочка!.. мало-ли о чемъ я плачу,—успокоительно говорила дочери Прозорова, сама едва сдерживая душившія ее и теперь слезы.

Онѣ обѣ забились въ уголокъ на кровати, и нѣсколько минутъ сидѣли молча, обнявшись, будто хотѣли защитить отъ кого-то одна другую. Вскорѣ пришли сюда и Гриша съ Калеріей, задержанные до того времени въ залѣ отцомъ. Они также замѣтили разстройство матери и тоже закидали ее вопросами.

— Такъ... взгрустнулось... коротко пояснила она, сколько къ ней ни приставали.

Между тѣмъ, Дементій Алексѣичъ, какъ ни въ чемъ не бывало, возился въ залѣ около своихъ чемодановъ, въ сообществѣ горничной, мимоходомъ позванной имъ на помощь.

— У васъ кто-же... кто-же, Дашенька, гости-то сегодня были? распрашивалъ онъ ее, между прочимъ, таинственнымъ полушопотомъ.

— Докторъ былъ, который барыню лечилъ, Матвѣй Николаичъ были, да еще нашъ баринъ, а другихъ-то я не знаю — тѣ въ первый разъ у насъ.

— Это какой-же... какой-же такой „вашъ баринъ“? насторожилъ уши Прозоровъ.

— Да господинъ Свѣтловъ—учитель; они всякій день у насъ бываютъ—барышенъ и барича учатъ.

— Такъ, такъ... Ты, поди, заглядываешься на него—а?

— Ну, баринъ, развязывайте скорѣе: мнѣ еще надо посуду убирать,—съ неудовольствіемъ сказала горничная, видимо тяготясь этимъ интимнымъ разговоромъ.

— А любовникъ у тебя есть—а? допытывался Дементій Алек-

сѣичъ, приходя, очевидно, въ игривое настроеніе и все больше понижая голосъ.—Да ужъ нечего... нечего, Дашенька... есть... по глазамъ вижу... Вѣдь есть—а? Признайся-ка, а? есть?

— Что это вы, баринъ, глупости какія говорите! покраснѣла и обидѣлась горничная, привыкшая въ домѣ Лизаветы Михайловны къ порядочности.—Теперь и одни, безъ меня, справитесь,—прибавила она насмѣшливо, и ушла.

Прозоровъ конфузливо съежился.

— Калерочка!.. Дѣти! позвалъ онъ громко, отходя отъ чемодановъ.

Калерія не замедлила явиться; спустя минуту, пришелъ и Гриша, объявивъ отцу, что Сашенька „не отходитъ отъ муськи".

— Ну... Богъ съ ней, Богъ съ ней... какъ-то брюзгливо процѣдилъ сквозь зубы Дементій Алексѣичъ.

Онъ усадилъ дѣтей на диванъ, помѣстился рядомъ съ ними, и сталъ ихъ обо всемъ подробно разспрашивать: какъ они жили безъ него, какъ учились, что дѣлали, молятся-ли каждый день Богу, часто-ли ходятъ въ церковь? Предлагая имъ свои многочисленные вопросы, Прозоровъ какъ-то безпорядочно перескакивалъ отъ одного предмета къ другому, неимѣвшему, повидимому, никакой логической связи съ первымъ: ему, главное, хотѣлось вывѣдать этимъ путемъ что-нибудь обличительное въ отношеніи жены. Но Калерія болтала больше о пустякахъ,—напримѣръ, о своемъ новомъ розовомъ платьѣ, совершенно неумышленно обходя прямые отвѣты, а Гриша чаще всего отмалчивался. Наконецъ, желая во что-бы то ни стало развязать языкъ у дѣтей, Дементій Алексѣичъ круто перемѣнилъ тактику: онъ началъ увѣрять Калерію, что накупитъ ей завтра-же множество нарядовъ и разныхъ туалетныхъ бездѣлушекъ.

— А тебѣ часы подарю,—обратился отецъ къ мальчику.

— Ты, пожалуй, опять такіе-же купишь, какъ мнѣ на именины послалъ—пустые, съ прилѣпленными стрѣлками,—равнодушно замѣтилъ Гриша.

— Нѣтъ, Гришечка, теперь настоящіе... настоящіе подарю ходить будутъ... Ей Богу! увѣрялъ Дементій Алексѣичъ, и пе-: рекрестился.

Какъ-бы то ни было, но и эта система задобриванія не привела его ни къ одному изъ тѣхъ результатовъ, какихъ онъ добивался. Прозоровъ рѣшился дѣйствовать прямѣе.

— Учитель-то, поди... поди, внушаетъ вамъ, что на отца... плевать? спросилъ онъ вдругъ, ни съ того—ни съ сего, у дѣтей.

Калерія не поняла; Гриша съ удивленіемъ смотрѣлъ на отца въ упоръ.

— Чего-жъ ты... чего-жъ ты глаза-то на меня вытаращилъ? раздраженно освѣдомился Дементій Алесѣичъ у сына.—Вотъ у меня Калерочка, такъ та—умница; она не по-твоему — все мнѣ разскажетъ,—обратился онъ къ дочери заискивающимъ тономъ.

— Да что-же я тебѣ, папочка, скажу? Я не понимаю, о чемъ ты меня спрашиваешь,—сказала дѣвочка совершенно чистосердечно.

Прозоровъ разсердился.

— Ну... и... и не надо! и не сказывайте! и... и не куплю... не куплю я вамъ ничего, когда вы съ отцомъ секретничаете! Матери... матери такъ, небось, все говорите? Мать, что-ли, васъ содержитъ-то? Все... все на мои деньги... забѣгалъ Дементій Алексѣичъ по залѣ, широко разводя руками.

— Я, папа, очень тебя люблю... замѣтила Калерія, не зная, что сказать.

— Да что... да что... да что мнѣ, матушка, изъ твоей любви-то? — шубу, что-ли, шить? Я... я для васъ, какъ волъ... какъ волъ, работаю, ночи не сплю,—вонъ... вонъ какая у меня тутъ штука... сидитъ; а вы что? Вотъ тебѣ и благода-а-рность! Утѣ-ѣ-шили, дѣточки... утѣ-ѣ-шили!.. порывисто говорилъ Прозоровъ, ударивъ себя нѣсколько разъ пальцемъ по лысинѣ и крутясь, какъ вихорь, на одномъ мѣстѣ.

Калерія мигала-мигала, смотря на отца, и вдругъ истерически

зарыдала. Въ дверяхъ залы показалась Лизавета Михайловна съ робко выглядывавшей у нея изъ-за платья Сашенькой.

— Какъ вамъ не стыдно, Дементій Алексѣичъ, тревожить по пустякамъ дѣтей! сказала она мужу, съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ.—Полно тебѣ, Калерія, плакать!—мало-ли ты еще чего наслушаешься... прибавила раздражительно Прозорова, обратясь къ старшей дочери, и опять ушла въ спальню.

Дементій Алексѣичъ, въ свою очередь, принялся всячески утѣшать Калерію, ласкалъ ее, даже дулъ ей зачѣмъ-то въ глаза, говорилъ, что онъ пошутилъ, что больше не будетъ, опять увѣрялъ, что накупитъ ей завтра кучу разныхъ разностей, и вдругъ спохватился носового платка.

— Куда-же... куда-же это онъ дѣлся? Вѣдь недавно... недавно куда-то его самъ бросилъ, а теперь вотъ и не найду... хоть ты что хочешь! Пропалъ... пропалъ платокъ да и шабашъ! какъ угорѣлый, совался Прозоровъ изъ угла въ уголъ.

Калерія соскочила съ мѣста и, сквозь слезы, принялась помогать отцу, заглядывая то подъ диванъ, то подъ кресла.

— Да онъ у тебя не въ карманѣ-ли, папа? спросила она, когда ея поиски остались безуспѣшны.

— Нѣтъ... тутъ нѣтъ... нѣту! сказалъ Дементій Алексѣичъ остановясь посреди комнаты и ощупывая карманы.—А это отчего? Оттого... оттого все, Калерочка, что помолиться... помолиться я забылъ сегодня утромъ...

Теперь, въ свою очередь, и Калерія, какъ давеча Гриша, во всѣ глаза смотрѣла на отца, рѣшительно недоумѣвая, какое отношеніе можетъ имѣть утренняя молитва къ затерявшемуся вечеромъ платку.

— Что... что глазенки таращишь? Это бываетъ... бываетъ... подвердилъ самоувѣренно Прозоровъ, никого, впрочемъ, не убѣдивъ такимъ, черезчуръ ужь первобытнымъ, пріемомъ доказательства.

Такъ и не отыскалъ платка въ этотъ вечеръ Дементій Алексѣичъ. Прислушиваясь, изъ спальни, къ его забавной вознѣ,

Сашенька, отъ времени до времени, прятала свое личико на груди матери, чтобъ не слышно было въ залѣ ея дѣтски-искренняго, неудержимаго смѣха. У самой Лизаветы Михайловны, напротивъ, съ каждой новой выходкой мужа, все сильнѣе и болѣзненнѣе сжималось сердце. Молодая женщина думала и передумывала. Вѣдь вотъ... сколько еще нравственной отравы внесетъ этотъ развращенный ханжа въ такъ бережно охраняемый ею дѣтскій міръ? Достаточно, быть можетъ, нѣсколькихъ подобныхъ вечеровъ, чтобъ исковеркать,перевернуть вверхъ-дномъ все то, чему она, Прозорова, посвятила уже половину своей жизни, да, конечно, посвятитъ и остальную? Потомъ... съ чего это онъ такъ вдругъ, ни слова не написавъ, пріѣхалъ?.. И все жгуче и жгуче вставали въ головѣ Лизаветы Михайловны эти неотвязчивые вопросы, все настоятельнѣе просили у ней отвѣта. Наконецъ, Прозорова не выдержала и подошла къ запертой двери въ залу.

— Дѣти! пора спать... постучалась она.

Благодаря энергіи и двукратному повторенію этого призыва, минутъ черезъ десять зала опустѣла. Пріѣзжій расположился ночевать въ комнатѣ Гриши, Калерія — у себя въ дѣтской, а Сашенька осталась при матери, сколько та ни отсылала ее къ сестрѣ. Тѣмъ не менѣе, ложась спать, Лизавета Михайловна тщательно осмотрѣла обѣ двери: она хорошо знала своего мужа и могла ожидать отъ него, если не всего, то, по крайней мѣрѣ, непрошеныхъ, насильственныхъ ласкъ...

На другой день, въ обычный часъ утра, Свѣтловъ явился къ Прозоровымъ на урокъ. Дѣти встрѣтили учителя съ нескрываемой радостью: по правдѣ сказать, имъ уже и сегодня порядочно успѣлъ надоѣсть отецъ своими глуповатыми разспросами. Лизавета Михай-

ловна тотчасъ-же вышла поздороваться съ Александромъ Васильичемъ, который замѣтилъ по ея, все еще краснымъ, глазамъ, что она дурно провела ночь.

— Здоровы-ли вы? спросилъ онъ, крѣпко пожимая ей руку.

Она только-что собралась отвѣчать ему, какъ въ дверяхъ залы показался самъ Прозоровъ, разфранченный и сильно напомаженный.

— Мой мужъ... Александръ Васильичъ Свѣтловъ—учитель нашихъ дѣтей,—торопливо отрекомендовала ихъ другъ другу хозяйка, и сейчасъ-же ушла.

— Очень радъ-съ... Прошу... прошу покорно садиться! сказалъ Дементій Алексѣичъ довольно учтиво, но, очевидно, желая придать себѣ какъ можно болѣе внушительный видъ.—Вы по какой... по какой системѣ, молодой человѣкъ, преподаете? обратился онъ къ учителю тономъ знатока и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-бы начальника.

— По своей собственной, выработанной практикой,—холодно и вскользь отвѣтилъ ему Свѣтловъ, занимая свое обычное мѣсто во время урока.—Ну-съ, дѣти... начнемте,—спокойно, какъ всегда, пригласилъ онъ учениковъ.

— Позвольте... съ нѣкоторой важностью перебилъ его Прозоровъ,—вы, значитъ, не признаете... не признаете мнѣній людей авторитета въ наукѣ?

— Если вамъ будетъ угодно, мы поговоримъ объ этомъ въ другой разъ; а теперь—извините—намъ надо заниматься: время очень дорого для меня,—по прежнему холодно и вскользь пояснилъ Александръ Васильичъ, приступая къ уроку.

Дементій Алексѣичъ замѣтно сконфузился.

— Не мѣшаю, не мѣшаю-съ... поспѣшилъ онъ сказать скороговоркой.

Прозоровъ на цыпочкахъ отошелъ въ сторону, сѣлъ и сталъ внимательно слушать, какъ-то забавно вытянувъ при этомъ голову впередъ и настороживъ, съ помощью ладони, правое ухо, которое и безъ того стояло у него торчкомъ.

Урокъ начался съ исторіи. На разнообразные вопросы учителя, дѣти отвѣчали толково и не спѣша, безъ малѣйшаго признака такъ-называемой долбежки; въ особенности, отличался Гриша: онъ выказалъ очень обширныя для его возраста свѣденія, ни мало не обнаруживъ, въ то-же время, желанія щегольнуть ими передъ отцомъ. Что касается самого Александра Васильича, то онъ и на этотъ разъ не измѣнилъ ни на іоту своихъ обычныхъ пріемовъ преподаванія: увлекательно и просто разсказывалъ, иногда шутилъ, смѣялся. Послѣднее крайне не понравилось Дементію Алексѣичу.

— Что... что за смѣшки такія? обратился онъ строго къ Калеріи, когда та, не будучи въ состояніи удерживать долѣе подступившаго и къ ней смѣха, закрылась передникомъ отъ пристальнаго взгляда отца.—Сиди смирно... какъ слѣдуетъ!

Свѣтловъ въ ту-же минуту обернулся къ Прозорову.

— Я попросилъ-бы васъ не мѣшать намъ... сказалъ онъ ему съ вѣжливой улыбкой.

— Виноватъ, виноватъ... уже съ нѣкоторымъ ехидствомъ извинился Дементій Алексѣичъ.

Но, минутъ черезъ пять, онъ опять-таки не утерпѣлъ, и по поводу какого-то сложнаго, совершенно непонятаго имъ, отвѣта Гриши, замѣтилъ мальчику свысока:

— Экую, братъ, какую ты чушь... чушь несешь!

Александръ Васильичъ, въ свою очередь, снова обернулся къ Прозорову.

— Во-первыхъ, вы не правы,—сказалъ онъ ему, слегка покраснѣвъ: — Григорій Дементьичъ отвѣчаетъ совершенно вѣрно; во-вторыхъ... я не могу допустить, чтобъ постороннее лицо вмѣшивалось въ урокъ, и потому еще разъ попрошу васъ... не мѣшать намъ.

— Отецъ-то... отецъ-то постороннее лицо!? Вотъ тебѣ разъ! какъ-то смѣшно поклонился и развелъ руками Дементій Алексѣичъ.—Отъ перваго человѣка, батюшка, слышу.

— Во время урока, кромѣ учителя и учениковъ, каждый счи-

тается постороннимъ; еслибы вы потрудились зайти когда-нибудь въ одинъ изъ классовъ гимназіи, въ часы занятій, и стали-бы вмѣшиваться въ урокъ — вамъ сказали-бы тоже самое,—вразумительно пояснилъ Свѣтловъ.

— Да... ну... ну, тамъ гимназія — то совсѣмъ другое дѣло; тамъ, батюшка,—правительство, а... а... а здѣсь... здѣсь *я* плачу деньги! Вотъ... вотъ какое мое мнѣніе! съ азартомъ возразилъ Прозоровъ, ткнувъ себя пальцемъ въ грудь и стремительно соскочивъ со стула.

Свѣтловъ, въ свою очередь, спокойно поднялся съ мѣста.

— Извините,—сказалъ онъ холодно и рѣзко,—я не заключалъ съ вами никакихъ условій, и мнѣ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до вашихъ мнѣній.

Прозорова, слѣдившая, по обыкновенію, за урокомъ изъ сосѣдней комнаты, вошла въ это время въ залу.

— Вы сами видите, Лизавета Михайловна,—съ достоинствомъ обратился къ ней Александръ Васильичъ,—что при настоящихъ условіяхъ я не могу добросовѣстно исполнять *у васъ* своей обязанности, и такъ-какъ, мнѣ кажется, что эти условія не измѣнятся и впередъ, то не найдете ли вы болѣе удобнымъ—присылать дѣтей коо мнѣ на домъ?...

— Ужъ это-то... ужъ это-то... сдѣлайте одолженіе... не отъ нея будетъ зависѣть... Да-съ, не отъ нея-съ! раздражительно вмѣшался Дементій Алексѣичъ.

— Такъ вы подумайте и извѣстите меня,—невозмутимо-спокойно докончилъ Свѣтловъ, относясь, по прежнему, къ одной хозяйкѣ.

Александръ Васильичъ дружелюбно протянулъ ей руку, ласково простился съ дѣтьми, и, уже издали, отвѣсилъ вѣжливый поклонъ хозяину дома.

— Будьте здоровы! пожелалъ онъ ему своимъ ровнымъ, металлически-чистымъ голосомъ, и прошелъ, не торопясь, въ переднюю.

Прозоровъ стоялъ на мѣстѣ, какъ вкопанный, и тревожно слѣдилъ за уходившимъ учителемъ, съ неподвижно-разинутымъ ртомъ,

съ вытаращенными глазами, до тѣхъ поръ, пока фигура Свѣтлова не изчезла за уличной дверью.

— Ну, ну... ну скажите на милость... ну... ну... ну на что это похоже? заговорилъ тогда Дементій Алексѣичъ, какъ-то забавно вытянувъ впередъ руки, такъ-что ладони ихъ почти сходились.— Да это... да это... да это просто... разбойникъ, разбойникъ какой-то... съ большой дороги!—а? Ей богу!! заключилъ онъ скороговоркой, и наклонивъ на бокъ голову, опять растопырилъ руки.

— Полно вамъ, Дементій Алексѣичъ!.. Что вы издѣваетесь-то?.. надъ кѣмъ?.. Вы хоть-бы дѣтей-то постыдились! замѣтила ему Лизавета Михайловна голосомъ, полнымъ внутреннихъ слезъ, и поспѣшно ушла къ себѣ въ спальню.

Тяжелые дни наступили для нея...

ГЛАВА IV.

Чуется что-то недоброе.

Съ тѣхъ поръ прошла недѣля. Слухъ о фабричной исторіи, облетѣвъ, съ неизбѣжными преувеличеніями, весь Ушаковскъ, дошелъ, наконецъ, и до стариковъ Свѣтловыхъ. Сначала, они было не на шутку встревожились: молва приписывала ихъ сыну самую опасную роль въ этомъ, для многихъ очень таинственномъ, дѣлѣ; иные словоохотливые языки смѣло и беззастѣнчиво утверждали даже, будто молодой человѣкъ подстрекалъ фабричную толпу къ убійству директора. Само собой разумѣется, что послѣднему никто не вѣрилъ, тѣмъ болѣе Ирина Васильевна. Она, сперва, съ негодованіемъ отвергала такое гнусное и неправдоподобное обвиненіе,

падавшее, по мнѣнію старушки, позоромъ на всю семью, а потомъ только улыбалась, выслушивая досужія сплетни отъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ и знакомыхъ.

— Чего ужъ здѣсь народъ не выдумаетъ, право! убѣдительно говорила она имъ,—слушать-то такъ даже тошно... Неужли генералъ-то пріѣхалъ-бы къ Санькѣ, кабы было что-нибудь и вправду? Чешутъ языки, поди, изъ зависти—вотъ и все!

Дѣйствительно, старушка не дерзала и думать иначе: визитъ представителя мѣстной власти къ Александру Васильичу, на третій день фабричнаго произшествія, когда генералу оно было уже извѣстно, легко могъ сбить съ толку и не такую простоту, какъ Ирина Васильевна. Однакожъ, не смотря на это, она, по нѣскольку разъ въ день, принималась допрашивать сына обо всѣхъ подробностяхъ темной для нея исторіи,—и каждый разъ Александръ Васильичъ успокаивалъ мать безыскуственной искренностью своего разсказа, своимъ прямымъ, ни отъ какихъ вопросовъ несмущавшимся, взглядомъ. Тѣмъ не менѣе, не удовлетворяясь вполнѣ даже и этими разспросами, старушка, втихомолку и незамѣтно, слѣдила дома за каждымъ движеніемъ молодого человѣка, не упуская изъ виду ни малѣйшей перемѣны въ его лицѣ, ни одной особенности въ тонѣ его обращенія съ домашними; но и при самомъ тщательномъ наблюденіи, зоркій глазъ матери не подмѣчалъ ничего подозрительнаго: молодой Свѣтловъ оставался спокойнымъ и ровнымъ, какъ всегда. Получивъ надлежащія свѣденія отъ жены, Василій Андреичъ самъ не разспрашивалъ сына ни о чемъ, былъ всю послѣднюю недѣлю какъ-то необыкновенно молчаливъ, и только все чаще и чаще покуривалъ изъ своей любимой коротенькой трубочки.

— А ужъ попадешься-же ты когда-нибудь здорово, парень, со своими затѣями!—вотъ все, что онъ сказалъ сыну по поводу послѣднихъ толковъ о немъ въ городѣ.

Говоря вообще, съ нѣкотораго времени и, въ особенности, съ тѣхъ поръ, какъ школа Александра Васильича поставила себя въ общественномъ мнѣніи довольно прочно, поведеніе стариковъ Свѣт-

ловыхъ, въ отношеніи сына, значительно измѣнилось. Ирина Васильевна ужъ не давала больше совѣтовъ мужу— „постращать Саньку“, а Василій Андреичъ, въ рѣдкихъ разговорахъ съ нимъ, очень замѣтно избѣгалъ своего обычнаго, нѣсколько повелительнаго тона. Старики, очевидно, начинали все сильнѣе и сильнѣе проникаться уваженіемъ къ дѣятельности молодого человѣка, какъ говорится, заваленнаго теперь работой.

Александръ Васильичъ, знавшій, что слѣдственная коммисія, назначенная по фабричному дѣлу, уже съ недѣлю тому назадъ выѣхала на мѣсто произшествія, сталъ было и самъ успокаиваться понемногу, видя, что его не тревожатъ. Такъ-какъ уроки съ дѣтьми Прозоровыхъ пока еще не возобновлялись, а Лизавета Михайловна и Ельниковъ были не совсѣмъ здоровы, то Свѣтловъ, въ послѣдніе дни, занимался одинъ въ своей школѣ. Сегодня,—въ субботу, — онъ только-что распустилъ учениковъ, какъ ему принесли записку отъ Христины Казиміровны, наскоро написанную карандашемъ на лоскуткѣ бумаги. „Папка сію минуту арестованъ; былъ обыскъ. Отъ Варгунина только-чго пріѣзжалъ нарочный сказать, что Матвѣй Николаичъ тоже взятъ“—коротко извѣщала Жилинская.

„Вотъ они когда начинаются, настоящіе-то визиты!“ ѣдко подумалъ Александръ Васильичъ, разрывая въ мелкіе клочки лаконическое посланіе.

Свѣтловъ, впрочемъ, принялъ это извѣстіе довольно холодно, даже не измѣнясь нисколько въ лицѣ, какъ-будто съ минуты-на-минуту ожидалъ чего-нибудь подобнаго. Онъ спокойно присѣлъ къ письменному столу, написалъ два письма, запечаталъ ихъ не торопясь, вынулъ изъ кармана памятную книжку, порылся въ ней, и закуривъ сигару, позвалъ сторожа школы,—сѣдого, коренастаго старика изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ.

— Вотъ эти письма вы отнесите сейчасъ-же, одно на почту, а другое къ доктору Ельникову,— обратился къ нему Александръ Васильичъ.—Не забыли еще, гдѣ онъ живетъ?

— Знаю, знаю, судырь,—торопливо проговорилъ сторожъ, принимая изъ рукъ Свѣтлова конверты, и хотѣлъ выйти.

— Постойте, Бубновъ... остановилъ его Александръ Васильичъ,—сколько я вамъ долженъ?

— Два рубля съ чѣмъ-то; а впрочемъ, не упомню-съ.

— На всякій случай, намъ надо разсчитаться,—сказалъ Свѣтловъ, вынимая изъ бокового ящика деньги.—По моему счету, вамъ слѣдуетъ, по сегодняшній день, два съ полтиной,—вотъ вы и получите ихъ; да ужъ, кстати, возьмите и за остальное время до конца мѣсяца. Такимъ образомъ, я буду считать, что до перваго числа вы служите мнѣ, а потомъ... Я не могу еще сказать вамъ теперь, какъ я устроюсь потомъ.

Бубновъ, не смотря на короткое время своей службы у Александра Васильича, успѣлъ уже на-столько привязаться къ молодому человѣку, что теперь ни за что-бы, кажется, не отошелъ отъ него добровольно.

— Чѣмъ-же вы, судырь, изволите быть мной недовольны? спросилъ онъ у Свѣтлова, замѣтно обиженный.

— Напротивъ, я совершенно доволенъ вами, Бубновъ,—поспѣшилъ сказать Александръ Васильичъ;—но... по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, мнѣ не приходится располагать собой впередъ.

— Коли вы, судырь, это на счетъ жалованья... такъ я при вашей милости и такъ-бы, изъ-за однехъ хлѣбовъ, послужить могъ, какъ слѣдуетъ,—чистосердечно замѣтилъ старикъ.

Свѣтловъ былъ тронутъ.

— Спасибо вамъ, мой хорошій Бубновъ, за доброе слово! съ чувствомъ сказалъ онъ, протягивая руку старому солдату.—Мнѣ, признаться, и самому не хотѣлось-бы разойтись съ вами такъ скоро, и еслибъ тутъ дѣло шло только о деньгахъ, нечего-бы тогда и толковать много; но—повторяю вамъ—я и самъ еще не знаю пока, что и какъ будетъ дальше... Впрочемъ, авось мы еще столкуемся.

Бубновъ тревожно переминался на мѣстѣ, очевидно, не рѣшаясь высказать какую-то, сильно занимавшую его, мысль.

— Это, судырь... не на счетъ-ли... того, что въ городѣ говорятъ? молвилъ онъ, наконецъ, предварительно высморкавшись.

— Да разныя разности... какъ-то вскользь пояснилъ Александръ Васильичъ, притягивая къ себѣ со стола деньги и вручая ихъ съ улыбкою, старику.

— Эхъ! ужъ и брать-то его не хочется, жалованье-то... съ тяжелымъ вздохомъ выговорилъ Бубновъ, нехотя принимая деньги.

Онъ нерѣшительно постоялъ еще нѣсколько времени на мѣстѣ и, снова тяжело вздохнувъ, вышелъ.

Свѣтловъ облокотился на письменный столъ и задумался. Минутъ черезъ пять, какъ бы очнувшись, Александръ Васильичъ быстро поднялъ голову, всталъ, прошелъ въ классную комнату, усѣлся угрюмо на одной изъ ея скамѣекъ, и опять погрузился, на-долго, въ какое-то сосредоточенное забытье.

— Такъ они думаютъ, что развитый, весь преданный своему дѣлу человѣкъ не стоитъ любой, уставленной пушками, крѣпости?.. Дѣти-же они послѣ этого! громко и выразительно сказалъ онъ, наконецъ, невѣдомо къ кому обращаясь, и его сильный, металлически-чистый голосъ какъ-то странно и рѣзко нарушилъ мертвую тишину пустой школы.

Свѣтловъ порывисто всталъ и, очевидно, сильно взволнованный, быстро зашагалъ между скамѣекъ. Спустя четверть часа, онъ, уже съ спокойнымъ лицомъ, неторопливо входилъ, по заднему крыльцу, въ просторные покои большого дома. Всю остальную часть дня Александръ Васильичъ провелъ семейно, со стариками; обѣдалъ съ ними, острилъ и школьничалъ вообще былъ необыкновенно веселъ,—и никакая самая зоркая материнская любовь не подмѣтила-бы въ немъ, въ эти минуты, того неуловимо-тонкаго оттѣнка грусти, который, изрѣдка, то мелькалъ въ его беззаботной улыбкѣ, то скользилъ по его смѣющимся глазамъ, то выдѣлялся едва ощущаемой ноткой изъ рѣзваго тона его громкой, шутли-

вой рѣчи. Веселость молодого человѣка была такъ заразительна, что сообщилась, понемногу, даже Василью Андреичу.

— Нашъ рябчикъ свиститъ да скачетъ, а Рябчиха сидитъ да плачетъ... сострилъ онъ, между прочимъ, и самъ,—чего ужъ давно не бывало.

Около семи часовъ вечера, старики Свѣтловы собрались, всей семьей, на имянины къ Анютѣ Орловой; звали и Александра Васильича, но онъ, не смотря на дипломатическое замѣчаніе матери, что тамъ, вѣрно, будетъ сегодня и Прозорова, остался дома, отговорившись какой-то спѣшной работой. Однакожъ, дѣломъ Свѣтловъ, противъ обыкновенія, не занялся, а просто сидѣлъ у себя въ кабинетѣ часовъ до восьми, все усиленно размышляя о чемъ-то. Бубновъ вошелъ было туда, чтобъ сообщить барину, что письма отнесены по принадлежности, но не рѣшился нарушить его глубокой задумчивости. Изъ нея вывелъ Александра Васильича говоръ нѣсколькихъ голосовъ у передняго крыльца флигиля.

— Посмотрите, Бубновъ, что тамъ? распорядился молодой человѣкъ, внимательно прислушиваясь къ этому неопредѣленному говору.

— Какой-то военный, сударь, васъ спрашиваютъ зачѣмъ-то... озабоченно доложилъ старикъ, выйдя и тотчасъ-же вернувшись.

Свѣтловъ быстро всталъ; но онъ не успѣлъ сдѣлать и двухъ шаговъ по комнатѣ, какъ съ нимъ офиціально раскланялась немного уже знакомая ему, издали, высокая фигура, въ густыхъ серебряныхъ эполетахъ.

— Здѣшній полиціймейстеръ,—вѣжливо отрекомендовался посѣтитель, давъ время Бубнову выйти изъ кабинета.—Я имѣю честь видѣть г. Свѣтлова?

— Къ вашимъ услугамъ,—холодно поклонился Александръ Васильичъ.

— Мнѣ очень совѣстно, что я безпокою васъ въ такое время... но... извините—обязанность,—сказалъ начальникъ ушаковской полиціи, выразительно пожавъ плечами, и торопливо вынулъ

изъ-за борта сюртука какой-то листъ бумаги, сложенный вчетверо.— Потрудитесь вотъ это прочесть.

— Пожалуйста!... рукой пригласилъ его Свѣтловъ сѣсть, и, не торопясь, развернулъ бумагу.

Она оказалась форменнымъ предписаніемъ губернскаго прокурора, адресованнымъ на имя посѣтителя и заключавшимъ въ себѣ слѣдующее:

„По производящемуся подъ личнымъ моимъ руководствомъ слѣдствію о возмущеніи рабочихъ Ельцинской фабрики противъ ея бывшаго директора, отставного полковника Оржеховскаго, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокородіе немедленно отобрать отъ кандидата С.-Петербургскаго университета, Александра Свѣтлова, всѣ принадлежащія ему бумаги, и вмѣстѣ съ ними представить его ко мнѣ *лично* для надлежащихъ по сему дѣлу объясненій".

— Я-бы хотѣлъ знать, слѣдуетъ ли разумѣть подъ этимъ... арестъ? спросилъ Александръ Васильичъ, внимательно пробѣжавъ глазами прокурорское распоряженіе и возвращая его обратно полиціймейстеру.

— Къ сожалѣнію, не могу вамъ сказать ничего,—пояснилъ начальникъ полиціи, снова пожавъ плечами:—это будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія прокурора; я обязанъ только буквально исполнить его предписаніе.

Свѣтловъ развязно запустилъ руку въ правый карманъ брюкъ, вынулъ оттуда небольшую связку ключей, и положилъ ее на письменный столъ. Тонкая, почти незамѣтная улыбка скользила при этомъ по губамъ молодого человѣка.

— Въ такомъ случаѣ, не угодно ли вамъ прямо приступить къ исполненію вашей обязанности,—холодно поторопилъ онъ незваннаго посѣтителя.

Полиціймейстеръ еще разъ извинился, что безпокоитъ его, попросилъ позволенія позвать въ кабинетъ, черезъ Бубнова, двухъ остальныхъ членовъ полиціи, дожидавшихся у крыльца, и, уже въ

присутствіи послѣднихъ, пригласилъ хозяина представить все, что у него имѣется по письменной части.

— Ключи на столѣ: не стѣсняйтесь, пожалуйста,—сказалъ Свѣтловъ, отходя немного въ сторону и садясь.

Но полиціймейстеръ, очевидно, стѣснялся.

— Вамъ самимъ будетъ удобнѣе... проговорилъ онъ, замявшись.

— Что? отрывисто спросилъ Александръ Васильичъ, поднимая голову.

— Предъявить намъ ваши бумаги,—пояснилъ градоначальникъ, стараясь не смотрѣть на хозяина.

— Извините: у меня не въ привычкѣ показывать свои бумаги... кому-бы то ни было,—съ достоинствомъ замѣтилъ ему Свѣтловъ.

Полиціймейстеръ, по видимому, не зналъ, что дѣлать: сперва онъ только какъ-то странно посмотрѣлъ на всѣхъ, потомъ осторожно взялъ ключи со стола, приложилъ одинъ изъ нихъ, на удачу, къ замку верхняго ящика—и вдругъ покраснѣлъ. Александръ Васильичъ пристально слѣдилъ за этимъ; прежняя тонкая улыбка шевельнулась у него на губахъ.

— Тутъ нуженъ узорчатый ключъ,—обязательно сообщилъ онъ.

Благодаря этой обязательности, начальникъ полиціи понемногу оправился, живѣе приступилъ къ дѣлу,—и недальше, какъ черезъ полчаса, большая часть бумагъ Свѣтлова была выбрана изъ ящиковъ и сложена, въ одну кучку, на письменномъ столѣ; оставалось пока нетронутымъ только одно помѣщеніе—съ письмами.

— Вы мнѣ позволите выкурить папироску? любезно обратился полиціймейстеръ къ хозяину, вынувъ портсигаръ и какъ-бы собираясь отдохнуть немного.

— До сихъ поръ, въ этой комнатѣ курили только мои знакомые,—замѣтилъ Свѣтловъ;—но послѣ того, какъ я уже не одинъ въ ней хозяинъ, здѣсь можетъ курить... каждый.

Полиціймейстеръ сконфузился, торопливо всунулъ обратно въ портсигаръ вынутую было оттуда папироску, и въ пять минутъ

окончилъ переборку бумагъ. Ихъ завернули въ большой газетный листъ и скрѣпили двойными печатями—хозяина и полиціи.

Градоначальникъ пощупалъ свертокъ рукой, какъ-бы желая удостовѣриться въ его прочности.

— Теперь... мнѣ придется попросить васъ съ собой,—уже нѣсколько высокомѣрно отнесся онъ къ Свѣтлову. — Есть ли у васъ на кого оставить квартиру?

Александръ Васильичъ отвѣтилъ утвердительно, заперъ письменный столъ, попросилъ позволенія написать матери записку, запечаталъ ее вмѣстѣ съ ключами, и вручилъ пакетъ Бубнову—для надлежащей передачи.

— Тутъ и о васъ написано,—коротко сообщилъ ему Свѣтловъ.—Завтра утромъ отнесите.

Сердце отставного солдата чуяло что-то недоброе, когда тотъ, со свѣчей въ рукѣ, провожалъ до крыльца своего барина, уходившаго вмѣстѣ съ полиціей, и еслибъ, въ эту минуту, молодой человѣкъ былъ менѣе занятъ собственными мыслями, онъ, навѣрно, замѣтилъ-бы, какъ старикъ, раза два, утеръ себѣ кулакомъ правый глазъ...

Семья Свѣтловыхъ вернулась съ именинъ довольно поздно, и потому Ирина Васильевна, противъ обыкновенія, проспала на другой день раннюю воскресную обѣдню. Это случалось съ старушкой чрезвычайно рѣдко и очень огорчило ее.

— Вотъ помяни ты мое слово, отецъ, что у насъ чего-нибудь да случится,—сообщила она, за утреннимъ чаемъ, мужу:—еще и звонъ вѣдь слышала съ просонокъ-то, а не встала, грѣшная!

Записка Александра Васильича, принесенная черезъ нѣсколько минутъ Бубновымъ, явилась какъ-бы нарочно для того, чтобъ

подтвердить и укоренить еще больше въ старушкѣ одну изъ ея обычныхъ примѣтъ.

„Меня, кажется, арестуютъ, мама“ —писалъ Свѣтловъ; „но, ради Бога, не тревожься: я совершенно правъ и докажу это во что-бы то ни стало. Бубновъ останется во флигилѣ до перваго числа,—я ему сказалъ и заплатилъ деньги впередъ. Не тревожься. Крѣпко цѣлую тебя и папу“.

Приложенные къ запискѣ ключи съ рѣзкимъ звукомъ выпали изъ задрожавшихъ рукъ Ирины Васильевны, когда она нетерпѣливо пробѣжала глазами неожиданное извѣщеніе сына. Старушка не могла сперва произнести ни слова, точно ей сдавили горло; крупныя слезы текли у нея по щекамъ.

— На-ко, отецъ... прочитай-ка... что Санька-то... сказала она, наконецъ, но не договорила и громко зарыдала.

Василій Андреичъ растерялся немного и самъ, прочитавъ записку; онъ, впрочемъ, долженъ былъ сдѣлать порядочное усиліе надъ собой, чтобъ не подать повода женѣ думать, что и его также поразило коротенькое сообщеніе Александра Васильича.

— Чего тутъ плакать-то?... замѣтилъ ей старикъ, угрюмо смотря въ сторону.—По-о-дѣломъ вору мука! махнулъ онъ рукой, немного погодя, и ушелъ просить совѣта у своей любимой трубочки.

Но Василью Андреичу, на этотъ разъ, не такъ-то легко было отдѣлаться отъ слезъ Ирины Васильевны; ему пришлось даже, скрѣпя сердце, отправиться къ полиціймейстеру, чтобъ навести справки о сынѣ, когда послѣдній не вернулся домой и послѣ обѣда. Самаго полиціймейстера старикъ не засталъ, а письмоводитель канцеляріи могъ сообщить ему только, что „полковникъ вернутся не скоро, развѣ поздно вечеромъ“, и прибавилъ, что „къ завтрешнему утру, пожалуй, можно будетъ справиться объ етомъ“. Такимъ образомъ, Василью Андреичу пришлось вернуться ни съ чѣмъ и ждать, что скажетъ томительное „завтра“. Къ немалому утѣшенію Свѣтловыхъ, къ нимъ, вскорости послѣ возвращенія

старика, зашелъ Ельниковъ. Докторъ, какъ говорится, едва приплелся, былъ весь закутанъ, кашлялъ больше обыкновеннаго и, вообще, казался больнымъ не на шутку: онъ, дѣйствительно, уже три дня не выходилъ изъ своей квартиры, и теперь явился только потому, что еще наканунѣ получилъ доставленное ему Бубновымъ письмо Александра Васильича. Въ этомъ письмѣ, Свѣтловъ, извѣщая Ельникова объ арестѣ друзей, сообщалъ ему, между прочимъ, что, можетъ быть, сегодня-же будетъ взятъ и самъ, и просилъ доктора, если можно, навѣстить въ воскресенье стариковъ да присмотрѣть за вечернимъ урокомъ. Анемподистъ Михайлычъ просидѣлъ у Свѣтловыхъ не долго—нѣсколько минутъ, не больше; сегодня особенно раздражительная, но трезвая и, отчасти, насмѣшливая рѣчь его значительно успокоила хозяевъ большого дома. Простившись съ ними, Ельниковъ завернулъ оттуда во флигиль, съ намѣреніемъ остаться тамъ прямо на урокъ и, въ ожиданіи его, полежать у Александра Васильича на диванѣ; хотя до начала занятій оставалось еще часа два слишкомъ, но доктору не захотѣлось идти домой—студиться лишній разъ.

Въ кабинетѣ Свѣтлова, на его письменномъ столѣ, Анемподистъ Михайлычъ нашелъ и распечаталъ какую-то форменную бумагу съ печатнымъ бланкомъ директора училищъ ушаковской губерніи. Бѣгло прочитавъ ее, Ельниковъ многозначительно покачалъ головой.

— Подарокъ этотъ недавно принесли? необыкновенно жолчно спросилъ онъ у сторожа, закусивъ нижнюю губу.

— Вчерась еще, судырь — какъ только-что баринъ уѣхали, — пояснилъ Бубновъ.

Докторъ опять покачалъ головой, присѣлъ къ столу, написалъ что-то крупными, какъ говорится, евангельскими буквами на цѣломъ листѣ бумаги, вручилъ его съ какимъ-то глухимъ, отрывистымъ распоряженіемъ сторожу, и ушелъ, жолчно сказавъ:

— Да хорошенько, батюшка, приляпайте!

Въ тотъ-же день вечеромъ, незадолго до обычнаго часа воскреснаго урока, кучка рабочихъ, человѣкъ въ пять, стояла передъ

на-глухо затворенной, противъ обыкновенія, дверью флигеля, и съ удивленіемъ разсматривала прилѣпленное на ней объявленіе, набросанное нетвердой рукой Ельникова и гласившее, что *школа закрыта по распоряженію начальства.* Рабочіе настолько уже выучились грамотѣ въ свѣтловской школѣ, что могли сами и безъ труда прочесть теперь эту краткую, выразительную надпись.

— Ишь ты... закры-ы-ли! сказалъ одинъ изъ нихъ, какъ-то печально-оторопѣло посмотрѣвъ на остальныхъ.

— Что-о за оказія, братцы! замѣтилъ другой, почесавъ ладонью у себя за ухомъ.

— Постучать, слышь, надоть, — предложилъ кто-то.

Постучались, — сперва тихо, но дверь не отворялась; постучались еще разъ, громче, — вышелъ Бубновъ.

— Что, господа честные? сказалъ онъ, очевидно, въ дурномъ расположеніи духа. — Домой надо уходить...

Рабочіе молчали, тревожно переминаясь на мѣстѣ.

— Хозяина-то бы вотъ самого повидать намъ хотѣлось, — замѣтилъ подошедшій тѣмъ временемъ Савельичъ, узнавъ отъ другихъ, въ чемъ дѣло.

— Хозяина-то?.. смущенно переспросилъ сторожъ. — Да гдѣ его взять? Баринъ-то мой, можетъ, теперь ужъ въ острогѣ сидитъ!...

— Эвона! Статочное ли это дѣло? Да за что-жъ такъ? заговорили въ одинъ голосъ рабочіе, сильно пораженные неожиданнымъ заключеніемъ Бубнова.

— А ужъ про то начальство вѣдаетъ, — пояснилъ онъ сурово.

— Хорошій, слышь... душа-человѣкъ былъ! грустно помянулъ кто-то добрымъ словомъ Свѣтлова.

— Извѣстно, какъ есть человѣкъ былъ! съ чувствомъ отозвался другой.

— Эко ты горе какое! пособолѣзновалъ третій, отходя немного въ сторону и сморкаясь въ полу своего дубленаго полушубка.

Наступило общее, затруднительное молчаніе.

Между тѣмъ, къ прежней кучкѣ народа прибавилась, понемногу, новая; иные только-что пришли. Праздничный, нѣсколько щеголеватый нарядъ рабочихъ, рѣзко противорѣчившій ихъ печальнымъ лицамъ, придавалъ, этимъ послѣднимъ, какую-то особенную, трогательную выразительность. Кто-то изъ новоприбывшихъ, — должно быть, недавно поступившій въ школу, — подошелъ близехонько къ двери флигеля, и сталъ по складамъ разбирать негостепріимную надпись.

— Да ужъ тепереча, братъ, хоть читай — не читай, а все не обучишься, какъ слѣдуетъ, — нѣсколько шутливо замѣтилъ плохому чтецу разговорчивый плотникъ.

Въ другое время, эта шутка, можетъ быть, вызвала-бы общій смѣхъ; но, въ настоящую минуту, она раздалась какъ-то заупокойно среди безмолствовавшей толпы.

— Что не толкуйте, господа честные, а уходить надо, — заключительно обратился къ рабочимъ Бубновъ, и сурово захлопнулъ за собой дверь.

— И взаболь, чтожъ мы тутъ станемъ стоять безъ пути-то, братцы? Вали по домамъ! пригласилъ Савельичъ остальныхъ.

Знакомый уже намъ, широкій въ кости кузнецъ неожиданно выступилъ на сцену.

— А что, робята, ежели, тепереча, въ острогъ къ учителю сходить? спокойно предложилъ онъ, очевидно готовый на эту смѣлую попытку.

— Сичасъ видать, что кузнецъ: закалена, видно, шуба-то. Поди-ка ты какой бойкій! трусливо отозвался въ толпѣ одинъ тщедушный мастеровой, — по видимому, изъ портныхъ.

— Учительская-то, чай, стоитъ твоихъ пятерыхъ, — возразилъ ему, съ сердцемъ, кузнецъ. — Туда-же суется, мокрохвостъ поганый! прибавилъ онъ, добродушно захохотавъ, и плюнулъ въ сторону.

Но народъ, по прежнему, не намѣренъ былъ ни шутить, ни

ссориться, безучастно выслушивая эти единичныя выходки. Сѣдая голова сторожа опять высунулась въ дверь.

— Уходите, уходите, господа честные! проговорилъ онъ внушительно. — Ужо лучше завтре ввечеру понавѣдайся кто-нибудь сюда: можетъ, вѣсти какія придутъ отъ барина, — окончательно заключилъ старикъ, и снова захлопнулъ дверь.

Постояли, постояли рабочіе, посмотрѣли какъ-то нерѣшительно — сперва на темныя окна флигеля, а потомъ другъ на друга, и молча стали расходиться, уныло понуривъ свои недоучившіяся головы.

И имъ тоже, должно быть, какъ вчера Бубнову, чуялось что-то недоброе...

ГЛАВА V.

Свѣтловъ въ острогѣ.

Бубновъ былъ, какъ говорится, не пророкъ, а угадчикъ: баринъ его дѣйствительно сидѣлъ въ острогѣ. Эту тяжелую вѣсть принесъ домой, на другой день утромъ, Василій Андреичъ, вернувшись отъ полиціймейстера. Но старикъ не вдругъ сообщилъ ее женѣ; онъ, прежде всего, прошелъ молчаливо въ свой кабинетъ, выкурилъ тамъ трубки четыре залпомъ, все отговариваясь сильной усталостью, и потомъ уже, когда старушка неотступно пристала къ нему съ разспросами, объявилъ ей какимъ-то глухимъ, подавленнымъ шопотомъ:

— Александръ-то вѣдь у насъ... въ острогѣ!

Ирина Васильевна такъ и грохнулась объ-полъ.

— Вотъ оно каково... матери-то!!.. раздирающимъ душу голосомъ молвилъ Василій Андреичъ Оленькѣ, какъ-то растерянно-безнадежно стоя надъ распростершейся женою.

Дѣвушка съ крикомъ кинулась въ кухню, за холодной водой.

Многихъ стоило усилій, чтобъ привести въ чувство несчастную, подавленную горемъ старушку; наконецъ, она слабо очнулась и мутными глазами обвела комнату. Можетъ быть, никакія медицинскія средства не подняли-бы съ полу, въ эту минуту, Ирины Васильевны; но жгучее сознаніе, что ея сынъ — ея дорогой Санька — сидитъ въ острогѣ, придало ей мгновенно, такъ сказать, сверхъестественныя силы: старушка быстро вскочила на ноги.

— Я сейчасъ... я сама къ нему поѣду!.. Бѣдный Санька!.. Отецъ!.. Оля!.. вели лошадь... поскорѣе!.. Охъ, Боже мой, Боже мой!.. твердила она, рыдая и порывисто переходя то отъ мужа къ дочери, то наоборотъ.

На силу-на силу удалось Василью Андреичу успокоить ее.

— Ты прежде отдохни маленько, мать, а потомъ и поѣдешь... Да лучше-бы тебѣ, однако, не ѣздить сегодня?.. а? Завтра-бы лучше поѣхала?.. мягко уговаривалъ онъ уложенную имъ въ постель жену, натирая ей спиртомъ виски.

Ирина Васильевна только махнула нетерпѣливо рукой.

— Ну, ну... ладно, ладно!.. поѣзжай! только успокойся ты теперь-то, Христа ради, хошь на полчаса... поспѣшилъ согласиться старикъ.

Онъ, въ эти полчаса, ухаживалъ за ней, какъ нянька.

Василій Андреичъ, изучившій до мельчайшихъ подробностей характеръ и привычки своей жены, рѣшительно не могъ припомнить, чтобъ она когда-нибудь такъ растерялась сразу — до обморока; никогда еще не встрѣчалъ въ ней старикъ той покорной уступчивости, съ какой Ирина Васильевна позволила ему, передъ тѣмъ, уложить себя въ постель, — и онъ вдвойнѣ глубоко почувствовалъ теперь, что настоящее испытаніе превышаетъ все, что было безотраднаго въ ихъ долгой, кропотливо-трудовой жизни! Но вѣдь они ужъ доживаютъ свой вѣкъ; а что-же будетъ съ нимъ, съ сыномъ? Что будетъ съ этимъ человѣкомъ, который уже и теперь, въ самомъ началѣ своего молодого, самостоятельнаго поприща, является,

такъ или иначе, арестантомъ острога?!.. Учиться столько лѣтъ... и для чего-же? Чтобъ смирнѣе сидѣть потомъ за желѣзной рѣшеткой — для того, что-ли?! И откуда, зачѣмъ эта прыть, этотъ неугомонный рискъ, когда, безъ нихъ, можно жить покойно и весело? Весело!... Да весело-ли, полно? А тѣ-то, давно позабытые имъ, Васильемъ Андреичемъ, люди... развѣ они не были такъ-же покойны и веселы въ далекомъ, безлюдномъ захолустьѣ?..

Приблизительно, въ такомъ именно родѣ, хотя въ другой формѣ и большемъ объемѣ, проходили мысли въ головѣ старика Свѣтлова, пока отдыхала въ постели его жена.

„Э-эхъ! не хватаетъ у меня маленько чего-то...“ тяжело и безнадежно подумалъ онъ, наконецъ, и заскребъ у себя въ головѣ.

Дѣйствительно, чтобъ привести въ порядокъ и уяснить себѣ эти мысли, чтобъ разрѣшить побѣдоносно всѣ эти сомнѣнія, Василью Андреичу не хватало немногаго: ему не доставало одной, но зато громадной, всесокрушающей міровой силы — знанія!

Ирина Васильевна лежало недолго, — по крайней мѣрѣ, не больше того времени, какое назначилъ ей, па-удачу, самъ мужъ: стремленіе къ немедленной дѣятельности въ пользу сына, мысль, что ея милый Санька, можетъ быть, болѣнъ и самъ отъ испуга, опять подняли на ноги старушку; она тотчасъ-же собралась ѣхать къ нему.

— А... ты, отецъ?.. нерѣшительно обратилась Ирина Васильевна къ мужу, уже надѣвая въ передней салопъ.

Василій Андреичъ, до сихъ поръ такъ нѣжно ухаживавшій за ней, нахмурился вдругъ, какъ туча.

— Я ничего не забылъ въ острогѣ, — сказалъ онъ отрывисто и сурово, — да и нашего роду тамъ не было.

— Ну, отецъ, Богъ съ тобой только! — на томъ ужъ свѣтѣ ты, батюшка, за эти слова раздѣлаешься... вся въ слезахъ, замѣтила ему старушка.

Василій Андреичъ молча стоялъ передъ женой, не поднимая на нее глазъ.

— И не жалко тебѣ Саньку-то?.. продолжала она, все такъ-же нерѣшительно. — Тебѣ-то онъ чего сдѣлалъ? Ну-ка бы тебя самого посадили безвинно?.. Побойся ты хоть Бога-то, отецъ!..

Старика подергивало, какъ на горячихъ угольяхъ.

— Сказалъ, что не поѣду — и не поѣду! на-отрѣзъ объявилъ онъ, наконецъ, сильно дрожавшимъ отъ волненія, но рѣшительнымъ голосомъ, и тотчасъ-же ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Ирина Васильевна, скрѣпя сердце, съѣздила одна, но неудачно: ее не допустили до сына безъ письменнаго разрѣшенія прокурора, — въ сумятицѣ горя, Василій Андреичъ совсѣмъ позабылъ объ этой неизбѣжной формальности. Уже подъѣзжая къ самому дому, сани старушки неожиданно встрѣтились съ санями Прозоровой; кучеръ послѣдней прямехонько правилъ въ свѣтловскіе ворота, такъ-что нетерпѣливой хозяйкѣ пришлось обождать, пока ея гостья въѣдетъ во дворъ. У крыльца обѣ дамы сошлись. Блѣдное, встрѣвоженное лицо Свѣтловой, ея заплаканные глаза — разомъ подтвердили Лизаветѣ Михайловнѣ горькую истину, которую, за часъ передъ тѣмъ, пришлось ей узнать отъ мужа.

— Правда-ли... что я слышала?.. тревожно спросила она, протягивая руку старушкѣ.

Ирина Васильевна, до сихъ поръ довольно холодно относившаяся къ Прозоровой, теперь, въ какомъ-то особенномъ, непонятномъ самой ей, порывѣ, бросилась со слезами на шею гостьѣ: въ несчастіи — говорятъ — люди становятся симпатичнѣе другъ къ другу. Онѣ обнялись и поцѣловались. Старушка тутъ-же, на крыльцѣ, въ немногихъ, хватающихъ за сердце, словахъ, передала Лизаветѣ Михайловнѣ и свое горе, и свою горькую неудачу.

— Идите, отдохните пока, успокойтесь, Ирина Васильевна, — мягко, но рѣшительно сказала ей Прозорова: — я сейчасъ сама съѣзжу къ прокурору.

Свѣтлова даже не успѣла еще и опомниться хорошенько отъ этихъ ласковыхъ словъ, какъ уже сани Лизаветы Михайловны бойко выѣзжали за ворота.

„Право, какая славная, добрая дама!“ могла только подумать ей вслѣдъ растроганная старушка, съ замѣтной слабостью взбираясь по высокимъ ступенькамъ крыльца.

Прозорова всю дорогу торопила кучера: она не столько боялась за Александра Васильича, сколько ей жаль было его бѣдную мать. Тѣмъ не менѣе, сегодняшняя, недавняя сцена съ мужемъ то и дѣло шла на память Лизаветѣ Михайловнѣ:

Дементій Алексѣичъ куда-то ѣздилъ утромъ, и вернувшись домой, злорадно объявилъ ей:

— Хорошаго... хорошаго нашли учителя дѣтямъ: въ острогъ заперли!

Она промолчала, но чувствовала, что поблѣднѣла, какъ полотно, въ эту минуту.

— Да ужъ вы, чего добраго, не любите... не любите-ли этого разбойника?!... спросилъ онъ съ движеніемъ еще незнакомой ей страсти и ревности.

— Можетъ быть, и люблю, — вамъ-то какое дѣло? холодно и рѣзко сорвалось у нея съ языка.

Дементій Алексѣичъ, кажется, ударилъ-бы ее, еслибъ между ними не всталъ Гриша; по крайней мѣрѣ, она никогда не видала мужа такимъ страшнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвратительнымъ.

Да! эта сцена не выходила сегодня изъ головы Лизаветы Михайловны. Прозорова не могла отдѣлаться отъ нея даже и тогда, когда говорила уже съ прокуроромъ. Блюститель губернскаго правосудія оказался человѣкомъ весьма несговорчивымъ, или, по меньшей мѣрѣ, мнительнымъ; онъ, прежде всего, обстоятельно вывѣдалъ у просительницы, почему не пріѣхала сама госпожа Свѣтлова, отчего не взялъ на себя ея порученія мужъ, и обо-многомъ другомъ, въ томъ-же родѣ. Не зная, что сказать, молодая женщина лгала, не краснѣя. Тѣмъ не менѣе, и послѣ того, прокуроръ все еще затруднялся выдать ей пропускъ.

— Вѣдь вы сами посудите: я вѣдь долженъ буду отвѣтить передъ высшимъ начальствомъ за это... говорилъ онъ, быстро рас-

хаживая по своей невзрачной камерѣ. — Если бы еще не такое щекотливое дѣло, тогда... тогда, конечно...

— Но вы несравненно больше должны будете отвѣтить передъ вашей совѣстью, если старушка умретъ, не повидавшись съ сыномъ! вдохновенно прервала его Лизавета Михайловна.

— Да!.. для нея-то... я, пожалуй, дамъ, — замѣтилъ прокуроръ, очевидно, пораженный этимъ доводомъ: — она — мать... А вы? спросилъ онъ подозрительно у Прозоровой.

— Я его родственница, — еще разъ беззастѣнчиво солгала она.

Имянной пропускъ, для двухъ лицъ, былъ выданъ, наконецъ. Черезъ полчаса послѣ этого, Лизавета Михайловна сидѣла уже въ однихъ саняхъ съ старушкой Свѣтловой, быстро несшихся по направленію къ тюремному замку.

Мрачно, недружелюбно смотрѣли желтыя стѣны стараго ушаковскаго острога, когда подъѣхали къ нимъ эти двѣ нечаянныя подруги, обѣ взволнованныя одинаковой мыслью: что-то онѣ тамъ увидятъ? У воротъ, съ удивленіемъ встрѣтилъ дамъ караульный офицеръ; мелькомъ взглянувъ на пропускъ, онъ тотчасъ-же распорядился, чтобъ ихъ провели въ такъ-называемое „благородное отдѣленіе“. Онѣ пошли длиннымъ — грязнымъ и темнымъ — корридоромъ, въ сопровожденіи какого-то тощаго, вооруженнаго только связкой ключей, солдатика — должно быть, тюремнаго сторожа, немилосердно звякавшаго ими. Этотъ рѣзкій звукъ, въ связи съ какимъ-то особеннымъ, затхлымъ и одуряющимъ воздухомъ корридора, производилъ невыносимо-тяжелое впечатлѣніе на свѣжаго человѣка. Лизаветѣ Михайловнѣ едва не сдѣлалось дурно, у старушки Свѣтловой кружилась голова. Наконецъ, солдатикъ остановился передъ одной дверью, съ маленькимъ квадратнымъ окошечкомъ, раза два повернулъ въ замкѣ ключь, и съ непріятнымъ скрипомъ толкнувъ колѣномъ въ дверь, беззубо сказалъ дамамъ:

— Сюды-съ пожалуйте.

Онѣ вошли какъ-то робко, почти испуганно.

— Какіе дорогіе гости!.. вскричалъ Свѣтловъ, порывисто бросаясь къ нимъ на встрѣчу.

Ирина Васильевна задрожала вся, и такъ и повисла на шеѣ сына.

— Батюшка ты мой!.. могла она выговорить только, заливаясь слезами.

Высвободившись съ трудомъ изъ ея многократныхъ объятій, Александръ Васильичъ подошелъ къ Прозоровой.

— И *вы* не задумались навѣстить меня здѣсь!.. проговорилъ онъ съ горячимъ чувствомъ, взявъ ее за обѣ руки.

Свѣтлова стояла теперь нѣсколько поодаль, и жадными глазами всматривалась въ дорогія черты своего милаго первенца. Но къ величайшему удивленію старушки, она не нашла въ немъ рѣшительно никакой перемѣны: все такъ-же спокойно было его лицо, какъ и всегда, такъ-же смѣло и прямо смотрѣли эти большіе темно-голубые глаза, тотъ-же веселый, привѣтливый тонъ обращенія, та-же развязность и простота въ манерахъ; только между бровей у него какъ будто появилась небывалая прежде, чуть замѣтная складочка. Отъ сына, Ирина Васильевна невольно перевела глаза на его обстановку. Комната, которую занималъ Александръ Васильичъ, была невелика, сыра и грязна; вмѣсто обычной мебели, обращала на себя вниманіе одна только кровать, съ грязнымъ волосеннымъ тюфякомъ и такой-же подушкой, но безъ бѣлья, прикрытая собственной шубой арестанта: стоявшій тутъ-же, передъ этой кроватью, деревянный, некрашенный столъ, немытый, по крайней мѣрѣ, лѣтъ пять, являлся здѣсь — уже, такъ сказать, роскошью.

— Что, мама? — некрасна моя теперешняя хата углами? смѣясь, обратился Свѣтловъ къ матери, замѣтивъ, съ какимъ вниманіемъ она разсматриваетъ его убогое помѣщеніе. — По правдѣ сказать, и пирогами-то она тоже небольно красна.

Ирина Васильевна только теперь спохватилась, что въ ея карманахъ былъ цѣлый арсеналъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ; она

торопливо стала выгружать ихъ на столъ, подозрительно разсматривая его.

— Ужъ извини, батюшка, на первый разъ: что ближе подъ руку попалось, то и захватила, — сказала старушка, какъ-будто конфузясь.

— Смотри, мама, не попадись, — шутливо замѣтилъ ей сынъ: — это вѣдь, нѣкоторымъ образомъ — контробанда. Во всякомъ случаѣ, нельзя не отдать немедленно-же чести сему мясному пирожку... прибавилъ онъ еще шутливѣе, комично подбираясь къ разложеннымъ на столѣ домашнимъ пожиткамъ. — Я вижу, Лизавета Михайловна, что вы ни за что не можете догадаться, какъ здѣсь сидятъ? съ веселой улыбкой обратился Свѣтловъ къ Прозоровой, которая, дѣйствительно, напрасно искала глазами стула. — Это надобно вамъ прежде показать обстоятельно...

Александръ Васильичъ, съ забавной важностью, усѣлся самъ посрединѣ кровати, а дамъ пригласилъ сѣсть по бокамъ.

— Вотъ видите, какъ ларчикъ просто открывался; и не жестко, и уютно, — не правда-ли? спросилъ онъ.

— Ну, ужъ ты — прокуратъ, Санька! замѣтила ему мать, не будучи въ состояніи и сама удержаться отъ невольной улыбки. — Какъ это ты еще, батюшка, можешь смѣяться тутъ?

— Э, мама! къ счастію нашему съ тобой, смѣяться нигдѣ не запрещается, да и запретить нельзя... Въ этомъ-то условіи, главнымъ образомъ, можетъ быть, и лежитъ все спасеніе человѣческой натуры среди всевозможныхъ ея мытарствъ, — сказалъ очень серьезно Свѣтловъ.

На минуту, и хозяинъ, и гостьи какъ-то грустно умолкли, и разговоръ круто перешелъ къ домашнимъ дѣламъ. Вѣсть о закрытіи школы, сообщенная Ириной Васильевной, вызвала у Александра Васильича только замѣтную досаду, но нисколько, по видимому, не поразила и даже не удивила его.

— Этого можно было ожидать со дня-на день: мы нуждаемся пока въ однихъ кабакахъ... ѣдко замѣтилъ онъ, между прочимъ.

Гораздо больше встревожило Свѣтлова извѣстіе о серьезной болѣзни Ельникова.

— Да! сказалъ Александръ Васильичъ какъ-то угрюмо, — это меня очень безпокоитъ: такихъ энергическихъ людей, какъ Анемподистъ Михайлычъ — немного. Не бережется вѣдь онъ, главное; за нимъ надо присматривать иногда, въ этомъ отношеніи, какъ за маленькимъ ребенкомъ. Вы-бы сильно обязали меня, Лизавета Михайловна, еслибъ съѣздили къ нему и попросили его, отъ моего имени, посидѣть нѣсколько дней дома; а то вѣдь онъ, пожалуй, и сюда еще вздумаетъ заглянуть — въ эту сырость, гдѣ и здоровому-то человѣку нетрудно за...

Свѣтловъ спохватился вдругъ, и искоса посмотрѣлъ на мать.

— У меня такъ вотъ крѣпкая натура, — осторожно поправился онъ: — я почти не боюсь ни простуды, ни сырости; никогда не хвораю.

— Я непремѣнно съѣзжу къ доктору завтра-же, — торопливо помогла ему выпутаться изъ обмолвки Лизавета Михайловна.

— А что-же ты, мама, ничего не разскажешь мнѣ объ отцѣ? Онъ какъ поживаетъ? помолчавъ, спросилъ Александръ Васильичъ у матери.

Ирина Васильевна принуждена была отвернуться, чтобъ незамѣтно проглотить свои слезы.

— Да ничего, батюшка, — отвѣтила она тихо: — трубочку все свою покуриваетъ...

— Папа не вѣритъ, должно быть, что я правъ, — спокойно замѣтилъ Свѣтловъ; — въ такомъ случаѣ, онъ, конечно, считаетъ позоромъ — навѣстить сына въ острогѣ... А ты, мама? — какъ-же ты-то рѣшилась позорить себя?

— Ужъ видно нѣтъ, Санька, на свѣтѣ такого дружка, какъ родимая матушка... заплакала старушка, думая сперва отдѣлаться одной только пословицей.

— Вотъ и Лизавета Михайловна здѣсь... не то возразилъ, не то подумалъ вслухъ Александръ Васильичъ.

Тяжелое молчаніе охватило на минуту казематъ.

— Нѣтъ! сказалъ вдругъ Свѣтловъ, вставая и рѣзко нарушивъ общее безмолвіе, — эти грязныя стѣны, мама, никого не могутъ позорить... Позоритъ самъ себя человѣкъ, переставая быть имъ! Но я всегда останусь человѣкомъ: гдѣ-бы я ни былъ — за мной всюду пойдутъ мое сердце, мои убѣжденія, мои привязанности; за мной-же пойдетъ всюду и мое человѣческое достоинство... Неужли ты думаешь, мама, что мнѣ не жаль твоей сѣдой головы, что я не вижу, какъ она мучится за меня, и днемъ, и ночью? Неужли я не хотѣлъ-бы видѣть васъ всѣхъ довольными, счастливыми?... Но если не въ моихъ силахъ сдѣлать васъ такими, то неужели, наконецъ, мнѣ самому, мнѣ лично, не позволено — или ты желала-бы запретить мнѣ — стремиться къ *тому* счастью, какого *я* хочу, тѣми путями, какіе мнѣ указываетъ моя совѣсть? Я не могу винить отца: я никогда никого не виню; но мнѣ, дѣйствительно, невыразимо больно, что я такъ дурно имъ понятъ! Это не упрекъ... въ особенности, не упрекъ тебѣ; но на душѣ иногда накипаетъ такъ много горечи, такъ много затаенныхъ словъ просится наружу, что, право, въ такія минуты, перестаешь щадить другого... Полно! не плачь; прости мнѣ... Ты... ты славная, славная у меня!..

Александръ Васильичъ тихо наклонился къ матери, обнялъ ее, и долго-долго цѣловалъ ей голову. Ирина Васильевна неслышно плакала подъ обаяніемъ какого-то невыразимаго, болѣе свѣтлаго, чѣмъ тяжелаго чувства: старушкѣ казалось, что сынъ ея, во-очію, стоялъ теперь передъ ней на той недосягаемой высотѣ нравственной чистоты, на какой она видѣла его, изрѣдка, только въ своихъ задушевныхъ мечтахъ. Лизавета Михайловна, совершенно притаившись на своемъ мѣстѣ, такъ-что о ней можно было забыть, съ напряженнымъ вниманіемъ и интересомъ слѣдила за этой неожиданной сценой; у нея у самой дрожали на рѣсницахъ слезы.

— Простите меня, дорогая Лизавета Михайловна, если мы, невольно, позволили себѣ нарушить покой и вашего душевнаго

міра, —обратился къ ней Свѣтловъ, когда утихъ порывъ его ласкъ:— я считаю васъ, во многомъ, родной мнѣ...

— Вы только еще больше сблизили сегодня это родство... тихо отвѣтила она, потупляя глаза.

— И вправду! подхватила старушка, — Лизавета Михайловна теперь совсѣмъ какъ-будто наша родственница стала. Вотъ кабы вы замужемъ не были,—ласково обратилась она къ Прозоровой,— и пара была-бы моему Санькѣ.

Лизавета Михайловна вся горѣла: самая сокровенная мысль ея была обнаружена.

— Замѣтьте при этомъ, что мама—не особенная охотница до свадебъ,—весело молвилъ ей Свѣтловъ, любуясь смущеніемъ молодой женщины и, такъ сказать, подливая на огонь масло.

Прозова чувствовала, какъ сильно забились у нея виски и сердце, какъ на минуту потемнѣло у ней въ глазахъ, и вдругъ, не помня себя отъ волненія, она сказала, ни къ кому, впрочемъ, не обращаясь:

— Да! я умѣла-бы и любить его, и беречь...

— Такъ станемте-же любить и беречь другъ друга! серьезно, съ глубокимъ чувствомъ проговорилъ Александръ Васильичъ, опять взявъ ее за обѣ руки.—Вотъ, мама, видишь: въ этихъ грязныхъ стѣнахъ люди переживаютъ иногда дорогія, лучшія минуты своей жизни!..

При другихъ, менѣе исключительныхъ обстоятельствахъ, тонкоразборчивое ухо Ирины Васильевны, вѣроятно, не совсѣмъ благосклонно выслушало-бы эти, такъ нечаянно высказанныя, полныя затаеннаго смысла, признанія; но теперь, подъ обаятельнымъ вліяніемъ теплыхъ рѣчей и ласкъ горячо любимаго сына, старушкѣ было не до того. Она замѣтила только:

— Ужъ чего-бы это, батюшка, и на свѣтѣ такое было, прости Господи, кабы люди не берегли да не любили другъ друга!

— Аминь! какъ-то радостно заключилъ Свѣтловъ, и еще разъ, еще крѣпче обнялъ добродушно улыбнувшуюся ему мать.

Понемногу, тонъ ихъ разговора перемѣнился. Александру Васильичу пришлось подробно разсказать своимъ гостямъ, что онъ дѣлалъ у прокурора и какъ его принялъ тотъ. Новаго, впрочемъ, оказалось немного въ разсказѣ Свѣтлова; все дѣло сводилось къ тому, что одинъ горячился и безпрестанно повторялъ: „Противъ васъ имѣются очень сильныя улики въ подстрекательствѣ“, а другой спокойно возражалъ ему: „Представьте мнѣ прежде эти улики“.

— Изъ всего допроса я вывелъ одно — что ко мнѣ хотятъ привязаться и сдѣлать меня, во что-бы то ни стало, виноватымъ,—заключилъ Александръ Васильичъ.—Вообще,—прибавилъ онъ, — фабричная исторія, кажется, тутъ только предлогъ: имъ, повидимому, что-то другое хотѣлось вывѣдать отъ меня...

— Молчи, Саня! замѣтила ему мать, — ужо вотъ я сама поѣду-попрошу генерала, такъ тогда...

— Ну, нѣтъ, мама, ты этого не дѣлай, если не хочешь поставить меня въ положеніе еще болѣе тяжелое,—съ живостью перебилъ ее Свѣтловъ;—я даже не въ состояніи буду уснуть сегодня ночью, если ты не дашь мнѣ, теперь-же, слова... ни во что не вмѣшиваться.

Ирина Васильевна стала-было доказывать сыну всю пригодность и необходимость подобнаго обращенія къ защитѣ его превосходительства, но, въ концѣ концовъ, старушкѣ все-таки пришлось отказаться отъ своей мысли и дать слово Александру Васильичу— оставить въ покоѣ представителя мѣстной власти.

— Вотъ когда мы съ тобой сами сдѣлаемся генералами, тогда и будемъ водить съ ними знакомство, — шуткой отдѣлался Свѣтловъ отъ дальнѣйшихъ настояній матери.

Эта маленькая размолвка не помѣшала, однакожъ, дамамъ просидѣть у Александра Васильича довольно долго; онѣ только тогда уже начали собираться домой, когда проводившій ихъ къ арестанту солдатикъ, слегка пріотворивъ дверь каземата, сталъ то и дѣло просовывать въ нее, изъ корридора, свое тупое лицо, ясно теперь выражавшее, впрочемъ, окончательную потерю терпѣнія.

Прощаясь съ сыномъ, Ирина Васильевна опять не могла удержаться отъ слезъ.

— Знаешь что, мама? сказалъ ей Свѣтловъ,—у меня къ тебѣ просьба есть, и очень серьезная просьба...

Старушка посмотрѣла на него съ удивленіемъ; но, очевидно, она готова была исполнить все, о чемъ-бы онъ ни попросилъ ее.

— Не ѣзди ты, милая, сюда въ другой разъ... продолжалъ Александръ Васильичъ, стараясь придать какъ можно больше правдивости и искренности своимъ словамъ. — И знаешь, почему, мама? Ты вѣдь не въ силахъ относиться спокойно къ моему настоящему положенію, — иначе и быть не можетъ; а между тѣмъ, уже одинъ твой страдальческій видъ способенъ, каждый разъ, разстроить меня, отнять необходимую ясность и силу у моего ума, тогда-какъ онѣ-то именно и нужны мнѣ теперь всего болѣе, чтобъ оправдаться...

Говоря это, Свѣтловъ заботился, разумѣется, не о себѣ; но для Ирины Васильевны было совершенно достаточно подобнаго основанія, чтобъ не противорѣчить своему любимцу.

— Только-бы поскорѣе выпустили-то тебя, Саньча, а ужъ я, нечего дѣлать, посижу, грѣшная, дома... съ величайшей покорностью согласилась старушка, и снова принялась плакать. — Что понадобится — пиши съ Лизаветой Михайловной, — съ ней и пошлемъ тебѣ; а то и отецъ пріѣдетъ: можетъ, уломаю я его какъ нибудь... говорила она сквозь слезы, уже уходя и поминутно оборачиваясь, чтобъ еще разъ обнять сына.

Но Василья Андреича трудно и почти невозможно было „уломать“, когда какая-нибудь упрямая мысль гвоздемъ сидѣла у него въ головѣ. Тѣмъ не менѣе, этотъ блистательный подвигъ былъ совершонъ, и совершилъ его ни кто иной, какъ Владимірко. „Поѣдемъ“ да„ поѣдемъ къ Сашѣ“ —дней пять сряду приставалъ онъ, неотступно, къ отцу. Дѣло въ томъ, что съ той самой минуты, какъ въ стѣнахъ большого свѣтловскаго дома, съ нѣкоторой таинственностью и даже ужасомъ, произнесено было впервые слово

„острогъ“, послѣдній получилъ въ глазахъ мальчугана интересъ и значеніе какъ-бы какого-то громаднаго — небывалаго и никогда еще невиданнаго имъ — фейерверка, который, во что-бы то ни стало, надо было увидѣть, — по крайней мѣрѣ, въ такой именно силѣ чувствовалось это желаніе самому Владиміркѣ. На его ежеминутныя приставанья, старикъ отвѣчалъ сперва только однимъ угрюмымъ „отвяжись“ да усиленнымъ сопѣньемъ своей трубочки; потомъ, какъ-бы не выдержавъ натиска дальнѣйшихъ приставаній, Василій Андреичъ сталъ отговариваться уже мягче—и, наконецъ, на шестой день утромъ, внезапно объявилъ:

— Не ходи ужо либо сегодня, Вольдюшка, въ гимназію-то: къ брату поѣдемъ.

Это утро было настоящимъ праздникомъ для Ирины Васильевны; она даже свѣчу затеплила передъ образомъ, въ своей спальнѣ.

— Слава тебѣ, Господи!—ѣдетъ... сдержаннымъ шопотомъ говорила старушка дочери, усиленно придумывая, „что-бы такое послать еще Санькѣ“.—Да какъ-же, Оля! твердила она,—вѣдь какой грѣхъ-то былъ-бы потомъ отцу, на томъ свѣтѣ... ты подумай-ка, матушка! Право, все сердце у меня изболѣло эти дни...

Свиданіе старика Свѣтлова съ арестантомъ-сыномъ произошло довольно холодно. Василій Андреичъ, особенно вначалѣ, видимо дичился его, или, вѣрнѣе сказать—конфузился: родительская совѣсть заговорила понемногу въ старомъ упрямцѣ и, теперь, громко начинала протестовать противъ его предыдущаго, упорнаго отчужденія отъ родного дѣтища. Видя это, Александръ Васильичъ чувствовалъ, съ своей стороны, что не можетъ быть искреннимъ, какъ-бы хотѣлъ, и потому тяготился, отчасти, и самъ неожиданнымъ пріѣздомъ отца. Когда послѣ первыхъ, замѣтно натянутыхъ привѣтствій и разспросовъ, рѣчь зашла какимъ-то образомъ объ Иринѣ Васильевнѣ, молодой Свѣтловъ замѣтилъ:

— Мамѣ, право, стоитъ позавидовать: у нея — геройское сердце.

Василій Андреичъ тотчасъ-же обидѣлся: ему послышался въ этомъ замѣчаніи косвенный намекъ на отсутствіе героизма въ собственной особѣ.

— То-то ты, видно, и стараешься мать-то въ постель уложить! проговорилъ онъ съ горечью.

Александръ Васильичъ, въ свою очередь, вспыхнулъ; онъ посмотрѣлъ на отца въ упоръ.

— Если ты, папа, пріѣхалъ сюда только затѣмъ, чтобъ оскорблять меня въ этомъ подневольномъ углу, — холодно и гордо сказалъ Свѣтловъ, — то, право, судя по недавнему опыту, ты могъ-бы сдѣлать тоже самое и не выходя изъ дому.

— Ну, ну... ужъ, разумѣется, я одинъ кругомъ виноватъ! съ прежней горечью отозвался Василій Андреичъ, очевидно, еще больше задѣтый теперь за живое.

Александръ Васильичъ промолчалъ; онъ переносилъ, въ эту минуту, своего рода пытку: ему и жаль было старика, и сознавалась имъ, въ тоже время, роковая невозможность вести себя иначе, чѣмъ до сихъ поръ.

— Мнѣ, парень, что! продолжалъ Василій Андреичъ, не дождавшись возраженія отъ сына, и голосъ его зазвучалъ уже какъ-то мягче. —Дѣлай, какъ хочешь,—по мнѣ, все равно; я ужъ рукой махнулъ на все... А ты вотъ о себѣ-то подумай: вѣдь пропадешь ты эдакъ не за копѣйку... безшабашная голова!..

— Такъ научи-же меня, папа, чтобъ я могъ дороже продать свою жизнь,—съ глубоко затаенной скорбью молвилъ Свѣтловъ:— кругомъ, у всѣхъ, — вездѣ, куда ни оглянешься, она пропадаетъ даромъ; а я бы не хотѣлъ этого...

— На службу ты не поступа-аешь... уклончиво замѣтилъ старикъ,—кто тебя знаетъ, что у тебя въ головѣ!

— Эхъ, папа! многое шевелится въ ней, да бесѣдовать-то объ этомъ она привыкла только съ подушкой... какъ-то задумчиво сказалъ ему сынъ, и тихо забарабанилъ цальцами по столу.

Въ такомъ родѣ длилась, съ полчаса, ихъ несговорчивая бесѣ-

да. Василій Андреичъ, прежде всего, вынесъ изъ нея какое-то смутное предчувствіе будущихъ бѣдъ, на каждомъ шагу грозившихъ впереди его сыну; но, кромѣ того, было въ ней и что-то отрадное для старика,—что именно такое—онъ не могъ-бы сказать и самъ, а было что-то... Во все время этой бесѣды, или, вѣрнѣе сказать, въ продолженіи цѣлаго визита, Владимірко, усѣвшись на постель и тѣсно прижавшись къ брату, упорно умолчалъ, зорко поглядывая оттуда вокругъ, точно мышка изъ своей норки. Александръ Васильичъ, сильно ему обрадовавшійся, нѣсколько разъ пробовалъ заговаривать съ нимъ, даже принимался было тормошить его, но мальчуганъ только уклончиво жался въ уголъ кровати да отдѣлывался двумя-тремя односложными словами; а между тѣмъ, судя по глазамъ, „химика“ сильно тянула на разговоръ. Впрочемъ, секретъ такого молчаливаго поведенія Владимірки объяснялся весьма просто: его стѣсняго присутствіе отца; съ старшимъ братомъ мальчикъ привыкъ бесѣдовать на-распашку только съ глазу-на глазъ, а такъ, для одного виду, говорить—по его ребяческому соображенію, не стоило. Но за то, въ душѣ, Владимірко торжествовалъ: ему удалось побывать въ острогѣ.

— Не страшный совсѣмъ острогъ-то этотъ! пренебрежительно сообщилъ онъ въ тотъ-же вечеръ, на кухнѣ, своему „наилюбезному камердинеру“, —только погребомъ пахнетъ. И солдатъ тамъ ключами побрякиваетъ... какъ наша Акулина, когда сливки изъ погреба достаетъ; мама еще все говоритъ ей: „Сильно-то не закрывай—прокиснутъ“. А человѣкъ, Ваня, можетъ прокиснуть—а? смѣшливо заключилъ „химикъ“.

Предлагая такой, повидимому, наивный вопросъ, Владимірко былъ совершенно правъ: развѣ люди — не тѣ-же „сливки“ жизни?..

ГЛАВА VI.

«Что-бы тамъ ни думали люди!..»

Вотъ уже пятая недѣля подходила къ концу съ того времени, какъ началось слѣдствіе по фабричному дѣлу, а Свѣтлова все еще не выпускали на волю. Однажды утромъ, получивъ дозволеніе погулять на острожномъ дворѣ, молодой человѣкъ нечаянно наткнулся тамъ на Семена Ларіоныча, разгребавшаго, въ числѣ другихъ арестантовъ, выпавшій наканунѣ глубокій снѣгъ.

— Лександру Васильичу наше глубочайшее! дружески поздоровался съ нимъ, издали, староста. — Вотъ-гдѣ Богъ привелъ встрѣтиться!..

Къ высокому частоколу, ограждавшеву дворъ острога, прислонена была чья-то незанятая лопата.

— Давай-ка я помогу вамъ, братцы, — сказалъ Свѣтловъ арестантамъ, бойко принимаясь дѣйствовать этой лопатой.

— Ку-у-ды тебѣ, баринъ! иронически замѣтилъ ему одинъ изъ нихъ—востроглазый, насмѣшливаго вида парень, — не по твоимъ ручкамъ такая работа... Ужъ больно горячо принялся: эдакъ и десяти лопатъ не снесешь.

Александръ Васильичъ былъ въ обыкновенномъ дубленомъ полушубкѣ, купленномъ и присланномъ ему, незадолго передъ тѣмъ, по собственному его желанію, Ириной Васильевной; но арестанты, знавшіе своихъ на перечетъ, сразу догадались, что новый ихъ товарищъ явился сюда изъ „благороднаго отдѣленія“.

— Почемъ знать впередъ,—весело отвѣтилъ молодой человѣкъ

на замѣчаніе востроглазаго парня: —можетъ быть, ты еще скорѣе меня устанешь.

И онъ неутомимо продолжалъ работать, стараясь, въ тоже время, какъ можно ближе встать къ старостѣ.

— Ну, что?—какъ наши дѣла съ тобой? вполголоса спросилъ у него Семенъ Ларіонычъ, подвигаясь, въ свою очередь, къ Свѣтлову.

— Да всѐ по старому плохи дѣла, разумѣется, — отозвался тотъ.—Ты что новенькаго не скажешь-ли?

Оказалось, что вопросъ этотъ былъ предложенъ небезполезно: у старосты Семена новости посыпались, какъ горохъ изъ мѣшка. Онъ, во-первыхъ, сообщилъ Александру Васильичу, что, дня три тому назадъ, Жилинскаго, вмѣстѣ съ дочерью, внезапно отправили на жительство въ другой, болѣе отдаленный уѣздъ, даже не давъ имъ ни съ кѣмъ проститься; что домъ ихъ въ Фабрикѣ—запечатанъ, а все находившееся тамъ имущество, за исключеніемъ мебели, отправлено вслѣдъ за ними, на особой подводѣ, съ старымъ слугой Казиміра Антоныча. Во-вторыхъ, Семенъ Ларіонычъ разсказалъ молодому человѣку, что Варгунинъ содержится на гауптвахтѣ, при чемъ пожаловался еще, что, молъ, „Матвѣй Миколаичъ ведетъ дѣло неладно — горячится ужъ шибко“. Взаключеніе-же всего, порывшись въ карманахъ своихъ широкихъ верверетовыхъ шароваръ, староста тихонько передалъ Свѣтлову страшно измятое и засаленное письмо Христины Казиміровны, запечатанное серебряннымъ гривенникомъ, слѣды котораго, впрочемъ, едва только можно было разобрать на обломанномъ сургучѣ.

— Да откуда-же ты знаешь всѣ эти новости, Семенъ Ларіонычъ, и какъ попало къ тебѣ письмо? съ удивленіемъ освѣдомился Александръ Васильичъ у своего обстоятельнаго собесѣдника.

— У-у насъ свои кульеры на то! смѣясь, отозвался староста: — какъ почнешь съ-измалѣтства оберегать свою покрышку, такъ, небось, всему научишься... Давай-ка, сгребемъ поскорѣ эту кучку-то!

И Семенъ Ларіонычъ, какъ ни въ чемъ не бывалс, усердно

принялся подбрасывать снѣгъ; Свѣтловъ, молча, послѣдовалъ его примѣру. Они дружно проработали такъ, по крайней мѣрѣ, съ часъ времени.

— Не скучай, робяты-ы! приговаривалъ иногда староста, обращаясь къ другимъ арестантамъ и лихо откидывая назадъ свою, и безъ того набекрень надѣтую, шапку,—работа дѣло хорошее, отъ нея блохъ не заводится...

Семенъ Ларіонычъ, какъ видно, уже и здѣсь начиналъ понемногу распоряжаться: на трудящихся отлично дѣйствовалъ его возбуждающій, нѣсколько повелительный голосъ.

— А что, братцы? сказалъ одинъ изъ нихъ, замѣтивъ, что востроглазый парень, сдѣлавшій давеча насмѣшливое замѣчаніе Свѣтлову относительно его „ручекъ“, прежде другихъ поставилъ въ сторону свою лопату и сталъ отирать, рукавомъ, градомъ катившійся съ лица потъ, — вѣдь напрасно Демка-то объ закладъ съ бариномъ не бился: проигралъ-бы теперь косушку-то, а мы-бы выпили за ихъ здравіе?

— Эхъ, ты, Демка, сельдевая твоя хвастня! подхватилъ другой.

Остальные арестанты поддержали его, и общимъ хоромъ подняли на смѣхъ заносчиваго товарища, уставшаго преждо „барина“.

Но самому Свѣтлову было не до шутокъ: его крѣпко занимало только-что полученное письмо. Тѣмъ не менѣе, оно пролежало въ карманѣ Александра Васильича, нераспечатаннымъ, до самыхъ позднихъ сумерекъ; онъ сдѣлалъ это съ сознательнымъ разсчетомъ: въ тоскѣ однообразной острожной жизни, молодому человѣку хотѣлось, по крайней мѣрѣ, подольше насладиться томительнымъ ожиданіемъ, отрадной мыслью, что впереди у него — заочная бесѣда съ другомъ, въ искренности котораго нельзя было сомнѣваться. Вечеромъ, когда уже совершенно стемнѣло и говоръ въ сосѣднихъ арестантскихъ камерахъ понемногу затихъ, Александръ Васильичъ выпросилъ у сторожа—за тройную, разумѣется, цѣну—какую-то тоненькую, грязную и вонючую, сальную свѣчку, и, при ея тускломъ

мерцаніи, весь погрузился въ чтеніе письма Жилинской, медленно переходя отъ строки къ строкѣ и останавливаясь почти на каждой. Вотъ-что писала Свѣтлову Христина Казиміровна:

„Можетъ быть, не позже, какъ черезъ часъ, мы съ папкой уѣзжаемъ, но куда—не знаемъ пока еще и сами; вѣроятно, далеко куда-нибудь... Но это, впрочемъ, не важно; гораздо важнѣе то, что я хочу сказать тебѣ теперь... на прощанье. Да, на прощанье, Саша! Не вѣрится какъ-то моему сердцу, чтобы мы съ тобой увидѣлись вновь... тѣмъ болѣе, при лучшихъ для меня обстоятельствахъ, чѣмъ нынѣшнія. Не подумай, ради Бога, что я хочу упрекнуть тебя этимъ въ чемъ-нибудь; упреки не въ моей натурѣ, да ты ихъ и не заслуживаешь. Мнѣ просто хочется, чтобъ ты, прочтя эти строки, зналъ все, что лежитъ у меня въ настоящую минуту на душѣ, чтобъ ты былъ въ ней, какъ дома. Я лучше желала-бы лично увидѣться съ тобой и ѣздила сегодня утромъ къ генералу съ просьбой—допустить меня въ острогъ; но старикъ меня не принялъ, хотя обо мнѣ ему докладывали дважды. Тогда я кинулась къ прокурору,—того я, разумѣется, видѣла, но получила опять-таки отказъ, точно они и въ самомъ дѣлѣ считаютъ тебя преступникомъ. Прокуроръ мнѣ сказалъ, между прочимъ: „Mademoiselle Жилинская! вы должны быть очень благодарны его превосходительству, что васъ и вашего отца переселяютъ, на время, въ другое мѣсто,—это милость, судя по ходу слѣдствія“. — Жаль только, г. прокуроръ,—отвѣтила я ему съ досадой,—что прежде, чѣмъ оказывать намъ эту милость, его превосходительство не справился: нуждаемся-ли мы еще въ ней? Пожалуйста, передайте ему это отъ насъ обоихъ, когда увидитесь“.—

„И такъ, мой милый, дорогой преступникъ, проститься лично намъ было не суждено... Если допустить, что на свѣтѣ дѣйствительно водится такъ-называемая „судьба“, то, право, я нахожу, что это, должно быть, какая-нибудь старая дѣва, или совсѣмъ выжившая изъ ума, или никогда неимѣвшая логики. Посуди самъ: едва только мы съ тобой полюбили другъ друга, какъ приш-

лось уѣхать *тебѣ* отъ меня, чуть-ли не за тридевять земель; теперь, когда ты вернулся, принуждена опять ѣхать *я*, да такъ далеко, что и сама не знаю куда. Но все равно, гдѣ-бы я ни была и что-бы ни случилось съ тобой—*для твоего дѣла я навсегда твоя*. Вотъ что прежде всего хотѣлось мнѣ сказать тебѣ, Саша. Я нарочно подчеркнула эти слова, чтобъ ты глубже вникъ въ ихъ совершенно ясный смыслъ. Чѣмъ больше думала въ послѣднее время моя голова о нашихъ личныхъ отношеніяхъ, тѣмъ неотразимѣе убѣждалась я (только съ какой болью, еслибъ ты зналъ, Саша!), что мнѣ слѣдуетъ отойти въ сторону и дать свободную дорогу твоему возмужавшему чувству... Предполагая, что я лично знакома съ той, къ кому болѣе клонится оно теперь, мнѣ-бы хотѣлось сказать ей только, что научила любить тебя *я* (можетъ быть, цѣной всей моей жизни), и что за мной-же остается право потребовать у нея, у этой особы, отчета въ томъ случаѣ, если любовь изсякнетъ въ тебѣ, не поддержанная въ той силѣ, какой требуетъ твоя превосходная, глубокая натура. И здѣсь, помни, дѣло идетъ о любви въ самомъ широкомъ смыслѣ, въ самомъ лучшемъ ея проявленіи... Да! я съумѣю тогда отомстить за тебя, какъ отомстилъ-бы геніальный авторъ за искаженіе своего лучшаго труда... А ты знаешь, Саша, что фраза несвойственна мнѣ; слово у меня — дѣло. Если я выразилась слишкомъ рѣзко для тебя, если ты найдешь, что мысль моя самолюбива до глупости,—прости мнѣ эту самолюбивую мысль: вѣдь только она одна, можетъ быть, и остается мнѣ въ подкрѣпленіе на долгіе, долгіе годы... Я говорю: можетъ быть—потому, что взамѣнъ тебя, *кажется*, со мной останется нѣчто болѣе дорогое—наше будущее дитя. Повѣрь, что я не отрекусь никогда ни отъ одной минуты, проведенной съ тобою, и ни въ одной не раскаюсь. Если бываютъ „грѣшницы“, то тѣ изъ нихъ, которыя дорожатъ собой и уважаютъ себя, должны быть, по моему, нераскаянными. Пусть-же и я буду такою. За одно хотѣлось-бы мнѣ поручиться: если у тебя родится сынъ — онъ будетъ стоить отца; если-же дочь — она ни въ чемъ не уступитъ матери. Только те-

перь, когда черезъ какой-нибудь часъ времени „старой дѣвѣ“ угодно будетъ кинуть насъ опять въ разныя стороны, я могу позволить себѣ чистосердечно признаться передъ тобой, Саша, въ этой сладкой надеждѣ: связанныя руки, время и разстояніе помѣшаютъ тебѣ сдѣлать, въ пылу увлеченія твоей честной и гордой натуры, хотя, быть можетъ, и благородный, но ложный и опрометчивый шагъ... Даже въ эту самую минуту еще, какъ я пишу тебѣ, я, можетъ быть, поддалась-бы невольно и сама этому увлеченію, раздѣлила-бы этотъ невѣрный шагъ... Но даю тебѣ слово, что съ той минуты, какъ ты прочтешь это письмо, уже никакія силы— ни земныя, ни небесныя — не вернутъ меня къ подобному шагу! Ты слишкомъ хорошо знаешь мой характеръ, чтобъ не понять сразу, что я хочу этимъ сказать, и, надѣюсь, уваженіе твое ко мнѣ настолько сильно, что ты не сдѣлаешь ни одной безполезной попытки перемѣнить мои мысли: теперь уже это поздно... Прощай, мой дорогой, мой милый Саша! Не забывай меня, а главное—помни, что свободный человѣкъ всегда долженъ быть свободенъ, не завися въ своемъ внутреннемъ мірѣ ни отъ людей, ни отъ обстоятельствъ. Теперь еще разъ повторю тебѣ: пока я жива, наше дитя (если мнѣ суждено его увидѣть) останется со мной; всѣ силы мои будутъ отданы на то, чтобы онѣ шли ему во благо,—и пока эта забота будетъ лежать на мнѣ, я не примусь ни за что другое. Прощай еще разъ! Я совершенно довольна тобой: съ тобой я отпраздновала свѣтлый праздникъ жизненной весны, и тебѣ-же, а никому другому, буду я признательна и за знакомство съ великими обязанностями матери—что бы тамъ ни думали люди!..

Любящая и уважающая тебя
Кристи“.

По мѣрѣ того, какъ душа Свѣтлова все глубже и глубже проникалась этими грустными, но чарующими строками; по мѣрѣ того, какъ все явственнѣе и явственнѣе становился для Алексан-

дра Васильича несомнѣнный, рѣшительный смыслъ ихъ,—и губы чтеца дрожали все больше и больше, и наконецъ, не выдержавъ пытки потрясающаго впечатлѣнія, онъ выронилъ изъ рукъ письмо и зарыдалъ, какъ ребенокъ...

Прошло, по крайней мѣрѣ, съ полчаса, пока утихли эти хватающія за сердце рыданія. Тогда молодой человѣкъ вспомнилъ вдругъ, что онъ невполнѣ еще кончилъ чтеніе письма, что тамъ была еще какая-то приписка; Свѣтловъ нагнулся и поднялъ его съ полу. Дѣйствительно, слѣдомъ за мелкими, хотя немного неровными и какъ-будто дрожащей рукой набросанными, но разборчавыми строчками Христины Казиміровны, шелъ крупный и твердый характерный почеркъ самого Жилинскаго.

„Дѣвочка моя написала все, что слѣдовало ей сказать тебѣ“— значилось, по польски, въ этой припискѣ; „я могу только прибавить, что не расхожусь съ ея взглядомъ: она настоящая—дочь своего отца. Думаю, что и ты, мальчикъ—достойный ученикъ тѣхъ достойныхъ людей, изъ которыхъ половину я смѣло и съ гордостью могу назвать своими друзьями, а другую, такъ-же смѣло—товарищами; по крайней мѣрѣ, надѣюсь, что дальнѣйшій образъ твоихъ дѣйствій не отниметъ у тебя моего уваженія и пріязни. Вообще, желаю тебѣ того-же, что пожелалъ-бы сыну. Передъ тобой лежитъ впереди чудесная даль: широкое, но мало воздѣланное поле родины ждетъ твоей дѣятельности... Помни, что каждый часъ, каждая минута должна быть дорога тому, кто не шутя хочетъ обработывать это поле, вырывать съ корнемъ его густо заросшіе плевелы. Знаешь ли что? если я жалѣю иногда о чемъ-нибудь, то больше всего о потерянномъ времени. Не забудь же это, мальчикъ! Теперь прими мой горячій поцѣлуй и вѣрь, что всегда тебѣ доброжелательствуетъ

Казиміръ Жилинскій“.

То-ли неожиданно-долгое заключеніе въ острогѣ разстроило Александра Васильича, или только сегодня такъ сильно ослабли у

него нервы, но, какъ-бы то ни было, прочтя эти строки, онъ зарыдалъ вновь...

„Точно я стою на краю чей-то свѣжей, дорогой могилы!“ думалось ему, немного погодя: „также пусто, холодно и безпріютно у меня на душѣ, какъ бываетъ въ той комнатѣ, откуда только-что вынесли покойника... Да чѣмъ-же, собственно, и лучше-то настоящая минута? Развѣ мы встрѣтимся когда-нибудь опять? развѣ не все кончено?.. Но вѣдь подъ твоимъ золотымъ сердцемъ, Кристи, и въ самомъ дѣлѣ, быть можетъ, бьется уже новая жизнь, возникаетъ новый, пока еще неслышный, горячій протестъ противъ людской неправды!.. не обратится-ли онъ, современемъ, и противъ меня?.. А между тѣмъ, ты права... милая, благородная дѣвушка! Да! ты права: теперь уже поздно...“

И опять—можетъ быть, въ послѣдній разъ — такъ явственно, такъ осязательно нарисовалась въ воображеніи Свѣтлова стройная фигура красавицы Христины Казиміровны, снова, какъ въ-очію, возникъ передъ нимъ ея гордый, обольстительный образъ; но, теперь, этотъ образъ носился въ какой-то недосягаемой дали отъ него... Да!—повторимъ и мы съ Александромъ Васильичемъ: теперь уже было поздно.

Онъ до утра не могъ сомкнуть глазъ. Въ эту долгую, безсонную ночь, небывалая прежде у Свѣтлова, по замѣчанію Ирины Васильевны, чуть замѣтная складочка между бровей — рѣзко обозначилась тамъ, и осталась у него на всю жизнь...

ГЛАВА VII.

«Геніальный планъ» Дементія Алексѣича.

Пріѣздъ мужа поставилъ Лизавету Михайловну въ самое тяжелое положеніе. Все время ихъ пятилѣтней разлуки, молодая женщина жила совершенно самостоятельно, не отдавая никому отчета въ своихъ поступкахъ; лишь изрѣдка, и то не больше, чѣмъ разъ въ два мѣсяца, ей приходилось коротко увѣдомлять Дементія Алексѣича о здоровьѣ и успѣхахъ дѣтей — и только. Никакой другой переписки между супругами не существовало; по крайней мѣрѣ, сама Прозорова, въ необходимыхъ отвѣтахъ мужу, ограничивалась лишь этими насущными предметами. И вдругъ теперь, черезъ столько лѣтъ, въ силу какого-то призрачнаго права, она опять принуждена взять на себя роль малаго ребенка, котораго, во что-бы то ни стало, желаютъ водить на помочахъ, должна выслушивать упреки и наставленія отъ непрошенаго опекуна, неспособнаго встать даже на одной высотѣ съ опекаемой! Но и это-бы все еще ничего, а главное — стоило-ли, при такихъ условіяхъ, посвящать лучшіе годы своей жизни на воспитаніе дѣтей? Развѣ не могутъ, завтра-же, отнять ихъ у матери, чтобъ перевернуть верхъ-дномъ все то, что далось ей съ болью и кровью?

Къ счастью Лизаветы Михайловны, она не принадлежала къ числу праздныхъ мечтательницъ, способныхъ приняться за излюбленное дѣло только послѣ того уже, какъ его благополучно осуществитъ кто-нибудь другой; Прозорова, напротивъ, рѣшилась самолично завоевать себѣ свободу, рѣшилась бороться за нее, какъ говорится, на-жизнь и на-смерть. Однакожъ, хотя и скрѣпя сердце, молодая женщина сдѣлала сперва нѣсколько попытокъ къ мир-

ному соглашенію; но это ни къ чему не привело. Каждый разъ, какъ начинался подобный разговоръ, Дементій Алексѣичъ показывалъ видъ, что слушаетъ жену внимательно и даже будто не прочь уступить ей; потомъ, понемногу, Прозоровъ впадалъ въ свой обычный, раздражительный тонъ, говорилъ колкости, и, въ концѣ концовъ, неистово замахавъ руками, заключалъ обыкновенно скороговоркой: „Глупости, глупости, глупости, матушка, выдумала... и слушать не хочу!“. Словомъ, каждый разъ повторялось то-же самое, что было и вначалѣ. Видя полнѣйшую безуспѣшность мирныхъ попытокъ, Лизавета Михайловна уже не колебалась долѣе, и открыто бросила мужу вызовъ: она категорически объявила ему, что не выйдетъ до тѣхъ поръ изъ своей комнаты, пока не получитъ паспорта. Это случилось въ тотъ-же день вечеромъ, какъ между ними произошла извѣстная бурная сцена, едва не кончившаяся для Прозоровой весьма печально. Напрасно Дементій Алексѣичъ, черезъ замкнутую дверь спальни, доказывалъ до глубокой ночи женѣ, что можетъ заставить ее поступать, какъ ему заблагоразсудится, что на его сторонѣ и общественное мнѣніе, и всякая всячина; напрасно разсыпался онъ въ увѣреніяхъ, что имъ уже приглашены къ себѣ многія знакомыя семейства, даже съ назначеніемъ дня, что вѣдь такимъ образомъ можетъ выйти неслыханный скандалъ, — молодая женщина твердо стояла на своемъ.

— Я никого сама не приглашала, а за чужія распоряженія не отвѣчаю,—холодно и рѣшительно сказала она.—Повторяю вамъ: я не выйду изъ своей комнаты, хотя-бы вы послали за полиціей!

— Да стыдъ-то... стыдъ-то у васъ гдѣ-же, наконецъ? Вѣдь это совсѣмъ... совсѣмъ безстыдство... ну скажите на милость! говорилъ Прозоровъ, метаясь взадъ и впередъ около запертой двери.

— Какъ хотите, такъ и думайте,—послышался ему, изъ спальни, невозмутимый отвѣтъ.

„Шалишь, матушка!“ ехидно подумалъ Дементій Алексѣичъ:— выйдешь... выйдешь, небось, какъ соберутся гости...“

Онъ, однакожъ, совершенно ошибся. Лизавета Михайловна не

спасовала даже и въ виду скандала. Когда, дня черезъ два послѣ этого разговора, зала Прозоровыхъ наполнилась вечеромъ гостями, хозяйка не вышла къ нимъ.

— Мамочка извиняется, — объявила за нее Сашенька: — она больна и не выходитъ изъ своей комнаты.

Дамы, впрочемъ, не удовлетворились такой отговоркой; они нашли, что могутъ, какъ женщины, повидаться съ больной и запросто — въ ея спальнѣ.

— Она... она, вѣрно, стѣсняется... замѣтилъ сконфуженный Прозоровъ. — Не одѣта... не одѣта, видно, мамушка? обратился онъ къ дочери.

— Нѣтъ, мамочка одѣта,—нѣсколько лукаво отвѣтила та.

Огорченный супругъ принужденъ былъ послѣ этого, по крайней мѣрѣ, раза три самолично слазить, черезъ столовую, къ злополучной двери женіной спальни, — да, именно слазить: другимъ выраженіемъ трудно было-бы обозначить тѣ воровскія ухватки, съ какими совершалъ Дементій Алексѣичъ свои смѣшные подходы къ женѣ, каждый разъ увѣряя гостей, что „она еще выйдетъ“. И все-таки Лизавета Михайловна не показывалась.

— Да нѣтъ, къ чему-же ее безпокоить напрасно, когда мы можемъ сходить къ ней и сами,—въ одинъ голосъ объявили, наконецъ, дамы, и дѣйствительно отправились-было разыскивать хозяйку.

Но едва они дошли до столовой, какъ здѣсь, въ самыхъ дверяхъ, ихъ опять-таки встрѣтила Сашенька.

— Мамочка очень, очень извиняется,—серьезно повторила дѣвочка гостямъ: — она такъ больна, что никого не можетъ принять даже у себя въ комнатѣ.

Послѣ такого категорическаго заявленія, оставалось только пожать плечами да удалиться вспять. Дамы такъ именно и поступили; онѣ вернулись въ залу ни съ чѣмъ, смущенныя и нѣсколько озадаченныя. Прозоровъ, разумѣется, былъ взбѣшенъ до послѣдней степени, но всѣми силами старался показать, что вѣритъ и самъ въ серьезность болѣзни жены.

— Не понимаю... рѣшительно не понимаю, что съ ней вдругъ сдѣлалось такое!.. Вѣдь вотъ она еще недавно... недавно, передъ вами только, довольно сносно себя чувствовала... Да! надо, видно, за докторомъ... за докторомъ послать?.. говорилъ Дементій Алексѣичъ, какъ-бы обращаясь за совѣтомъ къ присутствующимъ.

Онъ, впрочемъ, довольно неискусно разыгрывалъ свою мнимую озабоченность.

— Разумѣется, пошлите скорѣе за докторомъ,—обязательно согласились гости, подсмѣиваясь изподтишка надъ злополучнымъ супругомъ, и тотчасъ-же стали расходиться, не просидѣвъ у него и часу: они, кажется, догадались, въ чемъ дѣло.

На безчисленные упреки и оскорбленія, градомъ посыпавшіеся на Лизавету Михайловну по уходѣ гостей, она съ безстрастной ироніей отвѣтила только:

— Вѣдь эти гости не бываютъ у меня безъ васъ, да и я къ нимъ давно перестала ѣздить; они больше ваши, чѣмъ мои знакомые, такъ-что мнѣ неловко было-бы разсказывать имъ о всѣхъ мерзостяхъ, какія вы творите...

Какъ ни внушительно было столь очевидное доказательство твердой рѣшимости молодой женщины — стоять на своемъ, Дементій Алексѣичъ, однакожъ, не соблаговолилъ почему-то удовольствоваться имъ, и рѣшился еще разъ попытать счастья. Съ этой цѣлью, дня черезъ три, Прозоровъ завернулъ утромъ къ предсѣдателю губернскаго правленія — своему близкому другу, недавно переведенному въ Ушаковскъ изъ сосѣдней губерніи, гдѣ они, до того времени, подвизались вмѣстѣ на службѣ. Сообщивъ пріятелю о капризахъ жены, недовольный супругъ выразилъ ему скороговоркой слѣдующую оригинальную мысль:

— Сдѣлай ты милость, заѣзжай ты ко мнѣ сегодня черезъ полчаса, будто нарочно... нарочно, знаешь, съ визитомъ къ ней; а если она и тебя... и тебя не приметъ, не захочетъ видѣть, такъ ты вѣдь, я знаю, мастеръ... мастеръ пристыдить хоть кого...

Предсѣдатель дѣйствительно считалъ себя „мастеромъ пристыдить“, если и не „хоть кого“, то, по крайней мѣрѣ, большую часть губернскихъ барышенъ и дамъ средней руки. Къ нимъ-же, вѣроятно, причислилъ онъ и жену пріятеля, судя о ней по супругу, потому-что немедленно изъявилъ согласіе на его просьбу. Какъ они уговорились, такъ и сдѣлали. Минутъ черезъ десять, Дементій Алексѣичъ былъ уже дома, а спустя полчаса, явился туда и его другъ, громко объявивъ на всю залу:

— Я собственно къ твоей женѣ, братъ... съ визитомъ; познакомь насъ, пожалуйста.

— Лиза! самымъ невиннымъ образомъ крикнулъ Прозоровъ женѣ, черезъ зальную дверь, — съ тобой желаетъ... желаетъ познакомиться Николай Карлычъ Фогель — предсѣдатель... предсѣдатель здѣшняго губернскаго правленія, мой хорошій пріятель...

Дементій Алексѣичъ сдѣлалъ при этомъ значительное удареніе, какъ на официальномъ званіи гостя, такъ и на словѣ „пріятель“. Ни то, ни другое, однакожъ, не подѣйствовало, повидимому, на хозяйку: она не отозвалась сама, а выслала въ залу горничную.

— Барыня просила извинить ихъ: онѣ никого не принимаютъ,—объявила та гостю.

— Ааа!.. Да! ну-такъ ужъ извини... извини, Николай Карлычъ: въ другой разъ какъ-нибудь,—громко замѣтилъ ему Прозоровъ, и ехидно подмигнулъ.

Онъ приказалъ горничной отправиться немедленно на кухню, чтобъ распорядиться завтракомъ, самъ-же, между тѣмъ, подъ видомъ осмотра комнаты Гриши, котораго, какъ и Калеріи, не было дома, тихохонько провелъ гостя въ столовую, а оттуда прямо влетѣлъ съ нимъ въ спальню къ женѣ, сильно толкнувъ рукой въ плотно притворенную дверь этой комнаты. Лизавета Михайловна, непредвидѣвшая ничего подобнаго, была до такой степени озадачена новой дерзостью мужа, что въ первую минуту рѣшительно не нашлась, что сказать, и только инстинктивно попятилась отъ нихъ

въ уголъ. Въ свою очередь, и ея непрошенный гость казался нѣсколько озадаченнымъ, встрѣтивъ, повидимому, совсѣмъ не то, къ чему приготовился.

— Извините, сударыня,—поспѣшилъ объяснить онъ хозяйкѣ, довольно развязно, впрочемъ, раскланиваясь съ ней: — я никакъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи познакомиться съ супругой моего пріятеля и, съ его позволенія, рѣшился проникнуть къ вамъ... нѣсколько измѣнически...

Николай Карлычъ хотѣлъ-было пріятно улыбнуться, но молодая женщина обдала предсѣдателя губернскаго правленія такимъ величаво-презрительнымъ взглядомъ съ ногъ до головы, что тотъ на минуту почувствовалъ себя совершеннымъ мальчишкой передъ ней.

— Извините и меня также,—гордо и съ уничтожающей ироніей въ голосѣ обратилась она къ нахальному гостю:—я не имѣю ничего общаго съ друзьями моего мужа; это, по большей части, люди, непонимающіе ни приличія, ни уваженія къ женщинѣ. Вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе, если сію-же минуту выйдете отсюда...

Таковъ былъ конечный результатъ самоувѣренныхъ опытовъ Дементія Алексѣича. Въ другое время, Прозорова, по всей вѣроятности, поступила-бы въ подобномъ случаѣ гораздо мягче, но теперь она рѣшилась наглядно показать мужу, до какой степени можетъ сдѣлаться несносной для него, современемъ, жизнь подъ одной кровлей съ нею. Урокъ этотъ не прошелъ даромъ; онъ дѣйствительно раскрылъ глаза ослѣпленному супругу, выяснивъ ему всю безполезность и даже невозможность поворота на прежнюю, семейную дорогу. Дементій Алексѣичъ какъ-то притихъ послѣ того, съежился, и только все чаще и чаще мѣрялъ залу своими торопливыми, кошачьими шажками; но сдержанная, ехидная улыбка, постоянно мелькавшая у него при этомъ на губахъ, ясно выражала, что въ головѣ Прозорова возникаетъ новый способъ дѣйствія. Были, впрочемъ, и другія примѣты для подобнаго-же заключенія: въ послѣднее время, Дементій Алексѣичъ, прежде сидѣвшій постоянно до-

ма, сталъ часто уходить куда-то съ утра, а возвращался назадъ только поздно вечеромъ, мало говорилъ съ дѣтьми, иногда писалъ что-то, и вообще, казался человѣкомъ, круто перемѣнившимъ свой образъ жизни. Лизавета Михайловна хотя и продолжала затворничать у себя въ комнатѣ, однакожъ и она не могла не замѣтить такой очевидной перемѣны въ мужѣ, и терялась въ догадкахъ. Правда, однажды, въ его отсутствіе, выйдя въ залу, Прозорова нашла тамъ на столѣ какой-то, очевидно, испорченный листъ бумаги съ зачеркнутымъ на немъ словомъ „Видъ“, но молодая женщина была такъ углублена въ свои мысли, что не обратила на это никакого вниманія; она даже, кажется, не поняла хорошенько и самаго смысла-то зачеркнутаго слова. Другое дѣло было-бы, еслибъ Лизавета Михайловна могла предвидѣть тогда, какой знаменательный разговоръ ждетъ ее на слѣдующій день вечеромъ—то есть, какъ разъ въ то самое время, когда Свѣтлова хватали за душу чарующія строки письма Жилинской.

Въ этотъ день, съ самаго утра, улыбка Дементія Алексѣича была какъ-то особенно ехидна и даже, можно сказать, таинственна. Онъ безвыходно просидѣлъ дома до поздняго вечера, а когда дѣти легли спать, объявилъ женѣ, что имѣетъ сказать ей нѣчто весьма важное и просилъ ее выйти къ нему въ залу.

— Говорите; я слышу и такъ,—равнодушно отвѣтила она.

— Господи ты Боже мой! да что я васъ съѣмъ... съѣмъ, что-ли? раздражительно воскликнулъ Прозоровъ. — Говорю вамъ толкомъ, что мнѣ... что мнѣ надо окончательно переговорить съ вами...

— Полноте, Дементій Алексѣичъ! недовѣрчиво возразила ему жена.—Ужъ не одинъ разъ начинались между нами и не приводили ни къ чему эти „окончательные переговоры“...

— Такъ что-же?.. побожиться... побожиться, что-ли, я долженъ, чтобъ вы мнѣ повѣрили? желчно освѣдомился супругъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же: и божились вы напрасно также не разъ... спокойно замѣтила молодая женщина.

— Ну, такъ ужъ на себя... на себя пеняйте послѣ этого! раз-

горячился Дементій Алексѣичъ: — не могу-же... не могу-же я вамъ въ щелку просунуть паспорта!...

Лизавета Михайловна только улыбнулась и недовѣрчиво покачала головой.

— Послушайте, Дементій Алексѣичъ! сказала она, однакожъ, немного подумавъ:— я къ вамъ выйду; но если это опять будетъ ложь — увѣряю васъ, вы не увидите меня больше въ своей квартирѣ!

И Прозорова въ самомъ дѣлѣ вышла къ нему, не ожидая, впрочемъ, ничего добраго. Дементій Алексѣичъ встрѣтилъ жену на порогѣ залы.

— На-те! читайте! ра-а-дуйтесь!!.. язвительно проговорилъ онъ, и съ сердцемъ бросилъ ей, чуть не въ лицо, какую-то бумагу.

Хотя его „радуйтесь“ и близко подходило, по своему тону, къ „радуйся царю іудейскій“, но, тѣмъ не менѣе, когда Лизавета Михайловна нагнулась, чтобъ поднять съ полу брошенную бумагу, и тутъ-же, на полу, даже не разгибаясь, впилась въ нее жаднымъ взглядомъ, изъ глазъ молодой женщины такъ и покатились градомъ крупныя слезы, тихо стуча по гербовому листу, который она держала въ рукахъ. Этотъ, повидимому, ничтожный гербовый листъ былъ дѣйствительно ея давно-желанный паспортъ, выданный также и на имя дѣтей, да еще, вдобавокъ, и безъ означенія срока.

— Благодарю васъ!.. могла только слабо выговорить Прозорова, и едва-едва поднялась съ полу.

— Не за что-съ, не за что-съ,—насмѣшливо замѣтилъ ей супругъ: — очень радъ, что Богъ избавитъ!..

Лизавета Михайловна хотѣла выйти.

— Позвольте, позвольте!.. куда-же... куда-же вы?.. Паспортъ въ карманчикъ, да... да и тягу?! остановилъ ее мужъ.

— Я только выпью воды, —тихо отвѣтила она, и вышла.

Дементій Алексѣичъ принялся бѣгать изъ угла въ уголъ по залѣ, самодовольно потирая руки. Почтенный супругъ полагалъ, конечно, что имѣетъ весьма основательныя причины для ощущенія

подобнаго самодовольствія; но, въ такомъ случаѣ, въ чемъ-же заключались эти причины? Что значилъ, наконецъ, такой крутой поворотъ въ политикѣ этого ехиднаго мужа?

Прозоровъ, по своему личному характеру, принадлежалъ къ числу тѣхъ мелкихъ, такъ-сказать, домашнихъ деспотовъ, которые, чѣмъ больше имъ уступаютъ, тѣмъ способнѣе становятся сѣсть на шею ближняго и гнуть ее, елико возможно, а при надлежащемъ отпорѣ—летятъ кувыркомъ сами. Встрѣтивъ подобный-же отпоръ въ женѣ, Дементій Алексѣичъ, разумѣется, не придавалъ ему сначала большой важности; однакожъ, послѣдующіе опыты заставили отвергнутаго супруга ясно уразумѣть, что къ Лизаветѣ Михайловнѣ они, во-первыхъ, непримѣнимы; кромѣ того, эти-же самые опыты показали ему, на что способна отважиться въ будущемъ молодая женщина, въ погонѣ за своимъ освобожденіемъ. Прозоровъ не питалъ и прежде особенной нѣжности къ женѣ; если на нее палъ раньше его выборъ, то ужъ, конечно, не за нравственныя качества Лизаветы Михайловны — тогда почти еще ребенка. Теперь-же, при явномъ разладѣ между супругами, чувство любви и подавно не могло имѣть мѣста въ соображеніяхъ Дементія Алексѣича, или быть причиной его непонятнаго упорства; даже обыкновенная привычка сожительства, замѣняющая иногда это чувство — и та была тутъ не при-чемъ: супруги ужъ давно жили врознь. Совсѣмъ иныя побужденія руководили упрямой мыслью Прозорова — не отпускать отъ себя жену: для него, просто, вопросъ шелъ здѣсь о собственности, или, лучше сказать, о вѣчномъ и нераздѣльномъ правѣ на эту собственность; другого, болѣе нравственнаго взгляда на подругу жизни не существовало въ умственномъ запасѣ Дементія Алексѣича. Но когда онъ увидѣлъ Свѣтлова — темное подозрѣніе, что ужъ не этотъ-ли самый человѣкъ посягаетъ на его рабовладѣльческія права, заставило Прозорова спросить себя, наконецъ: да не лучше-ли будетъ спрятать подальше свое сокровище отъ глазъ подобнаго хищника? Въ данномъ случаѣ, Дементій Алексѣичъ соображалъ точно также, какъ соображаетъ

иной скряга, предполагая зарыть гдѣ-нибудь въ лѣсу кладъ: тамъ, дескать, воры не заберутся; и точно также, какъ бываетъ со скрягой, Прозоровъ упускалъ при этомъ изъ виду только одно: что въ лѣсу-то и воровать клада не нужно, а просто—приди, да и возьми кто хочетъ. Внезапное заключеніе Свѣтлова въ острогъ, и городскіе толки, что „врядъ-ли молодой человѣкъ выберется сухимъ оттуда“, выработали въ несообразительной головѣ почтеннаго супруга весьма оригинальный планъ—немедленно-же спровадить жену въ Петербургъ, чтобъ отнять у нея этимъ способомъ хотя близкую-то возможность нарушенія супружеской вѣрности.

„Пусть, пусть съѣздитъ!.. пусть провѣтрится; а тамъ я и самъ... и самъ махну въ Питеръ!“ злорадно думалось Прозорову, пока онъ рыскалъ по залѣ въ ожиданіи жены. Оттого-то такъ самодовольно и потиралъ себѣ руки Дементій Алексѣичъ.

— Вамъ теперь не мѣшаетъ... не мѣшаетъ привыкать къ водичкѣ-то,—насмѣшливо обратился онъ къ Лизаветѣ Михайловнѣ, когда та вернулась: — придется, пожалуй, и безъ хлѣба иногда посидѣть... Ну-да, вѣдь, впрочемъ, въ столицѣ можно быть сытой и одними образованными людями?..

— Что-бы ни ожидало меня впереди, я, будьте спокойны, не обращусь къ вамъ за помощью,—тихо, но съ достоинствомъ замѣтила ему молодая женщина. — Кстати: дѣтскую часть изъ тѣхъ денегъ, о которыхъ у насъ шелъ разговоръ въ день вашего пріѣзда, я завтра-же утромъ отошлю въ банкъ, представивъ вамъ квитанцію на нихъ почтовой конторы, а остальную половину, мою — вотъ возьмите; она вся тутъ до единаго рубля...

Говоря это, Прозорова дѣйствительно вынула изъ кармана толстую пачку денегъ и протянула ее мужу.

— Поспѣется, поспѣется еще... торопливо проговорилъ Дементій Алексѣичъ, весь покраснѣвъ и сконфуженно отстраняясь отъ жены.

— Я не могу оставить у себя этихъ денегъ,—возразила она строго.

— Ну-такъ положите... положите ихъ хоть на столъ, вонъ... Такъ-вотъ непремѣнно въ руки... въ руки и надо взять!.. вспылилъ почему-то почтенный супругъ.

Дементію Алексѣичу, по всей вѣроятности, стыдно стало брать назадъ свой подарокъ, или, быть можетъ, Прозоровъ думалъ, что ему гораздо менѣе совѣстно будетъ взять потомъ эти деньги со стола, чѣмъ прямо принять ихъ теперь изъ рукъ жены; во всякомъ случаѣ, онъ испытывалъ въ эту минуту нѣчто подобное тому, что чувствовалъ и прежде, когда, бывало, не будучи еще мировымъ посредникомъ, а состоя въ другой, менѣе чуждой соблазновъ, должности, принималъ темныя лепты за темныя дѣла.

— Прекрасно... все прекрасно! но... но на что-же... на что-же вы поѣдете-то?—на какіе капиталы? помолчавъ, освѣдомился Прозоровъ у жены.—Вѣдь не на себѣ-же... не на себѣ-же вы возокъ повезете?!...

— Дѣти мнѣ даютъ взаймы, изъ своихъ денегъ, тысячу рублей на дорогу и первое обзаведеніе въ Петербургѣ,—спокойно отвѣтила молодая женщина.

— Скажите... скажите на-милость, какая огромная сумма!!.. саркастически расхохотался Дементій Алексѣичъ.—Не признать-ли вамъ еще у нашего кучера рублей десять? Пригодятся... ей-Богу!

Но Лизавета Михайловна, повидимому, уже не оскорблялась теперь его циничными выходками, или, по крайней мѣрѣ, какъ-будто не замѣчала ихъ.

— Возьмите ужъ, кстати, и это вотъ... скромно сказала она только, порывшись у себя въ карманѣ, и подала мужу еще какой-то, на этотъ разъ, крошечный, свертокъ. — Я вамъ не брошу имъ въ лицо, какъ вы давеча выбросили мнѣ мой паспортъ, хотя у меня и нашлось-бы гораздо больше права на такой поступокъ... дрожащимъ голосомъ прибавила молодая женщина, и тихо заплакала.

— Что... что еще такое? тревожно спросилъ Прозоровъ, раскрывая таинственный свертокъ, въ которомъ оказалось его обручальное кольцо.—Ну его къ чорту!!..

Дементій Алексѣичъ съ такой силой швырнулъ отъ себя это несчастное кольцо, что оно, зазвенѣвъ, подпрыгнуло нѣсколько разъ на полу и укатилось въ самый дальній уголъ комнаты.

— Вотъ и прекрасно... и прекрасно! туда... туда ему и дорога! говорилъ онъ, тяжело переводя духъ.—Вы меня опозорили... да! опозорили... передъ всѣмъ городомъ!.. Вы... какъ дѣвка... какъ дѣвка какая-нибудь обошлись съ моимъ пріятелемъ!..

— Дементій Алексѣевичъ! съ сверкающими глазами остановила его жена, у которой выступило вдругъ по багровому пятну на обѣихъ щекахъ, — вы, конечно, уже не можете пасть въ моемъ мнѣніи ниже того, какъ я смотрю на васъ теперь; но... мнѣ-бы хотѣлось знать, чувствуете-ли вы достаточно силы въ себѣ, чтобъ перенести, современемъ, презрѣніе... не мое, разумѣется, до котораго вамъ нѣтъ дѣла, а... вашихъ дѣтей?

Прозоровъ молчалъ: этотъ простой вопросъ поразилъ его на минуту.

— Мнѣ крайне больно было-бы дожить до той, *дѣйствительно позорной*, минуты, когда я узнала-бы, что мои дѣти презираютъ отца! съ жаромъ продолжала Лизавета Михайловна, и при этихъ словахъ она такъ сильно выпрямилась, какъ-будто цѣлой головой переросла мужа,— но я боюсь, что подобная минута наступитъ... Вы думаете, дѣти спятъ теперь? А я увѣрена, что кто-нибудь изъ нихъ бодрствуетъ и, быть можетъ, уже краснѣетъ за васъ... за отца!

— Ну... да, да... да! Я знаю... знаю, что вы нарочно подцѣпили имъ такого учителя, чтобъ вамъ самимъ... самимъ выучиться красно говорить... Поздравляю, поздравляю: большіе успѣхи оказали!... Какую-же кафедру изволите занять въ с.-петербургскомъ университетѣ? какъ-то насильственно съострилъ Дементій Алексѣичъ.

По крайней мѣрѣ, его глаза и вся фигура ясно выражали, что онъ находится въ положеніи человѣка, который, разбивъ нѣчто чужое и драгоцѣнное, самъ-же безжалостно и крошитъ на

мелкіе куски испорченную вещь, въ безсильномъ отчаяніи сознанія, что дѣло уже непоправимо.

— Неужели, Дементій Алексѣичъ, вы въ самомъ-дѣлѣ не можете понять до сихъ поръ, что подобныя выходки никого, кромѣ васъ, не унижаютъ? Если такъ, то позвольте мнѣ пожелать вамъ только — придти поскорѣе въ себя, обдумать хорошенько, что вы говорите и дѣлаете...

Лизавета Михайловна окинула мужа какимъ-то страннымъ, почти жалостливымъ взглядомъ, и тихо пошла изъ залы.

— Постойте, постойте! догналъ Прозоровъ жену уже въ коридорѣ,—вы не горячитесь... не горячитесь шибко-то; нечего... нечего горячку-то пороть... Вотъ-что я вамъ скажу: ѣхать, такъ ѣхать,—что тутъ долго-то... долго-то миндальничать! Я ужъ вамъ и возокъ... и возокъ купилъ; завтра привезутъ. Сдѣлайте милость, избавьте... избавьте меня поскорѣе отъ васъ! Тутъ что-же ужъ... ужъ что тутъ мѣшкать? Вѣдь ужъ ясно... ясно, кажется, что намъ невозможно жить вмѣстѣ?!..

— Да, невозможно,—спокойно подтвердила она, идя дальше.

— Ну... и конецъ... и слава Богу! и очень радъ! Балъ... балъ, матушка, задамъ, какъ уѣдешь!.. Скажите на-милость, какое... какое сокровище!.. Ахъ вы—ы!!..

У Дементія Алексѣича не хватило почему-то духу выпустить вонъ крѣпкое бранное слово, которое вертѣлось у него въ эту минуту на языкѣ. Въ свою очередь, Лизавета Михайловна, какъ-бы предчувствуя новое оскорбленіе, молча поспѣшила укрыться отъ него въ свою спальню, подъ защиту спящей Сашеньки.

— Дней... дней черезъ пять... да! не позже—извольте выѣхать! крикнулъ Прозоровъ женѣ черезъ дверь, и волчкомъ вылетѣлъ изъ столовой въ залу.

Долго еще послѣ того крутился здѣсь Дементій Алексѣичъ, пока не уходилась достаточно его дрянная, узко-эгоистичная натуришка; а когда онъ легъ, наконецъ, и завернулся съ головой въ

байковое одѣяло, почтенному супругу, чуть не до утра, самолюбиво думалось все:

„Геніальный... геніальный планъ!.. Ей-богу!!“

Лизавета Михайловна тоже уснула довольно поздно; но совершенно другія, болѣе скромныя и серьезныя мысли волновали молодую женщину. Она то и дѣло принималась перечитывать свой паспортъ—и каждый разъ на него падали опять ея крупныя, горячія слезы. Чего-чего-бы только не вытерпѣла она за нихъ, за эти радостныя слезы! Тѣмъ не менѣе, сквозь ихъ радужную призму невольно рисовался Прозоровой спокойный, какъ-бы благословляющій ее въ путь, образъ Свѣтлова, рисовалась ей близкая разлука съ нимъ,—и сердце ея ныло, ныло такъ больно, что и выразить невозможно... Горячая слеза матери упала на щеку спящей Сашеньки и разбудила ее.

— Мама!.. А, мамочка! что ты, мама?.. тревожно спрашивала, съ просонокъ, дѣвочка.

Лизавета Михайловна такъ и прильнула къ ней.

— На волю, Шура, откупилась!.. и плакала она, и цѣловала дочь.

На другой день, часовъ около десяти утра, Александръ Васильичъ былъ очень удивленъ раннимъ визитомъ къ нему какой-то гостьи, заставшей молодого человѣка почти еще спящимъ. Онъ принужденъ былъ, черезъ сторожа, который въ темнотѣ острожнаго корридора не узналъ посѣтительницы, просить ее — обождать тамъ минутъ пять, пока одѣнется.

— Лизавета Михайловна!.. Какими судьбами такъ рано? удивился Свѣтловъ, горячо привѣтствуя вошедшую къ нему неожиданно Прозорову.

Молодая женщина сразу замѣтила, что онъ какъ-будто не то похудѣлъ, не то блѣденъ больше обыкновеннаго, но вообще—сильно разстроенъ чѣмъ-то.

— Поздравьте меня, Александръ Васильичъ,—съ глубокой серьезностью сказала она, торопливо подходя къ нему, и голосъ у нея дрогнулъ:—я... свободна!

Свѣтловъ встрепенулся весь, и одну минуту какъ-бы оставался въ недоумѣніи.

— Съ такой вѣстью... я могу васъ только вотъ такъ... поздравить,— по-братски! молвилъ онъ, наконецъ—и, пока говорилъ это, обнялъ ее и поцѣловалъ.—Садитесь, разсказывайте... Будемте пировать; но прежде отдохните немного: вы едва переводите духъ.

Александръ Васильичъ засуетился, кликнулъ сторожа, сходилъ вмѣстѣ съ нимъ къ смотрителю острога, и какимъ-то чудомъ выпросилъ у него совсѣмъ готовый уже самоваръ, предназначавшійся, вѣроятно, для смотрительской семьи. Лизавета Михайловна была очень благодарна Свѣтлову за его непродолжительное отсутствіе: оно дало ей возможность хотя немного оправиться отъ того необычайнаго волненія, какое вызвалъ въ ней неожиданный, хотя и братскій поцѣлуй молодого человѣка. Когда, черезъ нѣсколько минутъ, они оба помѣстились рядомъ на кровати, и Александръ Васильичъ принялся хозяйничать за чаемъ, Прозорова въ немногихъ словахъ передала Свѣтлову сущность своего вчерашняго разговора съ мужемъ.

— Какъ вы мнѣ посовѣтуете: ѣхать-ли мнѣ? окончивъ разсказъ, спросила она у Александра Васильича, и посмотрѣла на него съ какимъ-то тревожнымъ ожиданіемъ.

— Да, непремѣнно ѣхать, и какъ можно скорѣе, Лизавета Михайловна; тутъ не должно быть ни малѣйшаго колебанія съ вашей стороны,—безъ запинки отозвался Свѣтловъ:—свобода увертлива.

Молодая женщина опять взглянула на него—не то недовѣрчиво, не то боязливо.

— А какъ-же... вы? тихо спросила она, сама не понимая хорошенько, какой смыслъ придаетъ этому вопросу.

— Обо мнѣ-то ужъ вы не безпокойтесь: отгрызусь какъ-нибудь,—съ полуулыбкой замѣтилъ ей Александръ Васильичъ.

Лизавета Михайловна не нашлась, что сказать больше, и робко прихлебнула изъ чашки чай; только въ глазахъ у Прозоровой какъ-будто затуманилось.

— Не знаю, достаточно-ли вы поняли мое выраженіе: „свобода увертлива?“ продолжалъ Александръ Васильичъ, видя, что его собесѣдница какъ-бы затрудняется чѣмъ-то.— Дѣло въ томъ, что у людей закала вашего мужа,— насколько я могу судить о немъ, разумѣется,—и хорошія, и дурныя мысли являются всегда почти внезапно, такъ-что поручиться за ихъ прочность нельзя. Смотрите! онъ можетъ передумать: куйте желѣзо, пока оно горячо.

— Да, я тороплюсь; я именно такъ и поняла васъ,—еще тише отвѣтила она, и нѣкоторое время, молча, смотрѣла въ сторону. — Мнѣ очень тяжело, однакожъ, будетъ уѣхать, зная, что вы остаетесь въ такомъ положеніи...

Свѣтловъ пристально и пытливо посмотрѣлъ на нее.

— Изъ расположенія ко мнѣ, вы немного преувеличенно смотрите, конечно, на непріятность моего настоящаго положенія,—возразилъ онъ спокойно;— но повѣрьте, оно сдѣлается гораздо сноснѣе для меня при мысли, что, по крайней мѣрѣ, вамъ дышется свободно.

— А вы... останетесь въ Сибири? какъ-то застѣнчиво спросила она, и притаила дыханіе, ожидая, что скажетъ Свѣтловъ.

— Не думаю, Лизавета Михайловна; если и останусь, то, по всей вѣроятности, ненадолго: мнѣ начинаетъ нездоровиться здѣсь... А что? попрежнему спокойно освѣдомился Александръ Васильичъ.

— Когда-то мы опять увидимся съ вами?!.. задумчиво, съ подавленной тоской прошептала Прозорова.

У Свѣтлова чуть-чуть шевельнулись брови.

— Э, Лизавета Михайловна! отозвался онъ съ едва примѣт-

нымъ раздраженіемъ въ голосѣ,—неужели вы думаете, что люди, которыми движутъ одни порывы, руководитъ одна цѣль, не сойдутся рано или поздно? По-моему, для такихъ людей—разстояній не существуетъ...

— Да, я это понимаю,—коротко согласилась она.

Однакожъ, по лицу молодой женщины ясно было замѣтно, что она желала, чтобъ онъ и еще что-то сказалъ ей. Но Свѣтловъ упорно молчалъ, медленно поглаживая рукой свою русую бороду.

— Какъ хорошо было-бы, еслибъ васъ освободили къ тому времени, какъ я соберусь въ дорогу,—сказала вдругъ Прозорова, вставая:—мы могли-бы ѣхать тогда вмѣстѣ...

— Я-бы желалъ этого не меньше васъ, Лизавета Михайловна, но... ваша свобода прежде всего,—проговорилъ Александръ Васильичъ, тоже вставая.—Мы вѣдь, разумѣется, увидимся еще, и даже, думаю, не одинъ разъ? спросилъ онъ, все такъ-же пытливо смотря ей въ глаза.—Я всѣми силами постараюсь облегчить ваши первые самостоятельные шаги въ Петербургѣ: у меня тамъ много надежныхъ знакомыхъ, и я вамъ надаю цѣлую кучу рекомендательныхъ писемъ; завтра-же примусь за это. А чтобъ вы были совершенно покойны и тверды, скажу вамъ теперь-же: ручаюсь, что дѣти ваши будутъ воспитаны и развиты... хотя-бы-то на мой счетъ, — извините за эту чистосердечную вольность; друга и помощника вы тоже найдете во мнѣ всегда... Больше этого — ничего не могу обѣщать вамъ, такъ-какъ я, прежде всего, принадлежу обществу, а не себѣ...

Лизавета Михайловна стояла передъ Свѣтловымъ, опустя голову, не смѣя встрѣтиться своими робкими глазами съ его глубокимъ, какъ-бы испытующимъ взглядомъ.

— Безъ словъ поблагодарю я васъ за все... за все, милый Александръ Васильичъ!.. обратилась къ нему молодая женщина; слезы навернулись у нея на рѣсницахъ, и она крѣпко сжала его руки въ своихъ.—Вы были совершенно правы въ прошедшій разъ:

да! въ этихъ стѣнахъ я дѣйствительно пережила лучшія минуты моей жизни...

— Нѣтъ, я былъ не совсѣмъ правъ тогда: надо всегда думать, что лучшее ждетъ насъ впереди,—говорилъ онъ, провожая ее до двери.

Лизавета Михайловна шла по корридору почти машинально, не различая предметовъ, не слыша окружающаго: въ ушахъ у нея звенѣло, глаза застилалъ ей какой-то непроницаемый туманъ; а сердце молодой женщины томительно билось и все просило еще чего-то—просило неотступно, жгуче до боли...

ГЛАВА VIII.

«Неглупая штука» Соснина.

Морозное утро, градусовъ въ тридцать семь, только-что начинало заглядывать въ маленькія окна квартиры Алексѣя Петровича Соснина, разрисовывая ихъ всевозможными, самыми прихотливыми узорами; но оно уже не застало его въ постели. Старикъ поднялся сегодня чуть-свѣтъ, и, должно быть, всталъ, какъ говорится, съ лѣвой ноги.

— Вотъ не было печали, да черти накачали! сердито ворчалъ онъ, еще одѣваясь.—Ну какъ я къ нему пойду?—бѣсъ его знаетъ!..

Умывшись, Алексѣй Петровичъ принялся-было за скрипку, раза два или три сыгралъ полонезъ Огинскаго, но потомъ вдругъ, какъ-бы разсердясь на инструментъ, нетерпѣливо бросилъ его на кровать, и сталъ чистить мѣломъ свою золотую медаль. Подававшая Соснину самоваръ и другія принадлежности къ чаю, та самая женщина, о которой Свѣтловъ, въ первый свой визитъ къ дядѣ, ни-

какъ не могъ составить понятія, барыня-ли она или кухарка, обратилась къ Алексѣю Петровичу съ вопросомъ:

— Чего сегодня къ обѣду-то варить станемъ?

— Да вари ты что хочешь! Чего пристала? Ахъ вы, бабы, бабы... чтобъ васъ кошки легали! круто обрѣзалъ ее старикъ, едва только она разинула ротъ.

— Голодомъ, что-ли, станете сидѣть? попыталась-было возразить таинственная особа.

— Не приставай! а то ничего не откажу послѣ смерти,—у меня вѣдь по-военному! рѣшительно пригрозилъ ей Соснинъ.

Наканунѣ, незадолго до своего ранняго обѣда, онъ завернулъ къ Свѣтловымъ и встрѣтилъ у нихъ Прозорову, заѣхавшую сюда прямо изъ острога. Лично—Алексѣй Петровичъ видѣлъ ее теперь только еще въ первый разъ, но уже давно слышалъ о ней, здѣсь-же, много интереснаго. Лизавета Михайловна казалась встревоженной, глаза у нея были заплаканы. Въ присутствіи Соснина, наблюдавшаго за ней съ большимъ любопытствомъ, она передала старушкѣ Свѣтловой какое-то незначительтое порученіе Александра Васильича, и разсказала потомъ о своемъ предстоящемъ, близкомъ отъѣздѣ въ Петербургъ. Молодая женщина обставила этотъ разсказъ хотя и немногими, но такими трогательными подробностями, такъ тепло отозвалась о любимцѣ Ирины Васильевны, что Алексѣй Петровичъ не могъ не вывести отсюда, что „вотъ оно когда забродило, настоящее толокно-то на розовой водѣ“. Съ другой стороны, оригиналъ-старикъ принужденъ былъ также отдать полную справедливость и тому неотразимому впечатлѣнію, какое произвелъ на него глубоко-симпатичный видъ Прозоровой, простота и задушевность ея рѣчи, не говоря уже о многихъ чисто-внѣшнихъ чертахъ Лизаветы Михайловны, исполненныхъ самаго тонкаго женственнаго изящества.

„Экая бабенка-то знатная! — ну вотъ точь-въ-точь моя бывшая градоначальница...“ мысленно похвалилъ ее Соснинъ, все съ большимъ и большимъ интересомъ слѣдя за разсказомъ гостьи.

„Нечего дѣлать—надо, видно, племяшу выручить!“ рѣшилъ Алексѣй Петровичъ, когда она перестала говорить и застѣнчиво смигнула съ рѣсницъ навернувшіяся слезы.

Это-то именно рѣшеніе и испортило сегодня утро Соснину, поднявъ его чѣмъ-свѣтъ. Чтобъ „выручить племяшу“, старику неизбѣжно приходилось поклониться представителю мѣстной власти, котораго онъ, во время своихъ странствій, зналъ еще въ чинѣ полковника, но не долюбливалъ, считая себя обойденнымъ имъ. По крайней мѣрѣ, Алексѣй Петровичъ ни разу не обращался къ генералу ни съ одной просьбой, съ той самой поры, какъ началъ вести осѣдлую жизнь; иначе—его „племяша“, быть можетъ, давно былъ бы ужъ на свободѣ. Соснинъ чувствовалъ большое расположеніе къ молодому Свѣтлову, слѣдовало-бы сказать даже—любовь, еслибъ угрюмый старикъ сознавался когда-нибудь въ подобныхъ нѣжностяхъ. До острога, дядя съ племянникомъ видѣлись довольно часто, но туда Алексѣй Петровичъ не заглянулъ ни разу.

„Что попусту смотрѣть на птицу, коли ее нельзя изъ клѣтки выпустить!“ замѣтилъ онъ, однажды, Иринѣ Васильевнѣ, упрекнувшей его по этому поводу.

Сегодня, старикъ сталъ еще больше ворчать и хмуриться, когда ему пришло время облечься въ свой долгополый мѣщанскій сюртукъ, съ неизбѣжной медалью на шеѣ. Находясь уже въ полномъ облаченіи, Алексѣй Петровичъ снова взялся за скрипку, и еще разъ игралъ свой любимый полонезъ.

— Тьфу ты это бабье проклятое! напутственно выругался онъ, зашнувшись въ сѣняхъ за какую-то кадку:—вѣчно на дорогѣ свою артилерію наставятъ...

Въ пріемной залѣ представителя мѣстной власти было совершенно пусто, когда вошелъ туда Соснинъ, морщась и какъ-то непріязненно откашливаясь. Его превосходительство, впрочемъ, не заставилъ ждать себя долго.

— А! Соснинъ! Здравствуй! Давно мы съ тобой не видались...

Какъ поживаешь? фамильярно обратился онъ къ старику, выбѣжавъ къ нему изъ кабинета почти тотчасъ-же послѣ доклада.

— Жую еще хлѣбъ, ваше превосходительство,—сдержанно раскланялся съ нимъ Алексѣй Петровичъ.

— Что хорошенькаго ты скажешь? освѣдомился генералъ.

— Хорошенькое-то, ваше превосходительство, ужъ отъ васъ будетъ зависѣть, а мнѣ позвольте начать съ худенькаго... сказалъ Соснинъ, поправляя медаль: — иначе-бы я и не осмѣлился безпокоить.

Представитель мѣстной власти разсмѣялся.

— Все такой-же острякъ, какъ и былъ,—проговорилъ онъ, еще фамильярнѣе.—Въ чемъ-же дѣло? Очень радъ, что имѣю случай хоть немного поквитаться съ тобой: я вѣдь у тебя кругомъ еще въ долгу по нашимъ старымъ счетамъ.

— Я пришелъ просить ваше превосходительство... избавить меня отъ племянника...

— Какъ „избавить“? отъ какого племянника? удивился генералъ, бойко перебивъ старика.—Я въ первый разъ слышу, что у тебя есть племянникъ.

— Есть, ваше превосходительство; только похвастать-то не чѣмъ было... передъ вами.

— Кто-же это такой? Одной съ тобой фамиліи?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство; мы съ нимъ разношерстные.

— Кто-же такой? нетерпѣливо повторилъ генералъ.

— Свѣтловъ ему фамилія, —пояснилъ Соснинъ.

Крайнее изумленіе выразилось на лицѣ представителя мѣстной власти.

— Какъ! такъ это тотъ самый молодой человѣкъ, который сидитъ теперь въ острогѣ по фабричному дѣлу? быстро спросилъ онъ, нахмурясь.

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Признаюсь, любезный Соснинъ, ты застаешь своего должника врасплохъ: я никакъ не ожидалъ отъ тебя услышать объ этомъ

господинѣ, и не знаю, буду-ли въ состояніи удовлетворить твою просьбу. Но въ какомъ-же смыслѣ ты просишь, чтобъ я избавилъ тебя отъ него? Мнѣ кажется, это теперь ужъ и безъ меня сдѣлано.

— Прикажите ему, ваше превосходительство, немедленно выѣхать отсюда; прикажите обязать его къ тому хоть подпиской... началъ-было Алексѣй Петровичъ.

— Но это невозможно, любезный Соснинъ! нетерпѣливо перебилъ его генералъ: — человѣкъ находится подъ слѣдствіемъ, замѣшанъ въ такомъ... непріятномъ дѣлѣ, — я не могу ничего тутъ сдѣлать... не имѣю права; увѣренъ, наконецъ, что ты и самъ согласишься съ этимъ и не будешь больше просить меня о невозможномъ.

— Нѣтъ, стану просить: для вашего превосходительства все возможно,—смѣло возразилъ Алексѣй Петровичъ.

Представитель мѣстной власти и нахмурился, и улыбнулся въ одно время.

— Ты ошибаешься, любезный Соснинъ: вѣдь я-же не Богъ, помилуй! замѣтилъ онъ старику, сдѣлавъ мимо него три-четыре шага по залѣ.

— Да и я прошу ваше превосходительство не объ небесныхъ планетахъ,—все такъ-же смѣло отозвался Алексѣй Петровичъ.

— Да, но теперь уже оказывается, что ты просишь не о томъ, чтобы *тебя* избавить отъ племянника, а напротивъ, чтобъ *его* избавить отъ острога. Не спорю,—очень можетъ быть, что онъ и... прекрасный молодой человѣкъ; можетъ быть-съ, можетъ быть-съ...

Луковое выраженіе пробѣжало по лицу Соснина.

— Ка-а-кой, ваше превосходительство, прекрасный! Просто — юбочный вѣтрогонъ,—отрекомендовалъ онъ племянника: — и въ Фабрику-то за юбкой же погнался... Вотъ и пускай узнаетъ теперь, сколько полотнищъ смотрительшѣ острога на платьѣ идетъ!... Кабы, точно, прекраснымъ-то былъ, ваше превосходительство и безъ меня-бы знали: орлиному глазу воронья слѣпота не указъ...

Генералъ самодовольно улыбнулся.

— Что-же, въ такомъ случаѣ, побуждаетъ тебя такъ настойчиво просить за него? спросилъ онъ, какъ-бы отступая немного отъ своего первоначальнаго, рѣшительнаго отказа.

— Мать и отецъ, ваше превосходительство: совсѣмъ извелись старики; да и мнѣ не легче: куда въ городѣ не сунешься — всѣ тебѣ вотъ въ эти заслонки смотрятъ,—пальцемъ указалъ Соснинъ попеременно на оба глаза, — точно-какъ манджуры на Сунгари, когда, бывало, фазана у нихъ на обѣдъ вашему превосходительству сфуражишь...

Представитель мѣстной власти опять улыбнулся, очень снисходительно на этотъ разъ.

— Лакомое блюдо, не правда-ли? сказалъ онъ, растегивая нижнюю пуговицу у сюртука,—особенно послѣ того, какъ верстъ сорокъ въ день сдѣлаешь верхомъ; я ужъ давно не ѣдалъ ничего съ такимъ аппетитомъ. А вѣдь порядочно, Соснинъ, перепало ихъ на нашу долю съ тобой?

— Фазановъ-то, ваше превосходительство? Было-таки этого добра.

Генералъ, очевидно, хотѣлъ снова улыбнуться, но вдругъ, вмѣсто улыбки, лицо его приняло строгое, официальное выраженіе.

— Очень жаль, что ничего не могу сдѣлать для тебя въ настоящую минуту,—проговорилъ онъ тѣмъ безразличнымъ тономъ, какимъ, обыкновенно, начальственныя лица кончаютъ аудіенцію.— Разумѣется, я сдѣлаю все, чтобъ облегчить дальнѣйшую участь твоего племянника, если онъ окажется виноватымъ. Радъ все-таки, что мы повидались...

И его превосходительство, дружелюбно раскланявшись со старикомъ, хотѣлъ было удалиться.

— Ваше превосходительство! порывисто остановилъ его Соснинъ,—первая и послѣдняя моя просьба!...

Въ голосѣ Алексѣя Петровича послышалась не то усиленная мольба, не то злая иронія.

— Не могу; право, не могу, любезный Соснинъ! повторилъ генералъ, на минуту обернувшись къ нему, и поспѣшно проскользнулъ къ себѣ въ кабинетъ.

Послѣ такого категорическаго отвѣта, Алексѣю Петровичу, казалось-бы, оставалось только уйти. Но Соснинъ спокойно остался на мѣстѣ, пристально наблюдая за кабинетной дверью: въ своихъ долгихъ странствіяхъ, онъ не разъ имѣлъ случай изучать его превосходительство въ обыденной, болѣе, чѣмъ домашней обстановкѣ, и хорошо зналъ его характеръ и привычки. Дѣйствительно, минутъ черезъ десять, генералъ опять показался въ залѣ, какъ-бы переходя черезъ эту комнату въ другую.

— А! ты еще здѣсь? нѣсколько притворно удивился онъ, направляясь мимо старика.

— Ваше превосходительство! сказалъ Соснинъ, слѣдуя за нимъ по пятамъ,—въ походахъ я неоднократно наблюдалъ, что когда солнышко выйдетъ какъ-будто хмурое, а потомъ прояснитъ вдругъ—послѣ того долго хорошая погода стоитъ. Вотъ и я жду, не пошлетъ-ли мнѣ, старику, ведра *наше* красное солнышко...

— Не могу... ничего не могу сдѣлать, любезный Соснинъ! остановясь среди залы, еще разъ повторилъ генералъ, но уже гораздо мягче прежняго, и улыбнулся, пріятно польщенный тонкимъ сравненіемъ Алексѣя Петровича.

Соснинъ, между тѣмъ, степенно пріосанился, и вдругъ, ни съ того-ни съ сего, снялъ у себя съ шеи медаль.

— Ваше превосходительство! какъ-то торжественно сказалъ онъ, поднося ее на ладони генералу, прежде, чѣмъ тотъ могъ опомниться отъ удивленія при видѣ такого неожиданнаго поступка,—вы знаете, сколько моей крови ухлопано на эту золотую штуку... Помѣняемтесь, ваше превосходительство... на племянника!

Генералъ весь покраснѣлъ отъ удивленія и гнѣва.

— Это... непростительная дерзость, Соснинъ! жестоко вспылилъ онъ.—Какъ ты смѣешь обращаться ко мнѣ съ подобной выход-

кой?!.. Другому, а не тебѣ... я ничего подобнаго не простилъ-бы!—слышишь? Стыдись, братецъ!!...

И его превосходительство тотчасъ-же изчезъ изъ залы, опять въ свой кабинетъ.

Прошло, по крайней мѣрѣ, еще минутъ десять послѣ того, какъ удалился генералъ, а Соснинъ все оставался спокойно на прежнемъ мѣстѣ, все держалъ на ладони снятую медаль. Какой-то молоденькій адъютантъ раза два прошелъ мимо старика въ кабинетъ и обратно, каждый разъ съ большимъ любопытствомъ поглядывая на такого небывало-терпѣливаго, или, лучше сказать, смѣло-неотвязчиваго просителя.

— Генералъ проситъ васъ къ себѣ въ кабинетъ,—сказалъ ему, наконецъ, адъютантъ, выходя оттуда уже въ третій разъ.

Представитель мѣстной власти нетерпѣливо расхаживалъ большими шагами взадъ и впередъ, когда Алексѣй Петровичъ снова предсталъ передъ нимъ.

— Чего-же ты ждешь еще, Соснинъ? нѣсколько раздражительно обратился онъ къ старику.—Вѣдь ты требуешь отъ меня невозможнаго!

— Прощенія прошу у вашего превосходительства, что докучаю,—извинился Алексѣй Петровичъ, и открыто положилъ на письменный столъ генерала свою медаль.—Изъ вашихъ собственныхъ рукъ я ее получилъ,—въ тѣ-же руки и сдать долженъ; за этимъ только и дожидался. Счастливо оставаться, ваше превосходительство!

— Постой! быстро остановилъ его генералъ, зашагавъ еще сильнѣе.—Полно тебѣ дурачиться, старикъ!... взволнованно проговорилъ онъ черезъ минуту, подходя къ столу,—и взявъ оттуда медаль, собственноручно надѣлъ ее на Алексѣя Петровича. — Н-ну!... я не злопамятенъ; хоть ты меня и оскорбилъ сегодня, но... такъ и быть, ради нашихъ прежнихъ счетовъ, погрѣшу противъ себя: племянникъ твой... завтра-же будетъ дома. Доволенъ ты теперь мной? Помирились?

Соснинъ чуть не до земли отвѣсилъ ему поклонъ.

— Ваше превосходительство отпустили мнѣ крупы на кашу,— сказалъ онъ съ чисто-сибирской находчивостью,—такъ ужъ, вѣрно, не постоите за маслицемъ...

— Что еще такое? быстро и недовольно освѣдомился генералъ.—Ты сегодня невыносимъ, Соснинъ!

— Прикажите, ваше превосходительство, обязать племянника подпиской, чтобъ онъ черезъ недѣлю-же выѣхалъ отсюда, а по сіе время—никуда-бы въ городѣ носа не совалъ; да нельзя-ли, ваше превосходительство, когда выпустятъ его, не разглашать о томъ до отъѣзда...

— Ты, я вижу, все прежній большой чудакъ, Сосиинъ,—весело отозвался генералъ, убѣдясь, что новая просьба Алексѣя Петровича не заслуживаетъ названія даже и „маслица“, въ сравненіи съ „крупой“.—Не знаю, для чего тебѣ все это нужно, но... и это будетъ исполнено. Съ Богомъ, съ Богомъ, любезный Соснинъ! Радъ, что угодилъ тебѣ... Прощай! скороговоркой отвѣтилъ онъ на еще болѣе низкій поклонъ хитраго старика.

Выходя изъ генеральскаго кабинета, Соснинъ чувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ за многіе годы своего справедливаго раздраженія. У подъѣзда, Алексѣй Петровичъ встрѣтилъ какихъ-то двухъ извозчиковъ, вынулъ изъ кармана бумажный рубль, и подавая его одному изъ нихъ, который былъ помоложе, разразился слѣдующимъ, крѣпко озадачившимъ юнаго парня, возваніемъ:

— Хочешь ты, материнъ сынъ, этотъ цѣлкачъ заработать? На! возьми его въ зубы. Только смотри! вали-же ты меня такъ, чтобъ у чорта, глядя на насъ, со стороны бока затрещали!... Въ острогъ пошелъ!

Но по мѣрѣ того, какъ извозчикъ Соснина, желая оправдать оказанное ему послѣднимъ довѣріе, все сильнѣе погонялъ свою нескладную лошаденку, а лихой сѣдокъ все ближе подвигался къ цѣли поѣздки,—мысли Алексѣя Петровича постепенно остывали, утрачивая свою первоначальную энергію, и обычная суровость прокрадывалась, понемногу, на озабоченное лицо старика. Къ острогу

онъ подъѣхалъ уже совершенно пасмурнымъ и недовольнымъ, то есть—такимъ, каковъ былъ всегда.

„Пара малороссійскихъ воловъ, да нонѣшняя молодежь — все едино: какъ упрутся куда — въ двадцать рукъ не оттащишь!“ всю дорогу думалось ему почему-то.

— Что, племяша?—прочно, небось, казна даровыя помѣщенія строитъ?—А еще все говорятъ, что въ казну, какъ въ дырявую мошну, что ни влетѣло, то и сгорѣло...

Такимъ оригинальнымъ способомъ поздоровался Соснинъ съ племянникомъ.

— Надумались-таки, дядя, пріѣхать? сказалъ Александръ Васильичъ, весело привѣтствуя гостя.

— Разумѣется, самъ надумался: не роденька-же твоя меня подмыла,—отрывисто проговорилъ Алексѣй Петровичъ, садясь на кровать.

Свѣтловъ невольно разсмѣялся.

— А я васъ, дядя, какъ праздника, ждалъ,—замѣтилъ онъ, помѣщаясь рядомъ съ гостемъ.

— Гмъ! Такъ. Ну, чтожъ... какъ ты тутъ? Чай, соскучился? степенно освѣдомился старикъ.

— Ничего дядя,—сносно. Какже не соскучиться!

— Кормятъ-то... хорошо?

— Н-не скажу этого.

— Чтожъ... щи даютъ?

— Обыкновенно—щи.

— Смотри, вонъ у тебя клопъ ползетъ по подушкѣ,—солидно предупредилъ Соснинъ.

Александръ Васильичъ улыбнулся и сбросилъ клопа на полъ.

— Такъ. Гмъ!... протянулъ Алексѣй Петровичъ.—Барыня-то та... ѣдетъ на дняхъ,—слыхалъ? осторожно спросилъ онъ.

— Какая барыня?

— Гдѣ ты арбузы-то все разводилъ.

— А! Да, ѣдетъ; она мнѣ говорила,—вчера была здѣсь.

— Видѣлъ я ее у нашихъ: знатная баба! похвалилъ Соснинъ.— А ты-то самъ... какъ-же? Не поѣдешь?

— Куда, дядя?

— Да вмѣстѣ съ ней...

Свѣтловъ зорко посмотрѣлъ на старика.

— И съ острогомъ тоже? спросилъ онъ съ улыбкой.

„Укладистѣе нонѣ сталъ“—подумалъ про него Алексѣй Петровичъ.

— Племяша! громко сказалъ онъ вдругъ, вставая и какъ-то неловко откашливаясь,—хоть ты меня ругай, хоть что хочешь, а я штуку удралъ...

И Соснинъ, съ свойственной ему оригинальностью, передалъ племяннику „свое послѣднее сочиненіе“, какъ остроумно выразился старикъ.

— Ты пойми только, племяша, съ какимъ носомъ благовѣрный-то вылезетъ! заключилъ онъ съ грубоватымъ смѣхомъ.—Вотъ такъ по-военному!

Александръ Васильевичъ былъ слишкомъ сильно обрадованъ вѣстью о близкой свободѣ, чтобъ входить теперь въ размышленіе, худо или хорошо поступилъ Соснинъ; даже нѣкоторыя вольности, позволенныя себѣ старикомъ на счетъ Лизаветы Михайловны и Свѣтлова, послѣдній безапелляціонно пропустилъ мимо ушей, не находя никакой возможности сердиться въ такую пріятную минуту.

— Ужъ если такъ случилось, такъ вышло, то вѣдь не караулъ-же кричать... Спасибо, дядя! сказалъ онъ только, горячо обнявъ празднично сіявшаго Алексѣя Петровича.

Черезъ нѣсколько минутъ оказалось, что Соснинъ и еще „штуку удралъ“: въ казематъ вошелъ смотритель, съ двумя бутылками шампанскаго въ рукахъ, а вслѣдъ за нимъ сторожъ принесъ три стакана. Алексѣй Петровичъ потому только и могъ проѣхать отъ генерала прямо въ острогъ, что не нуждался въ прокурорскомъ разрѣшеніи: смотритель, къ которому, передъ свиданіемъ съ племянникомъ, завернулъ Соснинъ, былъ его большой пріятель. Свѣт-

лову, само собой разумѣется, пришлось уступить дядѣ и въ этомъ случаѣ, то есть—выпить втроемъ. Алексѣй Петровичъ подкутилъ больше всѣхъ, и то и дѣло приставалъ, подъ конецъ, къ смотрителю, усердно увѣряя того:

— Нѣтъ, ты погляди: хоть онъ теперь и въ острогѣ, а все-же у него вотъ тутъ, подъ бѣлой косточкой-то, разрывъ-трава сидитъ... чтобъ его кошки легали!

И каждый разъ, при такомъ отзывѣ, Соснинъ любовно постукивалъ по лбу племянника указательнымъ пальцемъ.

Возвращаясь изъ острога домой на бойкой смотрительской лошади, оригиналъ-старикъ самодовольно поглядывалъ все на хмурое, сплошь покрытое тучами, небо.

„А вѣдь неглупую, кажись, штуку-то я удралъ?“ мысленно вопрошалъ онъ это сѣрое небо, съ такой самоувѣренностью, какъ будто вотъ сейчасъ-же должно было выскочить оттуда солнышко и сказать, надрываясь отъ смѣха: „Чудесную, чудесную, Алексѣй Петровичъ, изволили штуку удрать—первый сортъ-съ!“

ГЛАВА IX.

Созоновъ дѣлаетъ свое дѣло.

Послѣ извѣстнаго вечера, когда Ельниковъ въ послѣдній разъ навѣстилъ свѣтловскую школу, онъ, должно быть, простудился и захворалъ еще больше. Впрочемъ, простуда была тутъ собственно не при-чемъ; она только ускорила ходъ другой, главной и постоянной, болѣзни доктора—чахотки, и безъ того развивавшейся у него необыкновенно быстро. Съ тѣхъ поръ, Анемподистъ Михайлычъ хотя и не выѣзжалъ никуда, но дома все еще крѣ-

пился и по утрамъ велъ обычную консультацію съ бѣдняками; только уже въ послѣдніе два-три дня онъ принужденъ былъ отказаться отъ этого, и окончательно слегъ въ постель. Однакожъ, и теперь, не смотря на совѣты навѣщавшихъ его изрѣдка знакомыхъ, особенно Прозоровой и Любимова, безмолвно заключившаго съ докторомъ миръ, Ельниковъ упорно отказывался почему-то отъ всякой посторонней медицинской помощи; онъ только самолично прописывалъ себѣ успокоительныя средства. Однажды, вечеромъ, къ нему завернулъ Созоновъ. Просидѣвъ съ больнымъ до поздней ночи, будущій сподвижникъ иноческой жизни вызвался ночевать у него, а на другой день опять предложилъ ему свои услуги, переночевалъ снова, да такъ ужъ и остался съ тѣхъ поръ, на неопредѣленное время, при бывшемъ товарищѣ, замѣнивъ собой исправную сидѣлку. Въ своемъ невеселомъ одиночествѣ, докторъ, быть можетъ, обрадовался даже и этой живой душѣ; по крайней мѣрѣ, онъ ничего не возразилъ противъ предложенія Созонова „походить за нимъ“, и такъ-же безмолвно наблюдалъ всякій вечеръ, какъ тотъ располагался у него на полу спать, подостлавъ подъ себя верхнюю одежду, служившую, въ то-же время, и одѣяломъ.

— Да вы что, Созоновъ, по человѣчески-то не ляжете? каждый разъ спрашивалъ при этомъ Ельниковъ, — вѣдь вонъ вамъ, на диванѣ, постлано.

— Ничего, Анемподистъ Михайлычъ, не безпокойтесь: тутъ, у печечки, славно-съ... застѣнчиво увѣрялъ будущій инокъ, и упорно отрекался отъ мягкаго спанья.

— Ну, мните бока, коли нравится,—угрюмо заключалъ докторъ, и повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, затягивалъ, обыкновенно, своимъ разбитымъ, дребезжащимъ голосомъ какую-нибудь заунывную русскую пѣсню.

Въ послѣднее время боляѣзни, пѣть — обратилось у Ельникова въ привычку, даже почти въ страсть. Это было, впрочемъ, и не пѣніе собственно, а скорѣе — какой-то вопль надорванной души.

— Вамъ-бы духовное лучше спѣть-съ, Анемподистъ Михай-

лычъ... робко пригласилъ его, однажды, Созоновъ, тревожно ворочаясь на полу, у своей „печечки“.

— Вѣчную память, что-ли? рѣзко спросилъ докторъ.

И съ той поры, его импровизированный сожитель уже не заикался больше о духовномъ; онъ только вздыхалъ тихонько, слушая свѣтскія пѣсни. Между этими двумя, совершенно разнородными, повидимому, личностями было, однакожъ, какое-то странное сходство: Ельниковъ какъ-будто представлялъ собой задачу, а Созоновъ — ея ложное, уродливое разрѣшеніе.

Лизавета Михайловна чаще всѣхъ навѣщала Анемподиста Михайлыча, такъ-какъ она приняла на себя добровольную обязанность сообщать о ходѣ его болѣзни Александру Васильичу. Въ послѣдній разъ, Прозорова завернула къ доктору, на минутку, изъ почтовой конторы, въ тотъ самый день, какъ молодая женщина побывала передъ тѣмъ — сперва въ острогѣ, а потомъ у Свѣтловыхъ. Сама порядочно разстроенная, она, въ этотъ разъ, не замѣтила въ больномъ ничего такого, что указывало-бы на особенную опасность его положенія; напротивъ, Лизавета Михайловна нашла даже, что онъ какъ-будто свѣжѣе сталъ. И не мудрено: во время ея посѣщенія, къ доктору внезапно прилила какая-то необъяснимая, небывалая въ немъ прежде, веселость; онъ говорилъ очень оживленно, много смѣялся, показалъ Прозоровой портретъ своей невѣсты, и не смотря на то, что гостья сильно торопилась домой, успѣлъ даже пропѣть ей одну изъ самыхъ забавныхъ студентческихъ пѣсенъ.

— Что вы такой веселый сегодня, докторъ? спросила она, уже собираясь уходить.

— А какже: ваши узы разрѣшились,—значитъ, теперь моя очередь... отвѣтилъ Анемподистъ Михайлычъ, но до того неопредѣленно, что Лизавета Михайловна приняла его слова за намекъ на скорое выздоровленіе.—Только... ужъ если даже я доволенъ, то вамъ-то, барыня, и подавно не слѣдовало-бы смотрѣть сегодня такой кислой: и посидѣть у меня не хотите. Эхъ! Свѣт-

ловушка-то вотъ, жаль, спеленанъ, а то-бы мы съ нимъ поспорили сегодня вечерокъ: до смерти спорить хочется! заключилъ онъ съ какимъ-то особеннымъ воодушевленіемъ.

— Кстати,—нарочно солгала Прозорова:—Александръ Васильичъ поручилъ мнѣ передать вамъ, что если вы и теперь еще не посовѣтуетесь съ какимъ-нибудь другимъ врачомъ, то онъ, Свѣтловъ, перестанетъ вѣрить въ искренность вашей дружбы къ нему.

— Я посовѣтуюсь, посовѣтуюсь... не то серьезно, не то саркастически проговорилъ Ельниковъ. — Не зналъ, право, къ кому обратиться: всѣ много знаютъ; а теперь выбралъ,—этотъ-то ужъ навѣрно вылечитъ...

И Анемподистъ Михайлычъ закашлялся минуты на двѣ, безъ перерыва.

— Ну вотъ и отлично! сказала Прозорова: — видите, какой у васъ сильный кашель. Поправляйтесь скорѣе. Завтра, вѣроятно, я къ вамъ не заѣду: некогда будетъ; а послѣ-завтра — непремѣнно увидимся,—ласково прибавила она, простилась и ушла.

Но имъ уже не суждено было видѣться больше: это „послѣ-завтра“ не наступило для доктора. Проснувшись на другой день чрезвычайно рано, почти одновременно съ Соснинымъ, сбиравшимся къ генералу, Ельниковъ почувствовалъ какую-то необыкновенную тоску, какой-то особенный приливъ тяжести къ головѣ и невыносимую боль въ груди.

— Созоновъ-батюшка! разбудилъ онъ товарища,—сходите ужъ вы еще разъ въ латинскую кухню: купимъ у нѣмца, выражаясь языкомъ Хаджи-Бабы, супу спокойствія на нѣсколько копѣекъ...

Докторъ проговорилъ это съ какой-то странной улыбкой, которая, отъ падавшаго на нее изъ окна чуть-брезжущаго свѣта, казалась улыбкой мраморнаго сфинкса.

— Вы ужо не вставайте,—остановилъ Анемподистъ Михайлычъ Созонова, услыхавъ, какъ тотъ завозился на полу:—теперь вѣдь рано, надо и нѣмчурѣ дать выспаться; да и мнѣ пока терпится, сносно еще... А покуда я подорожную приготовлю...

Ельниковъ съ большимъ трудомъ отыскалъ коробокъ спичекъ на маленькомъ столикѣ, стоявшемъ у изголовья его постели, и добылъ огня на свѣчку: дневной свѣтъ былъ слишкомъ слабъ еще, чтобъ писать при немъ. Анемподисту Михайлычу пришлось отдохнуть немного послѣ этого движенія, но черезъ минуту онъ все-таки, не смотря на душившій его убійственный кашель, опять приподнялся лѣвымъ локтемъ на подушкѣ, досталъ со стола что было нужно, и собственноручно прописалъ себѣ смертельную дозу опія. Въ концѣ рецепта докторъ прибавилъ и подчеркнулъ выведенныя имъ довольно крупно слова: „Для личнаго моего употребленія“.

— Пожалуй, скоро и рука повиноваться перестанетъ... замѣтилъ онъ какъ-бы про себя.—Впрочемъ, иногда и съ однимъ кусочкомъ легкаго можно протянуть до вечера...

И Ельниковъ попробовалъ-было запѣть: „Vita nostra brevis est“; но у него ничего не вышло, а только болѣзненно зашуршало что-то въ груди. Докторъ безнадежно махнулъ рукой, и въ изнеможеніи откинулъ голову на подушку.

— Вы, Созоновъ, боитесь покойниковъ? спросилъ онъ, немного погодя.

— Нѣтъ-съ, не боюсь, Анемподистъ Михайлычъ; мнѣ часто доводится псалтырь читать-съ, такъ привыкъ... А что-съ? скромно отозвался съ полу будущій инокъ.

— То-то; а я думалъ, что боитесь, такъ хотѣлъ предупредить васъ...

— На счетъ чего-съ?

На минуту, въ комнатѣ стало тихо-тихо.

— Да на всякій случай: я вѣдь ужъ сегодня... часомъ раньше, часомъ позже—покойникъ,—съ спокойствіемъ полнѣйшей безнадежности пояснилъ Ельниковъ.

— Господь знаетъ-съ, Анемподистъ Михайлычъ: онъ иногда чудесно исцѣленіе свое посылаетъ... Вамъ-бы вотъ исповѣдаться-съ да причаститься?.. робко-вопросительно молвилъ Созоновъ.

Докторъ ничего не отвѣтилъ ему, закашлялся только, и повернулся на другой бокъ.

— Который теперь часъ? спросилъ онъ, когда уже значительно разсвѣло.

Созоновъ торопливо накинулъ на себя свое убогое одѣяніе, конфузливо придержалъ руками его полы, и въ такомъ видѣ подошелъ къ столику возлѣ кровати.

— Де... десятый-съ... почему-то не вдругъ выговорилъ онъ, взглянувъ на карманные часы Ельникова, и попрежнему конфузливо отступилъ къ „печечкѣ“.

— Пора и къ нѣмцу... почти беззвучно замѣтилъ ему Анемподистъ Михайлычъ.

Созоновъ какъ-то забавно обдергалъ на себѣ платье, взялъ рецептъ и ушелъ. Но будущій инокъ разсудилъ дорогой, что ему не мѣшаетъ зайти прежде къ отцу Іоанну, своему знакомому священнику, жившему почти напротивъ.

„Батюшка-же теперь какъ-разъ отъ заутрени воротились... Вотъ-какъ бы Анемподисту Михайлычу полегчало!“ думалось Созонову.

Отецъ Іоаннъ,—добродушный старикъ, недавно переведенный въ городской приходъ изъ сосѣдней деревни,—дѣйствительно оказался дома, и охотно согласился пойти къ больному.

— Только вотъ чашечку чайку дохлебаю,—объявилъ онъ любезно.

— А я покудова, батюшка, въ аптеку сбѣгаю; вы меня подождите-съ... сказалъ Созоновъ, и быстро удалился, опять стыдливо придерживая рукой полы своего не то сюртука, не то халата.

Спустя четверть часа, послѣ непродолжительнаго шептанья отца Іоанна съ Созоновымъ въ передней Ельникова, при чемъ со стороны батюшки слышалось: „Не любитъ, что-ли?“—послѣдній, въ во всемъ простодушій и наивности деревенскаго священника, тихонько вступилъ въ комнату больного.

— Богъ помочь! осторожно сказалъ онъ, помолясь степенно въ пустой передній уголъ.

— Кто это такой?... какъ-бы испуганно спросилъ Анемподистъ Михайлычъ, быстро повернувшись лицомъ къ вошедшему, и слабо застоналъ отъ рѣзкой боли, вызванной этимъ усиленнымъ движеніемъ.

При видѣ священника, глаза Ельникова остановились на немъ какъ-то неподвижно, почти безсмысленно; только слабая улыбка искривила сухія губы доктора.

— Благослови васъ Богъ! перекрестилъ его отецъ Іоаннъ.

Батюшка неслышно подставилъ стулъ къ самой кровати, сѣлъ на него, и сталъ что-то тихо говорить больному.

— Крайняя односторонность! громко молвилъ онъ, наконецъ, выслушавъ, въ свою очередь, чуть слышный отвѣтъ Анемподиста Михайлыча, и широко развелъ рукавами рясы.

— Можетъ быть, батюшка... уже нѣсколько слышнѣе отозвался Ельниковъ.

— Ну... я и говорю: крайняя односторонность! съ прежнимъ движеніемъ повторилъ отецъ Іоаннъ.

И придвинувшись еще ближе къ кровати, священникъ началъ снова нашептывать что-то больному. Анемподистъ Михайлычъ только нетерпѣливо качалъ головой; все та же слабая улыбка чуть-замѣтно змѣилась у него на посинѣвшихъ отъ волненія губахъ.

— Я вѣдь и не спорю, батюшка... замѣтилъ онъ тихо.

— Опять это крайняя односторонность съ вашей стороны...

— Не могу-же я лгать въ послѣднія минуты, когда не лгалъ всю жизнь!... раздражительно и съ горечью на этотъ разъ возразилъ докторъ.

— Я и говорю: крайняя односторонность!

Отецъ Іоаннъ еще шире развелъ рукавами рясы, снова перекрестилъ больного, сказалъ ему на прощанье: „А впрочемъ, благослови васъ Богъ!“—и неохотно вышелъ изъ комнаты, съ грустнымъ сожалѣніемъ покачивая своей сѣдою, какъ лунь, головой. Немного погодя, туда вошелъ Созоновъ, съ аптечнымъ пузырькомъ въ рукахъ.

— Не надо ужъ... слабо махнулъ ему рукой Ельниковъ, и опять повернулся къ стѣнѣ:—притерпѣлся...

Странную фигуру представлялъ изъ себя, въ эту минуту, будущій инокъ: смѣсь какого-то суевѣрнаго ужаса, унынія и малодушнаго страха за свое самовольство придала Созонову что-то неизобразимо-жалкое. Онъ ждалъ отъ больного выговора и, кажется, былъ бы радехонекъ послѣднему; но Анемподистъ Михайлычъ упорно молчалъ, тяжело дыша. Созоновъ постоялъ, постоялъ передъ кроватью, раза два неловко сморкнулся, попятился въ самый дальній уголъ комнаты, и тихохонько усѣлся тамъ на стулъ, подперевъ обоими локтями голову и колѣни.

Такъ прошелъ часъ, другой...

Въ половинѣ второго, больной сдѣлалъ движеніе, тревожно откинулся на подушкѣ, и едва слышно спросилъ:

— Темно или свѣтло теперь?...

— Совсѣмъ день ужъ-съ, Анемподистъ Михайлычъ... пояснилъ Созоновъ, робко кашлянувъ въ руку.

— Ааа!... протянулъ докторъ: — понимаю!...

Онъ сдѣлалъ усиліе и провелъ рукой у себя по глазамъ, какъ-бы желая удостовѣриться, на мѣстѣ-ли они у него.

— Окажи, братъ, ты мнѣ, Созоновъ... послѣднее одолженіе,— нѣсколько помолчавъ, попросилъ напряженно больной: — возьми вонъ тамъ... на окнѣ... старую книжку Журнала... безъ переплета;. растрепанная такая... Почитай ты мнѣ оттуда... хоть позитивную философію... Огюста Конта; тамъ... она должна быть... Мысли у меня мутятся...

Созоновъ какъ-то испуганно встрепенулся весь, точно внезапно разбуженная птица, быстро отыскалъ книгу, развернулъ ее, и сѣлъ возлѣ кровати.

— Я-бы вамъ лучше-съ... заикнулся было онъ.

Но его удержалъ какой-то непонятный, энергическій жестъ Ельникова, сдѣланный при самомъ началѣ этой фразы.

— Читайте-же!... Созоновъ! раздражительно поторопилъ докторъ.

Началось чтеніе — медленное, несвязное, неуклюжее. Странно какъ-то было видѣть Созонова съ книжкой журнала въ рукахъ; еще страннѣе казалось выходившее изъ устъ этого человѣка ученіе знаменитаго мыслителя: оно какъ-будто теряло свой смыслъ.

Такъ прошло еще съ полчаса.

— Созоновъ-батюшка!... прервалъ вдругъ Анемподистъ Михайлычъ чтеца, стараясь приподняться на локтѣ. — Скажи ты, братъ, Созоновъ... большой поклонъ... отъ меня... Свѣтловушкѣ!... Скажи... что... что...

Больной глубоко вздохнулъ, остановился на этомъ вздохѣ — и не договорилъ; только кровать какъ-то болѣзненно скрипнула за доктора, — и таинственная, мертвая тишина воцарилась въ комнатѣ...

Въ тотъ-же самый день, вечеромъ, а не на-завтра, какъ обѣщалъ представитель мѣстной власти Соснину, въ острогъ пріѣхалъ полиціймейстеръ, и прямо прошелъ къ Свѣтлову.

— Я къ вамъ отъ его превосходительства,—необыкновенно вѣжливо объявилъ онъ молодому человѣку.—Генералъ поручилъ мнѣ передать вамъ, что вы—свободны; только съ тѣмъ условіемъ, если вамъ угодно будетъ выѣхать отсюда черезъ недѣлю, а до того времени—вы не можете ни у кого показываться здѣсь, за исключеніемъ, разумѣется, вашихъ ближайшихъ родственниковъ. Предполагалось сначала обязать васъ къ тому подпиской, но его превосходительство находитъ, что вашего слова будетъ совершенно достаточно въ этомъ случаѣ. Могу-ли я передать генералу, что вы согласны?

— Да, конечно,—сказалъ Александръ Васильичъ:—въ моемъ

положеніи не упрямятся... Сдѣлайте одолженіе, поблагодарите генерала за его любезность.

Немного погодя, Свѣтловъ уже испытывалъ необыкновенно пріятное чувство, полной грудью вдыхая въ себя свѣжій уличный воздухъ.

— Фу-у... какая чудесная вещь... свобода! нѣсколько разъ громко повторялъ онъ, останавливаясь и оглядываясь посреди улицы.

Не смотря на то, что у него не было ни гроша въ карманѣ, Александръ Васильичъ взялъ извощика, и прежде всего отправился къ Ельникову: молодому человѣку ужасно хотѣлось повидаться съ больнымъ товарищемъ, чтобъ хоть немного развлечь его да пособить ему чѣмъ можно. Подъѣхавъ къ воротамъ квартиры Анемподиста Михайлыча, Свѣтловъ не безъ удивленія замѣтилъ, что два окна ея, выходившія на улицу и теперь непроницаемо забѣленныя узорами мороза, не были, противъ обыкновенія, закрыты ставнями; впрочемъ, въ окнахъ виднѣлся свѣтъ: значитъ — докторъ былъ дома. Идя уже по двору и, потомъ, поднимаясь на крыльцо, Александръ Васильичъ обратилъ также вниманіе на какой-то невнятный, монотонный звукъ, доносившійся сюда изъ комнаты.

„Кто-же это у него сидитъ? — ужъ не Лизавета-ли Михайловна? Вотъ-бы кстати было!“ подумалъ Свѣтловъ.

Ему, однакожъ, стало какъ-то неловко, когда онъ невольно прислушался къ странному звуку: въ немъ, въ этомъ звукѣ, было слишкомъ много однообразія для разговора. Александръ Васильичъ входилъ въ переднюю съ стѣсненной грудью; но его такъ и пошатнуло, какъ только онъ вступилъ туда.

— Врази же... мои... живутъ... и укрѣпишася... паче... мене... явственно уже слышался теперь изъ-за сосѣдней, притворенной двери, робкій, дрожащій слезами голосъ Созонова.

Холодная, насквозь пронизывающая, какъ трескучій морозъ, дѣйствительность охватила Свѣтлова. У него совершенно потемнѣло

въ глазахъ, когда, черезъ минуту, онъ припалъ горячей головой къ недвижнымъ колѣнямъ доктора, мирно покоившагося теперь на какихъ-то причудливыхъ подмосткахъ, наскоро воздвигнутыхъ руками его бывшаго однокашника.

„И весны-то ты не дождался?!...“ съ необычайной горечью думалось Александру Васильичу. „Да и ни до чего хорошаго не дожилъ ты, товарищъ!... Все впереди у насъ... И я не дождусь здѣсь весны: поѣду подышать за тебя болѣе чистымъ воздухомъ, посмотрѣть на болѣе свѣтлыя небеса... Но клянусь тебѣ... вотъ здѣсь, у твоего не совсѣмъ остывшаго еще трупа, что никакая сила, кромѣ смерти, не остановитъ меня идти дальше по нашему пути, никакая воля не вырветъ изъ моей груди того, что запечатлѣно въ ней такими-же благородными личностями, какъ твоя!!... Ты теперь еще свободнѣе, чѣмъ я, бѣдный Анемподистъ Михайлычъ!...“

Свѣтловъ на минуту поднялъ голову, но сейчасъ-же опять и опустилъ ее: она какъ-будто свинцомъ была налита у него. А тѣмъ временемъ, Созоновъ, заложивъ пальцемъ недочитанную страницу псалтыря, робко и тихо, какъ-бы боясь разбудить могильный сонъ Ельникова, передавалъ Александру Васильичу:

— Въ третьемъ-съ часу кончились... Худенькой такой сталисъ, господинъ Свѣтловъ: я какъ ихъ обмывалъ, такъ просто всѣ косточки ощупать можно-съ было...

Но Александръ Васильичъ не могъ слушать дальше.

— Потомъ... потомъ это, Созоновъ! скорбно остановилъ онъ его.

Свѣтловъ снова поднялъ голову, и неподвижно уставилъ глаза на низкое изголовье, покоившее выразительныя черты доктора. Долго-долго еще всматривался послѣ того Александръ Васильичъ въ лицо покойника: что-то сосредоточенно спокойное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко саркастическое застыло на этомъ умномъ, страдальческомъ лицѣ...

ГЛАВА X.

На первой станціи отъ Ушаковска.

Зимній вечеръ догаралъ какими-то причудливыми красными полосами въ просвѣтахъ горизонта, слабо озаряя покрытое сѣрыми тучами небо, когда двѣ лихія тройки, весело побрякивая колокольчиками, крупной рысью подъѣзжали, по московскому тракту, къ почтовой станціи — первой отъ города Ушаковска.

— Да, батенька! говорилъ Варгунинъ сидѣвшему съ нимъ рядомъ, въ передней повозкѣ, Свѣтлову, — дядя вашъ выручилъ насъ всѣхъ...

— Я не понимаю, отчего они только сегодня выпустили васъ, а не раньше? перебилъ его Александръ Васильичъ.

— Terra incognita! пожалъ, подъ шубой, плечами, Матвѣй Николаичъ. — Впрочемъ...

— А это вѣрно вы знаете,—опять перебилъ его Свѣтловъ,— что отправленъ нарочный воротить Жилинскихъ?

— По крайней мѣрѣ, такъ я слышалъ, насколько часовъ тому назадъ, изъ собственныхъ устъ его превосходительства. Онъ, видите-ли, раскусилъ, должно быть, что его ввели въ заблужденіе относительно нашего участія во-всей этой кутерьмѣ: говорятъ, что въ Фабрикѣ открыто множество самыхъ вопіющихъ злоупотребленій Оржеховскаго. Немудрено, что бывшій директоръ угодитъ на ваше недавнее мѣсто... Да! сейчасъ видно было по лицу генерала, что-онъ жестоко конфузится за свой промахъ. Еслибъ старика не запутали, сталъли бы онъ пороть такую горячку? Вѣдь это не шутка, батенька!

— Очевидно,—замѣтилъ Александръ Васильичъ.

Пріятели помолчали.

— Ну, что, батенька? спросилъ вдругъ Варгунинъ, весело разсмѣявшись, — небось, теперь ужъ не скажете, какъ тогда — „шагъ за шагомъ“?

— Это отчего, Матвѣй Николаичъ? удивился Свѣтловъ. — Непремѣнно скажу и теперь то-же самое; да и всегда буду говорить. Послѣдняя исторія съ нами — тутъ ни при-чемъ; она, напротивъ, еще подтвердила мой взглядъ на это. Вы только посудите: вѣдь и локомотивъ идетъ сперва тихо, будто шагъ за шагомъ, а какъ разойдется — тогда ужъ никакая сила его не удержитъ. Мы вотъ и не прыгали съ вами, да чуть не провалились...

Повозка остановилась, въ эту минуту, у крыльца станціи, помѣшавъ Александру Васильичу выразить до конца свою мысль. Варгунинъ нахмурился и какъ-то неопредѣленно проговорилъ, вылѣзая:

— Смотрите, батенька! не попадите мимо...

Они обождали немного, пока подъѣхалъ задній экипажъ. Въ немъ оказалась вся остальная семья Свѣтловыхъ, провожавшая до этой станціи, вмѣстѣ съ Матвѣемъ Николаичемъ, двухъ самыхъ любимыхъ своихъ членовъ: Владимірко также ѣхалъ въ Петербургъ, благодаря настояніямъ брата, кое-какъ урезонившаго стариковъ отпустить съ нимъ ихъ дорогого „заскребыша“.

— Мы, мама, здѣсь еще посидимъ, а? какъ-то трогательно спросилъ мальчуганъ у Ирины Васильевны, вылѣзая изъ повозки.

— Какже, батюшка: чай будемъ пить. Въ послѣдній ужъ разъ, Вольдя, съ матерью чайку попьешь... проговорила старушка, и заплакала.

— Что, Вольдюшка? — замерзъ? А вѣдь далеко, братъ, еще ѣхать-то... замѣтилъ, въ свою очередь, Василій Андреичъ.

Но онъ, очевидно, сказалъ это только для собственнаго ободренія: у него у самого искрились слезы на глазахъ.

— О-онъ молодецъ у меня, Владимірко! весьма кстати поощрилъ Александръ Васильичъ уже насупившагося было „химика“, собиравшагося, кажется, тоже заплакать:—не скоро замерзнетъ,— настоящій сибирякъ!

Нѣсколько минутъ спустя, маленькое общество пріѣзжихъ мирно, хотя и не особенно весело расположилось, за чаемъ, въ просторной и чистенькой станціонной комнатѣ, увѣшанной множествомъ картинокъ и почтовыхъ правилъ, чуть не сплошь засиженныхъ мухами. Молодой Свѣтловъ, въ дорожной сумкѣ черезъ плечо, обходилъ, со свѣчей въ рукѣ, по порядку всѣ стѣны, и вслухъ прочитывалъ болѣе курьезныя надписи на лубочныхъ изображеніяхъ, желая, очевидно, хоть этимъ немного разсѣять печальное настроеніе своихъ домашнихъ. Александръ Васильичъ сильно похудѣлъ въ послѣдніе дни; захватившая его такъ врасплохъ, смерть Ельникова, наложила на лицо молодого человѣка какую-то своеобразную печать грусти: оно стало еще серьезнѣе и привлекательнѣе.

— Чай тебѣ, Саша, налитъ, — оторвала Оленька брата отъ созерцанія картинокъ.

Онъ, не говоря ни слова, присоединился къ остальному обществу, на которое тоже нашелъ какой-то молчаливый стихъ. Варгунинъ и пытался было поддерживать разговоръ, но это выходило какъ-то ужъ очень натянуто. Теперь, передъ близкой разлукой, каждый держалъ про себя свои невеселыя думы.

— А вѣдь ты, Санька, право, хорошій парень; только одно вотъ въ тебѣ не ладно: служить не хочешь,—проговорилъ, наконецъ, среди общаго молчанія, Василій Андреичъ, какъ-будто въ настоящую минуту была какая-нибудь возможность поправить это дѣло. — Поступи-ка ты лучше, братъ, на службу здѣсь, — ей Богу, парень, хорошо будетъ!

— Да какъ-же, батюшка! прибавила отъ себя и Ирина Васильевна, — служилъ-бы да служилъ: теперь ужъ — шутка-ли! — какой-бы у тебя чинъ былъ...

— Право, служи-ка ты, братецъ! убѣдительно поддержалъ ее старикъ.

Но Александръ Васильичъ рѣшительно не зналъ, что ему отвѣчать на подобныя замѣчанія, и предпочелъ обойти ихъ, молча.

— Однако, пора распорядиться, чтобъ и лошадей запрягали... сказалъ онъ только, вставая.

Въ эту самую минуту, у подъѣзда къ станціи послышался и какъ-то рѣзко оборвался вдругъ густой перезвонъ колокольчиковъ. Судя по силѣ ихъ звука, очевидно было, что кто-то подъѣхалъ на двухъ тройкахъ. Молодой Свѣтловъ торопливо вышелъ на крыльцо. Мелькомъ взглянувъ на цѣлую семью новоприѣзжихъ, выходившую теперь изъ большого крытаго возка, Александръ Васильичъ поблѣднѣлъ и невольно попятился: это были Прозоровы.

Дѣло въ томъ, что молодой человѣкъ никакъ не ожидалъ такого непріятнаго сюрприза: послѣдній могъ разомъ разрушить весь остроумный планъ находчиваго Соснина. Свѣтловъ еще наканунѣ уговорился съ Лизаветой Михайловной, что пустится въ путь часами двумя прежде ея; онъ даже назначилъ ей время отъѣзда, и, съ своей стороны, выполнилъ это условіе, какъ слѣдуетъ. Но дѣло вышло нѣсколько иначе, хотя, собственно, сама молодая женщина и была тутъ ни при-чемъ: на Дементія Алексѣича нашелъ внезапно какой-то упрямый капризъ, побудившій его послать за лошадьми гораздо раньше, чѣмъ предполагала Лизавета Михайловна. Она сперва все еще разсчитывала, что ей удастся какъ-нибудь оттянуть время, но, наконецъ, не видя никакой возможности обойти хитростью мужа, послала Гришу предупредить Свѣтлова. Судьбѣ угодно было, однакожъ, распорядиться по своему: мальчикъ только пятью минутами не засталъ Александра Васильича въ городѣ.

„Что, если мужъ вернетъ ее отсюда назадъ?“ невольно спросилъ себя теперь молодой человѣкъ, съ необычайной тревогой возвращаясь въ станціонную комнату.

Но если даже Свѣтловъ былъ удивленъ и озадаченъ, то не трудно представить себѣ положеніе Дементія Алексѣича, когда, войдя туда-же, вслѣдъ за семьей, почтенный супругъ сразу наткнулся глазами на ненавистнаго ему „разбойника“. Мы не беремся, впрочемъ, описывать того, можно сказать, хаоса чувствъ и мыслей,

какой завертѣлся у Прозорова въ этотъ, по истинѣ, критическій моментъ. Будь-бы только Александръ Васильвчъ одинъ на станціи,—Дементій Алексѣичъ ни на минуту не задумался-бы увезти жену обратно въ городъ; но встрѣченное имъ здѣсь цѣлое общество до такой степени сбило съ толку Прозорова, что онъ сейчасъ-же усиленно принялся требовать лошадей для возка.

Лизавета Михайловна, крайне встревоженная и блѣдная, какъ полотно, болѣе инстинктивно, чѣмъ съ полнымъ сознаніемъ, чувствовала, что вся ея будущность виситъ, въ эту минуту, на волоскѣ. Какіе-нибудь четверть часа, пока запрягали лошадей и прописывали подорожную, показались молодой женщинѣ чуть не цѣлымъ годомъ невыносимаго ожиданія и томленія; она даже рѣшилась пренебречь всякими приличіями: не подошла къ Свѣтловымъ, и все время молча сидѣла, отвернувшись отъ нихъ, въ темномъ уголку. Къ счастью, и дѣти Прозоровой уразумѣли, должно быть, опасность настоящаго положенія матери: они какъ-то боязливо столпились около нея, и старались даже не смотрѣть въ ту сторону, гдѣ Ирина Васильевна, со слезами на глазахъ, хозяйничала за чаемъ. Старушка тоже не обращала, повидимому, никакого вниманія на новоприѣзжихъ: она еще раньше была предупреждена сыномъ. За то, какъ-же свободно и вздохнула Лизавета Михайловна, когда очутилась въ возкѣ! Даже обращенныя къ ней, въ ту минуту, кровно оскорбительныя слова мужа показались молодой женщинѣ чѣмъ-то въ родѣ радостнаго приговора о помилованіи.

— Не думайте... не думайте, пожалуйста, чтобъ я... я... когда-нибудь опять... опять васъ принялъ къ себѣ!.. злобно напутствовалъ Дементій Алексѣичъ жену:—мнѣ... мнѣ потаскушекъ не надо!... П-шолъ! сердито крикнулъ онъ ямщику, и мелкими шажками взбѣжалъ на крыльцо.

Въ тоже время выходилъ туда Свѣтловъ, чтобъ распорядиться закладкой лошадей. Въ самыхъ дверяхъ—эти господа встрѣтились лицомъ къ лицу.

— Очень... очень вамъ благодаренъ, молодой человѣкъ!.. съ

неописуемой ехидностью обратился Прозоровъ къ Александру Васильичу.

— Не за что,—холодно отвѣтилъ ему Свѣтловъ.

Они какъ-то странно поклонились другъ другу, и разошлись—быть можетъ, для того, чтобъ никогда уже не встрѣчаться больше.

. . . . . .

На слѣдующей станціи, наши далекіе путешественники опять съѣхались вмѣстѣ. Обѣ тройки дружно помчались оттуда одна за другой, какъ-будто выговаривая мѣдными язычками своихъ звонкихъ колокольчиковъ:

„Тамъ-то, дальше, какъ-то лучше“.

И подъ ихъ веселый говоръ неудержимо неслась впередъ молодая жизнь, пренебрегая угрозами старой...

ГЛАВА XI.

Черезъ пять лѣтъ.

Въ пять лѣтъ немного измѣняется наружность губернскаго города. Такъ-же мало измѣнилась въ это время и физіономія Ушаковска: опять кое-гдѣ выросло питейное заведеніе, кое-гдѣ возстановленъ давно уже падавшій заборъ; въ одномъ мѣстѣ—невольно обратишь вниманіе на совершенно новенькую, даже невыкрашенную еще тумбочку на тротуарѣ, хотя послѣдній и содержится попрежнему плохо; въ другомъ—бросится тебѣ въ глаза чей-то каменный, съ неотдѣланными пока окнами, домъ, рѣзко выдѣляющійся изъ сосѣднихъ деревянныхъ строеній. Но, въ сущности, никакой особенной перемѣны не видно; не увеличилось, напримѣръ, движеніе на улицахъ, и даже, всмотрѣвшись присталь-

нѣе въ прохожихъ, сразу узнаешь, что это почти все тѣ-же лица, что были и прежде.

Однакожъ, есть и новость въ Ушаковскѣ—правда, не слишкомъ крупная, но, за то, способная порадовать каждаго мыслящаго человѣка. Новость эта—маленькая школа, открытая въ одномъ изъ переулковъ города; ея незатѣйливая вывѣска какъ-бы застѣнчиво гласитъ: „Первоначальное обученіе дѣвочекъ письму и чтенію". Тутъ всецѣло господствуетъ Анюта Орлова. Передъ отъѣздомъ, Свѣтловъ вручилъ кузинѣ небольшую сумму — остатокъ отъ того еще капитала, что внесъ на его собственную школу Варгунинъ,— и вотъ на эти-то немногія деньги, да на свои скудныя рабочія сбереженія, молодая дѣвушка открыла дешевый дневной пріютъ для неграмотныхъ дѣвочекъ. Въ школѣ, на почетномъ мѣстѣ, виситъ фотографическій портретъ Александра Васильича. Довольно часто, по окончаніи занятій, Анна Николаевна указываетъ на него своимъ ученицамъ (все больше сироткамъ разныхъ горемычныхъ бѣдняковъ) и объясняетъ имъ, кому первоначально обязаны онѣ грамотностью, и что за человѣкъ былъ Свѣтловъ. Иногда, такія объясненія стоятъ у милой дѣвушки любого урока...

Стариковъ Александра Васильича стало какъ-то совсѣмъ не видно въ городѣ. Они опять переселились во флигель, и почти безвыходно сидятъ въ своихъ четырехъ стѣнахъ, лишь въ двунадесятые праздники навѣщая кого-нибудь изъ самыхъ близкихъ родственниковъ; даже на рынкѣ не часто встрѣтишь Свѣтловыхъ. Василій Андреичъ совсѣмъ посѣдѣлъ; онъ теперь очень рѣдко выпускаетъ изо-рта свою любимую трубочку, и все больше молчитъ, такъ-что отъ него трудно подчасъ дождаться слова. Въ кабинетѣ старика тоже виситъ фотографія его первенца. Когда во флигель случайно забредетъ какое-нибудь новое, небывавшее тамъ прежде, лицо, и такъ-же случайно смотритъ на этотъ портретъ, Василій Андреичъ непремѣнно объяснитъ гостю:

— Старшій сынъ. Бѣдовая голова! а хорошій парень...

Ирина Васильевна стала еще набожнѣе и суевѣрнѣе; какъ на-

рочно, всѣ ея примѣты сбываются. Акуратно каждое воскресенье старушка ѣздитъ въ пригородный монастырь къ обѣднѣ, и съ чувствомъ слушаетъ, какъ постриженный въ монахи Созоновъ читаетъ тамъ „апостолъ“; иногда, бывшій товарищъ ея сына застѣнчиво подноситъ ей заздравную просфирку. Въ остальное время, Евангеліе почти не выходитъ изъ рукъ Ирины Васильевны. Она весьма рѣдко нынѣ заглядываетъ въ кухню, ѣстъ больше что приготовитъ кухарка, и, вообще, какъ-то опустила хозяйство. Да и для кого ей хлопотать теперь? Вѣдь и Оленька удалилась изъ родительскаго дома. Молодая дѣвушка вышла замужъ за какого-то виднаго офицера, и очень довольна, что онъ, обирая солдатъ ввѣреннаго ему батальона, даритъ ей множество нарядовъ; она будетъ еще довольнѣе, когда у нея пойдутъ дѣти и своимъ раннимъ умѣньемъ болтать по-французски вызовутъ въ папашѣ полнѣйшее усовершенствованіе его милыхъ качествъ. Замужество дочери не особенно порадовало Ирину Васильевну.

— Дылда какой-то, прости меня Господи! съ сердцемъ замѣчаетъ она подчасъ родственникамъ объ Оленькиномъ мужѣ, обладающемъ, дѣйствительно, исполинскимъ ростомъ:—я-бы, на мѣстѣ Ольки, ни за что не пошла за него, ребятки...

Но у старушки бываютъ и свѣтлые дни. Когда московская почта привозитъ Иринѣ Васильевнѣ письмо отъ котораго нибудь изъ сыновей, для нея на цѣлую недѣлю наступаетъ своего рода Пасха. Впрочемъ, Александръ Васильичъ довольно скупъ на подобные сюрпризы, и сообщаетъ о себѣ всегда коротко, а Владимірко, по разсѣянности, не пишетъ иногда мѣсяца по два сряду,—за то, какъ-же и ждетъ этихъ дней, этихъ писемъ добродушная мать! Она, обыкновенно, до тѣхъ поръ не отложитъ въ сторону радостной вѣсточки, пока не выучитъ наизусть каждую строчку въ ней. На дняхъ еще—Владимірко писалъ, между прочимъ, старушкѣ:

...„У насъ въ гимназіи, мама, только что кончились экзамены и я переведенъ въ шестой классъ. Трудненько приходилось, да ничего, справился. Я теперь живу у Гриши Прозорова. Онъ сту-

дентъ Технологическаго института, идетъ по химіи и мы часто дѣлаемъ съ нимъ интересные опыты. Я тоже непремѣнно хочу быть химикомъ, да только трудно. Однихъ названій сколько надо будетъ выучить да еще формулы знать. Гриша, впрочемъ, говоритъ, что это только сначала такъ трудно, а послѣ ужъ ничего, какъ привыкнешь. Ахъ, мама, еслибъ ты знала, какъ красиво горитъ металъ магній! Его теперь въ видѣ серебреныхъ проволочекъ приготовляютъ. Возьмешь, накалишь на свѣчкѣ, онъ и горитъ, а потомъ одна магнезія останется"...

— Это какая-же, отецъ, магнезія-то?—неужли, батюшка, та самая, которую ребятамъ даютъ? полюбопытствовала Ирина Васильевна у мужа, прочтя приведенный отрывокъ изъ письма Владимірки.

— Кто-о ихъ тамъ знаетъ, |ученыхъ! будто раздражительно отозвался Василій Андреичъ, а самъ, между тѣмъ, былъ очень доволенъ успѣхами сына...

Свѣтловыхъ изрѣдка навѣщаетъ Соснинъ. Онъ, по большей части, заходитъ къ нимъ съ намѣреніемъ почитать столичныя вѣсти, и потому его посѣщенія всегда совпадаютъ съ приходомъ московской почты.

— А что?—ничего не навараксалъ нонѣ племяша? бываетъ, обыкновенно, первый вопросъ Алексѣя Петровича, едва онъ переступитъ порогъ флигеля.

Горячій характеръ Соснина нѣсколько поугомонился въ послѣднее время, хотя иногда и даетъ еще чувствовать себя „таинственной особѣ"; но, за то, въ любимый полонезъ старика, все чаще и чаще разыгрываемый имъ нынѣ, вкралась какая-то своеобразная, не то сердитая, не то отчаянная нотка собственной композиціи Алексѣя Петровича...

Любимовъ живетъ по-прежнему, то есть—волочится за первой встрѣчной: урокъ, данный ему Рябковой, не подѣйствовалъ на него нисколько. Сама-же „полковница" все еще не можетъ оправиться отъ того пораженія, какое нанесъ ей Евгеній Петровичъ.

Она слыветъ теперь въ большомъ свѣтѣ Ушаковска подъ именемъ *свѣтловощины*. Дѣло въ томъ, что, однажды, въ разговорѣ съ другой какой-то дамой, Рябкова выразилась объ Александрѣ Васильичѣ и его кружкѣ:

— Mais c'est mauvais genre, ma chère—эта свѣтловощина!

„Полковница", слыхавшая когда-то объ „обломовщинѣ" Гончарова, хотѣла, вѣроятно, въ подраженіе ему, сказать: свѣтловщина; но, какъ видно, обмолвилась. Молоденькій адъютантъ представителя мѣстной власти,—одинъ изъ самыхъ злыхъ ушаковскихъ зоиловъ,—подхватилъ на-лету эту обмолвку, и пустилъ ее гулять по всѣмъ бомоннымъ весямъ града.

— Какъ все послѣдовательно идетъ на свѣтѣ,—остритъ онъ иногда въ присутствіи Рябковой, будто и не на ея счетъ: — сперва у насъ провалился нѣкій Свѣтловъ, а за нимъ и *свѣтловощина* пала...

„Полковница", обыкновенно, недолго сидитъ въ томъ обществѣ, гдѣ появляется насмѣшникъ-адъютантъ, и все время кусаетъ себѣ губы, что, между прочимъ, очень идетъ къ ея косому глазу...

Сохранилось въ Ушаковскѣ преданіе и объ Ельниковѣ, и у него осталось тамъ свое прозвище, но только не въ свѣтскихъ салонахъ. Въ темныхъ закоулкахъ города, гдѣ копошится и стонетъ, въ поту и грязи, рабочій людъ, часто вспоминаютъ „безплатнаго лекаря", во всякую пору дня и ночи спѣшившаго сюда безъ отговорокъ.

— Дай-бы Богъ еще такого! съ неподдѣльнымъ чувствомъ отзываются тамъ о немъ.

Будетъ-ли только услышана захолустная мольба?...

Кстати ужъ мы заговорили о рабочемъ людѣ: Ельцинская фабрика сдана теперь въ частныя руки —въ аренду. Нельзя не похвалить этого роспоряженія: оно, во-первыхъ, дало возможность „дѣдамъ" свободнѣе распоряжаться чисто-домашними заводскими дѣлами, а во-вторыхъ, одни уже хозяйскіе интересы новаго распорядителя фабрики заставляютъ его сберегать, по возмож-

ности, рабочія силы. Жаль только, что тамъ не досчитываются двухъ-трехъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей—въ особенности, старосты Семена; быть можетъ, впрочемъ, они и вернутся современемъ на родное пепелище, а теперь пока—о нихъ, какъ говорится, ни слуху, ни духу... Все-таки, это не помѣшало явиться въ Ельцинской фабрикѣ новому самородку-поэту и придѣлать еще одинъ куплетъ къ извѣстной лихой пѣснѣ. Теперь она заканчивается такъ:

„Намъ дилекторъ нипочемъ—
Согнемъ его калачемъ...
Ай ди-ди, перепелка,
Ай ди-ди, молода!“

Жилинскіе опять живутъ въ Фабрикѣ, въ томъ-же самомъ собственномъ домикѣ, гдѣ жили и прежде. По нѣскольку разъ въ день, а иногда и по цѣлымъ вечерамъ, на колѣняхъ Христины Казиміровны играетъ прелестный пятилѣтній мальчикъ, русыя кудри котораго сильно напоминаютъ цвѣтъ волосъ Свѣтлова, а черные бархатные глаза ребенка только съ большимъ трудомъ можно отличить отъ глазъ самой Жилинской. Ребенокъ этотъ—любимецъ Казиміра Антоныча; старикъ не насмотрится на него...

Что-же еще сказать? Ахъ, да... Варгунинъ получилъ недавно письмо отъ Лизаветы Михайловны, кругомъ облѣпленное заграничными марками и помѣченное: „Цюрихъ“. „Косматый“ цѣлыхъ трое сутокъ носился съ нимъ по своимъ городскимъ друзьямъ. Вотъ содержаніе этого письма отъ слова до слова:

„Милый, добрый Матвѣй Николаевичъ.

Не буду оправдываться, почему я не писала вамъ до сихъ поръ, иначе мнѣ пришлось бы тотъ же самый вопросъ предложить и вамъ; мы, стало быть, мало того, что квиты теперь, но вы еще у меня въ долгу. Смотрите! я несносный кредиторъ. Впрочемъ, у васъ, можетъ быть, и нѣтъ желанія подѣлиться со мной мыслями, а мнѣ вотъ—подите! —пришла неодолимая охота разсказать вамъ кое-что о своемъ житьѣ-бытьѣ. По одному разговору съ Свѣтловымъ, который

только недавно передалъ мнѣ, что надо-мной существуетъ опека (угадайте-ка, чья?), я нахожу даже, что должна это сдѣлать. Впрочемъ, нѣтъ, не должна: этакъ, пожалуй, и мнѣ захотѣлось бы потребовать кой-у-кого отчета за прошлое, какъ хотятъ слѣдить за моимъ будущимъ... Къ счастію моему, мнѣ не на что пожаловаться, да и на меня не пожалуются другіе. Не ищите, пожалуйста, жолчи между этими строками: ея нѣтъ тамъ; а *мое уваженіе и любовь всегда съ тѣми, кто доказалъ, что умѣетъ стоять выше интересовъ собственной личности.* Подчеркнутыя слова вы можете даже передать по адресу, если найдете его въ вашемъ соображеніи: они служатъ какъ-бы отвѣтомъ на обращенное ко мнѣ мѣсто въ одномъ неизвѣстномъ вамъ письмѣ. Но съ вами я совсѣмъ не потому жажду говорить: просто хочется похвастаться *батенькѣ*. Да, милый Матвѣй Николаевичъ! въ своей новой жизни я нашла гораздо больше, чѣмъ ожидала, чѣмъ мечтала даже; я нашла въ ней разрѣшеніе всѣхъ мучившихъ меня сомнѣній, а это не мало. И еслибъ мнѣ теперь предложили на выборъ: или умереть, или возвратиться къ прежнему невѣденію вещей,—я, не задумавшись, выбрала бы первое. Это говоритъ во мнѣ не самолюбіе, а женщина, которой впервые показали широкій божій міръ въ той полнотѣ, въ какой ужъ давно созерцаютъ его болѣе насъ счастливые мужчины. Работать надъ собой для другихъ, работать неутомимо—вотъ мой теперешній девизъ. Насколько я вѣрна ему—судить не мнѣ; по крайней мѣрѣ, я пріѣхала въ Цюрихъ затѣмъ, чтобъ держать экзаменъ на доктора. Спеціальность моя въ обширномъ смыслѣ—грудныя и нервныя болѣзни, а въ исключительномъ—женскія. Мысль быть докторомъ пришла мнѣ въ первый разъ въ голову еще тогда, какъ я познакомилась съ покойнымъ Ельниковымъ, цѣлыя ночи проводившимъ, какъ нянька, у моей кровати. Вы не забыли, конечно, этого милаго, чудеснаго человѣка? Какъ удалось мнѣ сподобиться, грѣшной, дойти до настоящаго предѣла моихъ знаній,—я и сама сказать не съумѣю; знаю только, что я работала, какъ угорѣлая,—именно въ какомъ-то

чаду работала, не замѣчая ни своихъ успѣховъ, ни трудности дѣла. А трудно, даже очень трудно было, какъ я посмотрю теперь: повѣрите ли? мнѣ приходилось начинать иногда чуть не съ азбуки. Но я бы вамъ не все сказала, еслибъ ограничилась этимъ. Хорошо понимая теперь, что всѣ дороги ведутъ въ Римъ, я не считаю, однакожъ, Римомъ мое близкое докторство; оно скорѣе— сила, которая будетъ и меня подвигать понемногу къ вѣчному городу. Свѣтловъ разъ приставалъ ко мнѣ, въ Ушаковскѣ, съ вопросомъ: а дальше? дальше-то что же? Я не могла отвѣтить ему тогда, но вчера сказала, что только бы до Рима добраться, а тамъ ужъ и отдохнуть не стыдно. Такъ-то, милый Матвѣй Николаевичъ!"

— Вотъ она, батенька, силища-то гдѣ! громко обратился къ самому себѣ Варгунинъ, дойдя до этого мѣста письма.—Будь-ка подлѣ меня такая женщина, иди-ка она со мной рядомъ, такъ у меня, батенька, не только-бы „кудри почернѣли", а, кажется, крылья-бы выросли!...

И Матвѣй Николаичъ долго взъерошивалъ рукой свои, и безъ того косматые, волосы, прежде-чѣмъ принялся вновь за чтеніе, которое дальше сообщало:

„Дѣти мои идутъ пока хорошо; не знаю, что будетъ впередъ. Гриша,—его въ Петербургѣ приняли, раньше, прямо въ четвертый классъ гимназіи,—теперь уже технологъ. Онъ недавно насмѣшилъ меня въ своемъ письмѣ: „Муська!"—пишетъ— „когда я буду магистромъ химіи, я приготовлю тебѣ какое-угодно сложное лекарство по твоему рецепту". Видите, какъ далеко мечтаетъ! Калеріи моей остался еще годъ до окончанія курса въ женской гимназіи. Она живетъ теперь вмѣстѣ съ братомъ и такъ-сказать хозяйничаетъ. Я нарочно это такъ устроила—предоставила Калерію, на время, самой себѣ: она немножко больше, чѣмъ слѣдуетъ, любитъ наряды и совсѣмъ не понимаетъ толку въ деньгахъ,— поэтъ. А поживши годъ самостоятельно, безъ меня, ей поневолѣ придется усвоить кое-что по этой части и отказаться иной разъ

отъ лишняго платья. Впрочемъ, Калерія славная дѣвушка. Само собой разумѣется, что за ней и нѣкоторый присмотръ есть, только она не подозрѣваетъ его: въ Петербургѣ я знаю два превосходныхъ семейства, и мнѣ оттуда каждую недѣлю пишутъ, что и какъ съ ней. Шура со мной, здѣсь; ея воспитаніемъ занимается преимущественно Свѣтловъ,—это его любимица. Мнѣ совѣстно признаться вамъ, Матвѣй Николаевичъ, но, право, и я не встрѣчала еще ни у одной дѣвушки такой чудесной, даровитой натуры, какъ у моей Шурки. Отецъ пишетъ про меня дѣтямъ ужасныя вещи и все собирается пріѣхать въ Петербургъ; но мои ребятки знаютъ меня лучше, чѣмъ свои пять пальцевъ, и общество г. Прозорова едва-ли можетъ теперь вліять на нихъ иначе, какъ отрицательно, т. е. въ ихъ-же пользу."

„Вы, можетъ быть, желали бы, милый Матвѣй Николаевичъ, слышать отъ меня что-нибудь о Свѣтловѣ? Онъ самъ напишетъ вамъ о себѣ дня черезъ два; ему же, кстати, надо что-то узнать отъ васъ относительно Жилинской,—вы, конечно, догадаетесь сами, на счетъ чего... Мнѣ же приходится сказать вамъ только, что чѣмъ больше узнаю я этого человѣка, чѣмъ ближе его разсматриваю среди всевозможныхъ домашнихъ мелочей, тѣмъ глубже становится моя симпатія къ нему. Въ Цюрихѣ онъ по своимъ дѣламъ... Больше я ничего не могу сказать вамъ о немъ въ письмѣ. Все, все было бы хорошо, Матвѣй Николаевичъ, и я могла бы считать себя—какъ бы это сильнѣе выразиться?—ну хоть дерзко-счастливой, что ли, еслибъ не одно... Какъ будущій докторъ и физіологъ, я бы, пожалуй, и рѣшилась сказать вамъ, чего это не достаетъ мнѣ; но... лучше ужъ по дожду заграничнаго диплома и тогда покаюсь, если не изчезнетъ къ тому времени мое загадочное „еслибъ". Сейчасъ подошелъ ко мнѣ Свѣтловъ, и, не подозрѣвая, что я съ вами секретничаю, прочелъ послѣднія строки. Качаетъ головой. Пусть качаетъ! я все-таки, прежде всего, л... Посмотрите же, какое варварское насиліе!—писать не даетъ. Крѣпко жму вамъ руку, милый Матвѣй Николаевичъ.

Ваша преданная Е. Сомова."

„P. S. Простите, если васъ озадачитъ моя подпись: это фамилія, которую я носила до несчастнаго замужества. Въ Цюрихѣ меня знаютъ только подъ этимъ именемъ: нельзя же быть заграницей и не повольничать немного... хоть такимъ образомъ. Впрочемъ, говоря строго, тутъ собственно и вольности нѣтъ: вѣдь я теперь не Прозорова и ничья,—такъ пусть же буду, пока, отцовской...“

Варгунинъ глубоко задумался надъ письмомъ Лизаветы Михайловны.

ГЛАВА XII.

Подводится общій итогъ.

И только? спроситъ, пожалуй, неудовлетворенный, а можетъ быть—и недоумѣвающій читатель. Авторъ предвидѣлъ этотъ щекотливый вопросъ и готовъ отвѣчать на него, хотя и чувствуетъ, что будетъ далекъ въ своемъ отвѣтѣ отъ полной искренности. Не отъ автора, впрочемъ, и зависитъ быть задушевно откровеннымъ съ тобой, другъ мой, читатель. Если даже и съ крошечной долей вниманія слѣдилъ ты за нитью нашей нехитрой исторіи, то, порывшись въ своей долготерпѣливой памяти, ты, быть можетъ, найдешь тамъ и оправданіе автору, и разгадку его неловкой сдержанности.

Да, другъ-читатель! здѣсь мы должны поневолѣ остановиться... Какъ неоттаявшая почва мѣшаетъ зрѣть брошеннымъ въ нее семенамъ, какъ не могутъ отливать всѣми красками солнца подснѣжные цвѣты,—такъ точно задерживаются ростъ и краски художественнаго произведенія суровымъ дыханіемъ нашей сѣверной непогоди. Что было возможно, однакожъ, то сдѣлано нами, и да

не поставится никому въ укоризну посильный трудъ. Если въ нашемъ первомъ опытѣ ты останешься недоволенъ блѣдностью интриги, чуждой той завлекательной формы, къ какой пріучили тебя болѣе даровитые воздѣлыватели отечественной мысли; если его завязка покажется тебѣ однообразной и скучной, или нѣсколько туманной, а развязка—совершенно ничтожной,—то и въ этомъ невполнѣ виноватъ одинъ авторъ. Не до блестящихъ интригъ теперь намъ съ тобой, читатель, когда безвозвратно миновала золотая пора сказокъ и жизнь предъявляетъ, на каждомъ шагу, свои настоятельныя нужды. Наступаетъ нѣчто лучшее,—лучшая и завязка требуется для романа; за развязку-же никто не можетъ поручиться тебѣ въ наше переходное, обильное всякими недоразумѣніями, время. Въ одномъ только принимаемъ мы на себя полную отвѣтственность: не Свѣтловъ будетъ виноватъ, если эта личность не заслужитъ твоей серьезной симпатіи; считай тогда просто, что у автора—не хватило пороху. Глубокое убѣжденіе подсказываетъ пишущему эти строки, что во сто разъ честнѣе ему самому провалиться передъ публикой, нежели невѣжественно уронить въ ея глазахъ ту либо другую, восходящую на общественномъ горизонтѣ, силу, когда эта сила, хотя-бы даже и въ своихъ заблужденіяхъ, неизмѣнно направлена къ благу и преуспѣянію родины.

Мы нарочно провели передъ тобой, читатель, фигуру Свѣтлова черезъ всю его домашнюю обстановку, черезъ всѣ ея мелочи, и рискуя утомить подробностями твое вниманіе, ставили нашего героя во множество незначительныхъ положеній: такимъ образомъ ты можешь гораздо вѣрнѣе судить о немъ. Въ торжественныя минуты своей жизни, захваченные внезапно ея горячимъ притокомъ, иногда и самые посредственные люди приподнимаются, такъ-сказать, до высоты событій; но авторъ имѣетъ право указывать тебѣ только на тѣ, выдающіяся изъ среды, личности, которыя во всякую минуту твердо стоятъ на почвѣ своихъ убѣжденій. Предѣлы, ограничивающіе дѣйствіе нашего разсказа, не составляютъ и года, если устранить оттуда вводную главу, посвященную исключительно дѣтству

и юности Александра Васильича. Ты согласишься, конечно, что въ такой короткій промежутокъ времени, даже и при самыхъ лучшихъ силахъ, едва-ли возможно сдѣлать многое, едва-ли успѣютъ онѣ развернуться настолько, чтобъ захватывать духъ у посторонняго зрителя. Дѣлая подобную оговорку, мы имѣли въ виду твое неотъемлемое право спросить насъ: а гдѣ же она, эта проповѣдуемая Свѣтловымъ практическая дѣятельность?

Да, дѣйствительно, ея какъ-будто не видно въ романѣ, какъ-будто даже и нѣтъ ея тамъ совсѣмъ. Однакожъ, когда ты соразмѣришь, читатель, ничтожныя средства отдѣльнаго честнаго человѣка съ цѣлымъ полчищемъ темныхъ силъ, на каждомъ шагу преграждающихъ ему мирное, цивилизующее шествіе; когда ты убѣдишься, что и въ названный нами короткій промежутокъ времени кое-что хорошее сдѣлано нашимъ героемъ,—тогда твое уже дѣло вывести отсюда, какова будетъ или какова можетъ быть его дальнѣйшая дорога. И мы не даемъ зарока, что ты опять когда-нибудь не встрѣтишься съ Свѣтловымъ—на болѣе широкой аренѣ дѣятельности.

А теперь, при разставаньи,—быть можетъ, на долгое время, другъ-читатель,—позволь, въ свою очередь, и автору спросить у тебя: да пришло ли у насъ еще, полно, то желанное время, когда дѣятельность личности, подобной Свѣтлову, можетъ быть всецѣло выведена передъ твоими глазами? Возблагодаримъ небеса и за то, если передъ тобой, какъ-бы еще въ утреннемъ туманѣ, уже скользитъ иногда ея далеко-неокрѣпшее начало. Мы не скажемъ, что у насъ невозможна подобная дѣятельность; но гдѣ—укажи намъ—та широкая общественная арена, на которой она могла бы показать свои дѣйствительныя силы, борясь открыто, лицомъ къ лицу, съ своими исконными врагами—тьмой и невѣжествомъ? Только еще въ далекой радужной перспективѣ носится передъ нами такая борьба... За неимѣніемъ ея, Свѣтловъ ведетъ иную: это борьба пролетарія въ подземныхъ каменноугольныхъ копяхъ,—борьба тяжелая и неблагодарная, иногда безнадежная, но чаще всего—опасная. Долго-ли обрушиться сводамъ этихъ извилистыхъ корридо-

ровъ, прорытыхъ въ земляныхъ глыбахъ? Долго-ли раздавить имъ упорнаго труженика, съ одной только киркой въ рукѣ неутомимо прокладывающаго въ этихъ грубыхъ пластахъ дорогу будущему торжеству идеи, на благоденствіе грядущихъ поколѣній?

Мы, однакожъ, утѣшимся: если Свѣтловъ и падетъ въ такой неравной борьбѣ, то на смѣну ему уже и теперь подрастаетъ другой, быть можетъ, столь-же неутомимый работникъ въ лицѣ Владимірки, даже, наконецъ, въ образѣ того русокудраго, прелестнаго мальчика съ черными бархатными глазами, который играетъ пока беззаботно на колѣняхъ Христины Казиміровны. Да, другъ-читатель! замѣна найдется, борьба не изсякнетъ... И намъ, разумѣется, приходится извиняться передъ тобой, что мы не осмѣлились изобразить тебѣ того, что лежитъ еще въ близкомъ будущемъ и не существуетъ пока въ дѣйствительности. Поживемъ, увидимъ,—тогда и опишемъ. Свѣтловыхъ еще много будетъ впереди...

КОНЕЦЪ.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
00023330362